Елена Блаватская

Новый Панарион

СОДЕРЖАНИЕ

Новый Панарион
Новый Панарион....4
ОТДЕЛ I
РЕЛИГИЯ МУДРОСТИ
ЧТО ТАКОЕ ТЕОСОФИЯ
КТО ТАКИЕ ТЕОСОФЫ?
ВЗГЛЯДЫ ТЕОСОФОВ
ТЕОСОФЫ И ИХ ОППОНЕНТЫ
БУДДИЗМ В АМЕРИКЕ
ИНДИЙСКИЕ МЕТАФИЗИКИ
ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ ДОГМАТОВ АРИЙСКИХ АРХАТОВ
РЕИНКАРНАЦИЯ В ТИБЕТЕ
ОТДЕЛ II
СВЯЩЕННАЯ НАУКА....36
МАГИЯ
ОККУЛЬТИЗМ ИЛИ МАГИЯ
ВЗГЛЯДЫ КАББАЛИСТОВ НА "ДУХОВ"
НАУКА МАГИИ
ПЯТИКОНЕЧНАЯ И ШЕСТИКОНЕЧНАЯ ЗВЕЗДА
КРЕСТ И ОГОНЬ
"УТВЕРЖДЕНИЯ ОККУЛЬТИЗМА"
НЕКОТОРЫЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ КАЖДОДНЕВНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ
ОТДЕЛ III
ПОСВЯЩЕНИЕ....71
ЧЕЛЫ
ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ЧЕЛЫ "МЕДИУМАМИ"?
ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЖЕЛАНИЕ ЖИТЬ ЭГОИСТИЧНЫМ?
МАХАТМЫ И ЧЕЛЫ
МОГУТ ЛИ МАХАТМЫ БЫТЬ ЭГОИСТИЧНЫМИ?
В ПОИСКАХ ОККУЛЬТИЗМА
ПРАКТИЧЕСКИЙ ОККУЛЬТИЗМ
ОТВЕТЫ НА НЕКОТОРЫЕ ПИСЬМА
ПРАКТИЧЕСКИЙ ОККУЛЬТИЗМ
ОККУЛЬТИЗМ ПРОТИВ ОККУЛЬТНЫХ ИСКУССТВ
СОВРЕМЕННЫЙ ПРОГРЕСС В ТЕОСОФИИ
ОТДЕЛ IV
РАЗОБЛАЧЕНИЕ СПИРИТУАЛИЗМА....14
ОТСУТСТВИЕ ЕДИНСТВА СРЕДИ СПИРИТУАЛИСТОВ
СПИРИТУАЛИЗМ И СПИРИТУАЛИСТЫ
СПОР ВОКРУГ ДЕЛА ХОЛМСОВ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МЕДИУМАМ
ФАКИРЫ И ЛЕТАЮЩИЕ СТОЛЫ
ЧТО ТАКОЕ ИНДУССКИЙ СПИРИТУАЛИЗМ?
ВОЙНА НА ОЛИМПЕ
СТОИТ ЛИ АРГУМЕНТИРОВАТЬ ДАЛЬШЕ?
СПИРИТУАЛИЗМ И ОККУЛЬТНАЯ ИСТИНА

ОТДЕЛ V
ТЕОСОФИЯ ПРОТИВ ДОГМАТИЗМА....139
ОТРИЦАТЕЛИ НАУКИ....
ВОЗРАЖЕНИЯ ДОКТОРУ БЭРДУ....
ГЕКСЛИ И СЛЕЙД....
ПРАЛАЙЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ....
ГИПНОТИЗМ....
ОТДЕЛ VI
ОККУЛЬТНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ....155
ТЕОРИЯ ЦИКЛОВ....
ФОКУС ИЛИ МАГИЯ?....
АХКУНД ИЗ СВАТА
Основатель многих мистических обществ....
ТОДДЫ....
ПЕРСИДСКИЙ ЗОРОАСТРИЗМ И РУССКИЙ ВАНДАЛИЗМ....
ДРЕВНОСТЬ ВЕД....
ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН....
ТЕРРА ИНКОГНИТА....
Приложение 1
Ночные видения....192
ОКОЛДОВАННАЯ ЖИЗНЬ
Рассказ гусиного пера....192
ВВЕДЕНИЕ....
I
РАССКАЗ НЕЗНАКОМЦА....
II
ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ....
III
ПСИХИЧЕСКАЯ МАГИЯ....
IV
УЖАСНЫЕ ВИДЕНИЯ....
V
ВОЗВРАЩЕНИЕ СОМНЕНИЙ....
VI
Я УЕЗЖАЮ, НО НЕ ОДИН....
VII
ВЕЧНОСТЬ В КОРОТКОМ СНОВИДЕНИИ....
VIII
ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ....
ПЕЩЕРА ДОЛГОГО ЭХА
Странная, но справедливая история....216
СВЕТЯЩИЙСЯ ЩИТ....221
ИЗ СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ
Рождественская история....225
ОЖИВШАЯ СКРИПКА....227
Приложение 2....241
МОИ КНИГИ....241
ДЕКЛАРАЦИЯ....246
Приложение 3....248
Фонд памяти Елены Петровны Блаватской....248

Новый Панарион

Название "Панарион" заимствовано из довольно противоречивого труда отца церкви Епифания, в котором он подверг критике секты и ереси, возникшие в первые четыре века существования христианства. Panarion был чем-то вроде аптечки, в которую Епифаний складывал лекарства, могущие исцелить от ядовитых укусов еретиков.

"Новый Панарион" ("A Modern Panarion") преследует ту же цель, что и "Panarion" святого отца, с той лишь разницей, что в 19 веке ересь во многих случаях превратилась в догмы правоверной церкви и наоборот, и "Панарион" Е.П.Б. имеет своей целью исправить ошибочные представления духовенства, догматиков и фанатиков, а также противостоять слепому отрицанию, которое мы встречаем в материализме и псевдо-науке.

Редакторы

ОТДЕЛ I
РЕЛИГИЯ МУДРОСТИ

Истина устремляется навстречу
лишь тому, кто ищет ее.

Миноций

ЧТО ТАКОЕ ТЕОСОФИЯ?

Этот вопрос задается столь часто, и превратные толкования распространяются столь широко, что с моей стороны было бы непростительно не начать с подробного разъяснения.

Согласно лексикографам, термин теософия состоит из двух греческих слов: теос – "бог" и софия – "мудрость". До этого момента все верно. Но последующее объяснение очень далеко от того, чтобы прояснить идею теософии. Вебстер довольно оригинально определяет ее так:

> «Поддержание общения с Богом и высшими духами и сознательное достижение сверхчеловеческого знания путем физических процессов, как добивались того через теургические действа некоторые древние платонисты или химическими процессами немецкие философы огня».

Это довольно легкомысленное и, мягко говоря, неуважительное объяснение. То, что м-р Вебстер связывает такие имена, как Аммоний Сакс, Плотин, Ямвлих, Порфирий, Прокл, с подобной идеей, показывает либо сознательное искажение, либо незнание им философии и побуждений великих гениев Александрийской Школы. Относить намерение развить свои психологические, духовные чувства посредством "физических процессов" к тем, кого как современники, так и потомки называли – "Теодидактои" – богом ученые, – значит говорить о них как о материалистах. Что же касается последнего камня, брошенного в философов огня, то он отскакивает от них и попадает в наших знаменитейших современных ученых, в уста которых "Review James Martineau" вкладывает следующее бахвальство: "Материя – вот все, что нам нужно; дайте нам атомы, и мы объясним всю вселенную".

Вауган предлагает гораздо лучшее, более философское определение. Он говорит:

> «Теософ – это тот, кто дает вам теорию Бога или действий Бога, который не давал откровений, но вдыхал в себя свои основы».

Таким образом, каждый мыслитель и философ, в особенности же каждый основатель новой религии, философской школы или секты, уже был теософом. Следовательно, теософия и теософы существовали с той самой поры, когда первый проблеск нарождающейся мысли заставил человека искать средство выражения своего собственного, независимого мнения.

Несмотря на то, что христианские писатели исчисляют развитие эклектической теософской системы с начала третьего века христианской эры, теософы существовали и до нее. Диоген Лаэртский прослеживает существование теософии от эпохи династии Птолемеев и называет ее основателем египетского иерофанта Пот-Амона. Это коптское имя, и означает оно священника Бога Амона – Бога Мудрости. История же показывает возрождение ее Аммонием Саксом, основателем Неоплатонической школы. Он и его ученики называли себя "филалеты" – поклонники истины. В народе же, за их метод интерпретации всех священных легенд, символических мифов и тайн посредством аналогии или соответствия так, что события, произошедшие во внешнем мире воспринимались как выражающие действия и впечатления человеческой души, их называли "апологистами". Целью Аммония Сакса было примирение всех сект, людей и наций под одной верой – верой в Высшего Предвечного, Непознаваемую и Невыразимую Силу, правящую во вселенной незыблемыми вечными законами. Он хотел показать, что основная система теософии первоначально во всех странах была в своих фундаментальных положениях единой; он хотел убедить человечество отложить споры и распри и объединиться в мыслях и намерениях, подобно детям общей матери; хотел очистить древние религии от шлака субъективного элемента, объединяя и объясняя их на основе чисто философских принципов. Следовательно, наряду со всеми философами Греции, в Эклектической теософской школе изучались также и буддизм, и веданта, и магизм или зороастризм. Отсюда и проявление среди александрийских теософов таких, характерных преимущественно для буддистов и индусов, особенностей, как почитание родителей и пожилых людей, братская любовь ко всему человечеству, сострадание даже к бессловесным животным. Он все время старался установить систему моральной дисциплины; которая вызвала бы у людей устремление жить по законам своих стран, возвысить, пробудить их разум созерцанием и изучением Абсолютной Истины; главной его целью, для того, чтобы достучаться до сердец всех людей, было, как он верил, извлечение из различных учений, как из многострунного инструмента, одной всеобъемлющей мелодии, которая нашла бы отклик во всех преданных истине сердцах. Значит, теософия – это древняя Мудрость-Религия, эзотерическая доктрина, которая когда-то была известна во всех, претендующих на цивилизованность, странах. Все писатели тех времен изображают эту "Мудрость" как эманацию божественного Принципа, и ясное понимание этого отражено в таких именах, как индийское Будх, вавилонский Набу, Тот Мемфиса и Геркулес Греции, а также в именах богинь – Метис, Нейт, Атена, гностическая София и, к тому же, Веды, чье имя произошло от слова "знать". Это же определение относится и ко всем античным философам Востока и Запада, иерофантам древнего Египта, риши ариаварта, теодиактоям Греции, получившим знание оккультных и божественных тайн. Таким образом, "Меркавах" европейских раввинов, популярная мирская серия, является средством достижения, внешней оболочкой, содержащей высшее эзотерическое знание. Маги Зороастра получали инструкции и посвящения в пещерах и тайных ложах Бактрии; египетские и греческие иерофанты произносили свои апорхета, или тайные формулы, и Мисты становились эпоптами – пророками.

Центральной идеей эклектической теософии была единая Высшая Сущность, Незнаемая и Непознаваемая, ибо, как вопрошает "Брихадараньяка Упанишада": "Как можно познать того, кто творит знание?". Ее система характеризуется тремя определенными разделами: теорией вышеупомянутой Сущности, и ее теургии. Именно эта последняя наука и послужила причиной столь искаженных представлений о неоплатонистах в наш век материалистической науки. По существу, теургия – это искусство применения божественных возможностей человека для подчинения слепых сил природы; сначала представителей этой науки называли магиками – что является искажением слова "маг", обозначающего мудрого или ученого человека – и затем осмеяли. Скептики прошлых лет допустили бы невероятную промашку, насмехаясь над идеей фонографа и телеграфа. Те, кого одно поколение осмеивало и называло "неверными", следующее, как правило, почитало мудрецами и святыми.

В Божественную Сущность и природу души и духа современные теософы верят также, как и древние. Диу ариев идентичен Иао халдеев и даже Юпитеру менее образованной и философской части римлян; и точно также он идентичен Яхве самаритян, Тиу или "Тиуско" норманов, Дуву бриттов и Зевсу фракийцев. Что же касается Абсолютной Сущности, Единой и Вездесущей, то, возьмем ли мы для рассмотрения этого понятия учение

греков-пифагорейцев, халдейскую каббалу или философию ариев, – результат будет один и тот же. Первичная Монада в системе Пифагора, которая растворяется в темноте и которая и есть сама Темнота (для человеческого сознания), была положена в основу всех вещей; и эту идею, во всей ее целостности, мы можем встретить в философских системах Лейбница и Спинозы. Следовательно, соглашается ли теософ с каббалой, которая, говоря о Эйн Софе, вопрошает: "кто же тогда может осознать Его, если Он Бесформенный и Несуществующий?"; повторяет ли он величественный гимн из "Ригведы" (книга X. гимн 129):

Кто знает, откуда берет начало это
великое творение?
Создала ли Его воля, или она бездействовала?
Он знает это – а может быть, не знает даже Он.

принимает ли ведантическую концепцию Брахмы, который представляется в "Упанишадах" как "не имеющий жизни, не имеющий разума, чистый, бессознательный, ибо Брахма – это "Абсолютное Сознание"; или, в конце концов, разделяя веру свабхавиков Непала, он утверждает, что не существует ничего, кроме "свабхавы" (субстанции природы), которая существует сама по себе и не имеет никакого Творца – любая из этих концепций может привести его лишь к чистой абсолютной теософии, которая побуждала таких людей, как Гегель, Фихте, Спиноза, продолжить труд греческих философов и разъяснять Единую Субстанцию, Божество, Всебожественное, произошедшее от Божественной Мудрости, неизвестное, непознаваемое и невыразимое, на основе всех древних и современных религий, кроме христианства, и магометанства. Каждый теософ, придерживающийся теории Божества, "который не давал откровений, но вдыхал в себя свои основы", может воспринять любое из вышеперечисленных определений или принадлежать к любой из этих религий и, тем не менее, оставаться в пределах теософии, ибо она является верой в Божество, которое есть ВСЁ, которое является источником существования, беспредельностью, которая не может быть понята и осознана, вселенной, которая одна лишь представляет ЭТО или ЕГО, как предпочитают говорить некоторые, тем самым наделяя это полом, антропоморфизируя, что является богохульством. Истинные теософы сторонятся грубых материализацией; они предпочитают веру, что, вечно оставаясь в себе, Дух Бога ничего не желал и ничего не творил. Но то, что бесконечно, озаряя все, исходит от Великого Центра; то, что создает все видимое и невидимое – это Луч, несущий в себе творящие и зарождающие силы; луч, который в свою очередь создал то, что греки называли Макрокосмос, каббалистский Тиккун, или Адам Кадмон – первичного человека, арийского Пурушу, проявленного Браму, или Божественного Мужа. Теософы верят также и в анастазис, или продолжение существования и в переселение (эволюцию), серию изменений души, который может быть защищен от нападок и объяснен на строгих философских принципах, но только нужно установить различие между ведантическими параатма (трансцедентальной, высшей душой) и дживатма (животной, сознательной душой).

Для полного определения теософии мы должны рассмотреть ее во всех ее аспектах. Внутренний мир не скрыт от нас непроницаемой тьмой. Во все века и во всех странах существовали люди, которые с помощью высшей интуиции, даваемой теософией, или богопознанием, ощущали вещи мира внутреннего, невидимого. Следовательно, "самадхи", или Дхиан Иог Самадхи, индийских аскетов; "диамонионфотизма", или духовное просвещение, неоплатоников; "звездные беседы души" розенкрейцеров, или философов огня; и даже экстатический транс мистиков и современных гипнотизеров и спиритуалистов – хотя и различны по выражению, едины по сути. Поиски человеческого божественного "я", столь часто интерпретируемые как личное общение с персональным Богом, занимали всех мистиков, и, похоже, что вера в его существование – ровесница человечеству. Но каждый человек называет это по-своему. Так, то, что Платон и Плотин называли "умственной работой", Иогин и Шротрия именуют – Видья.

«Размышлением, самопознанием и дисциплиной мысли душа может быть поднята до видения вечной истины, добра и красоты – видения Бога – это и есть эпоптиа», – говорят греки. Порфирий же добавляет к этому следующее:

«Для объединения души со Вселенской Душой необходим совершенно чистый разум. Через самосозерцание, целомудрие и очищение тела мы можем приблизиться к Ней и получить, еще в этом состоянии, знания и прекрасную проницательность».

Свами Даянанд Сарасвати, не читавший ни Порфирия, ни других греческих писателей, но в совершенстве изучивший Веды, в своей "Веда Бхашья" пишет:

«Для достижения дикша (высшего посвящения) и йоги необходимо руководствоваться правилами... Познавая Вселенский Дух (или Бога), все многообразие вселенной и качества (оккультные) вещей, душа в человеческом теле может творить величайшие чудеса. Такой человек (дикшита, или посвященный) может достичь способности слышать и видеть на огромном расстоянии».

В завершение к этому мы процитируем слова Альфреда Р. Уолласа, члена Королевского общества, спиритуалиста и признанного натуралиста, смело и откровенно заявляющего следующее:

«Чувствует, ощущает, думает один лишь дух – это он достигает познания, размышляет и устремляется... Очень редко встречаются люди с такой организацией, что их дух может ощущать независимо от телесных органов чувств или может, частично или полностью, покинуть на время свое тело и вернуться в него вновь... дух... сообщается с духом легче, чем с материей».

Теперь мы можем видеть, как, минуя тысячелетия, эра гимнософистов[1] вмешалась в наш высокоцивилизованный век, несмотря на просвещение, а может быть, именно благодаря просвещению, пролившему свой сияющий свет как на физическую, так и на психологическую область естества. Около двадцати миллионов людей верят сегодня, в различных формах, в те же самые духовные возможности, в которые верили йоги и пифагорейцы около 3000 лет назад. Как арийские мистики заявляли о своей способности решать все проблемы жизни, когда они достигали возможности действовать независимо от тела, через атма – "я" или "душу"; как древние греки искали атме – Сокрытого, или Бога-Душу человека, пользуясь символическим зеркалом Тесмофорианских мистерий, так и современные спиритуалисты верят в способность духов, или душ развоплощенных людей, сообщаться, видимо и ощутимо, с теми, кого они любили при земной жизни. И все они – арийские йоги, греческие философы и современные спиритуалисты – утверждают эту возможность на том основании, что воплощенная душа и ее никогда не воплощающийся дух – реальное "я" – вовсе не отделены ни от Вселенской Души, ни от других духов пространством, но единственно лишь различием их качеств; ведь беспредельное проникновение вселенной не может быть ограничено. И если это различие преодолено – абстрактным ли созерцанием, дающим временную свободу заточенной в теле душе, как понимали это греки и арийцы, или же, согласно представлениям спиритуалистов, медиумизмом – такое объединение воплощенного и развоплощенного духов действительно становится возможным. Именно это и происходило с йогами Патанджали и следовавшими по их стопам Плотином, Порфирием и другими неоплатониками, утверждавшими, что иногда, во время их жизни, в часы экстаза, они соединялись, или вернее становились одним целым, с Богом. Также было, да и есть, немало философов, требующих оставить эту смешную идею, какой она может показаться в приложении к Вселенскому Духу, как совершенную химеру. Единственным оспариваемым местом, темным пятном в философии экстремального мистицизма у теодидактов было их требование поставить видение экстаза выше чувственных ощущений. В случае же йогов, утверждавших, что они способны видеть Ишвару "лицом к лицу", это их утверждение было ниспровергнуто строгой логикой Капилы. Что же касается такого же предположения, сделанного относительно греческих последователей, множества последователей христианства, обладавших способностью впадать в экстаз и, в конце концов, для последних двух претендентов на "боговидение" нашего столетия – Якоба Бёме и Сведенборга – то эта претензия могла бы и должна бы быть логически и философски подвергнута сомнению, если нескольких наших знаменитых ученых, являющихся

[1] Реальность возможностей йоги подтверждена множеством греческих и римских писателей, называвших йогов индийскими гимнософистами; среди них можно назвать такие имена, как Страбон, Лукиан, Плутарх, Цицерон, Плиний и т.д.

спиритуалистами, более интересует философия, нежели чистый феноменализм спиритуализма.

Александрийские теософы подразделялись на неофитов, посвященных и учителей, или иерофантов; они заимствовали свои принципы от античных мистерий Орфея, который, как пишет Геродот, привез их из Индии. Аммоний брал со своих учеников клятву не разглашать высшие доктрины никому, кроме тех, кто был достоин того и посвящен, кто умел уважать богов, ангелов и демонов других людей, согласно эзотерической гипония, или скрытому значению. Эпикур замечает следующее:

> «Боги существуют, но они не являются тем, как их понимают хои поллои, необразованные массы. Он не атеист, отрицающий существование богов, которым поклоняются толпы, но он тот, кто устремляет мысли масс к этим богам».

По-своему, Аристотель выражает это так:

> «Божественная Сущность пронизывает собой всю природу, иными словами, бог просто является первичным принципом».

Плотин, ученик "богом ученого" Аммония, говорит, что тайный гнозис, или познание теософии, имеет три степени – убеждение, изучение и просвещение.

> «Средствами или инструментами первой являются чувства или ощущения; у второй – диалектика; у третьей – интуиция. На последней ступени рассудок находится в подчиненном положении; это абсолютное познание, основанное на слиянии сознания с объектом изучения».

Теософия – это, так сказать, точная наука психологии; она находится в таком же отношении к естественному, некультивированному медиумизму, как познания в физике Тиндаля и школьника.

Она развивает в человеке непосредственное созерцание – то, что Шеллинг назвал "реализацией отождествления объекта и субъекта в личности"; под воздействием знания хипонои человек воспринимает божественные мысли и вещи так, как они есть на самом деле и, в завершении, "становится приемником Души Мира", как прекрасно выразился Эмерсон. "Я, несовершенство, поклоняюсь своему собственному совершенству", – говорит он в своем прекрасном эссе о Высшей Душе. Кроме этого психологического, душевного фактора, теософия культивирует все разделы науки и искусства. Она очень хорошо знакома с тем, что широко известно как гипноз. Теософы отвергают практическую теургию или "ритуальную магию", к которой прибегают римские католические священники для изгнания злых духов. Когда человек не знает истинного значения эзотерических божественных символов, он может не рассчитать силы своей души и, вместо духовного и мысленного контакта с высшими небесными сущностями, добрыми духами (богами теургов школы Платона), он, не сознавая того, призовет таящиеся вокруг человечества злые, темные силы – неумирающие злобные порождения человеческих преступлений и пороков – и так от теургии (белой магии) докатиться до гоэтии (черной магии, колдовства). Конечно, ни белая, ни черная магии не являются на самом деле тем, что понимает под этими словами общественное суеверие. Думать, что существует возможность "поднятия духа", согласно определению Соломона, – верх суеверия и невежества. Единственно чистота наших действий и мыслей поднимает нас до общения с "богами" и приближает к желанной цели. Алхимия, воспринимаемая многими как духовная философия, также, как и физическая наука, принадлежит к учениям теософской школы.

Нужно отметить тот факт, что ни Зороастр, ни Будда, ни Орфей, ни Пифагор, ни Конфуций, ни Сократ, ни Аммоний Сакс ничего не записывали. Причина тому понятна. Теософия – это оружие, заостренное с двух сторон и непригодное для эгоистов и невежд. Как и у всех древних философий, у нее есть жрецы и в наши дни; но с самых древних времен и поныне последователи ее немногочисленны, и принадлежат они к самым различным сектам и взглядам.

"Чисто умозрительная, не создающая никаких школ, она до сих пор оказывает молчаливое влияние на философию, и, несомненно, когда придет время, эти безмолвно выдвинутые идеи могут дать даже новое направление человеческой мысли", – замечает м-р Кеннет Р. Х. Маккензи, сам мистик и теософ, в огромном и замечательном труде "Королевской масонской энциклопедии".

Со времен философов огня они никогда не объединялись в общества и были известны как теософы лишь немногим равным, ибо христианские священники выслеживали их как диких зверей, и смерть им была определена заранее. Статистика показывает, что за период в 150 лет, по обвинению в колдовстве, в Европе было сожжено более 90000 мужчин и женщин. Только в Великобритании с 1640 по 1660, за двадцать лет, за договор с "Дьяволом" было предано смерти 3000 человек. И лишь в конце нашего века – в 1875 году – несколько прогрессивных мистиков и спиритуалистов, неудовлетворенных теорией и объяснениями спиритизма, посвятив себя служению ему и обнаружив, что они далеки от того, чтобы охватить всю область феноменов, организовали в Нью-Йорке, в Америке, ассоциацию, широко известную ныне как Теософское общество. Объяснив теперь, что такое теософия, мы разъясним в отдельной статье, сущность нашего Общества, которое еще называется "Всеобщим Братством Людей".

КТО ТАКИЕ ТЕОСОФЫ?

Являются ли они на самом деле теми, кем они себя называют – исследователями естественных законов, древних и современных философий и даже точной науки? Кто они – деисты, атеисты, социалисты, материалисты или идеалисты? Или они лишь раскольники современного спиритуализма – простые мечтатели. Достойны ли они того, чтобы им уделяли внимание как людям, способным вести дискуссии на философские темы и способствовать продвижению истинной науки, или же они заслуживают лишь сострадательной терпимости, какую оказывают "безобидным энтузиастам"? В каких только грехах не подозревают Теософское общество: его обвиняют в вере в "чудеса" и "чудотворство"; в тайных политических намерениях – как карбонариев; в том, что они шпионы самодержавного царя; в проповеди доктрин социалистов и нигилистов; и, mirabile dictu [странно сказать], в тайном соглашении с французскими иезуитами расколоть спиритуализм за некоторое денежное вознаграждение! С той же поспешностью американские позитивисты ругают их как мечтателей, нью-йоркская пресса – как фетишистов; спиритуалисты – как возродителей "заплесневелых суеверий"; христианская церковь – как атеистов, посланников дьявола; проф. В.Б.Карпентер, член Королевского общества, – как наитипичнейших "шарлатанов"; и, в добавок ко всему, что самое абсурдное, некоторые индийские оппоненты, дабы поуменьшить их влияние, обвиняют их в призывании демонов для проявления определенных феноменов. Но вне этого чада осуждений в глаза бросается следующий факт – Общество, его члены и его мнения имеют общепризнанное значение, раз о них рассуждают и ругают их: человек клевещет только на того, кого он ненавидит или кого он боится. Но если у Общества есть враги и хулители, то у него есть и друзья, и защитники. Начавшись с группы около дюжины серьезно настроенных мужчин и женщин, уже через месяц оно разрослось настолько, что для собраний его членов пришлось нанять общественный зал; в течение двух лет у него уже появились действующие отделения в странах Европы. Чуть позже был заключен союз с индийским Арья Самадж, возглавляемым ученым пандитом Даянандом Сарасвати Свами, и с цейлонскими буддистами, руководимыми Г.Сумангала, Верховным Священником "Адамс Пик", образованным человеком, президентом Видиодайя Колледжа в Коломбо.

Тот, кто хочет серьезно вникнуть в психологическую науку, должен отправиться в священную землю древней Ариаварта. Нет старше ее в эзотерической мудрости и цивилизации, хотя ее жалкая тень – современная Индия – заметно опустилась. Воспринимая эту страну как плодородную ниву, на которой зародились все последующие философские системы, несколько членов нашего Общества отправились к этому источнику всех психологий и философий изучать его древнюю мудрость и просить поделиться его таинственными секретами. Филология в последнее время тоже сделала большой шаг вперед в поисках доказательств первородности национальности Ариаварта. Необоснованная, построенная на предубеждениях гипотеза современной хронологии не учитывает мысли текущего момента, и она растворится во времени, как и многие другие бездоказательные теории. Линия философской преемственности, от Капилы через Эпикура к Джеймсу Миллю, от Патанджали через Плотина к Якобу Бёме, может быть прослежена также легко, как русло реки в ландшафте. Одной из целей организации Общества была проверка крайне трансцендентальных взглядов спиритуалистов на возможности развоплощенных духов; и

если раньше мы говорили им, что некоторые из их феноменов, по крайней мере по нашему мнению, не существуют, то теперь нам надлежит показывать, что они действительно есть. То, что это есть на Востоке, особенно же в Индии, столь очевидно, что ключ к якобы "сверхъестественным" феноменам спиритуалистов должен быть найден непременно; об этом уже недавно писалось в аллахабадском "Пионере" (11 авг. 1879), англо-индийском ежедневном журнале, имеющем репутацию издания, не пишущего о вещах незначительных. Порицая представителей науки, которые, "...увлекшись физическими открытиями, в продолжение нескольких поколений склонны были пренебрегать сверхфизическими исследованиями", он отмечает "новую волну сомнений" (спиритуализм), "окончательно разрушившую это убеждение". Обращаясь к огромному числу своих читателей, среди которых много очень культурных и интеллигентных людей, он добавляет следующее: "сверхъестественное вновь утвердило себя в качестве объекта, пригодного для рассмотрения и исследования. И существует несколько правдоподобных гипотез, подтверждающих идею, что среди "мудрецов" Востока... кем бы они ни были, те характерные особенности, которые являются необходимыми качествами, предшествующими проявлению оккультных феноменов, можно встретить гораздо чаще, и развитыми в большей степени, нежели среди самых передовых обитателей Запада". И затем, не зная, что то дело, которое он защищает, является одной из главных целей Общества, автор редакционной статьи замечает, что "это единственное направление, в котором, как нам кажется, усилия теософов могут быть полезны. Ведущие члены Теософского общества известны в Индии как уже довольно продвинутые в плане изучения оккультных феноменов люди, и мы можем надеяться, что их интерес к восточной философии, может включать и скрытое намерение выполнения исследований в этой области, о которой мы здесь говорили".

Что ж, одно наше намерение отмечено, но это только одно из многих; главное же среди них – возрождение дела Аммония Сакса и напоминание всем нациям, что все они дети "одной матери". Что же касается трансцендентальной стороны теософии, то и этот вопрос Теософскому обществу давно пора уже разъяснить. Насколько же Общество согласно с естествоиспытательной, богоискательной наукой древних арийских и греческих мистов и возможностями современного спиритуалистического медиумизма? Полностью – будет наш ответ. Но если спросить, во что же оно верит, ответ будет: "Как единое целое – ни во что". Общество, как целое, не имеет веры, так как вера – это лишь оболочка, окружающая духовное знание; теософия же в своем воплощении и есть само духовное знание – сама сущность философских и теистических вопросов. Являясь представителем теософии, оно подвержено сектантству не более, нежели Географическое общество, представляющее универсальное географическое исследование и не заботящееся о том, принадлежат ли исследователи к той или иной вере. Религия Общества – это алгебраическое уравнение, в котором, пока знак равенства не поставлен, каждый член имеет право заменить часть ее на свою, более согласующуюся с климатическими и другими особенностями его родины, с характерными чертами своих соотечественников или своими собственными. Не принимая никакой веры, наше Общество всегда готово давать и брать, учиться и учить на основе практических экспериментов как противопоставления совершенно пассивному и легковерному принятию насильственных догм. Оно готово принять все достижения и выводы предшествующих школ и систем, которые могут быть логически и экспериментально доказаны. Обратно, оно не может принять ни чистой веры, ни чистой материи, выдвигающих свои притязания.

Но когда речь идет о рассмотрении нашей индивидуальности, то здесь уже иное. Члены Общества представляют собой все многообразие национальностей и рас, они родились и получили образование в различнейших социальных условиях и религиях. Некоторые из них верят в одно, другие же – в другое. Некоторые предпочитают древнюю магию, или тайную мудрость, преподававшуюся в храмах, которая является противопоставлением сверхнатурализму и сатанизму; другие – современный спиритуализм, или общение с духами умерших; еще часть верит в гипнотизм, или животный магнетизм, или же только в оккультные динамические силы в природе. Некоторая часть не пришла к определенной вере, но находится в состоянии внимательного ожидания, и среди них те, кто называют себя, в некотором смысле материалистами. Атеистов и предубежденных сектантов в нашем Обществе не имеется, т.к. сам факт принятия человеком подобного мировоззрения

показывает, что в конечной сущности вещей он ищет окончательную, ограниченную истину. Например, последовательность спекулятивного атеизма, который может быть опровергнут философами, отвергал бы и причину и следствие как в мире материи, так и в мире духа. Членами могут быть те, кто, подобно поэту Шелли, направил свое воображение парить от причины к причине, порождающей ее, и так ad infinitum [в беспредельности], пока Вечное не превратится в чистый туман, ибо каждая из них, в свою очередь, логически преобразуется в результат, вызывающий необходимость существования высшей причины. Отождествляют ли они материальные силы вселенной с теми функциями, которые наделяют своего Бога теисты, или наоборот, в любом случае, в смысле умозрительном, атеистами они не являются; ибо, если они не могут освободиться от концепции абстрактных идеалов силы, причины, обусловленности и результата, как атеисты они могут быть рассматриваемы лишь в отношении личного бога, но не Вселенской Души пантеистов. С другой стороны, предубежденные сектанты, огородившиеся верой, как забором, на каждом шесте которого висит предупреждающая надпись "Прохода нет", не могут выйти из своего загона для того, чтобы присоединиться к Теософскому обществу, да и в нем нет места тем, кому его религия запрещает изучение и проверку. Сама суть идеи Общества состоит в свободном и бесстрашном исследовании.

Теософское общество считает, что все истинные мыслители и исследователи сокрытой стороны природы, будь они материалистами – теми, кто нашел в материи "задаток и потенциальную возможность земной жизни", или же спиритуалистами – открывшими источник всей энергии, а также и материи, в духе – все они были и есть, несомненно, теософы. Ибо, чтобы быть ими, вовсе не нужно признавать существование какого-либо специального бога или божества. Необходимо лишь поклоняться духу живой природы и стараться соединить себя с ним. Необходимо почитать это Присутствие, невидимую Причину, из вечности проявляющую себя в непрерывных следствиях; этот неощутимый, всемогущий и вездесущий Протей, неделимый в своей Сущности, избегающий формы и, все же, проявляющийся в каждой и всякой форме; Присутствие, которое есть здесь и есть там, везде и нигде; которое есть ВСЕ и НИЧТО; повсеместное и, все же, одно; которое есть Эссенция, наполняющая, связывающая, ограничивающая, содержащая все; Присутствие, содержащееся во всем. Теперь, мы надеемся, будет понятно, что хотя таких людей и разделяют на теистов, пантеистов, атеистов, в остальном же они очень близки друг к другу. Он может быть кем он хочет, но если он в своих исследованиях отвергает старый, протоптанный, рутинный путь, если он воспринимает хотя бы малую часть независимой, направляющей к Богу мысли – он теософ, искатель вечной истины, "вдохнувшей себя", для решения всеобщих проблем.

Тому, кто, следуя своим путем, серьезно ищет познания Божественной Первопричины, отношения человека к ней и ее естественных проявлений – тому теософия союзница. Союзница она также и честной, несхожей с многими другими, слывущими за точные, физической науке, пока последняя не вторгается в область психологии и метафизики.

Кроме того, она союзница каждой честной религии – т.е. такой религии, которая согласна, чтобы ее судили также, как она судит других. Те книги, которые содержат большинство самоочевидных истин, для нее – вдохновения (но не откровения). Так как каждая из книг содержит в себе человеческий элемент, то она относится уважительно ко всем им, как к меньшим братьям Книги Природы. И врожденные способности души читать и верно воспринимать последнюю должны быть постоянно развиваемы. Идеальные законы можно осознать только интуитивно; они не подвластны аргументации и диалектике, и никто не может понять или верно воспринять их через объяснения другого разума, пусть даже и претендующего на ясное откровение. И если Общество, имеющее широчайший кругозор в области чисто идеальной, не менее убежденно принимает и сферу фактов, то его уважительное отношение к современной науке и ее представителям искренно. Несмотря на недостаточность их высшей духовности интуиции, мир в огромном долгу перед представителями современной науки, и Общество сердечно присоединяется к замечательному, негодующему протесту одаренного и красноречивого проповедника, Преп. О.Б.Фрасинхама, высказанному против тех, кто старается принизить значение трудов наших великих натуралистов. "Говоря о науке как о нерелигиозной, атеистичной, – утверждает он в

своей недавней лекции, прочитанной в Нью-Йорке, – мы должны сказать, что наука создала новую идею Бога. Именно благодаря науке мы имеем все концепции живого Бога. Если под воздействием умопомешательства мы не стали в эти дни атеистами, то это тоже благодаря науке, пробудившей нас от безобразных иллюзий, дразнивших наше воображение и стеснявших нас, и поставившей нас на путь познания причин всего, что мы видим..."

Также и тем, что Общество, как целое, чувствует одинаковое благоговение перед Ведами, буддизмом, зороастризмом и другими древними религиями мира и питает одинаково братские чувства к индуистам, сингальцам, парсам, джайнистам, евреям, христианам, входящим в него, оно во многом обязано непредубежденным трудам таких востоковедов, как сэр В. Джойкес, Макс Мюллер, Бурноуф, Колебрук, Хауд, Св. Хилаир и многим другим.

Родившись в Соединенных Штатах Америки, Общество было организовано по образцу и подобию его родины. Последняя, опуская имя Бога в своей конституции, дабы не создать повода к установлению государственной религии, дает в своих законах абсолютное равенство всем религиям. Все они поддерживают государство, и каждая в свою очередь защищается им. Общество, созданное по типу такой конституции, по справедливости может быть названо "Республикой Сознания".

Теперь, мы думаем, мы пояснили, почему члены Общества, как личности, свободны в выборе любой религии, какая им более подходит. При условии, конечно же, что они не станут выказывать претензий, что лишь они одни обладают привилегией сознания, и не станут навязывать своего мнения другим. В этом плане правила Общества очень строгие. Оно старается следовать мудрости древней буддийской аксиомы: "Почитай свою религию, и не клевещи на религию других", эхом отозвавшуюся в наше время в "Декларации Принципов" "Брахмо Самадж", столь благородно утверждающей, что "ни одна секта не должна быть осмеяна, оклеветана или презираема". Пунктом VI в Пересмотренных Правилах Теософского общества, одобренных недавно Генеральным Советом в Бомбее, стоит следующее:

> «Никто из руководителей Общества не имеет права выражать (словом или действием) враждебности или предпочтения никакой секции (сектантскому отделению или группе в Обществе) по сравнению с другими. Все они имеют равное право на свои характерные особенности и право представить их на суд беспристрастного мира».

В некоторых случаях, отражая нападение, члены Общества могут нарушить это правило, но, тем не менее, как представители его, они сдержаны, и правило это строго соблюдается во время собраний. Ибо все эти секты, в их абстрактном смысле, оказываются теософией, которая гораздо шире того, что каждая из них заключает в себе, и которая легко может уместить все их в себе.

В заключение мы можем добавить, что, имея более широкие и более свободные взгляды, чем все существующие чисто научные Общества, оно обладает, в добавление к научности, верой в возможность всего; и оно определенно проникает в ту непознанную сферу духа, о которой, как заявляет точная наука, ее представители вовсе не обязаны давать каких-либо объяснений. И еще, оно обладает одним преимуществом перед всеми религиями – оно не делает никакого различия между язычеством, иудаизмом или христианством. Именно в духе этого равенства и было установлено, как Всеобщее Братство, наше Общество.

Не интересуясь ни политикой, ни всяческими политическими организациями, Общество мало заботится о внешних стараниях человека в мире материальном. Все устремления направлены к оккультным истинам видимого и невидимого миров. Является ли физический человек подданным империи или гражданином республики, это представляет интерес лишь для человека материального. Его тело может быть порабощено, что же касается его души, он может дать своим правителям такой же гордый ответ, как Сократ дал своим судьям. Над человеком внутренним они не имеют никакой власти.

Таково Теософское общество, таковы его принципы, его многообразные цели и намерения. Стремись мы к чудотворству, основанному на недопонимании основной массы народа, легко приобретенные враги непременно нашли бы способ принизить его значение в глазах публики. Истинные исследователи всегда были затворниками – людьми, предпочитающими тишину и размышление. Их привычки и их занятия имеют так мало общего с суетным миром, что, когда они заняты познаванием, их враги и клеветники имеют

множество удобнейших случаев остаться безнаказанными. Но время все ставит на свои места, и ложь преходяща. Вечна же одна лишь истина.

О нескольких членах нашего Общества, сделавших великие научные открытия, и о других, которым физиологи и биологи многим обязаны за тот новый свет, который они пролили на внутреннего человека, мы расскажем в следующий раз. Сейчас наша цель доказать читателю, что теософия не является ни "новомодной доктриной", ни политической кликой, ни одним из тех сообществ энтузиастов, которые рождаются сегодня, чтобы завтра уже умереть. То, что не все его члены мыслят одинаково, доказывает тот факт, что Общество имеет два больших отделения – восточное и западное – последнее из которых разделяется еще на множество сект в соответствии с расовыми и религиозными взглядами. Мысль одного человека, бесконечно разнообразная в своих проявлениях, не может охватить все. Отвергнув повсеместность, он вынужден размышлять лишь в одном направлении, и перейдя однажды границы точного человеческого знания, он теряется, ибо разветвления одной центральной и абсолютной Истины безграничны. Так, мы можем видеть иногда даже великих философов, теряющих себя в лабиринтах рассуждений и вызывающих тем самым критицизм потомков. Но как работающие на одну и ту же цель, именуемую освобождением человеческой мысли, изгнанием предрассудков и открытием истины, все они равно приветствуются. Все согласны, что приближение этой цели лучше всего гарантируется убеждением умов и подогревом энтузиазма поколения свободных молодых сознаний, которые расцветают в зрелости и готовятся занять место своих предубежденных, консервативных отцов. Мы прислушиваемся к мнению каждого – как великого, так и малого – проторившего свою дорогу к знанию, и мы принимаем и малого и великого в наше Общество. Ибо никто из честных исследователей не приходит с пустыми руками, и даже непризнанные публикой могут внести свою лепту на единый алтарь Истины.

ВЗГЛЯДЫ ТЕОСОФОВ

Позвольте теософу, активно выступающему на страницах различных периодических изданий, сказать несколько слов в защиту наших убеждений. Недавно в одном журнале мы прочитали очень смелое утверждение м-ра Кроушера:

> Если бы теософы до конца разобрались в природе души и духа, они поняли бы, что если душа отходит однажды, то она отходит навеки.

Это заявление столь туманно и двусмысленно, что если он не подразумевает под термином "душа" жизненную основу, то я могу только предположить, что он впадает в очень распространенную ошибку, называя астральное тело, дух и бессмертную сущность "душой". Мы, теософы, как уже высказывался полковник Олькотт, смотрим на этот вопрос иначе.

Кроме необоснованного обвинения нас в невежестве, м-р Кроушер выражает идею, что проблема, занимавшая умы метафизиков всех веков, в наше время уже решена. Трудно представить, чтобы теософы или еще кто-нибудь "до конца" проникли в природу души и духа и их взаимосвязи с телом. Такими знаниями обладает лишь Всезнающий, мы же, теософы, лишь продолжаем прокладывать тропу, начатую ступнями древних Мудрецов в зыбучих песках экзотерической философии. Мы можем только надеяться приблизиться к истине. Более чем сомнительно, чтобы м-р Кроушер достиг большего, пусть даже он и "вдохновленный медиум", "перенявший опыт лучших медиумов" вашей страны. Предоставим времени и спиритической философии разрешить наш спор. Когда какой-нибудь Эдип нашего или следующего столетия разрешит эту вечную загадку человека-сфинкса, все современные догмы, даже столь любимые спиритуалистами, исчезнут как порождение Тифона, прыгнувшее, согласно легенде, со своего утеса в море, после чего его никто никогда больше не видел.

Не далее как 18 февраля 1876 года ваш ученый корреспондент "М.А.Оксон в статье "Душа и дух" говорил о часто встречающихся у других авторов ошибках в терминологии. Но так как с тех пор ничего не изменилось, то, пользуясь удобным случаем, я хочу показать м-р Кроушеру и другим спиритуалистам, чьим представителем его можно считать, как они жестоко ошибаются относительно истинного значения сказанного полковником Олькоттом и мнений теософов Нью-Йорка. Полковник Олькотт не говорил и не подразумевал, что бессмертный дух покидает тело для медиумических проявлений. И все же м-р Кроушер

уверен, что это так, ибо слово "дух", по его мнению, относится к внешнему, астральному человеку, или двойнику. Олькотт же сказал следующее:

> Медиумические явления создаются при помощи элементалов, нечистых духом, а не воплощенными или же развоплощенными "душами".

Любой интеллигентный читатель должен понять, что, заключая слово "душа" в кавычки, автор обозначает тем самым, что он употребляет его в переносном смысле. Как теософ, он мог бы более философски и более точно сказать "астральный дух" или "астральный человек", то есть двойник. Следовательно, критицизм здесь совершенно неуместен. Я удивлена столь огульному охаиванию на столь шатких основаниях. В конце концов, наш президент лишь выдвигает на рассмотрение идею о Триаде человека, как это делали античные и восточные философы, и их достойный ученик Павел, который говорил, что физическая сущность, плоть и кровь сохраняются и поддерживаются в живом состоянии психеей – душой, или астральным телом. Доктрина о том, что человек есть триада: дух, или ноус, душа и тело – давалось апостолом язычников гораздо шире и яснее, чем это делают все его христианские последователи. Но явно забыв или проигнорировав "совершенное" знание античных философов и христианского апостола, м-р Кроушер считает, что душа (психея) и дух (ноус) это одно и то же.

Буддисты выделяют три первоосновы в человеке (хотя и принимают его как одно целое при продвижении к нирване) и даже разделяют душу еще на несколько частей, давая свои имена каждой из них и выполняемым ими функциям. Мудрые древние греки представляли душу как биос, или психическую жизнь, и хумос, или природу желаний и побуждений. Так животность, по их мнению, это одно из качеств души, хотя и самое низкое. Душа, или психея, сама по себе является комбинацией, соединением нескольких биосов, или психических жизненных сил, эпитамии, или природы желаний и фена, менса, или разума. Может быть, нужно включить сюда и "животность". Она (душа) состоит из эфирных субстанций, которые наполняют всю вселенную и происходит от души мира – анима мунди или сабхават буддистов, которая не является духом. Хотя она неощутима и непостижима, все же, по сравнению с духом или чистой абстракцией, она является объективной материей. Из-за своей сложной природы душа иногда может быть настолько принижаема и соединяема с физической сущностью, что иногда кажется, что вообще нет никакого влияния высшей жизни. С другой стороны, она может настолько проникать в высшие сферы духа, что даже получает некоторые возможности этого плана. В таком случае ее "носитель", физический человек, будет казаться богом даже в его земной жизни. Если в течение жизни или после смерти не произойдет такого единения души и духа, то человек, как сущность, не будет бессмертен. Рано или поздно душа распадется. Человек может получить "весь мир", но может и потерять свою "душу". Павел, уча анастазису, или продолжению личной духовной жизни после смерти, говорит, что это физическое тело поднимается до нетленных субстанций. Дух человека, конечно же, не является одним из тел – видимых или ощутимых основ, а потому неправильно употреблять термин "материализованные духи". Когда метанойя, полное развитие духовной жизни, поднимает духовное тело над физическим (развоплощенным, подлежащим разложению астральным человеком, которого Олькотт и называет "душой"), оно становится, в соответствии со своим прогрессом, все более абстрактным для земных чувств. Оно может влиять на людей, вдохновлять их и даже субъективно вступать в контакт. Оно может сделать себя ощутимым и даже видимым для внутреннего зрения (для глаз очищенной души), если ясновидящий совершенно чист и полностью принадлежит Свету. Но как же оно может заявить о себе объективно?! Следовательно, применение термина "дух" к материализованным привидениям, к этим вашим "формо-проявлениям" совершенно неправильно, и нужно что-то предпринять для изменения создавшегося положения, так как ученые начинают обсуждать этот вопрос. В лучшем случае, даже если они и не то, что греки называли фатасма, то они лишь фасма, или призраки.

У ученых, особенно же у наших современных, в большей или меньшей степени, физические основы ассоциируются с телесным, материальным. "Все, что касается духа – глупости, не поддающиеся исследованию". Выходит, Платон был по-своему прав, презирая землемерство, геометрию и арифметику, и предпочитая всему этому высокие идеи. Плутарх учил, что во время смерти Прозерпина разделяет тело и душу, после чего последняя

становится свободным, независимым демоном. Теория эта развивалась, и с тех пор произошли некоторые изменения к лучшему. Деметр отделяет психею от ноуса или пневмы. Первая со временем распадается на эфирные частицы, следует неизбежное растворение человека, его аннигиляция; сам же человек после смерти является сущностью чисто психической. Вторая часть, ноус, поднимается до своих высших сил и постепенно становится чистым, божественным духом. Капила, как и все восточные философы, отрицает чисто духовную природу души; по его мнению, это скопление наиболее весомых частей, как выдыхаемый пар человеческой натуры, облачко, пропитанное всеми ее склонностями и желаниями, ее пороками, ее несовершенствами и недостатками, образующими астральное тело, которое при некоторых обстоятельствах может стать объективным. Буддисты называют это скандос, а полковник Олькотт для удобства употребил термин "душа". Буддисты и брахманы учат, что человеческая индивидуальность не может быть в безопасности, пока она не пройдет через последнюю из этих скандос (групп) и не станет нечувствительной к последним пятнам земной грязи. Такова их доктрина метемпсихоза, столь осмеянная и совершенно непонятая нашими великими востоковедами.

Даже физики учат нас, что частицы, составляющие физическое тело, со временем преобразуются природой во множество различных низших физических форм. Почему же тогда считается нефилософским и ненаучным утверждение буддистов, что полуматериальные скандос астрального человека (его истинное Эго, поднятое к последнему очищению) преобразуются в материал для эволюции низших астральных форм (которые, конечно, вселяются в чисто физические тела животных) как только он сбрасывает их в своем продвижении к нирване? Следовательно, мы вполне корректно можем сказать, что в течение того времени, пока человек сбросил лишь какую-то одну частицу из этих скандос, часть его самого реинкарнируется в тела растений и животных. И если он, развоплощенный астральный человек, настолько материален, что "Деметр" не может найти даже малейшую искру пневмы для поднятия его к "высшим силам", то индивидуальность постепенно сама по себе разрушается, и кусочек за кусочком попадает в эволюционную переработку, или, как это аллегорически иллюстрируют индусы, она проводит тысячелетия в телах нечистых животных. Здесь мы видим, как в совершенном согласии друг с другом, в едином строю стоят древние греки, индусские философы, современные восточные ученые и теософы; по другую же сторону баррикад в совершенном беспорядке располагается огромная масса "вдохновенных медиумов" и "духовных водителей". И хотя среди последних не найдется и двух, согласных между собой в том, что является истиной и что ею не является, все они очень дружно отрицают любое из учений философов, какое бы мы не повторили.

Но это еще не все. Из вышеуказанного следует, что я, а также все настоящие теософы, недооцениваем истинные спиритические феномены и философию, что мы не верим в возможность общения между смертными и чистыми духами, сомневаемся, но уже чуть меньше, в возможности контакта между сквернымиями людьми и сквернымиями духами, или между хорошими людьми и плохими духами, при неважных условиях. Оккультизм является сущностью спиритуализма, в то время как современный или популярный спиритизм я не могу охарактеризовать иначе, как фальсифицируемой, неосознаваемой магией. Мы зашли столь далеко, что говорим, что все великие и замечательные личности, все славные гении: поэты, художники, скульпторы, музыканты, в какие бы времена они ни трудились для реализации своих, свободных от эгоизма, высших идеалов, все они были спиритически вдохновляемы. Не медиумы (как называют их многие спиритуалисты), эти пассивные орудия в руках контролирующих водителей, нет, не они, но воплощенные, светлые души, сознательно работающие в сотрудничестве с чистым, развоплощенным разумом, и вновь воплощающимися планетарными духами над совершенствованием и одухотворением человечества. Мы верим, что все в материальной жизни очень тесно взаимосвязано с духовным посредничеством. Уважительно относясь к физическим явлениям и медиумизму, мы верим, что это происходит лишь когда пассивный медиум предоставляет место сознательному медиатору (редко когда он сам проникает в тонкие сферы), что он понимает различие между духами плохими и хорошими. Также мы верим, и даже знаем, что, пока человек воплощен (будь это даже высочайший адепт, не может он сравниться в возможностях с чистым духом, который, свободный от своих скандос, становится субъективным для физических чувств, даже если он и равен в области феноменов, как

ментальных, так и физических, среднему "духу" современного медиума. Если вы верите этому, то вы можете увидеть, что мы более спиритуалисты, в истинном смысле этого слова, чем так называемые спиритуалисты, которые вместо проявления почтения, как это принято у нас, к действительным духам-богам, унижают имя духа применением его к нечистым, или, в лучшем случае, несовершенным сущностям, которые проявляют множество феноменов.

Против утверждений теософов о том, что дети двойственны при рождении, "и это может продолжаться до шести или семи лет"; и что некоторые развращенные личности уничтожаются после своей смерти, м-р Кроушер выдвигает следующие опровержения: 1) медиумы описывали ему трех его детей, которые умерли в возрасте двух, четырех и шести лет; 2) он знал человека, который был "очень безнравственен", и который вернулся на землю. Он говорит:

> Это все было впоследствии подтверждено прекраснейшими сущностями, которые своей властью над законами, управляющими вселенной, доказали, что они достойны абсолютного доверия.

Я воистину счастлива слышать, что м-р Кроушер компетентен оценить эти "прекраснейшие сущности" и отдаю им пальму первенства над Капилой, Ману, Платоном и даже Павлом. Действительно, ради этого стоит быть "вдохновляемым медиумом". Мы не имеем в Теософском обществе таких "прекраснейших сущностей" и не можем поучиться у них. Но, тогда как м-р Кроушер смотрит на вещи и оценивает их сквозь призму своей эмоциональной натуры, – философы, которых изучаем мы, не брали ничего от каких бы то ни было "прекраснейших сущностей", что бы ни соответствовало всеобщей гармонии, справедливости и равновесию в проявленном плане вселенной. Аксиома герметизма "как внизу – так и наверху" – единственное правило, принимаемое теософами как очевидность. Веря в существование духовной и невидимой вселенной, мы не можем представить себе ее иначе, как посредством сопоставления с материальной, объективной вселенной; как логика, так и наблюдения одинаково говорят нам, что последняя является порождением и видимым проявлением первой и что законы, управляющие обеими – одни.

В том письме, от 7 декабря, полковник Олькотт очень удачно иллюстрирует свою точку зрения по поводу возможности бессмертия ссылкой на общепризнанный закон выживания наиболее приспособленного. Это правило приложимо как к великим, так и к малым вещам; к планетам наравне с растениями. И не совершенно развитому ребенку труднее, чем растению или животному, существовать при условиях, подготовленных для совершенных представителей, практически же – невозможно. В младенческом возрасте высшие способности не развиты и, как всем известно, находятся в рудиментарном, скрытом состоянии. Маленький ребенок по существу является животным, хотя и, возможно, "ангельским". Будь тело ребенка наипрекрасным, оно лишь шкатулка для драгоценностей, приготовленная для бриллиантов и жемчужин. Оно эгоистичное, животное и, как ребенок, ничего более из себя не представляющее. Голод, страх, боль и удовольствия, по-видимому, являются принципами их понимания. Серое вещество мозга тоже еще не оформилось. Со временем начинают проявляться ментальные качества, но они в основном направлены на внешнее. Развитие сознания ребенка обучением может повлиять только на эту часть его натуры. Павел называет ее природной, или физической, а Джаймс и Джад – чувственной или психической. Отсюда слова Джада "психическое, без духа", и слова Павла:

> Психический человек не получает ничего от духа, ибо для него это все не имеет смысла; у духовного же человека все иначе.

Это касается лишь взрослого человека, с его способностями различать добро и зло, которые мы можем назвать духовными, интуитивными. Сознание же ребенка, развитое в этом отношении, было бы преждевременным, ненормальным. Как же тогда ребенок, никогда не живший иной жизнью, кроме как животной, никогда не различавший правды от лжи, никогда не осознававший, жив он или умер, так как он не может понимать ни жизни, ни смерти, – как он может стать индивидуально бессмертным? Человеческий круг развития не будет завершен, пока он не пройдет через земную жизнь. Ни одно из испытаний, ни одна из ступеней накопления опыта не может быть пропущена. Он должен стать человеком перед тем, как он получит возможность стать духом. Смерть ребенка – это ошибка природы. Он должен получить жизнь снова, и та же самая психея возвращается на физический план через

другое рождение. Такие случаи, и случаи врожденных идиотов, как установлено в "Разоблаченной Изиде" – единственные примеры человеческого перевоплощения.[2] Если каждый ребенок-дуада бессмертен, то почему же тогда отрицать такую же индивидуальную вечность двойственных животных? Те, кто верит в тройственность человека, те знают, что младенец является лишь дуадой – душой и телом. Индивидуальность, которая присуща именно психике, является, как мы можем увидеть, вникнув в доказательства философов, бренной. Полную тройственность приобретают лишь совершеннолетние. После смерти астральные формы становятся внешним телом, внутри которого образуется еще одно, более тонкое. Оно занимает место психеи на земном плане. Все это в целом в большей или меньшей степени покрывается духом. Полковник Олькотт мог бы еще добавить, что даже не все элементарии (люди) уничтожены. Это шанс для некоторых. Невероятными усилиями они могут сохранить свой третий и высший принцип, и так, хотя медленно и болезненно, все же подниматься, сфера за сферой, сбрасывая на каждой последующей тяжелое одеяние предшествующей, и одевая самих себя в более лучезарную духовную оболочку. И так до тех пор, пока триада, освободившись от всех временных одеяний, не достигнет нирваны и не станет единой с Богом.

Объема такой статьи недостаточно, чтобы перечислить все вариации элементарий и элементалов; первые сущности названы так некоторыми каббалистами (например Генри Кукрасом) для обозначения их закрепощенности в земных элементах, которые держат их в плену; вторые же обозначаются своим именем во избежании ошибок. К последней группе относятся как формы, образующие астральные тела младенцев, так и неподвижные *природные духи*. Элифас Леви, однако, всех их без разбора называет "элементариями" и "душами". Я повторяю еще раз, что это только совершенно физический, развоплощенный человек, который в конце концов исчезает как индивидуальная сущность. Что же до частей, составляющих его психею, они так же неразрушимы, как и атомы любых других предметов и тел в природе.

Воистину, человек должен уподобиться зверю, чтобы после смерти искра божественного руах или ноус не посетила его, дабы дать ему последний шанс на спасение. И все же такие горестные исключения бывают, и не только среди безнравственных людей, но также и среди тех, кто в течение жизни отгонял от себя, истребляя все идеи посмертного существования, убил в себе последнее желание достижения бессмертия. Это воля человека, его всемогущая воля создает его судьбу. И если человек мысленно настроился, что смерть есть разрушение – так оно для него и будет. Наш опыт говорит, что определение психической жизни или смерти зависит от воли. Некоторые люди удерживают себя силами уверенности и настроя от хищных челюстей смерти, в то время как другие уступают малейшей болезни. Что человек делает со своим телом, то же самое он может сделать и со своей развоплощенной психеей.

Нет ничего противоречивого в том, что медиум видел в астральном свете образы детей м-ра Кроушера. Это могло быть действительно посещением самих детей, либо же всего лишь воображение отца. Впечатление в последнем случае могло быть лишь фасма, в то время как в первом это было бы фантасма, или видение неразрушимого отпечатка того, что некогда существовало.

В древние времена "медиаторами" человечества были такие люди, как Кришна, Гаутама Будда, Иисус, Павел, Аполлоний Тианский и подобные им. Они были адептами, философами – людьми, которые усилием своей воли, трудами всей своей жизни, направленными на очищение, познание и самопожертвование, через испытания, лишения и самодисциплину достигли божественного озарения и, очевидно, сверхчеловеческих сил. Они не могли просто демонстрировать феномены, показываемые в наши дни, но считая это своим духовным долгом, они изгоняли "злых духов", или демонов, из тех, кто был ими одержим – другими словами, они очищали медиумов своего времени от "элементарев".

Но в наше время каждый с чувствительной, истерической психикой уже рвется в пророки и, взгляните, – медиумов уже тысячи! Без всякого предварительного обучения, без малейших ограничений своей психической природы, они, ввиду своих способностей глашатайства, которые просто неподтверждаемы, объявляют себя превзошедшими Сократа в

[2] Стоит заметить, что термин "перевоплощение" здесь употреблен применительно лишь к душе. Это не реинкарнация, об этом всегда напоминалось.

мудрости, Павла – в красноречии, и Тертулиана – в пламенности. Теософы воздерживаются от присвоения себе непогрешимости или признания ее в других; если они судят других, то и допускают суждения о себе.

Во имя логики и здравого смысла, перед тем как присваивать эпитеты, позвольте нам передать свои сомнения на суд разума. Позвольте нам разобраться во всех вещах и, отложив в сторону эмоции и предрассудки, как бесполезные для логиков и экспериментаторов, придерживаться при этом лишь того, что выдержало испытание беспощадного анализа.

Нью-Йорк, 14 января 1878 г.

ТЕОСОФЫ И ИХ ОППОНЕНТЫ

"The Indian Christian Herald", в номере за 4 апреля (который, к сожалению, лишь недавно попался мне на глаза) с щедростью, столь характерной для религиозных газет, отводит два параграфа под благочестивое поношение нашего Общества. Более того, из них я сделала вывод, что "The Frend of India" предварительно тоже прошелся по нашему адресу, чтобы очернить Общество, так как первая газета замечает:

> «Теософское общество заслужило тот эпитет, которым наградил его "The Frend of India"».

К моему вечному позору, я виновна в преступлении, что не только не читала, но и в глаза-то никогда не видела этого ветерана "печатных органов". И никто из теософов не мог быть обременен этой "драгоценнейшей привилегией", точнее же оскорблением – чтением миссионерских журналов; с тех пор как нас "отучили от груди" и мы отказались от "кашки на воде с молоком", прошло уже очень много времени. И мы вовсе не избегаем усыпительной задачи, "пришпоренные" необходимостью. Коли доказательства, приведенные здесь, недостаточны сами по себе, я напомню случай с бомбейским миссионерским печатным органом "The Dnyanodaya", который оклеветал нас в номере за семнадцатое число прошлого месяца, но был принужден адвокатом полковника Олькотта, м-ром Турнером к опубликованию, во избежании судебного преследования за клеветнические материалы, полного опровержения. Мы сожалеем, что этот прекрасный и набожный писатель из "Herald", хотя и оказался способным подняться до уровня Биллинсгейта, но не смог (или не посмел?) достичь высот клеветы, дающей основания для судебного наказания. Истинно, осмотрительность – великая добродетель!

Сравнив же нас, как это и происходит довольно часто, с нетерпимым предубеждением (они называют это религиозным "рвением") и ребяческими анафемами духовных служителей, "последователей кроткого и тихого Иисуса", не-теософы с удивлением обнаружили, что все это похоже на стук горошин стрелка из "Herald", отскакивающих от нашей брони. Это лишь увеличивает шум, но никого еще не ранило смертельно. И совершенно естественно, что после всего этого несчастные последователи, старающиеся регулировать духовную пищу для невежественных язычников (как это похоже на последнее увлечение страсбургских любителей гусятины, которые пропихивают кусочки пищи, непрожеванными, в горло пойманных птиц, чтобы их печень разбухла) могут быть потрясены вторжением европейцев, готовых проанализировать для язычников куски священных писаний, которые те просят подмазать слепой верой и проглотить не прожевывая. Такие люди, как мы, имеющие наглость требовать для язычников такого же права анализировать Библию, на какое претендуют и христианские священники, разбирая и даже оскорбляя Священные книги других людей, должны быть непременно унижены. Вот эта самая "Chrisian Herald" и старается. Она пишет:

> «Позвольте непредубежденно и беспристрастно отразить... о Теософском обществе... какая гибельная деградация личностей (включая и теософов, и буддистов, и арийцев, и джайнистов, и парсов, и евреев, и мусульман?), которые не видят ничего хорошего в Библии... (и кто) должны вспомнить, что Библия – это не только благословенная книга, но это наша Книга(!)».

Последний возглас самонадеянного тщеславия нельзя оставить незамеченным. Прежде, чем я отвечу на предыдущую брань, я хочу потребовать ясного определения этого последнего предложения – "наша Книга". Чья Книга? Этой "Herald"? "Наша" означает

именно это, ибо семь толстых томов "Speaker's Commentary on the Old Testament"[3]. Библия, по авторизованной версии (1611 н.э.) с пояснительными и критическими комментариями и пересмотром перевода, написанными епископом и другими духовными лицами Английской Церкви. Редакция Ф. К. Кука. М. А., Канон Экстера, проповедника "Lincoln's Inn"[4], главного священника по судебным делам при королеве. (Тома I-VI. "Ветхий Завет". Лондон, 1871-1876.) показывают, что притяжательные местоимения и существительные в единственном числе не должны употребляться, когда речь идет о Библии. Ошибки и искажения при переводе, выявленные сорока богословами англиканской церкви за время семилетней ревизии Ветхого Завета, столь грубы и многочисленны, что лондонское "Qarterly Review" (N 294, апрель 1879), наиболее ортодоксальный печатный орган, приведенная в отчаяние, пишет:

> «Те времена уже, определенно, миновали, когда вся Библия могла быть действительно почитаема как единственная Книга, чудодейственно переданная с небес последовательными частями, записанная руками человеческими, но под диктовку божественного духа».

Таким образом, мы видим, что если это и чья-то "Книга", то, несомненно, она должна быть "Книгой" "The Indian Christian Herald", ибо, действительно, ее редакторы добавляют:

Мы воспринимаем ее не как несколько книг, но как книгу.

Но вот еще горькая пилюля от другой газеты. В своих благочестивых излияниях она пишет:

> «Слова, дошедшие от пророков отверженного Израиля, стали источником жизненной силы мировой религиозной преданности».

Но неумолимый обозреватель квартального журнала, неохотно отдав под аналитические скальпели каноника Кука и епископа Гарольда Бруни – Моисеевы чудеса (сверхъестественный характер которых более не подтверждается, они отныне признаются лишь "естественными явлениями") обращается к так называемым ветхозаветным пророчествам о Христе, и печально говорит:

> В поэтических (псалмы, песни) и особенно в пророческих книгах число исправлений просто огромно.

Он показывает, как неохотно признают комментаторы Исайи и других так называемых пророчеств, что обветшалые строфы, обращенные, дабы служить предсказанием Христа, имеют на самом деле иной смысл. Он пишет:

> Требуются усилия, чтобы разбить привычные представления и показать, как мало они (пророчества) должны были значить вначале для самого писателя. Но именно этого-то и не способен сделать критик... ибо для этого требуется смелость, так как результат может показаться разочарованием для худших, принижением средних и осквернением рая, в котором ревностные души нашли духовную пищу и восторг.

(Такие души, как у редактора "Herald"?) Далее, крайне удивительно, что взрыв этих семи теологических торпед (как воистину можно назвать семь томов "Speaker's Commentary") вызвал у обозревателя следующие слова:

> Мы уверены, что любая попытка поставить древние Писания на ту же священную высоту, на которой находится Новый Завет Откровения, обречена на провал.

"Herald" может получить все, что осталось от ее Книги.

Сколько ребяческого абсурда в том, как "Herald" делает все Общество козлом отпущения за грехи одной личности! Всем известно, что в Общество входят люди многих национальностей, последователи множества различных религий и что его Совет состоит из представителей этих религий; тем не менее, "Herald" печатает ложь, что принципы Общества являются "странной смесью язычества и атеизма". Что же еще можно ответить на это, кроме как привести тот факт, что наш президент публично заявил, что Общество "не предлагает для мирового признания никакой веры" ("Теософское общество и его цель", доклад полковника Г. С. Олькотта в Фрамджи Ковасджи Холл, Бомбей, 23 марта 1879); что в статье

[3] Комментарии к Ветхому Завету". Прим. пер.

[4] Одна из четырех корпораций барристеров в Лондоне. Прим. пер.

VIII "Правил" Общества, приложенных к опубликованному докладу, при перечислении целей Общества, в первом параграфе говорится, что оно будет стараться "сохранить в человеке веру, что у него есть душа, и веру во Вселенского Бога". Если это называется "смесью язычества и атеизма", то пусть "Herald" потрудится побольше усвоить из нее. Но Общество тут ни при чем; камни святош брошены в мой огород. Цитирование "Herald" моего выражения из комментариев к отрывку из книги сэра Джона Кея "Война сипаев", которое устанавливает основными виновниками этой кровопролитной трагедии "The Friend of India" и Ко, показывает их полную враждебность. Тогда как я сказала (см. "Indian Spectator", 2 марта), что "Индия обязана всем британскому правительству – христианству же ничем" – т.е. миссионерам. Я могла "совершенно утратить рассудок", как вежливо замечает "The Indian Christian Herald", но я думаю, у меня осталось его достаточно, чтобы видеть насквозь всю пустую софистику, порождаемую ею благодаря такой аргументации.

Мы можем сказать "Herald" лишь следующее:

1) Именно потому, что мы живем в "век просвещения и прогресса, в котором есть (или могло бы быть) место любой вере, именно потому-то подобные августинские тирады "Herald" совершенно неуместны.
2) У нас нет "смертельной ненависти к христианству и его Божественному Основателю", ибо Общество стремится освободить своих членов от какой бы то ни было ненависти или предпочтения любой экзотерической формы религии (т.е. связанной более с человеческим, нежели с божественным элементом) по сравнению с другими; также не можем мы ненавидеть "Основателя", поскольку большинство из нас вообще не верит, что он когда-либо существовал.
3) Для того, чтобы сохранять "уважение к Библии", необходимо, чтобы она его когда-то имела, и если мы прекратили наши собственные исследования, как только они убедили нас, что Библия является "Словом Господним" ничуть не больше, нежели полдюжины других священных книг, то последние заключения английских богословов (по крайней мере те из них, которые относятся к Ветхому Завету) окончательно рассеяли последние сомнения в этом плане. К тому же, среди членов нашего Общества, кроме различных американских священников и епископов, находится и приходской священник англиканской церкви, который является одним из ее образованнейших антикваров.
4) Утверждение, что "монотеизм Вед – это чистый миф", является откровеннейшей ложью; кроме того, это оскорбление доказавшим именно обратное Максу Мюллеру и другим западным востоковедам, не говоря уже о величайшем арийском ученом, проповеднике и реформаторе Свами Даянанде Сарасвати.

"Деградировавшие личности", каковыми мы являемся, должны быть "совершенно извращены и порочны" по своей "моральной сути", если они (то есть мы) радуются, видя постоянный рост Общества от вступления в него некоторых из наиболее влиятельных мирян из разных стран. И еще большее восхищение доставляет нам думать, что, когда мы достигнем дна ямы, нашими компаньонами будет половина христианских священнослужителей, если "Speaker's Commentary" устроят такое же печальное опустошение в богословии Нового Завета, какое они навели в Ветхом. В праведном негодовании наш индийский христианский Пексниф восклицает:

> Метафизикам должно быть интересно изучить сей печальный факт – как это они умудрились так низко опуститься морально и духовно?

Печально, действительно. Но еще печальнее, что если редактор "The Indian Christian Herald" не запасся посмертным полисом страхования от огня, то ему угрожает опасность вечных мук.

"Если кто скажет брату своему "безумный", подлежит геенне огненной", – говорит Иисус, ("Нагорная проповедь", Матв. V. 22.) если (о ужасная мысль), эта версия не окажется ошибочным переводом.

"The Amrita Bazar Patrika", 13 июня 1879 г.

БУДДИЗМ В АМЕРИКЕ

В связи с передовой статьей в "The New York Sun" в номере за 6 мая 1887 г., у меня появился долг разъяснить кое-что о религии браминов и буддистов, и так как я считаю себя последователем Жаколио и даже являюсь его плагиатором, вы уж не удивляйтесь тому, что я опять стучусь в эту дверь за гостеприимством.

Те места в замечательном интервью представителя газеты, которые относятся к "Эдхима и Хива" и "Джезеус Кристна", полностью переведены из французского издания "Библия в Индии". Более того, они взяты из главы, названной "Багаведа" – вместо "Бхагават", как "The Sun" печатала ранее, согласившись с моими поправками. Как мне кажется, он совершенно прав, поступая так. Те же, кто основывается на том, что именно так произносят индусы, или по крайней мере те из них, кто живет на юге Индии и разговаривает на тамильском языке и других диалектах, очень ошибаются. Мы тщетно пытались найти хотя бы двух санскритских филологов, которые бы одинаково произносили и толковали важнейшие индусские слова или поясняли орфографию этого значительнейшего заглавия. Потому ни "обманщика француза", ни меня нельзя обвинить в преступных искажениях.

Вот например проф. Витней, величайший ваш американский востоковед, произносит "Багават", в то время как его не менее заслуженный оппонент, Макс Мюллер, предпочитает сказать "Багавагита", и существует еще полдюжины других произношений. Действительно, каждый ученый, преобразуя индийские слова для своего языка, пользуется своими родными правилами произношения. Потому, вы можете видеть, что проф. Мюллер пишет слог ad через "a", а Жаколио тот же самый слог пишет ed. Перед согласными французское "e" имеет такое же звучание, как и английское "a". Та же история и с именем индийского Спасителя, которое разные авторитеты пишут Krishna, Crisna, Khristhna и Krisna, в общем, по разному, но правильнее будет Christna. Может вы скажете, что это тоже лишь предположительно. Но если каждый индолог следует лишь своей фантазии в фонетической транскрипции, почему тогда я не могу представить свое мнение, особенно если я имею основания считать его более верным.

В статье заявлено, что "индийского реформатора с именем Джезеус Кристна никогда не было". Хотя раньше я и ограничивала свои утверждения по этому вопросу мнением авторитетного Жаколио, но теперь я беру ответственность на себя и буду отстаивать, что он был, и что имя его признано в Индии, и что имени этому поклоняются, и что это вовсе не Иисус Христос (Jesus Christ). Кришна – это божество браминов и, кроме того, он признан в некоторых сектах джайнистов. Когда Жаколио говорит "Джезеус Кристна", он лишь показывает некоторую неуклюжесть в фонетическом преобразовании, но все же он гораздо ближе к истине, нежели его критики. Я была на фестивалях Джанмотсар, празднованиях в честь рождения Кристны (индусское Рождество) и слышала тысячи выкриков: "Джас – и – Кристна! Джазас ви – Кристна!" В переводе это значит: Джас-и – прославленный, знаменитый; Джазас-ви – славный, божественный, могущественный, и Кристна – священный. Дабы избежать новых нападок опровергателей, я советую сомневающимся читателям обратиться к индийским словарям. Все брамины, с которыми мне доводилось разговаривать на эту тему, говорили и Кристна, и Джас-и-Кристна, и Джадар Кристна, и даже Вадур-Пати, Бог вадавов, потомков Ваду, – и это только некоторые из множества титулов Кристны в Индии. Поэтому, вы сами видите, это вопрос только написания и произношения.

То, что Christna более предпочтительно, чем Krishna, может быть ясно показано правилами, изложенными Барноуфом и другими авторитетными пандитами. Первая буква имени на санскрите пишется "k", но санскритское "k" произносится более придыхательно – это гортанный звук на выдохе. Единственный, довольно близкий к нему звук – это греческое chi. Но в английском языке нет звука, похожего на "k" и который был бы более придыхательным, чем "h" в слове heaven. Так как греческое слово пишется на английском Christos, в предпочтении H'ristos, что было бы ближе, то и имя индусского божества нужно писать также, невзирая на возможно неприятную кое-кому схожесть.

Мосье Таксо де Рависи, французский католический востоковед и правитель Карикала (Индия), наиболее резкие оппоненты Жаколио в религиозных заключениях, полностью оценили ситуацию. Они рассудили, что нужно писать Krishna потому, что: 1) большинство статуй бога черные, и Krishna тоже значит "черный"; 2) настоящее имя Кристны было

"Канея". Что ж, замечательно, значит Кришна это "черный". Если сами брамины не дадут себе труда разобраться в этом вопросе так, как их европейские критики, придется нам обратиться за помощью к Волнею и другим востоковедам, которые показывают, что имя индусского божества произошло от корня "крис" – священный, на что и обращал внимание Жаколио.

Более того, как-то странно и абсурдно браминам называть своего бога "черным богом", когда, казалось бы, куда как естественнее, величать его священной, чистой сущностью. Что же касается до имени Каней, то предлагая эту версию, мосье Таксо де Рависи, тем самым завершил свое собственное поражение. Избежав Сциллы, он попал к Харибде. Я думаю вряд ли кто станет отрицать, что санскритское Канья значит Дева, и даже знак Девы в индийском зодиаке называется Канийя. Кришну же звали Канея в связи с тем, что он был рожден Девой. И я еще раз утверждаю, что если даже "индусского реформатора с именем Джезеус Кристна никогда не было", то был Индусский Спаситель, которому поклоняются и до наших дней, Джази Кристна, или, если это ближе его почитателям, Джас-и-Кристна.

Вот когда 84 000 томов Дхарма Кханда, священных книг буддистов и тысячи свитков ведической литературы, известных ныне только ученым и то лишь по названиям, или хотя бы десятая часть этого будет переведена и осознана, вот тогда я вновь с охотою скрещу шпаги с солнечными пандитами, которые подсказали вам так сурово отобразить вашего преданного подписчика.

Следуя мнениям различных авторитетов, вы клеймите Жаколио "французским обманщиком". Но я должна отдать должное справедливости и заметить, что даже его оппонент, де Рависи, в ответ на запрос Общественной Академии де Квентин по поводу его книги "Библия в Индии" написал следующее:

> Книга создана в духе хорошей веры, интересна, научна, аргументирована и содержит известные факты.

Десять лет жизни в Индии и изучение ее делают такое мнение вполне заслуженным. И весьма печально, что Америка, зная ученого несравненно меньшее время, так легко и быстро выдает ему репутацию "мошенника".

С почтением
Е. П. Блаватская.
"The New York Sun", 13 мая 1877 г.

ИНДИЙСКИЕ МЕТАФИЗИКИ

Две горошины в одном стручке – традиционный символ общего сходства. Такое сравнение напрашивалось само, когда я читала пару писем наших замаскировавшихся противников в "The New York Sun" за 22 февраля 1887 г. По существу своему они столь идентичны, что можно предположить, что их писал кто-то одновременно двумя руками, как Поль Морф может играть две партии в шахматы или Коссус диктовать два письма одновременно. Единственное различие между этими двумя письмами, похожими, если их положить рядом, на двух младенцев в одной кроватке – это то, что послание "М.А.Контаба написано смело и вежливо, в то время как творение "Скрутатора" нудно и неучтиво.

По странному совпадению оба этих удалых стрелка ведут свой огонь надежно укрывшись за спиной некоего "ученого оккультиста", мнение которого процитировал м-р К. К. Массей в письме, опубликованном 10 мая 1876 года. То ли по иронии судьбы, то ли еще по каким причинам, точку зрения этого "ученого оккультиста" они используют как оружие против полковника Олькотта и меня, будто бы эти их снаряды могут хоть как-то нас задеть. По одной простой причине "ученый оккультист" ничуть не более и не менее учен, чем ваша преданная слуга – ибо это одно и то же лицо. Выдержки, опубликованные м-ром Массеем, были взяты им с разрешения из моего письма к нему. Более того, оно сейчас передо мной; и я не нахожу ни одного слова, кроме одной незначительной опечатки, которое я хотела бы изменить. Я повторяю то, что говорила и раньше; теории 1876 года ни по одному аспекту не противоречат теориям 1878. И я попытаюсь это доказать, но прежде покажу читателям, на какой шаткой почве стоят наши критики. Их аргументы против теософии

(особенно "Скрутатора") похожи на зеленый мох, образующий бархатистый, без кореньев и кочек, зеленый ковер, под которым глубокое болото.

Когда кто-то пишет под псевдонимом, он должен быть осторожен вдвойне, дабы избежать обвинения в удобном пользовании маской для безнаказанного оскорбления своих оппонентов. Кто же или что есть "Скрутатор"? Священник, медиум, юрист, философ, физик (определенно не метафизик) или еще кто? Quien sabe? Хотя его аргументы переплетены с предложениями, цитируемыми из наших писем, все же критика его ни разу не коснулась того, что было написано нами. Он бичует то, что, как он думает, мы могли подразумевать или что наши предложения могут значить. Строя свои умозаключения на том, что существует единственно лишь в глубинах его воображения, он сам изобретает фразы, конструирует и с упоением изливает на это свой праведный гнев. Пусть он не принимает это очень серьезно, ибо, с "крайним бесстыдством" размножая "глупости", я все же буду чувствовать себя неловко, если обойдусь со "Скрутатором" так же нагло, как и он с нами – но когда я увижу собаку, гоняющуюся за тенью своего хвоста, я буду вспоминать о его письме.

В моих сомнениях: что же значит "Скрутатор", я обратилась за помощью к Вебстеру[5], может он даст мне ключ к разгадке псевдонима. "Скрутатор, – пишет знаменитый лексикограф, – это дотошно ищущий, копающийся в чем-либо человек". Он производит это слово от латинского scrutari – "искать в тряпье". Происхождение же латинского scrutari он прослеживает от греческого корня, означающего "мусор, мишура". Что ж, результат этого непредубежденного анализа довольно точно согласуется с действительностью. Я хочу еще раз повторить, что когда анонимный критик обвиняет двух людей в клеветнических нападках (являющихся на самом деле лишь галлюцинациями его воображения) и "непостижимых абсурдностях", он должен, по крайней мере, быть уверен, во-первых, что он до конца понимает, что он вкладывает в термин "доктрины" своих противников, и во-вторых, что его собственная философия непогрешима. Более того, я хочу добавить, что когда такой критик позволяет себе называть понятия других людей (даже и наполовину не поняв их смысл) "непостижимым абсурдом", он должен быть очень осторожен, внося в дискуссию как аргументы сектантские домыслы куда как более "непостижимые" и не имеющие ничего общего ни с наукой, ни с философией.

"Я думаю, – блистательно аргументирует "Скрутатор", – мозг ребенка – слабое и совершенно непригодное орудие для интеллигента; то есть я хочу сказать, что Иисус не мог утратить свой интеллект, когда Он вошел в тело и мозг ребенка". (!?)

Этот Иисус-ребенок "Скрутатора" – явное противоречие Оливеру Джонсону.

Такой аргумент вполне может применяться в дискуссиях между двумя догматическими сектами, но если уж копаться "даже в тряпье", то это выглядит "крайней наглостью", выражаясь языком самого "Скрутатора", использовать его в философских спорах, будто это научно и исторически доказанный факт! Если еще в самом начале я отказалась от спора с нашим другом "М. А. Оксоном", которого я ценю и уважаю как лишь очень немногих в этом мире, только лишь потому, что он основывается на "кардинальных догмах", то я не намерена терять ни минуты на дебаты теософии с представителем затасканного христианства, чьи изыскательские способности не помогли ему пойти дальше принятия слов последнего из Аватаров в их нефилософском, мертвом, добуквенном значении, не помогли заподозрить существование некоего скрытого, символического смысла. Представление в претендующем на философичность споре потерявших свой авторитет церковных догм совершенно неэффективно и прекрасно показывает невероятную скудость источников. Почему бы "Скрутатору" не обратить свои изощренные, ex cathedra ["с кафедры", непререкаемо] ругательства на Королевское общество, которое обрекает на уничтожение всех людей: и теософов, и спиритуалистов, и чистых, и нечистых? С сокрушающей иронией он называет нас "нашими учителями". Что ж, я еще раз повторю то, что ясно показала в предыдущем своем письме. Мы не предлагали себя в учителя, но, наоборот, всегда отклоняли подобные предложения. Просто наш уважаемый друг м-р О. Сулливан, который не только видит во мне "буддистскую жрицу"(!), но и, безо всяких на то оснований, приписывает мне организацию Теософского общества и его отделений, считает это высшей похвалой. Если бы полковник Олькотт был бы "психологирован" мною

[5] Имеется в виду популярный Вебстерский словарь. Прим. пер.

хотя бы наполовину от того, как говорят газеты, он последовал бы моему совету и не стал опубликовывать наши "мнения" даже по вопросам, столь часто задаваемым нам. Но с характерным упрямством он решил идти своим собственным путем и теперь пожинает следствия взрыва этой бомбы в гнезде шершней. Вместо того, чтобы пользоваться удобным случаем для спокойного обсуждения, нам предпочитают прислать оскорбления. Хорошо, позвольте тогда и нам, в возможно более лицеприятной форме, ответить тем же и отправить наших оппонентов раскапывать ответы на их вопросы "в тряпье". М-р К.К. Массей, этот титулованный вождь "Скрутатора", пусть лучше тоже занимается своим делом.

Никто из наших критиков не понимает нашей точки зрения так плохо, как "Скрутатор". Он настойчиво извращает понятие "элементарии" и устраивает жуткую путаницу между духом и материей. О элементариях он говорит следующее:

> «Этот модный, неопределенный термин... появился около двух лет назад».

Одно это предложение доказывает, что он вступает в дискуссию без малейшего понятия о предмете спора. Очевидно, он не читал ни средневековых, ни современных каббалистов. Генри Кунрат неизвестен ему так же, как и Аббат Констант. Пусть он сходит в Британский Музей и попросит там "Amphitheatrum Sapientae Eternae" Кунрата. Он может найти там гравюры, иллюстрирующие четыре основных класса элементарных духов, как их видели маги, снявшие Покров Изиды, во время вызываний на магических церемониях. Автор объясняет, что это развоплощенные, порочные люди, разделенные со своим божественным Духом и, вследствие этого, ставшие подобными зверям. После того как он прочтет этот том, он может с большой пользой для себя проконсультироваться у Элифаса Леви, который постоянно использует в "Догмы и ритуалы высшей магии" слова "элементарные духи", в обоих смыслах, в каких он их употребляет. Особенно это касается момента, когда он рассказывает о вызывании им Аполлония Тианского (т.I, с.262). Цитируя великий авторитет каббалистики, он говорит:

> «Когда человек прожил праведную жизнь, его астральный труп испаряется как дымок ладана, будто он поднимается в высшие сферы; но если жизнь проведена в преступлениях и грехе, его астральный труп, пленив в себе человека, вновь ищет объекты для утоления своих земных страстей. Он возбуждает воображение юных девушек, "горячит" им кровь и витает возле мест, где те предаются наслаждениям; он неотступно следит за сокровищами, которые он захватил и схоронил; он изводит себя в мучительных попытках получить физические органы (материализовать себя) и пожить еще. Но астральные элементы разрушают и втягивают его; его интеллект тает, память теряется и сущность его распадается... Несчастный постепенно утрачивает все те органы, которые удовлетворяли его грешные аппетиты. После этого он (этот астральный двойник, эта "душа", все что осталось от когда-то жившего человека), через некоторое время, умирает навсегда, ибо он теряет свою личность и память. Души, предназначенные к жизни, но еще не полностью очищенные, остаются на более или менее продолжительное время пленниками астрального мертвеца, где они очищаются светом, который старается ассимилировать и растворить их в себе. Иногда мучающиеся души освобождаются от этого трупа и входят в тела живущих людей и некоторое время остаются там в состоянии, которое каббалисты называют эмбрионным (embryonnal). Это эфирные привидения, вызываемые некроманией (и я могу добавить – "материализованные духи", вызываемые несознательной некроманией неосторожных медиумов, в тех случаях, когда эти формы не преобразуются от их собственных двойников); это личинки, умершая или умирающая субстанция, с которой они входят en rapport».[6]

Далее Леви пишет:

> «Астральный свет насыщен элементарными душами... Да, да, эти духи элементов существуют. Некоторые из них блуждают в своих сферах, другие пытаются воплотить себя, третьи уже достигли этой цели и живут на земле – это все порочные, несовершенные люди».

И перед лицом этих показаний (которые он может найти в Британском Музее, всего в двух шагах от офиса спиритуалистов), которые давались каббалистами о элементариях и их потенциальном разложении еще со средних веков, "Скрутатор" позволяет себе упрекать

[6] фр. – в контакт. Прим. пер.

теософов в "беспардонном" навязывании спиритуалистам "нововведенного и неопределенного термина", которому "не более двух лет"!

Истинно, мы можем сказать, что эта мысль древнее христианства, так как она встречается в древних каббалистических книгах евреев. В прошлые времена различали три вида "душ": дочерей Адама, дочерей ангела и дочерей греха. В книге "Обращение душ" указаны три вида "духов", как отличных от материальных тел: плененные, блуждающие и свободные духи. Если бы "Скрутатор" ознакомился с литературой каббализма, он бы знал, что термин "элементарий" употребляется не только применительно к элементарной, первоосновной субстанции, но также воплощает идею, которую мы выражаем термином "элементал" – то, что относится к четырем элементам материального мира, главным принципам или первоначальным ингредиентам. Слово "элементал" не связывается Вебстером со временем Кунрата, но идея его понята совершенно верно. Отличие было установлено, и термин был принят теософами во избежание возможных ошибок. В результате нас обвинили в том, что теория элементарий, выдвинутая нами в 1878 году, отличается от теории 1876 года!

Противоречит ли что-либо сказанное здесь нами, Кунратом или Леви утверждению "ученого оккультиста", что "каждый атом материи наделен этой жизненной основой, называемой духом... В каждой песчинке, так же как и в малейшем атоме человеческого тела, в латентном состоянии сокрыта искра божественного света"?

Подчеркивая некоторые из вышеприведенных слов, но обделяя ударением одно важное слово, а именно "латентном", которое содержит ключ к разгадке тайны, наш критик портит все впечатление. В песчинке и каждом атоме человеческого физического тела дух не активен, но латентен; следовательно, так как атом является лишь корреляцией высшего света, но уже чем-то конкретным по сравнению с чистой абстракцией, он наделяется жизненными силами и энергией от духа, но остается лишенным отчетливого сознания. Крупица песка, как и малейший атом, определенно "наделены этим жизненным началом, называемым духом". Так, каждый атом обеих, подчиняющихся законам эволюции, объективной и полуконкретной астральной материи, остается вечным на протяжении всех бесконечных кругов развития, неразрушимым в своем начальном элементарном строении.

После всего здесь сказанного, назовет ли М.А. Контаб песчинку или обрезок человеческого ногтя сознательно бессмертными? Станет ли он утверждать, что дробный кусочек части имеет те же присущие особенности, те же возможности и те же ограничения, что и целое? Скажет ли он, что так как атом в обрезке ногтя неразрушим как атом, то и само тело, частью которого является этот ноготь, как сознательное целое, неразрушимо и бессмертно?

Наш оппонент повторяет слова троицы: тело, душа, дух – так же, как он сказал бы: кошка, дом и ирландец, его населяющий – как три совершенно разные вещи. Он не видит, что, кажущиеся различными части человеческой троицы на самом деле являются коррелятами одной вечной Сущности, которая, в принципе, не есть сущность, но, к сожалению, в английском языке нет эквивалентного выражения. И хотя он этого и не видит, но дом, ирландец и кошка являются, в конечном счете, одним. Я начинаю подозревать, что он представляет дух и материю как нечто разное, а не единое. Верно сказал Вишну Барва Брахмачари в одном из своих очерков в Марати (1869):

> Представления европейцев, что материя есть Падарта (эквивалент слова пада) или Абхава (т.е. Ахей, состоящий из двух букв: Ахе, означающей есть и нахин – нет. Тогда как Абхава это не Падарта) наивны до смешного.

Написанное Кантом, Скопенхаурэром и Хартманом имело малый эффект; и Капилу вскорости, возможно, назовут старым невеждой. Я вовсе не намерена встать под знамя Скопенхауэра, утверждавшего, что в действительности нет ни материи, ни духа, но, все же, я должна сказать, что он был ученым. И тем не менее, теософы могут разбираться что к чему лучше его.

Но возможно ли обсуждать метафизические идеи на европейских языках? Я сомневаюсь. Европейцы называют словом spirit нечто отдельное от физического мира, независимое от земного, объективного существования и, в то же время, этим же словом они обозначают спирт, алкоголь. Нью-Йоркские репортеры, определяющие материализованный дух как "замороженное виски", по-своему правы. Один термин для Бога и для алкоголя – не

правда ли, богатый словарь! При наличии целых метафизических библиотек, европейские народы даже не составили себе труда придумать подходящие слова для освещения метафизических идей. Может быть лишь одна книга из тысячи достаточно адаптирована для публики. Если же они и делают попытку ввести новые слова, то получается это донельзя нелепо; термины путают интеллигенцию и ставят в довольно затруднительное положение восточников, пытающихся изложить свою философию на английском. В этом языке есть слова, обозначающие до двенадцати различных идей, в восточных же языках, особенно в Санскрите, встречается до двенадцати слов, обозначающих одну идею в различных ее значениях и оттенках.

Нас обвиняют в пропаганде идей, которые могут удивить "среднего" буддиста. Мы вполне это допускаем; я даже могу добавить, что средние брахмины могут быть столь же обескуражены. Мы никогда не говорили, что мы буддисты или брахманисты в смысле их популярной экзотерической теологии. Будда, сидящий в своей позе, или Брахма, с любым количеством тератологических рук, волнуют нас так же мало, как и католическая Мадонна или христианский личностный Бог, уставившиеся на нас со стен и потолков церквей. Но ни Будда, ни Брахма не внушают своим верующим идей, подобных преподносимым католическими иконами, которые, как нам кажется, просто богохульны. И после этого еще смеют говорить, что христианство со своей цивилизацией превзошло фетишизм фиджей! Когда мы видим христиан и спиритуалистов, столь легкомысленно и самодовольно рассуждающих о Боге и "материализации Духа", мы бы хотели пожелать им хоть немного вникнуть в благословенные идеи древних ариев.

Мы пишем не для "средних" буддистов, и не для средних людей какой бы то ни было веры. Но было бы крайне интересно сопоставить понятия о Боге и человеческом бессмертии лучших метафизиков Европы и любого достаточно образованного буддиста или брахманиста.

Из-за крайне абстрактных определений, это (называйте как хотите: Бог, Сила, Принцип) всегда будет оставаться тайной для человечества, хотя оно и достигло высочайшего уровня интеллектуального развития. Антропоморфические идеи спиритуалистов относительно Духа являются следствием христианской антропоморфической концепции Божества. Довлеющее значение последней столь велико, что "Скрутатор", как на аргумент против двойственности детей и потенциального бессмертия, ссылается на "Иисуса, мудрость которого росла по мере роста его мозга".

Христиане называют Бога Беспредельной Сущностью, а потом наделяют его такими ограниченными атрибутами, как любовь, гнев, щедрость, милость! Они называют Его всемилостивым, и от Его имени проклинают три четверти человечества; называют всепрощающим и утверждают, что грехи одного краткого мига жизни не могут быть искуплены даже вечной агонией. Сейчас, среди тысяч неверно переведенных в "Священном" Писании терминов, каким-то чудом, в версии короля Джеймса более точно употреблено слово destruction (разрушение) вместо annihilation (уничтожение), и ни один словарь не истолкует его как проклятие или вечные муки. Хотя Церковь постоянно подавляет "деструкционистов", все же, беспристрастные мыслители вряд ли станут отрицать, что в верованиях о том, чему учил Иисус и что более соответствует справедливости в учении о конечном уничтожении зла, они идут дальше своих преследователей. Мы верим, что во всей вселенной существует лишь один неопределяемый Принцип, который совершенно непостижим нашим ограниченным сознанием. Мы предпочитаем оставить всяческие обсуждения, чем унизить Его нашими антропоморфическими спекуляциями. Мы верим, что все существующее, материальное ли или духовное, и все, что может актуально или потенциально существовать в нашем идеализме – все это изошло от этого Принципа. Потому, рассуждая о невидимом на основе видимого, мы опираемся в своих размышлениях на учения Мудрецов, предшествовавших христианству, и подкрепленных нашим собственным рассудком. На примере песчинки и обрезка ногтя я уже показывала безрезультатность попыток некоторых из наших критиков отделить абстрактные идеи от сложных объектов. Они не хотят понять, что философская доктрина учит, что атом, наделенный божественным светом, или элементом великого Духа, в его латентном состоянии, тем не менее, несмотря на свое соответствие и принадлежность к одному неделимому целому, может быть почти лишен самосознания. И только когда этот атом,

магнетически привлеченный к подходящему соседнему атому, образует вместе с ним наипростейший комплексный объект, который, после бесчисленных кругов развития, трансформируется в конечном счете в человека – вершину физического и интеллектуального совершенства на нашей планете, только тогда, в единстве с ним, он становится, как целое, живущей душой и достигает состояния интеллектуального самосознания.

"Камень становится растением; растение – животным; животное – человеком и человек – духом", – говорят каббалисты. И здесь опять приходится употреблять при переводе никуда не годное слово spirit, понимаемое как небесный, реже как эфирный, человек. Но если человек – венец эволюции на земле, что же он такое в начальной стадии своего следующего существования? Этот человек даже в высшем своем состоянии – когда он готов стать вместилищем для христианского Бога – Иисуса, и тогда, как говорит Павел, "ниже ангелов". Но сейчас каждое астральное привидение преобразовалось в "ангела"! Я не верю, что ученые, пишущие для вашей газеты (а это одни из наиболее интеллигентных и эрудированных людей науки, которых точная наука научила, что ex nihilo nihil fit [из ничего ничего не получается]; которые знают, что каждый атом человеческого тела развивался от низших к высшим формам невыразимо медленно, через круги эволюции) принимают ненаучную и нелогичную доктрину о том, что простая неочищенная скорлупа астрального человека преобразует его в божественный дух и "ангела"-водителя.

По представлениям теософов, Дух это Луч, это часть Всего; а так как это Все Всезнающее и Беспредельное, то и его часть, до некоторой степени, должна обладать этими свойствами. Человеческий "дух" должен стать каплей Океана, называемого "Ишвара-Бхава" – "у Меня одно тело с самой вселенной" (я в моем Отце, и мой Отец во мне). Он не должен оставаться только "Джива-Бхава", только телом. Он должен чувствовать себя не только частью Творца, Хранителя и Разрушителя, но Душой этой троицы, Парабрахманом, Который объединяет это все и является жизнедающим, всевозглавляющим Духом. Он должен достичь ощущения, обозначаемого словом "Сахаджанинд" – полного блаженства в нирване, существование в котором только для Него, в котором происходит объединение с "бесформенным и бездействующим временем". Это состояние называется "Вартамана" или "лишь настоящее", в нем нет ни прошлого, ни будущего, но одна безграничная вечность настоящего. Кто из контролирующих "духов", материализованных или невидимых, может представить какое-нибудь доказательство, что он принадлежит к действительным духам, известным как "Сыновья Вечности"? Сможет ли даже самый высший из них сообщить нам столько, сколько наш Божественный Разум может открыть нам в минуты озарения? Вступающие в контакт честные "интеллигенты" на многие вопросы отвечают: "Мы не знаем; это нам не известно". Это прекрасно доказывает, что хотя они и больше знают и более совершенны, но, все же, они лишь эмбрионы, неразвитые "духи"; они даже ниже некоторых живущих йогов, которые с помощью абстрактной медитации соединили себя со своим личным, индивидуальным брахманом, своей атмой, что так рекомендовали в своих заповедях Сократ и Дельфик. Тем самым они преодолели "Агнианам" – ограниченность знаний отдельного Я, отдельного Эго.

Лондон часто посещают высокоинтеллектуальные, образованные индусы. Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь из них верил в "материализованных духов" как в духов. Как могут они, неиспорченные материализмом, не деморализовавшиеся в атмосфере Запада, свободные от суеверий сектантов, знающие Веды, уважительно относиться к этим призракам? Побывав у нескольких медиумов, они могут сказать: "Некоторые из них могут быть пережитками сознания развоплощенного человека. Им не хватает знания "Дриананты" и, очевидно, они находятся в хроническом состоянии майи, т.е. одержания идеей, что "они являются тем, чем они на самом деле не являются". "Вартамана" не имеет для них значения, если они посвящены лишь в "Вишаму" (как и в математике тому, что ограничено и исчислимо, соответствует конкретное ограниченное число). Как простые невежественные смертные, они принимают тени вещей за реальность и наоборот; смешивают истинный свет вьятирека с обманчивым очевидным – анвайа. В каком же отношении они выше средних смертных? Нет, они не духи и не девы... они астральные тени.

Конечно, все это может показаться "Скрутатору" непостижимым абсурдом, так как, к сожалению, звезды некоторых метафизиков закатились на западном небосклоне. Потому, до тех пор, пока наши английские оппоненты будут оставаться на своих полухристианских

позициях и не только игнорировать древнюю философию, но и каждый ее термин представлять как абстрактную идею; до тех пор, пока мы будем переводить эти великие идеи по-старому, без введения новых терминов – до тех пор не будет никакого смысла продолжать дискуссии. Мы только станем несносными для читателей и получим от еще нескольких анонимных писателей такие же незаслуженные "комплименты", какими одарил нас "Скрутатор".

Нью-Йорк, 7 марта 1877 г.

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ ДОГМАТОВ АРИЙСКИХ АРХАТОВ[7]

I

По тибетской эзотерической буддистской доктрине, Пракрити это космическая материя (вещество), из которого рождаются все видимые формы; Акаша – тоже космическая материя, но еще более невесомая, скорее, дух этой материи; таким образом, Пракрити – тело, или вещество, а Акаша-Шакти – душа, или энергия.

По учениям тибетцев, Космос состоит из Пракрити и Свабхавата, или Акаши; Космос, заполненный любым веществом, или вообще без вещества, т.е. веществом, настолько легким (тонким), что его можно ощущать только метафизически. Брахман – семя, брошенное в землю этого поля, а Шакти – это таинственная энергия, или сила, которая способствует развитию семени и которую буддистские архаты называют фохат.

То, что мы называем Формой (Рупа), не отличается от того, что мы называем Космосом (Пространством, Шуньятой). Космос не отличается от Формы. Форма – это то же, что и Космос; Космос – это то же, что и Форма. И также с другими "противоположностями" (разделениями, скандхами), будь то боль, (страдание, ведана) или сознание (sanina), впечатления, оставленные прошлым в уме, (Самскара), или знание, (мудрость Винана), – они все то же самое, что и их противоположности". (Книга Ши-кинг, или Сутра сердца. Кит. перевод Маха-Праджна-Парамиты-Хридайи Сутры; глава, посвященная Авалокитешваре, или Проявленному Будде.

Так что доктрины ариев и тибетцев, или архатов, полностью согласуются в основном, отличаясь лишь названиями и способами изложения вследствие того, что брамины веданты верят в существование Парабрахмана, божественной силы, хотя, возможно, и безличной, а буддисты полностью ее отрицают.

II

Страна, которую китайцы называют Сидзанг, а географы Запада Тибетом, упоминается в старейших книгах, сохранившихся в провинции Фокьен (области проживания исконного населения Китая), как родина оккультного учения в древнейшие времена. По этим записям, в той стране жили "Учителя Света", "Сыновья Мудрости" и "Братья Солнца". Считается, что император Юй Великий (2207 г. до н. э.), набожный мистик, получил оккультную мудрость и основанную им систему теократии – он первым в Китае объединил духовную власть с властью мирской – из Си-дзанга. Эта система соответствует древнеегипетской и халдейской; насколько мы знаем, такая система существовала в брахманистской Индии и сейчас существует в Тибете – а именно: все знание (учение), власть, мирская и тайная мудрость сконцентрированы внутри иерархии священников и ограничены их кастой. Каково было коренное население Тибета – на этот вопрос не может правильно ответить сейчас ни один этнограф. Их религия – религия Бон, до-буддистские и анти-буддистские секты; в основном они живут в провинции Кам – вот все, что о них известно. Но даже это может оправдывать предположение, что они – дегенерировавшие потомки могущественных и мудрых предков. По этническим признакам их нельзя считать

[7] Данная работа представляет собой набор замечаний и дополнений к статье "Эзотерические учения арийских архатов по поводу семеричного принципа в человеке" Т. Субба Роу.

чистыми представителями Урало-Алтайских народностей, а их обряды – теперь это в основном колдовство, вызывание духов и поклонение природе – больше всего напоминают общераспространенные обряды вавилонян (как явствует из записей, сохранившихся на найденных при раскопках цилиндрах), но не религиозные церемонии китайской секты даосов, религия которой основана на чистом разуме и духовности. Вообще говоря, даже миссионеры Кейланга, интенсивно смешавшиеся с этим народом на границе Британского Лахула не проводят большого различия между последователями Бона и двух соперничающих буддистских сект – желтошапочников и красношапочников. Секта последних с самого начала препятствовала реформе Дзонкапы и всегда придерживалась "старого" буддизма, который сейчас так часто путают с религией Бон. Если бы наши востоковеды знали побольше об этом народе и сравнили бы обряд поклонения Белу, или Беалу, у древних вавилонян с обрядами Бон, они бы обнаружили неопровержимую связь. В данной работе не стоит и начинать дискуссии, чтобы доказать происхождение коренного населения Тибета от одной из трех великих рас, сменявших друг друга в Вавилонии, независимо от того, как мы их называем – аккадийцами (по Ф. Ленорману) или первобытными урало-алтайцами, халдеями и ассирийцами. И, как бы то ни было, есть основания называть трансгималайскую эзотерическую доктрину халдейско-тибетсткой. А если вспомнить, что Веды, по представлениям всех народов, появились в Индии с озера Манасаровар, расположенного в Тибете, а брамины – с "далекого севера", наше предположение о происхождении всех эзотерических доктрин, когда либо существовавших или еще существующих, из одного источника оправдано. Таким образом, эту доктрину можно назвать арийско-халдейско-тибетской, или Религией Всемирной Мудрости. "Ищите Потерянное Слово у иерофантов (?), Китая и Тибета", – советовал провидец Сведенборг.

III

Веды, брахманизм, а вместе с ними и санскрит были привнесены извне в страну, которую сейчас называют Индией. Они не родились в самой Индии.

Были времена, когда древнее население Запада под общим названием Индии понимало многие страны Азии, представленные теперь другими названиями. Даже в сравнительно позднюю эпоху Александра Македонского различали Верхнюю, Нижнюю и Западную Индии; а древние классики называли Персию и Иран Индией, а страны, которые теперь называют Тибет, Монголия, считались частью Индии. Таким образом, когда мы говорим, что цивилизация пришла в мир из Индии, что Индия – это Альма Матер всех цивилизаций, культур и наук всех остальных наций (включая Вавилонию и, может быть, даже Египет), мы имеем в виду древнюю, доисторическую Индию, Индию времен, когда великая Гоби была морем, а исчезнувшая Атлантида – частью неразделенного континента, начинавшегося у Гималаев и спускавшегося к Южной Индии, Цейлону, Яве и далекой Тасмании.

IV

Для подтверждения этих спорных вопросов (о том, были ли адепты Тибета знакомы с "эзотерической доктриной населения священного Острова") нужно внимательно изучить священные и исторические записи китайцев – народа, эпоха которого начинается почти 4600 лет назад (2697 г. до н. э.). Народ, отличающийся такой тщательностью, народ, создавший, знавший и пользовавшийся некоторыми из самых важных "изобретений" современной Европы (компас, порох, фарфор, бумага, книгопечатание и т.д.) за тысячи лет до их нового "открытия" европейцами, такой народ должен был оставить летописи, достойные доверия.

От Лао-цзы до Хиуен-Тсанга китайская литература заполнена упоминаниями и ссылками на этот Остров, на мудрость гималайских адептов. В книге Преподобного Самуэля Била "Ряд буддистских рукописей, в переводе с китайского" есть глава "О Тянь-Тайской школе буддизма", которую следует прочитать нашим оппонентам. При переводе правил этой самой известной и священной школы и секты в Китае, основанной Чин-че-чаем, прозванным Мудрым, в 575 г. н. э., европейский переводчик ставит знак вопроса у предложения: "То, что касается единого одеяния (бесшовного), носимого Великими Учителями Снежных Гор, школы Химавата" – и ничего другого ему не оставалось делать. В записях Генеральной

Переписи Индии нет данных о школе Химавата или нашего Гималайского Братства. Далее, мистер Бил переводит правило относительно "великих профессоров высшего ордена, живущих в горах, вдали от человека", араньяков – отшельников.

Так, если отдать должное традициям и безотносительно исторических записей, сохранившихся в Китае и тибетских Священных Книгах, легенда об этом Острове жива до наших дней среди народностей Тибета. Светлого Острова больше нет, но страна, в которой он когда-то процветал, осталась, и место его хорошо известно некоторым "великим учителям снежных гор", несмотря на возможные изменения топографии вследствие ужасного катаклизма. Есть поверье, что через каждые семь лет эти учителя собираются в Шамбале, "счастливой стране". По общему верованию она находится на Северо-Западе Тибета. Некоторые полагают, что она расположена в неисследованных центральных областях, недоступных даже для бесстрашных кочевников; другие считают, что она лежит между грядой гор Гандишри и северной частью пустыни Гоби (с юга и севера) и наиболее населенными районами Хундуза и Кашмира области Гья-Филлинг (Британская Индия) и Китаем (с запада и востока) – достаточно большое пространство для поисков любопытствующих. Другие же считают, что страна эта находится между горами Намур Нур и Кунь-Лунь. Но все твердо верят в Шамбалу и говорят о ней как о плодородной, волшебной стране, бывшей когда-то островом, а теперь представляющей оазис несравненной красоты, место встреч наследовавших эзотерическую мудрость богоподобных обитателей легендарного Острова.

В связи с древней легендой об Азиатском море и континенте Атлантиды имеет смысл вспомнить о том, что известно всем современным геологам, – что на склонах Гималаев можно найти геологические доказательства того, что породы этих громадных пиков были когда-то частью океанского дна.

V

Мы уже отмечали, что, по нашему мнению, вся разница между буддистской и ведантистской философиями заключается в том, что первая представляет своего рода рационалистический ведантизм, а последнюю можно рассматривать как трансцендентный буддизм. Если в эзотеризме ариев термин Дживатма применяется в отношении седьмого принципа, чистого бессознательного духа, духа per se, – это потому, что в Веданте постулируются три типа существования: 1) Парамартхика – истинное, единственно реальное; 2) Вьявахарика – практическое; и 3) Пратибхашика – кажущееся, или иллюзорное – и первый тип Жизни, или Джива, представляется как единственный истинно существующий. Брахма, Единое Эго – единственный представитель этой Жизни во вселенной, так как это мировая жизнь, в то время как две другие – лишь ее "объективные проявления", порожденные и созданные невежеством, полные иллюзии, предложенные нам нашими слепыми чувствами. Буддисты, наоборот, отрицают как субъективную, так и объективную реальность, даже относительно существования Одного "Я". Будда заявляет, что нет ни Создателя, ни Абсолютного Существа. Буддистский рационализм всегда был начеку относительно непреодолимой трудности допущения одного абсолютного сознания; по словам Флинта, "где только есть сознание, есть зависимость, а где только есть зависимость, есть двойственность". Единая Жизнь либо абсолютна и необусловленна (Мукта) и не может зависеть ни от чего и ни от кого; либо она связана и обусловлена (Баддха), и тогда ее нельзя назвать Абсолютной. Более того, ограничения такого рода обуславливают существование другого божества, столь же могущественного, для объяснения зла в этом мире.

Следовательно, тайная космогоническая доктрина архатов признает одно-единственное абсолютное, неразрешимое, вечное и несозданное Бессознательное (дословный перевод); стихию (используем это слово за отсутствием другого, более подходящего), абсолютно независящую от чего бы то ни было во вселенной; всегда присутствующее и вездесущее; Присутствие, которое всегда было, есть и будет независимо от того, есть или нет Бог или боги, есть или нет Вселенная; Существующее в течение вечных циклов Махаюг, во время Пралай и в периоды Манвантар; и это есть Космос, поле действия Вечных Сил и Законов природы, основа (как правильно ее называет наш корреспондент), на которой происходят бесконечные (постоянные) взаимосоотношения Акаши и Пракрити, направляемые бессознательными регулярными пульсациями Шакти – дыхания или силы

сознательного Божества, как сказали бы теисты, или вечной энергии вечного бессознательного Закона, как сказали бы буддисты.

Таким образом, Космос, или Фан Бар-нанг (Маха Шуньята), или, по Лао-цзы, "Пустота" есть природа буддистского Абсолюта (см. Конфуций. Хвала Бездне). Так, архаты никогда не смогут употребить слово Джива в отношении седьмого принципа, т.к. только через его соотношение или контакт с материей (веществом) фохата (буддистской активной энергии) может развиться активная сознательная жизнь; и на вопрос:"Как может бессознательное создать сознательное?" – ответим: "Было ли самостоятельным семя, из которого произошли Бэкон или Ньютон?"

РЕИНКАРНАЦИЯ В ТИБЕТЕ

Европейцам так мало известно из того, что происходит в Тибете и даже в более доступном Бутане, что англо-индийская газета – из тех, что делают вид, будто во всем сведующи и с уверенностью обсуждают любой предмет независимо от того, знают ли они его в действительности или нет, – напечатала недавно следующую "ценную" информацию: "Может быть мало кому известно, что Деб Раджа Бутана, умерший в июне прошлого года (это событие осталось в тайне, возможно, с целью предотвращения волнений), – был нашим удачливым оппонентом в 1864-1865 годах... Правительство Бутана состоит из духовного лидера, называемого Дхарма Раджа и являющегося инкарнацией Будды (?!), который никогда не умирает, а также гражданского правителя – Деб Раджы, в руках которого предполагается сосредоточение всей власти".

Трудно было бы сделать более невежественное утверждение. Нам могут ответить, что христианские авторы верят в реинкарнацию Будды еще меньше, чем буддисты Цейлона, и, следовательно, очень мало заботятся о точности своих утверждений. Но в таком случае зачем вообще затрагивать этот вопрос? Ежегодно различные правительства выделяют большие суммы на изыскание старинных азиатских рукописей и изучение истины о древних религиях и народах; запутывание же интересующихся людей легкомысленным и презрительным отношением к фактам далеко от уважительного отношения как к науке, так и истине.

На основе информации полученной в нашем центре, мы попытаемся дать более точное объяснение данного вопроса, чем то, которое до сих пор присутствовало в различных книгах. Информацию нам предоставили, во-первых, несколько высокоученых лам, во-вторых, европейский дворянин и путешественник, предпочитающий не указывать своего имени, и, в третьих, высокообразованный молодой китаец, выросший в Америке, но в дальнейшем покинувший роскошь светской жизни и удовольствия западной цивилизации ради относительно тяжелой и полной лишений религиозной, созерцательной жизни в Тибете. Оба последних джентльмена – члены Теософского общества. Только что через Дарджилинг мы получили также послание от нашего "небесного" собрата, никогда не упускающего случая связаться с нами.

В настоящей статье, помимо опровержения странного представления о том, что бутанский Дхарма Раджа является "инкарнацией Будды", мы укажем ряд нелепостей, допущенных некоторыми предубежденными авторами.

В Тибете никогда не считали, по крайней мере определенно, что духовный лидер Бутана является "инкарнацией Будды, который никогда не умирает". Дугпа[8] Красные шапки, принадлежат к старой секте Ньянга-па, сопротивлявшейся религиозной реформе Цзонкапы во второй половине XIV – начале XV веков. Только после того, как тибетский лама, пришедший в Бутан в X веке и обративший бутанцев из старой буддийской веры (смешанной с религией Бон исконного населения) в веру Шаммарской секты, бутанцы в противовес принявшим реформу Ге-лук-па установили стройную систему реинкарнаций. Однако, Дхарма Раджа является воплощением не Будды, или по-тибетски Сангиас, а совсем другого лица?, о котором речь пойдет далее.

[8] Название Дуг-па унизительно в Тибете. Сами члены этой секты произносят его Дёг-па – от корня "связывать" (обетом, заветом, договором; имеется в виду религиозная связь со старой верой); в то время как верховная, первостепенная секта Ге-лук-па – Желтые шапки – и простые люди пользуются названием Дуг-па в значении "причиняющие вред", колдуны. В Тибете, а также в некоторых районах Северной Индии, бутанцев обычно называют Дуг-па.

Что же знают ориенталисты о Тибете, его гражданском управлении, а особенно о религии и обрядах? Только то, что им удалось узнать из противоречивых и неполных описаний и изложений нескольких католических монахов и двух-трех отважных путешественников недуховного сана, которые, не зная языка, вряд ли могли дать хотя бы сколько-нибудь исчерпывающее описание страны. Миссионеры, тайно проникнувшие в Лхасу[9] в 1719 году, пробыли там совсем недолго и в конце концов были силой выдворены из Тибета.

Письма иезуитов Дезидери и Иогана Грюбера, а особенно Фра делла Пенна, полны величайших нелепостей.[10] Следует лишь прочесть эти письма, чтобы увидеть, что все христиане и особенно католические миссионеры (очевидно, суеверные столь же, если не более, чем невежественные тибетцы, которым они приписывают всяческие беззакония) испытывают к "язычникам" и их вере дух odium teologicum [теологическая ненависть], полностью лишающий их чувства справедливости. И где еще могли они найти лучшую возможность "раздуть" свою монашескую сварливость и мстительность, как не в Тибете, стране тайн, мистики и уединения? Кроме этих нескольких предубежденных "историков" лишь пятеро других европейцев побывали в Тибете. Из них Богль, Гамильтон и Тёрнер дошли лишь до границ Тибета; Маннинг (единственный европеец, побывавший в Лхасе[11], умер не раскрыв тайн этой страны по причинам, о которых его единственный племянник, священник, хотя и подозревал, но никогда не узнал. Ксома де Кёрёш не прошел дальше Занскара и ламаистского монастыря Фэгдал[12].

Принятая система инкарнаций Шакьи, или Будды, была начата Цзонкапой. Этот реформатор не был, как принято считать, воплощением одного из пяти небесных Дхиани, или божественных будд, созданных, как утверждают, Шакья Муни после его вознесения в нирвану. Цзонкапа – воплощение Амиты (одно из китайских имен Будды). Согласно записям, сохранившимся в монастыре Гон-па, Таши Лунпо (пишется Tda-shi Hlum-po), Сангиас переродился в образе Цзонкапы во время упадка, который переживало его учение. До этого не было иных перерождений, кроме пяти небесных Будд и их бодхисаттв – каждый будда создал (провозгласил под защитой своей небесной мудрости) пять бодхисаттв; таким образом было и есть теперь 30 инкарнаций (Сангиас) – 5 Дхиани и 25 бодхисатв. Красные шапки выступали против Цзонкапы из-за того, что, наряду с другими реформами, он запретил колдовство (черную магию), практикуемую до сих пор с ужасающими обрядами бонцев, исконным населением Тибета, которые всегда были близки с Красными шапками или Шаммарами.

Вслед за этим последовало разделение двух сект. Полностью отделившись от Ге-лук-па, Дуг-па (Красные шапки), бывшие изначально в большом меньшинстве, обосновались в различных областях Тибета, в основном в пограничных районах (особенно на границе с Непалом и Бутаном). Бутанцы, однако, всегда были поданными и вассалами Далай-лам, сохраняя некоторую независимость лишь в монастыре Сакья-дзонг, тибетской резиденции их духовного (?) лидера Гонг-со Римпоче. В письме к Уоррену Хастингсу в 1774 году Таши-лама называет бутанцев "грубой и невежественной расой", а также пишет, что "Деб Раджи зависимы от Далай-ламы", но не упоминает о том, что они – поданные его государства и были таковыми уже более трех с половиной веков. Таши-ламы всегда были более могущественны и почитаемы, чем Далай-ламы. Титул Далай-ламы был учрежден Таши-

---

[9] Из 12 монахов-капуцинов, основавших под руководством преподобного отца делла Пенна миссию в Лхасе, 9 вскоре умерло и лишь трое вернулись на родину и смогли рассказать свою историю. См. Клементс Р. Маркхем. "Тибет".

[10] См. Приложения в книге Clements R. Markxam, C. B., F. R. S. "Narratives of the mission of George Bogle to Tibet". Triibner & Co. London.

[11] Здесь речь идет о текущем столетии. Крайне сомнительно, что миссионеры Хук и Габе когда-либо были в Лхасе. Ламы отрицают это.

[12] Мы хорошо знаем, что это название обычно пишется Пугдал, но это ошибочно. Слово Пугдал ничего не значит, а тибетцы не дают своим священным местам ничего не значащих названий. Не знаем как передает это название Ксома де Кёрёш, но как и в случае дворца Поталы в Лхасе, неточно называемом Потала, название монастыря Пхэг-дал происходит от слова Пхэг-па; пхэг означает величественный в целостности, подобный Будде, духовный; пха – человек, отец, – титул Авалокитешвары, бодхисатвы, инкарнацией которого и являются Далай-ламы Лхассы. Долина Ганга, где проповедовал и жил Будда, тоже называется Фэгюл – священная, духовная земля. Слово пхэг происходит от одного корня, пха или пхо, – искаженного фо (или Будда), так как в тибетском алфавите нет буквы "ф".

ламой Набан-Лоб-Сангом, являвшимся шестым воплощением Цзонкапы, который в свою очередь был инкарнацией Амитабы или Будды. Такая иерархия была установлена в Лхассе, но появилась она только во второй половине XVII века[13].

В выше упомянутом и очень интересном труде К. Р. Маркхема автор собрал всю информацию о terra incognita, которая когда-либо достигала Европы. В этой работе есть одни абзац, который, по нашему мнению, в нескольких словах подытоживает ошибочные взгляды востоковедов на ламаизм и особенно на систему непрерывных реинкарнаций. Вот этот абзац:

> «Действительно, приблизительно одновременно с путешествием Хуен Цанга в Тибете начал распространяться буддизм, как со стороны Китая, так и со стороны Индии, но появился буддизм в Тибете совсем не в том виде, как за несколько веков на Цейлоне. Традиции, метафизические размышления и новые догмы привнесли в изначальные тексты огромное количество более поздних откровений. Тибет таким образом получил большую долю истины, но для укрепления народной веры мог принять лишь часть этой истины. С тех пор, как оригинальные тексты были привезены на Цейлон сыном Ашоки, истинным буддистам Индии было открыто, что их Бог создал пять дхиан, или небесных будд, а каждый из последних – пять бодхисатв или существ, находящихся на пути достижения состояния Будды, на пути освобождения. Тибетцы твердо приняли эту сторону буддийского учения; при этом по их вере бодхисатвы продолжают свое существование, проходя цепь рождений и смертей в различных воплощениях во имя блага человечества. Постепенно развились характерные черты тибетской веры, причем задолго до того, как они приняла современный вид[14], но к идее воплощений бодхисатв тибетцы склонялись с самого начала».

В тоже время Макс Мюллер пишет:

> «Самым важным элементом буддийской реформы всегда был ее социальный и моральный кодекс, а не метафизические теории. Этот моральный кодекс представляет один из наиболее совершенных кодексов, когда-либо существовавших в мире; именно буддизм принес в Тибет это благо[15]».

Это "благо" осталось и распространилось по всей стране, ибо не было еще более благодушной, чистосердечной, более простой и грехобоязненной нации, чем тибетцы – не смотря на злословие и клевету миссионеров[16]. И все же, не смотря на это, "народный" ламаизм отличается от истинного эзотерического буддизма, или буддизма архатов Тибета, как снег, вытоптанный вдоль дороги в долине, отличается от чистого, неосквернного

---

[13] К. Р. Маркхем в книге "Тибет" пишет (предисловие, с. XVII): "Современником Цзонкапы был другой великий реформатор Гедун-тубпа, родившийся в 1339 г. и умерший в 1474 г. (и проживший таким образом 135 лет). Он построил монастырь Таши Лунпо в 1445 г., и именно с этого, как его называли безупречного ламы началась цепь нескончаемых перерождений. Сам он был воплощением бодхисаттвы Падма Пани и отказался от достижения состояния Будды после смерти для того, чтобы рождаться вновь и вновь на благо человечества... Когда он умер, по определенным божественным знакам нашли младенца – его приемника.

[14] "Современная" – это самая ранняя вера, как мы и попробуем показать ниже. Невозможен правильный анализ любой религии на основании "народных" форм – и менее всего ламаизма, или эзотерического буддизма, искаженного пылом невежества и яркого воображения людей. Между ламаизмом ученого духовенства и ламаизмом невежественных масс их паствы существует большая разница, чем между христианством епископа Беркли и христианством современного ирландского крестьянина. До сих пор востоковеды поверхностно изучали лишь верования и обряды "народного" буддизма в Тибете, причем в основном через искажающие очки миссионеров, невидящих ничего, кроме своей религии. Тоже самое можно сказать о сингалезском буддизме: по словам полковника Олькотта в кратком предисловию к "Буддийскому Катехизису", миссионеры в течение многих лет упрекали сингалезцев в "ребячестве и абсурдности их религии", в то время как на самом деле то, о чем они говорили очень далеко от ортодоксального буддизма. Буддийский фольклор и сказания являют накопления 26 веков.

[15] См. Введение в "Науку о религии", с. XIV

[16] Чтобы читатель мог сформировать свое мнение, необходимо лишь сравнить приведенную в книге К. Р. Маркхема "Тибет" теплую, беспристрастную и искреннюю хвалу характера тибетцев и их моральных представлений, а также полные энтузиазма похвалы Томаса Маннига в адрес Далай-ламы и его окружения с письмами трех иезуитов, приведенных в "Приложении". В то время как трое первых авторов – беспристрастные рассказчики и, не имея никаких оснований искажать истину, едва находят достаточно слов для выражения удовлетворения тибетцами, трое "посланцев Бога", описывая Далай-лам и тибетцев, выбирают лишь такие выражения, как "их сатанинский Бог и Отец", "мстительные дьяволы", "демоны, умеющие претворяться и лицемерить", которые "трусливы, невежественны и полны гордыни", "грязны и аморальны" и т.д. – все в том же духе во имя истины и христианского милосердия!

снега, сияющего на горных вершинах[17]. А теперь попробуем исправить, насколько это будет возможно, некоторые искаженные представления об эзотерическом буддизме.

Перед объяснением того, как бутанцы были насильственно подчинены, и Дхарма Раджа стал вынужден принимать "инкарнации" только после их изучения и признания в Лхасе, посмотрим на состояние религии в Тибете в течение семи веков, предшествующих реформе. Как было сказано ранее, в IX-X веке один лама пришел в Бутан из провинции Кам, всегда бывшей опорой и рассадником традиций бонцев и шаммаров[18], и обратил бутанцев в веру, которую назвал Буддизмом. Но в те дни истинная, чистая религия Шакья Муни уже начала вырождаться в ту форму ламаизма, или, скорее, фетешизма, против которой четыре столетия спустя со всей своей мощью восстал Цзон-ка-па. Хотя прошло только три века после обращения Тибета (за исключением горстки шаммаров и бонцев), но эзотерический буддизм проник в страну намного раньше. Он начал заменять древние народные обряды уже с того самого времени, как брамины Индии, вновь одержав верх над буддизмом Ашоки, молча готовились к сопротивлению, которое закончилось полным выдворением новой веры из страны. До буддизма в Тибете существовало братство, или община аскетов, известных под названием Бьян-циуб – "Достигшие" и "Совершенные"; в добуддийских китайских книгах о них упоминается как о "великих учителях снежных гор".

Буддизм был введен в Бодюле в начале VII века набожной китайской принцессой, вышедшей замуж за тибетского короля[19], обращенного ею из религии Бон в буддизм и ставшего с тех пор опорой веры в Тибете, как Ашока в Индии за девять веков до этого. Именно он послал своего министра (по мнению европейских востоковедов) и брата, первого ламу в стране (по тибетским историческим хроникам) в Индию. Этот брат-министр вернулся "с великой истиной, содержащейся в буддийских канонических текстах; основал тибетский алфавит по образу Деванагари и начал перевод канонов с санскрита (санскритский вариант был ранее переведен с пали, древнего языка магадхи) на тибетский". (См. "Тибет" Маркхема)[20]

По старым законам, до реформации, высшим ламам был разрешен брак, чтобы осуществлялась возможность перерождения в прямых потомках; эту традицию упразднил Цзонкапа, строго предписывавший ламам безбрачие. Лама-просветитель Бутана привел с собой в страну сына. Лама обещал людям переродиться в первом ребенке мужского пола, который родится у его сына. Примерно через год – как рассказывает легенда – жена-бутанка родила сыну ламы тройню, трех мальчиков! В этом затруднительном положении, смутившем бы любого казуиста, в полной мере была продемонстрирована азиатская метафорическая сообразительность. Как было сказано людям, дух умершего ламы воплотился во всех трех мальчиках. Один получил его Ом, другой – Хан, третий – Хун, или, на санскрите, – Будда, божественный разум; Дхарма, материальная или животная душа; и Сангха, соединение первых двух в нашем объективном мире. Именно так чистое буддийское учение было низведено хитрым бутанским духовенством, чтобы лучше служить их целям. Так, их первый лама переродился в трех лам, один из которых получил "тело" первого ламы, второй – его "сердце", а третий – его "слово" или "мудрость". Такая иерархия без разделения власти продолжалась до XV века, когда лама Дукпа-шаб-тунг, побежденный Желтыми шапками Гай-дон Туб-па[21], Таши-лама Тзи-гацзе является Панчен Рим-поче ("Драгоценностью

---

[17] Как пишет отец Дизедери в одном из немногих правильных описаний тибетских лам... "хотя многие могут прочесть их таинственные книги, никто не может объяснить их". Это замечание, впрочем, применимо и по отношению к христианскому духовенству. (См. "Тибет", с. 306)

[18] Вера шаммарской секты вовсе не является, как иногда полагают, извращенным буддизмом; это разновидность религии Бон, которая, в свою очередь, является вырожденным остатком мистерий древних халдеев и в настоящее время полностью основана на заклинаниях, колдовстве и предсказаниях. Введение в эту религию имени Будды ничего не значит.

[19] Общеизвестно, что после десяти лет супружеской жизни она с согласия мужа прервала узы брака и в одеянии монашенки (Гелунг-ма, или Ани) проповедовала буддизм по всей стране, как за несколько веков до этого принцесса Сангхамитта, дочь Ашоки, проповедовала его в Индии и Цейлоне.

[20] Но автор не говорит (поскольку получил информацию из источников, которым это также не было известно), о том, что, по преданию, эта принцесса перерождается в образе женщин-лам, которых называют Рим-ани – драгоценные монахини. Дурджай Пан-мо, о котором пишет Богль (сводная сестра Таши-ламы в то время), настоятельница монастыря на озере Ям-дог-чо (или оз. Пьяте) – одно из ее воплощений.

[21] Строитель и основатель (1445 г.) Таши Лунпо; "Совершенный лама", или Панчен – "Драгоценность" (от слов: пан-чен – великий учитель, рим-поче – бесценная драгоценность). В то время как Далай-лама является всего лишь Гьялба Рим-поче ("Драгоценностью королевского величия").

Мудрости и знания")) с армией монахов захватил Бутан. Завоевав всю страну, он объявил себя первым Дхарма Раджей, или Ламой Рим-поче, таким образом, начав линию третей "Драгоценности" в противовес Ге-лук-па. Но эта линия никогда не достигла титула Величия, а тем более Знания или Мудрости. Дукпа-шаб-тунг вскоре был разбит тибетской армией с помощью китайских войск Желтых шапок. Он был вынужден принять определенные условия, одно из которых давало ему полномочия духовной власти над Красными шапками Бутана при том условии, что Дукпа-шаб-тунг согласится на свое перерождение в Лхасе (и объявит, что таков будет закон навсегда). Так все последующие Дхарма Раджи рождались в Лхасе или на территории Таши Лунпо. По второму пункту предлагаемых условий, Дхарма Раджи должны были препятствовать публичным демонстрациям обрядов колдовства и заклинаний; по третьему – ежегодно должна была вноситься определенная сумма денег на содержание ламаистского монастыря, в школе которого предполагалось наставлять сирот Красных шапок и обращенных шаммаров в "истинной доктрине" Ге-лук-па. То, что последние имели некую таинственную власть над бутанцами, народом самым недружелюбным и непримиримым среди Красных шапок, подтверждается тем, что лама Дукпа-шаб-тунг переродился в Лхасе, и по сей день Дхарма Раджи назначаются и возводятся в сан в Бутане властями Лхасы Шигадзе. Дхарма Раджа ведает не административной, а духовной властью; гражданская власть переходит полностью в руки Деб Раджи и четырех Пен-лобов, называемых также Пенлоу в индийских официальных документах, а эти, в свою очередь, напрямую зависят от властей Лхасы.

Из вышесказанного легко понять, что никогда Дхарма Раджу не считали воплощением Будды. То, что последний "никогда не умирает", относится лишь к двум великим и равным по статусу инкарнациям – Далай-ламе и Таши-ламе. Оба этих лица – воплощения Будды, хотя первого обычно считают воплощением Авалокитешвары, высшего небесного Дхиани. Для того, кто нашел ключ к загадочной тайне, легко разрубить Гордиев узел этой цепи инкарнаций. Этот человек будет знать, что Авалокитешвара и Будда – это одно и то же, так же как Амита-фо, или Амита-Будда – это то же, что и Авалокитешвара. Учение тайной доктрины посвященных Пхаг-па[22], или "святых мужей" (адептов) об этом предмете не должно открываться всему миру.

[22] В тибетском языке сочетания пхо и пха произносятся мягким губным звуком с придыханием и означают также "человек", "мужчина", "отец". Так, пхаюл (Phayul) – это родина, родная земля; пха-нья – ангел, посланец добрых вестей; пха-ми – предки и т. д.

ОТДЕЛ II
СВЯЩЕННАЯ НАУКА

Великая Наука, или мудрость жизни, заключается в раскрытии и превознесении божественного светлого начала разума; в обновлении людей, и нахождении своего высшего назначения в совершенстве, или в высшем благе.

Конфуций

МАГИЯ

В "The Indian Tribune" 15 марта появилось письмо о взаимосвязи Теософского общества и Арья Самадж. Автор не выражает враждебных чувств ни ко мне, ни к Обществу и потому я постараюсь деликатно исправить некоторые допущенные им ошибки.

Так как он подписался – "член" Самадж, значит, он должен быть почитаем нами как Брат, пусть даже он был движим вовсе ненужным страхом скомпрометировать свой Самадж некоторыми нашими странными высказываниями и для того так поспешно отрекся от взаимосвязи его с нашим Обществом. Он пишет:

> Я был удивлен, услышав, что в Обществе состоят люди, верящие в магию. Что ж, пусть это будет верой Теософского общества, я могу лишь заверить наших читателей, что в этом плане Арья Самадж не имеет с ним ничего общего... Наши предметы можно назвать общими лишь там, где они касаются ведического учения и ведической философии.

Вот именно на это я и хотела бы ответить.

Суть вопроса состоит в конкретном определении слова "магия" и понимания, что есть ведическое "учение и философия". Если словом магия обозначать популярные суеверия в колдовство и привидения, если это допущение существования сверхъестественных сил, если это вера в чудеса и во все, что противоречит естественным законам – тогда, от имени всех теософов, будь то необращенный скептик, верящий и изучающий лишь простые явления, или же современный спиритуалист, считающий, что медиумические феномены могут производиться посредством призвания человеческих духов, мы категорически отвергаем обвинение.

Мы не видели "The Civil and Military Gazett", которая так замечательно ознакомила публику с нашими доктринами; но если она намеревалась обвинить теософов в подобной вере, следовательно, как и многие газеты, она пишет о том, о чем не имеет ни малейшего понятия.

Наше Общество не верит ни в чудеса, дьявольские или человеческие, ни во что иное, сторонящееся суда философской и логической индукции или силлогистического метода дедукции. Но если искаженный и относительно новый термин "магия" понимать как высшее знание и изучение природы и глубокое проникновение в ее скрытые силы – в те таинственные, оккультные законы, которые составляют основу каждого элемента (будем ли мы как древние, считать, что их четыре или пять или же поверим современным подсчетам, дошедшим до шестидесяти); если под магией понимать древнее познание вне святилищ, известное как "поклонение Свету", или божественная, духовная мудрость – как противопоставление поклонению тьме и невежеству; если вспомнить, что слово это произошло от "титула" Высших жрецов античности, которых арии, халдеи, мидийцы и египтяне называли Маха, Маги или Магинси, а последователи зороастризма магиками (от корня Meh'ah – великий, знающий, мудрый) – тогда теософы "полностью признают свою вину".

Мы изучаем эту "Науку Наук", прославленную эклектиками и платониками александрийских школ и практиковавшуюся теургами и мистиками всех веков. Если же магия постепенно утратила свою репутацию, то это произошло вовсе не из-за ее собственной никчемности, но вследствие недопонимания и пренебрежения даже примитивными идеями; особенно же благодаря хитрой политике христианской теологии, которая боялась, как бы "божественные библейские чудеса" не были опровергнуты и уничтожены многими феноменами, получаемыми посредством естественных (хотя и оккультных) законов, и потому навязывала людям мысль, что все проявления, которые она не могла понять и объяснить, произошли при содействии личного бога. Точно также и знаменитых магов древности обвиняли в том, что они вовсе не обладали большим знанием божественных истин, внутренних сил и возможности физического закона, чем их последователи – необразованные персидские мобеды и индусские магараджи из тех циничных сект, которые известны нам под названием валлабхачарьяс. И те и другие даже ссылаясь в своих апелляциях на персидское слово мог или маг и, соответственно, санскритское маха. Не одна великая истина была унижена человеческим невежеством, не одна правда была осмеяна.

Платон, и даже скептик Люциан, оба признавали великую мудрость и глубочайшие знания магов. Цицерон, говоря о тех, кто жил в его время в Персии называл их sapientium et doctorum genus majorum. И если это так, то мы, очевидно, должны признать, что эти маги или "магики" были далеко не такими, как видится Лондону и некоторым мошенникам-медиумам. Такие ученые теурги и философы как Пифагор, Плотин, Порфирий, Прокл, Бруно, Парацельс, и много других великих людей попали ныне в опалу. Но если бы нашему Брату – теософу Томасу Алва Эдисону, изобретателю телефона и фонографа, выпало бы жить во времена Галилея, я уверена, ему пришлось бы искупать грех своего изобретения – метода фиксирования на поверхности металла и сохранения на долгие годы звука человеческого голоса – в ужасных пытках или на костре, ибо его талант был бы объявлен даром дьявола. И все же, даже такое животное надругательство и замалчивание истины не смогло бы обратить научные открытия в глупое и низкое суеверие.

Но наш друг все же спустился до нашего уровня, по крайней мере в одном. Он сам соглашался, что в "ведических учении и философии" Арья Самадж и Теософское общество находят общую почву. Тогда я обращаюсь за помощью к авторитету, который сохранился лучше, чем столь осмеянные магия, теургия и алхимия. Я имею в виду сами Веды, так как "магия" содержится в каждой строчке священных книг ариев. Без магии нельзя понять ни одну из шести школ арийской философии. И мы претендуем на точное понимание их, так как мы изучали и сами Веды и более позднюю брахманскую литературу, а потому имеем полное право осветить внутренний summum bonum этой материи всех восточных философий. Если бы мы пренебрегли этим изучением, мы, как и вся Европа, поставили бы интерпретацию Вед Макса Мюллера значительно выше "Веда Бхашья" Свами Даянанда Сарасвати. И мы оставили бы неопровергнутым утверждение этого английско-немецкого санскритолога, что, за исключением "Риг" ни одна из четырех священных книг не достойна имени Веда, особенно же "Атхарваведа" – абсурд, магический нонсенс, составленный из жертвенных формул и заклинаний (см. его "Lecture on the Vedas". Вот почему мы просим позволить уж нам, невзирая на все эти превратные толкования, следовать аналитическому методу таких ученых и практиков "магии" как Капила, упоминаемый в "Шветашватара упанишаде" как "Риши, получавший знание от самого Бога", Патанджали – великого авторитета йоги, Шанкарачарья – знаменитого теурга и Зороастра, получившего свою мудрость от брахманов Ариаварта. И мы не понимаем, почему это должно быть причиной насмешек всего мира и даже нашего брата из Арья Самадж, будто мы суеверные глупцы или фанатичные энтузиасты. Я даже скажу больше. В то время как наш дорогой брат вместе со всеми остальными "членами" Самадж не способны и совершенно бессильны защитить Свами Даянанда от софистики насмешников, подобных пандиту Махеза Чандра Ньяаратна из Калькутты, уверявшего нас, что "Веда Бхашья" это жалкая и неудачная попытка интерпретации, мы, теософы, не уклонимся от принятия этого труда. Когда Свами говорит, что Агни и Ишвара это одно и то же, пандиты из Калькутты называют это "чепухой". Ему Агни представляется простым видимым огнем, на котором он может приготовить свой рисовый пирог. Очевидно, он не знает (хотя и должен был бы знать, если он называет себя "магом", то есть ознакомившимся с понятиями о божественном Огне и Свете, "чье наружное

тело – Пламя", которых придерживались средневековые розенкрейцеры (философы Огня) и все их именитые предшественники), что ведический Агни действительно Ишвара и ни что иное. Свами не делает никакой ошибки, когда говорит: "Ибо Агни – божество, и Вишну – божество. Ибо эти два (божественных) тела, Агни и Вишну, это две стороны жертвы".

На одном конце лестницы, спускающейся с небес на землю, находится Ишвара – Дух, Высшее Существо, субъективное невидимое и неопознаваемое; на другом – его видимое проявление "жертвенный огонь".

Все это было прекрасно понято всеми древними религиозными философами, и посвященные персы поклонялись вовсе не чадящему пламени, а божественному Духу внутри, лишь проявлением которого является огонь; и даже в Библии есть недостижимый Иегова и его огонь, пожирающий дрова на алтаре и спускающийся ко рву с водой и поглощающий ее (Третья книга Царств, XVIII, 38). Горящие кусты Моисея и Святой Дух в Евангелиях христианства, спускающийся подобно языкам пламени на головы избранных учеников – это тоже видимое проявление Бога. Нет ни одной эзотерической философии и, тем более, теософии, которая бы не воспринимала этой глубокой духовной идеи; и все они, так или иначе, происходят от ведических священных книг. Вот что, цитируя Р. Флудда, теософа и алхимика средневековья, говорит автор "Розенкрейцеров" в главе "Природа Огня": "Нет ничего удивительного, ведь, если оставить пока идолопоклонство, в религиях ариев, мидян, зороастрийцев, древние персы и их учителя – маги, полагая, что они видят "Все" в этом сверхъестественном, величественном Элементе (огне), падали ниц и молились ему; делая из него видимое изображение истинного Бога, все же, в своих размышлениях, философиях, в своем здравом рассудке люди понимали, что это не может быть Богом; и невозможно разглядеть или понять вне себя то, что является Всем".

Это учение средневековых философов Огня, известных как Братья Розенкрейцеры: Парацельса, Кунрата, Ван Гельмонта, а также всех посвященных и алхимиков, следовавший этой вере, всех, кто открывал для себя вечный Огонь или "узнавал Бога в Бессмертном Свете", в сиянии, которое исходило от йогов. Тот же автор пишет о них: "Поднимаясь к вершинам сознания, эти титаны мысли миновали туманные границы Реального и Нереального и достигли магии. Может ли быть магия фальшивкой?" – спрашивает он. Нет, конечно же нет, если под магией понимать высшее изучение божественного (а вовсе не сверхъестественного) закона, хотя он пока и не открыт с такой точностью и материалистическими проявлениями, как те, в которые верит почти двадцать миллионов хорошо образованных, часто даже высоко просвещенных и ученых людей в Европе и Америке. Все это реально, все это удостоверено показаниями сотен безупречнейших свидетельств, все это имеет научные, математические доказательства, как, например, последние открытия нашего Брата Т. А. Эдисона. Если определительное "глупец" применимо к таким людям науки и гигантам интеллекта обоих полушарий, как В. Крукс; Альфред Россель Уоллас, величайший натуралист Европы, успешно соперничающий с Дарвином; Фламмарион, французский астроном, член академии наук Франции; профессор Цельнер, прославленный астроном и физик из Лейпцига; профессор Хар, великий американский химик и множество других не менее знаменитых ученых, несомненным авторитетам во всех областях за исключением спиритуалистических феноменов, а также и к самим убежденным спиритам, часто обращавшимся в спиритов лишь после многолетних замечательных исследований – тогда, конечно, теософы вовсе не считают себя попавшими в плохую компанию, и даже сочтут за честь быть названными "глупцами" за то, что они разделяют мировоззрение ортодоксальных спиритуалистов, то есть, верят в блуждающих духов. Но мы, хотя и подвергаем сомнению их "духов", верим в спиритические феномены, ибо мы знаем, что это реальные факты. Одно дело отвергать недоказанные теории, и совершенно другое – бороться против точно установленных фактов. Каждый имеет право сомневаться пока не будет неоспоримых доказательств. Пусть докажут, что эти современные феномены, наводнившие Запад, проявляются лишь при посредничестве развоплощенных "духов", ибо до сих пор это была чисто надуманная доктрина, поддерживаемая лишь энтузиастами; но никто не имеет оснований отвергать существование подобных явлений, пока он не приведет более веские аргументы, чем просто скептическое отрицание. Если мы, теософы (хотя и довольно малая часть нас), отрицаем посредство "духов" в подобных проявлениях, то это потому, что мы можем доказать спиритуалистам свою точку зрения на множестве примеров.

Большинство из этих феноменов, психических или психологических, могут быть проделаны нашими адептами единственно с помощью своей воли и благодаря развитию оккультных сил человеческого внутреннего Я, безо всяких "духов" и божественных или дьявольских чудес. Это и не удивительно, что, отрицая такие вмешательства духов, американские скептики, как следствие, отрицают и сами явления. Едва вырвавшись из челюстей Церкви, всего лишь столетие назад пытавший и казнивший всякого, осмелившегося усомниться в библейских "божественных" чудесах или подтвердить те, которые теология объявила дьявольскими, они упиваются новообретенной свободой мысли и действия, и это вполне естественная реакция. Тот, кто отрицает Высшее и существование своей собственной души, тот точно также не поверит без необходимых доказательств ни в духов, ни в эти феномены. Но то, что восточные люди различных сект, особенно же индусы, могут не верить – вот это аномалия, ведь все они знают о перевоплощении душ, о духовной, как и физической, эволюции. Семнадцатая глава Махабхараты, "Хариваншапарва", полна спиритических феноменов. И если, устыдившись называемого ныне "суевериями" своих предков, молодая Индия, словно подсолнух, повернулась к великим светилам Запада, то вот им слова, защищающие эти феномены и веру древней Индии, сказанные одним из известнейших ученых Англии А. Р. Уолласом, другом королевской семьи и членом Теософского общества[23]:

> Когда я впервые столкнулся с фактами спиритуализма, я был твердым психологическим скептиком. Я был столь убежденный материалист, что в то время я просто не мог найти места в своем сознании для концепции духовного существования или любого иного генезиса во вселенной, кроме как от материи и силы. Факты, однако, "вещь упрямая".

Рассказав как он пришел к спиритуализму, он рассматривает спиритическую теорию и показывает ее взаимодействие с естественным отбором. Он говорит:

> Следуя фактам и точной индукции, я пришел к вере, что, во-первых, существует множество различных сверхъестественных сознаний и, во-вторых, некоторые из них, хотя и остаются невидимыми и неощущаемыми для нас, могут влиять на материю и на наши мысли, и делают это. Пытаясь объяснить те оставшиеся явления, которые не поддаются теории Естественного Отбора, я твердо следовал точному научному и логическому методу. В десятой главе "Добавлений к теории Естественного Отбора" я объяснил, что я отношу к этим явлениям; и я предполагаю, что они происходили благодаря воздействию некоторых из сущностей, упомянутых выше. Я утверждал и утверждаю, что этот подход единственный логически основательный, и, к тому же, он не противоречит ни в коей мере великой доктрине эволюции через Естественный Отбор.

Не слышится ли кому здесь голоса Ману, Капилы и многих других философов древней Индии, говорящих о создании, эволюции, росте нашей планеты и населяющем ее мире животных и людей? Меньше ли говорит великий современный ученый о "духах" и о духовных сущностях, чем Ману, ученый и законодатель времен доисторических? Пусть молодая, скептически настроенная Индия сравнит идеи древних ариев и идеи современных мистиков, теософов, спиритуалистов, великих ученых, а потом уже смеется над суеверными теориями обоих.

Вот уже в течение четырех лет мы боремся против этой жестокой несправедливости. Нас бранили и называли предателями спиритуалисты, христиане и их духовенство выдали нам проклятие на вечные времена и паспорта на свободный вход в ад, нас осмеивали скептики, общество взирало на нас как на наглых лунатиков, а консервативная пресса вообще наложила на нас табу. Мы уж думали, что испили до дна чашу злобы. Мы надеялись, что хоть в Индии, стране, знаменитой своими учеными психологами и метафизиками, мы могли бы найти твердую почву, чтобы встать на ноги. Но не тут-то было! Является наш брат, который, не дав себе труда проверить сплетни, ходящие о нашей вере в магию или спиритуализм... Хорошо! Мы ни в ком не нуждаемся. Мы пришли сюда, чтобы открыть "ведическое учение и философию" миллионам изголодавшихся душ на Западе, которые ознакомились с феноменами, но, благодаря своим понятиям о духах, идут по неверному пути. Но если нас отталкивают в самом начале, если мнение этого "члена" разделяет представительная часть Арья Самадж, тогда Теософское общество, вместе с 45 000 западных

[23] см. его "Добавления к теории естественного отбора" и "О чудесах и современном спиритуализме". Прим. пер.

спиритуалистов опять станет горделивым одиноким путником, ищущим просвещения в абсурдных спиритизме и магии.

ОККУЛЬТИЗМ ИЛИ МАГИЯ

Среди многочисленных наук, изучаемых хорошо дисциплинированной армией ревностных исследователей нашего века, ни одна не удостаивалась меньшего почитания и больших насмешек, чем старейшая из них – наука наук, почтенная прародительница всех наших современных пигмеев. Озабоченные в мелком тщеславии покрыть пеленой забвения свое неоспоримое происхождение, самозваные ученые-позитивисты, всегда настороже, возводят могучие укрепления серьезных препятствий мужественному ученику, пытающемуся отклониться от проторенного пути, предлагаемого его догматическими предшественниками.

Как правило, оккультизм представляет собой опасное, обоюдоострое оружие для того, кто не готов посвятить ему всю свою жизнь. Теория оккультизма, не подкрепленная серьезной практикой, всегда останется в глазах людей, настроенных против столь непопулярного занятия, праздным, безумным делом, годным лишь для одурачивания невежественных старух. Если оглянуться и посмотреть на отношение к современному спиритуализму в течение последних 30 лет, несмотря на ежедневные, ежечасные доказательства, взывающие к нашим чувствам, доказательства, с которыми мы сталкиваемся с глазу на глаз и голоса которых раздаются "из великой бездны", как же можно надеяться, что оккультизм, или магия, соотносимые со спиритуализмом как бесконечное с конечным, как причина со следствием, как единство с множественностью, как можно надеяться, что они легко обретут твердую почву там, где насмехаются над спиритуализмом? Тот, кто отрицает a priori или сомневается в бессмертии человеческой души, никогда не поверит в ее Создателя; и, слепой к тому, что представляется ему разнородным, будет еще более слеп к происхождению этого разнородного из однородности. Что касается каббалы, или сложного мистического руководства к великим тайнам природы, мы не знаем никого в современном мире, кто смог бы сочетать достаточно морального мужества, воспламеняющего сердце истинного адепта, со священным пламенем просветительства для того, чтобы разрушить общественное мнение, показав тонкое знание этого глубочайшего труда. Насмешки – самое смертельное оружие нашего века, и в то время как в исторических летописях можно прочесть о тысячах мучеников, с радостью и мужеством всходивших на костры в защиту своих мистических доктрин, в настоящее время вряд ли найдется человек, достаточно смелый хотя бы для того, чтобы разрушить насмешки серьезным подходом к доказательству великих истин, заключенных в традициях прошлого.

Как пример выше сказанного, упомяну статью о розенкрейцерстве, подписанную псевдонимом "Hiraf". Несмотря на некоторые фундаментальные ошибки, которые в действительности могут быть замечены только теми, кто посвятил свою жизнь изучению оккультизма и различных направлений его практического учения, эта прекрасно написанная статья с уверенностью демонстрирует читателю, что с точки зрения теоретических знаний трудно найти равных автору. Нет нужды опасаться его скромности, которую я, правда, не могу достаточно оценить в данном случае (хотя автор и находится в относительной безопасности под маской обычного псевдонима). Мало критиков в этой стране позитивизма с готовностью рискнули бы схватиться с таким сильным соперником на его территории. Оружие, которое он держит в запасе в арсенале своей замечательной памяти, его образованность и его готовность представить при необходимости любую дополнительную информацию несомненно отпугнет любого теоретика, за исключением людей, абсолютно уверенных в себе, а такие люди встречаются очень редко. Но книжное знание – и здесь я имею в виду предмет оккультизма – каким бы большим оно не было, всегда будет недостаточно даже для аналитического ума, наиболее привычного к извлечению квинтэссенции истины, рассеянной среди тысячи противоречивых утверждений, – за исключением случаев, подтвержденных собственным опытом и практикой. Поэтому "Hiraf" может ожидать столкновения лишь с тем, кто может изыскать возможность опровергнуть его смелые утверждения именно на основе такого небольшого практического опыта. Все же, не

следует считать, что в данной работе мы намерены критиковать этого сверхскромного писателя. Такая самонадеянная мысль невежественна... Я просто хочу помочь ему в его научных, но, как я уже сказала выше, скорее гипотетических исследованиях и для этого пишу о том малом из малого, что почерпнула в результате длительных путешествий по всему Востоку, этой колыбели оккультизма, – пишу с надеждой поправить некоторые ошибочные понятия, затрудняющие нашего автора и рассчитанные именно на смущение непосвященных искренних исследователей, которые могут пожелать напиться из своего собственного источника знаний.

Во-первых, "Hiraf" сомневается в существовании в Англии или где-либо в другом месте профессиональных школ для неофитов Тайной Науки. Скажу, исходя из собственного опыта, что такие школы существуют на Востоке – в Индии, Малой Азии и других странах. Как в далекие дни Сократа и других мудрецов древности, так и сейчас, те, кто желает узнать Великую Истину, всегда найдут шанс, если они только "попытаются" найти проводника к двери того, "кто знает когда и как". Если "Hiraf" прав относительно седьмого правила Братства Розового Креста, в котором говорится, "что член Братства становится таковым, но не делается", он может ошибаться относительно исключений, всегда существовавших в других братствах, посвятивших себя изучению тех же тайных знаний. Далее, когда автор утверждает, что розенкрейцерство почти забыто, можем ответить, что не удивляемся этому, и добавить в скобках, что, строго говоря, розенкрейцеры теперь даже не существуют, ибо последний член этого Братства исчез вместе с личностью Калиостро.

"Hiraf"-у следовало бы добавить к названию "розенкрейцеры" слова "как особая секта", потому что это все-таки была секта, одна из многих ветвей единого древа.

Забыв подробно обозначить это особое определение и включая в название "розенкрейцеры" всех, посвятивших свои жизни оккультизму и объединенных в различные братства, "Hiraf" допускает ошибку, невольным следствием которой может стать убеждение людей в том, что раз розенкрейцеров больше нет, нет больше на земле и каббалистов, практикующих оккультизм. Автора также можно обвинить в анахронизме, когда он приписывает розенкрейцерам построение пирамид и других величественных памятников, в архитектуре которых неизгладимо четко видны символы великих религий прошлого. Это неверно. Если основной предмет рассматриваемого вопроса был и есть един во всей большой семье древних и современных каббалистов, то догмы и формулы отдельных сект сильно различаются. Произрастая одна за другой от одного материнского восточного корня, эти секты широко распространились по всему миру, и желая опередить другие в своем проникновении в глубь тайн, ревниво охраняемых природой, некоторые из них стали виновниками величайшей ереси против изначального учения восточной каббалы.

В то время, как первые последователи тайных наук, переданных халдеям народами, чьи имена также шепотом не произносились в истории, останавливались в своем учении, достигнув максимума, вершины знания, дозволенного человеку, многие из последующих сект отделились от них и в неконтролируемой жажде большего знания преступили границы истины и впали в вымыслы. После Пифагора, который, по Ямвлиху, чистой силой энергии и дерзновения проник в тайны Храма Фив, получил там посвящение и после изучал священные науки в Египте в течение 22 лет, многие иностранцы в последствие были допущены к получению знаний мудрецов Востока; таким образом и были разглашены тайны последних. Из-за неумения сохранять эти тайны в их первозданной чистоте, они настолько смешали их с вымыслом, с рассказами греческой мифологии, что истина была полностью искажена.

Как с течением времени первородная христианская религия разделилась на множество сект, так и наука оккультизма произвела на свет различные доктрины и братства. Так, египетские офиты стали христианскими гностиками, от которых во втором веке произошли базиликийцы, а из первоначальных розенкрейцеров образовались парацельситы, или "философы огня", европейские алхимики и другие физические ответвления и секты. Без разбора называть всех каббалистов розенкрейцерами – такая же ошибка, как называть всех христиан баптистами на основании того, что последние тоже называются христианами.

Братство Розового Креста было основано лишь в середине 13-го века, и, несмотря на утверждения ученого Мошейма, название его происходит не от латинского слова Ros (роза) и не от креста, символа Lux (света). Происхождение братства может быть удостоверено любым серьезным, истинным исследователем оккультизма, оказавшимся в Малой Азии, если

он захочет связать свою жизнь с одним из братств и посвятить себя наитруднейшей работе по расшифровке манускрипта розенкрейцеров, который строго хранится в архивах самой Ложи, основанной первым каббалистом, по чьему имени было названо Братство, носящее теперь другое название. Основатель Братства, немецкий рыцарь по имени Розенкранц приобрел на родине очень сомнительную репутацию, практикуя Черное Искусство (Черную Магию). Он был обращен через видение. Оставив свою практику, он принес торжественную клятву и отправился пешком в Палестину, чтобы у Святого Гроба принести amende honorable. Когда он прибыл в Палестину, ему явился христианский Бог, кроткий, но знающий назареян, обученный в высшей школе Ессеев, праведных потомком халдеев-ботаников, астрологов и магов. Христианин сказал бы, что это явление произошло в форме видения, я предполагаю другой вариант – в форме материализовавшегося духа. Цель этого посещения и предмет их разговора навсегда остались тайной для многих братьев; но сразу же после этого разговора бывший колдун и рыцарь исчез, о нем больше не слышали до тех пор, пока к семье каббалистов не присоединилась таинственная секта розенкрейцеров. Силы членов этой секты привлекли большое внимание даже среди народов Востока, беспечно и привычно живущих среди чудес. Розенкрейцеры стремились соединить самые различные направления оккультизма и вскоре стали известны предельной чистотой жизни и необычной силой, а также глубокими знаниями тайны тайн.

Как алхимики и заклинатели они вошли в легенды. Позднее (не буду указывать "Hiraf"-у точно когда, так как мы питаемся от двух различных источников знания) от них произошли более современные теософы, во главе которых стоял Парацельс, и алхимики, одним из наиболее прославленных был Томас Воган (17 век), написавший наиболее практические труды по оккультизму под имеем Евгения Филалета. Я знаю и могу доказать, что Воган, самым определенным образом "был сделан, прежде чем стал".

Каббала розенкрейцеров представляет ничто иное, как конспект еврейской и восточной каббалы, соединенных вместе. Последняя (восточная) каббала была самой таинственной. Практическая, полная и единственная существующая копия истинной каббалы бережно хранится в хранилищах Братства на Востоке и могу твердо поклясться, никогда не покинет его владений.

Само существование этой рукописи ставилось под сомнение многими европейскими розенкрейцерами. Тот кто хочет "стать", должен выискивать знания по тысячам разрозненных томов и по кусочкам собирать факты. Если он не выберет кратчайший путь и не согласится "быть сделанным", он никогда не станет практическим каббалистом и вместе со всеми своими знаниями останется на пороге "таинственных врат". Использовать каббалу и раскрывать ее истины в наше время можно в гораздо более меньшем масштабе, чем в древности, а таинственная Ложа, существование которой вызывает сомнение из-за окружающей ее секретности, все же существует и не утратила ни капли изначальных тайных сил древних халдеев.

Ложи, которых немного, делятся на секции. Они известны только адептам. Никому не удастся обнаружить их, если только сами Мудрецы не сочтут неофита достойным посвящения. В отличие от европейских розенкрейцеров, которые для того, чтобы "стать", а не быть "сделанными", всегда приводили слова Св. Иоанна: "Небеса терпят насилие, и очень неистовые берут их силой", который сам боролся в одиночку, насильно отбирая у природы ее тайны, – восточные розенкрейцеры (именно так мы будем их называть, не имея права произносить их истинное имя), в ясной красоте божественного знания, всегда готовы помочь серьезному исследователю, стремящемуся "стать", практическим знанием, рассеивающим подобно небесному легкому ветерку, самые черные тучи скептического сомнения.

"Hiraf" прав, когда говорит: "Зная, что, в случае разглашения, их тайны в современном хаотическом состоянии общества приведут к путанице и смерти", – они не выпускают эти знания из своего круга.

Являясь наследниками изначальной небесной мудрости первых праотцов, они хранят ключи от самых оберегаемых секретов природы и раскрывают эти тайны лишь постепенно и с большой осторожностью. Но все же иногда делают это.

Оказавшись в этом cirde vicieux, "Hiraf" также грешит в (определенном) сравнении, которое проводит между Христом, Буддой и Кун-фу-тсе, или Конфуцием. Невозможно сравнивать первых двух мудрецов и Просветленных духом, и китайского философа.

Высочайшие стремления и намерения обоих Христов не имеют ничего общего с холодной практической философией последнего, несмотря на то, что он был ярким исключением среди обычно скучного и материалистичного народа, мирного, преданного земледелию с самой ранней эпохи своей истории. Конфуций никогда не сможет выдержать даже малейшего сравнения с двумя великими Реформаторами. В то время, как принципы и доктрины Христа и Будды были рассчитаны на все человечество, Конфуций посвятил все внимание лишь своей стране, пытаясь применить свою глубокую мудрость и философию к нуждам соотечественников и мало думая при этом об остальном человечестве. Его философские доктрины, до глубины души китайские по патриотизму и взглядам, также сильно лишены чисто поэтического элемента, столь характерного для учения Христа и Будды, двух божественных личностей, как религиозное настроение его народа лишено духовной экзальтации, которая присуща, например, Индии. У Кун-фу-тсе нет даже той глубины чувства и легкого духовного устремления, как у его современника Лао-цзе. Ученый Эннемоузер говорит: "Духи Христа и Будды оставили неизгладимые, вечные следы по всему миру. О доктринах Конфуция можно говорить только как о наиболее блестящих достижениях холодного человеческого разума".

Харвей в своей книге "Всемирная история" прекрасно в нескольких словах охарактеризовал китайцев: "Их тяжелая, детская, холодная, чувствительная натура объясняет особенности их истории".

Поэтому любое сравнение между первыми двумя реформаторами и Конфуцием в сочинении о розенкрейцерстве, в котором "Hiraf" пишет о Науке Наук, и приглашает жаждущих знаний испить из ее неистощимого источника, представляется недопустимым.

Далее, когда наш ученый столь догматически утверждает, что розенкрейцер узнаёт, хотя никогда не применяет секрет бессмертия в земной жизни, он утверждает лишь то, что он сам, в своей практической неопытности, считает невозможным. Слова "никогда" и "невозможно" следовало бы исключить из словаря человечества, хотя бы до тех пор, когда Великая Каббала не будет полностью разгадана и либо принята, либо отвергнута. Граф Сен-Жермен до сих пор является живой загадкой, как и розенкрейцер Томас Воган. Бессчетные свидетельства литературы и устной традиции (которая иногда более надежна) о том, что этого удивительного графа встречали и узнавали в разные века – не миф. Любой, кто признает одну из практических истин оккультных наук, изложенных в каббале, молча признает и все остальное. Здесь действуют слова Гамлета: "Быть или не быть", – и если каббала истинна, то и Сен-Жермен – не миф.

Но я удаляюсь от цели, а именно: в первую очередь, показать небольшую разницу между двумя каббалами: каббалой розенкрейцеров и восточной каббалой; а, во-вторых, сказать, что надежда "Hiraf"-а увидеть, что к данному предмету будут относиться с большим почтением в будущем, может со всей вероятностью стать не просто надеждой. Время покажет многое; но до того момента сердечно поблагодарим "Hiraf"-а за этот первый меткий удар в сторону упрямых ученых дезертиров, которые, стоит им лишь оказаться лицом к лицу с Истиной, избегают взглянуть ей прямо в глаза, боятся даже оглянуться, чтобы не увидеть чего-либо, способного пошатнуть их самодовольство (что сбило бы с них спесь). Как практический последователь Восточного спиритуализма, я могу уверенно ждать момента, когда со своевременной помощью тех, "кто знает", американский спиритуализм, оказавшийся даже в его теперешней форме язвы на теле материалистов, станет наукой (и предметом) математически доказанной, но не будет считаться сумасшедшей иллюзией эпилептических мономаньяков.

Первая каббала, в которой смертный человек впервые дерзнул объяснить величайшие тайны вселенной и указать ключи к "тем скрытым дверям оплотов природы, через которые не может пройти ни один смертный, не разбудив жутких сторожей, невидимых с этой стороны стены", была составлена неким Симеоном Бен Йохай, жившим во времена раскола Второго Вселенского Собора. Только примерно через 30 лет после смерти этого известного каббалиста, его сын Равви Елизар и другие ученые мужи использовали его манускрипты и письменные разъяснения, оставшиеся до тех пор в его собственности, как самая ценная из тайн. Собрав все материалы воедино, они таким образом, составили известный труд – Зогар (Божественное Сияние). Эта книга стала неисчерпаемым источником для всех последующих каббалистов, источником информации и знаний; все более поздние версии каббалы были

более или менее скопированы с этой первой. До этого все тайные доктрины передавались по непрерывной цепи только устно, начало этой цепи можно проследить до самого появления человека на земле. Эти доктрины ревностно и скрупулезно охраняли мудрецы Халдеи, Индии, Персии и Египта. Передавались они от одного посвященного к другому в той же непорочности, чистоте формы, как и переданные ангелами (учениками великой теософской семинарии Бога) первому человеку. Впервые со времени сотворения мира тайные доктрины претерпели небольшое изменение, когда прошли через Моисея, получившего посвящение в Египте.

Из-за личного честолюбия этот великий пророк-медиум выдал близкий ему дух, гневного "Иегову", за дух самого Бога, и тем обрел незаслуженные венки и почести. По тем же причинам он изменил некоторые принципы великого устного учения каббалы, чтобы сделать их более таинственными. Эти принципы он изложил в символах в первых четырех книгах пятикнижия. Моисей по-своему посвятил 70 старейшин, а они, в свою очередь, могли уже давать лишь то, что получили сами. Так была создана первая возможность возникновения ереси и ошибочной интерпретации символов. В то время как восточная каббала осталась в своем первозданном чистом виде, еврейская каббала, или каббала Моисея была полна недостатков, и ключи ко многим тайнам, запрещенным законом Моисея, были в ней специально ложно трактованы. Силы, которые она давала посвященным, все еще были огромны. Самыми могущественными из всех известных каббалистов были царь Соломон и его набожный отец Давид (несмотря на его псалмы покаяния). Но все еще доктрина оставалась тайной, передавалась изустно, до, как я уже указала выше, дней разгрома Второго Вселенского Собора. С филологической точки зрения, само слово "каббала" образовано из двух иудейских слов, означающих (древне-евр.) "получать" ибо в прошлом посвящаемый получал ее (знания каббалы) в устной форме прямо от Учителя, и сама книга Зогара была написана на основе полученной информации, которая передавалась по неизменной стереотипной традиции на Востоке и была изменена евреями из-за честолюбивого Моисея.

ВЗГЛЯДЫ КАББАЛИСТОВ НА "ДУХОВ"

Я хочу обратить особое внимание читателя на разъяснение очень важного вопроса – о духах стихий (элементалах) и развоплощенных духах (элементариях). К сожалению, в наших европейских языках нет номенклатуры для выражения различных градаций и состояний духовных существ. Но не моя вина, что язык так устроен и что люди не хотят или не могут понять смысл, который я вкладываю в эти слова! Я не могу слишком часто напоминать, что в этом вопросе я не открываю ничего нового. Мое учение отражает суть того, что многие каббалисты говорили до меня и что я хотела бы, с вашего позволения, сейчас доказать.

Меня обвиняют, что (1) я "выделываю сальто" и мысли мои скачут. Обвиняемая заявляет – я не виновна; (2) что чеканю не только слова, но и философские учения, доставая их из глубины сознания. Обвиняемая также не признает своей вины; (3) что неоднократно утверждала, что "разумные духи" – иные и не те, кто жил на Земле в физическом теле были причиной явлений известных как "феномены спиритуализма". Верно, и обвиняемая готова это повторить; (4) что я в своих смелых и необоснованных утверждениях зашла дальше чем сам Элифас Леви. Неужели? Если бы я даже достигла его горизонтов (смотри "Science des Esprits"), я бы отрицала единственно, что так называемое спиритическое явление ни что большее чем галлюцинация, вызванная элементалами, не имеющими души, которых он называет элементариями (смотри "Ритуалы высшей магии").

Меня спрашивают: "Где доказательство существования Духов Стихий или элементалов?" Я, в свою очередь, задам встречный вопрос: "Где доказательство диакка, "руководителей (guides)", "банд (bands)" и "управляемых (control)"? А ведь эти термины в широком обиходе у спиритуалистов. Единогласное свидетельство бесчисленных наблюдателей и компетентных экспериментаторов представляют нам такое доказательство. Если спиритуалисты не могут или не хотят ехать в страны, где живут эти свидетели и где доказательства эти можно найти, то они, по крайней мере, не имеют права лгать в лицо тем, кто видел адептов и сталкивался с фактами в лицо. Мои свидетели – живые люди, учащие на примерах философии седых веков; а их свидетели – эти самые "руководители и

руководимые", которые и поныне существуют лишь гипотетически, утверждения, которых сами спиритуалисты неоднократно находили противоречивыми и ложными.

Если мои критики настаивают, поскольку мы начали обсуждать этот вопрос, что развоплощенную душу никогда не называли элементарием, то я сошлюсь на лондонский "The Spiritual Scientist" от 18 февраля 1878, в котором автор, несомненно изучавший оккультные науки, говорит:

> Разве не может быть, что некоторые злые элементарные духи являются духами, недавно сбросившими физическую оболочку и находящимися на пороге окончательного уничтожения? Разве не могут они продлить свое временное существование как вампиры, питаясь людьми во плоти? Они существовали, но никогда не достигли бытия.

Обратите внимание на две особенности: первое, что человеческие элементарии признаются как существующие, кроме гномов, сильфов, ундин и саламандр, т.е. существ-элементалов и второе: уничтожение души считается возможным.

Вот что пишет Парацельс в "Philosophia Sagax":

> Поток астрального света со своими жителями гномами, сильфами и т.д. преобразуется в человеческий свет в момент зачатия и становится первой оболочкой души – ее большей частью; соединяясь с тончайшими флюидами он образует сидеральный [астральный или эфирный] фантом – внутреннего человека.

Элифас Леви добавляет:

> Астральный свет насыщен элементарными душами, которые постоянно сбрасываются в физический мир... При рождении ребенка они влияют на четыре основных темперамента: элемент гномов мы находим в меланхоликах, элемент саламандр у сангвиников, ундин у флегматиков и сильфов у холериков... Это духи, которых мы называем оккультными элементами ("Ритуалы высшей магии", том II, глава "Заклинание четырех классов элементариев").

"Да, да", говорит он (там же, том I, стр. 164):

> Эти духи элементов действительно существуют. Некоторые обитают в своих сферах, другие пытаются воплотиться, третьи уже воплотились и живут на земле. Это злые и несовершенные люди.

Обратите внимание: перед нами описание более или менее "разумных духов, отличных от тех, которые уже приходили на Землю и были в физическом теле". Если бы они не были разумными, они бы не могли пытаться воплотиться. Злые элементалы или элементарии притягиваются к злым родителям, они купаются в их ауре зла, и, таким образом, пользуясь пороками родителей, закрепляют их в ребенке. Неразумные "элементалы" бессознательно притягиваются друг к другу и, в порядке, определенным природой, как составные части большего астрального тела или души, определяют темперамент. Их сопротивление так же мало, как и тех живых организмов, которые могут попасть в нас с глотком воды. О третьем классе из многих сотен других, известных восточным философам и каббалистам Элифас Леви говорит:

> Это не души виновных или проклятых; элементарные духи как дети, любопытные и безобидные, и досаждают людям в зависимости от уделяемого им внимания.

Этот третий класс Леви рассматривает как причину всех бессмысленных и ненужных физических явлений на спиритических сеансах. Подобные феномены будут иметь место за исключением тех случаев, когда эти сущности контролирует более сильная воля. Такой сильной волей обладают адепты, но поскольку последние не посещают спиритические сеансы, то третьим классом управляет любой сильный и злой развоплощенный человеческий дух притянутый Землей и медиумом. Развоплощенные духи используют третий класс вместе с астральными эманациями медиумов и людей образующими круг, соединяя излучения в субстанцию для образования материализованных духов.

Леви считает возможность возвращения духа в объективной форме настолько малой, что заявляет:

Умерших праведников мы видим во сне, медиумы же вводят себя в состояние похожее на сон – сомнамбулизм во всех его формах и экзальтациях. Постигните что есть сон и вы поймете феномен духов.

Далее Леви говорит:

В соответствии с одной из важнейших догм каббалы, душа сбрасывает с себя оболочку, чтобы подняться вверх, но чтобы спуститься она должна вновь обрести материальную форму. Для уже развоплощенного духа есть только один путь опять объективно проявиться на земле – он должен вновь войти в свое тело и воскреснуть. Эта задача потруднее, чем прятаться под столом или в шляпе. Некромантия, или вызывание материализованных духов, ужасна. Это преступление против природы. В предыдущих работах мы признали возможность существования вампиров и даже попытались объяснить этот феномен. То, что сейчас происходит в Америке и Европе, несомненно относится к этой страшной чуме. Хотя медиумы и не едят трупы (как сержант Бертран), их нервная система впитывает фосфорные выделения разлагающейся плоти или, иными словами, спектрального света. Они не вампиры, но они их вызывают и поэтому почти все они больные и ослабленные люди. ("Science des Esprits", стр. 268).

Генрих Кунрат был очень знающим каббалистом, самым большим авторитетом среди оккультистов средневековья. В одной из ключевых глав своего "Amphitheatrum Sapientiae Aeternae" он приводит иллюстрации четырех больших классов элементарных духов, представшие перед магом, который преступил порог и приподнял "покрывала Изиды". Описание Кунрата соответствует описанию этих духов Элифасом Леви. Он говорит, что духи эти бестелесные злые люди, которые потеряли свои божественные души и стали элементариями. Их так называют, потому что они притягиваются земной атмосферой и существуют среди земных элементов. Здесь Кунрат употребляет термин "элементарии" по отношению к обреченным человеческим душам, в то время как Леви использует его для обозначения другого класса одной большой семьи – гномов, сильфов, ундин и т.д. – сущности, стоящие ступенью ниже людей.

Передо мной манускрипт, который по разным причинам не был опубликован. Зевс – так подписался автор – каббалист с двадцатипятилетним стажем. Этот опытный оккультист, ревностный последователь Кунрата, комментируя доктрину последнего, также утверждает, что каббалисты делят духов на четыре класса, в соответствии с четырьмя темпераментами человека.

Против меня выдвигается гнусное обвинение, что я утверждаю будто люди теряют свои души и их уничтожают. Но тогда Зевс тоже виновен, ибо он пишет:

Они [каббалисты] учили, что человеческий дух спустился из великого океана духа, и, следовательно, он дух per se [сам по себе], чистый и божественный, но его душа или капсула из-за [аллегорического] падения Адама потеряла чистоту в мире тьмы или Сатаны [зла] и должна вновь ее обрести, чтобы опять подняться к небесному счастью. Представьте каплю воды в капсуле, она изолирована от внешнего мира, но стоит эту капсулу разбить и капля станет частью океана – индивидуальность растворяется. То же происходит и с духом. До тех пор пока его луч защищен своим пластическом посредником или душой, он имеет индивидуальность. Но уничтожьте эту пластическую капсулу и астральный человек станет элементарием; это может произойти как следствие неправедных дел с наиболее злобными и растленными душами; их дух возвращается к изначальному источнику и индивидуальность прекращается... Это противоречит идее прогресса, весьма популярной среди спиритуалистов. Если бы они понимали Закон Гармонии они бы увидели свою ошибку. Только этот закон поддерживает индивидуальность, чем больше отклонения от него, тем труднее ее вновь обрести.

Вернемся к Леви ("Высшая магия", том I, стр. 319):

Когда мы умираем, наш внутренний свет [душа] стремится подняться к своей звезде, влекущей ее [духу], но прежде она должна освободиться он змеиных колец опутывающих ее [земное зло – грех], то есть, от неочищенного астрального света, окружающего и держащего ее в плену, разве что, силой Воли душа сама может освободиться и подняться к духу. Погружение живой души в мертвый свет [эманации зла, отравляющие магнитную оболочку Земли, как зловонные испарения болота отравляют воздух] ужасная пытка: в мертвом свете душа одновременно и горит и замерзает.

Каббалисты представляют Адама как Древо Жизни, человечество – ствол; различные расы – ветви, а отдельные люди это листья. Каждый лист живет своей жизнью и питается одним соком; но жизнь его зависит от его ветви, а жизнь последней от ствола. Каббала учит:

> Злые – это мертвые листья и гнилая кора дерева. Они падают, умирают, гниют, превращаются в удобрение, которое возвращается в дерево через корни.

Моя подруга мисс Эмили Кислингбэри из Лондона, секретарь Британского национального общества спиритуалистов, кого уважают, доверяют и любят все ее знакомые, послала мне сообщение духов в апреле 1877 через молодую женщину, одну из самых чистых и правдивых на земле. Следующая выдержка как нельзя лучше подходит к обсуждаемой нами теме:

> Мой друг, вы правы. Держите знамя нашего спиритуализма высоко и не дайте осквернить его, ибо есть такие кто использует спиритуализм для низменных целей. Но они не знают его истинной силы. То что дух может победить плоть верно, до определенной степени, но есть такие, кому плотская жизнь дороже духовной и они ходят по лезвию бритвы. Ибо плоть может затмить дух и отнять у человека все духовное и он становится зверем без какой-либо силы могущей спасти его. Это те, кого Церковь называет отверженными, пропащими во веки веков, но они не мучаются, как это неправильно утверждает Церковь, в аду, сохраняя сознание, они просто умирают и их больше нет; светильник их гаснет и осознанное существование прекращается. [Вопрос]: Разве это не уничтожение? [Ответ]: Это все равно что уничтожение; они теряют субстанцию индивидуальности и их приносит назад к огромному резервуару духа – бессознательному духу.

Наконец, меня спрашивают: "Кто такие тренированные Провидцы?". Они те, отвечаю я, кого обучали с детства в Пагодах использовать их духовное зрение; те, чьи доказательства фундаментальных фактов Восточной философии не менялись на протяжении тысячелетий и каждое поколение подтверждало знания предыдущего. Можно ли верить им больше или меньше информации "банд", каждая из которых противоречит другой как и разные религиозные секты, готовые перерезать глотку друг другу, и информации медиумов – даже самые лучшие из них не знают природы своих способностей и нечувствительны к мудрому руководству и сдерживанию адептами психологической науки?

Невозможно получить ясное представление о природе, не применяя Закон Гармонии и аналогию в духовном и физическом мире. "Как внизу, так и наверху" – гласит старая аксиома герметиков. Если бы спиритуалисты применяли эту аналогию в своих исследованиях, они бы увидели философскую необходимость закона "выживет сильнейший" как в мире духа, так и в мире материи.

"Религиозно-философский журнал", 26 января 1878 г.

НАУКА МАГИИ

Во время пребывания в Ираке, где очень мало читают спиритические газеты в целом, и "The Banner of Light" в частности, но в нескольких домах гостеприимно встречают выпуски "The Scientist", именно благодаря этой газете я узнала о необыкновенно интересном и в высшей степени научном выступлении в редакторской заметке, опубликованной в газете "Banner" против магии или, скорее, против тех, кто имеет глупость верить в магию. Так как намеки, касающиеся меня, благопристойно завуалированы (по крайней мере, в отрывках, которые я видела) и, похоже, в качестве жертвы на алтарь ангелам некоторые, на первый взгляд, очень искренние спиритуалисты избрали лишь полковника Олькотта, я оставляю этому джентльмену самому позаботиться о себе, если он сочтет это нужным, и скажу только несколько слов относительно якобы несуществующей магии.

Если бы я выступала только от своего имени и основывала защиту магии только на том, что видела сама и что достоверно знаю об этой науке после многих лет жизни в Индии и Африке, я, возможно, рисковала быть названной мистером Колби "безответственной женщиной" – с присущей почтенному издателю "The Banner of Light" непредубежденной утонченной вежливостью. Такое уже случалось. Поэтому в противовес поразительной уверенности этого господина в том, что никакой магии не существует и никогда в этом мире

не существовало, я постараюсь найти авторитеты под стать ему, а может и выше, и таким образом опровергнуть ранее приведенное утверждение.

Неортодоксальным спиритуалистам, как я, в наши дни следует быть осторожными и предусмотрительными, если они не хотят, чтобы их с неослабной жаждой возмездия преследовала могущественная армия последователей индийских учений и всевозможных учителей нашей светлой Страны Вечного Лета. Автор редакторской заметки пишет, что он "не считает вовсе невозможным существование духов-шарлатанов, старающихся обмануть некоторых учеников оккультных наук и убедить их в том, что магия существует". Я не только считаю это возможным, но абсолютно уверена и могу присягнуть в этой уверенности, что не раз либо слишком элементарные, либо мало развитые духи, называясь именем Теодор Паркер, совершенно явно обманывали и водили за нос нашего уважаемого редактора газеты "The Banner of Light", заставляя его верить в то, например, что Апеннины находятся в Испании.

Далее, опираясь на подтверждения многих образованных спиритуалистов, общеизвестных своей честностью, я могу привести бесконечное число доказательств и примеров, когда элементарные и другие подобные ненадежные и невежественные натурализовавшиеся обитатели мира духов под прикрытием помпезных хорошо всем известных имен внезапно высказывали недоумевающим свидетелям такую жалкую, неслыханную, явно выдуманную ерунду, а иногда и просто ересь, что не один человек, искренне веривший до того в спиритическую философию, либо молча отдалялся, либо, если изначально он был приверженцем Римской католической церкви, начинал старательно вспоминать, какой рукой наносить крестное знамение, а, вспомнив, изрекал: "Изыди Сатана!" Таково мнение любого образованного спиритуалиста.

Если бы доктор Дж. Бэрд, этот неутомимый Аттила, преследователь и гонитель современного спиритуализма и медиумизма, высказался так против магии, я бы не удивилась, так как лучшим средством против мистики и спиритуалистических размышлений считается глубочайшая преданность "синим пилюлям и черным напиткам". Но для твердого спиритуалиста, верящего в невидимые таинственные миры, заполненные существами, истинная природа которых все еще представляет неразгаданную загадку, было бы слишком дерзко начать саркастически отрицать то, существование чего доказано и во что верили на протяжении веков люди, более мудрые, чем он сам! И таким скептиком оказывается издатель ведущей спиритуалистической газеты! – человек, которому надлежит помогать своим читателям неустанно и упорно искать истину, в какой бы форме она не представала. Но он берет на себя риск запутать множество людей, связывая их своим собственным легковерием. Каждый серьезный искренний спиритуалист не может не согласиться со мной в том, что если современный спиритуалист в течение еще хотя бы нескольких лет останется в таком же состоянии хаотической анархии, как сейчас, если позволить ему развиваться этим безумным путем, разрастаясь во все стороны пустыми гипотезами, основанными на суеверных, беспочвенных идеях, тогда действительно будут торжествовать доктора Бэрды, Марвины и другие ученые(?) скептики.

На самом деле, отвечать на смехотворные невежественные утверждения, как то, что заставило меня взяться за перо, кажется пустой тратой времени. Любому хорошо начитанному спиритуалисту не нужен ни мой, ни чей-либо другой совет. Если он встретит утверждение: "Существование когда-либо такой науки, как магия, никогда не было и не будет доказано", он просто пожмет плечами и улыбнется, как возможно уже и сделал, попытке духов мистера Колби реорганизовать географию Апеннин, поместив их в Испанию. Разве, человек, ты никогда не открывал ни одной книги кроме твоих же описаний того, как Том, Дик и Хэрри спускались из высших сфер, чтобы напомнить дядюшке Сэму, что тот порвал гетры или сломал трубку на Дальнем Западе?

Неужели вы думали, что магия – удел ведьм, разъезжающих на помеле и превращающихся в черных кошек? Но даже это, всегда называвшееся не магией, но колдовством, не покажется такой уж глупостью тому, кто твердо верит в превращение миссис Комптон в Кейти Бринкс. Законы природы неизменны. Условия, при которых медиум может под влиянием духа подвергнуться трансформации, внешне стать похожим на другого человека или существо, будут действительны всегда, когда этот дух или скорее сила захочет принять форму кошки.

Проявление магических сил есть проявление сил природных, естественных, но высших относительно обычных процессов природы. Чудо – это не насилие над законами природы. Только невежды могут думать подобным образом. Магия – это наука, глубокое знание оккультных сил природы и законов вселенной без их нарушения и, следовательно, без насилия над природой. В руках опытного медиума спиритуализм становится бессознательным колдовством, так как, будучи беспомощным орудием в руках различных духов, о которых он сам ничего не знает кроме того, что сообщают ему сами духи, медиум открывает (не сознавая того сам) дверь между двумя мирами, через которую выступают слепые силы природы, скрывающиеся в астральном свете, а также хорошие и плохие духи.

Сильный гипнотизер, глубоко знающий искусство, как барон Дюпоте и Регаццони Пьетро д'Амичис из Болоньи – маги, ибо они стали адептами, посвященными в великую тайну Матери Природы. Такие люди (к выше приведенным можно добавить имена Месмера и Калиостро) управляют духами вместо того, чтобы давать управлять собой; в руках этих людей спиритуализм в безопасности. Однако, в отсутствии опытных адептов, для одаренного ясновидением медиума всегда лучше положиться на случай и удачу, пытаясь судить о дереве по плодам. Но нечистые духи редко избирают проводником чистого, добродетельного человека; еще реже чистые духи избирают нечистых проводников. Свой притягивает своего.

Но вернемся к магии. Таких людей, как Альберт Великий, Раймонд Луллий, Корнелий Агриппа, Парацельс, Роберт Фладд, Евгений Филалет, Кунрат, Роджер Бекон и других, подобных им, в наш скептический век обычно считают мистиками, фантазерами; также и современных спиритуалистов и медиумов, и этих последних даже более – шарлатанами и трусами; но никто и никогда не считал философов-герметиков глупцами и идиотами, как в ущерб нам и нашему делу каждый неверующий почитает верующего в спиритуализм. Ныне могут не верить и сомневаться в учении герметиков, как сомневаются во всем остальном, но мало кто сомневался в их знании и силе при жизни, ибо они всегда могли представить нужные доказательства – они сами управляли теми силами, которые теперь управляют беспомощными медиумами. У них была своя наука и демонстрировали они ее, чтобы опровергнуть смехотворные отрицания, в то время как мы, сентиментальные спиритуалисты, убаюкивали себя сладкой колыбельной, не можем отличить ложные явления от истинных и нас ежедневно обводят вокруг пальца подлые шарлатаны. Хотя в философах прошлого сомневались так же как и в современных спиритуалистах, однако, их почитали и боялись даже те, кто абсолютно не верил в их оккультные силы, потому что это были интеллектуальные гиганты. Глубокое знание, как и развитые силы интеллекта всегда почитали и будут почитать; но над нашими медиумами и их приверженцами презрительно посмеиваются, и мы обречены на страдания, так как явления и силы природы подчиняются капризам своевольных и недобрых духов, а мы совершенно не в состоянии управлять ими.

Сомневаться в магии – значит отрицать саму историю, а также свидетельства множества очевидцев за период в 4000 лет. Начиная с Гомера, Моисея, Гермеса, Геродота, Цицерона, Плутарха, Пифагора, Апполония Тианского, Симона Мага, Платона, Павзания, Ямвлиха – через целую плеяду великих людей, историков и философов, веривших в магию или бывших магами, – до таких современных авторов, как У. Хауитт, Эннемоузер, Г. де Муссо, маркиз де Мирвиль и Элифас Леви – среди всех этих великих имен только одинокий мистер Колби, издатель "The Banner of Light" не признает существования магии. Он простодушно верит, что вся священная армия библейских пророков, начиная с Авраама и кончая Христом, – просто медиумы; по мнению мистера Колби, ими управляли! Представьте лишь, что Христом, Моисеем, Аполлонием Тианским управляет индийский учитель! Возможно почтенный редактор игнорирует тот факт, что в те времена духовных медиумов знали намного лучше, чем сейчас, а также и то, что сивиллами, пифиями и другими инспирированными медиумами руководили и контролировали высшие священники, посвященные в эзотерическую магию и мистерии храма. И это была настоящая магия. Как и сейчас, сивиллы и пифии, были медиумами, но высшие священники храмов были магами. В их руках были все секреты теологии, в том числе и магия, или искусство призывать духов-помощников и слуг. Они владели наукой различения духов, чем вовсе не может похвастаться мистер Колби. С помощью этого знания они управляли духами по своей воле, открывая доступ к своим медиумам лишь добрым духам. Таково объяснение магии – реально существующей Белой, или Священной магии, которая должна бы в настоящее время быть

наукой. Так бы и было, если бы наука прислушалась к тому, что настойчиво проповедуют спиритуалисты в течение последних 27 лет.

В былые времена неразвитым духам не позволяли провозглашать ересь. Сивиллы или вдохновленные жрицы никогда не смогли бы доказать своими прорицаниями, что Афины – индийский город, или перенести гору Арарат в Египет.

Далее, если бы полный скепсиса автор издательской заметки меньше уделял времени лепечущим индийским духам и больше – изучению серьезных предметов, он мог бы узнать, что у древних были незаконные медиумы – я имею в виду тех, которые не принадлежали к храмам, и духи, управлявшие этими медиумами, не контролируемые опытным магом, были предоставлены сами себе и обращались с медиумами, как с беспомощными инструментами. Обычно считалось, что эти медиумы "одержимы", и это было верно. По Библии "в них вселялось 7 бесов". Более того, существовал приказ убивать таких медиумов, так как нетерпимый маг Моисей, знавший мудрость Египта, сказал: "Не мучься жизнью ведьмы". Сами египтяне и греки, даже более человечные и справедливые, чем Моисей, брали таких медиумов в храмы и, если они оказывались неспособны к священным обязанностям прорицательства, лечили их, как Иисус Христос исцелил Марию Магдалину и многих других, "изгнав 7 бесов". Либо мистер Колби и Ко. должны полностью отрицать чудеса, сотворенные Христом, апостолами, пророками, чудотворцами и магами, и следовательно – всю духовную и мирскую историю, либо признать существование некоей Силы в этом мире, способной управлять духами, хотя бы только злыми и неразвитыми элементарными сущностями. Чистые духи, без материальной составляющей, никогда не опустятся в нашу сферу, если их не притягивает поток сильной симпатии и любви, или для выполнения определенной миссии.

Я далека от мысли осмеять или вызвать озлобление ко всем медиумам. Я сама принадлежу к числу спиритуалистов, подразумевая под этим, по словам полковника Олькотта, твердую веру в бессмертие нашего духа и знание, что постоянно для нас существует возможность общения с духами умерших и близких через честных, чистых медиумов или посредством Тайной Науки. Но я не являюсь фанатиком спиритуализма, коих много во всем мире и которые слепо принимают все, что сообщают любые "духи", ибо видела слишком много различных явлений, о которых в Америке даже не представляют. Я знаю, что магия существует, и 10 000 редакторов спиритуалистических газет не могут изменить мою веру в то, что я знаю. Существуют Белая и Черная магии, и ни один человек, когда-либо путешествовавший по Востоку, и исследовавший данный вопрос, не может в этом усомниться.

Моя вера тверда, и поэтому я готова поддержать и защитить любого честного медиума, и даже иногда такого, что кажется нечестным, так как я слишком хорошо знаю, как эти медиумы становятся беспомощными орудиями и жертвами в руках неразвитых невидимых существ. Более того, я знаю, насколько прочны и злы элементарные сущности и насколько они могут инспирировать не только чувствительного медиума, но и любого человека. Хотя меня могут считать "безответственной" и несмотря на вред, приносимый некоторыми медиумами искренним спиритуалистам несправедливостью, односторонностью и духовным сентиментализмом, я могу утверждать, что обычно быстро определяю, обманывает медиум сознательно или несознательно, управляемый другими существами.

Итак, магия существует и всегда существовала, с доисторических времен. Приостановленная на время теургическими обрядами и церемониями христианизированной Греции, но возобновившаяся в неоплатонической и александрийских школах, далее она продолжала существовать, передаваемая при посвящении различным одиночным ученикам и философам, прошла Средневековье и, несмотря на гневное преследование Церкви, вновь обрела славу в руках таких адептов, как Парацельс и другие, но исчезла в Европе с графом Сен-Жерменом и Калиостро, укрывшись от жестокосердного скептицизма на своем родном Востоке.

В Индии магия никогда не исчезала, она процветает там, как всегда. Ее практикуют, как и в Древнем Египте, только в храмах и называют "Священной Наукой". Ибо это наука, основанная на оккультных силах природы; но никак не слепая вера в глупую болтовню наловчившихся элементарных существ, готовых силой удерживать настоящих нематериальных духов от общения с близкими им людьми.

ПЯТИКОНЕЧНАЯ И ШЕСТИКОНЕЧНАЯ ЗВЕЗДА

Все наиболее известные каббалисты Запада, как средневековые так и современные, рассматривают пентаграмму, или пятиконечную звезду, в качестве, микрокосма, а шестиконечный двойной треугольник – как макрокосм. Элифас Леви (аббат Констант) и, по нашему мнению, Кунрат, один из величайших оккультистов прошлого, дают свои обоснования таких представлений. В книге Харгрейва Дженнингса "Розенкрейцеры" приведено правильное изображение микрокосмоса с человеком в центре пентаграммы. У нас нет никаких возражений против изложения рассуждений вышеупомянутых лиц, кроме одного – недостатка места в нашем журнале, ибо пришлось бы давать огромное количество эзотерических понятий. Однако всегда найдется место для исправления естественных заблуждений, которые могут возникнуть в умах наших некоторых читателей из-за вынужденной краткости издательских заметок. Пока затрагиваемые вопросы не вызывают повышенного интереса, эти заметки лишь поверхностно касаются всех их подробностей. Опубликованная выше блистательная работа "Шестиконечная и пятиконечная звезда" Кришны Шанкара Лалшанкара – и ценные замечания, содержащиеся в ней, дают нам возможность исправить подобные ошибки автора этой статьи.

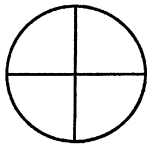
Как понимают на Западе настоящие каббалисты, дух и материя символизируются соответствующими цветами двух переплетенных треугольников и никоим образом не связаны с линиями, образующими сами эти фигуры. Для философов-каббалистов и философов-герметиков все в природе представляется в триедином аспекте; все является множественным и троичным в единстве, и может быть символически представлено различными геометрическими фигурами. "Бог геометризирует", – говорит Платон. "Три каббалистических Лица" – это "Три Огня" и "Три Жизни" Эйн Софа (Парабрахмана Запада), называемого также "Центральным Невидимым Солнцем". "Вселенная – его Дух, Душа и Тело", его "Три Эманации". Эта триединая природа – чисто духовная, чисто материальная и срединная или невесомая материя, из которой состоит астральная душа человека, – представлена равносторонним треугольником, стороны которого равны вследствие того, что эти три первопричины (принципа) растворены во всей вселенной в равных пропорциях и по природному закону идеального равновесия вечны и сосуществуют. Далее западная символика лишь немного отличается от символики ариев. Названия могут быть различными, могут быть добавлены небольшие детали, но основные идеи – те же. Двойной треугольник, символически изображающий макрокосм, или большую вселенную, содержит в себе идеи Единства, Двойственности (как показано двумя цветами и двумя треугольниками, – мир духа и мир материи), Троичности, пифагорейской Четверицы, правильного прямоугольника вплоть до двенадцатиугольника и двенадцатигранника. Халдейские каббалисты древности – учителя и вдохновители еврейской каббалы – не были похожи ни на ветхозаветных, ни на современных антропоморфистов. Их Эйн Соф – Бесконечный и Безграничный – "имеет форму и не имеет формы", – так говорится в Зогаре[24], и далее загадка разъясняется так: "Незримый принял Форму, когда Он призывал Вселенную к существованию". То есть Божество можно видеть и воспринимать только в объективной природе – это чистый пантеизм. Для оккультистов, так же как и для ариев, три стороны треугольника представляют дух, материю и срединную природу (идентичную по значению с понятием "пространство", "космос"), а, следовательно, и созидательную, охранительную и разрушительную энергии, представленные образно "Тремя Огнями". Первый Огонь пробуждает разумную, сознательную жизнь во всей вселенной, соответствуя таким образом созидательной энергии. Второй Огонь непрерывно создает формы из предсущего космического вещества внутри космического круга и является, следовательно, охранительной энергией. Третий Огонь создает Вселенную плотной физической материи. По мере удаления последнего от центрального духовного Огня, яркость его уменьшается; постепенно он превращается в Тьму или Зло, ведущее к Смерти. Так он становится разрушительной энергией, постоянно работающей над формами и очертаниями – временными и меняющимися. "Три каббалистических Лица" "Основателя Основ" – у которого "нет лица" – это арийские

[24] Книга Сияния", написанная Симоном бен Йохаи в I веке до н. э.; по другим источникам – в 80 г. н. э.

божества Брахма, Вишну и Рудра, или Шива. Двойной треугольник каббалистов заключен в круг, образованный змеей, проглатывающей собственный хвост (египетский символ вечности), а иногда в обычный круг (см. теософскую печать). Единственное различие, которое мы видим между арийской и западной символикой двойного треугольника, – судя по объяснениям автора – заключается в его неупоминании глубокого и особого значения понятий, которые, если мы его правильно поняли, он называет "зенитом и нулем". По западным каббалистам, вершина белого треугольника восходит к зениту[25], миру чистой нематериальности или чистого Духа, в то время как нижняя вершина черного треугольника направлена вниз к надиру, т.е. указывает, если использовать весьма прозаическое высказывание средневековых герметиков, к чистой, или, скорее, "нечистой" материи, понимаемой как "грубое чистилище небесного Огня" (Духа), втянутое в пучину уничтожения, в тот низший мир, где формы, очертания и сознательная жизнь исчезают, чтобы раствориться и вернуться к первородному, истинному источнику Космической Материи. Так же и относительно центральной точки и центральной полости, которая, по учениям Пуран, "считается местом пребывания Авьякта Брахмана – Непроявленного Божества".

Оккультисты обычно изображают этот символ таким образом,

как это показано на рисунке, а не просто центральной геометрической точкой (которая, не имея ни длины, ни ширины, ни толщины, представляет незримое "Центральное Солнце", Свет "Непроявленного Божества"); они часто помещают в центр изображения Crux Ansata ("крест с перекладиной", египетское тау), в вершине которого простую прямую линию заменяют окружностью (кругом, кольцом?), символом беспредельного, несозданного Космоса. Измененный таким образом, этот крест имеет почти такое же значение, как и "Космический крест" древних египетских алхимиков (магов), крест внутри круга.



Следовательно, ошибочно говорить, будто в издательской заметке утверждалось, что двойной треугольник представляет "только дух и материю", ибо этот символ имеет столь много значений, что для их объяснения не хватило бы и целого тома.

Наш критик пишет: "Если, как вы утверждаете, двойной треугольник должен представлять только мировой дух и материю, остается необъяснимым возражение, что две стороны – или любые две вещи – не могут образовывать треугольник или что треугольник не может символизировать что-то одно – дух или материю, – как делаете вы, разделяя белый и черные цвета".

Считая, что мы уже достаточно объяснили некоторые сложности и показали, что западные каббалисты всегда почитали "троичность в единстве" и наоборот, мы можем добавить, что пифагорейцы объясняли "возражение", на котором особенно настаивает автор выше приведенных строк, около 2500 лет назад. Священные числа этой школы, основная идея которой заключалась в признании существования постоянного принципа Единства, превосходящего все силы и объективные изменения Вселенной, – не включали число Два или Диаду. Пифагорейцы отказывались признавать это число даже как абстрактную идею именно на основании того, что в геометрии невозможно построить фигуру из двух прямых линий. Очевидно, что с точки зрения символов невозможно связать это число ни с какой

[25] Это значение аналогично значению египетских пирамид. Небезызвестный французский археолог д-р Ребо демонстрирует высокую культуру египтян уже в 5000 г. до н.э., показывая по различным источникам, что в то время существовало не менее "30 или 40 школ посвященных жрецов, изучавших оккультные науки и практическую магию".

начертательной фигурой ни в плоскости, ни в пространстве, и таким образом, поскольку это число не может представлять единство во множестве, – в противоположность любой другой многосторонней фигуре, – его нельзя рассматривать как священное число. Учитывая, что число два изображается в геометрии двойной горизонтальной линией (=), а в римском исчислении двойной вертикальной линией ||, а линия имеет длину, но не имеет ширины и толщины, то для предания значимости к этому числу необходимо прибавить другое число. Только в сочетании с числом "один" можно получить фигуру, равносторонний треугольник. Таким образом становится очевидным, почему, символизируя дух и материю (начало и конец Космоса), алхимики использовали два переплетенных треугольника (оба представляющих "троичность в единстве") закрашивая один из них, символизирующий дух, белым мелом, а другой, символизирующий материю, черным углем.

На вопрос, что означают две другие вершины белого треугольника, если одна "белая вершина, уходящая вверх к небесам, символизирует дух", – мы отвечаем, что, согласно каббалистам, две нижние вершины означают "дух, нисходящий в порождения", т.е. смешение чистой божественной Искры с материей объективного мира. Такое же объяснение справедливо и для двух вершин при основании черного треугольника; третьи же вершины обоих треугольников символизируют, соответственно, прогрессирующее очищение духа и прогрессирующее огрубление материи. Повторяем: сказать, что "любое понятие верха или низа" в "тонкой идее Космоса" кажется не только отталкивающим, но не существующим", – значит противоречить абстрактному символу, представленному в конкретном образе. Почему бы тогда не покончить со всеми знаками, в том числе и с изображениями Вишну и приведенными автором мудрыми объяснениями Пуран? И почему идея каббалы более отталкивающая, чем идея "Смерть, Уничтожитель, Время", в которой "Время" является синонимом Бесконечной Вечности, представленной кругом, опоясывающим двойной треугольник? Странная непоследовательность, которая к тому же полностью расходится со всей остальной статьей! Если автор "нигде не встречался с различением треугольников на белые и черные", это просто потому, что он никогда не изучал, а, возможно, и не видел сочинений и изображений западных каббалистов.

Приведенные выше объяснения содержат ключ к общей пифагорейской формуле единства во множестве, Единого, проявляющегося во многом, наполняющего многое и все целое. Их мистическая Декада (единица + два + три + четыре = 10) выражает эту идею целиком; она не только не отталкивающая, но положительно возвышенная. Один – это Божество; два – Материя – число настолько презираемое ими как материя в чистом виде, которая никогда не может быть сознательным единством[26]. Три (или треугольник) сочетают Монаду и Диаду, берет от природы обеих и становится Триадой – объективным миром. Тетрада, или священная Четверица, – по пифагорейцам идеальная форма, – в то же время выражает пустоту всего – майю. А Декада – сумма их всех – охватывает весь Космос. "Вселенная есть комбинация тысячи элементов и одновременно выражение единственного элемента – абсолютная гармония и дух – это хаос для чувств, но идеальный космос для разума", – говорится в "Разоблаченной Изиде".

Пифагор учился в Индии. Вот откуда сходство основных идей в учениях древних посвященных браминов и пифагорейцев. И когда, определяя Шаткон[27], автор говорит, что эта фигура представляет великую Вселенную (Брахманду)[28] – всю бесконечную Махакашу – со всеми планетарными и звездными мирами", он лишь повторяет другими словами объяснения шестиконечной звезды или "двойного треугольника", данные Пифагором и философами-алхимиками.

Нам также нетрудно восполнить пробел небольшого сообщения, опубликованного в августовском номере, в отношении "остальных трех вершин обоих треугольников", и трех сторон каждого элемента "двойной фигуры" и круга, опоясывающего ее. Так как алхимики облекали в символы все видимое и невидимое, они не могли не выразить символом макрокосм в его законченности.

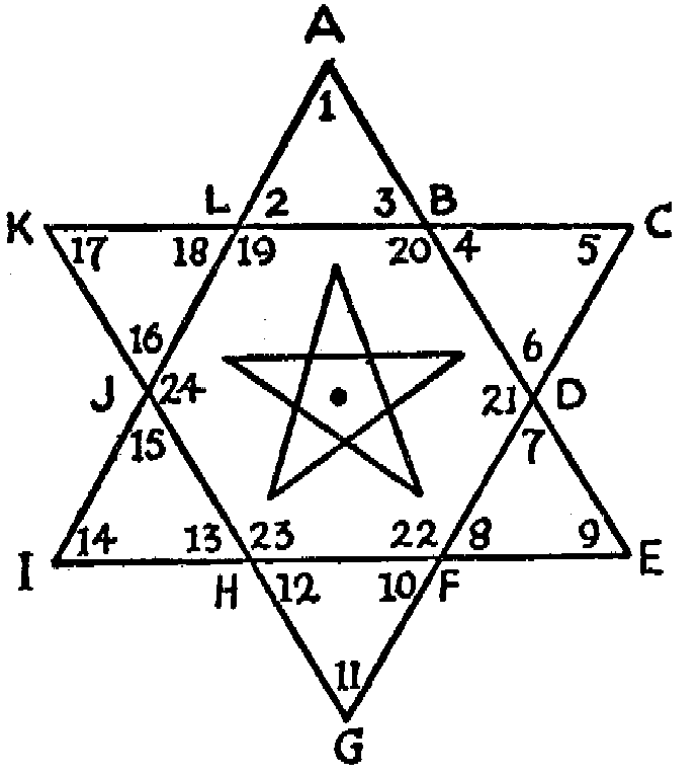
---

[26] Ср. в книге "Санкхья" Капилы – Пуруша и Пракрити; они способны проявиться в этом мире чувств только в их сочетании преобразовании единства.

[27] Ср. в книге "Санкхья" Капилы – Пуруша и Пракрити; они способны проявиться в этом мире чувств только в их сочетании преобразовании единства.

[28] Брахманда – "Яйцо Брахмана", предсущее яйцо, из которого родилась Вселенная.

Пифагорейцы, включавшие в свою Декаду весь Космос, еще более почитали число 12, так как оно образуется умножением священной Четверицы на 3 и таким образом получается три идеальных (правильных) прямоугольника, называемых тетрадами. Философы-алхимики или оккультисты, следовавшие их учению, представляли число 12 "двойным треугольником" – большой вселенной, или макрокосмом – как показано на рисунке



– и включали в эту схему и пентограмму, или микрокосм, которую называли малой вселенной.

Разделяя 12 букв, обозначающих внешние углы, на 4 группы триад или на 3 группы тетрад, они получали двенадцатиугольник, правильный геометрический многоугольник, ограниченный двенадцатью равными сторонами и имеющий двенадцать равных углов, символизирующих, по учению древних халдеев, двенадцать "великих богов"[29]. Брахма как Праджапати проявляется (как обоеполая Сефира и 10 сефирот) в 12 телах, олицетворяемых 12-ю богами, символизирующими: 1) Огонь; 2) Солнце; 3) Сому (Луну); 4) всех живых существ; 5) Вайю; 6) Смерть – Шиву; 7) Землю; 8) Небеса; 9) Агни; 10) Адитью; 11) Разум; 12) великий бесконечный цикл, который нельзя остановить. С небольшими изменениями это соответствует каббалистической идее о сефиротах.), а, по учению иудейских каббалистов, – десять сефирот, или созидательных сил природы, эманирующих от Сефиры (Святого Огня), которая сама является главой сефирот и эманацией Хокмы, Высшей (или Непроявленной) Мудрости, и Эйн Софа Бесконечного; а именно: три группы триад сефирот и четвертая триада, состоящая из Сефиры, Эйн Софа и Хокмы, Высшей Мудрости, которую "нельзя постичь с помощью мысли" и которая "лежит, сокрытая, внутри и снаружи головы Удлиненного Лица", наивысшей вершины верхнего треугольника, образующего "Три каббалистических Лица". Эти четыре триады образуют число 12. Более того, двенадцать фигур образуют два прямоугольника или двойную Четверицу, представляющую в пифагорейской символике два мира – духовный и физический. Восемнадцать внутренних и шесть центральных углов в сумме дают 24, т.е. дважды священное число, представляющее макрокосм, а также 24 "божественных непроявленных сил". Перечислить их в столь малой по объеме работе невозможно. Кроме того, в наши дни скептицизма представляется более разумным следовать совету Ямвлиха, говорившего, что "божественные силы всегда негодующе относились к тем, кто раскрывал содержание двенадцатигранника", а именно к тем, кто объяснял метод вписывания в сферу двенадцатигранника, одну из пяти

[29] По книге Хауга "Айтарея Брахман", индуистский Манас (ум) или Бхагаван творит не больше пифагорейского Монаса. Он входит в Яйцо Мира и посылает оттуда эманации (эманирует оттуда как Брахма, ибо в своем собственном обличье (Бхагавана) не имеет первопричины (Апурва).

пространственных фигур геометрии, состоящей из двенадцати равных и правильных пятиугольников, – тайный каббалистический смысл этой фигуры будет небесполезно изучить нашим оппонентам.

В добавление к этому, как показано в "двойном треугольнике" на рисунке, пентограмма в центре дает ключ к осознанию понятий философов-алхимиков и каббалистов. Этот двойной знак так хорошо известен и распространен, что его можно увидеть над входом в Лха-кханги (храмы с буддистскими статуями и изображениями), в каждом Цзонг-па (ламаистском святилище) и часто – над хранилищем реликвий, называемом в Тибете Дунг-тинг.

Каббалисты Средневековья в своих сочинениях дают ключ к пониманию значения этого знака. "Человек – это малый мир внутри большой вселенной", – учит Парацельс. И вновь: "Микрокосм, заключенный внутри макрокосма, как зародыш, держится на трех основных силах в матрице Вселенной". Эти три силы описаны как двойные: 1) силы природы (физическое земное тело, и жизненное начало); 2) силы звезд (звездное, или астральное тело и воля, управляющая им); 3) силы духовного мира (животные души и тонкие, божественные души). Седьмой принцип – почти нематериальная сила, божественный Аугейдес, Атман, представленный точкой в центре, соответствующей пупку человеческого тела. Этот седьмой принцип является индивидуальным богом каждого человека – так говорят оккультисты Запада и Востока.

Следовательно, объяснения Шаткона и Панчкона[30], приведенные нашим критиком, скорее согласуются, нежели разрушают эту теорию. Говоря о пяти треугольниках, построенных по "пятью пять", или 25-ти точкам, критик дает разъяснение пентограммы: "Иными словами, это число, соответствующее 25-ти силам природы, образующим живое человеческое существо". Предполагаем, что под "силами природы" критик подразумевает именно то, о чем говорят каббалисты, когда учат, что эманации 24-х божественных "непроявленных сил" и "несуществующая" или "центральная точка" – 25-я – создают идеальное человеческое существо. Но, не споря об относительных значениях слов "силы природы" и "эманации" и считая, что приведенное выше предположение подтверждается дополнительным пояснением критика о том, что "вся фигура микрокосма целиком", "фигура внутреннего мира живых существ" является знаком Брахмы, "божественной созидательной энергии", – каким же образом, спрашиваем мы, это предположение расходится с нашими утверждениями, что последователи философии алхимиков и каббалы рассматривают пять точек пентаграммы как символ пяти основных конечностей человека? Мы не ревностные ученики и не последователи западных каббалистов, однако, считаем, что в этом они правы. Если 25 сил природы, представленных пятиконечной звездой, создают "живое человеческое существо", тогда все эти силы жизненно необходимы, независимо от того ментальные они или физические, а фигура, символизирующая "созидательную энергию", еще более подтверждает идею каббалистов. Каждый из пяти грубых элементов – земля, вода, огонь, воздух (или "ветер") и эфир – имеется в человеческом организме, и как бы мы ни говорили – "пять органов движения", "пять конечностей" или "пять чувств", – это одно и то же, если не вдаваться в особо тонкие различения.

Несомненно, "знатоки" могли бы объяснить свои утверждения по крайней мере так же убедительно, как и автор, который оспаривает и отрицает их, объясняя свои взгляды. В "Кодексе Назареян", основной каббалистической книге, Высший Царь Света и основной эон, Мано, эманирует пять эонов; если учитывать его самого и Бога Ферхо (эманацию "Непознаваемой бесформенной Жизни") – получается семь эонов, образно представляющих 7 принципов – основ человека, причем пять из них – чисто материальные и полуматериальные, а два высших – почти нематериальные, духовные. От каждого из семи эонов исходит пять светящихся лучей света; пять потоков проходят через голову, вытянутые руки и ноги человека, как представлено пятиконечной звездой, один обволакивает его, наподобие тумана, и последний – как яркая звезда блестит над головой. Такое изображение можно видеть в некоторых старинных книгах о "Кодексе Назареян" и каббале. Поскольку электричество или животный магнетизм наиболее мощно исходит от пяти основных конечностей, и так как явление того, что сейчас называют "гипнотической" силой, изучалось еще в храмах Древнего Египта и Греции и было познано так глубоко, как нельзя и надеяться

[30] Шести – и пятиугольника.

познать его в наш век идиотического и априорного отрицания, то неудивительно, что древние каббалисты и философы, выражавшие в символах каждую силу природы, должны были (в силу причин, совершенно очевидных для тех, кто знает что-либо о таинственных учениях и мистических связях, существующих между числами, фигурами и мыслями) избрать для изображения "пяти основных конечностей" человека – головы, рук и ног – пять точек пентаграммы.

Элифас Леви, современный каббалист, рассматривает эту проблему столь же глубоко – если не более – как и его древние и средневековые братья, ибо в книге "Догма и ритуал высшей магии" он утверждает: "Использование пентаграммы в соответствии с учениями каббалы может влиять на внешность нерожденного ребенка, и посвященная женщина может придать своему сыну черты Нерея или Ахиллеса, Людовика XIV или Наполеона".

Астральный огонь оккультистов Запада – это Акаша индуистов. Мало кто из индусов берется изучать мистические соответствия Акаши под руководством посвященных каббалистов или браминов, предпочитая этому свой образ Праджны Парамиты[31]. И все же и то и другое существует, и они идентичны.

КРЕСТ И ОГОНЬ

Очевидно, самыми распространенными и известными символами древних астрономических систем, дошедших с потоком времени в наш век и оставивших много следов в христианской и других религиях, являются Крест и Огонь – символ Солнца. Древние арии использовали оба символа как знаки Агни. Где бы древний поклонник Агни ни избрал место для поклонения, пишет Е. Бернуф (E. Burnouf. "Science des Religions", гл. X), он складывал два куска дерева в виде креста и с помощью трения добывал огонь для жертвоприношения. Его символ называют свастикой, а орудие, изготавливаемое из священного дерева и имеющееся у каждого брамина, – Арани.

У скандинавов существовал такой же знак, называвшийся Молотом Тора, из-за его таинственной магнитоэлектрической связи с Тором, Богом Грома, который, подобно Юпитеру, вооруженному молниями, также держит в руке эту эмблему власти не только над смертными, но и над злыми духами природы. В масонстве знак этот предстает в форме деревянного молотка великого магистра; в Аллахабаде его можно увидеть на стенах форта в виде джайнистского креста – талисмана правителей джайнов; а молоток современного судьи – не что иное, как crux dissimulata, как его называет археолог де Росси, ибо молоток – это знак власти и силы, как молот, символизировавший могущество Тора, расщеплявшего, как гласят легенды Севера, с его помощью скалы. Доктор Шлиман обнаружил этот символ на терракотовых дисках в нижних слоях при раскопках на месте, где, по его мнению, находилась древняя Троя. Это, как считает доктор Лунди, продемонстрировало, что "арийская цивилизация намного предшествовала греческой и могла существовать приблизительно во 2-3 тысячелетиях до н.э.". Бернуф называет эти изображения креста самыми древними из известных человечеству и утверждает, что в древней греческой религии этот же символ воплощается в фигуре Прометея – носителя огня, распятого на горе в то время, как небесная птица ведических гимнов – Шиена – ежедневно поедала его внутренности". Болдетти (Boldetti. "Osservazioni", т.15, с.60) приводит копию картины с кладбища Св. Себастьяна, на которой изображен новообращенный христианин, могильщик Диоген со знаками свастики на обеих ногах и на правой руке. Этот символ существовал в Мексике и Перу, а в древних гробницах Египта его находили в форме "тау".

То, что символика Agnus Dei, Агнца Божьего, идентична символике индийского Бога Агни, – как минимум странное совпадение, которое отмечали даже некоторые христианские священники. В то время как Agnus Dei искупает грехи мира в одной религии, Бог Агни, в другой, также искупает грехи против богов, человека, души и повторные грехи, как показано шестью молитвами, сопровождающимися шестью жертвоприношениями ("Colebrooke Essays", т.1, с.190).

И если Крест и Огонь так тесно связаны в эзотерической символике практически всех наций, то это потому, что на соединении сил этих двух знаков покоится вся схема

[31] Один из способов "достижения другого берега" – посредством мудрости – Праджны – воспринимаемой как богиня, эманация Акшобхьи или всех дхьяна-будд; женщина-бодхисатва.

вселенских законов. В астрономии, физике, химии, во всех разделах естественной философии эти знаки всегда представляют невидимую причину и видимое следствие, но только метафизика и алхимия, или метахимия (предпочитаем ввести новый термин, чтобы шокировать скептиков), может во всей полноте окончательно выявить их таинственное значение. Тем, кто захочет немного подумать, будет достаточно нескольких минут.

Центральной точкой, или, как говорят каббалисты, великим центральным солнцем Космоса, является Божество. Это точка пересечения двух противоречивых сил – центростремительной и центробежной, – под действием которых планеты движутся по эллиптическим орбитам и, проходя Зодиак, вычерчивают крест. Эти бешеные, хотя пока еще гипотетические и воображаемые, силы поддерживают гармонию и стабильное, непрерывное движение вселенной; четыре перегиба свастики символизируют обращение Земли вокруг своей оси. Платон называет вселенную "благословенным богом" в форме круга пересеченного в форме буквы Х. Довольно астрономии.

В масонстве степень Королевской Арки сохраняет Крест, как тройное египетское тау. Это космический круг, по которому быстро вращается астрономический крест; идеальный квадрат в пифагорейской математической системе чисел, его оккультное значение объяснял Корнелий Агриппа. Огонь – это тепло, центральная точка; перпендикулярный луч представляет мужской элемент – дух, горизонтальный – женский – материю. Дух оживляет и оплодотворяет материю, все исходит из центральной точки, фокуса жизни, света и тепла, представленного земным огнем. И вновь довольно физики и химии; поле для аналогий безгранично, а законы вселенной непреложны и одинаковы во внешнем и внутреннем приложении. Без намерения проявить к кому-либо неуважение или удалиться от истины, думаем, что можем сказать: существуют серьезные основания для веры в то, что в первоначальном смысле есть христианский крест, как причина, и вечные муки в адском огне, как прямое следствие отрицания креста, – более связаны с двумя древними символами, чем готовы признать наши западные теологи.

Если Огонь – божество для некоторых язычников, то и в Библии Бог уподобляется Жизни и Свету мира.

Если Святой Дух и Огонь очищают христианина, то Люцифер тоже Свет и "Сын утра".

Куда бы мы ни обратились, почти у всех народов и наций непременно найдем это соединение остатков древних культов. От ариев, халдеев, зороастрийцев, перуанцев, мексиканцев, скандинавов, кельтов, древних греков и римлян они в полной мере перешли к современным парсам. Финикийские кабиры и греческие диоскуры частично возрождены в каждом храме, соборе, деревенской церкви; а, как будет показано ниже, христиане-болгары через тысячу лет после обращения в христианство сохранили культ Солнца. И все же остаются такими же язычниками, как и раньше, справляя Рождество и Новый год по старым обычаям. До сих пор они называют этот праздник Суржваки, так как он совпадает с праздником в честь древнего славянского бога Суржа. Это божество в славянской мифологии – Сурья, или Сурва – явно идентично арийскому Сурье-Солнцу и представляет бога тепла, плодородия и изобилия. Корни празднования уходят вглубь веков, – задолго до наступления эры христианства болгары поклонялись Сурве и посвящали День Нового года этому богу, моля у него благословить их поля и послать им самим счастье и процветание. Этот обычай сохранился во всей своей языческой силе, и, хотя в каждой области есть свои отличия, все церемонии и обряды в основном одинаковы.

Накануне Нового года болгары не работают и обязаны поститься. Молодые помолвленные девушки готовят большой пирог, в который кладут корни разной формы с молодыми ростками, называя каждый по форме корня. Так, один корень называют домом, другой – садом, еще другие – мельницей, виноградником, лошадью, курицей, кошкой и т. д., в соответствии с тем, что есть у семьи. В этом символе рога изобилия представлены даже такие ценности, как украшения и мешочки с деньгами. Кроме всего этого внутрь пирога кладут большую, древнюю серебряную монету, называемую дадканд, которую обвязывают красной ниткой в двух направлениях так, чтобы получился крест. Эту монету считают знаком удачи и счастья. После захода солнца и таких церемоний, как молитвы в адрес уходящего светила, вся семья собирается вокруг большого круглого стола, на который выставляют описанный пирог, сушеные овощи, кукурузу, тонкую восковую свечу и,

наконец, большую кадильницу с благовониями лучшего качества – для Бога. Глава семьи – обычно старший ее член, дед или отец, – с большим благоговением берет в одну руку кадило, в другую – свечу и начинает обходить дом, окуривая все четыре угла, начиная и заканчивая на восточной стороне, при этом он произносит различные обращения к Богу и заканчивает христианской молитвой "Отче наш, сущий на небесах...", адресованной Сурже. Затем свечу прячут, чтобы хранить ее весь год до следующего праздника. Считается, что она обрела чудесные целительные свойства, ее зажигают только в случае болезни в семье, так как она должна исцелять.

После этой церемонии старший берет нож и разрезает пирог на куски по количеству членов семьи. Каждый, получив свой кусок, быстро его осматривает. Самый счастливый на весь предстоящий год – тот, у кого в пироге оказалась монета с красным нитяным крестом; его считают избранником Суржи, и все завидуют ему. Следующими по важности считаются символы дома, виноградника и т. д.; в соответствии с находкой человек читает свой гороскоп на предстоящий год. Самый несчастный – кто нашел кошку; он бледнеет и дрожит. Горе ему, ибо он окружен врагами и должен приготовиться к большим испытаниям.

В то же время в печь кладут большое бревно, символизирующее пылающий алтарь, и зажигают огонь. Это бревно горит в честь Суржи и предстает оракулом судьбы всего дома. Если оно будет гореть всю ночь до утра и огонь не потухнет, это хороший знак; в противном случае ожидается смерть кого-либо из членов, и праздник заканчивается сильным плачем. Ни юноши-женихи, ни девушки-невесты в эту ночь не спят. В полночь начинаются обряды предсказаний, волшебства и другие; здесь горящее бревно также выступает в роли оракула. Молодая почка, брошенная в огонь и громко разорвавшаяся, означает быструю и счастливую свадьбу. Поздно ночью молодые пары выходят из своих домов и идут в гости к знакомым, переходя из дома в дом, обмениваясь поздравлениями и воздавая благодарности божеству. Эти пары называют Сурьякари; все парни несут большие ветки, украшенные красными лентами, старинными монетами и изображением Суржи, по пути они поют хором песню столь же своеобразную, сколь и странную. Она заслуживает того, чтобы ее привести здесь, хотя, конечно, перевод на другой язык преуменьшит ее достоинства. Вот строки, с которыми обращаются к хозяевам в каждом доме:

Сурва, Сурва, Господин этой поры,
Пошли счастливый Новый год:
Здоровье и удачу этому дому,
Успех и благословение до следующего года.
Да будут у вас хорошие урожаи и полные колосья.
Да будут у вас золото и шелк, виноград и фрукты.
Да будут ваши бочонки полны вина и желудки ваши полны.
Будьте благословенны Богом вы и ваш дом...
Его благословение на всех вас. Аминь! Аминь! Аминь!

Поющие Сурьякари, получившие в каждом доме вознаграждение за добрые пожелания, на рассвете расходятся по домам. Вот как рука об руку в христианской Болгарии идут символы культа Креста и Огня древней Арьяварты[32].

"УТВЕРЖДЕНИЯ ОККУЛЬТИЗМА"

Так называется статья, которую я обнаружила в одном из лондонских изданий, новом еженедельнике "Свет" и о котором отзываются как о "журнале, посвященном высшим интересам человечества, в этом мире и в ином".

Это хороший и полезный журнал, и если только можно судить по двум номерам, которые я видела, это один из тех журналов, чей благородный тон способен убедить общество гораздо больше, чем страстные и зачастую грубые выпады его "духовных" современников против своих оппонентов и скептиков. Под статьей, к которой я хочу привлечь ваше внимание, стоит знакомая подпись "М.А.Оксон" (nom de plume), подпись писателя, глубоко мне симпатичного, моего личного и уважаемого мною друга, короче

[32] Арьяварта – название страны на Индо-Гангской равнине, лежащей между Гималаями и горными цепями Виндхья; центр древнеиндийской цивилизации.

говоря, того, кому я доверяю, независимо от того, разделяет он наши взгляды или нет, и кто никогда не будет путать доктрину с ее последователями или, выражаясь более точно, возлагать грехи оккультистов на оккультизм и vice versa.

Пишущая эти строки с большим интересом и вниманием причитала статью "Утверждения оккультизма". Как и все, что выходит из-под пера "М. А. Оксона", она носит особый отпечаток, не только оригинальности, но и незаурядной личности автора, его решительного намерения вернуть каждый новый аспект, каждое новое открытие психологической науки к своим (к его) первоначальным принципам – спиритуализму. Употребляя это слово, я не имею в виду вульгарный спиритуализм "комнатных сеансов", который "М. А. Оксон" уже давно перерос, но ту примитивную идею, которая легла в основу всех последующих теорий, тот изначальный корень, из которого произросли все современные водоросли, а именно: вера в ангела-хранителя или духа-покровителя, которому независимо от того, сознает ли его присутствие его подопечный или нет, т.е. спирит он или нет, высшая субстанция поручает наблюдать за действиями каждого (крещеного?) смертного в его жизни.

И это, если и не совсем точная копия религиозных взглядов "М.А. Оксон" то, несомненно, главная идея всех христианских спиритуалистов, прошлых, настоящих и будущих. Эта доктрина, считающаяся сейчас христианской, причем в основном римско-католической, возникла не в христианском, как мы все думаем, а в языческом мире. Помимо того, что эта доктрина присутствует в теории Сократа о духе – покровителе, этом древнем гиде, из которого наши спиритуалисты пытаются выжать все, что могут, – она также является и доктриной греческих теургов Александрии, зороастрийцев и позднейших вавилонских евреев, доктриной, которую их последователи – христиане – исказили до неузнаваемости. Но в данный момент это не имеет особого значения, поскольку нас сейчас интересуют личные взгляды "М.А. Оксон", которые он противопоставляет взглядам некоторых теософов.

Нам кажется, что его доктрина, как никакая другая, сконцентрирована и все время вращается вокруг одной и той же центральной идеи, согласно которой дух живого человека не способен действовать независимо и per se вне тела; подобно тому, как спотыкающегося малыша ведут за ручки его мать или няня, им управляет, дергая за духовные веревочки, некий бесплотный дух, полностью отличающийся от него, а временами даже и чуждый ему, поскольку такой дух может быть только духом человека, который в прошлом жил на нашей планете. Я полагаю, что достаточно точно описала религиозные взгляды своего друга, которые разделяют и многие интеллектуальные, прогрессивные и либеральные спиритуалисты современности, а также те теософы, которые присоединились к нашему движению, покинув ряды спиритуалистов.

Тем не менее, уважая личное мнение тех из наших Собратьев, которые встали на тот же путь исследования истины, что и "М.А. Оксон", и независимо от того, насколько сильно они отклонились от пути, по которому следуем и мы, мы будем всегда повторять, что подобные взгляды не являются взглядами всех теософов, и пишущая эти строки не исключение. Поэтому мы не будем следовать бесчестному примеру большинства спиритуалистов и их газет, которые против нас настроены также злобно, как и большинство миссионерских, сектантских газет друг против друга и против неверных теософов. Мы не будем вступать в пререкания, мы будем просто приводить факты, поскольку лозунг "Света, больше Света!" – это лозунг, объединяющий и прогрессивных спиритуалистов, и теософов. Объяснившись таким образом, я надеюсь, что "М.А. Оксон" воспримет как джентльмен все мои замечания, которые я могу сделать относительно его статьи в "Свет", и которую я здесь цитирую дословно. Я не буду нарушать его стройный рассказ и ограничу свои ответы лишь скромными примечаниями.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как публикация двух увесистых томов мадам Блаватской под названием "Разоблаченная Изида", буквально потрясла мир спиритуалистов. У тех, кто осилил все разнообразие содержания этих объемных, напечатанных мелким шрифтом 1 200 страниц, осталось смутное впечатление оттого, что спиритуализм представлен не в очень выгодном для него свете и что в этом труде посеяны семена оккультизма, которые автор все время взращивает.

Книга содержит такое обилие материала, что я, наверное, буду прав, если скажу, что никто, прочитав ее, так и не смог разобрать замысла автора; материал этот сильно нуждается в систематизации, многие высказывания в пояснении, а некоторые, возможно, и в сокращении[33]. К тому же читателя нужно было снабдить справочным материалом, чтобы легче пробираться сквозь дебри, которые он встречал на каждом шагу; и, что самое важное, нужно было предоставить больше сведений относительно истории и высказываний таинственного Братства, от имени которого автор делает такие тенденциозные утверждения[34].

Напрасными казались усилия каждого искателя истины войти в хотя бы отдаленные отношения с каким-нибудь адептом ордена, видимым представителем которого является мадам Блаватская. На все просьбы такого искателя подтвердить сделанные Братьями высказывания, был дан вежливый, но решительный отказ. Братья могли принять искателя истины только после того, как он докажет свою искренность, честность и мужество в течение бесконечно длинного периода испытаний. Они не искали никого, и никого не обещали принять[35].

Между тем, они не отвергали никого, кто настойчиво следовал предписанному пути ученичества, который один, как они утверждают, может развить божественные способности человеческого духа.

Единственно ощутимый результат тщательных усилий просветить человечество – это основанное в Америке Теософское общество, признанное всеми, как организация Оккультного Братства, хотя последнее и не вмешивалось в его управление[36].

Они могут пользоваться услугами этого Общества, но никогда не будут давать советов относительно методов, которыми это Общество должно руководствоваться в своей деятельности, как и не будут давать гарантии оказания некой особой помощи, кроме как очень осторожного обещания, что какую бы помощь они не соблаговолили предоставить вопрошающему человечеству, эта помощь, если и придет, то придет именно из этого источника.

Признаться, это микроскопически малая крошка комфорта, упавшая с такого богатого стола, который описала нам мадам Блаватская. Но теософам пришлось удовлетвориться и этим, или, по крайней мере, промолчать; и они предались размышлениям, по крайней мере, некоторые из них.

Что заставляет их верить в существование этих Братьев, адептов, которые владеют ключом ко всем тайнам природы, затмевающим все результаты современных научных исследований, которые постигли глубочайшую мудрость "Познай самого себя", и которые могут продемонстрировать в качестве эксперимента трансцендентальные способности

---

[33] Не в первый раз этот справедливый упрек несправедливо ложится у порога моей двери. Совершенно справедливо, что "материал сильно нуждается в систематизации", но это никогда не входило в мою компетенцию, поскольку я давала совершенно самостоятельные и отдельные главы, следовавшие одна за другой. Я тогда еще не знала, начала ли я серию статей, одну книгу или две, как м-р Синнет правильно утверждает в своем труде "The Occult World". Да мне было собственно и все равно. Я считала своим долгом дать несколько намеков, указать на опасные тенденции развития современного спиритуализма и привести в качестве доказательств правильности своих заключений все утверждения и свидетельства древнего мира и его мудрецов, какие я только могла найти по данному вопросу. Я сделала все, что было в моих силах. Если бы критики "Разоблаченной Изиды" только учли, что: (1) ее автор никогда не изучала английский язык; и с детства, когда она учила только разговорную речь, не говорила на нем, пока не побывала с полдюжины раз в Америке; что (2) многие из доктрин (или лучше сказать гипотез?), представленных в данной книге, надо было сначала перевести с азиатских языков; и что (3) многие, если не все, цитаты и ссылки на другие работы, некоторые из них уже распроданы, а большинство доступно только ограниченному кругу лиц, сама автор никогда не читала и не видела, хотя доказано, что цитируемые отрывки точны до мелочей – тогда мои друзья, возможно, были бы настроены менее критично. Однако, "Разоблаченная Изида" является только entree en matiere к выше приводимой статье и я не должна терять время на разъяснения ее достоинств и недостатков.

[34] В действительности, утверждения, сделанные от имени "Братства" живых людей, никогда и на половину не были такими тенденциозными, как те, которые каждый день делают спиритуалисты от имени развоплощенных духов умерших людей.

[35] и сейчас не обещают

[36] Мы просим обратить внимание на эту фразу всех тех наших Братьев и друзей на Западе и в Индии, кто был склонен или не верить, или обвинять "Братьев Первой Секции" в административных ошибках и просчетах Теософского общества. С самого начала наши Братья были уведомлены, что Первая Секция может отдавать распоряжения только тем, кто знает их лично, но никогда она не обещала руководить, или даже защищать ни эту организацию, ни ее членов.

человеческого духа, преодолевающего время и пространство, и доказать существование души методами точной экспериментальной науки? Какие основания для таких утверждений имеются вне пределов Теософского общества?

Долгое время ответ был самым туманным. Но постепенно были собраны доказательства и вот в этой книге[37] перед нами предстает мистер Синнетт со своими собственными исследованиями в этой области, но, что особенно интересно, он представляет нам свою переписку с Кут Хуми, адептом и членом Братства, который вошел с ним в более тесные, хотя и второстепенные[38], отношения, чем со всеми остальными.

Эти письма поражают безмерно и их подлинная значимость неоценима. Их ценность еще более усиливается знаниями источника, из которого они появились, и тем светом, который они проливают на взгляды этих тибетских отшельников, для которых весь мир и все, что в нем, не представляет ровно никакого интереса, за исключением случаев, когда они могут улучшить участь человека и научить его пользоваться своими способностями.

Другой благодатной темой вопросов тех, кто испытывает склонность к изучению теософии – это природа оккультных сил. Из "Разоблаченной Изиды" невозможно было составить себе четкое представление, подкрепленное соответствующими свидетельствами или подтвержденное достаточными доказательствами из любого достоверного источника, на что все-таки претендует адепт. Мадам Блаватская сама, хотя и не претендует на то, что достигла такого же высокого развития как и те, кого она представляет, обладает некоторыми оккультными способностями, которые спиритуалисту странным образом напоминают способности медиума[39].

Это утверждение, однако, она отвергает с возмущением. Медиум, она объясняет, это несчастное создание, что-то вроде канала, по которому спускают любой поток грязи, или что-то вроде газовой трубы, по которой газ, с еле мерцающим светом, достигает нашей Земли. Много усилий было затрачено для доказательств, что вода действительно была грязной, и газ был извлечен из такого источника, вряд ли духовного, что мы, страстно жаждавшие подлинного света, едва можем остаться этим источником довольны.

Невозможно отрицать, что состояние народного спиритуализма в Америке в момент, когда на него обрушился град этой критики, было таково, что он вполне заслуживал строгого осуждения. Он был дискредитирован в глазах обозревателей, которые смотрели на спиритуализм со стороны, которым не были известны его подкупающие черты и которые ассоциировали его с грязью и обманом. Ошибочно было предполагать, что это и есть лицо подлинного спиритуализма, а не спиритуализма, искаженного второстепенными причинами.

Однако же, такое предположение было сделано. Когда мы хотели познать свет истины, нам говорили, что мы должны покончить с медиумизмом, закрыть все двери, через которые проникают лодыри-спиритуалисты, чтобы сбить нас с толку и погубить. Нам говорили, что мы должны искать подлинных адептов, которые только одни могут направить нас, минуя опасности, в нашем поиске. Это, как нам объяснили, ни в коей мере не дает права войти в их духовный дом случайному духу, которому взбредет в голову попытаться это сделать. Они владеют ключом и не подпускают к себе непрошеных гостей, демонстрируя, в то же время, свои чудесные способности, пред которыми меркнут все медиальные феномены.

Это единственный безопасный метод; и эти способности, скрытые в каждом человеке, хотя и поддаются развитию только в нравственно чистых людях, да и то с трудом, единственные методы, которые применяют адепты. Некоторые теософы экспериментально доказали, что эти утверждения не лишены правдивости. Я так и не знаю, смог ли кто-нибудь четко отличить свои собственные усилия от тех, в которых принимает участие

---

[37] "The Occult World", A.P. Sinnett

[38] Только с мистером Синнеттом и пока с единственным. Его отношения с некоторыми другими Братьями были настолько личными, насколько они того желали.

[39] Медиум, в роли почтальона, который доставляет письма от одного человека к другому; в роли помощника электрика, когда хозяин говорит ему, как повернуть гайку и установить проволоку в батарее, и никогда в роли духовного медиума. "Мадам Блаватская" никогда не нуждалась и никогда не прибегала к сеансам в затемненных комнатах, кабинетах, к "состоянию транса", "гармонии", и ни к одному из сотен условий, в которых так нуждаются пассивные медиумы, никогда не предполагающие, что должно произойти в следующую минуту. Она всегда знала заранее и могла сказать, что должно произойти, но каждый раз воздерживалась от правильного ответа в целях достижения полного успеха.

потусторонний дух. Есть, однако, заслуживающий внимания факт, который дает ключ к пониманию разницы между методами спиритуалиста и оккультиста.

Медиум – пассивный проводник воли другого духа. Адепт – активный, энергичный творец результатов, которые он сознательно производит, чему есть доказательства и что может быть подвергнуто исследованию. Спиритуалисты не торопились признать то, с чем они знакомы в несколько другой форме. Теософы также не спешили беспристрастно оценить факты и теории спиритуализма. Во время своих собственных опытов м-р Синнетт добился многих замечательных результатов, которые достойны изучения и которые могут заставить тех, кто приближается к этим феноменам с разных сторон, задуматься, нет ли у них общей точки соприкосновения.

Мы не так много знаем о воздействии духов на человека, чтобы позволить себе презрительно игнорировать его малейшие признаки. Независимо от того, спиритуалисты мы или теософы – странные ярлыки навешиваем мы на себя – все мы ищем доказательств в попытке ответить на вопрос, откуда мы и куда идем.

Мы хоть немного хотим постичь великую тайну жизни и заглянуть хоть одним глазком в не менее великую тайну смерти. Каждый день мы собираем все больше информации, которая приводит нас в недоумение своей противоречивостью. Мы хотим получить свет изо всех источников, будем же терпеливы и терпимы к мнениям других, будем торопиться признать хоть мельчайшую подробность, которая может пролить свет на истину и все многообразие форм, в котором то, что мы называем истиной, предстает перед человеком. Неужели странно, что мы видим различные аспекты истины?

Неужели мы не можем понять того, что так оно и должно быть? Разве мы не можем дождаться момента окончательного примирения, когда мы будем смотреть на мир более ясными глазами и понимать то, что сейчас не понимаем?

Небольшая книга мистера Синнетта могла бы очень помочь тем, кто разделяет эту точку зрения. Философия, которая в ней содержится, четко изложена и дает много пищи для размышлений. Зафиксированные факты излагаются с научной точностью и должны произвести сильное впечатление на внимательного и беспристрастного читателя. Завеса, приподнятая над этим таинственным Братством, которое живет в уединении в горах Тибета и занимается огромнейшей проблемой и которое всегда готово раскрыть человечеству столько истины, сколько оно может в себя вместить, впечатлила бы даже скептика – филистимлянина.

Однако, как бы там ни было, а еще на многие вопросы нужно пролить свет, прежде, чем объявить об окончательных выводах, нет никаких сомнений, что философия, содержащаяся в книге м-ра Синнетта, идентична той, к которой пришли великие теософы древности. В высокомерный девятнадцатый век эта философия отметается, как недостойная внимания, теми, над кем пролился ослепительный свет круга спиритических сеансов. Зафиксированные факты, по крайней мере, также убедительны с научной точки зрения, как и те, которые были доказаны во время спиритических сеансов в затемненных комнатах, или при обычных условиях спиритуалистических исследований. Письма Кут Хуми содержат много ценных сведений и несомненно вознаградят усилия тех, кто приступит к их тщательному изучению.

Так как в этой книге всего 172 страницы, она не должна долго испытывать терпение читателя. Если какой-либо знающий спиритуалист прочитает ее и скажет, что она ничего не добавила к его знаниям, он, по крайней мере, будет удовлетворен тем, что ознакомился с обеими сторонами вопроса, что должно представлять первейший и насущнейший долг для каждого беспристрастного исследователя.

"Теософист", сентябрь 1881 г.

НЕКОТОРЫЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ КАЖДОДНЕВНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ[40]

I

Вставайте рано, как только проснетесь, не лежите праздно полусонные-полупроснувшиеся в постели. Затем горячо помолитесь о духовном возрождении всего человечества, и о тех, кто борется на пути истины, – чтобы ваши молитвы поддержали их и помогли им трудиться более ревностно и успешно; и чтобы в вас укрепилось противостояние соблазнам чувств. Мысленно представьте образ своего Учителя, погруженного в самадхи. Добейтесь постоянного Изображения с полнотою всех деталей, думайте о Нем с благоговением, и молитесь, чтобы все ошибки упущений и прегрешений могли быть прощены. Это в большой мере укрепит вашу силу сосредоточения, очистит сердце, пойдет на пользу во многих других отношениях. Или углубитесь в недостатки своего характера: детально разберите их пагубное воздействие и преходящность наслаждений, доставляемых ими, и твердо желайте приложить все ваши силы, чтобы не поддаться им в следующий раз. Подобный самоанализ и привлечение самого себя к суду собственной совести помогут вашему духовному росту в степени, о какой вы прежде даже и не мечтали. Во время умывания упражняйте вашу волю с целью смыть заодно с физической грязью тела также и нравственные нечистоты. В отношениях с другими соблюдайте следующие правила.

1. Никогда не делайте того, что не является вашим долгом, то есть не делайте ненужные дела. Прежде чем что-либо делать, подумайте, является ли это вашим долгом.

2. Никогда не говорите ненужных слов. Прежде чем произнести их, подумайте о возможных последствиях. Никогда не позволяйте себе нарушать свои принципы, уступая давлению окружающих.

3. Никогда не позволяйте ненужным или пустым мыслям занимать ваш ум. Это легче сказать, чем сделать. Вы не можете в одно мгновение сделать ваш ум чистым. Потому вначале старайтесь пресечь дурные или праздные мысли, устремляя ум к разбору своих ошибок или к созерцанию Совершенных.

4. Во время еды упражняйте волю с целью, чтобы пища хорошо переваривалась и строила бы ваше тело в гармонии с вашими духовными устремлениями, и не рождались дурные страсти и грешные мысли. Ешьте, только когда вы испытываете голод, пейте, только когда вы испытываете жажду, и никогда иначе. Если какое-либо особое блюдо начинает прельщать ваш желудок, не уступите соблазну отведать его только чтобы удовлетворить свое желание. Припомните, что удовольствие, получаемое от этого, не существовало всего лишь несколькими секундами раньше, и что оно исчезнет несколько секунд спустя; что это – преходящее удовольствие, и что-то, что теперь является удовольствием, при больших дозах превратится в боль; что это доставляет удовольствие лишь языку; что если приобретение задуманной вещи требует больших усилий, и вы поддаетесь страсти заполучить ее, то вы не остановитесь ни перед чем, чтобы достичь цели; что поскольку имеется нечто другое, способное наградить вас вечным блаженством, подобная привязанность к преходящим вещам в лучшем случае есть просто глупость; что вы не являетесь ни телом, ни чувствами, потому удовольствие или боль, переживаемые последними, в сущности не имеют власти над вами, и так далее. Придерживайтесь подобной линии рассуждения при всех других случаях искушения, и хотя вы часто будете терпеть неудачу, все же со временем вы добьетесь успеха. Не читайте много. Если вы читаете десять минут, то размышляйте много часов. Привыкайте к одиночеству, привыкайте оставаться наедине со своими мыслями.

Утвердитесь на мысли, что никто кроме вас самих не в состоянии помочь вам, и постепенно прекратите всякую привязанность ко всему. Прежде чем заснуть, молитесь как

---

[40] Выдержки, из которых составлен этот раздел, могут показаться несколько разрозненными, поскольку первоначально они не предназначались для публикации.

Впервые они были опубликованы под заголовком "Изучение теософии" в надежде, что читатель усмотрит намек и сам начнет прибегать к ежедневным выпискам, сохраняя, таким образом, конспекты прочитанных книг и извлекая из их чтения практическую пользу. Следуя этому, читатель мог бы в сжатой форме сохранить то, что на его взгляд выражало бы суть книги.

Чтение нескольких цитат каждым утром, усилие приложить их затем в жизни в течение дня, и медитацию на них в свободное время, – также полезно предложить начинающему.

вы молились утром. Пересмотрите свои поступки за день, и отметьте свои ошибки, и примите решение не повторять их завтра[41].

II

Правильным побуждением к поиску самопознания будет побуждение, связанное с познанием, а не с самостью. Самопознание – достойная вещь в силу наличия в нем знания, а не в силу его связи с нашей личностью. Главным условием для достижения самопознания будет чистая любовь. Стремись к знанию из чистой любви, и твои усилия в конце концов увенчаются самопознанием. Возрастающее нетерпение ученика есть верный показатель, что ученик трудится ради награды, а не ради любви, а это в свою очередь доказывает, что он не достоин величайшей победы, сохраняемой для тех, кто действительно трудится из чистой любви[42].

"Бог" в нас – то есть Дух Любви и Истины, Справедливости и Мудрости, Добра и Мощи – должен стать нашей единой истинной и непрестанной Любовью, нашим единым оплотом во всем, нашей единой Верой, которой, как твердой скале, мы всегда можем довериться; нашей единой Надеждой, которая никогда нам не изменит, даже если все остальное погибнет; и единой целью, которой мы должны достичь с помощью Терпения, смиренно ожидая пока наша дурная карма не будет исчерпана, и божественный Искупитель не откроет нам Свое присутствие в нашей душе. Двери, через которые Он приходит, называются Довольством; ибо недовольный своим положением недоволен законом, который сделал его таким, как оно есть, и поскольку Бог Сам является законом, он не придет к тому, кто недоволен Им[43].

Если мы признаем, что движемся в потоке эволюции, то каждое обстоятельство мы должны принимать именно как должное. И в наших неудачах при совершении намеченных действий мы должны видеть величайшую помощь, ибо нет для нас другого пути научиться спокойствию, требуемому от нас Кришной. Если бы все наши планы были успешны, мы не испытали бы противоположений. Кроме того, наши планы могут быть невежественными и потому неправильными, и добрая Природа не позволит нам их осуществить. Мы не виноваты за план, но мы можем навлечь на себя плохую карму нежеланием смириться с невозможностью его выполнения. Вообще, если вы испытываете подавленность, то в такой же самой степени ваши мысли теряют в силе. Можно сидеть в тюрьме и все же быть работником общего дела. Потому прошу вас, очистите ваши мысли от малейшего недовольства окружающими обстоятельствами. Если вам удастся воспринимать все события как происходящие в точности так, как вы этого желали, то это не только послужит укреплению ваших мыслей, но и укрепляюще отразится на вашем теле[44].

Действовать, и действовать мудро, когда наступает время действия, ожидать, и ожидать терпеливо, когда время покоя – приводит человека к гармонии с приливами и отливами (в делах), так что, опираясь на природу и закон и имея путеводной звездой истину и добро, он может творить чудеса. Незнание этого закона приводит к периодам безрассудного энтузиазма с одной стороны, или депрессии и даже отчаяния с другой. Так человек становится жертвой приливов и отливов, тогда как ему следовало бы быть их Властителем[45].

Наберись терпения, Путник, как тот, кто не боится неудачи, не ищет успеха[46].

Накопленная энергия – не может быть уничтожена, она должна быть переведена в другие формы или преобразована в другие виды движения; она не может остаться навеки бездействующей и все же продолжать существовать. Бесполезно пытаться заглушить страсть, которой мы не в силах управлять. Если ее накапливающаяся энергия не вводится в другие каналы, она будет расти, пока не станет сильнее чем воля и сильнее чем рассудок. Чтобы контролировать ее, вы должны ввести ее в другой, высший канал. Так, любовь к чему-то пошлому может быть заменена превращением ее в любовь к чему-то возвышенному, и

---

[41] "Теософист", август 1889 г.
[42] "Теософист", август 1889 г.
[43] "Изучение теософии", N 8, т. 11
[44] "Путь", август 1889 г.
[45] "Путь", август 1889 г.
[46] "Голос Безмолвия"

порок может быть превращен в добродетель изменением его цели. Страсть слепа, она идет куда ее ведут, и рассудок для нее является более надежным руководителем, чем инстинкт. Накопившийся гнев (или любовь) непременно найдет какой-нибудь объект, чтобы излить на него свою ярость, иначе он может вызвать взрыв, разрушительный для своего хозяина; спокойствие следует за бурей. Древние говорили, что природа не терпит пустоты. Мы не можем уничтожить или упразднить страсть. Если ее отогнать, другое стихийное воздействие займет ее место. Потому не следует пытаться уничтожить низкое, не ставя ничего взамен, но следует заменить низкое высоким, порок добродетелью, суеверие знанием[47].

III

Знай, что нет исцеления от желания, нет исцеления от жажды награды, нет исцеления от пытки неудовлетворенной страсти иного, как только в устремлении взора и слуха на то, что незримо и безмолвно[48].

Человек должен верить в свою врожденную способность развития. Человек должен отклонить боязнь перед своей высшей природой и не должен отступать перед напором своего меньшего или материального я[49].

Все прошлое показывает, что трудность не может служить оправданием для уныния, и тем более для отчаяния, в противном случае мир не имел бы многих чудес цивилизации[50].

Решимость наступления есть первая необходимость для избравшего свой путь. Где же найти ее? Присмотревшись, нетрудно увидеть, в чем другие черпают эту решимость. Ее источник – непоколебимая убежденность[51].

Воздержись потому, что воздержаться правильно, а не чтобы очистить себя[52].

Человек, ведущий войну с самим собой и побеждающий в этой битве, способен на это лишь когда он ясно осознает, что эта война – единственное дело на свете, достойное делания[53].

"Не отвечай на зло", то есть не жалуйся и не раздражайся при неизбежных неприятностях жизни. Забудь о себе (работая для других). Если люди оскорбляют, преследуют тебя, причиняют тебе зло, следует ли отвечать на это? Противодействием мы создаем еще большее зло.[54]

Непосредственная работа, какова бы она ни была, обладает абстрактным статусом долга, и ее относительная важность или незначительность не должна быть принимаема во внимание.[55]

Лучшим лекарством против зла будет не подавление, а устранение желания, и это лучше всего достичь постоянным погружением ума в мир божественного. Знание Высшего Я теряется при устремлении ума на беспечное отрицание вещей, соответствующих стихийному рассудку.[56]

Наша натура настолько низка, горда, тщеславна, настолько полна собственными прихотями, суждениями и воззрениями, что если бы не сдерживалась искушением, она погибла бы безнадежно; потому мы бываем искушаемы до конца с той целью, чтобы познать себя и обрести смирение. Знай, что наибольшее искушение – это пребывать без искушений, и потому радуйся, когда оно преследует тебя и со смирением, спокойствием и постоянством противостой ему.[57]

Прочувствуй, что нет такого действия, которое следовало бы совершить ради себя, но что Божеством на тебя наложены определенные обязанности, которые должны быть исполнены. Желайте Бога и ничего из того, что Он может дать вам.[58]

---

[47] Ф. Хартман. "Магия"
[48] "Свет на пути", Карма
[49] "Свет на пути", Карма
[50] "Through the Gate of Gold"
[51] "Through the Gate of Gold"
[52] "Свет на пути"
[53] "Through the Gate of Gold"
[54] "Путь", август 1887 г.
[55] "Люцифер", февраль 1888 г.
[56] "Бхагавад-Гита"
[57] Molinos. "Spiritual Guide"
[58] "Бхагавад-Гита"

Все необходимое должно быть совершено, но не ради плодов совершаемого действия.[59]

Если все действия совершаются с полной уверенностью, что они не имеют никакого значения для делателя, но совершаются просто потому, что должны быть совершены – другими словами, потому, что природе человека свойственно действовать – тогда самовлюбленная личность в нас будет становиться слабее и слабее, пока не обретет вечный покой, покой, позволив сознанию, раскрывающему Истинное Я, воссиять во всей его славе.

Не должно допускать, чтобы радость или боль отклоняли тебя от намеченной цели.[60]

До тех пор пока Учитель не сочтет нужным, чтобы ты пришел к Нему, будь с человечеством, и бескорыстно трудись ради его развития и прогресса. Только это может принести подлинное удовлетворение.[61]

Знание увеличивается пропорционально его употреблению – то есть, чем больше мы учим, тем больше учимся. Потому, Искатель Истины, с верой ребенка и волей посвященного, раздели накопленное тобой с тем, кто не имеет чем утешить себя на своем пути.[62]

Ученик должен полностью осознать, что сама мысль о личных правах вырастает именно из ядовитого качества змеи Самости. Он не должен взирать на другого человека как на личность, которую можно осуждать или порицать, также не следует возвышать голос в свою защиту или оправдание.[63]

Среди людей у тебя нет врагов, нет друзей. Все в равной степени являются твоими учителями.[64]

Отныне ты не должен трудиться, чтобы извлечь какую-либо выгоду, мирскую или духовную, но чтобы исполнить закон бытия, который является благой волей Господней.[65]

IV

Живи не в настоящем и не в будущем, живи только в вечном. Гигантский сорняк (зло) не может цвести там; этот позор существования разлагается в атмосфере вечной мысли.[66]

Чистота сердца – необходимое условие для достижения "Знания Духа". Очищения этого можно достичь двумя основными способами. Во-первых, настойчиво гони от себя всякую дурную мысль; во-вторых, сохраняй равновесие ума при всех условиях, никогда не допускай возбуждения или раздражения. Ты убедишься, что этим двум способам очищения более всего способствует преданность и сострадание. Мы не должны сидеть без дела и не прилагать усилий к продвижению только потому, что не чувствуем себя чистыми. Пусть каждый явит устремление и трудится по-настоящему, но он должен трудиться в правильном направлении, и первым шагом на этом пути будет очищение сердца.[67]

Ум требует очищения, как только ты испытал гнев или произнес ложь, или без необходимости обсуждал недостатки других, или сказал (сделал) что-нибудь ради лести, или ввел кого-либо в заблуждение не искренней речью или поступком.[68]

Стремящиеся к освобождению должны избегать страстей, гнева, алчности, и развивать в себе мужественное подчинение Священным Писанием, изучение духовной философии, и неуклонность в ее практическом осуществлении.[69]

Побуждаемый эгоистическими соображениями не может взойти на небеса, где личных соображений не существует. Не заботящийся о Небесах, но довольный своим положением – уже на Небесах, тогда как недовольный тщетно будет взывать к ним. Не иметь личных желаний значит быть свободным и счастливым, – "Небеса" именно и служат обозначением состояния, которому присущи свобода и счастье. Человек, действующий благотворительно в надежде на вознаграждение, не будет счастлив, пока не получит его, но

---

[59] "Бхагавад-Гита"
[60] "Свет на Пути", прим.
[61] "Путь", декабрь 1886 г.
[62] "Путь", декабрь 1886 г.
[63] "Люцифер", январь 1883 г
[64] "Свет на Пути"
[65] "Бхагавад-Гита"
[66] "Свет на Пути", 4-е правило
[67] "Теософист", октябрь 1888 г.
[68] "Бхагавад-Гита"
[69] "Бхагавад-Гита"

как только награда получена, его счастье кончается. Не может быть вечного покоя и счастья, пока что-либо остается недоделанным, и исполнение долга приносит свое собственное вознаграждение.[70]

Считающий себя более святым, чем кто-либо другой, таящий в себе гордость за свою непричастность к пороку и глупости, считающий себя мудрым или каким-то иным образом возносящий себя над своими товарищами – не годен для ученичества. Человек должен стать как дитя, прежде чем сможет вступить в Царствие Небесное. Добродетель и мудрость – явления возвышенные, но если они порождают гордыню и чувство отделенности от остального человечества, они суть лишь змеи твоего "я", принявшие более приглядный вид. Первое из правил – это отдача и пожертвование сердцем человека и его эмоциями; это подразумевает "достижение равновесия, непоколебимого личными эмоциями". Без промедления претворяй свои добрые намерения в дела, не оставляй ни единого из них только лишь намерением. Единственно верный образ действия – претворять побуждения в дела ради их самих, никогда ради вознаграждения; не предпринимать что бы то ни было лишь их надежды на результат, но также не потворствовать склонности к пассивности.

Через веру[71] очищается сердце от страстей и глупости; от этого происходит овладение телом и, после всего этого, подчинение чувств.[72]

Признаки озаренного мудреца: 1) он свободен от всех желаний,[73] и знает, что лишь истинное Эго или Всевышний Дух есть блаженство, все остальное – страдание; 2) он свободен от пристрастия или неприязни ко всему, что может выпадать на его долю, и действует без предвзятости. И затем следует подчинение чувств, которое бессмысленно и часто губительно, вследствие разрастания лицемерия и духовной гордыни, без второго условия, а оно, в свою очередь, не имеет большой пользы без первого.[74]

Кто не прилагает в жизни альтруизм, кто не готов разделить последнюю крошку[75] со слабым или бедным, кто не считает нужным помочь своему брату человеку (какой бы то ни было расы, национальности ли вероисповедания), где бы и когда бы он ни встретил страдание, кто отвращает ухо от горестного плача человеческого несчастья, кто присутствует при поношении невинного человека и не защищает его как самого себя, – тот не теософ.

Не поступает правильно тот, кто оставляет свои явные жизненные обязанности, уповая на Божью волю. Исполняющий свои обязанности с мыслью, что их неисполнение навлечет на него нечто недоброе, или что их исполнение устранит трудности с его пути, – трудится ради результата. Обязанности должны быть исполняемы просто как приказ Бога, который в любой момент может распорядиться об их отмене. До тех пор пока беспокойность нашей натуры не уступила место спокойствию, мы должны трудиться, посвящая Божеству все плоды наших действий и относя к Нему способность правильного свершения дел. Истинная жизнь человека – это покой в тождестве с Высшим Духом.

Эта жизнь не порождается какими-либо нашими действиями, она реальность, "истина", и совершенно независима от нас. Осознание несуществования всего, что представляется противоречащим этой истине, является новым сознанием, а не действием. Освобождение человека никак не связано с его действиями. Пока деяния способствуют осознанию нашей полной неспособности освободиться от оков обусловленного существования, они – наши помощники; после прохождения этой ступени деяния становятся скорее препятствием, нежели помощью. Те, кто трудится в соответствии с Божественными велениями, зная, что способность так трудиться есть дар Божий, а не свойство самосознающей природы человека, достигают освобождения от необходимости действия. Тогда чистое сердце наполняется истиной и восприемлет тождество с Божеством. Человек должен сперва освободиться от мысли, что он сам что-то в действительности делает, зная, что все действия вращаются в "трех качествах природы"[76], и ни в малейшей степени в его душе. Затем он должен основать все свои действия на преданности. Это означает посвятить все свои действия Всевышнему, а не себе. Он должен принять в качестве Бога, которому он

---

[70] Ф. Хартман. "Магия"

[71] То есть знание, которое приходит путем приложения в жизни бескорыстия и милосердия.

[72] "Бхагавад-Гита"

[73] Лучше всего это достигается путем постоянного погружения ума в явления божественные.

[74] "Бхагавад-Гита"

[75] Это нужно понимать в самом широком смысле, то есть в смысле духовного знания и т.д.

[76] т.е. в трех гунах.

жертвует, либо себя, либо другого реального Бога – Ишвару, и все его дела и стремления происходят или во имя себя, или во имя Всего. Здесь вступает в силу значимость побуждения. Ибо если он совершает великие подвиги на благо человека, или приобретает знание, чтобы помочь людям, побуждаемый мыслью, что таким образом он достигает спасения, – он действует только ради своего собственного блага, и, следовательно, жертвует самому себе. Поэтому он должен быть внутренне предан Всему, помня, что он является не исполнителем действий, но лишь свидетелем их. Поскольку он находится в смертном теле, он подвержен сомнениям, которые непременно возникнут. Они возникнут вследствие его незнания чего-либо. Потому он должен рассеять сомнения "мечом знания". Ибо как только он имеет готовый ответ на какое-либо сомнение, оно рассеивается. Все сомнения исходят из низшей природы, и никогда ни в коем случае из высшей природы. По мере того как он становится все более и более преданным, он способен все более воспринимать знание, заключенное в его Саттва (благой) природе. Ибо говорится: "Человек, совершенный в преданности (или настойчиво взращивающий ее), со временем спонтанно обнаруживает духовное знание внутри себя". Также: "Человек, склонный к сомнениям, не наслаждается ни этим миром, ни другим (миром дева), ни конечным блаженством". Последняя фраза развеивает представление, что раз это Высшее Я имеется в нас, оно восторжествует над необходимостью знания (даже если мы погрязли в праздности и сомнениях), и приведет нас к конечному блаженству вместе с основным потоком человечества.[77]

Истинная молитва есть созерцание всего священного, его приложения к себе, к собственной каждодневной жизни и делам, сопровождаемое самым сильным, сердцем прочувствованным желанием усилить это влияние и сделать нашу жизнь лучше и возвышеннее, чтобы хоть какое-то знание божественного могло быть доверено нам. Все подобные мысли должны быть крепко пропитаны осознанием Высшей и Божественной Сущности, от которой все берет свое начало.[78]

Духовная культура достигается через сосредоточение. Оно должно практиковаться ежедневно и применяться в каждый момент. Медитация, согласно определению, есть "прекращение активной внешней мысли". Сосредоточение есть посвящение всей своей жизни определенной цели. Например, любящей матерью будет та, которая всегда и прежде всего учитывает интересы своих детей, и все стороны этих интересов, но не та, которая весь день будет размышлять только об одном аспекте их интересов. Мысль обладает самопорождающей силой, и когда ум твердо придерживается одной мысли, он окрашивается ею, и, как мы бы сказали, все корреляты этой мысли всплывают в уме. В результате, мистик приобретает знание о любом явлении, о котором он непрерывно размышляет в глубоком созерцании. В этом основа слов Кришны: "Устреми свою мысль ко Мне, положись только на Меня, и ты непременно придешь ко Мне". Жизнь – великий учитель: она есть великое проявление души, а душа проявляет Всевышнего. Потому все пути хороши, все они лишь части великой цели, имя которой – Преданность. "Преданность есть успех в действии", говорит "Бхавагад Гита". Психические силы, по мере их появления, также должны быть применяемы, ибо они раскрывают законы. Но не следует преувеличивать их значение, также не следует недооценивать их опасность. Полагающийся на них подобен человеку, возродившемуся и ликующему от того, что он достиг первой промежуточной станции на пути к вершинам, которые он намерен покорить.[79]

V

Человек не может быть спасен никакой внешней силой – это вечный закон. Будь это возможно, какой-нибудь ангел мог бы уже давно посетить землю, изречь небесные истины и, продемонстрировав возможности духовной природы, доказать сознанию человека сотни фактов, о которых тот и не ведает.[80]

В духе преступления совершаются столь же явно, как и в деяниях тела. Тот, кто по любому поводу ненавидит другого, кто наслаждается местью, кто не прощает обиды, – полон духом убийства, хотя никто может и не знать этого. Подчиняющийся лживым убеждениям и

[77] 33 "Путь", июль 1889 г.
[78] "Путь", август 1889 г.
[79] "Путь", июль 1889 г.
[80] "Spirits of Testaments"

преступающий свою совесть по приказу какой бы то ни было организации, порочит свою собственную божественную душу и потому "произносит имя Господа всуе", хотя и не произносит никаких богохульств. Тот, кто полон страстей и потворствует пустому удовлетворению чувственной природы, в пределах или же вне брачных уз, тот есть истинный прелюбодей. Тот, кто лишает любого из своих собратьев света, блага, помощи, содействия, которые он мог бы благополучно оказать ему и живет ради накопления материальных благ, для своего личного самоуслаждения, тот есть истинный грабитель; и тот, кто посредством клеветы или любым другим обманным путем крадет у окружающих их драгоценное достояние – доброе имя, тот есть настоящий вор, и притом из самых преступных.[81]

Если бы только люди были честны перед самими собою и добросердечно расположены к другим, то в их оценке и смысла жизни, и ценностей этой жизни произошел бы огромный переворот.[82]

РАЗВИВАЙ МЫСЛЬ. Сосредоточив всю силу своей души, стремись закрыть двери своего ума всем случайным мыслям, не допуская ни одной помимо тех, которые призваны раскрыть тебе нереальность жизни чувств и Покой Внутреннего Мира. Денно и нощно размышляй о нереальности самого себя и окружающего мира. Появление порочных мыслей менее вредно чем праздных и безразличных. Ибо против порочных мыслей ты всегда начеку в решимости бороться и обуздать их, и эта решимость помогает развивать силу воли. Но безразличные мысли способствуют лишь отвлечению внимания и пустой трате энергии. Первое наиболее существенное заблуждение, которое тебе придется преодолеть, – это отождествление себя со своим физическим телом. Начни смотреть на свое тело лишь как на дом, в котором ты временно поселился, и тогда ты никогда не уступишь его соблазнам. Последовательными натисками старайся побороть наиболее явные слабости своей природы путем развития мысли в направлении, которое убьет в тебе каждую отдельную страсть. После первых усилий ты почувствуешь невыразимую пустоту в сердце; не бойся, но прими это как нежные сумерки, возвещающие восход солнца духовного блаженства. Печаль не есть зло. Не жалуйся: то, что кажется тебе страданием и препятствием, часто на самом деле представляет собой таинственные усилия природы помочь тебе в твоем труде, если ты сумеешь правильно их использовать. Взирай на все обстоятельства с благодарностью ученика.[83]

Любое недовольство есть роптание на закон развития. Остерегаться следует лишь страдания, которое впереди. Прошлое не может быть изменено или исправлено; того, что принадлежит опыту настоящего, невозможно и ненужно остерегаться; но в равной степени следует остерегаться тревожного ожидания или страха перед будущим и любого действия или импульса, которые могли бы стать причиной страдания в настоящем или будущем для нас самих или для других.[84]

У человека нет более ценной собственности, чем возвышенный идеал, к которому он неустанно устремляется, и в соответствии с которым он формирует свои мысли и чувства, и строит – а это лучшее, что он может сделать, – свою жизнь. И если он будет стараться не столько выглядеть, сколько стать, он непременно будет мало по малу приближаться к своей цели. Однако цели этой не достичь без борьбы; также и реальный прогресс, осознаваемый им, не породит в нем самомнения или самодовольства; ибо если его идеал высок, и если он действительно приближается к нему, то он скорее будет чувствовать незначительность своего "я", нежели его разбухание. Возможности дальнейшего продвижения и осознание все более высоких планов бытия, раскрывающихся перед ним, не ослабят его рвения, хотя неизбежно уничтожат его самомнение. Именно это осознание безграничных возможностей человеческой жизни необходимо, чтобы полностью уничтожить скуку и обратить безразличие в устремление. Жизнь приобретает свой истинный смысл только когда становится ясным ее назначение и когда ее блестящие возможности оценены по достоинству. Самый прямой и верный путь к достижению этих более высоких планов – это воспитание и развитие принципа альтруизма, как в мыслях, так и в действиях. Воистину узким будет кругозор, ограниченный собственным "я", оценивающий все через призму своих личных

[81] "Spirits of Testaments"
[82] "Теософист", июль 1889 г.
[83] "Изучение теософии", N 3, 1889 г.
[84] Пантаджали. "Афоризмы йоги"

интересов, ибо такая самоограниченная душа не в состоянии представить себе сколь-нибудь высокий идеал, или приблизиться к более высокому плану существования. Условия для такого продвижения заключены внутри человека, а не вне его и, по счастью, не зависят от обстоятельств и условий жизни. Потому, каждому предоставлена возможность восходить все к новым высотам бытия, и таким образом сотрудничать с природой в исполнении явленного назначения жизни.[85]

Если целью жизни мы считаем лишь удовлетворение нашего материального "я", обеспечение его всевозможным комфортом, и верим, что этот материальный комфорт дарует нам высшее состояние возможного счастья, то мы принимаем низкое за высокое, иллюзию за истину. Наш материальный образ жизни есть следствие материального строения наших тел. Мы – "черви земли", ибо всеми своими устремлениями мы липнем к земле. Вступи мы на путь эволюции, следуя по которому мы становимся менее материальными и более эфирными, – и установилась бы совсем иная форма цивилизации. Вещи, представляющиеся в данный момент незаменимыми и необходимыми, потеряли бы всякую ценность; если б мы могли переносить свое сознание с быстротой мысли из одной части земного шара в другую, нынешние средства сообщения стали бы попросту излишними. Чем глубже мы погружаемся в материю, тем больше требуется материальных средств для комфорта, но неотъемлемый и могущественный Бог в человеке не материален и не подлежит ограничениям, которым подчиняется материя. Что действительно необходимо в жизни? Ответ на этот вопрос полностью зависит от того, что мы считаем необходимым. Железные дороги, пароходы и т.п. сейчас являются необходимостью для нас, и однако же миллионы людей жили долго и счастливо и не ведая о них. Один не представляет себе жизнь без дюжины дворцов, другой – без кареты, третий – без трубки табака, и так далее. Но все эти вещи необходимы лишь постольку, поскольку сам человек их таковыми сделал. Они образуют такое состояние, в котором человек доволен сам собой, и искушают его оставаться в этом состоянии, не желая ничего более высокого. Они могут даже мешать развитию человека, вместо того, чтобы подвигать его вперед. Если мы действительно стремимся к росту духовному, все материальное не должно более становиться необходимым для нас. Именно страстное желание и расточение мысли ради все новых и новых удовольствий низшей жизни препятствует людям вступить в высшую жизнь.[86]

[85] Пантаджали. "Афоризмы йоги"
[86] Ф. Хартман. "Магия"

ОТДЕЛ III
ПОСВЯЩЕНИЕ

Немногие среди людей достигают противоположного берега. Остальные же люди только суетятся на здешнем берегу.

"Дхаммапада", VI, 85

ЧЕЛЫ

Несмотря на то, что в журналах появилось много статей, посвященных данному вопросу, все еще преобладают ложные взгляды и недоразумения. Кто такие челы, и каковы их возможности? Имеют ли они недостатки, и чем прежде всего они отличаются от людей, не являющихся челами? Следует ли рассматривать каждое слово, произнесенное ими, как евангельскую истину?

Эти вопросы возникают потому, что у многих людей возникли исключительно абсурдные взгляды относительно чел, и когда стало ясно, что эти взгляды следует изменить, во многих случаях это вызвало исключительно резкую реакцию.

Слово "чела" означает просто "ученик"; но оно выкристаллизовалось в теософской литературе, и у разных людей существует столько же определений этого слова, как и в случае слова "бог". Некоторые люди зашли очень далеко и считают, что если человек является чела, то тем самым он переходит в иной план бытия, и любое слово, которое он произносит, звучит как бы ex cathedra [с трибуны], так что он не может позволить себе иметь простейшую "привилегию" – говорить как обычный человек. Поскольку каждое такое высказывание находится на его совести, он несет ответственность в том случае, если поведет своих слушателей по неправильному пути.

Эта ложная идея должна быть наконец-то исправлена раз и навсегда. Бывают челы и челы, так же как бывают Махатмы и Махатмы. Имеются Махатмы, которые по-существу сами представляют из себя чел, то есть учеников, по отношению к тем, кто выше их. Никто даже на мгновение не может спутать этого челу, находящегося в самом начале своего труднейшего пути, с тем великим челой, который является Махатмой.

На самом деле, чела – это несчастный человек, который вступил на "путь непроявления", и Кришна говорит, что "это наиболее трудный путь".

Вместо того, чтобы быть постоянным рупором своего гуру, он чувствует себя гораздо более одиноким в этом мире чем те, кто не являются челами; его путь окружен такими опасностями, которые отпугнули бы многих стремящихся, если бы они могли их видеть в натуральную величину; поэтому вместо того, чтобы принять своего гуру и сдавать вступительные экзамены, имея ввиду стать бакалавром оккультизма под постоянным и дружеским руководством своего учителя, на самом деле он стремится в некое охраняемое место и, начиная с этого момента, должен бороться и победить, – или умереть. Вместо того, чтобы принять что-то самому, он должен стать достойным того, чтобы его приняли. Он не должен предлагать себя самого. Один из махатм написал в этом году: "Никогда не навязывайтесь нам в ученичество; подождите, пока это не снизойдет на вас".

Но если все-таки он был принят в челы, неверно, что он является просто инструментом своего гуру. Он говорит тогда как обычный человек, так же, как он говорил до того, и только в том случае, если учитель посылает посредством магнетизма этого челы действительно написанное послание, только тогда наблюдатели могут сказать, что через него произошла некая коммуникация.

Может случиться, как это бывает время от времени с каждым автором, что они делают верные и прекрасные высказывания, но отсюда вовсе не следует заключать, что в это время через них обязательно говорит гуру. Если у челы в сознании был зародыш хорошей

мысли, то влияние гуру, подобно тихому дождю, внезапно могло бы вызвать его к жизни и привести к скорому цветению; тем не менее, это еще не голос учителя. На самом деле, случаи, в которых учитель говорит через челу, очень редки.

Способности чел меняются по мере их развития; но каждый должен знать о том, что если чела и имеет какие-то "способности", ему не позволяется использовать их, кроме как в очень редких и экстраординарных случаях, и он никогда не может похвастаться тем, чем он обладает. Отсюда, таким образом, следует, что начинающие челы имеют не больше способностей, чем обычные люди. На самом деле цель, стоящая перед челой – это не приобретение психологической силы; его главная задача состоит в отказе от непреодолимого чувства индивидуальности, которое, как плотное покрывало, находится перед взором нашего бессмертного существа – истинного человека. До тех пор, пока он не может преодолеть это чувство, он будет находиться у самого входа в оккультизм, не способный проникнуть дальше.

Поэтому сентиментальность не может быть снаряжением челы. Его работа тяжела, его дорога камениста, а конец вдалеке. Будучи просто сентиментальным, он не сможет ничего достигнуть. Ожидает ли он, что учитель прикажет ему показать свою храбрость и броситься вниз головой с обрыва или бесстрашно встретиться с холодными гималайскими скалами? Это ложная надежда; он не позовет вас таким образом. И поэтому, если ему не следует одевать себя в сантименты, то и люди не должны набрасывать ложное покрывало сентиментальности на все его действия и слова тогда, когда они хотят его понять.

И пусть, глядя на чел, мы будем в последующем немного более проницательными по отношению к ним.

"Теософист", октябрь 1884 г.

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ЧЕЛЫ "МЕДИУМАМИ"?

В соответствии с новейшим изданием "Имперского словаря" Джона О'Гильви, Л. Л. Д., "Медиум – это человек, через которого, как утверждают, может проявляться и передаваться действие другого существа при помощи животного магнетизма; или человек, претендующий на то, что через него могут быть совершены какие-либо духовные проявления; особенно тот, кто, как говорят, способен общаться с духами умерших".

Поскольку оккультисты не верят в какую-либо связь с "духами умерших", в обычном смысле этого слова, по той простой причине, что по их мнению духи "умерших" не могут сходить вниз и общаться с нами, и никогда не делают этого; и поскольку приведенное выше выражение "при помощи животного магнетизма" вероятно изменилось бы, если бы редактор "Имперского словаря" был оккультистом, поэтому мы будем интересоваться лишь первой частью определения слова "медиум", которое гласит: "Медиум – это человек, через которого, как утверждают, может проявляться и передаваться действие другого существа"; и мы позволили бы себе добавить: "осуществляемое посредством сознательно или бессознательно действующей активной воли этого другого существа".

Очень трудно было бы найти на земле такого человека, кто в большей или меньшей степени не подвергался бы влиянию "животного магнетизма" или посторонней активной Воли (которая посылает этот "магнетизм"). Если любимый генерал едет на коне перед фронтом, все солдаты становятся "медиумами". Они наполняются энтузиазмом, следуют за ним без страха и идут на штурм смертоносной батареи. Один общий импульс пронизывает их всех; каждый становится "медиумом" для другого; трус превращается в героя, и только тот, кто вообще не является медиумом и потому нечувствителен к эпидемическим или эндемическим моральным воздействиям, будет представлять исключение, подтвердит свою независимость и сбежит.

Когда проповедник поднимается на кафедру, то, если бы даже он говорил самую нелепую чепуху, все же его действия и дрожащий тон его голоса являются достаточно впечатляющими, чтобы вызвать вокруг себя, по крайней мере среди женской части прихожан, "перемену в сердце", и если он достаточно сильный человек, то он подействует даже на скептиков, которые "приходя в церковь глумиться, остаются молиться". Люди приходят в театр и проливают слезы или "надрываются от хохота" в зависимости от

характера представления, будь это пантомима, трагедия или фарс. Нет ни одного человека, за исключением каких-нибудь врожденных болванов, чьи эмоции и, следовательно, действия не могут быть подвергнуты какому-либо влиянию, и, таким образом, через него не может быть передано или проявлено действие другого человека. Все мужчины, женщины и дети являются, таким образом, медиумами, а человек, который не является медиумом – это монстр, выкидыш природы, поскольку он находится вне человечества.

Вышеприведенное определение вряд ли можно считать достаточно хорошо выражающим значение слова "медиум" в его обычном применении, пока мы не добавим к нему еще несколько слов: "Медиум – это человек, через которого, как утверждают, может проявляться и передаваться действие другого существа на анормальную величину посредством сознательно или бессознательно действующей активной воли этого другого существа". Это уменьшает количество "медиумов" в мире до той величины, в которой мы можем провести в пространстве линию, отделяющую нормальное от анормального; определить же, кто является медиумом, а кто им не является, столь же трудно, как и понять, где кончается здравый ум и где начинается умопомешательство. Каждый человек имеет свою маленькую "слабость", и каждый человек имеет свой небольшой "медиумизм"; то есть, некоторую уязвимую точку, при помощи которой он может быть застигнут врасплох. Никто не может, по существу считаться безумным; и никто не может быть назван "медиумом". Часто расходятся мнения относительно того, является ли человек безумным или нет; и так же они могут расходиться в отношении его медиумизма. В практической жизни человек может быть очень эксцентричным, но его не считают сумасшедшим до тех пор, пока его безумие не достигнет такой степени, что он перестанет понимать, что он делает, и поэтому будет неспособен заботиться о себе или своем деле.

Мы можем продолжить ту же линию рассуждений в отношении медиумов, говоря, что только те люди должны рассматриваться как медиумы, кто позволяет другим существам влиять на них в такой степени, что они утрачивают самоконтроль и не имеют более своей собственной силы-воли, чтобы контролировать свои действия. Такой отказ от самоконтроля может быть активным или пассивным, сознательным или бессознательным, произвольным или непроизвольным; он различается также в зависимости от природы тех существ, которые оказывают активное влияние на медиума.

Человек может сознательно и произвольно подчинить свою волю другому существу и стать его рабом. Это другое существо может быть человеком, и тогда медиум станет его покорным слугой и может использоваться им для хороших или плохих целей. Это другое "существо" может быть некой идеей, такой как любовь, жадность, ненависть, зависть, скупость, или какая-либо другая страсть, и влияние, оказываемое ей на медиума, будет пропорционально силе этой идеи, а также будет зависеть от того, в какой мере сохранился самоконтроль у медиума. Это "другое существо" может быть элементарием, или элементалом, и бедный медиум становится эпилептиком, маньяком или преступником. Это "другое существо" может быть высшим принципом самого человека, либо одиночным, либо связанным с коллективным универсальным духовным принципом; в этом случае "медиум" будет великим гением – писателем, поэтом, художником, музыкантом, изобретателем и т. д. Это "другое существо" может быть одним из тех возвышенных существ, которых называют махатмами, и тогда медиум, действующий сознательно и произвольно, может быть назван их "чела".

Опять-таки, человек может за всю свою жизнь никогда не слышать слова "медиум", и все же быть сильным медиумом, хотя и полностью неосознающим этого. Его действия могут быть вызваны в большей или меньшей степени на бессознательном уровне его видимым и невидимым окружением. Он может стать добычей элементариев или элементалов, даже не узнав значения этих слов, и превратиться в вора, убийцу, насильника, пьяницу или головореза, и достаточно часто случалось так, что преступления имели эпидемический характер; или же из-за каких-то невидимых влияний человек может совершать поступки совершенно несовместимые с его характером, каким он был ранее известен. Он может быть великим лжецом, и вдруг, однажды, благодаря какому-то невидимому влиянию, быть вынужденным говорить правду; он может в обычной жизни быть очень осторожным, и все же, в каких-то обстоятельствах и под влиянием момента совершить акт героизма; он может быть уличным хулиганом и мерзавцем, и внезапно совершить благородный поступок, и т. д.

Кроме того, медиум может знать источники, из которых исходит влияние, или, говоря точнее, "природу существа, чье действие передается через него"; или же он может не знать этого. Он может находиться под влиянием своего собственного седьмого принципа и воображать, что вступил в связь с личным Иисусом Христом, или каким-либо святым; он может быть в контакте с "интеллектуальным" лучом Шекспира и писать шекспировские поэтические произведения, или же он может воображать, что через него пишет личный дух Шекспира; что бы он ни думал по этому поводу, это не делает его поэзию ни лучше, ни хуже. Он может находиться под воздействием какого-либо Адепта и писать большую научную работу, и быть в абсолютном неведении об источнике своего вдохновения; или же он может воображать, что "дух" Фарадея или лорда Бекона пишет через него, тогда как он, по-видимому, действовал как "чела", хотя и не сознавал этого.

Из всего этого следует, что упражнение в медиумизме состоит в более или менее полном отказе от самоконтроля; будет ли это упражнение хорошим или плохим, полностью зависит от того, как оно употребляется и для какой цели оно совершается. Это, опять-таки, зависит от тех знаний, которые имеет медиум относительно природы существа, которому он произвольно или непроизвольно на время предоставляет право руководить своими физическими и интеллектуальными силами. Человек, который неразборчиво доверяет эти способности воздействию любой незнакомой силы, без сомнения является "больным", и его следует рассматривать не менее безумным, чем того, кто доверил бы свои деньги и ценности первому встречному, попросившему его об этом. Мы иногда встречаем таких людей, хотя они относительно редки; их легко узнать обычно по идиотскому пристальному взгляду и фанатизму, с которым они цепляются за свое невежество. Таких людей следует пожалеть, вместо того чтобы стыдить, и, если возможно, их надо просветить относительно той опасности, которой они подвергаются. Но может ли "чела", который сознательно и произвольно предоставляет на время свои ментальные способности высшему существу, которое он знает, и в чистоте побуждений, благородстве намерений, разуме, мудрости и силе которого он абсолютно уверен, – может ли он рассматриваться как "медиум" в вульгарном смысле этого слова? Решение этого вопроса лучше всего предоставить самому читателю, после должного рассмотрения всего вышеизложенного.

"Теософист", июнь 1884 г.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЖЕЛАНИЕ ЖИТЬ ЭГОИСТИЧНЫМ?

Высказывание, "Жить, Жить, ЖИТЬ – это должно быть непреклонным решением", появившееся в статье "Эликсир жизни", опубликованной в мартовском и апрельском номерах третьего тома "Теософиста", часто цитируется поверхностными читателями, несимпатизирующими Теософскому обществу, как аргумент в пользу того, что учение оккультизма представляет собой наиболее концентрированную форму эгоизма. Прежде чем выяснится правота или неправота таких критиков, следует определить значение слова "эгоистичность".

В соответствии с признанным авторитетом, эгоистичность – это "исключительная приверженность к собственным интересам или счастью; та высшая самолюбовь или самопредпочтение, которые приводят человека к тому, чтобы действовать в соответствии со своим собственным интересом, силой, или счастьем, не обращая внимания на других людей".

Коротко говоря, абсолютно эгоистичный индивидуум – это тот, кто заботится о себе и более ни о ком, или, другими словами тот, кто так сильно наполнен чувством важности своей собственной личности, что для него она является душой всех его мыслей, желаний и устремлений, а все, что кроме этого – это абсолютная пустота. Как же можно сказать об оккультисте, что он "эгоистичен", если он желает жить в том смысле, в котором это слово употребляется автором статьи "Эликсир жизни"? Мы снова и снова говорим о том, что конечная цель каждого, кто стремится к оккультному знанию, – это нирвана, или мукти, когда индивидуум, освобожденный от всей майявической упадхи, становится единым с Параматмой, или Сын отождествляет себя с Отцом, в соответствии с христианской фразеологией. С этой целью каждый покров иллюзии, создающей чувство личной изоляции, ощущение своей отдельности от Всего, должен быть разорван; или, другими словами, стремящийся должен постепенно освободиться от всякого чувства эгоистичности, которым

поражены в той или иной степени все мы. Изучение Закона космической эволюции говорит нам о том, что чем выше уровень эволюции, тем больше он стремится к Единству. В действительности, Единство – это окончательная возможность Природы, и те, кто идет против ее намерений по причине своей суетности и эгоистичности, могут навлечь на себя лишь наказание в виде полного уничтожения. Таким образом, оккультист сознает, что бескорыстие и чувство всеобщей филантропии – это внутренний закон нашего бытия, и все, что он делает, – это попытки разорвать цепи эгоистичности, в которые нас заковала Майя. Борьба между Добром и Злом, Богом и Сатаной, Сурами и Асурами, Девами и Дайтьями, о которой говорится в священных книгах всех народов и рас, символизирует ту борьбу между импульсами бескорыстия и эгоизма, которая происходит в человеке, пытающемся следовать высшим задачам природы, пока он полностью не победит низшие животные тенденции, создаваемые эгоистичностью, и пока враг не будет полностью разбит и уничтожен. В различных теософских и оккультных писаниях часто выдвигается мысль о том, что единственная разница между обычным человеком, работающим вместе с природой на пути космической эволюции, и оккультистом, заключается в том, что последний, благодаря своему высшему знанию, использует такие методы тренировки, чтобы ускорить этот процесс эволюции, и таким образом он достигает в относительно короткое время такой вершины, подъем на которую потребовал бы для обычного индивидуума вероятно биллионы лет. Коротко говоря, за несколько тысячелетий он приближается к той форме эволюции, которой обычное человечество достигнет, вероятно, в шестом или седьмом цикле в процессе манвантары, то есть, циклического продвижения. Очевидно, что средний человек не может стать Махатмой в течение одной жизни, или точнее – в одной инкарнации. Те, кто изучили оккультные доктрины относительно Девахана и наших последующих состояний, помнят, что между двумя инкарнациями имеется значительный период субъективного существования. Чем больше количество таких Деваханических периодов, тем больше количество лет, которые занимает эта эволюция. Главная задача оккультиста поэтому – контролировать самого себя так, чтобы быть способным проконтролировать и свои будущие состояния, постепенно сокращая длительность деваханических состояний между двумя инкарнациями. На этом пути может наступить такое время, когда между физической смертью и его следующим перерождением вообще не будет Девахана, а будет лишь своеобразный духовный сон, шок смерти, переводящий его в состояние бессознательности, из которого он постепенно выходит и обнаруживает самого себя рожденным вновь для того, чтобы продолжить свои усилия. Длительность этого сна может варьировать от 25 до 200 лет, в зависимости от степени его продвижения, но даже этот период, можно сказать, является потерянным временем, и поэтому все его усилия направлены на то, чтобы сократить его длительность и постепенно прийти к такой точке, в которой переход из одного состояния существования в другое почти неощутим. Это его последняя инкарнация, когда шок смерти больше не ошеломляет его. Именно эту мысль пытается высказать автор статьи "Эликсир жизни", когда он пишет:

> В то время, или около того, когда граница Смерти жизненного пути расы пересечена, ОН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УМИРАЕТ, в обычном смысле этого слова, то есть, он освободил себя от всех или почти всех таких материальных частиц, которые надо было бы разрушать в агонии умирания. Он постепенно умирал в течение всего периода его Посвящения. Катастрофа не может произойти дважды. Он лишь распределил на несколько лет процесс исчезновения, на что другим требуется срок от краткого мгновения до нескольких часов. Высший адепт на самом деле мертв по отношению к Миру, или абсолютно не осознает его, – он забывает о его удовольствиях, он не обеспокоен его страданиями – поскольку чувственность уходит, а суровое чувство ДОЛГА никогда не покидает его, не замечающего свое собственное существование...

Процесс испускания и притяжения атомов, который контролирует оккультист, подробно обсуждался в этой статье и в других работах. Именно таким путем он постепенно освобождается от всех старых крупных частиц своего тела, замещая их более тонкими и более эфирными, пока наконец исходная стхула шарира полностью не отмирает и не разрушается, и тогда он начинает жить в теле, полностью созданном им самим. Это тело весьма существенно для его намерений, поскольку, как говорится в "Эликсире жизни":

> Но для того, чтобы делать добро, как и во всех других случаях, человек должен иметь время и материал для своей работы, и это необходимые средства для приобретения тех сил, при помощи которых может быть сделано намного больше добра, чем без них. Как только эти силы приобретены, появляются и возможности использовать их...

В другом месте, давая практические инструкции по этому поводу, та же статья говорит:

> Физический человек должен быть сделан более эфирным и чувствительным; ментальный человек – более проницательным и глубоким; нравственный человек – самоотреченным и философским.

Вышеприведенные глубокие рассуждения не замечаются теми, кто выхватывает из контекста следующий отрывок из той же самой статьи:

> Поэтому очевидно, насколько это глупо, когда люди просят теософов помочь им "установить связь с высшими адептами". Лишь с очень большим трудом можно вынудить (даже мучениями целого мира) одного или двух из них повредить своему собственному продвижению вперед вмешательством в мирские дела. Обычный читатель скажет – "Это не Богоподобно. Это душа эгоизма"... Но пусть он поймет, что даже очень высокий Адепт, пытающийся преобразить мир, неизбежно подвергся бы еще одной инкарнации. И является ли результат всего, что было сказано ранее в этой статье, достаточно обнадеживающим для того, чтобы побудить к совершению новой попытки?

Но, осуждая вышеприведенное высказывание как проявление крайнего эгоизма, поверхностные читатели не учитывают несколько очень важных обстоятельств. Прежде всего, они забывают о других положениях этой статьи, цитированных выше, согласно которым необходимым условием успеха является самоотречение и приобретение по мере продвижения новых чувств и новых сил, благодаря чему может быть сделано гораздо больше добра, чем до того. Чем более духовным становится адепт, тем менее он может вмешиваться в мирские, грубые дела, и тем более он ограничивает себя духовной работой. Множество раз повторялось, что работа в высшем плане является столь же превосходящей работу в плане интеллектуальном, сколь эта последняя является более высокой по отношению к работе в физическом плане. Поэтому самые высокие адепты действительно помогают человечеству, но только в духовном смысле: по своей природе они не могут вмешиваться в мирские дела. Но это относится только к самым высоким адептам. Имеются разные степени адептства, и адепты, находящиеся на разных стадиях, трудятся для человечества в том плане, до которого они доросли. И только челы могут жить в мире до тех пор, пока они не поднялись до определенного уровня. Именно таким образом адепты заботятся о мире, помогая своим челам жить в нем и заботиться о нем, как об этом осведомлены многие из тех, кто изучал данный вопрос. Каждый цикл создает своих собственных оккультистов, которые могут работать для человечества своего времени в самых различных планах; но если адепты предвидят, что в какой-то период человечество не сможет создать оккультистов для работы в тех или иных планах, то в таких случаях они помогают человечеству или путем добровольного отказа от своего собственного продвижения вперед, ожидая, пока человечество пройдет этот период, или,отказываясь вступать в нирвану и подчиняясь перерождениям, если человечество требует их помощи в это время. И хотя мир может ничего не знать об этом, но даже сейчас имеются некоторые адепты, которые предпочли сохранить statu quo и отказались от более высоких степеней для блага будущих поколений человечества. Коротко говоря, поскольку адепты работают гармонично – так как фундаментальным законом их бытия является единство – они как бы разделили между собой труд, благодаря чему каждый работает для духовного возвышения всех нас в течение выделенного ему времени; – процесс долговечности, упомянутый в "Эликсире жизни", – это только средство для достижения того, что бесконечно далеко от эгоизма и является наиболее бескорыстной целью, ради которой только и может трудиться человеческое существо.

"Теософист", июль 1884 г.

МАХАТМЫ И ЧЕЛЫ

Махатма – это выдающаяся личность, которая, посредством специальной тренировки и образования, развила такие высшие способности и достигла такого духовного знания, которых обычные люди достигают лишь проходя через бесчисленную серию перевоплощений в результате космической эволюции, конечно, лишь при условии, что они не пойдут против целей Природы и тем самым не приведут к собственному исчезновению. Этот процесс самоэволюции Махатмы проявляется во многих "воплощениях", хотя их самих сравнительно немного. Но кто же такие эти воплощенные? Оккультное учение, так, как оно дается, показывает, что три первых принципа более или менее исчезают вместе с тем, что называется физической смертью. Четвертый принцип, вместе с низшей частью пятого, в которых сохраняются животные склонности, имеет местом своего пребывания Кама-локу, где он испытывает страдания в соответствии с размерами его низших желаний; в то время, как его высший манас, чистый человек, связанный с шестым и седьмым принципами, попадает в Девахан, чтобы наслаждаться результатами своей доброй кармы, и быть перевоплощенным в высшую личность. Сущность, прошедшая через оккультное обучение в своих последовательных рождениях, имеет соответственно (в своих воплощениях) все меньше и меньше от этого низшего манаса, пока не наступит время, когда его целый манас, который приобрел полностью возвышенный характер, сконцентрируется в высшей личности, и тогда про такого человека можно сказать, что он стал Махатмой. Во время физической смерти четыре низших принципа погибают без какого-либо страдания, поскольку они являются для него, фактически, как бы предметами одежды, которые он по своей воле снимает и одевает. Подлинный Махатма, таким образом, – это не его физическое тело, но тот высший манас, который неразрывно связан с атмой и ее оболочкой (шестым принципом); этого объединения он достигает в сравнительно короткий промежуток времени благодаря процессу самоэволюции, установленному оккультной философией. Поэтому, когда люди выражают желание "видеть Махатму", они, по-видимому, в действительности не понимают того, о чем они просят. Как могут они надеяться увидеть при помощи своих физических глаз то, что превосходит их возможности? То ли это тело, – а скорее раковина или маска, – которого они страстно желают или ищут? И, предполагая, что они видят тело Махатмы, как они могут знать, что за ним спрятана возвышенная сущность? По каким стандартам они судят о том, что отражает майя, находящаяся перед ними, – образ истинного Махатмы или нет? И кто может сказать, что в физическом содержится что-то большее, чем майя? Высшие вещи могут быть восприняты только чувством, подходящим для них. Поэтому тот, кто хочет увидеть истинного Махатму, должен использовать свое интеллектуальное зрение. Он должен так возвысить свой манас, чтобы его восприятие стало чистым, и всякий туман, созданный майей, должен быть рассеян. Его видение будет тогда ясным, и он увидит Махатм, где бы ни находился, поскольку слившиеся с шестым и седьмым принципами, вездесущими и всепроникающими, Махатмы, можно сказать, находятся повсюду. Однако, как это бывает, когда мы стоим на вершине горы, а перед нашим взглядом простирается целая равнина, в которой мы не различаем какого-либо дерева или другого предмета, поскольку сверху все они кажутся одинаковыми для нас, и наше внимание может привлечь лишь то, что отличается от всего окружающего, – точно так же, хотя все человечество находится в пределах ментального видения Махатм, каждый человек не может ожидать того, что он будет замечен, до тех пор, пока он не привлечет к себе специального внимания, благодаря своим собственным поступкам. Их специальной заботой является величайший интерес к Человечеству в целом, поскольку они отождествили себя с Универсальной Душой, которая простирается через все Человечество; и тот, кто хотел бы привлечь их внимание, должен обращаться к этой Душе, которая находится повсюду. Такое восприятие манаса может быть названо "верой", которую не следует смешивать со слепым доверием. "Слепая вера" – это выражение, иногда используемое для обозначения убеждения, которому не предшествует восприятие или понимание; на самом деле, истинное восприятие манаса – это то просветленное доверие, которое и является настоящим значением слова "вера". Это доверие может в то же время сочетаться с сознанием, то есть, внутренним опытом, поскольку "истинное знание несет с собой веру". Вера – это восприятие манаса (пятого принципа), тогда как знание, в истинном смысле этого слова, это способность интеллекта, то есть, духовное восприятие. Коротко говоря, высшая индивидуальность человека, состоящая из его

высших манасов, шестого и седьмого принципов, должна действовать как единое целое, и только тогда он может получить "божественную мудрость", ибо божественное может быть воспринято лишь благодаря божественным способностям. Таким образом, желание, которое толкает человека на принятие ученичества, должно сочетаться с пониманием Закона Космической Эволюции, который позволит ему работать в гармоничном согласии с Природой, вместо того, чтобы действовать из-за собственного неведения вопреки ее целям.

"Теософист", июль 1884 г.

МОГУТ ЛИ МАХАТМЫ БЫТЬ ЭГОИСТИЧНЫМИ?

В различных сочинениях по оккультным вопросам утверждалось, что отсутствие эгоизма – это sine qua non [необходимое условие] для того, чтобы достичь успеха в оккультизме. Или, говоря точнее, развитие чувства бескорыстия само по себе является первичным воспитанием, которое несет с собой, как необходимое дополнение, понимание того, что "знание – это сила". Оккультист работает, конечно, не ради того "знания", которое обычно имеют ввиду; оно приходит к нему, по сути дела, вследствие того, что он сумел удалить покров, который скрывает от его взгляда истинное знание. Основа знания существует повсюду, поскольку феноменальный мир снабжает нас в изобилии фактами, причины которых должны быть открыты. В феноменальном мире мы видим только следствия, поскольку каждая причина в этом мире является сама по себе следствием какой-либо другой причины, и так далее; и, поэтому, истинное знание заключается в отыскивании корней всех феноменов, и, таким образом, в достижении правильного понимания первоначальной причины, "необоснованной основы", которая, в свою очередь, не является следствием.

Правильно постигая что-нибудь, человек может использовать только те чувства или органы, которые соответствуют природе данного объекта. Таким образом, для постижения ноуменального, необходимым условием является ноуменальное чувство; в то время как преходящий феномен может быть воспринят с помощью чувства, соответствующего природе этого феномена. Оккультная философия учит нас тому, что лишь седьмой принцип представляет собой вечную Реальность, в то время как остальные, принадлежащие к непостоянному "миру форм", являются иллюзорными в том смысле, что они временны и преходящи. Этим ограничен феноменальный мир, который можно заметить благодаря чувствам, соответствующим природе этих шести принципов. Таким образом станет понятным то, что лишь седьмое чувство, которое имеет отношение к ноуменальному миру, может постигнуть Абстрактную Реальность, лежащую в основе всех феноменов. Поскольку этот седьмой принцип является всепроникающим, он в скрытом виде существует во всех нас; и тот, кто хочет достигнуть истинного знания, должен развивать в себе это чувство, или, скорее, он должен снять тот покров, который закрывает от него проявление этого чувства. Всякое чувство индивидуальности ограничено только этими низшими шестью принципами, поскольку они связаны лишь с "миром форм". Следовательно, истинное "знание" может быть обретено лишь благодаря срыванию всех покровов майи, порожденных чувством индивидуальности перед лицом безличной атмы.

Все это относится только к той индивидуальности, центром которой является эгоизм, или, скорее, последний создает первую и vice versa [наоборот], поскольку они взаимодействуют и реагируют друг на друга. Ибо, эгоизм – это такое чувство, которое добивается развития и преобладания своей собственной эгоистической индивидуальности путем исключения всего остального. Если, таким образом, эгоистичность превращает человека в узкую и ограниченную личность, то абсолютное знание невозможно до тех пор, пока он не избавится от нее. Однако, пока мы находимся в этом мире феноменов, мы не можем полностью отрешиться от чувства индивидуальности, сколь бы возвышенным оно ни было, – в том смысле, что не осталось бы ощущения личного преобладания или амбиций. По своему строению и эволюционному положению мы находимся в "Мире Относительности", но, признавая, что безличное и недвойственное является конечной целью космической эволюции, мы должны пытаться сотрудничать с Природой, а не становиться в оппозицию к присущему ей импульсу, который должен окончательно утвердить себя. Противостояние на

этом пути неизбежно должно привести к страданию, поскольку более слабая сила эгоистично стремится выступить против всеобщего закона.

Все, что оккультист делает – это то, что он лишь ускоряет этот процесс, предоставляя своей воле право действовать в унисон с Космической Волей или Демиургическим Разумом; это может быть достигнуто путем успешного противодействия напрасным попыткам личности утвердить себя вопреки последним. И, поскольку Махатма является лишь выдающимся оккультистом, который в высшей степени может контролировать свое высшее "я" и в той или иной мере подчинить его Космическому импульсу, поэтому в самой природе вещей заключено то, что он не может действовать иначе, чем бескорыстно. Скорее он перестанет быть Махатмой, чем позволит "личному я" утвердить себя. Поэтому те, кто все еще находится в паутине иллюзий, приписывая Махатмам "эгоизм" постольку, поскольку они скрывают "знание", которым они обладают, – не понимают, о чем они говорят. Закон Космической эволюции постоянно действует таким образом, чтобы достичь окончательного единства и переместить феноменальный на ноуменальный уровень; Махатмы, будучи en rapport [связанными] с этим Законом, помогают осуществлению этой цели. Поэтому они знают лучше, какое знание более всего подходит для человечества на данной стадии его развития, и не существует никого другого, кто был бы столь компетентен в этом вопросе, поскольку только они овладели основным знанием, которое только и может определить правильность курса и произвести должное различение.

Для нас, барахтающихся до сих пор в болоте иллюзорных чувств, указывать Махатмам, какое знание они должны нам передать и как они должны действовать, было бы подобно тому, как если бы уличный мальчишка пытался обучать науке профессора Гексли или политике – м-ра Гладстона. Ибо очевидно, что как только даже самое малое чувство эгоизма пытается утвердить себя в Махатме, его духовное видение, которое является его единственным способом восприятия, закрывается завесой, и он утрачивает свою "силу", которую может создать лишь абстрактное "знание". Таким образом, мы должны постоянно осуществлять активное наблюдение за своей "волей", чтобы не дать выйти на поверхность нашей низшей природы, что именно и случается в нашем нынешнем недостаточно развитом состоянии; следовательно, не пассивность, а исключительно высокая активность является основным условием для того, чтобы начать обучение. Прежде всего, его активность направляется на то, чтобы противодействовать влияниям его "низшего я"; когда с этим будет покончено, его воля, не останавливаемая никакими препятствиями и располагающаяся в центре его высшего (истинного) "я", продолжит свою работу, действуя наиболее эффективным образом в унисон с космическим "Божественным Разумом".

"Теософист", август 1884 г.

В ПОИСКАХ ОККУЛЬТИЗМА

Получая ежедневно много писем с просьбой посоветовать лучший метод изучения оккультизма и его связи с современным спиритуализмом, но, не имея достаточно времени, чтобы ответить на все эти запросы, предлагаю читателям небольшой обзор, в которой назову несколько основных трудов по магии и тайнам современных герметиков.

Здесь необходимо добавить, учитывая все сказанное ранее, что те, кто собирается изучать эти труды, не должен обольщаться мыслью и возможностью стать оккультистами-практиками только лишь на основе знаний, почерпнутых из книг. Труды философов-герметиков никогда не предназначались для широких масс, и как замечает в своей последней статье мистер Чарльз Сотеран, ученый член общества розенкрейцеров: "Габриель Розетти в подобном трактате об анти-папском духе, приведшем к реформации, показывает, что искусство говорить и писать на языке, который можно интерпретировать двояко, – очень древнее искусство. Это искусство практиковали египетские жрецы, от них ему научились манихеи, далее – тамплиеры и альбигойцы распространили его по всей Европе, что и привело к Реформации".

Лучшей книгой, когда-либо написанной о символах и мистических орденах, бесспорно, является книга Харгрейва Дженнингса "Розенкрейцеры". Однако, в моем присутствии ее неоднократно называли "невразумительной чепухой", причем это делали люди, прекрасно разбирающиеся в обрядах и мистериях современного франкмасонства. Те

же, кто не знает и этого, легко могут представить, прочтя эту книгу, сколько они вынесут из еще более неясных мистических трудов, ибо, если сравнить книгу Харгрейва Дженнингса с некоторыми средневековыми трактатами или трудами алхимиков и магов, последние намного непонятнее с точки зрения языка. Так же непонятна была бы Книга Небес для изучающего небесную философию, если бы он взялся рассматривать далекие звезды не с помощью мощного телескопа, а невооруженным глазом.

Но я далека от мысли обесславить чей бы то ни было похвальный порыв к ревностным поискам Истины, независимо от того, сколь бесплодным и неблагодарным это на первый взгляд может выглядеть.

Моим основным принципом было сделать Свет Истины маяком моей жизни. Слова, 18 столетий назад произнесенные Христом: "Веруйте и тогда поймете", – можно применить и ныне, я лишь немного изменю их: "Обретайте знания и вы уверуете".

Но я не готова принять на себя ответственность отправить желающих начать изучение тайн природы к какой-либо определенной книге по оккультизму. Что может быть ясно тому, кто обладает интуицией, для другого может оказаться бессмысленным. Пока человек не готов посвятить всю свою жизнь великому знанию оккультных наук, их изучение, вне всякого сомнения, сделает его мишенью насмешек и издевательств миллионов невежд. Кроме того, выбор этой науки в качестве простого развлечения более чем опасен. Всегда следует помнить поучительную историю Эдипа, чтобы не повторить ее последствия. Эдип разгадал тайну Сфинкса лишь наполовину и умертвил его, но вторая половина тайны отомстила за смерть символического зверя и вынудила царя Фив предпочесть слепоту и ссылку тому, что он считал недостаточно чистым. Он разгадал тайну человека, формы, но забыл о Боге, о мысли.

Если человек собирается следовать стопам философов-герметиков, он должен быть заранее готов к мученичеству. Он должен оставить личную гордость и все эгоистичные порывы, быть готовым к постоянным столкновениям с друзьями и врагами. Он раз и навсегда должен проститься со всеми своими предшествовавшими мыслями. Все религии, знания, науки должны снова стать для него незнакомой книгой, как в дни младенчества, потому что если он хочет добиться чего-либо, ему придется заново изучать азбуку на коленях Матери-Природы, но каждая буква этой азбуки будет дарить ему прозрение, каждый слог и слово – неожиданное откровение. Но против современного оккультизма поднимутся, став союзниками, два доселе непримиримых врага – наука и теология – эти Монтекки и Капулетти XIX века. Если уже пройден век сжигания на кострах, то в полном расцвете век клеветы, ядовитой прессы и злословия, так живо выраженный бессмертным Доном Базилио. Долг каббалиста относительно науки – доказать, что с самого начала существовала лишь одна позитивная наука – оккультизм, что он был таинственным рычагом всех интеллектуальных сил. Древом познания добра и зла аллегорического рая, от гигантского ствола которого во всех направлениях расходились сучья, ветви и веточки; первые сначала очень прямы, последние, искривленные по всей длине, принимают самые фантастические формы, но в конце концов теряют жизненные соки, деформируются, высыхают, отваливаются от ветвей и покрывают землю вокруг дерева грудой мусора. Оккультисту будущего придется показать теологам, что боги их мифов, Элохимы Израиля, а также религиозные и философские тайны христианства, как то: Троица и другие, родились в Мемфисе и Фивах, что их праматерь Ева – одухотворенная Психея, причем обе они одинаково поплатились за свое любопытство тем, что одной пришлось спуститься в Аид, другой – в Ад. Психее – затем, чтобы принести на землю известный ящик Пандоры, Еве – чтобы найти и размозжить голову Змию, символу времени и зла; преступление обеих было искуплено – языческим Прометеем через Геркулеса и христианским Люцифером, побежденным Спасителем.

Более того, оккультисту придется публично доказывать христианским теологам то, о чем священники-христиане в тайне знают, а именно: что их Бог на земле был каббалистом, скромным представителем огромной Силы, которая при неправильном приложении может сотрясти мир до основания; и что все их евангельские символы происходят из одного источника. Например, их воплощенное Слово (Verbum), Логос при рождении приветствовали три Волхва, пришедшие по звезде, они одарили его золотом, благовониями и мирром – все это лишь выдержки из каббалы, которую презирают наши современные

теологи; здесь волхвы представляют еще одну, более таинственную "Троицу", заключающую высшие тайны каббалы.

Священнослужители, чьей основной целью всегда было сделать из божественного креста виселицу для Свободы Истины, не могут поступить иначе, как попытаться предать забвению происхождение этого креста; который даже в самых примитивных символах египетских магов представляет ключ к небесам. Но их анафемы не имеют силы в наши дни. Люди в большинстве своем стали мудрее, однако, именно здесь и подстерегает основная опасность – если не удастся убедить людей, чтобы пока они не обретут больших знаний, они оставались хотя бы нейтральными в наступающем конфликте между Истиной, Суеверием и Самонадеянностью, или, другими словами, между оккультным спиритуализмом, теологией и наукой. Не бойтесь ни игрушечных бурь, устраиваемых священниками, ни бессмысленных отрицаний ученых. Но, если собираетесь стать оккультистом, как бы мужественны Вы ни были бы не пренебрегайте одним врагом – Общественным Мнением, этим невидимым, неуловимым, вездесущим, деспотичным тираном, этой тысячеголовой Гидрой, еще более опасной тем, что она состоит из отдельных посредственностей. Многие слишком невинные спиритуалисты оставили свои овечьи шкуры в цепких лапах этого вечно голодного, рыкающего льва, ибо из трех наших врагов это – самый опасный. Какая же судьба ждет в таком случае несчастного оккультиста, если ему хоть раз удастся продемонстрировать это сходство? Людские массы, не ценящие обычно науку Истины и не имеющие реальных знаний, руководствуются безошибочным инстинктом; они интуитивно чувствуют (если позволят мне так сказать), где величие истинной силы. Люди никогда не будут замышлять против чего-либо кроме реальной Силы. Из-за их слепого невежества Тайны и Неведомое всегда были и будут для них источником ужаса. Цивилизация может прогрессировать; человеческая природа останется такой же на протяжении столетий. Будьте бдительны оккультисты!

И пусть будет ясно, что я обращаюсь лишь к истинно мужественным и упорным. Кроме отмеченной уже опасности человек, решивший стать оккультстом-практиком, столкнется в этой стране почти с бессчетным количеством трудностей. Перед ним предстанут барьер за барьером, всевозможные препятствия, ибо глубоко зарыты ключи от Золотых Врат, ведущих к Беспредельной Истине, а сами Врата окутаны туманом, рассеивающимся лишь под пылкими лучами беззаветной веры. Только вера – одна ее крупица величиной с горчичное зерно, по словам Христа, может сдвинуть гору; вера покажет, сколь простой и ясной становится каббала для посвященного, как только он преодолеет первые и самые глубокие трудности. Учение каббалы логично, просто и абсолютно. Необходимый союз мыслей и знаков; троичность слов, букв, чисел и теорем; ее религию можно выразить несколькими словами. "Это Бесконечность, умещающаяся в руке ребенка", – сказал Элифас Леви. 10 арабских цифр, 22 буквы алфавита, один треугольник, квадрат и круг. Это элементы каббалы, на таинственной груди которой были вскормлены все религии, древние и настоящие; которая снабдила символами и тайнами все франкмасонские общества, которая единственно может примирить рассудок человека с Богом и Верой, Силу со Свободой, Науку с Тайнами, и которая единственно держит ключи прошлого, настоящего и будущего.

Первая трудность для вступающего на путь оккультизма заключается в его неспособности понять, как я уже отмечала, значение лучших книг философов-герметиков. Эти философы в основном жили в средние века и, руководствуясь, с одной стороны, долгом перед братьями и желанием только им и их последователям сообщить великие тайны, а, с другой стороны, естественным желанием избежать кровожадной христианской инквизиции, – окутывали себя тайной более, чем обычно. Они изобрели новые знаки и иероглифы, обновили символический язык верховных жрецов древности, которые также пользовались этим языком как барьером между своими священными обрядами и невежеством толпы непосвященных; и создали настоящий каббалистический разговорный язык. Именно этот язык ослеплял ложных неофитов, притягивавшихся к науке из жадности, желания богатства и силы, которыми они бы, конечно, неверно воспользовались, если бы обрели их; но этот язык в то же время – живой, красноречивый, ясный – для истинного ученика и последователя Гермеса.

Но даже, если бы это было не так, а для изучения каббалы можно было бы легко приобрести книги по оккультизму, написанные простым и точным языком, этого все равно было бы недостаточно для настоящего, глубокого и истинного понимания некоторых авторов. Галатинус, Пико делла Мирандола, Парацельс, Робертус де Флуктибус не дают ключа к практическим тайнам. Они просто рассказывают, что может быть сделано, но не говорят как. Многие философы, знающие чуть ли не наизусть всю литературу герметиков и посвятившие ее изучению 30 – 40 лет жизни, терпят неудачу именно когда думают, что близки к достижению конечного результата. Необходимо знать древнееврейских авторов, как "Сефер Иецира" или выучить наизусть великую книгу "Зогар" в оригинале, изучить "Kabalah Denudata" из Собрания 1684 г. (Париж), заняться каббалистической пневматикой, а затем броситься с головой в туманные воды этого таинственного[87]... никогда не пытались объяснить: Пророчество Иезекииля и Апокалипсис, 2 каббалистических трактата, прокомментировать которые могут лишь великие волхвы; книги за семью печатями для верных христиан, но ясные для неверных, посвященных оккультных наук.

Итак, повторяю, оккультная литература писалась не для масс, но для тех членов Братства, кто основной целью жизни избирал разрешение тайн каббалы и кто уже покорил первые сложности азбуки философских герметиков.

Пылким и упорным могу предложить один совет: "Дерзайте". Одно путешествие на Восток, если вы пребудете в должном состоянии духа, – и возможные "случайные" встречи, обычные при путешествиях, вполне могут помочь открыться настежь дотоле закрытым дверям, ведущим к разгадкам тайн. Скажу больше: если вы отправитесь в такое путешествие с одной, непокидающей Вас мыслью, и с пылкой волей, результаты будут быстрее, лучше и практичнее, чем самое усердное изучение оккультизма по книгам, даже если посвятить этому десятки лет.

Из журнала "The Spiritual Scientist"sine qu^a non

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОККУЛЬТИЗМ

(Самые важные сведения для учеников)

Как показывают регулярно приходящие ко мне письма, есть много людей, кто ищет практических инструкций по оккультизму. Поэтому, назрела необходимость установить раз и навсегда:

(а)существенное различие между теоретическим и практическим оккультизмом, или тем, что известно как теософия, с одной стороны, и оккультная наука, с другой;

(б)сущность проблем, возникающих при изучении последней.

Легко стать теософом. Любой человек со средними интеллектуальными способностями, склонный к метафизике, ведущий чистую и бескорыстную жизнь, который получает больше удовольствия, помогая своему соседу, чем принимая от него помощь; тот, кто всегда готов принести в жертву свои собственные удовольствия ради других людей; тот, кто любит Истину, Добродетель и Мудрость ради них самих, а не ради той пользы, которую они могут принести с собой, – является теософом.

Но совсем другое дело встать на путь, который ведет к познанию того, что следует делать, чтобы отличить добро от зла; путь, который, также, ведет человека к обладанию той силой, посредством которой он может делать то добро, которое хочет, часто, даже не поднимая для этого пальца.

Кроме того, имеется один важный факт, с которым следует познакомить ученика. А именно, с огромной, почти безграничной ответственностью, принимаемой на себя учителем для пользы подопечного. Начиная с гуру Востока, которые учат открыто или тайно, до немногочисленных каббалистов западных стран, которые пытаются передать своим ученикам остатки священной науки, – причем эти западные иерофанты часто ничего не знают об опасности, которой они подвергаются, – каждый из них и все эти "учителя" подвержены одному и тому же нерушимому закону. С того момента, когда они действительно начинают учить, когда они наделяют своих учеников какими-либо силами, – психическими, ментальными или физическими, – они принимают на себя все грехи действия

[87] Далее неясно, пропущено около параграфа. (прим. первого издателя).

или бездействия этих учеников, в соответствии с оккультной наукой, до тех пор, пока посвящение не сделает ученика Учителем и, в свою очередь, ответственным. Это – непреложный и таинственный закон, в высшей степени уважаемый и соблюдаемый в греческой, полузабытый в римской католической, и полностью исчезнувший в протестантской церкви. Он возникает с первых дней христианства и находит свое основание в только что открытом законе, являясь его символом и выражением. Это догма абсолютной святости отношений между крестными родителями, которые становятся покровителями ребенка.[88] Они молчаливо принимают на себя все грехи только что крещенного ребенка (помазание, как при посвящении, – воистину тайна!), до того дня, когда он становится ответственным существом, знающим добро и зло. Таким образом, ясно, почему "учителя" являются столь сдержанными, и почему "челам" требуется семь лет испытания для того, чтобы доказать свою пригодность и развить в себе качества, необходимые для безопасности и Учителя, и ученика.

Оккультизм – это не магия. Относительно легко выучить приемы заклинаний и способы использования более тонких, но все же материальных сил физической природы; легко пробуждаются в человеке силы животной души; охотно развиваются силы, приводящие в действие его любовь, ненависть, страсть. Но это черная магия – колдовство. Это мотив, и только мотив, который превращает любое использование силы или в черную, вредоносную, или в белую, полезную магию. Невозможно использовать духовные силы, если в операторе имеется хотя бы малейший оттенок эгоизма. Ибо, пока намерение не является полностью чистым, духовное будет трансформироваться в психическое, действовать в астральном плане, и может произвести ужасный результат. Силы животной природы одинаково могут использоваться как эгоистичным и мстительным, так и бескорыстным и всепрощающим; силы духа предоставляются лишь совершенно чистому сердцу – и это есть БОЖЕСТВЕННАЯ МАГИЯ.

Каковы же условия, требующиеся от человека, чтобы он мог стать учеником Divina Sapientia [Божественной Мудрости]? Да будет известно, что невозможно дать такие инструкции до тех пор, пока не будут выполняться определенные условия в течение нескольких лет учебы. Это sine qua non [необходимое условие]. Никто не может поплыть, пока не окажется в глубокой воде. Никакая птица не сможет летать, пока не вырастут ее крылья, и пока она не будет иметь перед собой достаточно пространства и смелости для того, чтобы подняться в воздух. Человек, который будет иметь в руках обоюдоострый меч, должен хорошо владеть тупым оружием, чтобы не поранить себя – или, еще хуже, других – при первой же попытке.

Для того, чтобы дать некоторое представление об условиях, при которых только и может осуществляться надежно – то есть без опасения, что божественное будет заменено черной магией – изучение Божественной Мудрости, ниже приводятся "личные правила", которыми облагается каждый наставник на Востоке. Небольшие отрывки выбраны из большого их количества и поясняются в скобках.

1. Место, выбранное для получения наставлений, должно быть не отвлекающим внимание, и заполнено "влияющими на развитие" (магнетическими) предметами. Среди других вещей там должны быть пять священных цветов, расположенных в виде круга. Это место должно быть свободно от любых вредоносных влияний, исходящих из окружающего пространства.

[Место должно быть вдали от всего и не использоваться ни для каких иных целей. Пять "священных цветов" – это компоненты солнечного спектра, организованные определенным образом, поскольку эти цвета являются в сильной степени магнетическими. Под "вредоносными влияниями" имеются в виду спор, брань, дурные чувства и т. д., поскольку известно, что они немедленно влияют на астральный свет, то есть на атмосферу этого места, и зависают "вокруг в воздухе". Кажется, что это первое условие довольно легко выполнить, однако, при более тщательном рассмотрении видно, что оно одно из самых трудных для выполнения.]

[88] В греческой церкви связь, возникшая таким образом, считается столь священной, что брак между крестным отцом и крестной матерью одного и того же ребенка рассматривается как наиболее ужасный вид кровосмешения, является нелегальным и расторгается по закону; и этот абсолютный запрет распространяется даже на детей одного из крестных родителей по отношению к детям другого.

2. Прежде чем ученику будет позволено непосредственно "лицом к лицу" изучать доктрину, он должен пройти предварительное испытание среди других отобранных кандидатов упасака (ученики), количество которых должно быть нечетным.

["Лицом к лицу", в данном случае, означает изучение независимое или отдельное от других, когда ученик получает наставление непосредственно от себя самого (своего высшего, Божественного Эго), либо от своего гуру. Таким образом, каждый получит свое собственное количество информации в соответствии с тем, как он использовал свое знание. Это может произойти только ближе к концу цикла наставлений.]

3. Прежде чем ты (учитель) сообщишь твоему лану (ученику) добрые (святые) слова Ламрима, или позволишь ему "подготовиться" к дабджеду, ты должен позаботиться о том, чтобы его разум был тщательно очищен и пребывал в мире со всеми, особенно с себе подобными. В противном случае слова Мудрости и благого Закона будут рассеиваться и уноситься ветром.

["Ламрим" – это книга практических наставлений, составленная Цзонхавой; она состоит из двух частей: одна предназначена для церковных и экзотерических целей, а другая – для эзотерического применения. "Подготовиться" для дабджеду, это значит приготовить принадлежности для ясновидения, такие как зеркала и кристаллы. "Подобные себе" – относится к собратьям ученикам. Пока между изучающими не воцарится высочайшая гармония, никакой успех недостижим. Именно учитель производит выбор в соответствии с магнетической и электрической природой учеников, соединяя и тщательно согласовывая все положительные и отрицательные элементы.]

4. Во время обучения, все упасака должны стремиться к тому, чтобы быть едиными, как пальцы одной руки. Ты должен воздействовать на их разум так, что если что-либо мешает одному, то оно должно мешать и другим. Если радость одного не находит отклика в груди других, то необходимое условие отсутствует, и дальнейшее продолжение бесполезно.

[Это вряд ли бывает часто, если предварительный выбор был сделан лишь в соответствии с магнетическими требованиями. Известно, что челы, обнадеживающие во всех других отношениях и пригодные для восприятия истины, должны ждать года из-за своего темперамента и невозможности чувствовать себя созвучно с другими учениками. Ибо –]

5. Соученики должны быть настроены гуру как струны лютни (vina) так, чтобы каждый отличался от других, и в то же время звучал в гармонии со всеми. Все вместе они должны образовывать клавиатуру, откликающуюся во всех своих частях на малейшее прикосновение (прикосновение Учителя). Таким образом, их разумы будут открыты для гармонии Мудрости, колеблющейся в виде знания в каждом и во всех, и приводя к следствиям, радующим богов-наблюдателей (покровителей или ангелов-хранителей) и полезным для лану. Так, Мудрость отныне войдет в их сердца, и гармония закона никогда не будет нарушена.

6. Те, кто хочет приобрести знание, приводящее к сиддхи (оккультным силам), должны отказаться от всякой суеты жизни и от мира (далее следует перечисление сиддхи).

7. Никто не должен чувствовать разницу между самим собой и другими учениками-собратьями, как например "Я самый мудрый", "Я более свят и приятен учителю, или в моей общине, чем мой брат", и т. п., – и оставаться упасака. Его мысли должны быть прежде всего сосредоточены на сердце, отгоняя от него любую враждебную мысль по отношению к какому-либо живому существу. Оно (сердце) должно быть наполнено чувством своей неотделимости от всех других существ, также как и от всей природы; в противном случае успех не может быть достигнут.

8. Лану (ученик) должен опасаться лишь внешнего жизненного влияния (магнетических эманаций живых существ). По этой причине, будучи единым со всеми, в своей внутренней сущности, он должен заботиться о том, чтобы отделить свое внешнее (наружное) тело от всякого постороннего влияния: никто не должен пить или есть из его чашки, кроме него самого. Он должен избегать телесных контактов (то есть исходящих от него или направленных на него) как с человеческими существами, так и с животными.

[Не разрешается иметь домашних животных, запрещено даже касаться некоторых деревьев и растений. Ученик должен жить, так сказать, в своей собственной атмосфере, чтобы индивидуализировать ее для оккультных целей.]

9. Разум должен оставаться глухим ко всему кроме универсальных истин в природе, чтобы "Доктрина Сердца" не превратилась просто в "Доктрину Глаза" (то есть пустой экзотерический ритуализм).

10. Никакая пища животного происхождения, ничто, что имело в себе жизнь, не должно использоваться учеником. Также нельзя употреблять вино, алкоголь, опиум и т. п.; ибо они подобны лхамаям (злым духам), которые привязываются к неосторожным людям и уничтожают понимание.

[Вино и спиртные напитки, предположительно, содержат и сохраняют дурной магнетизм всех людей, участвовавших в их изготовлении; а мясо любого животного, предположительно, содержит психические особенности, присущие этому животному.]

11. Медитация, отстранение от всего, соблюдение нравственных обязанностей, кроткие мысли, хорошие поступки и доброжелательные слова, так же, как добрая воля по отношению ко всему и забвение себя самого, – вот наиболее действенные способы достижения знания и подготовки к восприятию высшей мудрости.

12. Только посредством строгого соблюдения этих правил, лану может надеяться на то, чтобы приобрести в свое время сиддхи архатов, развитие которых постепенно сделает его единым с Универсальным ЦЕЛЫМ.

Эти двенадцать отрывков извлечены из семидесяти трех правил, перечислять которые было бы бесполезно, поскольку они не имели бы значения в Европе. Но даже этих немногих достаточно для того, чтобы показать огромное количество трудностей, встающих на пути предполагаемого "упасака", который родился и вырос в западных странах.[89]

Все западное, и особенно английское, образование проникнуто духом соперничества и борьбы; ребенка побуждают учиться быстрее, чтобы опередить своих товарищей и превзойти их всеми возможными способами. Культивируется то, что ошибочно называют "дружеским состязанием", и этот дух воспитывается и укрепляется во всех жизненных ситуациях.

Как же может западный человек, в которого с самого детства внедрены такие понятия, придти к тому, чтобы чувствовать себя по отношению к другим соученикам как "пальцы одной руки"? Тем более, что эти соученики выбраны не им самим, исходя из его личных симпатий и оценок. Они выбраны его учителем на совершенно иных основаниях, и тот, кто стал бы учеником, должен был бы прежде всего быть достаточно сильным человеком, чтобы вытравить из своего сердца все чувства неприязни и антипатии по отношению к остальным. Многие ли люди Запада готовы даже к тому, чтобы всерьез предпринять такую попытку?

Затем – детали повседневной жизни, например, указание не прикасаться даже к руке самого близкого и дорогого человека. Как это противоречит западным представлениям о привязанности и доброжелательности! Каким холодным и тяжелым кажется это. Многие сказали бы, что слишком эгоистично отказываться от того, чтобы делать людям радость, ради своего собственного развития. Хорошо, пусть те, кто думают таким образом, отложат до другой своей жизни попытку пойти по истинно серьезному пути. Но пусть они не торжествуют в своем вымышленном бескорыстии. Потому что на самом деле они дают ввести себя в заблуждение кажущимся видимостям, общепринятым понятиям, основанным на эмоциональности и сильных чувствах, или на так называемой вежливости, то есть тому, что не относится к реальной жизни и предписаниям Истины.

Но даже если оставить в стороне эти трудности, которые можно рассматривать как "внешние", хотя их важность тем не менее велика, как ученики с Запада смогут сонастроить самих себя для той гармонии, которая от них требуется? Личность, выросшая в Европе и Америке, столь сильна, что не существует даже никакой художественной школы, члены которой не ненавидели бы и не завидовали бы друг другу. "Профессиональная" ненависть и зависть вошли в пословицу; люди пытаются любой ценой способствовать своему благу, и даже так называемая повседневная вежливость – это всего лишь маска, прикрывающая этих демонов ненависти и зависти.

На Востоке дух "единения" воспитывается постоянно с самого детства, так же как на Западе – дух соперничества. Рост личных амбиций, личных чувств и желаний сверх меры не поощряется. Там, где почва естественным образом удобрена, это культивируется

[89] Следует напомнить, что все "челы", и даже мирские ученики, называются упасака, вплоть до их первого посвящения, когда они становятся лану-упасака. До этого дня, даже те, кто принадлежит к ламам и живут уединенно, рассматриваются как "миряне".

правильным образом, и ребенок вырастает в человека, в котором привычка к подчинению низшего Эго высшему становится доминирующей. На Западе люди полагают, что их собственные пристрастия и неприязни по отношению к другим людям или вещам являются для них руководящими принципами, побуждающими их к действию, даже в том случае, если они не становятся законом их собственной жизни и они стараются совместить их с другими принципами.

Пусть те, кто жалуется, что они мало чему научились в Теософском обществе, примут в свое сердце слова, написанные в статье, помещенной в последнем февральском номере "Пути": "Ключом к каждой ступени является сам стремящийся". Не "страх перед Богом" является "началом Мудрости", а познание САМОГО СЕБЯ и есть ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ МУДРОСТИ.

Сколь же верным и величественным покажется изучающему оккультизм человеку, который начал осуществлять некоторые из вышеприведенных истин, ответ, даваемый Дельфийским Оракулом всем, пытающимся найти Оккультную Мудрость (слова, повторявшиеся снова и снова мудрым Сократом): ЧЕЛОВЕК, ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ...

ОТВЕТЫ НА НЕКОТОРЫЕ ПИСЬМА[90]

Практический оккультизм

> В очень интересной статье в номере журнала за последний месяц, озаглавленной "Практический оккультизм", говорится о том, что с того момента, как "Учитель" начинает обучать "челу", он принимает на себя все грехи челы в соответствии с предписаниями оккультных наук, вплоть до того времени, когда посвящение превращает челу в учителя и, в свою очередь, делает его ответственным.
>
> Для западного ума, погрязшего в течение многих поколений в Индивидуализме, очень трудно признать справедливость и, следовательно, истинность этого заявления, и очень желательно, чтобы были даны некоторые дополнительные разъяснения относительно этого факта, который, возможно, интуитивно ощущается немногими людьми, но которому они совершенно неспособны дать какое-либо логическое объяснение.
>
> – С. Е.

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ. Лучшим логическим объяснением этого является тот факт, что даже в повседневной жизни родители, няни, учителя и наставники несут ответственность за привычки и будущую нравственность ребенка. Маленький несчастный негодник, обученный родителями чистить карманы на улице, не ответственен за свой грех, но результаты этого целиком ложатся на тех, кто внушил ему, что надо поступать таким образом. Будем надеяться, что западный разум, хотя и "погрязший в индивидуализме", не стал столь глупым, чтобы не понимать, что если бы положение вещей было иным, в этом не было бы ни логики, ни справедливости. И если те кто формируют податливый разум еще несознательного ребенка должны нести ответственность, в этом мире следствий, за грехи его деяний и недеяний в течение всего его детства и за последствия их обучения в дальнейшей жизни, в сколь же большей степени это касается "Духовного гуру"? Последний берет ученика за руку, ведет его, и приводит в мир, совершенно незнакомый. Ибо этот мир – невидимой, но всегда присутствующей в скрытом виде ПРИЧИННОСТИ, тонкой, но никогда не рвущейся нити, являющейся действием, проводником и силой кармы, и самой кармой в пространстве божественного разума. Никакой адепт, однажды познавший его, не сможет больше защищать невежество ни при каких обстоятельствах, хороших или дурных мотивов его, производящих в результате зло; с тех пор, как он познакомился с этим таинственным царством, оккультист приобретает средства предвидеть два пути, открытые перед любым обдуманным или необдуманным действием, и это позволяет ему с определенностью знать, каков будет результат в том или другом случае. Поскольку ученик действует исходя из этого принципа, но слишком мало знает для того, чтобы быть уверенным в своем видении и способности к различению, не является ли естественным, что существует гид, который должен быть ответственен за грехи того, кого он ведет в столь опасные области?

---

[90] "Люцифер", апрель, май 1888 г., июнь 1889 г.

Есть ли надежда?

После прочтения условий, необходимых для изучения оккультизма, напечатанных в апрельском номере "Люцифера", я полагаю, что этого достаточно для того, чтобы читатели этого журнала оставили надежду стать оккультистами. Я думаю, что в Великобритании, за исключением монастырей, вряд ли где-нибудь могут быть достигнуты когда-либо такие условия. В моем будущем положении медика (если боги будут столь милостивы), восьмое условие будет совершенно невыполнимым; это наиболее неудачно, так как мне кажется, что изучение оккультизма является особенно существенным для успешной практики в профессии медика.[91]

Я должен задать вам следующий вопрос, и я был бы благодарен получить ответ на него через медиума "Люцифера". Возможно ли изучать оккультизм в Великобритании?

Прежде чем закончить, я чувствую необходимость проинформировать вас, что я восхищаюсь вашим журналом как научным изданием, и что я ставлю его наряду "Подражанием Христу" среди моих книг по религии.

Давид Кричтон,
Мэришальский колледж, Абердин.

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ. Это слишком пессимистичный взгляд, чтобы его принять. Кто-то может с пользой изучать оккультные науки, не пытаясь проникнуть в высший оккультизм. Особенно в случае с нашим корреспондентом, и в его будущем качестве медика, "оккультное знание простейших организмов и минералов, и целебных сил некоторых вещей в природе", – намного более важно, чем метафизический или психологический оккультизм или теофания. И это он может делать лучше, если будет изучать и пытаться понять Парацельса и обоих Ван Гельмонтов, чем усваивать Патанджали или методы раджа-йоги Тараки.

Возможно изучать "оккультизм" (правильнее сказать – оккультные науки и искусства) в Великобритании, как и в любой другой точке земного шара; хотя по причине исключительно враждебных условий, создаваемых благодаря сильному эгоизму, преобладающему в этой стране, и магнетизму, который препятствует свободному проявлению Духовности, – одиночество является лучшим условием для учения.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОККУЛЬТИЗМ

Приложение: Вопросы и ответы о йога-видья

Председатель мадрасского отделения задает нам несколько вопросов по поводу оккультной науки. Подобные сведения интересуют очень многих, и потому, отвечая в этой статье на его вопросы, мы думаем удовлетворить интересы многих.

Вопрос. – Беретесь ли Вы, или полковник Олькотт за обучение этой замечательной видьи кого-нибудь из стремящихся к таким знаниям?

Ответ. – Нет, мы отсылаем корреспондента к нашему январскому выпуску, где мы останавливались на этом вопросе.

В. – Что Вы предпочитаете – давать доказательства существования оккультных сил в человеке тем, кто настроен скептически, или же тем, кто желает укрепить свою веру?

О. – Мы "предпочитаем", чтобы каждый нуждающийся в таких доказательствах имел их, но если учесть количество живущих на земле, то такой подход нереален. С самых незапамятных времен и до наших дней те, кто серьезно искали такие доказательства – находили их. Мы тоже нашли их в Индии. Но мы не щадили ни времени, ни сил в своих путешествиях по всему миру.

В. – Можете ли Вы дать такие доказательства человеку вроде меня, живущему на таком большом расстоянии от Вас, или же я должен прибыть в Бомбей?

О. – Ответ был выше. Мы не стали бы браться за подобное, если бы даже могли, ибо в таком случае нам пришлось бы забросить все свои дела и развлекать любопытствующих. Это занятие не для нас.

В. – Может ли женатый человек достигнуть видьи?

[91] Под "успешной практикой" я имею ввиду ту, которая является успешной для тех, кому она предназначена.

О. – Нет. Вы знаете неизменное правило, что для подобного обучения мальчик находится рядом со своим гуру в течение всего своего юношества. Он остается с ним пока ему не исполнится 25-30 лет, потом 15-20 лет он живет женатым и в заключение своего духовного обучения удаляется в лес. Употребление алкоголя, говядины, некоторых других сортов мяса, некоторых овощей, так же как и супружеские отношения препятствуют духовному развитию.

В. – Открывает ли Бог себя йогам озарениями?

О. – Каждый человек имеет свое собственное понимание "Бога". Насколько мы знаем, йоги открывают своего бога в своем собственном Я, в своей атме. Когда они достигают такого осознания, они, объединяя себя со Вселенским Божественным Принципом – Парабрахманом достигают озарения. Что же касается личного бога – бога, который думает, замышляет интриги, карает, милует, награждает – то мы такого бога не знаем. И ни один йог не знает такого бога, если, конечно же, не принимать во внимание нелепые утверждения миссионеров после лекции Олькотта в Лахоре, будто бы Моисей, убивший людей в Египте, и прелюбодействующий убийца, Давид, были йогами!

В. – Если адепт может сделать все, что он захочет, как сказал в своей лекции в Симле Олькотт, может ли он сделать меня, мечтающего и жаждущего видьи, таким же полным адептом, как и сам он?

О. – Полковник Олькотт не адепт и никогда так о себе не говорил. Неужели наши друзья думают, что кто-либо, когда-либо стал адептом не сделав себя им, не пройдя через все препятствия и упадки духа и силы воли. Путь адепта в таком понимании – это просто фарс. "Адептом нельзя сделать, адептом можно только стать", – таков древний девиз.

В. – Как так получается, что при наличии таких ясных доказательств, большинство людей все еще остаются скептиками?

О. – Основная масса таких людей – христиане. И хотя Иисус объявил, что каждый, уверовавший в Него, может получить силы для свершения всех чудес (см. Марк XVI, 17, 18), какими обладают и индийские йоги, христианство тщетно ожидает увидеть их вот уже девятнадцать столетий. И теперь, разуверившись в существовании этих сиддх, они должны прийти в Индию за доказательствами, если они действительно будут так заинтересованы в них.

В. – Почему полковник Олькотт отмечает 1848 год как год начала оккультизма?

О. – Наш друг мог бы быть более внимателен и не ставит нас перед необходимостью отвечать на бессмысленные вопросы. Полковник Олькотт сказал про 1848 год, что в этом году оформился современный спиритуализм.

В. – Есть ли в Индии такие медиумы как Вильям Эдди, в присутствии которого можно видеть материализованные формы?

О. – Мы не знаем точно, но думаем, что да. Мы слышали, что в Калькутте умершая девочка навещает дом своих родителей и разговаривает со своей матерью. Медиумизм может легко развиваться в любом месте, но мы думаем, что это небезопасно, и потому уклонимся от приведения каких-либо инструкций по его развитию. Те, кто думает иначе, могут найти то, что они хотят у множества лондонских спиритуалистов, в "Медиум и Рассвет", американском "The Banner of Light" или в любом другом печатном органе спиритов.

В. – Как эти медиумы получили свои возможности – обучением или же при каком-то несчастном случае, изменившем их организм?

О. – В основном медиумами рождаются; их организм имеет особенное психофизическое строение. Но большинство из известных в наше время медиумов развили в себе свои способности различными упражнениями. Много кто имеет медиумические особенности в скрытом состоянии, которые могут быть развиты при правильном подходе. То же самое можно сказать и об адептах. У всех нас адептство находится в зародыше, но одним несравненно легче разбудить эти силы, чем другим.

В. – Полковник Олькотт отвергает идею посредства духа для объяснения получаемых явлений, а мне доводилось читать, что некоторые ученые посылают духов посетить другие планеты и рассказать им, что они там видели.

О. – Возможно, ссылка сделана на профессора Вильяма Дантона, американского геолога, автора интересной работы "Душа вещей". Свое исследование он производил с помощью психически чувствительного человека – своей жены, очень интеллигентной леди,

хотя и скептически относящейся к подобным идеям. Наш корреспондент мог читать эту книгу.

В. – Что происходит с "отлетевшим" духом?

О. – Существует только один "дух" – Парабрахман, или Вечный Принцип, как предпочитают называть его некоторые другие. "Душа" умершего, покинув земное тело, проходит через множество иных состояний существования, точно так же, как она проходила различные стадии перед рождением. Всю истину об этой тайне знают лишь высшие адепты; но даже низшие неофиты могут сказать, что каждый из нас контролирует свое будущее воплощение, улучшая или ухудшая его своими поступками и помыслами в настоящем.

В. – Необходим ли для йога аскетизм?

О. – Йога действительно требует определенных условий, о которых можно прочитать в нашем декабрьском номере. Одно из этих условий – уединение йога в таком месте, где йог не соприкасается как с физическими, так и с моральными нечистотами. Короче, он должен уйти от аморальной атмосферы мира. Если кто-либо вследствие такого обучения приобретет некоторые силы, он уже не может надолго оставаться в мире без утраты большей – и притом самой лучшей – части его возможностей. Потому, если такой человек в течение нескольких лет живет и трудится среди людей, не ища ни славы, ни денег, то можно без преувеличения сказать, что он жертвует собой во благо своих собратьев. В один день людям кажется, что такой человек умер, и они отделываются от мнимых останков; но он не может умирать. "Очевидность обманчива", – говорит пословица[92].

ОККУЛЬТИЗМ ПРОТИВ ОККУЛЬТНЫХ ИСКУССТВ

Я часто слышал, но не верил доле,-
Есть люди, что способны колдовством
Природу подчинить своей недоброй воле.

Мильтон

Письма, приходящие ко мне, свидетельствуют о сильном впечатлении, которое произвела на некоторые умы публикация статьи "Практический оккультизм". Такие письма еще лучше доказывают и усиливают следующие два логических вывода.

(а) Имеется больше широкообразованных и мыслящих людей, которые верят в существование оккультизма и магии (причем, они значительно отличаются друг от друга), чем это воображают современные материалисты; и -

(б) Большинство верящих (включая многих теософов) не имеют определенной идеи о природе оккультизма и смешивают его с оккультными науками в целом, включая сюда и "черную магию".

Их представления о силах, приобретаемых людьми, и о средствах, используемых для их получения, видоизменяются в зависимости от их фантазий. Некоторые воображают, что мастер искусства, показывающий путь, – это все необходимое для того, чтобы стать Занони. Другие полагают, что лишь переправившись через Суэцкий канал и добравшись до Индии

[92] В "Люцифере" за июнь 1889 года, Е. П. Б. опубликовала письмо, в котором содержался вопрос о "целесообразности" некоторых требований ученичества, как они были даны в "Практическом оккультизме". Она дала следующий ответ в примечании:

"Ученичество абсолютно ничего не делает со средствами для существования или еще чем-нибудь в этом роде, ибо человек может полностью изолировать свой разум от своего тела и окружающих вещей. Ученичество – это состояние ума, в большей степени чем жизнь в соответствии с тяжелыми и твердыми правилами на физическом плане. Это особенно относится к раннему, испытательному периоду. В то время как правила, данные в апрельском номере "Люцифера", имеют отношение к поздней стадии, стадии действительного оккультного обучения и развития оккультных сил и внутренней интуиции. Однако, эти правила указывают на способ жизни, которому необходимо следовать всем ищущим настолько, насколько это целесообразно, поскольку это лучшая помощь им в их устремлениях.

Никогда не следует забывать, что оккультизм имеет отношение только к внутреннему человеку, который должен усиливаться и освобождаться из-под власти физического тела и его окружения, и сделать последних своими слугами. Таким образом, первой и главной необходимостью для ученичества является дух абсолютного бескорыстия и посвященности Истине; за этим последуют самосознание и самообладание. Они являются наиболее важными; в то время как внешнее соблюдение установленных правил жизни является, по существу, лишь второстепенным делом". ("Люцифер", апрель, май 1888 г., июнь 1889 г.)

они расцветут в дальнейшем подобно Роджеру Бэкону и даже графу Сен-Жермену. Идеалом некоторых является Маргрейв с его вечной молодостью и малой заботой о душе, как о цене, заплаченной за это. Немало и таких, кто путает примитивное "аэндорское волшебство" с оккультизмом, и кто "через разверзнутую землю из Стигийской тьмы вызывает на свет худых духов", и хочет, чтобы его рассматривали в связи с этим как полностью развитого адепта. "Церемониальная магия", в соответствии с правилами, насмешливо опровергнутыми Элифасом Леви, представляется иными alter ego философии архатов древности. Коротко говоря, тот спектр, через который проявляется оккультизм для этих младенцев философии, столь многоцветен и разнообразен, сколь может его сделать таковым людская фантазия.

Почувствуют ли эти претенденты на Мудрость и Силу негодование, если сказать им откровенную правду? Это не только полезно, но это стало сейчас совершенно необходимо, чтобы вывести из заблуждения многих из них до того, как будет слишком поздно. Эта истина может быть выражена в нескольких словах: "Среди сотен горячих поклонников, называющих себя "оккультистами" на Западе, нет и полудюжины тех, кто имеет даже приблизительно правильное представление об идее природы науки, которой они хотят овладеть. За немногими исключениями, все они идут по проторенной дороге колдовства. Пусть они восстановят какой-нибудь порядок в своих умах, прежде чем они станут протестовать против этого утверждения. Пусть они сначала поймут истинное положение, в котором находятся оккультные науки по отношению к оккультизму, и различие между ними, и тогда проявляют свой гнев, если все еще будут считать себя правыми. Тем не менее, пусть они узнают, что оккультизм отличается от магии и других тайных наук так же, как сияющее солнце – от тусклого света свечи, как неизменный и вечный дух человека – отражение абсолютного, необусловленного и непознаваемого ЕДИНОГО – отличается от смертной плоти – человеческого тела.

В нашем высоко-цивилизованном западном мире, где были сформированы современные языки и созданы слова, вслед за идеями и мыслями – как это случалось с каждым языком – чем больше последние материализовавались в холодной атмосфере Западного эгоизма и его непрерывной гонки за благами для этого мира, тем меньше чувствовалась потребность в создании новых терминов, выражающих то, что молчаливо рассматривалось как абсолютные и упраздненные уже "суеверия". Эти слова могли бы относиться к тем идеям, которые культурный человек едва ли мог бы представить в своем уме. "Магия" – синоним обмана, фокусничества; "колдовство" – эквивалент полнейшего невежества; и "оккультизм", несчастный остаток слабоумных средневековых пламенных философов, Якоба Бёме и Сен Мартена, – все это выражения, которых более чем достаточно для того, чтобы полностью описать область "мошенничества и обмана". Они выражают презрительное отношение, и используются обычно как намек на отбросы и дурное наследство темных веков и предшествовавших им периодов язычества. Поэтому мы не имеем в английском языке терминов, которые определяют или выявляют разницу между такими сверхнормальными силами, или науками, которые приводят к их приобретению, с той точностью, какая возможна в восточных языках – прежде всего в санскрите. Что вызывают слова "чудо" и "волшебство" (слова, идентичные в целом по смыслу, так как оба они выражают идею создания чудесного посредством нарушения законов природы(!!), как это трактуется признанными авторитетами) в умах людей, которые слышат или произносят их? Христиане – отвергающие "законы природы", и несмотря на это – твердо верящие в чудеса, потому что это, как говорят, было дано Богом через Моисея, – отрицают ли они волшебство, совершенное магами фараонов, или приписывают его дьяволу. Этого последнего наши набожные противники связывают с оккультизмом, в то время как их нечестивые враги, атеисты, смеются над Моисеем, магами и оккультистами, и покраснели бы от стыда, высказав хотя бы одну серьезную мысль о таких "предрассудках". Так происходит потому что нет термина, показывающего различие; нет слов, чтобы выразить темное и светлое и провести линию разделения между великим и истинным, абсурдным и смехотворным. Одни являются теологическими интерпретациями, которые учат "нарушению законов природы" людьми, Богом, или дьяволом; другие – научным "чудом" и волшебством Моисея и магов, соответствующим природным законам, те и другие были обучены всей Священной Мудрости, которой располагают современные "Королевские общества" – и предназначенной для узкого круга посвященных истинного ОККУЛЬТИЗМА. Это последнее

слово, конечно, вводит в заблуждение, переведенное как производное от сложного слова гупта-видья, "тайное знание". Но знание чего? Некоторые из санскритских терминов могут помочь нам здесь.

Для различных видов эзотерического знания или учений, даже в экзотерических Пуранах, имеется (среди многих иных) четыре названия. Это:

1) яджна-видья,[93] знание оккультных сил, пробуждающихся в природе благодаря совершению определенных религиозных церемоний и ритуалов;
2) маха-видья, "великое знание", магия каббалистов и тантрических культов, и часто – колдовство наихудшего рода;
3) гухья-видья, знание мистических сил, содержащихся в звуке (эфире), то есть мантрах (монотонно распеваемых молитвах или заклинаниях), и зависящих от используемого ритма и мелодии; другими словами, магическое действие, основанное на знании сил природы и их взаимоотношений; и
4) АТМА-ВИДЬЯ, термин, который переводится просто как "духовное знание", истинная Мудрость у ориенталистов, но значащий много большее.

Последнее является единственным видом оккультизма, к которому следует стремиться каждому теософу, кто вдохновлен "Светом на Пути", и хочет быть мудрым и бескорыстным. Все остальное – это некое ответвление от "оккультных наук", то есть, искусств, основанных на знании конечной сущности всех вещей в царстве природы – таких как минералы, растения и животные – следовательно, вещей, относящихся к сфере материальной природы, какой бы невидимой ни была их сущность, и сколь сильно ни ускользала бы она до сих пор от понимания нашей науки. Алхимия, астрология, оккультная физиология, хиромантия, существуют в природе, и точные науки – которые называются таким образом, вероятно, потому что они находятся в этом веке парадоксальных философий, переворачивающих все с ног на голову – открыли немалое количество тайн вышеназванных искусств. Но ясновидение, символизируемое в Индии "глазом Шивы", называемое в Японии "безграничным видением", – это не гипнотизм, незаконный сын месмеризма, и оно не может быть получено с помощью таких искусств. Все же остальные могут быть обретены и дать результаты, хорошие, плохие или нейтральные; но атма-видья отмечает их небольшую ценность. Она включает их всех и даже может случайно использовать их, но лишь после их очищения от нечистот, преследуя благие цели и заботясь о лишении их каких-либо эгоистических мотивов. Поясним это: любой мужчина или любая женщина могут самостоятельно изучать одно или все вышеназванные "оккультные искусства" без какой-либо серьезной предварительной подготовки, или даже без приспособления к чрезмерным ограничениям своего образа жизни. Кто-то может обойтись даже без достаточно высокого нравственного стандарта. Конечно, в последнем случае можно дать десять против одного, что ученик превратится в худший сорт колдуна, безудержно кинувшегося в черную магию. Но на что она способна? Вуду и дугпы едят, пьют и веселятся на гекатомбах жертв своих инфернальных искусств. То же самое делают любезные джентльмены-вивисекционисты и дипломированные "гипнотизеры" медицинских факультетов; единственная разница между ними – в том, что вуду и дугпы являются сознательными колдунами, тогда как команда Шарко-Рише – бессознательными. Таким образом, с тех пор, как и те и другие пожинают плоды своих трудов и достижений в черном искусстве, западные практики заслуживают порицание, а не славу, с ее выгодами и удовольствиями добытую таким путем. Ибо, скажем мы еще раз, гипнотизм и вивисекция, практикуемые в таких школах, – это чистое колдовство, но лишенное того знания, которым наслаждаются вуду и дугпы и которое не могут добыть для себя никакие Шарко-Рише, хотя бы ценой пятидесятилетнего тяжелого

[93] "Яджна", – говорится в Пуранах, – "существует извечно, поскольку она исходит из Всевышнего... в котором она пребывает в скрытом состоянии от "неимеющего начала". Это ключ к Трайвидье, третьей тайной науке, содержащейся в стихах Ригведы, которая учит Ягам, или жертвенным мистериям. "Яджна" невидимо существует во все времена; она похожа на скрытую силу электричества в электрической машине, которая требует, для того чтобы проявиться, лишь определенного действия подходящего для этой цели устройства. Предполагается, что она распространяется от ахавании, или жертвенного костра, до небес, образуя мост или лестницу, с помощью которой жрец может общаться с миром богов и духов, и даже восходить при жизни к их обителям". – "Айтарейя Брахмана" Мартина Хога.

"Эта яджна является одной из форм акаши; и мистическое слово, вызывающее ее к существованию и произносимое мысленно инициированным священнослужителем, – это Утраченное Слово, получающее импульс от СИЛЫ-ВОЛИ". – "Разоблаченная Изида", том I, Введение. См. также "Айтарейя Брахмана" Хога.

труда и экспериментальных исследований. И пусть те, кто будет упражняться в магии, понимают ли они ее природу или нет, кто считает, что правила, предъявляемые к изучающим, слишком суровы, и кто, поэтому отбрасывает атма-видья или оккультизм, – пусть они останутся при своем. Пусть они всеми способами становятся магами, даже если они действительно станут вуду и дугпами в течение десяти следующих перерождений.

Однако интерес наших читателей, вероятно, будет обращен к тем, кто, безусловно, был привлечен "оккультизмом", но не осознал истинную природу своих устремлений и не приобрел устойчивости против различных страстей, недооценив истинное бескорыстие.

Нас будут спрашивать, как же обстоит дело с этими несчастными, которых разрывают надвое противоборствующие силы? Но это объяснялось уже столь часто, что не нуждается в повторении, к тому же сам этот факт открыт для наблюдения любым человеком; когда стремление к оккультизму действительно пробудилось в сердце человека, тогда для него не остается надежды на мир, спокойный отдых и удобства во всем этом мире. Он отправляется в дикие и безлюдные области жизни благодаря вечно подтачивающему его беспокойству, которое он не может преодолеть. Его сердце слишком наполнено страстями и эгоистическими желаниями, чтобы позволить ему пройти через Золотые Ворота; он не может найти покоя или мира в обыденной жизни. Должен ли он неизбежно впасть в колдовство и черную магию, и в течение многих перерождений накопить себе ужасную карму? Нет ли для него иного пути?

Конечно же, есть, отвечаем мы. Пусть он не стремится к чему-либо более высокому, чем то, что, как он чувствует, он способен совершить. Пусть не берет он себе ношу слишком тяжелую, чтобы он смог ее нести. Не становясь "махатмой", буддой или великим святым, пусть изучает он философию и "духовную науку", и он сможет стать одним из величайших благодетелей человечества, не обладая какими-либо сверхчеловеческими силами. Сиддхи (или силы архатов) существуют лишь для тех, кто способен вести "тяжелую жизнь", приносить ужасные жертвы, которые требуются для такого обучения, и повиноваться беспрекословно. Пусть они однажды узнают и всегда помнят, что истинный оккультизм или теософия – это "Великое Самоотречение от СЕБЯ САМОГО", безусловное и абсолютное, в мыслях так же, как и в действиях. Это АЛЬТРУИЗМ, и он выводит практикующего за пределы каких-либо категорий и рангов среди всех живых существ. "Он живет не для себя, но для мира", как только он принял на себя этот труд. Многое прощается в течении первых лет испытания. Но он будет "принят" не раньше, чем его индивидуальность исчезнет, и он должен будет стать целиком благотворной силой в Природе. После этого для него существуют два полюса, два пути, и нет места для отдыха между ними. Он должен либо утомительно подниматься, шаг за шагом, часто через многочисленные перерождения, не надеясь на деваханический прорыв, золотую лестницу, ведущую к состоянию махатмы (архата или бодхисаттвы), либо – он упадет с этой лестницы на первой же ложной ступеньке и скатится до состояния Дугпы....

Все это либо неизвестно, либо всецело ускользает от взгляда. Поистине, тот, кто способен следовать за молчаливой эволюцией предварительных устремлений кандидатов, часто находит весьма странными идеи спокойного овладения способностями своего разума. Существуют такие люди, чьи мыслительные силы столь искажены внешними воздействиями, что они воображают, что плотские страсти могут быть столь очищенными и возвышенными, что их ярость, сила и огонь могут быть, так сказать, направлены вовнутрь; что они могут быть запасены и сохранены в груди человека до тех пор, пока их энергия не будет распространяться вовне, но она будет направлена в сторону высших и самых святых целей: а именно, пока их коллективная и нераспространяющаяся сила не предоставит ее обладателям возможность войти в истинное святилище души и оставаться там в присутствии Учителя – ВЫСШЕЙ СУЩНОСТИ! Ради этой цели они не борются со своими страстями, ни уничтожают их. Он, просто, большим усилием воли притушит сильные языки пламени и будет держать их под контролем внутри себя, позволяя огню тлеть под тонким слоем золы. Они с радостью принимают мучения спартанского мальчика, который предпочел позволить лисе терзать его внутренности, чем расстаться с ней. Бедные слепые визионеры!

Кроме того, надежда на то, что банда пьяных трубочистов, горячих и грязных от своей работы, может быть заперта в святилище, где висят чистые белые полотна, и вместо того, чтобы испачкать их и превратить своим присутствием в кучу грязных лохмотьев, они стали

бы хозяевами в этом священном месте и в конце концов появились бы оттуда столь же незапятнанными, как само это место. Почему бы не вообразить, что дюжина скунсов, помещенных в чистую атмосферу Цзонг-па (монастыря), может выйти оттуда благоухая ладаном?.. Странное искажение человеческого разума. Может ли быть такое? Вряд ли.

"Учитель" в святилище наших душ – "Высшая Сущность" – это божественный дух, сознание которого основано (во всяком случае, в течение жизни человека, в котором он заключен) исключительно на разуме, который мы согласились называть человеческой душой ("духовная душа" является оболочкой духа). В свою очередь первая (личная, или человеческая душа) – это высшая форма объединения духовных устремлений, желаний и божественной любви, а в своем низшем аспекте – плотских желаний и земных страстей, приданных ей посредством связей с оболочкой, их всех вмещающей. Таким образом, она является звеном и посредником между плотской природой человека, которую ее высший разум пытается подчинить себе, и его божественной духовной природой, к которой она притягивается всякий раз, когда она получает покровительство свыше в своей борьбе с внутренним животным. Последнее – это инстинктивная "плотская душа", являющаяся очагом тех страстей, которых, как только что показано, баюкают вместо того чтобы убивать, и которых запирают в своей груди неосторожные энтузиасты. Неужели они надеются превратить таким образом мутный поток животной сточной канавы в кристально чистые воды жизни? И где, на какой нейтральной территории можно заключить их в тюрьму, чтобы они не влияли на человека? Неистовые страсти любви и похоти все еще живы, и им все еще позволяют оставаться на месте их зарождения – в той самой животной душе; ибо высшая и низшая части "человеческой души", или разума, отказываются от таких жильцов, хотя они и не могут избежать загрязнения ими из-за их соседства. "Высшая Сущность", или дух, не может усвоить такие чувства, так же как вода не смешивается с маслом или неочищенным жидким жиром. Именно разум, единственное звено и посредник между земным человеком и высшей Сущностью, является единственно страдающим; он находится в постоянной опасности того, что он будет увлечен вниз этими страстями, которые могут пробудиться в любой момент, и погибнет в бездне материи. И как же он может настроить себя на божественную гармонию высшего Принципа, если эта гармония разрушается самим фактом наличия таких плотских страстей внутри святилища? Как может гармония торжествовать и побеждать, если душа увлечена шумом страстей и земными желаниями телесных чувств, или даже "астрального человека"?

Ибо этот "астральный" – теневой "двойник" (как у животных, так и у человека) – это спутник не божественного Эго, а земного тела. Это связь между личным ЭГО, низшим сознанием манаса и телом, и является оболочкой временной, ограниченной жизни. Подобно тени, отбрасываемой человеком, он рабски следует за его движениями и импульсами, и склоняется к материи, никогда не поднимаясь к духу. Лишь тогда, когда совершенно умирает сила страстей, когда они уничтожаются в реторте непреклонной воли; когда становятся мертвыми не только все плотские желания и страсти, но убивается и осознание личного Эго, и "астральное" вследствие этого уменьшается до нуля, – тогда может иметь место союз с "Высшим Эго". Тогда же, когда "Астрал" отражает только победившего человека, еще живого, но не имеющего больше подверженной страстям эгоистичной личности, тогда сверкающий Аугоейдос, божественное ЭГО, может колебаться в сознательной гармонии с обоими полюсами человеческой Сущности – очищенным материальным человеком и вечно чистой духовной душой – и находиться в присутствии УЧИТЕЛЯ-ЭГО, мистического Христа гностиков, смешанное, сплавленное, и отныне единое с Ним.[94]

Как же это возможно для человека войти в "открытые ворота" оккультизма, если его повседневные и ежечасные мысли связаны с мирскими вещами, желаниями обладания и силы, похотью, амбициями и обязанностями, которые, даже если и достойны уважения, все же самые что ни на есть житейские? Даже любовь к жене и семье – самое чистое, поскольку самое бескорыстное из человеческих влечений – является преградой для истинного оккультизма. Ибо, возьмем ли мы в качестве примера святую любовь матери к своему

[94] Те, кто склонны видеть три Эго в человеке, будут неспособны воспринять метафизический смысл этого. Человек – это троица, состоящая из тела, души и духа; но, тем не менее, человек един, и, конечно, не ограничивается своим телом. Именно тело является его собственностью, временной одеждой человека. Три "Эго" – это ЧЕЛОВЕК в его трех аспектах астрального, интеллектуального или психического, и духовного планов, или состояний.

ребенку, или мужа к своей жене, – даже в этих чувствах, если их пронализировать до самых истоков, то в первом случае налицо будет все-таки себялюбие, а во втором – обоюдный эгоизм. Какая мать не принесла бы в жертву без минутного колебания сотни тысяч жизней за жизнь своего ребенка, и какой любящий человек или верный муж не разрушил бы счастье всякого другого мужчины или женщины около себя, чтобы удовлетворить желание той, которую он любит? Это вполне естественно, скажут нам. Это так, с точки зрения человеческих чувств; но это в гораздо меньшей степени верно с точки зрения божественной универсальной любви. Ибо, когда сердце полно мыслей, касающихся небольшой группы личностей, близких и дорогих нам, то, как же в нашей душе поместится остальная часть человечества? Какой процент любви и заботы останется для "великой сироты"? Как может быть услышан "все еще тихий голос" в душе, полностью занятой своими привилегированными жильцами? Какое же пространство останется для нужд человечества en bloc [в целом], чтобы они отразились в ней и получили скорый ответ? И все же тот, кто хотел бы воспользоваться мудростью универсального разума, должен достичь этого с помощью целостного человечества, без различий расы, темперамента, религии или социального положения. Именно альтруизм, а не эгоизм, даже в его наиболее законном и благородном проявлении, может привести одного человека к тому, чтобы слить свое маленькое Эго с Универсальными Сущностями. Именно этим потребностям и этой работе должен посвятить себя верный ученик истинного оккультизма, если он хочет приобрести теософию, то есть божественную Мудрость и Знание.

Претендент должен произвести безусловный выбор между мирской жизнью и жизнью по оккультизму. Бесполезно пытаться объединить то и другое, ибо никто не может одновременно служить двум хозяевам и при этом угодить обоим. Никто не может служить своему телу и высшей душе, выполнять свои семейные обязанности и свой вселенский долг, не лишая своих прав либо одного, либо другого; ибо он или будет склонять свое ухо к этому "все еще тихому голосу" и не сможет слышать крики своих малышей, или же он будет прислушиваться лишь к желаниям последних и останется глух к голосу человечества. Это была бы постоянная, непрекращающаяся, безумная борьба почти за каждого женатого человека, который следовал бы истинному практическому оккультизму, а не его теоретической философии. Ибо он обнаружил бы, что постоянно колеблется между голосом безличной божественной любви к человечеству, и голосом личной, земной любви. И это могло бы привести его только к неудаче в том или другом, а, возможно, и в обоих случаях. И даже хуже, ибо тот, кто предается удовольствиям земной любви или похоти после того, как он посвятил себя ОККУЛЬТИЗМУ, должен будет вскоре почувствовать, каков результат этого: он будет непреодолимо выброшен из безличного божественного состояния в низший материальный план. Чувственное, или даже ментальное самонаслаждение, включает немедленную утрату сил духовной проницательности; голос Учителя не сможет больше отличаться от голоса его страстей или даже страстей дугпы; истинное – от ложного, здоровая нравственность – от простой казуистики. Плод Мертвого моря принимает чудесный мистический вид, но превращается в золу на губах и в беспокойство сердца, приводя к тому, что:

> Разверзлась бездна, и непроглядная сгустилась тьма;
> Безумие сменило здравый ум, вина – невинность;
> Страдание – восторг; надежда превратилась в безысходность.

Однажды ошибившись, большинство людей уклоняются от осознания своей ошибки, тем самым все больше и больше погружаясь в болото. И, хотя бы первичное намерение зиждилось на осуществлении белой, а не черной магии, однако результаты даже непроизвольного, неосознанного колдовства не могут не произвести плохой кармы. Достаточно уже было сказано, чтобы стало ясно, что колдовство – это любой вид злого влияния, оказываемого на других людей, которые страдают, или заставляют страдать других. Карма – это тяжелый камень, брошенный в спокойные воды Жизни; он должен вызвать все расширяющиеся круги ряби, расходящиеся все дальше и дальше, почти ad infinitum [до бесконечности]. Такие причины должны вызвать следствия, и они с полной очевидностью обнаруживаются в справедливом законе возмездия.

Многого из этого можно избежать, если люди будут воздерживаться от того, чтобы бросаться в деятельность, природу и смысл которой они не понимают. Никто не надеется, что он сможет нести груз свыше своих сил. Существуют "прирожденные маги", мистики и оккультисты с момента рождения и по праву прямого наследования этой способности, связанной с серией перевоплощений и эонов страданий и неудач. Они, можно сказать, являются "устойчивыми" против страстей. Никакие искры земного происхождения не могут раздуть пламя в их чувствах и желаниях; никакой человеческий голос не найдет ответа в их душах, за исключением великого крика человечества. Только им может быть гарантирован успех. Но таких людей можно встретить повсюду, и они проходят через узкие ворота оккультизма, поскольку не несут с собой личного багажа человеческих преходящих чувств. Они избавлены от чувства низшей личности и "астрального" животного существа, и перед ними открыты золотые, хотя и узкие ворота. Но не так обстоит дело с теми, кто должен нести в течение еще нескольких перевоплощений груз грехов, совершенных в прошлых жизнях, и в их теперешнем существовании. Ибо для таких людей, хотя бы они и действовали с большим тщанием, золотые ворота Мудрости могут превратиться в широкие ворота и широкий путь, "который ведет к разрушению", и "много будет тех, кто войдут в них". Это ворота оккультных искусств, практикуемых по эгоистическим мотивам и в отсутствии ограничивающего и благотворного влияния АТМА-ВИДЬИ. Мы находимся в Кали-юге, и ее фатальное влияние на Западе в тысячу раз сильнее, чем на Востоке; отсюда легкая добыча, достигаемая Силами Века Тьмы в этой циклической борьбе, и множество иллюзий, над которыми в наше время бьется мир. Одной из них является относительная легкость, с которой, как кажется людям, они могут войти в "Ворота" и преодолеть порог оккультизма без какой-либо великой жертвы. Это мечта большинства теософов, внушенная желанием достичь Силы и личного благополучия; но не эти чувства могут когда-либо привести их к желанной цели. Ибо, как хорошо было сказано уверовавшим в то, что надо принести в себя в жертву за человечество, – "узки врата и прям путь, который ведет к жизни" вечной; поэтому "мало будет тех, которые найдут его". Действительно, он столь прям, что при одном лишь упоминании некоторых трудностей, испуганные западные кандидаты поворачивают назад и ретируются с содроганием...

Пусть они остановятся здесь и не делают больше попыток по причине своей большой слабости. Ибо, если, повернувшись спиной к узким воратам, их привлечет стремление к оккультному к более широким и гостеприимным Воротам той золотой тайны, которая мерцает в свете иллюзии, – горе им! Это приведет лишь к состоянию дугпы, и можно быть уверенным, что очень скоро они обнаружат себя на той Via Fatale [фатальной дороге] в Ад, над воротами которого Данте прочитал слова:

Per me si va nella citta dolente
Per me si va nell'eterno dolore
Per me si va tra la perduta gente...[95]

"Люцифер", май 1888 г.
/Salpe'tri`ere, The'osophique/

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОГРЕСС В ТЕОСОФИИ

Что бы ни думали о теософии и теософском движении, время показало, по меньшей мере то, что они не являются эфемерными, как это казалось вначале американской и зарубежной прессе. Теософия заняла, по-видимому, некое постоянное место в современной мысли, подтверждая, таким образом, справедливое наблюдение, сделанное сэром Джоном Гершелем, который сказал, что "великое, и на самом деле единственное свойство истины – это ее способность выдержать проверку на универсальность и выйти неизменной из любой возможной честной дискуссии".

К сожалению, теософия до сих пор никогда не имела шанса на такую дискуссию; но это должно случиться. Она представлялась в наиболее гротескном свете, полностью

[95] Я ухожу к отверженным селеньям.
Я ухожу сквозь вековечный стон,
Я ухожу к погибшим поколеньям...

искажающем ее вид. За немногими исключениями, даже ее друзья обнаружили в своих публикациях, весьма несовершенное понимание вопроса. Если бы ее достоинства обсуждались отдельно от личностей, с которыми связано движение, то без сомнения она имела бы сейчас гораздо большую популярность, чем имеет. Множество признаков указывает на это. Наиболее энергичные попытки теологических и ученых фанатиков, использование ими насмешек, сарказма, искажений и опровержений, не смогли предотвратить рост Теософского общества и его влияния, и воспрепятствовать распространению теософских идей во всем мире. Вряд ли даже самые большие оптимисты среди организаторов нашего общества могли мечтать о таком успехе, которым были вознаграждены их труды. Маленький кружок мыслящих мужчин и женщин, встретившихся в гостиной на Ирвинг-плейс летним вечером 1775 года, создали нечто лучшее, чем они предполагали (со своим неразвитым предвидением), когда принимали решение создать такую ассоциацию.

Нас часто спрашивают: "Какова общая цель Теософского общества? Cui bono (кому на пользу) весь этот труд, вся эта энергия, тратившаяся с самого начала на то, чтобы плыть против сильного течения общественных предрассудков, сектантской ненависти и непопулярности? Каждая из хорошо известных целей общества[96] не только имела, но и имеет своих учителей и последователей в прошлом и настоящем. Ваша первая цель, а именно братство людей, лежит в самой сути христианства; ваша вторая цель поддерживается азиатскими обществами, музеями и всеми ориенталистами; что касается вашей третьей цели, то лучше бы она оставалась в руках людей науки, которые уже проанализировали критически спиритуализм и подорвали месмеризм, а теперь – под руководством Общества Психических Исследований – собираются заняться вопросом о переносе мыслей, иллюзиях жизни и Теософском обществе".

Мы отмечаем, что "кукушка" О. П. И. снесла свои первые яйца в гнездах теософии и спиритуализма;[97] очевидно, оно имеет такое же отношение к науке, как и к своим двум приемным матерям, и оно может сохранять с ней близкие отношения только как вознаграждение за предательство последних и низкопоклонство перед материалистической наукой. Возражая на первые два утверждения, теософы хотели бы спросить христиан и ориенталистов, что же они сделали в своих собственных областях, чтобы осуществить на практике две наши первые цели? Не имея полной уверенности, я все же должна отметить, что все это было лишь разговором и теорией. Привела ли Нагорная проповедь, несмотря на всю ее нравственную красоту, к тому, чтобы так называемые христианские народы обращались друг с другом в духе христианства, или к тому, чтобы они предложили братство народам и племенам Азии и Африки, которых они подчинили себе силой оружия или обманом? И предотвратила ли философская проницательность профессора Макса Мюллера, который показал нам тридцать лет назад, что одна и та же арийская кровь течет в коричневом теле индийского сипая и под бледной кожей английского лорда и британского бакалейщика, от того, чтобы правящие англо-индийцы предоставили многочисленные доказательства своего высочайшего презрения по отношению к азиатским подданным королевы-императрицы?

Некоторые называют Теософское общество – "Британским Азиатским Обществом плюс филантропия"; а поскольку в последнем отсутствует инстинкт братских устремлений и оно слишком часто обнаруживает желание приносить истину в жертву теологическим пристрастиям, то его деятельность в течение почти ста лет принесла в арийскую философию, религию и науку больше тьмы, чем света. Что касается третьей цели, то необходимо сказать о работе О. П. И., а также французских гипнотизеров Парижа и Нанси, что, накапливая массу важных фактов для будущих философов, они, за очень малым исключением, пытались, в лучшем случае, дать искаженную интерпретацию явлений, которые они не могли подвести

---

[96] 1. Братство людей; 2. Изучение восточных философий; 3. Исследование скрытых сил в природе и человеке. См. ниже.

[97] Истинным инициатором и основателем Общества Психических Исследований был "М. А. Оксон" (м-р У. Стентон Мозес), в настоящее время – издатель журнала "Свет". Это он, будучи членом Теософского общества, первым предложил образовать некое общество для исследования аномальных явлений на путях давно скончавшегося "Диалектического общества". Этот джентльмен, вероятно, много раз пожалел об этой идее. Это общество, потомок спиритуализма и теософии, доказало свою предательскую сущность, хотя и без особого успеха до сих пор.

под "теорию мошенничества". Все их обязательства были принесены на алтарь Молоху материализма.

Поскольку невозможно отрицать, что эта склонность к материализму быстро прогрессировала в последние полстолетия под влиянием университетской мысли, становится очевидным, что образование Теософского общества в тот момент, когда оно возникло, было исключительно своевременным, и представляло собой шаг в направлении защиты истинной науки и истинной религии от поверхностного знания, которое становилось все более и более самонадеянным. Опыты Шарко в больнице "Salpetriere" были объяснены приверженцами его материалистической школы столь неудачно, что появление древней эзотерической философии на арене западной мысли стало жизненно необходимым. Виднейших западных экспериментаторов уже обвиняли в том, что "непроходимая пропасть" Тиндаля и "непознаваемое" Спенсера никогда не могут быть преодолены без чего-то, включающего в себя арийскую эзотерическую доктрину. Интерес культурных слоев общества и любопытство, возникающее в каждой стране, где появляется теософ или теософия, популярность теософской и мистической литературы во всем мире, обогатившая многих издателей и писателей, – все это указывает на появление в христианском мире одновременно и отчаяния, и надежды; утраты веры в то, что наука когда-нибудь разгадает эту тайну жизни, и надежды на то, что решение может быть найдено в тайной доктрине.

Теософское движение было необходимостью этого века, и оно распространилось в соответствии со своими собственными побуждениями, и не требует никаких добавочных методов. Во-первых, оно не могло рассчитывать ни на деньги или пожертвования, ни на общественную или государственную поддержку. Оно взывало к определенным человеческим врожденным потребностям и устремлениям, и поддерживало возвышенный идеал способности к совершенству, с которым вступали в конфликт официально принятые интересы общества, и против которого они были обречены бороться. Его сильнейшим сторонником было острое желание людей пролить свет на проблему жизни, а также выработать благородные представления о происхождении, судьбе и потенциальных возможностях человеческого существа. В то время, как материализм и его собрат, секуляризм, были направлены на разрушение не только теологии и сектантского догматизма, но даже и религиозной концепции божественной Сущности, задача теософии состояла в том, чтобы объединить людей разных религий в исследовании истинных основ религии и научном доказательстве непрерывного существования высшей Сущности. С благодарностью, принимая результаты научного исследования и выявление теологических ошибок, допуская научные методы и положения, адвокаты теософии пытаются сохранить в остатках культов драгоценные крупицы истины, имеющиеся в каждом из них. Отвергая теорию чудесного и сверхъестественного, они пытаются проследить родство внутри семейства мировых религий и выяснить их согласованность с наукой.

Растущая склонность общественной мысли в направлении теософии, по-видимому, представляет собой реакцию на иконоборческое влияние школ полковника Ингерсолла и м-ра Бредлафа. Безусловно, имеются тысячи так называемых свободомыслящих, искренне верящих в исчезновение личности при умирании тела; но в связи с фактом недавнего обращения миссис Анни Безант от секуляризма к теософии, и связанных с ним дискуссий, может показаться, что есть множество людей, считающих себя последователями двух вышеупомянутых авторитетов, и которые являются таковыми вследствие незнания взглядов, присущих теософии. Мы, руководители и члены Теософского общества, осмеливаемся, поэтому надеяться, что при более широком распространении наших взглядов, мы увидим очень большое подспорье нашему делу со стороны секуляристских кругов. Конечно, это должно рассматриваться как польза для друзей духовного, находящихся в оппозиции к материализму, – в любом случае, тем, кто понимает, что нравственность, мир и благосостояние будут поддержаны универсальной верой в жизнь после смерти (или вечную, или прерываемую сериями перевоплощений на одной и той же земле), и в то, что человек обладает высшей, бессмертной СУЩНОСТЬЮ, потенциальными духовными силами и сознанием.

Самое худшее для общества, особенно для его религиозных чувств, состоит в том, что органы сектантского фанатизма так хорошо преуспели благодаря искажению фактов, неистовой лжи, откровенной фальсификации, в том, чтобы представлять Теософское

общество и наше дело в неверном свете в течение последних четырнадцати лет. Клерикальные органы не одиноки в своей презренной и бесполезной работе, поскольку еженедельники спиритуалистов в Соединенных Штатах столь же ожесточенны и лживы в своем неустанном отрицании теософии. Злобные выпады и поношение от интеллектуальных апостолов "спиритических путеводителей" и "руководств" по "Саммерленду" множились пропорционально росту Теософского общества. Реакция на последнее совещание, проведенное американскими теософами в Чикаго 29-30 апреля с. г. [1890],[98] представляет собой прекрасный пример этой слепой и яростной ненависти. Таков был решительный и беспрецедентный успех последней встречи, что даже ведущие газеты Чикаго и других городов должны были признать этот факт, впервые не находя ничего, кроме слов симпатии по отношению к теософам.

Лишь печатные органы "распущенных благодетелей" с тем же успехом изливают на нас свой гнев, издевательства и грубую клевету. Но мы не обращаем внимания на них. Почему же? Сильнейшая враждебность и самое низкое вероломство не способны изменить наши идеи, принизить наши цели, опровергнуть разумность наших методов или навязать нам эгоистические, неблагородные мотивы. И поскольку провозглашенные нами принципы являются не только неопровержимыми, но и специально рассчитаны на то, чтобы принести добро человечеству, эти заговорщики и клеветники самым примитивным образом удерживают множество людей с религиозными склонностями от того наслаждения, которое они могли бы получить, если бы поняли, что представляет собой теософия на самом деле, и сделали бы ее руководящим принципом в своих поступках.

Если справедливость является законом природы, а несправедливость – временным злом, то ужасным должно быть возмездие, которое навлекли на свои головы эти люди, ведомые по ложному пути. Страдание же, которое претерпели мы, лишь дисциплинировало нас и научило нас быть еще более преданными эзотерической доктрине ради нашего спокойствия и ободрения.

Поскольку темой данной работы является современный прогресс нашего движения, ситуация в этом вопросе может быть лучше всего проиллюстрирована статистическими данными. Чтобы избегнуть многословия, начнем с 1884 года, когда лондонское Общество Психических Исследований осуществило рейд против нас. Из официального отчета за этот год оказывается, что на 31 декабря 1884 года в разных частях света существовало 104 отделения Теософского общества. В 1885 году, как ответ на клевету против нас, возникло 17 новых отделений; в 1886 – 15; в 1887 – 22; в 1888 – 21; и к 1 сентября 1889 года – 17. К 31 декабря 1888 года 6 отделений перестали существовать, при этом остались работать 173; поскольку в 1889 году были добавлены новые группы, то в сумме сейчас имеется 190 отделений, из которых должны быть исключены те, которые распались в последние 12 месяцев. Однако мы не слышали ни об одном из таких. Наоборот, к июню 1890 года мы насчитываем более 200 отделений.

В Англии – стране, где теософия должна совершать более тяжелую работу, чем в каком-либо другом месте, – три года назад имелось лишь одно-единственное отделение – "Лондонская Ложа" Теософского общества, насчитывающая около 150 членов. Со времени прибытия автора в Англию и образования в июне 1887 года так называемой "Ложи Блаватской" (в которой сейчас состоит свыше 300 действительных и ассоциированных членов), в разных центрах Великобритании было образовано двенадцать отделений Теософского общества, и число их членов увеличивается с каждым днем. Рост нашего Общества в этой консервативной стране поражает даже в сравнении с тем, что было в Соединенных Штатах Америки. Таким образом, начиная с рейда 1884 года, рост происходил со скоростью около 19 новых отделений в год, и конечный подсчет 1889 года показывает такой же большой прирост. Если разделить 104 – общую сумму в конце 1884 года – на 10 (число лет со времени основания Общества), мы получаем среднегодовой прирост, равный 10.4 отделения; таким образом, оказывается, что вопреки надеждам организаторов этого рейда, Теософское общество вовсе не прекратило свое существование, а наоборот заметно увеличило среднюю скорость своего распространения как в отношении своей численности, так и географии.

---

[98] В настоящее время имеются тридцать восемь отделений Теософского общества в Соединенных Штатах; весьма заметная активность проявляется и на Тихоокеанском побережье.

Бесполезно напоминать американскому читателю о непрекращающемся систематическом преследовании, которому подвергается, и подвергался в течение многих лет, автор этих строк (а также, благодаря этому, и теософия) со стороны различных врагов, упорных и подлых. Если до сих пор ни заговоры, ни прямые атаки не могли серьезно потрясти Общество или воспрепятствовать его движению, то ничего с ним не случится и в будущем. Мы можем лишь повторить с благодарностью и в слегка измененном виде христианское высказывание, столь применимое сейчас к нашему движению: "Кровь мучеников – это семя теософии". Наше общество проделало так много хорошей работы, посеянные им зерна добра столь очевидны даже среди кучи мякины, что это не может не создать надежный фундамент для храма истины не только в отдаленном, но и в ближайшем будущем.

Ибо теософская литература быстро растет. У нас есть семь основных центров публикации – Мадрас, Бомбей, Цейлон (Коломбо), Стокгольм, Лондон, Париж и Нью-Йорк. Стокгольмское отделение, основанное около года назад, имеет более ста членов, и наша литература в Швеции быстро распространяется. Маленький Цейлон три месяца назад имел двадцать одно отделение, а сейчас имеет, по-видимому, еще больше. Мадрас является главной штаб-квартирой Общества, официальной резиденцией президента и администрации, и здесь же находится редакция "Теософиста". В Бомбее находится "Теософский издательский фонд", созданный и руководимый м-ром Тукермом Татья, индийским теософом, который публикует важные работы на санскрите и английском; об этом говорил с большой похвалой профессор Макс Мюллер в письме, опубликованном в "Теософисте" и "Люцифере". В Лондоне имеется "Теософское издательское общество", которое издает журнал "Люцифер" (редакторами которого являются миссис Анни Безант и я), серию брошюр, озаглавленных "Т. И. О.", выходящих каждые две недели, и много новых теософских работ.

Следуя хорошему примеру Арийского Теософского общества Нью-Йорка – штаб-квартиры теософского движения в Америке – в Лондоне в мае этого года был создан комитет для широкого распространения по почте листовок с теософскими доктринами, причем каждый член Общества отвечает за определенный район. За первые месяцы действия этого "проекта почтовых отправлений", Арийское Теософское общество в Нью-Йорке распространило свыше 150 000 материалов по теософии и ее доктринам. В Париже год назад начало выходить ежемесячно "Теософское Обозрение" ("Revue Teosophique"), редактируемое мной и руководимое графиней д'Адемар; сейчас (с марта) появился еще один теософский журнал, "Голубой Лотос" ("Le Lotus Bleu"); я являюсь его редактором, а руководит им Артур Арнольд, хорошо известный в Париже журналист и президент парижского Теософского общества – "Гермес". В Нью-Йорке мы имеем журнал "Путь" ("The Path"), редактор которого, м-р В. К. Джадж, издает также ряд книг и брошюр. Существование этих центров неопровержимо свидетельствует о том, что наше движение постоянно разрастается, и что все предвзятые и злобные сообщения, говорящие о противоположном, лишены всяких оснований.

Но вершиной и славой Теософского общества является наша Адьярская библиотека, являющаяся любимым детищем нашего президента. Хотя она основана только три года назад, она уже приобрела большую коллекцию восточных работ величайшего значения, состоящую из 3 046 томов; кроме того, свыше 2 000 работ на европейских языках и ряд редких рукописей на пальмовых листах. Говоря словами нашего ученого библиотекаря, пандита Н. Бхашьячарья (к сожалению, недавно умершего):

"Отдел буддийской литературы богаче, чем в какой-либо индийской библиотеке, и, вероятно, близок к тому, что имеется во многих европейских странах[99]. Наиболее важными среди этих работ являются: 1). Щедрый подарок миссис Диас Илангакун, буддийского теософа из Матары, Цейлон, "полный текст палийской версии Трипитаки, записанной на пальмовых листах и состоящий из шестидесяти томов, около 5 000 страниц. Двенадцать писцов в течение двух лет копировали тома из уникальной коллекции в Мериссе", – коллекции, стоимость которой составляет 3 500 пожертвованных рупий. 2). Секта Джодо японских буддистов подарила полковнику Олькотту "полный текст китайской версии

[99] Подробности смотри в содержательной статье пандита Н. Бхашьячарья, заведующего Восточной секцией Адьярской библиотеки, в "Теософисте" за август 1889 г.

Трипитаки в 418 томах на шелковой бумаге"... другие "японские секты подарили ему в общей сложности 1 057 томов". 3). Двадцать два свитка с рисунками на шелке и бумаге... два из которых сделанные на шелке, как утверждают, старше 800 лет, а одна рукопись, возрастом 350 лет, написана тончайшими золотыми чернилами на свитке из очень гладкой черной бумаги, 33 фута длиной, намотанной на валик"[100].

Таковы некоторые из уникальных сокровищ, книг и реликвий Адьярской библиотеки Теософского общества, "собранные с величайшими трудностями ввиду полного отсутствия денежной поддержки и общественного покровительства"; библиотека "до сих пор не получила от какого-нибудь правительства ни одной книги и ни одной рупии". Эта библиотека переживет своих создателей и всех нынешних членов Теософского общества, и будет свидетельствовать о проделанной ими работе, когда многое другое будет забыто.

Бросив быстрый взгляд на общие аспекты Общества, так, как они выглядят сейчас, я хотела бы очень коротко обрисовать три основных принципа, на которых оно строится, и изложить результаты, достигнутые по каждому из этих направлений.

Три официально провозглашенные цели нашего Общества состоят в следующем:

1.Образование ядра всеобщего братства людей, без различий расы, верований, пола, касты или цвета кожи.

2.Усиленное изучение арийской и других восточных литератур, религий, философий и наук.

3.Третья цель, преследуемая отдельными членами Общества, заключается в исследовании необъясненных до сих пор законов природы и психических способностей человека.

Таким образом, существуют две обширные цели, и одна – узкая цель. Каждый вступающий в Общество должен симпатизировать теории совершенного братства: братства, которое существует на уровне высшей личности, а не на уровне расовых, социальных и умственных различий и антипатий. Эти элементы расхождений принадлежат физическому человеку и являются результатом неравного развития в условиях закона эволюции. Мы считаем, что человеческое тело является лишь раковиной, оболочкой, или покровом истинной сущности; те, кто принимает эзотерическую философию и теорию "кармы" (универсального закона этической причинности), верят, что сущность, путешествуя вместе со всей массой человеческих существ по определенным большим и малым циклам бытия, выбирает при рождении разное тело, которое она сбрасывает в момент смерти под воздействием этого кармического закона. Хотя сущность может таким образом "одеваться" и "переодеваться" тысячи раз в последовательных перевоплощениях, сама по себе она неизменна и не способна к изменению, и обладает божественной природой, высшей, по сравнению со всеми условиями земного плана. Только физическое тело имеет ту или иную расу, цвет кожи, пол, разнообразные привязанности, амбиции и любовь. Таким образом, когда мы постулируем идею всеобщего братства, мы хотим, чтобы она не понималась лишь как утопия, хотя мы и не мечтаем о ее быстром воплощении на пути общественных или национальных отношений. Скорее всего, если этот взгляд на родство всех людей в масштабе человечества получит всеобщее признание, то чувство моральной ответственности, порожденное им, могло бы привести к исчезновению большинства общественных бед и международных жестокостей, поскольку миром тогда руководил бы истинный альтруизм, вместо современного эгоизма. Таким образом, мы выдвигаем это торжественное заявление об альтруизме как первую из декларированных нами целей, и пытаемся практической деятельностью обеспечить появление лучших законов.

Вторая из объявленных нами целей так хорошо говорит сама за себя, что нет никакой необходимости останавливаться на ней подробно, разве что в наиболее неподдающейся

---

[100] "Здесь имеется также", – пишет ученый брамин-библиотекарь, – "большая картина, на которой изображены яркими красками 137 сцен из жизни основателя секты Джодо; ... и древняя биография адепта-основателя движения Ямабуси, или братства людей с необычными способностями, и его портрет в виде свитка, вместе с некоторыми огненными элементалами, которые он подчинил своей воле. Доктор Бигелоу из Бостона, находящийся сейчас в Токио, любезно предоставил фотографию бронзовой группы, изображающей Кобо-дайши, адепта-основателя секты Шин-зор, вместе с двумя малыми элементалами, которые служат ему как посланники и прислуга". Все это показывает, что теософский "козел отпущения", Е. П. Блаватская, не придумала ни братства Адептов, ни "элементалов", поскольку об их существовании было хорошо известно в течение многих столетий в Японии, Китае и Индии.

обобщению области. Основатели Теософского общества исходили из того, что у них есть все основания предполагать существование в скрытом виде в древней литературе Индии, Цейлона, Тибета, Китая, Японии и других восточных стран большого количества истин, которые могли бы быть очень важными и полезными для нынешних поколений, если бы их можно было бы сделать доступными. Лучше всего для этой работы могли быть использованы восточные ученые, знающие древние языки, в особенности те из них (если только их можно найти), кто был обучен скрытому значению имен, рисунков и выражений, которыми полны азиатские тексты, и которые приводят в отчаяние наших западных ориенталистов. Эти ученые являются священниками различных религий и пандитами, или профессорами, в некоторых восточных философских школах. Никогда до сих пор они не работали вместе в интересах всего человечества, поскольку их личные взгляды в большой степени антагонистичны, а их религии и философские книги часто противоречат друг другу. Никакая схема кооперации между ними не могла быть реализована иначе, чем в рамках, определенных нашей первой целью, то есть на основе теории всеобщих отношений между людьми в плане высшей личности, и политики невмешательства в то, что касается взаимоотношений на уровне низшей личности, то есть физического человека. Далее будет показано, как работала эта часть нашей схемы.

Рассмотрим третью декларацию, в соответствии с которой лишь некоторые из наших собратьев занимаются исследованием оккультных свойств материи и психических способностей человека. Таким образом, Общество в целом не участвует в этой области исследований. Это естественно, поскольку из каждых десяти тысяч людей можно встретить лишь одного, принадлежащего к очень небольшому меньшинству тех, кто имеет время, склонность или возможность совершать эту деликатную и трудную работу. Те, кто делает эту работу, – прирожденные мистики и, без сомнения, настоящие теософы; теософом является тот, кто ищет божественной мудрости, то есть постижения конечных причин сил, соотношений и психического развития, а также метода решения всех загадок жизни. Люди с такими наклонностями не могут быть фанатиками; их раздражает сектантское ярмо, их сердца согреты симпатией по отношению ко всем тем, кто страдает, кто стонет под социальным гнетом, проистекающим из невежества, к людям любой расы, вероисповедания или цвета кожи, которые стремятся к знанию. Эти люди являются истинными теософами, братьями человечества, и, в своей наиболее совершенной форме, – представителями духовности, проводниками, учителями, благодетелями нашей расы. Мы полагаем, что вполне правильно заявить такую программу исследования и самопознания в качестве последней из наших трех целей. Мистические философские книги в наше время, так же как и в прошлые времена, писались для тех, кто заинтересован в этом, для всех вопрошающих, которые способны их найти и вдохновиться ими. Для широкой публики эти книги – все равно, что черная икра, к которой они не привыкли.

Рассматривая вышеизложенные наши цели по порядку, посмотрим, что было достигнуто в действительности за четырнадцать лет существования Теософского общества. Сводка будет сделана на основании официальных документов, которые могут быть в любое время проверены. Во-первых, что касается первой цели, позволительно заметить, что мы работали в рамках самого широкого из возможных охватов, имея дело как с народами в целом, так и с отдельными людьми или небольшими группами. Полковник Олькотт и я переехали из Нью-Йорка в Бомбей в начале 1878 года, и тогда же мы установили контакты между западными исследователями восточного мистицизма и некоторыми образованными индусами и сингалезцами. На Востоке мы нашли разделение на секты, касты и расы, древние религии были в забвении, не ценимые образованными слоями общества; расовая гордость, почтение к предкам и патриотический дух почти исчезли. Сегодня путешественник будет поражен проявлениями братства, которые начали преобладать; оживлением интереса к обычаям, достижениям и литературе предков; горячим патриотизмом, кульминацией которого явилось образование Индийского Национального Конгресса – политического образования, с которым наше Общество не имеет прямых связей, хотя оно и было организовано нашими индийскими и англо-индийскими последователями.

Вскоре после нашего прибытия в Бомбей, наше Общество начало расти, количество отделений быстро увеличивалось, и стало необходимым проведение ежегодных совещаний делегатов, представляющих это широко-разветвленное Общество. В ответ на предложение

президента, тридцать разрозненных отделений прислали в качестве представителей на первое совещание в Бомбее последователей индуизма, парсизма, буддизма, мусульманства, иудаизма и христианства. Этот состав был уникальным в истории Индии и вызвал широкие комментарии в прессе. Во время встречи в Институте Фрамджи Кавасджи, на трибуну последовательно выходили представители вышеперечисленных религий, соревнуясь друг с другом в горячих уверениях во взаимной терпимости и доброй воле, которые сопровождались шумными аплодисментами аудитории. Таким образом, возникло отчетливое представление о всеобщем братстве, и прозвучала благая весть религиозной тепимости в той части света, где раньше процветала лишь сектантская ненависть и классовый эгоизм.

Это было в 1882 году. С тех пор такое совещание происходило ежегодно в качестве парламента для организации работы Общества; при этом не возникало ни малейших разногласий сектантского или расового характера. Вся Индия оставалась под благотворным влиянием, исходящим от этих собраний, благодаря деятельности делегатов в своих территориальных округах и среди своего народа; и когда началась политическая агитация и был созван Национальный Конгресс, он действовал с учетом наших позиций, и его организаторы и руководители в значительной степени состояли из членов нашего Общества, которые участвовали в качестве делегатов на наших совещаниях.

Помимо содействия в плетении золотой паутины братства во всей Индии, наше Общество протянуло свои отделения до Цейлона, Бирмы, Сиама и Японии, и привело эти народы к братским отношениям с индусами, несмотря на религиозные различия, создавая таким образом каналы для международных взаимодействий по вопросам религии и образования. В этих странах мы также сеяли те же семена доброй воли, а на Цейлоне мы уже собираем урожай. На этом вечнозеленом райском острове мы оживили буддизм и начали очищать его, организовали высшие школы, взяли под свой надзор около пятидесяти средних школ, распространяли литературу во всех частях острова, убедили правительство объявить день рождения Будды общенародным праздником, основали два журнала, создали типографию и обеспечили прямые контакты сингалезских буддистов с их японскими единоверцами.

Вот что было сделано нами в Индии и на дальнем Востоке. Что касается Европы, то поскольку мы начали работу здесь лишь три года назад, результаты ее лишь начинают быть ощутимыми. Тем не менее, в Лондоне, в самом центре процветающего материализма, мы основали в Истэнде первый клуб работающих женщин, полностью свободный от теологических установок. До сих пор все такие попытки имели сектантский характер, так как были связаны с теми или иными религиозными взглядами; наши же основаны всего лишь на братстве, при этом никакое различие в верованиии не рассматривается как препятствие. Когда, через несколько недель, клуб откроется, его члены окажутся в светлом и уютном доме, где для них будут легко доступны книги, газеты и музыка, и где группа их более образованных сестер по очереди, раз за разом, будет нести службу помощи и руководства – но не контроля – за вечерним досугом.

Только те, кто знает тоскливую жизнь наших бедных истэндских девушек, с искушениями, присущими любым формам доступного для них удовольствия, сможет понять братскую природу службы, предоставленной им таким образом. Мы (образованные классы) делаем изгоями этих менее счастливых членов нашей семьи, заставляем их селиться в специальной части города, среди грязных окрестностей и грубых влияний; а затем мы жалуемся, что их грубость шокирует наши тонкие чувства, их резкость дисгармонирует с нашей деликатностью! Таким образом, здесь Теософское общество провозглашает Братство Людей, выступая против классовых различий, так же, как в Индии оно выступает против кастовых различий.

Что касается возрождения восточной литературы, то вся пресса Индии, Цейлона и Японии бесспорно заявляет, что мы сделали в этом направлении больше, чем какая-либо другая служба в наше время. Мы не только помогли возродить в Индии древние толы, или пандитские школы санскритской литературы и философии, а также пробудить уважение к истинным йогам, или святым подвижникам, но мы также создали потребность в перепечатках и переводах древних санскритских классиков, которая удовлетворяется частым изданием работ такого рода в Калькутте, Бомбее, Бенаресе, Лукноу, Лахоре, Мадрасе и других индийских литературных центрах.

Наиболее важными среди них являются Веды, Бхагавад Гита, труды Шанкары, Патанджали, и других знаменитых арийских философов и мистиков. Народ Азии публично и несомненным образом выразил свою признательность и уважение к нам за то, что мы сделали в рамках второй из объявленных нами целей. Нельзя не заметить и того, что доминирующий интерес к теософии и к мистической восточной философии в целом, который вынужден будет заметить любой непредвзятый наблюдатель во всей Европе и Америке, прямо или косвенно является результатом деятельности нашего Общества. Справедливость этого утверждения достаточно легко понять, если учесть, что имеется 38 отделений Общества в Соединенных Штатах, и многие – в различных европейских странах, и среди их членов имеется немало высококультурных мужчин и женщин, в том числе выступающих в прессе. Конечно, не мне говорить о том, в какой мере помогли созданию этой новой склонности западного ума книги, которые я написала, и журналы на английском и французском языках, которые я издавала и продолжаю издавать. Достаточно того, что такая склонность существует. Для теософов это является предзнаменованием появления нового религиозного сознания в мире, предвестником нового союза между наукой и религией, и мира между добрыми людьми самых несовместимых друг с другом сект.

Теперь, что касается третьей цели в нашем списке. Собственно говоря, термин "психические исследования" должен включать в себя крупное движение, известное как современный спиритуализм. Но этот предмет слишком обширен, чтобы его можно было рассмотреть в ограниченном пространстве одной статьи. Достаточно сказать, что многие исследователи научились различать более точно разные классы явлений, и многое было сделано для того, чтобы ослабить сентиментальное и нефилософское суеверие, вследствие которого бестелесные "духи" являлись страдающими очевидцами глупостей и преступлений живых людей. Все, что относится к деталям и заключениям, которых мы достигли по этому вопросу, читатель может узнать в книге "Ключ к теософии", где этот вопрос рассматривается подробно.

По крайней мере, мы можем утверждать, что предоставили мыслящей публике логическую, последовательную и философскую схему происхождения человека, его судьбы и эволюции; схему, превосходящую все остальные по причине своей строгой приверженности к истине. И мы можем расширить наш критерий истины таким образом, чтобы распространить наши исследования на проблемы, касающиеся природы менее известных сил, – космических и психических. На эту тему написаны многие из наших книг, и многие наши переиздания старых работ, с комментариями или без них, выбраны исходя из того, насколько они проливают свет на эти quaestiones vexatae [мучительные вопросы].

Коротко говоря, нашей целью является помощь, хотя бы в некоторой степени, в достижении правильных научных взглядов на природу человека, которые для нынешнего поколения представляют собой способ реконструкции дедуктивной метафизической или трансцендентальной философии, являющейся единственным твердым и непоколебимым основанием любой религиозной философии. Теософия, универсальный растворитель, выполняет свою миссию; переливчатые краски зари современной психологии смешиваются вместе, и все они вольются в совершенный дневной свет истины, когда солнечный диск восточного эзотеризма поднимется в зенит.

В течение многих долгих лет "великая сирота", Человечество, громко плакало в темноте, прося руководства и света. Среди возрастающего великолепия чисто материального прогресса и науки, которая питает интеллект и оставляет дух голодающим, Человечество, смутно чувствуя свое происхождение и, предвидя свою участь, протянуло к Востоку пустые руки, которые может наполнить одна лишь духовная философия. Стремясь уйти от всякой розни, подозрительности, ненависти, которые разрывают саму его жизнь, оно просило о каком-нибудь надежном фундаменте, на котором можно бы было построить солидарность, какую-либо метафизическую основу, на которой могли бы произрастать самые возвышенные общественные идеалы. Только Учителя восточной мудрости могут создать такой фундамент, который одновременно удовлетворит и интеллект, и дух, и сможет уверенно провести Человечество через ночь к "заре великого дня".

Такова цель, которую теософия намерена достичь; такова история современного движения; такова работа, которую теософия уже осуществила в нашем веке.

No. Am. Review, август 1890 г.

ОТДЕЛ IV
РАЗОБЛАЧЕНИЕ СПИРИТУАЛИЗМА

Ничто не прощается так неохотно,
как различие мнений.

Р. Эмерсон

ОТСУТСТВИЕ ЕДИНСТВА СРЕДИ СПИРИТУАЛИСТОВ[101]

Я лишь исполнила свой долг; во-первых, по отношению к спиритуализму, который защищала, как могла от обвинений в мошенничестве из-за его слишком откровенной маски научности; затем – по отношению к двум беспомощным, оклеветанным "медиумам" (последнее слово ныне очень быстро становится синонимом слова "мученик"); во-вторых, я внесла свою лепту в то, чтобы раскрыть глаза равнодушной публики на реальное и специфическое значение таких людей, как доктор Бэрд. Но вынуждена признать, что в действительности я не верю, что совершила нечто полезное для спиритуализма или, по крайней мере, что-либо практически полезное; и я не питаю надежды когда-либо совершить такое, даже если целую вечность буду забрасывать все американские газеты опровержениями той лжи, которая высказывается так называемыми "разоблачителями от науки".

С глубокой печалью в сердце я признаю этот факт, ибо начинаю думать, что это действительно факт. Более 15-ти лет я сражалась за благословенную истину; я путешествовала и проповедовала ее (хотя никогда не умела читать лекции) от снежных вершин кавказских гор до песчаных берегов Нила. Я доказывала истинность моих слов на практике и силой убеждения. Ради спиритуализма я покинула родной дом, легкую жизнь среди цивилизованного общества и превратилась в странницу. Я уже видела осуществление своих надежд, превосходящее все самые оптимистические ожидания, когда в безудержной жажде знаний моя несчастливая звезда привела меня в Америку.

Зная, что эта страна – колыбель современного спиритуализма, я приехала сюда из Франции с чувством, похожим на то, которое испытывает мусульманин, приближаясь к месту рождения Пророка. Я забыла, что "пророку нет чести в своем отечестве". Я здесь чуть менее четырнадцати месяцев, но мой печальный опыт лишь подтвердил эту вечную истину.

То, что я сделала в защиту феноменов, я всегда готова повторять до тех пор, пока во мне останется хотя бы капля жизни. Но что пользы от этого? В России существует мудрая пословица: "Один казак в поле не воин". Также обстоит дело со мной и с другими несчастными борцами, которые подобно разведчикам посланы далеко вперед армии и вынуждены сражаться и защищать доверенное им в одиночку. Среди спиритуалистов нет единства, нет сердечного понимания. Судья Эдмонс сказал несколько лет тому назад, что ряды спиритуалистов только в этой стране насчитывают свыше 11 миллионов человек, и я верю этому, но в этом случае ситуация становится еще более печальной. Когда один человек осмеливается бросить вызов такой значительной организации, как это делал, и будет делать доктор Бэрд, для этого должны быть веские причины. Его оскорбления грубы и вульгарны, однако он бросает их столь безбоязненно, что не остается и тени сомнения – он прекрасно знает, что может свободно и безнаказанно поступать так. Год за годом американские спиритуалисты позволяли насмехаться и издеваться над собой всем, кому бы это ни пришло в голову, а их протесты были настолько слабы, что еще более убеждали противников в их слабости. И разве я не права, утверждая, что во всей этой смехотворной полемике больше повинны сами спиритуалисты, чем доктор Бэрд? Нравственная трусость вызывает презрение. Как можно ожидать, что такой жонглер от науки, как доктор Бэрд, будет уважать некую организацию более, чем она сама уважает себя?..

---

[101] Настоящий раздел состоит из выдержек из письма мадам Блаватской в журнал "The Spiritual Scientist"

Мое скромное мнение таково: большинство наших спиритуалистов слишком обеспокоены своей "респектабельностью", когда дело доходит до признания и доказательства их "веры". Согласитесь ли Вы со мной, если я скажу, что боязнь общественного ареопага имеет такие глубокие корни в сердцах американцев, что попытка вырвать эту боязнь равносильна расшатыванию всей системы общества сверху донизу? "Респектабельность" и "мода" заставили уже не одного истинного материалиста выбрать ради внешней видимости англиканскую или другие обеспеченные церкви. Но спиритуализм пока не "моден", и беда именно в этом. Несмотря на огромное, постоянно увеличивающееся число спиритуалистов, он все еще не завоевал права на гражданство. Его основные лидеры не облекаются в золотые и пурпурные одеяния; в рядах спиритуалистов, как и в христианстве в начале его истории, больше простых, бедных и страдающих людей, чем могущественных и богатых. Спиритуалисты из среды последних редко дерзнут публично, и смело заявить о своей вере перед лицом всего мира; гибридный монстр общественного мнения слишком много для них значит; а разве мнение бедных и простых людей волнует подобных доктору Бэрду? Такие люди как Бэрд прекрасно знают, что ни одна гордая каста современных фарисеев не назовет их оскорбительными словами "дураки" и "слабоумные идиоты" и не обвинит в легковерии; они считают себя спиритуалистами, и, возможно, уже давно, но если и осмелятся заметить оскорбление, то лишь наподобие трусливого апостола: "Говорю, я не знаю его!"

Святой Петр – единственный из одиннадцати оставшихся учеников, кто трижды отрекся от Христа перед фарисеями; и именно поэтому в католической церкви он наиболее почитаемый изо всех апостолов; он избран главенствующим апостолом самой богатой, самой гордой, жадной и лицемерной церкви христианства. И так, полухристиане и полуверующие нового обета, большинство из одиннадцати миллионов спиритуалистов лишь одной ногой вступили на порог спиритуализма, тогда как другой твердо стоят на ступенях, ведущих к алтарям "модных" вер, всегда готовые в случае опасности переметнуться под защиту последних. Они знают, что под прикрытием такой "респектабельности" они в полной безопасности. Кто осмелится обвинить в "легкомысленной глупости" члена какого-либо "модного прихода"? Под могущественной и священной сенью какого-либо из этих "столпов истины" любое отвратительное преступление может быть моментально превращено в небольшое, мелкое отступление от христианской добродетели. Юпитера, независимо от его многочисленных похождений в стиле Дон Жуана, неослабно почитали как "Отца Богов"!

"The Spiritual Scientist", 3 декабря 1874 г.

СПИРИТУАЛИЗМ И СПИРИТУАЛИСТЫ

В наше время вряд ли можно открыть номер "The Banner" или другой газеты, не обнаружив одного или более доказательства плодовитости галлюцинирующего человеческого воображения. Лагерь спиритуалистов в волнении, и их кланы собирают силы, чтобы вести бой с воображаемыми врагами. Звучит набатный колокол; сигналы опасности несутся, подобно пламенеющим ракетам, через – бывшее до сих пор безмятежным – небо, и предостерегающие крики издают бдительные караульные, поставленные по четырем сторонам "ангелами окруженного мира". Эхо этого шума отражается даже в ежедневной прессе. Можно предположить, что для американского спиритуализма наступил день страшного суда.

Откуда это беспокойство? Все просто: две скромные личности высказали несколько полезных истин. Если громадный зверь Апокалипсиса – с семью головами и надписью "богохульство" на каждой из них – появился бы на небе, едва ли пришлось увидеть такое смятение, как это; кажется, здесь имеет место сговор низвергнуть полковника Олькотта и меня (соединенных подобно паре герметических сиамских близнецов), – настолько таких же зловещих для суеверных людей, как и комета с огненным хвостом, – предвестник войны, мора и других бедствий. Кажется, они полагают, что если не сокрушат нас, мы уничтожим спиритуализм.

Если духовная пресса Америки руководствовалась бы принципом соблюдения равной справедливости ко всем, я послала бы копии этого письма в другие выходящие одновременно с вашей газеты, но их линия поведения в прошлом заставила меня –

справедливо или нет – сомневаться в том, что удовлетворения можно добиться вне вашей газеты. Я буду весьма рада, если в этом случае их отношение даст мне повод изменить мое мнение о том, что они и их злословящие теоретики вдохновлены библейскими бесами, покинувшими Марию Магдалину и вновь вернувшимися в страну "Приятных Сновидений".

Начиная, я хочу отделить свое имя от имени полковника Олькотта, если вы позволите, и заявить, что как я не отвечаю за его взгляды так же, как и он за мои. Он достаточно и смел, и силен, чтобы защитить себя при всех обстоятельствах, и никогда не позволит противникам ударить себя, не выбив два зуба за каждый один свой. Хотя наши взгляды на спиритуализм в некоторой степени идентичны и наша работа в Теософском обществе велась совместно, тем не менее мы являемся двумя весьма отличными существами и намерены остаться таковыми. Я высоко уважаю полковника Олькотта, подобно каждому, кто знает его. Он – джентльмен; но что является еще более значимым в моих глазах – это то, что он честный и правдивый человек и бескорыстный спиритуалист в собственном смысле этого слова. Если он теперь видит спиритуализм в другом свете, чем предпочитали бы ортодоксальные спиритуалисты, то лишь они сами в том виноваты. Он наносит удары по слабым местам их философии, а они делают все, что могут, чтобы спрятать язвы, вместо того, чтобы излечить их. Он является одним из самых верных и наиболее бескорыстных друзей, которых заинтересованная сторона имеет сегодня в Америке, и тем не менее с ним обходятся с такой нетерпимостью, которую едва ли можно было ожидать от кого-либо, превышающего уровень неистовых Муди и Санкеев. Конечно, факты говорят сами за себя; и вероисповедание, такое чистое, ангельское и неподдельное, каким объявлен американский спиритуализм, не может иметь чего-либо, чтобы опасаться ересиархов. Дом, выстроенный на скале, стоит непоколебимо при любом шторме. Если Новая Лютеранская церковь может удостоверять всех ее "правителей, руководителей и визитеров из-за сияющей реки" в качестве развоплощенных духов, то в чем же дело? Именно в этом и заключена неприятность: они не могут удостоверить это. Они отведали этих плодов Рая и нашли, что некоторые из них приятны и освежающи, поскольку они были собраны и принесены действительно ангельскими друзьями, а многие другие оказались кислыми и гнилыми в своей сердцевине настолько, что для избежания неизлечимой диспепсии, многие из лучших и наиболее искренних спиритуалистов оставили это вероисповедание, не спрашивая у последнего отпуска.

Это – не спиритуализм; это, как я говорю, – Новая Лютеранская Церковь; и действительно, хотя покойная предсказательница "The Banner of Light" была, очевидно, чистой и правдивой женщиной – так как дыхание клеветы, этого яростного демона Америки, никогда не было способно замарать ее репутацию, – и хотя, несомненно, она была замечательным медиумом, все же я не пойму, почему спиритуалист должен подвергаться остракизму, лишь из-за того, что, отказавшись от Святого Павла, он или она определенно не придерживается доктрины Св. Конанта.

Последний номер "The Banner" содержал письмо м-ра Сейксона, критикующего некоторые выражения в недавнем письме полковника Олькотта в "New York Sun", в котором он защищал Эддиев. Единственная часть этого письма, касающаяся меня, – следующая:

> Несомненно, некий маг, с его или ее каббалистическим "Гопля! Изменись!", произвел неожиданные и необыкновенные революции в умах этого последователя оккультизма, этого джентльмена, который "является" и "не является" спиритуалистом.

Так как я – единственный каббалист в Америке, то я не могу ошибиться в том, кого автор имеет в виду; поэтому я с радостью поднимаю перчатку. Хотя я не несу ответственности за изменения в спиритуалистическом барометре полковника Олькотта (который, я замечаю, обычно предсказывает шторм), но я ответственна за следующий факт. С тех пор как я оставила Читтенден, я постоянно и бесстрашно спорила с каждым, начиная с доктора Бэрда, утверждая, что их (Эддиев?) приведения подлинные и яркие. Являются ли они "духами ада или дьявольскими домовыми" – это вопрос совершенно отдельный от их медиумизма. Полковник Олькотт не будет отрицать, что, когда мы встретились в Читтендене, в первый раз и впоследствии – и это случалось неоднократно – если он и выражал подозрение относительно Мэйфлаура и Джорджа Дикса, духов затемненных seances Горацио, то я настаивала на этом, поскольку я могла составить мнение о том, были ли они истинными феноменами. Также он, несомненно, признает, так как он чрезвычайно правдивый человек, что, когда неблагодарное поведение Эддиев, по отношению к которым

он был любезнее брата – и каждый посетитель усадьбы это подтвердит, – подготовляло его к выражению негодования, я вмешивалась, защищая их, и умоляла, чтобы он никогда не смешивал медиумов с другими людьми в отношении их ответственности. Медиумы пытались поколебать мое мнение о ребятах Эддиев, предлагая в двух случаях, которые я могу вспомнить, поехать со мной в Читтенден и выявить обман. Я поступила с ними так же, как я поступила с полковником. Медиумы пытались также убедить меня, что Кэти Кинг мистера Крукса была на самом деле Ф.Кук, прогуливающаяся в то время, как сделанный с нее восковой бюст, облаченный в одежды, лежал в кабинете, изображая ее в трансе. Другие медиумы, относясь ко мне как к фанатичному спиритуалисту, который скорее готов потворствовать обману, чем допустить вред заинтересованной стороне путем разоблачения, допускали или делали вид, что допускают, меня в тайны медиумизма их собратьев-медиумов, а иногда неосторожно и в свои собственные.

Мой опыт показывает, что наихудшие враги медиумов – сами медиумы. Не удовлетворяясь клеветой, друг на друга, они набрасываются и клевещут на своих самых горячих и бескорыстных друзей.

Какая бы неприязнь не имела место по отношению ко мне из-за родины, религии, оккультных знаний, грубости речи, курения сигарет или любой другой особенности, моя летопись событий, связанных со спиритуализмом в течение долгих лет, не покажет меня делающей с его помощью деньги или получающей любое другое преимущество, прямое или косвенное. Напротив, те, кто встречал меня во всех частях света, вокруг которого я объехала три раза, будут свидетельствовать, что я давала тысячи долларов, подвергала опасности свою жизнь, бросала вызов католической церкви – на что требовалось мужества больше, чем по представлениям спиритуалистов требуется, чтобы показать встречающихся элементариев – и в лагерях путешественников, и при дворе, на море, в пустыне, в цивилизованных и диких странах, с начала и до конца я была другом и защитником медиумов. Я делала большее. Я часто вынимала последний доллар из своего кармана, и даже снимала необходимую одежду со своих плеч, чтобы облегчить их нужды.

И как вы думаете, я была вознаграждена? Почестями, заработком, социальным положением? Я обременена вознаграждением за сообщение общественности и отдельным личностям того малого знания, которое я собрала в моих путешествиях и исследованиях? Пусть ответят те, кто покровительствует нашим главным медиумам.

Я была оклеветана самым постыдным способом и наиболее наглая ложь распространялась о моем характере и о моем прошлом теми самыми медиумами, которых я защищала с риском быть принятой за их сообщницу, когда их обман обнаруживался. То, что происходило в американских городах, было не лучше и не отличалось от того, что случалось со мной в Европе, Азии и Африке. Временами мне наносился вред в глазах добрых людей клеветой медиумов, которых я никогда не видела, и с которыми я никогда не была в одном и том же городе одновременно; медиумами, делавшими меня героиней постыдных историй, происходивших, как утверждалось, в то время, когда я была в другой части света, далеко от лиц белых людей. Неблагодарность и не справедливость была моим уделом с тех пор, как я впервые стала иметь дело со спиритуальными медиумами. Мне встретилось несколько исключений, но очень, очень мало.

Теперь, что же, по-вашему, поддерживало меня все это время? Вы полагаете, что я не смогла рассмотреть отвратительный обман, смешанный с несомненно пророческими истинными манифестациями? Смогла бы я, ничего не получая ни деньгами, ни властью, ни каким бы то ни было иным образом, быть внутренне удовлетворенной при прохождении всех этих опасностей, подвергаясь всей этой брани и получая все эти несправедливые оскорбления, если бы я ничего не видела в спиритуализме, кроме того, что могут видеть в нем критики полковника Олькотта и меня самой? Была ли перспектива вечности в мире, окруженном ангелами, в компании с неумытыми индийскими проводниками и военными правителями, с тетями Солли и профессорами Вебстерами, достаточным стимулом? Нет; я бы предпочла уничтожение такой перспективе. Это произошло потому, что я знала, что через те же самые золотые ворота, которые распахнуты, чтобы пропускать элементариев и души отсталых людей, которые, пожалуй, даже хуже первых, часто проходили реальные и очищенные формы умерших и блаженных. Потому что, зная природу этих душ и законы медиумического управления, я никогда не хотела считать моих клеветников ответственными

за то великое зло, которое они делали, часто, будучи просто несчастными жертвами одержания отсталыми духами. Кто может порицать меня за то, что я не желала общаться или получать сообщения от духов, если и не совсем плохих, то и не лучших, и не более мудрых, чем я? Получает ли человек право на уважение и почитание просто потому, что его тело разлагается под землей, подобно телу собаки? Что касается меня, то основная цель моей жизни достигнута, и бессмертие нашей души доказано. Почему я должна обращаться к некроманту и вызывать умерших, которые не могут ни обучать меня, ни сделать меня лучше, чем я стала? Играть с тайнами жизни и смерти – вещь более опасная, чем предполагает большинство спиритуалистов.

Пусть они благодарят Бога за великое доказательство бессмертия, предоставленное им в этом столетии безверия и материализма; и если божественное Проведение поставит их на праведный путь, пусть они следуют ему всеми средствами, а не стоят, беспорядочно проводя свое время в рискованных переговорах с каждым потусторонним. Страна духов, Страна Вечного Лета, как они называют ее здесь, является terra incognita; никакой верующий не будет отрицать этого; она гораздо более неизвестна для любого спиритуалиста – в отношении ее разнообразных обитателей, – чем непроторенные девственные леса Центральной Африки. И кто может упрекнуть пионера-поселенца, если он не решается открыть свою дверь на стук, не убедившись, является ли посетитель человеком или зверем?

Таким образом, из-за всего вышесказанного я провозглашаю себя истинным спиритуалистом, потому что моя вера выстроена на твердой почве и потому, что никакие разоблачения медиумов, никакие скандальные волнения... никакие материалистические заключения точной науки или насмешки ученых не могут потрясти ее. Истина медленно выходит на свет, и я буду делать все, что могу, чтобы ускорить ее приход. Я буду твердо противостоять потоку общественного предубеждения и невежества. Я приготовилась терпеть клевету, грязные инсинуации и оскорбления в будущем, как я терпела их в прошлом. Уже один спиритуалистический редактор, чтобы наиболее эффектно показать свою духовность, назвал меня ведьмой. Я пережила и надеюсь так поступать, если то же самое повторится еще два или двадцать раз; но понесусь ли я по воздуху, чтобы посетить свой шабаш, или нет, одно определенно: я не буду губить себя покупками помела для погони после каждой лжи, пущенной в ход редакторами газет и медиумами.

"The Spiritualist Scietist", январь 1876 г.

СПОР ВОКРУГ ДЕЛА ХОЛМСОВ

Некоторое время назад в письме, отрывки которого были опубликованы в "The Spiritual Scientist" от третьего декабря, я упомянула об отсутствии сотрудничества между американскими спиритуалистами и последствиями из этого вытекающими. В то время я одержала победу над одним врагом – он не заслуживал моего пристального внимания, но все же оскорбил всех спиритуалистов этой страны своей статьей, которая на самом деле была карикатурой на научное разоблачение. Выступая против него, я боролась против многочисленных "бандитов" из армии противников веры; и моя задача была сравнительно легкой, если принять за истину то, что ложь не выдерживает правды, поскольку слово всегда остается за последней. С того дня положение изменилось и сейчас, как и в то время, мною движет любовь к справедливости и честной игре, я еще раз хочу выступить в нашу защиту, потому что так мало тех, кто отважился бы отстаивать наше дело и так многочисленны малодушные.

В своем письме я отметила, что такое положение, такое полное отсутствие единства и такая, надо добавить, трусость в их рядах, послужило причиной постоянных атак агрессивно настроенной общественности, мысли которой питают невежество и злые предрассудки, общественности такой безжалостной, нетерпимой и совершенно бесчестной в своих действиях. Большую, хорошо вооруженную армию можно легко уничтожить хорошо организованными малыми силами, а спиритуализм, в рядах которого миллионы, могущие разбить в пух и прах любую реакционную теологическую догму, если ими правильно руководить, постоянно теряет свою силу, встречает препятствия и подвергается объединенным нападкам и атакам прессы и церкви из-за предательства и трусости своих лидеров, которым спиритуалисты так верят. Сегодня я хотела бы задать вопросы одному из

этих признанных лидеров, пользуясь всеми правами, которые мне предоставляет не только моя репутация известного каббалиста, но и мое американское гражданство. Когда я вижу сколько в этой стране верующих, крепость их веры, их неуязвимость и их гениев, мне противно видеть спектакль, разыгранный по сценарию Кэти Кинг – или может, вернее, будет сказать – псевдо Кэти Кинг? Ни в коем случае, так как последнее слово в этой сенсационной комедии еще не было сказано.

Нет такой страны на этой планете, чей суд не мог бы не усомниться в виновности преступника, и не дал бы ему возможности высказаться и предложить свою версию.

Так тот ли это случай, сводящий лицом к лицу "притворного актера", исполняющего роль духа, так называемой фальшивой Кэти Кинг и медиумов Холмса? Я решительно говорю, нет, и приведу доказательство, если никто другой этого сделать не может.

Я против всех, кто вырывает из рук все возможные средства для поиска истины. Я оспариваю право любого редактора ежедневной газеты публиковать обвинения против кого-либо и в то же время отказывать лицам, подвергшимся несправедливой критике высказаться в свое оправдание; и общественность, таким образом, не получая разъяснений, должна сама докапываться до истины в темноте.

Наконец-то появилась биография Кэти Кинг, абсолютно достоверный отчет, заверенный (под присягой?) доктором Чайлдом, который на протяжении всего этого "шутовского" эпилога все время там присутствует, как какой-то deux ex machina [бог из машины]. Вся эта состряпанная элегия (кем? – явно не миссис Уайт) благоухает ароматом заблудшей невинности, похожим на рассказы Магдалины о горе и несчастье, запоздалым раскаянием и тому подобным создавая в нашем воображении нелепую картину: представьте вора крадущего у нашей души самые дорогие, волнующие чувства. Хорошо выстроенные объяснения по некоторым пунктам, появляющиеся время от времени, дабы устранить камни преткновения этому якобы честному разоблачению, не могут, тем не менее, окончательно развеять все сомнения; ведь много неуклюжих подобий на правду, частью заимствованых из исповеди миссис Уайт, этого падшего ангела и частью, и, надо сказать, большинство, из ее личного дневника, написанного под диктовку ее "секретарями", дают нам довольно ясное представление о подлинности этого свидетельства, данного под присягой. Например, в соответствии со своим собственным утверждениям и свидетельством завсегдатаев Холмсов, миссис Уайт никогда не стояла в темном круге (поскольку это было исключено, так как она якобы была Кэти Кинг и не могла показывать себя во плоти присутствующим), то откуда она тогда знает, до мельчайших деталей, о всех трюках медиумов, плане их действий и т.д.? Опять же, миссис Уайт, так хорошо помнящая – мы можем добавить, механически помнящая – все, что говорили между собой Кэти Кинг и мистер Оуэн, дух и мистер Чайлд, явно забыла все сказанное ей д-ру Фельгеру в этой фальшивой персонификации; она даже не помнит очень важный секрет, который она поведала последнему! Какое странное явление: она и помнит и не помнит. Может быть, один дневник с аккуратно помеченным содержанием объяснит этот факт? Этот документ клятвенно засвидетельствован именем несуществующего духа, Кэти Кинг... Очень умно!

Пресса наотрез отказывается публиковать все торжественные заявления о невиновности или же доказательства, посланные мистером или миссис Холмс на словах или в письменной форме. Ни одна уважающая себя газета не отважится взять на себя ответственность поступать так недемократично. Публика торжествует, духовенство, забыв про свою победу в Бруклинском скандале посмеивается, потирая руки; некий разоблачитель материализованных духов и телепатов выпускает, как чудовищная, ненавидящая духов митральеза град снарядов и посылает утешительное письмо мистеру Оуэну; спиритуалисты пали духом, из них делают посмешище, они думают, что разбиты навсегда этим так называемом разоблачением и неопровержимым свидетельством под псевдонимом... Для нас этот день как день битвы при Ватерлоо для Наполеона и, отметая остатки разбитой армии, нам только остается звонить в свой собственный похоронный колокол.

...Духи, берегитесь! с этого дня, если вы будете неосмотрительны, ваши материализованные формы должны будут остановиться у дверей кабинетов с тем, чтобы содрогнувшись, сгинуть с глаз напевая хором "Больше никогда" Эдгара По. Как будто можно подумать, что вся вера спиритуалистов зависит от Холмсов, и что если их разоблачат как

фокусников, то нам придется признать, что все наши феномены не что иное, как бабушкины сказки.

Если очищать дно корабля от ракушек будет ли это во вред кораблю? Но, более того, у нас совсем мало разумных доказательств.

Полковник Олькотт сейчас здесь и начал вести расследование. По его словам, первые тесты с миссис Холмс (ее супруг болен и находится в Вайнленде) были достаточно удовлетворительны, чтобы убедить мистера Оуэна экспериментировать в своем излюбленном месте – комнате Холмсов. Олькотт сначала связал миссис Холмс, посадил ее в мешок, крепко затянул веревку вокруг шеи и завязал узел в присутствии мистера Оуэна и еще одного джентльмена. Затем медиума посадили в пустой кабинет в середине комнаты, причем она совершенно не могла воспользоваться руками. Дверь закрыли, в проеме появились руки, а затем очертания лица, которое постепенно приняло форму лица Джона Кинга вплоть до тюрбана, бороды и т.д. Он позволил исследователям гладить его бороду, дотрагиваться до его теплого лица и сам похлопал их по рукам. Когда сеанс был окончен, миссис Холмс, со слезами благодарности, в присутствии этих трех господ торжественно заверила мистера Оуэна, что она много раз рассказывала д-ру Чайлду как "Кэти" приносила ей подарки, оставляя их по всему дому, и что она, миссис Холмс, хотела, чтобы мистер Оуэн это знал; но доктор приказал ей делать нечто совершенно обратное, запретив говорить что-либо Оуэну; он так сказал: "Не делайте этого, это бесполезно, он не должен знать об этом". Правда это или нет решать д-ру Чайлду вместе с миссис Холмс.

С другой стороны, Элиза Уайт, которая разоблачает и обвиняет Холмсов, является и по сей день загадкой, эдаким Египетским сфинксом для любого в этом городе, за исключением одного умного лица также вне поля нашего зрения – что-то наподобие ангела-хранителя, который повел за собой всю команду и развеял миф о "материализации" духа Кэти с помощью такого, как он сам считает, первоклассного метода. Ведь с ней никому нельзя встретиться, ее нельзя увидеть и задать ей вопросы, а для бывших поклонников Кэти об этом не было и речи, хотя им так хотелось взглянуть хоть краем глаза на скромную красавицу, считающей себя достойной персонифицировать прекрасную душу. Может быть, опасно позволить сравнить черты лиц обеих? Самое непонятное в этой запутанной истории то, что мистер Р.Д.Оуэн сам мне признался что никогда, даже в день разоблачения не видел миссис Уайт и не разговаривал с ней и не имел малейшей возможности взглянуть на ее лицо чтобы опознать. Ему удалось всего лишь раз увидеть ее расплывчатые очертания на ложном сеансе пятого декабря, о котором она упоминает в своей биографии, когда она появилась перед полдюжиной свидетелей (приглашенных убедиться в этой фальсификации) de novo (обновлять, делать новым) из кабинета, лицо ее было закрыто двойной вуалью(!), после чего это прекрасное видение исчезло и больше не появлялось. Мистер Оуэн к этому добавляет, что он не может поклясться в том, что миссис Уайт и Кэти Кинг одно и то же лицо.

К чему такая таинственность, ведь нам пообещали публичное разоблачение обмана? Мне кажется, это разоблачение было бы более научным, будь оно сделано по-другому. Почему бы не дать Р.Д.Оуэну шанс – он пострадал больше всех в этом омерзительном мошенничестве – сравнить миссис Уайт с его Кэти? Позвольте мне опять высказать предположение, что этот бедный, благородный, доверчивый джентльмен очень хорошо помнит, как выглядит дух. Прозрачные одеяния, лунный свет, диадемы и звезды, вероятно, можно сфальсифицировать в полутемном помещении, а вот черты лица, которые бы в точности бы совпали с чертами лица Кэти, является более трудной задачей, к этому надо очень хорошо подготовиться. Для хорошо подвешенного языка ложь не представляет проблем, но курносый нос никогда не будет выглядеть классическим.

Один достойный человек, которого я знаю, страстный поклонник красоты "духа Кэти" видевший ее и говоривший с ней раз пятьдесят на расстоянии в два фута, сообщил мне, что однажды вечером д-р Чайлд упрашивал духа показать ему язык (может быть почтенный доктор хотел сравнить язык Кэти с языком миссис Уайт – что если последняя была его пациентом?) и Кэти сделала это; когда она открыла рот, этот господин уверял меня, что он ясно видел "великолепные зубы – два ряда жемчужин", выражаясь словами этого восхищенного поклонника. Он сказал, что ее зубы произвели на него особенное впечатление. Но есть злые клеветники, которые были близко знакомы с миссис Уайт, когда она была еще невинной девушкой, до ее падения и разоблачения, и они без обиняков заявляют (просим

прощения у кающегося ангела, но мы только повторяем сказанное), что эта дама едва ли может похвастаться, среди прочих своих прелестей редкой красотой жемчужных зубов и совершенной формой рук. Почему бы Кэти не улыбнуться во весь рот своему поклоннику и посрамить клеветников? Зачем избегать лучших друзей "Кэти"? Если бы мы так же стремились доказать кто есть кто, а она похоже, стремится к этому больше нас, мы бы с удовольствием показали бы наши зубы даже самим присяжным. К вышеописанному факту, каким бы незначительным он не казался с первого взгляда, любой судья, занимающийся опознанием личности, отнесся бы очень серьезно. Вот что заявил нам мистер Оуэн, а "Кэти Кинг" клятвенно подтвердила в своей биографии: "Она согласилась на разговор с господином, который видел, как она персонифицировала дух, при условии, что она не поднимет вуали" ("Philadelphia Inquirer" от 11 января, 4 колонка, "Биография К. К.").

Но, боже мой, к чему подвергать веру этих "доверчивых и глупых джентльменов", выражаясь языком бессмертного д-ра Бэрда, еще одному испытанию? Нам видится, что это был самый подходящий момент показать природу этого умственного помрачения, длившегося у них несколько месяцев. Что ж, если они проглотили это новое завуалированное доказательство, то это их дело.

Vulgus vult decipi decipiantur! Vulgus vult decipi, ergo decipiantur [толпа хочет быть обманутой, так пусть же обманывается]. Но я ожидаю более веских доводов, прежде чем виновато замолчу и позволю над собой смеяться. Вот как обстоит дело:

В соответствии с той же самой биографией (та же колонка) этот фальшивый сеанс с духами был подготовлен и проведен так, что все остались довольны благодаря стараниям детектива-любителя живущего в этом городе – некто В. О. Лесли, если вас интересует его имя, подрядчика или агента железной дороги Балтимор-Филадельфия-Нью-Йорк. Если пресса и некоторые наиболее известные жертвы этого обмана договорились с ним не разглашать тайну, то я такого обязательства на себя не брала и скажу, о чем знаю. Итак, этот спиритический сеанс состоялся пятого декабря, это было клятвенно засвидетельствовано и должно означать, что мистер Лесли заставил миссис Уайт признаться в своей вине, по крайней мере, за несколько дней до сеанса, хотя точная дата триумфа этого "любителя" не сообщается в этом клятвенно заверенном свидетельстве. А теперь новая загадка.

Вечером, второго и третьего декабря на спиритических сеансах у Холмсов я сама, в присутствии Роберта Дэйла Оуэна и д-ра Чайлда (последний был менеджером этих представлений и передал мне входной билет этим же утром) и двадцати других свидетелей, видела, как дух Кэти дважды выходил из кабинета, я видела ее во всей ее красоте и могу присягнуть перед любым судом, что она ни капли не была похожа не миссис Уайт.

Поскольку я не хочу опираться на доказательства других лиц, предпочитая свои, я не буду останавливаться на якобы имевшем место появлении духа Кэти Кинг в доме Холмсов пятого декабря перед мистером Робертсом и еще пятнадцатью гостями, среди которых был В. Х. Кларк, корреспондент "The Daily Graphic", так как меня в это время не было в городе, но даже если и будут выпячивать этот факт, он будет совсем не в пользу миссис Уайт, ведь в тот же самый вечер и в тот же самый час она играла роль ложной Кэти на фальсифицированном спиритическом сеансе. Еще есть смысл задуматься над утверждением некоего мистера Вескотта, который, возвращаясь домой, пятого декабря, с настоящего сеанса встретил машину с мистером Оуэном, д-ром Чайлдом и его женой, возвращавшихся с ложного сеанса. Так получилось, что этот джентльмен упомянул о том, что видел, как дух Кэти выходил из комнаты, добавив, что "она никогда не выглядела так прекрасно"; при этих словах мистер Роберт Дэйл Оуэн посмотрел на него с изумлением и все трое очень смутились.

Итак, я отстаиваю тот факт, что действительно видела дух Кэти в доме медиумов второго и третьего декабря – этот феномен я наблюдала с Робертом Дэйлом Оуэном и другими лицами. Бесполезно предлагать или принимать это жалкие оправдания, что признание женщины по имени Уайт, ее разоблачение обмана, доставка мистеру Лесли всех ее нарядов и подарков, которые она получила как Кэти Кинг, раскрытие этой печальной новости этим преданным джентльменом мистеру Оуэну, подготовка комнаты к фальсификации и другие важные вещи имели место четвертого декабря; потому что по крайней мере д-р Чайлд, а может и мистер Оуэн знали об успехе мистера Лесли с миссис Уайт за несколько дней до сеанса. Если об обмане знали, как мог мистер Лесли позволить

этому обману произойти, ведь факт появления духа Кэти у Холмса второго и третьего декабря действительно имел место? Любой джентльмен, даже с самыми скромными понятиями о чести, никогда бы не позволил больше дурачить общественность, разве что у него было твердое намерение поймать и изобличить духа-обманщика на месте. Но этого не произошло. Напротив: д-р Чайлд, который с самого начала утвердил себя не только директором всех сеансов, следя за помещением и материализацией, но также был кассиром и билетером (сначала он платил медиумам $10 за сеанс, затем $15; остальное он клал в карман) в тот самый вечер третьего декабря как всегда собрал с каждого деньги за вход. Далее я добавлю, что я, in proprio persona [собственной персоной, самолично], подала ему пятидолларовую купюру и что он, д-р Чайлд, взял ее всю, заметив, что баланс нашей кассы улучшиться с будущими сеансами.

Будет ли д-р Чайлд отрицать, что готовясь вместе с мистером Лесли к обману пятого декабря, он ничего не знал о фальсификации третьего декабря?

Далее, в той же биографии (глава VIII, 1 колонка) говорится, что сразу после возвращения г-жи Уайт в Блиссфилд, штат Мичиган, она пришла к д-р Чайлду и предложила разоблачить обман, участницей которого она была, но что он не хотел об этом слышать. Во время того визита она не носила вуаль, в этом не было необходимости, поскольку д-р Чайлд сам признался, что он ее лечил. В письме д-ру Чайлду от 28 августа 1874 года Холмс пишет: миссис Уайт говорит, что вы с друзьями вели себя очень грубо, вы хотели заглянуть во все коробки, сундуки и взломать замки. Что вы искали или хотели найти?

Все эти обстоятельства яснее ясного говорят о том, что д-р Чайлд и миссис Уайт знали друг друга гораздо лучше, чем простые знакомые, и что вершиной нелепости является утверждение, что если миссис Уайт и Кэти Кинг одно и то же лицо, то об обмане не очень-то был осведомлен "Отец Исповедник" (смотри рассказ Джона и Кэти Кинг, стр 45). Но эта комедия еще засвечивается так называемой биографией Джона Кинга и его дочери Кэти, написанная под их диктовку в своем офисе д-ром Чайлдом. Эта книга вышла в свет как подлинная исповедь этих двух духов. В повествовании говорится, что день за днем они приходили и выходили из его офиса, так как и любой смертный, и, после непродолжительных бесед с ним, они долго говорили о себе, а затем они доказывали в комнате Холмсов, что они настоящие духи. Более того, те духи, которые появлялись на многолюдных сеансах, подтвердили сказанное ими своим секретарям в его офисе; и то и другое увязывалось друг с другом, образуя связное повествование. Теперь, если Кинги Холмса были миссис Уайт, кого тогда посещали духи в офисе доктора? и если те духи, кто посещали его, были действительно духами, кто тогда были те, на спиритических сеансах открытых для общественности? В чем "Отец Исповедник" обманул свидетелей? В продаже книги с выдуманными биографиями или разоблачении ложных духов у Холмсов? Пусть ответит доктор.

Если он такой совестливый, что дал торжественные письменные свидетельства, то почему бы ему ни вернуть деньги, которые он брал у нас под ложными предлогами? Он сам признался, что Холмсы получили он него около $1200 за четыре месяца ежедневных сеансов, после чего они уехали из города. Он также признался, что у него каждый вечер были проблемы с помещением – он не мог разместить всех желающих, т.к. иногда приходили до 35 человек – и это подтвердит каждый, кто присутствовал там не один раз. Далее, шесть или семь надежных свидетелей сообщили нам, что скромный взнос в один доллар платили только завсегдатаи, а слишком любопытные или очень стремившиеся побывать на сеансах платили по 5 долларов, один раз кто-то даже раскошелился на $10. Я не хочу громко кричать о взносе в $10, поскольку сама никогда так много не платила.

А теперь позвольте непредвзятому следователю этой запутанной истории в Филадельфии взять карандаш и подсчитать, сколько осталось денег после уплаты всем медиумам в этом бизнесе на духах продолжавшимся много месяцев. В результате оказывается, что дух "Отец Исповедник" заработал очень неплохо.

Дамы и господа, верящие в спиритуализм, мне кажется, что все мы стоим перед чудесной дилеммой. Если у вас нет никаких проблем, то у меня они есть, и я постараюсь выпутаться.

Пусть все знают, что я вовсе не собираюсь защищать Холмсов. Они могут быть самыми злостными обманщиками, с которыми мне приходилось встречаться, но меня это не

волнует. Моя единственная цель узнать наверняка, кому я обязана за насмешки в свой адрес – хоть это и маленькие колкости, к моему счастью. Если над нами, спиритуалистами, смеются, глумятся и издеваются, то мы должны, по крайней мере, знать почему. Либо обман был, либо его не было. Если фальсификация есть печальный факт, и д-р Чайлд из-за таинственных обстоятельств его несчастной судьбы стал первой ее жертвой после того, как, волнуясь за свою честь и репутацию, он поспешил прекратить дальнейший обман общественности, доселе считавшей его человеком, благодаря которому феномен был преподнесен во всей его полноте и подлинности – он сам одобрил его вплоть до мельчайших деталей – так почему бы ему первому не взять слово и рассказать нам об этой тайне? Он же знает, что лица, ставшие жертвой мошенничества и обмана могут в любой день потребовать возмещения убытков, которые они понесли, полностью доверяя ему, почему бы д-ру Чайлду не подать в суд на Холмсов дабы доказать свою непричастность? Он не может не признать, что в глазах посвященных содеянное им выглядит гораздо более омерзительней, чем то обвинение, против которого Холмсы сейчас тщетно ведут борьбу. Или же, в случае если никакого обмана не было, либо доказательства обмана не совсем убедительны, поскольку аргументы против не могут основываться на шатком свидетельстве женщины, подписывающейся под псевдонимами, то зачем тогда главному участнику ломать комедию про "материализацию Кэти"? Разве д-р Чайлд не был основателем, глашатаем и даже можно сказать создателем этого, как оказалось, фальсифицированного феномена? Не он ли рекламировал это воплощение лжи – главного клоуна этого спиритического представления? Теперь же, когда с его помощью были одурачены не только спиритуалисты, но и весь мир, и не важно, был ли он обманщиком или слабохарактерным глупцом – ведь из-за него мы попали в эту историю – он думает, что его содействие в обвинениях против медиумов, в изобличении обмана, в его подтверждении всяческих состряпанных письменных свидетельств и документов вымышленных лиц теперь помогут ему выйти сухим из грязного болота, куда он затащил так много людей!

Мы должны добиваться официального расследования. Мы имеем право настаивать на нем, так как нам, спиритуалистам, это право дорого досталось: мистера Оуэна всю жизнь считали способным и правдивым писателем и надежным свидетелем этих феноменов, а сейчас он может превратиться в фантазера – предмет насмешек и сомнений скептически настроенных умников. Мы добились этого права, потому что все, кого одурачил д-р Чайлд своей Кэти Кинг (время покажет умышленно или неумышленно) станут мишенью бесконечных насмешек, сатиры и шуток прессы и невежественной толпы. Жаль, но нам приходится противоречить в этом вопросе такому авторитетному изданию как "The Daily Graphic", но если непрофессионалы не хотят чтобы эта фальсификация разбиралась в суде, боясь что на Холмсов возложат венок великомучеников, то мы не испытываем подобных опасений и вместе с мистером Хадсоном Таттлом вновь говорим: "Пусть сгинут самозванцы и то, чему они заставили поверить, чем быть навсегда подвергнутым остракизму без надежды на справедливость или компенсацию".

Почему, во имя всего чудесного, д-р Чайлд должен нести все почести этого несостоявшегося сражения, в котором атакуемая армия спиритуалистов обречена на вечное поражение без борьбы? Почему он должен получать материальную выгоду из этой материализованной лжи, а Р.Д. Оуэна, честного спиритуалиста, чье имя везде произносят с уважением, скептически настроенная пресса должна награждать пинками и тычками? Разве это справедливо? И до каких пор лживые медиумы и сомнительные оракулы будут пользоваться спиритуалистами как козлами отпущения? Как пастух Парис наших дней мистер Оуэн попался в сети этой пагубной, материализованной Елены, он сейчас в центре бури, которая может превратиться в новую Троянскую войну. Но Гомер этой Илиады, разыгравшейся в Филадельфии, тот, кто в прошлом писал элегическим дистихом, автор биографии прекрасной Елены, тот, кто стал заметен в разгорающихся сомнениях по поводу Холмсов; если им не положить конец вспыхнет гигантский пожар – он тот, кто в данный момент играет беспрецедентную роль главного судьи в своем собственном процессе и выносящим решение по своему собственному делу – д-р Чайлд отворачивается от созданного им самим духа дочери чтобы защитить смертного, незаконнорожденного отпрыска, неизвестно откуда взявшегося – он вне бури. Подумать только, Р.Д.Оуэн почти уничтожен насмешками над разоблачением, а д-р Чайлд, одобривший ложных духов, теперь изобличает

своих сообщников и с тем же рвением подписывается под свидетельствами духов, делая клятвенные заверения в суде!

Если я когда-либо смогу надеяться на то, что желающие найти концы в этой грязной истории воспользуются моим советом, я бы стояла на передачи дела в настоящий суд, чтобы оно было рассмотрено присяжными. Если д-р Чайлд честный человек, и кто-то воспользовался его доверчивостью, он должен первый приложить все усилия и помочь нам добраться до сути. Если он этого не сделает, то мы сами попытаемся найти ключ к следующим тайнам:

Во-первых, судья Аллен из Вайнленда (сейчас он в Филадельфии) свидетельствует, что когда кабинет собранный под руководством и в присутствии д-ра Чайлда принесли в дом Холмсов, доктор один, со своими инструментами, еще целый день что-то с ним делал, а судья Аллен находился в это время в гостях у медиумов. Если в кабинете была потайная дверь или две половинки доски связанные с ней, то кто это сделал? Надо ли говорить, что такое хитроумное устройство, о котором не могут догадаться даже самые недоверчивые, требует мастера с необыкновенными способностями? И потом мастер не будет об этом умалчивать, разве что ему хорошо заплатили. Кто ему платил? Может Холмс поделился из своей платы в 10 долларов за вечер? Мы должны это установить.

Во-вторых, если это правда, так как двое готовы поклясться, что лицо, называющее себя Элизой Уайт, она же "Фрэнк", она же "Кэти Кинг" и т.д. вовсе не вдова и у нее хорошо материализованный муж, владелец бара, проживающий в штате Коннектикут, то тогда прекрасная вдова лгала, а д-р Чайлд сказал, что это правда. Жаль, что он подтвердил ее слова с такой же поспешностью, как и факт ее материализации.

В-третьих, письменные показания и свидетели (всего пять) готовы подтвердить, что однажды вечером миссис Уайт видели в ее смертном теле в пивном баре, где она, видимо раскаиваясь, освежалась в компании своих друзей, у которых таких чувств не было, и похоже, сама она не испытывала потребность в более благородном эскорте, а дух Кэти Кинг в это время был четко виден у двери кабинета.

В-четвертых, однажды, когда д-р Чайлд (может он это предвидел) пригласил миссис Уайт к себе, где он предоставил ее гостям, которые развлекали ее целый вечер с целью убедить (кажется доктор постоянно стремиться убедить кого-либо) скептиков в реальности духа-формы, этот дух появился в комнате во время сеанса и разговаривал с Р.Д. Оуэном при всех. Спиритуалисты торжествовали в ту ночь, и доктор радовался больше всех. Многие свидетели готовы это подтвердить, но похоже что д-р Чайлд, когда его начинают спрашивать, совсем забыл об этом факте.

В-пятых, кто то лицо, которое, по ее словам, она использовала для персонификации генерала Ролингса? Пусть он заявит в себе и поклянется в этом, дабы мы все увидели его сходство с покойным воином.

В-шестых, пусть она назовет друзей, у которых она брала одежду, чтобы играть роли "Санти" и "Ричарда". Они должны подтвердить это под присягой и показать эту одежду. Может ли она сказать, где достала блистающие одеяния второй и третьей сфер?

В-седьмых, в биографии Кэти Кинг есть только отрывки писем Холмса к "Фрэнку", опубликованные с целью уличить их в содействии фальсификации в Блиссфилде. Может ли она дать адрес дома и тех лиц, у которых она остановилась в Блиссфилде, штат Мичиган?

Когда нас удовлетворят все ответы, мы поверим, что только Холмсы виновны в этом обмане – спиритуализм еще не видел такого бесстыдства и наглости.

Я прочитала некоторые письма мистера Холмса, неважно, настоящие они или подделаны; бог наградил меня хорошей памятью и я помню несколько предложений, которые, к счастью для этой поэтической натуры были изъяты покрасневшим редактором. Вот самое скромное из них:

> Мой тебе совет, Фрэнк, поменьше маши руками; что толку сгибаться от боли и затем снова сжимать кулаки.

О, Кэти Кинг!

Помните, все вышеизложенное относится к женщине, которая якобы была духом, описанным Р.Д.Оуэном такими словами:

> В тот вечер я обратил внимание на особенную легкость и гармонию ее движений. В Неаполе я часто бывал в кругу людей с королевскими манерами; но никогда я не видел чтобы какая-либо женщина из высшего света превзошла Кэти.

И далее:

> Известный художник из Филадельфии, после того, как увидел Кэти сказал мне, что он не часто встречал черты лица, которые были бы более классически правильными. "Ее движения и манера держаться", добавил он, "настоящий идеал грации".

Сравните это описание восхищенного человека с прозаической цитатой из письма Холмса. Представьте как идеал классической красоты и изящества "машет руками в пивном баре" и судите сами!

В "Религиозно-философском журнале" за 27 февраля под редакцией д-ра Чайлда была опубликована статья с очень поэтическим заголовком "После бури выглянуло солнце". Читаем:

> Я терпеливо ждал, когда утихнет ажиотаж вокруг дела Холмсов. Теперь я хочу ответить на некоторые вопросы и заявить следующее:
>
> Все рассказы о моем знакомстве с миссис Уайт являются вымыслом.

И ниже:

> Я не буду обращать внимание на разные сообщения о моих финансовых делах; я только хочу отметить, что мне причитается определенная сумма за ссуду Холмсам.

Я требую права ответить на вышеприведенные цитаты, особенно на вторую, где меня называют лгуньей. По моему скромному суждению, если и есть что-либо, заслуживающее большее презрение чем ложь, то это сам лжец.

На все остальное в этом письме, или редакционной статье, называйте как угодно, ответа нет по причинам хорошо известным читателям. Когда сердитый мистер Пэнкс (в "Крошке Дорит") отшлепал доброго Кристофера Кэсби, этот уважаемый патриарх поднял свои голубые глаза к небу и улыбнулся еще более доброй улыбкой. Пресса также изрядно потрясла и отшлепала д-ра Чайлда, но он мило улыбается как и мистер Кэсби, говорит о "солнце" и успокаивает своих обвинителей, уверяя, что "это все это вымысел".

Не знаю, откуда появилось "солнце". Наверное, оно светит из глубины невинного сердца доктора.

Что касается меня, то с тех пор, как я приехала в Филадельфию я не видела ничего кроме слякоти на улицах и грязи в этой изрядно надоевшей всем загадке Кэти Кинг.

Я бы советовала д-ру Чайлду не обвинять меня "в фальсификации" и награждать меня какими-либо другими эпитетами. То, что я говорю, я могу доказать и всегда готова это сделать. Если он не был участником этого преступного обмана, пусть он прямо об этом заявит.

Если ему удастся оправдаться, то я первая порадуюсь за него и обещаю публично извиниться перед ним за "ошибочные подозрения" относительно его участия в этом деле, но сначала он должен доказать, что он совершенно невиновен. Резкими словами ничего не докажешь и доктор не может выиграть, обвиняя других в "фальсификации". Если он не откажется от употребления эпитетов подкрепленных вескими доказательствами, он рискует, как и в игре в бадминтон, получить назад посланный им волан и с гораздо большей силой, чем думает.

В своей статье д-р Чайлд пишет:

> Все рассказы о моем знакомстве с миссис Уайт являются вымыслом. Она приходила ко мне два или три раза, но в прихожей было так темно, что узнать ее или кого-нибудь другого было невозможно. Я видел ее несколько раз и знал, что она больше походила на Кэти Кинг, чем мистер(?) или миссис Холмс.

Mirabile dictu [странно сказать, т.е. как это не удивительно]! Это даже похлеще того, что говорил наш ученый друг доктор Бэрд. Тот полностью отрицает не только "материализацию", еще не доказанную наукой, но и любой феномен спиритуалистов. А д-р Чайлд отрицает свое знакомство с женщиной, которую, по его собственному признанию "видел несколько раз", принимал в своем офисе, где ее не раз видели и другие и в то же время признает, что "знал, что она выглядела как Кэти Кинг" и т.д. Кстати, у нас у всех

сложилось впечатление, что д-р Чайлд признался в "The Inquirer" что он увидел миссис Уайт в первый раз и узнал в ней Кэти Кинг только в то утро, когда она давала письменное показание под присягой в офисе мирового судьи. Наверняка это была "фальсификация". В "Р.-ф. журнале" за 27 октября 1874 д-р Чайлд пишет:

> Ваше сообщение не может и на минуту заставить меня усомниться в нашей Кэти Кинг, потому что она приходит и разговаривает со мной каждый день. Несколько раз Кэти приходила ко мне и просила меня и мистера Оуэна пойти туда [то есть к Холмсам]; чтобы повторить сказанное мне ранее.

Выяснил ли д-р Чайлд, где была миссис Уайт в то время, когда к нему приходил дух?

Что касается миссис Уайт, то я хорошо ее знаю. Она была у меня дома много раз. Я видела ее во время сеансов в Блиссфилде, после чего она уехала в штат Массачусетс.

Но доктор все еще уверяет нас, что он не был знаком с миссис Уайт. Как же в этом случае он понимает слово "знакомство"? Разве он не был в доме Холмсов, когда те отсутствовали, не разговаривал и не ссорился с ней? Наверно это еще одна вымышленная история. Пусть д-р Чайлд только попробует еще раз употребить слово "фальсификация" по отношению ко мне, прочитав то, что я оставила напоследок.

Во всем этом жалком лживом романсе "разоблачения" со слишком материальным духом-женщиной для нас не нашлось ни одного разумного объяснения хотя бы одного факта. Все началось с выдуманной биографии и угрожает закончиться фальшивой дуэлью, ведь в каждой дуэли участвуют двое, но д-р Чайлд предпочитает получать солнечный свет из огурцов своей души и ждать пока шторм утихнет, чем бороться как настоящий мужчина за свое доброе имя. Он пишет, что "не будет обращать внимание на разговоры о его спекулятивных сделках с Холмсами". Он уверяет нас, что они ему должны. Очень может быть, только это не меняет тот факт, что он платил им $10 за каждый сеанс, а остальное клал себе в карман. Осмелится ли он это отрицать? Холмсы говорят нечто совсем иное, что подтверждается письменными показаниями разных свидетелей.

Некоторым Холмсы могут показаться негодяями, а для более предвзятых они будут только негодяями; но до тех пор, пока их свидетельство не будет опровергнуто, их словам должны верить, как и словам д-ра Чайлда; да, даже перед присяжными "медиумы Холмсы" будут на одной скамье с любым пророком или ясновидцем, если бы к последним, как и к Холмсам, тоже бы пришли два одинаковых духа. До тех пор пока д-р Чайлд, действуя законными методами, не докажет, что Холмсы обманщики, а он невиновен, почему им нельзя доверять как и ему?

Холмсов обвиняли с самого начала загадки Кэти Кинг, но ни один человек, насколько я знаю – даже сам д-р Чайлд – не доказал, или хотя бы пытался доказать невиновность их бывшего кассира и регистратора. Тот факт, что каждое слово бывшего лидера и президента спиритуалистов Филадельфии будет подхвачено всеми изданиями спиритуалистов, (здесь мы должны выразить удивление: доктор не спешит воспользоваться этой возможностью), а любое заявление Холмсов будет, скорее всего, отвергнуто, вовсе не значит, что виновны одни лишь они; это только покажет, что несмотря на божественную правоту нашей веры и учений наших невидимых хранителей, некоторые спиритуалисты не научились от них справедливости и непредвзятости.

Этих "медиумов" подвергают гонениям; и до сих пор справедливо, ведь они сами признались в подделке фотографий, разве что можно доказать, что лгали сами духи и к тому же управляли Холмсами; то, что они говорят против них; но что менее справедливо – это клевета и оскорбления в их адрес, которые они должны одни терпеть и нести всю тяжесть преступления, но его невозможно было совершить без сообщников. Кажется, никто не желает приветить этих двух беспомощных существ без связей, если они и согрешили, то по слабости и невежеству, никто не желает сказать слово в их оправдание и поступить с ними по справедливости, добравшись до сути. Если их вина ясна как день, то не покажется ли нелепым тот факт, что их партнер, д-р Чайлд будет удивлен подозрениями по поводу его причастности! В истории известна только одна личность – законная супруга великого Цезаря – чье имя, по закону, оставалось вне подозрений. Мне кажется, если у д-ра Чайлда и есть естественные претензии называть себя "Отцом Исповедником" Кэти Кинг, то право быть таким же неуязвимым как мадам Цезарь у него нет. Я сама в этом уверена, и, более того, стремясь увеличить список исповедальных вопросов, которые наш не очень-то

изобретательный друг называет "фальсификациями" я сообщу читателям, по крайней мере, один факт:

Фотография "Кэти" оказалась подделкой и доверчивая публика была обманута – на фотографии была миссис Уайт. Об этом говорит красавица "размахивающая руками" в своей выдуманной автобиографии (видели как д-р Чайлд правил гранки), письменное признание Холмсов, и, наконец, сам д-р Чайлд.

Из нескольких фальшивых фотографий этого так называемого духа, самую фальшивую объявили – в основном основываясь на показаниях, подтвержденных д-ром Чайлдом и за его подписью – той, где самозванка Кэти Кинг стоит за медиумом.

Такой фотомонтаж было сделать очень трудно и Холмсам пришлось посвятить фотографа в тайну.

Теперь д-р Чайлд отрицает, что сам фотографировался. И очень энергично – он даже говорит (этому есть свидетели и доказательства), что его не было в городе, он находился от него за 400 миль, когда делались эти фотографии. И это действительно так, да благословит Господь его ясновидящую душу. Он предавался медитации и болтал с нимфами и гоблинами у Ниагарского водопада, так что, если он заявит о своем алиби, то на сей раз это будет не "фальсификация", а правда.

К несчастью для правдивого д-ра Чайлда – "в чьем добром имени, репутации честного человека и высоких моральных принципах никто не сомневается", здесь мы цитируем слова "Честность" и "Правда", прозрачные псевдонимы "любителя" обнаруживать, разоблачать и писать тайком, который пытался дать дружеский шлепок доктору в обеих статьях, но потерпел неудачу – к несчастью для Х. Т. Чайлда его посетило в недобрый час вдохновение написать одну статью, и, забыв важный девиз verba volant, scripta manent [слова улетают, написанное остается], опубликовать ее в Дэйли График 17 ноября вместе с фотографиями Джона и Кэти Кинг.

Вот этот букет доказательств человека "в чьих высоких моральных принципах никто не сомневается".

> Редактору "The Daily Graphic":
>
> Вечером 20 июля после успешного проведенного сеанса в котором Кэти вошла в комнату где было 30 человек и в которой ее фигура полностью исчезла и вновь появилась, она обратилась к мистеру Лесли и ко мне, что если мы, с четырьмя другими лицами, которых она назвала, останемся после сеанса, она попробует сфотографироваться. Мы так и сделали; присутствовало, шесть человек не считая фотографа. Я раздобыл пару дюжин магниевых спиралей и, когда все было готово, она открыла дверь кабинета и встала туда; в это время мистер Холмс, по одну сторону, а я по другую, жгли магний, освещая комнату ярчайшим светом. Мы использовали две пластины, но ничего не получилось.
>
> Мы предприняли еще одну попытку 23 июля и имели успех. Мы спросили ее, не попробует ли она сфотографироваться при дневном свете. Она согласилась. В 16:00 ставни открыли. Вскоре появилась Кэти и сказала, что готова. Она попросила закрыть одно окно и держать шаль как защитный экран от света. Когда фотокамера была заряжена, она вышла, и встала за шалью в середине комнаты, от камеры она находилась в шести-восьми футах. После первого снимка она вернулась в кабинет.
>
> Мистер Холмс попросил разрешения сесть напротив камеры и предложил ей положить руку на его плечо. Она согласилась, но пожелала, чтобы все присутствующие не смотрели ей в глаза, так как это ей очень мешало...
>
> На второй фотографии она стоит за мистером Холмсом. После того, как объектив закрыли, было видно, что Кэти очень ослабла, ее необходимо было довести до кабинета, а когда она подошла к двери, то казалось, что она готова провалиться сквозь пол и затем исчезла(?). Кабинет открыли, но ее там не было. Через несколько минут она вновь появилась, сказав, что она не достигла нужной степени материализации и выразила желание попробовать еще раз, если мы согласны подождать. Мы ждали около четверти часа, затем услышали стук в кабинете; это означало, что она была готова выйти. Она вышла, и мы получили третий негатив.
>
> (подписано) Д-р Х. Т. Чайлд

Вот значит, как обстоят дела, д-р Чайлд, мы получили это, мы сделали то и се и много других вещей. Так ли это? Кроме правдивых заверений д-ра Чайлда о том, что его не было в

городе, особенно когда делали третий снимок, у нас имеется свидетельство фотографа, д-ра Сельгера и других. Думаю, д-р Чайлд не будет отрекаться от своей собственной статьи.

Эта статья у меня, я храню ее вместе с другими, такими же странными материалами, где все написано черным по белому. Так кто же занимается фальсификацией? Может ли доктор дать на это ответ?

Как он выкарабкается из этой дилеммы? Какие лучи его спиритического "солнца" смогут растворить этот противоречивый факт? Вот статья, занимающая две большие колонки в "The Daily Graphic", в которой он утверждает, что сам присутствовал, когда Кэти Кинг фотографировалась, что дух появлялся при дневном свете, что Кэти исчезла и что он, д-р Чайлд, помогая обессилевшей Кэти, видел, что в кабинете никого не было, так как дверь была открыта. Кому он помогал? Чье трепетное сердце было так близко к его руке и жилету? Была ли это симпатичная Элиза? Конечно, фотографии раскупили мгновенно: такие надежные показания такого доверительного свидетеля. А кто получил вырученные деньги? У кого они остались? Если д-ра Чайлда не было, когда делали снимки, тогда статья про них "явный вымысел". С другой стороны, если он говорит правду и действительно присутствовал при попытке подделки фотографий, тогда он знал "кто есть кто в 1874 году", как знал это фотограф, и не нужно иметь острое зрение Аргуса, чтобы отличить при дневном свете материализованный, эфирный дух от обыкновенной "машущей руками" смертной женщины, которую доктор "хорошо знал", хотя и не был с ней знаком.

Если наши самозваные лидеры, наши выдающиеся рекордисты феноменов будут жульничать и обманывать публику такими надежными сообщениями как это, то что же тогда спиритуалисты удивляются огромному количеству насмешников, которые, если и не называют нас в лицо "лгунами и шарлатанами", то вежливо принимают за лгунов. Не "медиумы", иногда пускающиеся на обман мешают нашему прогрессу; с одной стороны это экзальтированные преувеличения фанатиков, а с другой намеренные, бесстыдные утверждения тех, кто наслаждаются "фальсификациями оптом" и "ложью во спасение" – именно это помешало быстрому распространению спиритуализма в 1874 году и полностью остановило его в 1875. Кто знает, сколько это продлится.

В своей статье "После бури выглянуло солнце" доктор меланхолично заметил:

> Есть мнение, что я был подвержен обману в большей степени, чем другие, так как был сенситивом [О, бедный Йорик] и находился в такой атмосфере лжи, окутывающей этих медиумов [Холмсов].

Мы трепещем при мысли, что такая чувственная натура подверглась воздействию такой грязной среды. Увы! Наш голубок испачкался! Каким же надо быть чувствительным к пагубным воздействиям, чтобы пуститься на самую грандиозную фальсификацию, изобретать небылицы и подтверждать то, чего не было и не могло быть. Если д-р Чайлд, жертва своей слишком чувственной натуры, так легко поддается контролю злой Диакка, то наш ему дружеский совет бросить спиритуализм и как можно быстрее вступить в Христианский союз молодых людей; тогда, под крылом истинной Правоверной Церкви он может начать борьбу с Правоверным Дьяволом как второй Св. Антоний. Диакка, перед которой он не устоял у Холмсов, не чета христианскому дьяволу, и если он не мог противостоять только силой своей чистой души, то он, может быть, одолеет Сатану "колоколом, библией, свечой" и святой водой, восклицая, как это делали до него другие "Отцы Исповедники" "Exorciso vos in nomine Lucis!" и празднуя победу бодрым Laus Deo.

Филадельфия, март 1875 г.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МЕДИУМАМ

Уважаемые господа,

Я незамедлительно пользуюсь возможностью предупредить всех медиумов – в особенности американских – что против них плетут интриги в Санкт-Петербурге. Я только что получила подробности от одного моего иностранного корреспондента и на них можно положиться.

Теперь вы знаете, что проф. Вагнер, геолог по специальности, выступает поборником спиритических феноменов. С тех пор, как он лично наблюдал великолепные демонстрации

французского медиума Бредифа, он издал несколько памфлетов, подробно разобранных полковником Олькоттом в "Люди из других миров", чем вызвал гнев противников психических феноменов из Имперского Университета, хотя это его не испугало. Представьте себе стадо бешеных быков несущихся к красному флагу пикадора и вы поймете какой эффект произвел памфлет Вагнера на его коллег.

Главный из которых – председатель научной комиссии, только что опубликовавшей доклад на тему, что Комиссия не наблюдала на сеансах, которых не было! Взбешенный защитой спиритуализма, который они хотели тихо уничтожить, этот господин внезапно преисполнился решимости приехать в Америку и, возможно, уже находится в пути. Как Самсон науки, он думает связать лис-медиумов за хвосты, поджечь их и пустить на поле этих филистимлян – Вагнера и Бутлерова.

Позвольте сделать медиумам дружеское предупреждение. Если этот русский профессор появится на сеансе, не спускайте с него глаз и пусть все за ним следят; не приглашайте его на частные сеансы, где не будет хотя бы одного правдивого и непредвзятого спиритуалиста. Некоторым ученым нельзя доверять. Мой корреспондент пишет, что профессор – направляется в Америку, чтобы устроить грандиозный скандал, уничтожить спиритуализм и сделать посмешищем П. Вагнера, Аксакова и Бутлерова.

Интрига неплохо задумана: он приезжает якобы на празднование столетия Америки; это не должно привлечь внимания медиумов.

Но, господин Редактор, вдруг ему уготовлена судьба профессора Хэра и он станет спиритуалистом! Как же заголосует Общество Физических Наук! Страшно подумать какое унижение ждет моего соотечественника.

Однако другой выдающийся русский ученый также приезжает в Америку, и ему я прошу оказать совсем иной прием. Проф. Киттара, известнейший технолог России и член Тайного Совета Императора, действительно послан правительством на празднование Столетия. Он очень интересуется спиритуализмом, очень стремится провести исследования и имеет при себе верительные грамоты, данные мистером Аксаковым. Последний пишет мне, что проф. Киттара должен быть оказан цивильный и внимательный прием, поскольку, если его доклад будет положительным, то он окажет огромное влияние на общественное мнение.

Предвзятость университетской комиссии, кажется, не прошла бесследно. Вот перевод из газеты Биржевые Ведомости (издается в Санкт-Петербурге), посланный мне Аксаковым:

> Мы узнали, что комиссия по исследованию феномена медиумов, образованная Обществом Физическим Наук, прикрепленным к Университету, собирается опубликовать доклад своих трудов(?!). Этот доклад появится как приложение к ежемесячному журналу Физического и Химического обществ. Между тем, создается другая комиссия и не из членов Общества Физических Наук, а из Медицинского общества. Тем не менее, несколько членов из Общ. Физ. Наук будут приглашены так же, как и сторонники спиритуализма и те, кто смогут предъявить важные предложения за и против существования подобных феноменов. Мы слышали, что образование этой Комиссии тепло поддерживается, поскольку такая необходимость явствует из предательства Общества Физических Наук, не сдержавшего обещание провести сорок сеансов, поспешного принятия несправедливых выводов и большая предвзятость его членов.

Будем надеяться, что новая Комиссия будет более достойной, чем предыдущая (мир ее праху!).

"The Banner of Light", 13 мая 1876 г.

ФАКИРЫ И ЛЕТАЮЩИЕ СТОЛЫ

Каким бы я не была профаном в законах, управляющих солнечной системой, я в любом случае твердо верю в гелиоцентрическую журналистику и соглашаюсь с "The Sun", добавив несколько замечаний по поводу своего "иконоборства".

Бесспорно, для скромной иностранки большая честь быть распятой двумя выдающимися личностями вашей великодушной страны – очень добрым дьяконом Ричардом Смитом и соловьем, поющим в ивах и кипарисах, Г. Вашингтоном Чайлдсом, но только до полудня. Я не индусский факир и мне не нравятся распятия, особенно, когда я этого не заслуживаю. И мне также не нравится, выражаясь образно, раскачиваться на дыбе,

пронзенной стрелами вашей сатиры. Я не приглашала журналистов на представление. Я не искала дурной славы. Я всего лишь поселилась в тихом уголке вашей страны, и, как женщина, которая много путешествовала, попытаюсь рассказать общественности Запада необычные вещи, которые я наблюдала на Востоке. Меня бы здесь не было, будь у меня возможность сделать это в России. Но поскольку я здесь, я "скажу всю правду", как гласит старая английская поговорка.

Репортер "The World", посетивший меня, написал статью, в которой перепутал свои воспоминания о чучелах моих обезьян, канареек, тигровых голов и пальм с эфирной музыкой и двигающимися, как тени, двойниками адептов. Эта была очень интересная статья, и конечно, автор не хотел показаться предвзятым. Если читатели усмотрят в ней мое отрицание законов природы или косвенное утверждение возможности чудес, то виноват либо мой плохой английский, либо невнимательность самих читателей.

Нет более бескомпромиссных верующих в непреложность и универсальность законов природы, чем оккультисты. Оставим в покое, с вашего разрешения, великого Ньютона. Я не отрицаю закон гравитации или притяжения Солнца, но я против утверждения, что кроме закона, гласящего, что центр Земли притягивает к себе тела – это самый наглядный для нас пример гравитации – нет другого, такого же справедливого закона, который бы мог, при определенных обстоятельствах, нейтрализовать первый.

Если бы хоть раз в сто лет мы наблюдали, как факир или стол зависает над землею без видимого механического воздействия, то тогда можно было бы говорить, что явление это есть результат закона природы, но о нем ученые еще ничего не знают. Христиане верят в чудеса; оккультисты верят в них даже меньше, чем набожные ученые, как например, сэр Дэвид Брустер. Попробуйте показать оккультисту неизвестный ему феномен, и он никогда не будет утверждать a priori, что это фокус или чудо. Он будет искать причину в причине возникновения феномена.

В 1854 году по Парижу ходил анекдот про астронома Бабине; в это время шла настоящая война между Академией и "танцующими столами". Этот ученый-скептик заявил в "Revue des Deux Mondes" (январь 1854 г., стр. 414), что "левитация мебели без физического контакта так же невозможно, как и вечный двигатель". Спустя несколько дней, во время эксперимента в его присутствии стол поднялся в воздух без физического воздействия, после чего Бабине сразу же направился к зубному врачу и тот удалил ему коренной зуб. Дело в том, что иконоборческий стол во время левитации двинул в челюсть астроному-скептику, но статья уже пошла в печать, и вернуть ее было невозможно.

Думаю, девять из десяти человек, включая редакторов, верят в то, что волновая теория света одна из самых убедительных. Однако, если открыть страницу 22 в "The New Chemistry", написанной проф. Джосая П. Куком младшим из Гарвардского Университета (Нью-Йорк, 1876), то мы прочтем:

> Я не могу согласиться с теми, кто считает волновую теорию света окончательно установившимся принципом науки... Теория должна учитывать связь качественных факторов в эфире пространства, и я с большим трудом могу поверить, что о них сейчас кто-либо знает.

Что же это, как не иконоборство?

Надо помнить и то, что сам Ньютон соглашался с корпускулярной теорией Пифагора и его предшественников и только en desespoir de cause[102] ученые приняли волновую теорию Декарта и Хагенса. Кеплер утверждал, что солнце имеет магнитную природу. Лейбниц считал, что планеты двигались благодаря возмущениям эфира. Борелли предвосхитил открытие Ньютона, но ему не удалось преподнести его так же эффективно, как это сделал последний. Хагенс и Бойль, Хоррокс и Хук, Халли и Рен – все думали о центральной силе действующей по направлению к солнцу и об истинном принципе уменьшения действия этой силы пропорционально обратному квадрату расстояния. О гравитации еще не сказано последнее слово, но только из-за того, что природа солнца пока что мало изучена.

Они только сейчас начинают осознавать (смотри лекцию "Солнце и Земля" проф. Бальфура Стюарта, прочитанную в Манчестере, а также лекцию проф. Майера "Земля как огромный магнит") – тонкую связь между пятнами на солнце и положением небесных тел. Только сейчас начинают говорить о межпланетных магнитных притяжениях. До тех пор,

[102] фр. – в отчаянии по этой причине

пока не поймут, что гравитация есть лишь магнитное притяжение и отталкивание и покуда не будет лучше понята роль магнетизма в бесконечных корреляциях сил в эфире пространства – "этой гипотетической среде", как называет ее словарь Вебстера – я смело говорю, что неумно и несправедливо отрицать факты левитации факиров или столов. Тела с противоположными электрическими зарядами притягивают друг друга; если же заряды одинаковы, то они отталкиваются. Согласитесь, что любому телу, имеющему вес, будь то человек или предмет, может, благодаря внешней или внутренней причине быть сообщена полярность, идентичная полярности опоры, на которой он находится – что же помешает подняться в воздух этому телу?

Прежде, чем уличать меня во лжи, когда я утверждаю, что я наблюдала левитацию, как людей, так и предметов, вы, прежде всего, должны отвергнуть свидетельства более известных лиц, чем я. Мистер Крукс, проф. Тари из Женевы, Луи Жаколио, ваш д-р Грей и д-р Вагнер и сотни других, от первого до последнего могут подтвердить феномен левитации.

Я удивлена, что даже редакторы такого солидного издания как "The World" так мало знакомы с Восточной метафизикой даже в общих чертах и не имеют представления о "брюках" факиров-индусов в частности. Плохо, очень плохо – ведь они написали, что святые нищие, исповедующие религию Драхмы, вышли из буддийских монастырей Тибета, и уже совсем не годится одевать их в широкие шаровары при выполнении религиозных функций.

Это так же плохо, как если бы журналист-индус захотел бы представлять его преподобие мистера Бичера и взошел бы на кафедру в скудном облачении – только dhoti – набедренная повязка, и больше ничего. Следовательно, объяснение часто наблюдаемых левитаций браминов и гуру вне помещений куском железа спрятанным под одеждой так же логично, как и объяснение монсеньера Бабине, утверждавшего, что произвольные движения стола и непонятно откуда взявшееся постукивание происходит благодаря бессознательному чревовещанию. Вы можете не верить, что у человека могут удалить кишечник, но хочу заявить, что сама видела как это делают. Вы правильно говорите, что это "удивительно", но все же чуда здесь нет. Ваше предложение, что д-р Хаммонд должен сам пронаблюдать это, заслуживает внимания. Наука от этого только выиграет, а ваш скромный корреспондент получит свидетельство в ее поддержку. Однако можете ли вы дать гарантию, что он представит миру скептиков пример "правдивого изложения", если его наблюдения будут противоречить теориям того, что мы условно называем наукой?

Нью-Йорк, 28 марта 1877 г.

ЧТО ТАКОЕ ИНДУССКИЙ СПИРИТУАЛИЗМ?

Феномены Индии – помимо того, что они вызывают несомненный интерес, сильно отличаются друг от друга, а во многих случаях и являются полной противоположностью тому, о чем мы привыкли слышать в Европе и Америке – обладают еще одним свойством, которое заслуживает серьезного внимания исследователя психологии.

Приписывать ли феномены непосредственному вмешательству и помощи духам умерших людей или же какой-то другой, и к тому же неизвестной, причине, этот вопрос мы пока отложим в сторону. Его можно обсудить, с некоторой степенью уверенности, только после того, как большинство этих феноменов будет тщательно изучено и представлено на суд беспристрастной и непредубежденной публике, во всей правдивости и без преувеличения. Однако, я все же хотела бы подчеркнуть, что, вместо требований обычных "условий" темноты и гармоничных кругов, которые, тем не менее, оставляют свидетелей неуверенными в достижении ожидаемых результатов, индийские феномены, за исключением самостоятельных проявлений бхутов (духов умерших), никогда не бывают случайными и спонтанными, и кажется, что они целиком зависят от воли оператора, будь он святой индусский йог, мусульманский садху, факир или еще какой-нибудь обманщик джаддугар (колдун).

В этой связи, я намерена предоставить многочисленные доказательства того, о чем здесь говорю; читаем ли мы о якобы сверхъестественных манифестациях Риши, арийских патриархов античности или Ачария (духовных учителей) в век Пуран, рассказывают ли нам о них народные предания, или же мы сами наблюдаем за этими манифестациями в наши дни, эти феномены будут всегда существенно разниться друг от друга.

И в феноменах медиумизма и в средневековых проделках лудонских монахинь и других исторических possedees в момент одержания бхутами мы часто узнает точные копии – как если бы они были когда-то оригиналами – библейских чудес.

За исключением двух, из-за которых мир добродетели впадает в экстаз, славя Всевышнего, а мир скептицизма язвительно ухмыляется, а именно, анти-гелиоцентрического преступления, совершенного Иешуа и неприятной экскурсии Ионы в чрево кита, в Индии можно встретить почти все феномены, которые, как говорят, так прославили Моисея и других друзей Господа.

Но жаль тех почтенных фокусников Иудеи!

Жаль те благочестивые души, которые возвели на такую высоту этих якобы пророков будущего пришествия Христа. Сорок теологов Англиканской церкви, которые сейчас заняты исключительно тем, что порочат еврейскую Библию, сбросили идолов с их пьедесталов.

Отчаянный крик, поднятый обозревателем комментария к Священному Писанию, только что напечатанному в наиболее крайнем органе православия (Лондонский "Quarterly Review", Апрель, 1879) подстать лишь кроткой покорности неизбежному. То, на что я намекаю, уже вам известно, я говорю о решении и окончательных выводах о достоинстве Библии, к которым пришли ученые епископы, занимающиеся в последние 10 лет тщательной ревизией Старого Завета. Результаты этого труда любви можно суммировать следующим образом:

1. Низведение Моисеевых и других "чудес" до простых естественных феноменов (см. решения Кэнона Кука, капеллана Королевы и епископа Гарольда Брауна).

2.Отказ от многих пророчеств Христа как таковых; упомянутые пророчества, оказывается, имеют отношение лишь к событиям еврейской истории.

3. Решения не возводить на одинаковую высоту Старый Завет и Евангелия, так как это неизбежно приведет к осквернению Нового Завета.

4. Печальное признание, что книги Моисея не содержат ни слова о загробной жизни и справедливая жалоба что:

Моисей, находящийся под божественным водительством (?) должен был бы воздержаться от признания жизни после смерти, несмотря на то, что эта вера была широко распространена во всех религиях за пределами Израиля.

То есть:

> Признано, что это одна из загадок, которые являются испытанием для нашей веры.

Это также и испытание для наших американских миссионеров. Образованные туземцы все читают английские газеты и журналы и сейчас становится все труднее убедить этих "студентов – язычников" в "возвышенных" истинах христианства, но это в качестве прелюдии; я упоминаю об этих новых фактах лишь потому, что они имеют прямое отношение к спиритуализму вообще, и его феноменам в частности. Спиритуалисты всегда пытались идентифицировать свои феномены с библейскими чудесами, и данное решение, принятое теми, кто больше расположен, за, чем против "чудес" и божественных явлений, представляет неожиданную трудность на нашем пути. Будем надеяться, что в виду этих новых течений в религиозной жизни, наш уважаемый друг д-р Пиблз, прежде чем всецело посвятить себя созданию "независимых христианских церквей", подождет следующих церковных постановлений и увидит как английские теологи – иконоборцы и их вердикты опрокинут феномены Нового Завета. И возможно, если их упорство не испарится, они также припишут все чудеса, совершенные Иисусом, "естественным феноменам".

К счастью для спиритуалистов, а также и для теософов, от феноменов девятнадцатого века нельзя также легко отмахнуться, как от чудес, описанных в Библии. Последним, слепо верили почти две тысячи лет, хотя очень часто они переступали границы всех возможных законов природы; в нашем же случае все наоборот: мы можем предоставить факты.

Но вернемся назад. Если можно сказать, что феномены оккультной природы изобилуют в Индии, то частые высказывания д-ра Пиблза о том, что в Индии полно прирожденных спиритуалистов, являются, как бы это выразиться, слишком поспешными и преувеличенными. Отстаивая свою точку зрения в Лондонском "Спиритуалисте" от 18 января, 1878г. в споре с одним мадрасским джентльменом, проживающим сейчас в Нью-Йорке, он утверждал:

> Я встречал не только сингальских и китайских спиритуалистов, но и сотни индусских спиритуалистов, одаренных способностями к сознательному медиумизму. Тем не менее, м-р О'Грэйди, из Нью-Йорка, сообщает читателям "Спиритуалиста" (см. номер от 23 ноября), что индусских спиритуалистов не существует. Вот его слова: "Ни один индус не является спиритуалистом".

В подтверждение своей точки зрения, д-р Пиблз приводит цитату из письма одного уважаемого индусского джентльмена, м-ра Чанд Митры из Калькутты, в которой говорится, что он благословляет бога за то, что его "внутреннее зрение все более крепнет" и что он разговаривает "с духами". Все мы знаем, что м-р Митра – спиритуалист, но что это доказывает? Будут ли соответствовать действительности слова д-ра Пиблза что, поскольку Е. П. Блаватская и полдюжины других русских стали буддистами и ведантистами, в России полно буддистов и ведантистов? Возможно, что в Индии и найдется несколько спиритуалистов среди образованных классов, но я очень сомневаюсь, что наш уважаемый оппонент сможет легко найти хоть дюжину спиритуалистов среди 240-миллионного населения этой страны. Но есть, конечно, исключения, которые, как известно, только подтверждают правило.

За несколько лет до того, как доктрины спиритуализма стали широко распространяться в мире, я покинула Индию и жила в Америке. Я воздерживалась от полемики в печати со знаменитым спиритуалистом – "пилигримом" и философом, хотя его заявления и удивляли меня, прекрасно знающую, как мне казалось, Индию.

Я думала, что Индия, консервативная сама по себе, могла измениться, и я уже не была уверена в своих доказательствах. Но сейчас, когда я возвратилась в эту страну в четвертый раз, и вот уже 5 месяцев живу здесь, тщательно изучив эти феномены, и особенно мнение людей по этому вопросу, проведя семь недель в путешествиях по стране, я знаю, о чем говорю. М-р О'Грэйди был прав. Ни один "индус" не является спиритуалистом, в том смысле, в котором мы понимаем это слово. И сейчас я готова доказать, если понадобится, на примере десятков писем от заслуживающих доверия индусов, которых воспитали брахманы и которые знакомы с религиозными взглядами и суевериями своих соотечественников лучше, чем кто-либо из нас, что индусов можно назвать как угодно, но только не спиритуалистами. Что входит в понятие "спиритуалист"? уместно вопрошает в Лондонской спиритуалистической газете один корреспондент, имеющий страсть к описаниям (см. "Спиритуалист", Июнь 13, 1879). Он спрашивает:

> можно ли назвать м-ра Крукса спиритуалистом, если он, также как и ваш покорный слуга, не верит, что духи мертвых являются посредниками в феноменах?

Затем он приводит несколько определений:

> от наиболее веротерпимых, до наиболее ограниченных.

Давайте посмотрим, к какому из этих определений "спиритуализм" индусов, я не говорю обо всех, подходит больше всего. Так как д-р Пиблз во время своих двух кратких пребываний в Индии, а также по дороге из Мадраса, когда он преодолевал расстояние от Калькутты до Бомбея, мог повстречать "сотни спиритуалистов", то это действительно могло бы составить, если не большинство, то, по крайней мере, значительный процент из 240-миллионного населения Индии.

Я сейчас процитирую определения из письма одного вопрошателя, который подписывается "спиритуалист"(?), и добавлю к ним свои собственные замечания:

А. – Каждый, кто верит в бессмертие души, является спиритуалистом.

Думаю, что нет, в противном случае всю христианскую Европу и Америку можно было бы занести в разряд спиритуалистов; также это описание (А) не отвечает религиозным воззрением ни одной из индусских сект; в то время как невежественные массы верят и стремятся к Мокше, т.е. к растворению духа человека в Брахмане или к утрате индивидуального бессмертия, как средству избегнуть наказания и ужасов посмертного перехода, философы, адепты и ученые йоги, также, как наш досточтимый учитель Свами Даянанд Сарасвати, великий реформатор Индии, ученый-санскритолог и глава Ведической секции восточного отделения Теософского общества, объясняют будущее состояние духа,

его прогресс и эволюцию терминами, совершенно отличными от взглядов спиритуалистов. Об этих взглядах, если захотите, я могу написать в одном из следующих писем.

В. – Любой, кто верит, что общение с духами умерших подтверждает непрерывное существование сознания после смерти, является спиритуалистом.

Индус, будь он ученый муж, философ или невежественный идолопоклонник, не верит в "непрерывное существование сознания", хотя он верит в святую, безгрешную душу, которая достигла Сварги (неба) и Мокшу, период, который продолжается много миллионов и квадрильонов лет, от одной Пралайи[103] до другой.

Индусы верят в циклическое переселение души, во время которого есть периоды, когда душа теряет свои воспоминания, а также и сознание своей индивидуальности; если бы все было наоборот, то каждый из нас отчетливо помнил бы все свои предыдущие воплощения, но мы их не помним. Логика индусских философов также очень последовательна. По крайней мере, они не допускают вечно длящейся награды или наказания за какие-нибудь несколько десятков лет жизни на земле, будь эта жизнь святой или грешной.

В. – Спиритуалистом является тот, кто верит в любой из объективных феноменов, какой бы теории он ни придерживался или даже если он не придерживается никакой.

Такими являются "феноменалисты", а не спиритуалисты, и в этом случае описание соответствует индусским религиозным представлениям. Все они, даже те, кто придерживается современной школы атеизма, объявляют себя материалистами, хотя в душе они феноменалисты.

Г и Д. – Спиритуализм не возможен без духов, но духи не обязательно должны быть человеческими.

В этом случае теософы и оккультисты могут быть объединены под общим названием спиритуалисты, хотя последние относятся к ним, как к врагам; в этом смысле только индусы являются спиритуалистами, хотя их идеи о человеческих духах диаметрально противоположны идеям "спиритуалистов".

Они рассматривают бхутов, т.е. духов, которые умерли с неудовлетворенными желаниями, и которые, в силу своих грехов и земных привязанностей, притягиваются к земле и не допускаются в Сваргу (элементарии теософов) как злых демонов, которые могут быть уничтожены в любой день всемогущими проклятиями медиумов, которых они ценят и за которыми гоняются.

Индус рассматривает как величайшее проклятье, которое может обрушиться на человека, одержание и осаждение бхутом и даже любящие супруги часто разводятся, если жена одержима бхутом своего родственника; похоже, что бхут осаждает исключительно женщин.

Е. – Никто не имеет права называть себя спиритуалистом, если он придерживается новомодных понятий об "элементариях", духе медиума и т.д.; или не верит, что дух умершего человека причастен ко всем сверхъестественными феноменам.

Это одно из самых правильных описаний, приведенных выше, с точки зрения ортодоксального спиритуализма, и кладет конец нашему спору с д-ром Пиблзом. Ни один индус, если бы даже его заставить рассматривать бхутов как безнравственных, страдающих духов на пути к совершенствованию и окончательному прощению, не смог бы, если бы даже

[103] Что означает слово "Пралайа", см. "Разоблаченную Изиду", том II. Я счастлива отметить, что несмотря на язвительную критику, которую обрушили на ведический и буддийский разделы некоторые американские ориенталисты, Свами Даянанд и досточтимый Сумангала с Цейлона, представляющие ведическую и буддийскую школы в Индии – первый лучший санскритолог, а второй знаменитый исследователь языка пали – оба выразили свое удовлетворение моими эзотерическими объяснениями, касающимися их религий. "Разоблаченная Изида" теперь переводится на маратский язык и хинди в Индии и на язык пали на Цейлоне.

и захотел, объяснить все сверхъестественные феномены этой спиритуалистической теорией. Традиции его религии и философии противятся такой ограниченной идее. Индус, прежде всего, есть прирожденный метафизик и логик. Если он и верит во что-то, то никогда не допустит, что законы существуют только для этой планеты; он будет применять эти законы для всей вселенной, т.к. он, прежде всего пантеист, а потом уже все остальное, независимо от его принадлежности к какой-то определенной секте.

Таким образом, м-р Пиблз, удачно использовав парадокс, сам прекрасно определил ситуацию в своем письме, опубликованном в "Спиритуалисте" и упомянутом выше; он пишет:

> Некоторых из лучших медиумов, с которыми мне посчастливилось познакомиться, я встретил на Цейлоне и в Индии. Но и они не были медиумами, поскольку они действительно общались с Pays и Pesatsays, которые обитают в воздухе, воде, огне, в скалах и деревьях, в облаках, в дожде, росе, под землей и кавернах!

Таким образом "медиумы", которые были не медиумы, были также не больше спиритуалисты, чем медиумы и дом (дом д-ра Пиблза), разделился сам в себе и не может устоять. Со всем сказанным ранее мы полностью согласны, и я продолжаю свой рассказ.

Как я уже упоминала ранее, я и полковник Олькотт, в сопровождении индусского джентльмена, м-ра Мулджи Такер Синга, члена нашего Совета, отправились в семинедельное путешествие в начале апреля. Мы преследовали две цели: 1) нанести визит и остаться на некоторое время у нашего союзника и учителя Свами Даянанда, с которым мы долго переписывались в Америке, и тем самым укрепить союз нашего Общества с Арья Самадж (сейчас последнее насчитывает более 50 членов.); и 2) увидеть как можно больше сверхъестественных феноменов и, с помощью нашего Свами, йога и посвященного в тайны Видья (или Тайное Учение), выяснить из первых уст некоторые спорные вопросы об агентах и сверхъестественных способностях в действии.

Конечно, ни у кого не было лучшей возможности, чем у нас, выяснить это. Наши отношения с Пандитом Даянандом были дружескими отношениями ученика и учителя. Он был самым образованным человеком в Индии, брахманом привилегированной касты, который в течение долгих семи лет подвергался обычным и страшным испытаниям йогизма в горной и дикой местности, в одиночестве, в наготе и в постоянной борьбе со стихиями и дикими животными – борьбе божественного Духа человека и его высшей воли со слепыми силами природы в виде тигров, леопардов, носорогов и медведей, в окружении ядовитых змей и скорпионов.

Жители ближайшей к горе деревни могли бы подтвердить, что в течение нескольких недель никто не отваживался отнести Свами хоть немного еды – пригоршню риса; и когда они приходили, они неизменно заставали его сидящем в одной и той же позе и на одном и том же месте – на открытом, песчаном бугре, в джунглях, кишащих хищными зверями – без всякой еды и воды в течение многих недель, как будто он был сделан из камня, вместо мяса и костей.[104]

Он объяснил нам этот загадочный секрет, который дает силы человеку переносить страдания и жестокие лишения, позволяет ему обходиться без еды и питья в течение дней и недель, помогает ему стать абсолютно невосприимчивым к жаре и холоду, и, наконец, пребывать в течение ряда дней вне тела.

Во время этого путешествия мы посетили колыбель индийского мистицизма, средоточие аскетов, где память о чудесных феноменах Риши также жива, как и в дни, когда школа Патанджали, известного основателя йогизма, была переполнена и где его йога – Санкхья – все еще изучается с таким же рвением, хотя и с меньшим пониманием. Мы дальше отправились в Верхнюю Индию и северо-западные провинции; в Аллахабад и Канпур, где берега священного Ганга переполнены многочисленными верующими, куда последние, испытывая отвращение к жизни, приходят провести остаток своих дней в медитации и уединении, становясь саньяси, госсейнами, садху. Потом в Агру, с ее Тадж Махалом, этой

---

[104] Йоги и аскеты не являются единственными примерами длительных постов; если этот факт подвергается сомнению или же полностью отметается скептической наукой как лишенный каких-либо убедительных доказательств, поскольку эти феномены имеют место в отдаленных и недоступных местах, мы может привести в пример многих джайнов, живущих в городах. Многие из них постятся, воздерживаясь даже от глотка воды, в течение 40 дней кряду, и всегда выживают.

поэмой в мраморе, как удачно назвал ее епископ Гебер, и дальше к могиле основателя Агры, великого Императора – Адепта, Акбара, в Сикундре; в Агру, где храмы переполнены поклоняющимися Шакти и к тому известному месту в истории индийского оккультизма, где Джамна смешивает свои голубые воды с патриархальным Гангом, и которое было выбрано Шактас (поклонниками женских сил) для совершения своих пудж, во время которых руками девственниц создаются знаменитые черные кристаллы или зеркала, упомянутые Рандольфом. Оттуда, снова в Сахаранпур и Мератх, где вспыхнуло сипайское восстание в 1857 г.

Во время нашего пребывания в Сахаранпуре, который был железнодорожным центром, собралось почти 25 тысяч санньяси и госсейнов после паломничества в Хардвар. В Сахаранпуре полковник Олькотт учинил тщательный допрос паломникам, часами беседуя с ними.

Затем мы отправились в Раджастхан, страну, где живет самая отважная и самая мистическая из всех рас Индии – Солнечная Раса, чьи раджи ведут свое происхождение от самого Солнца. Мы дошли аж до Джайпура, этого Парижа, и в то же самое время Рима земли Раджастхан. Мы облазили долины, горы и священные рощи, в которых было много пагод и верующих, среди которых нам встретилось много святых, действительно обладающих чудесными свойствами. Однако большинство из них все же были отъявленными мошенниками. Нам удалось расположить к себе нескольких брахманов, стражей и хранителей тайн своего Бога и своего храма, но получили от этих "наследственных жуликов", как их метко окрестил полковник Олькотт, не больше свидетельств о схожести их взглядов со взглядами спиритуалистов, чем от санньяси и заклинателей злых духов. Также мы никогда не упускали возможности, встречаясь с образованными индусами, расспросить их о том, что думают их соотечественники о феноменах вообще, и спиритуализме в частности. И на все наши вопросы, кто именно святых йогов наделяет "чудодейственными силами", которые позволяют им совершать феномены, неизменно получали один и тот же удивленный ответ: "Он (сам йог), сливаясь с Брахманом, совершает их". Очень часто наши собеседники испытывали отвращение и даже обижались на непочтительные расспросы полковника Олькотта о том, не помогают ли бхуты творить магу чудеса? Почти два месяца в нашем жилище в Бомбее, в саду, на верандах и в залах, толпились – ежедневно до ста человек – с утра и до позднего вечера туземцы, принадлежавшие к различным кастам, расам и религиозным верованиям. Они приходили к нам обменяться мнениями по метафизическим вопросам и обсудить достоинства восточной и западной философии, включая оккультные науки и мистицизм. Во время нашего путешествия мы принимали наших братьев из Арья Самадж, которые отправляли свои депутации приветствовать нас везде, где бы мы ни находились, и где было отделение Самадж. Так мы ближе познакомились со взглядами сотен и тысяч последователей Свами Даянанда, которые они исповедовали прежде, чем последний отвратил их от той или иной идолопоклоннической секты. Многие из них были образованными людьми и настолько же сведущими в ведической философии, насколько раньше в догматах секты, с которой они расстались. Таким образом, у нас было намного больше возможностей познакомиться со взглядами индусов, их философиями и традициями, чем у других европейских путешественников и даже чиновников, живших в Индии годами; поскольку они не исповедовали индусскую веру и не были с индусами в приятельских отношениях, как мы, им не доверяли и не называли их, как нас, "братьями".

Только после непрерывных исследований и долгих бесед, которые мы вели в течение нескольких месяцев, мы пришли к тем же заключениям, к каким и м-р О'Грэйди: ни один индус не является спиритуалистом; и, за исключением очень редких случаев, никто из них никогда не слыхал о спиритуализме и его распространении в Европе, и в особенности в Америке; многие из них знают столь же мало об этой стране, как и о Северном Полюсе. Только недавно Свами Даянанд обнаружил, что ранние арии должны были знать об Америке, поскольку Арджуна, один из пяти Пандавов, друг и ученик Кришны, как повествуют Пураны, отправился в Паталу на поиски жены, женился в той стране на Улупи, дочери Нага, царя Паталы, страны – антипода Индии – описания которой в точности совпадают с Америкой и о которой в те далекие времена не знал никто, кроме ариев. Поэтому члены Самадж проявляют такой интерес к этой стране.

Но когда мы объяснили происхождение, развитие и доктрины спиритуалистической философии нашим друзьям, и особенно modus operandi медиумов, т.е. сообщение духов умерших с живыми людьми, чьи организмы эти духи используют как средство общения, ужас наших слушателей был явно неподдельным в каждом случае. "Общение с бхутами, – воскликнули они, – общение с духами, ставшими злыми демонами, которым мы готовы приносить жертвы в виде еды или питья, чтобы ублажить их, или чтобы заставить их мирно покинуть нас, но которые всегда возвращаются, чтобы нарушить наш покой. Их присутствие мы рассматриваем как осквернение! Какое удовольствие или комфорт беллати (белые иностранцы) могут испытывать от общения с ними!" Поэтому я повторяю, и очень настойчиво, что в Индии не только нет спиритуалистов, в том смысле, в каком мы понимаем этот термин, но даже сам намек на так называемое "общение с духами" вызывает отвращение у индусов, если можно так выразиться, у самой древней нации в мире, которая знала все о феноменах на протяжении многих тысяч лет. Разве это ни о чем не говорит нам, нам, кто совсем только недавно начал лицезреть чудеса медиумизма?

Должны ли мы мнить себя такими умными, чтобы отказываться следовать указаниям Востока, видевшего своих святых – даже своих богов, демонов и духов стихий – совершающих чудеса в далекой древности?

Разве мы настолько усовершенствовали нашу собственную философию, что можем сравнить ее с индийской философией, которая может объяснить каждую тайну и убедительно продемонстрировать саму суть каждого феномена?

Поверьте мне, стоит попросить помощи у индуса, если потребуется доказать материалистам и скептикам от науки, и убедительнее, чем мы может это сейчас сделать, что, какой бы ни оказалась догадка о подлинной сущности агентов, все феномены, будь они библейские или ведические, христианские или языческие, полностью согласуются с законами этого мира и первые претендуют на научное исследование. Давайте сначала докажем существование сфинкса профанам, а уже потом попробуем разгадать его тайну.

Спиритуалисты всегда найдут время, чтобы опровергнуть "устаревшие доктрины" прошлого. Истина вечна, и как бы долго ее ни топтали, она все равно вновь появится и обновленная засветит еще ярче среди исчезающих сумерек суеверия. Но в одном смысле применение нами термина "спиритуалисты" к индусам полностью оправдано. Как бы они ни выступали против физических феноменов, произведенных бхутами или неуспокоенными душами умерших и одержания ими медиумов, все же они с радостью принимают утешительные свидетельства непрекращающегося к ним интереса со стороны их умершего отца или матери.

В субъективном феномене снов, в картинах ясновидения или транса, вызванного чарами святых, они приветствуют духов любимых ими когда-то людей и часто получают от них важные напутствия и совет.

Если захотят ваши читатели, я могла бы посвятить серию писем индийским феноменам, объясняя их по мере описания.

Я искренне надеюсь, что американские спиритуалисты более не будут угрожать теософам – иконоборцам и их "устаревшим" идеям. Я делаю это не из желания проповедовать новые доктрины или распространять нежелательную индусскую пропаганду, а единственно из желания предоставить материал для сравнения и изучения тем спиритуалистам, которые еще не отвыкли думать.

Бомбей, июль 1879 г.

ВОЙНА НА ОЛИМПЕ

Над холодным и ясным горизонтом точной науки собираются черные тучи, предвещая грозу. Между жрецами науки уже формируются два лагеря. Они враждуют между собой, временами осыпая друг друга бранью. Яблоком раздора в данном случае является спиритуализм. Каждый год он соблазняет все больше и больше знаменитостей, которые отходят от непогрешимых столпов материалистического отрицания и попадаются в ловушку исследований так называемых спиритуалистических явлений. А мы все знаем, что когда истинный ученый исследует их без предрассудков, он обычно заканчивает как профессор Хэр, м-р Уильям Крукс, член Королевского общества, великий Альфред Россель Уоллас, еще

один член Королевского общества и многие другие известные ученые, т.е. он переходит на сторону врага.

Нам действительно любопытно узнать, какую теорию выдвинут скептики в условиях современного кризиса науки и как они смогут объяснить недавнее отступничество нескольких знаменитых ученых. Избитые обвинения в non compos mentis и в "старческом слабоумии" уже больше не пройдут. Число выдающихся ренегатов растет так быстро, что если обвинять в слабоумии всех, кто экспериментальным путем убеждается, что стол может разумно говорит, а медиумы плыть по воздуху, то это может стать плохим предзнаменованием для науки, так как вскоре в научных обществах не останется никого, кроме умалишенных.

Скептики, пытаясь объяснить каким образом это странное заблуждение так прочно засело в умах знаменитых ученых, найдут некоторое утешение в теории атавизма – мистическом законе о наследственности, который так яростно защищают современные школы Дарвинского эволюционизма, особенно в Германии, что видно на примере бескомпромиссного апостола современной "борьбы за культуру" Эрнста Хакеля, профессора Йенского университета. Они могут отнести веру своих коллег в необычайные феномены за счет некоторого движения молекулы клетки в нервных узлах их когда-то мощного мозга, который они получили в наследство от своих невежественных средневековых предков. Или же они могут расколоть свои ряды и, образовав imperium in imperio, продолжать следовать принципу "разделяй и властвуй". Все это возможно, но только время покажет, какая из двух сторон выйдет победительницей.

К этим размышлениям нас подтолкнул спор, разгоревшийся сейчас между немецкими и русскими профессорами – выдающимися и прославленными savants. Тевтонцы и славяне, в рассматриваемом нами случае, враждуют не на почве национальной розни, а на почве того, во что они верят или не верят. Заключив, на время, наступательный и оборонительный союзы, независимо от расовой принадлежности, ученые разбились на два лагеря: один представляет спиритуалистов, другой – скептиков. И сейчас они объявили друг другу беспощадную войну. Одну сторону возглавляют профессор Цельнер, Ульриззи, Фихте, Бутлеров и Вагнер из Лейпцигского, Галльского и Санкт-Петербургского университетов, другую – профессора Вундт, Менделеев и ряд других немецких и русских знаменитостей. Едва профессор Цельнер, знаменитый астроном и физик, признал в печати медиумические способности д-ра Слейда, чем поверг в ужас своих ученых коллег, как профессор Ульриззи, из Галльского университета, навлекая на себя гнев научного Олимпа, публикует памфлет, "The Spiritualism a Scientific Qustion", где он опровергает доводы проф. Вундта, из Лейпцигского университета, которые тот выдвигает против спиритуализма в своем памфлете "Spiritualism – the Scienfic Question". А сейчас на арену борьбы выходит и другой ее активный участник – г-н Бутлеров, профессор химии и естественных наук из Санкт-Петербурга, чьи рассказы о собственных экспериментах в Лондоне с медиумом Вильямсом поднимают острейшую полемику. Газета "Kladderadatsch" помещает на своих страницах юмористический рисунок танца войны и потешается по этому поводу, тогда как более серьезные консервативные газеты выражают негодование.

Прижатые к своим последним траншеям холодными и неопровержимыми доводами знаменитого натуралиста, критики, возглавляемые Санкт-Петербургским светилом г-ном Бурениным, похоже, впали в отчаяние и очевидно испытывают недостаток в боеприпасах, поскольку для разгрома врага они стали использовать самые замечательные парадоксы.

Доводы за и против в этом споре вызывают слишком большой интерес; наши потомки могли бы даже обидеться, если бы этот спор остался только на страницах русских и немецких газет и не стал бы достоянием гласности английских и американских читателей, проявляющих интерес к спиритуализму. Итак, мы, уподобляясь Гомеру, последуем за спорщиками, сократив, к удовольствию наших друзей, эту современную Илиаду.

Проведя несколько лет в неустанных исследованиях феноменов, г-да Вагнер и Бутлеров, выдающиеся savants и профессора Санкт-Петербургского университета, пришли к выводу, что сверхъестественные феномены не вымысел, а реальность. И как следствие этого, оба ученых публикуют в ведущих периодических изданиях многочисленные и убедительные статьи в защиту "вредной эпидемии", как д-р Карпентер называет спиритуализм в минуты "бессознательной работы своего мозга" и "предрасположения" к своему хобби. Оба из

вышеупомянутых джентльменов обладают очень ценными качествами, которые вызывают тем больше уважения, чем реже их можно встретить среди мужей науки. Эти качества, по признанию их критика, самого г-на Буренина, таковы:

(1) серьезное и глубокое убеждение в том, что то, что они защищают, не вымысел; (2) непоколебимое мужество доказывать при каждом удобном случае предубежденной и враждебной публике, что это и есть их убеждение; (3) ясность и логичность их высказываний; (4) безмятежное спокойствие и беспристрастность к мнению их оппонентов; (5) полное и глубокое знание предмета дискуссии. Перечислив эти качества, их критик добавляет:

> Все это позволяет нам рассматривать недавнюю статью профессора Бутлерова "Empiricism and Dogmatism in the Domain of Mediumship" как одну из самых значительных эссе, которая, несомненно, окажет сильное воздействие на читателя. Такие статьи – большая редкость в нашей печати, поскольку они изобилуют оригинальностью выводов автора и отличаются ясным, четким и серьезным изложением фактов...

Эту хвалебную статью можно суммировать несколькими словами. Мы не будем останавливаться на перечислении всех чудес спиритуалистических феноменов, которые наблюдал профессор Цельнер в опытах с д-ром Слэйдом и которые так защищает профессор Бутлеров, поскольку они не более удивительны, чем личный опыт самого г-на Бутлерова и м-ра Вильямса, медиума из Лондона, в 1876 г. в этой же области.

Сеансы проходили в одном из Лондонских отелей, в комнате, занимаемой достопочтенным Александром Аксаковым, русским действительным статским советником, в которой, кроме него, присутствовали еще двое – профессор Бутлеров и медиум. Таким образом, сговор полностью исключен. Итак, что же произошло в этой комнате, что так сильно взволновало одного из первых ученых России? А вот что: м-р Вильямс, медиум, сидел, привязанный ногами, руками и всем телом к стулу, который стоял в углу глухой стены и был отгорожен от присутствующих пледом г-на Бутлерова, который образовывал своего рода экран. Вскоре Вильямс впал в некое летаргическое состояние, известное спиритуалистам как транс; перед глазами исследователей начали появляться "духи"; со всех сторон стали доноситься голоса и громкие предложения "невидимок"; вещи – туалетные принадлежности и тому подобное – полетели в разные стороны комнаты, и, наконец, "Джон Король", что-то вроде известного короля призраков, предстал перед ними лично. Но мы предоставляем профессору Бутлерову самому рассказать об этой феноменальной истории:

> Сначала мы увидели несколько ярких огней, плывущих в воздухе, а вскоре и самого "Джона Кинга", представшего пред нами в полный рост. Его появлению обычно предшествует зеленоватый фосфорический свет, который разрастался все больше и больше, пока, наконец, бюст "Джона Кинга" не осветился целиком. Все находившиеся в комнате начали ощущать, что свет исходит из какого-то светящегося предмета в руке "духа". Отчетливо различалось лицо человека с густой черной бородой и белым тюрбаном на голове. Его фигура появилась как бы из кабинета (т.е. из-за отгороженного угла комнаты, где сидел медиум) и затем приблизилась к нам. Каждый раз видение это длилось всего несколько секунд, потом его фигура внезапно исчезала, свет потухал и фигура становилась абсолютно невидимой, но через несколько секунд появлялась вновь; затем из окружающей темноты доносился голос "Джона", с того самого места, где он появлялся чаще всего, после того как исчезал, хотя и не всегда. "Джон" спросил нас: "Что я могу сделать для вас?", и г-н Аксаков попросил его подняться до потолка и побеседовать с нами оттуда. В соответствии с выраженным желанием, "Джон" неожиданно появился над нашим столом и стал величественно подниматься к потолку, который сразу же озарился светом от блестящего предмета в его руке, и когда "Джон" почти поравнялся с потолком, он крикнул нам сверху: "Довольны?"

Во время другого сеанса г-н Бутлеров попросил "Джона" приблизиться к нему, что "дух" и исполнил; это позволило г-ну Бутлерову отчетливо разглядеть "сверкающие, ясные глаза "Джона". Другой дух, "Питер", хотя он никогда и не принимал видимую форму на сеансах, все же беседовал с господами Бутлеровым и Аксаковым, писал для них на бумаге, заблаговременно приготовленной ими и т.д.

Хотя ученый профессор и перечисляет подробно все меры предосторожности, которые он предпринял против возможного обмана, его критик все же чувствует себя неудовлетворенным и уместно вопрошает:

> Почему же уважаемый savant не поймал "Джона" за руку, когда тот был на расстоянии всего одного фута от него? Опять же, почему господа Аксаков и Бутлеров не схватили "Джона" за ноги, когда тот поднимался к потолку? Конечно, они все это должны были бы сделать, в интересах науки и своих собственных, если бы они так стремились проникнуть в область "потустороннего мира". И справься они с таким простым и в то же время таким незначительным научным тестом, им бы не пришлось, возможно... больше объяснять научное значение спиритуалистических феноменов.

О том, что это значение не преувеличено и так же важно для мира науки, как и для религиозной мысли, свидетельствуют многочисленные философские размышления о современном "жульничестве". Вот что об этом говорит Фихте, известный немецкий ученый:

> Современный спиритуализм главным образом доказывает существование того, что в простонародье очень туманно и неумело называют "привидениями". Если мы допустим реальное существование этих привидений, тогда они станут неопровержимым и практическим доказательством продолжения нашего собственного сознательного существования (за вратами смерти). И такой осязаемый, наглядный факт не может не оказать благотворного влияния на нашу эпоху, которая, скатясь до мрачного отрицания бессмертия, гордится своим обширным интеллектом и думает, что она давно оставила позади себя все предрассудки подобного рода.

Если такое осязаемое доказательство будет действительно найдено и продемонстрировано нам, честно и непредубежденно, то, Фихте рассуждает дальше:

> Если бы реальность продолжения жизни после смерти была убедительно доказана, в строгом соответствии с логикой экспериментальной естественной науки, то с этим фактом, вследствие его особой природы и значения для человечества, не мог бы сравниться ни один другой факт во всей истории цивилизации. Извечный вопрос о предназначении человека на Земле был бы, таким образом, решен, и сознание человечества поднялось бы на одну ступеньку выше. То, что до сих пор открывалось человеку в пределах слепой веры, предчувствия и страстной надежды, стало бы для него реальным знанием; он бы обрел уверенность, что является частичкой вечного, духовного мира, в котором он продолжит свое существование и что его временное пребывание на этой Земле лишь только прелюдия к будущей вечной жизни, и что только здесь он сможет почувствовать и полностью осознать свое предназначение. А убедившись в этом, человечество было бы потрясено новым и воодушевляющим значением жизни и его интеллектуальные восприятия впитали бы в себя идеализм, подкрепленный неоспоримыми фактами. Это привело бы к полному переосмыслению жизни человека и его миссии на Земле, это было бы, если можно так выразиться, "новое рождение". Тот, кто утратил веру в вечное предназначение и вечную жизнь, будь то отдельный человек, целая нация или представитель определенной эпохи, может нами рассматриваться как человек, вырвавший с корнем чувство той жизненной силы, которая единственная вызывает в нас стремление к самопожертвованию и ведет нас к совершенствованию. Такой человек неизбежно становится эгоистичным, себялюбивым и чувственным созданием, которого волнует лишь его самосохранение. Его культура, просвещенность и цивилизованность становятся для него лишь украшением на пути к чувственной жизни, или, в лучшем случае, защитой от возможных напастей.

Вот такое огромное значение немецкий ученый Фихте и русский профессор Бутлеров придают спиритуалистическим феноменам, и мы можем добавить, что их взгляды находят искренних сторонников в Англии в лице м-ра А. Р. Уолласа.

Один из влиятельных американских научных журналов использует точно такой же высокий стиль, когда говорит о том большом значении, какое будет иметь для всего мира научное доказательство посмертного существования души. Если окажется, что спиритуализм прав, утверждает журнал, то:

> Это станет огромным событием для всего человечества; оно покроет неувядаемой славой весь девятнадцатый век; тот, кто докажет реальность духовного мира, прославится в веках и имя его будут чтить превыше всех других. Если утверждения спиритуализма не лишены рациональности, то перед учеными встает важнейшая задача –

доказать состоятельность этих утверждений. ("Scientific American", 1874, цитируется по работе Олькотта "Люди из другого мира", предисловие).

А сейчас посмотрим, что же упрямый русский критик, (который, похоже, является рупором Европейской материалистической науки) может предложить в ответ на неопровержимые доводы и логику г-д Фихте и Бутлерова. Если скептицизм не найдет более веских доводов противостоять спиритуализму, кроме как следующего оригинального парадокса, то нам придется объявить, что в этом споре он потерпел поражение.

Вместо положительных результатов, в случае окончательной победы спиритуализма, о которых нам поведал Фихте, критик предсказывает совсем противоположное:

> Как только к обоюдному согласию всех наука выдвинет убедительные и обоснованные доказательства о том, что наш мир переполнен душами живших до нас людей, к которым мы со временем и сами присоединимся, как только будет доказано, что эти "души покойных" могут общаться с нами, простыми смертными, вся земная естественная наука лопнет как мыльный пузырь и потеряет для нас, живущих, весь интерес. Зачем людям надо заботиться о своей быстротечной жизни на земле, если смерть совсем не препятствует сознательному общению с миром живых, или даже post mortem участию в их делах? Как только, с помощью науки, опирающейся на данные экспериментов с медиумами и на открытия спиритуализма, такие отношения будут установлены, то с каждым днем они будут становиться все более и более тесными; удивительная дружба вспыхнет между этим и "другим" миром; тот, другой, станет раскрывать этому миру наиболее оккультные секреты жизни и смерти, а также ранее недоступные законы вселенной, те, над которыми сейчас бьются лучшие умы человечества. В итоге, нам вскоре будет нечего делать в этом временном пристанище, у нас не останется ни одного желания, кроме как желания побыстрее перейти в мир вечности.
>
> Не нужно будет больше ни изобретений, ни наблюдений, ни науки! Зачем нужно напрягать свои мозги над усовершенствованием, например, телеграфа, если единственное, что нужно – это установить хорошие отношения с духами, чтобы пользоваться их услугами для мгновенной передачи мыслей или предметов, и не только из Европы в Америку, но, если и захотите, даже на Луну?
>
> Установление общения de facto между двумя мирами, к которому так стремятся некоторые ученые, неизбежно приведет нас к следующему результату: полному уничтожению всей науки и даже расы человеческой, которая будет мечтать только о том, как бы скорее попасть в иной, лучший мир. Ученые phantasists, которым так не терпится продвинуть вперед спиритуализм и установить тесный контакт между двумя мирами, всегда должны помнить об этом.

На что ученые phantasists могут вполне обоснованно ответить, что прежде чем рассматривать подобную теорию, нужно сначала привести свои мозги в соответствие с той микроскопически малой дозой ума, которая требуется для ее изобретения.

Предназначено ли вышеупомянутое высказывание в качестве серьезного возражения против данного вопроса? Странная логика! Нас пытаются уверить, что, поскольку эти мужи науки, которые не верят ни во что, кроме материи и пытаются каждый феномен – даже ментального и духовного свойства – вогнать в прокрустово ложе своих собственных предвзятых идей и представлений, и которые, в силу обстоятельств, вынуждены будут приспосабливать эти представления к истине, хотя и не желанной и к фактам, откуда бы их ни извлекали, то только поэтому наука потеряет все свое очарование для человечества. Более того, сама жизнь станет тяжким грузом!

На свете миллионы людей, которые, не веря совсем в спиритуализм, тем не менее верят в другой, лучший мир. И если бы эта слепая вера стала реальным знанием, то она сделала бы человека только лучше.

В конце этой уничтожающей критики "легковерных мужей науки", наш критик бросает в них еще одну бомбу, которая, к несчастью, подобно другим снарядам, пролетает мимо главных виновников и ранит их ученых коллег. Мы переводим этот снаряд дословно, на этот раз ради всех европейских и американских академиков. Говоря о Бутлерове и его статье, он добавляет:

> Выдающийся профессор, в частности, приводит странный факт, что каждый день у спиритуализма становится все больше и больше сторонников среди

новообращенных великих ученых. Он перечисляет длинный список имен знаменитых ученых Англии и Германии, которые в той ли иной степени признали спиритуалистические доктрины. Среди этих имен мы находим вполне авторитетные имена величайших светил науки. Такой факт, говоря без преувеличений, поражает и придает спиритуализму огромный вес. Но стоит нам только спокойно поразмышлять над ним, как мы легко приходим к заключению, что именно среди таких величайших мужей науки спиритуализм быстрее всего распространяется и находит готовых сторонников. Несмотря на весь их могучий интеллект и огромные знания, наши великие ученые, во-первых, домоседы, а во-вторых, за небольшим исключением, люди с больной и расшатанной нервной системой, чей утомленный мозг все время отклоняется от нормального развития. Таких домоседов легче всего одурачить; умный шарлатан с большей легкостью надует и поймает в свои сети ученого, чем необразованного, но практичного человека. Галлюцинации скорее овладевают людьми с тонкой психикой, особенно если их внимание сосредоточено на определенной идее или любимом занятии. Это, я думаю, вполне нам объясняет, почему так много мужей науки вступают в армию спиритуалистов.

Мы не станем спрашивать у г-д Тиндаля, Гёксли, Дарвина, Герберта Спенсера, Луэса и других скептиков от науки и философии, как им нравится перспектива расшатанных нервных центров, коллективного размягчения мозгов и, как следствие, галлюцинаций. Этот довод представляет собой не только глупую naivete, но и литературное уродство. Мы далеко не во всем согласны со взглядами проф. Бутлерова, или даже м-ра Уолласа, что касается сил, вызывающих эти феномены; тем не менее, между крайностями духовного отрицания и утверждения должна быть некая середина; только чистая философия, опираясь на твердые принципы, способна установить истину, и ни одна философия не может считаться полной, если она не включает в себя физику и метафизику. М-р Тиндаль, который в "Science and Man" утверждает, что "метафизику можно будет признать только тогда, когда она отбросит всякие претензии на научные открытия и согласится, чтобы на нее смотрели как на вид поэзии", подставляет себя под град критики потомков. Между тем, он не должен считать грубым ответ спиритуалистов, что "физику можно принять, когда она отбросит свои претензии на исследования в области психологии". В недалеком будущем, физикам придется согласиться на роль простых наблюдателей и аналитиков физических результатов, предоставляя рассматривать духовные причины тем, кто верит в них. Каким бы ни был предмет настоящего спора, мы полагаем, однако, что со своим появлением спиритуализм запоздал на целых 100 лет. Наш век – век крайностей. Честных философов-скептиков немного, а имя тем, кто бросается к другой крайности – легион. Мы – дети нашего века. Благодаря все тому же закону атавизма, он, похоже, унаследовал от своего родителя – восемнадцатого века, века Вольтера и Джонатана Эдуардса – свой чрезмерный скептицизм, и, в то же время, религиозное легковерие и фанатичную нетерпимость.

Спиритуализм – анормальный и преждевременный отпрыск, стоящий между этими двумя веками, и хотя он находится на пути к истине, его нечеткие убеждения заставляют его блуждать уединенными тропами, которые ведут к чему угодно, но только, не к философии. Его будущее целиком зависит от своевременной помощи, которую он может получить от честной науки, той науки, которая не отметает с презрением истину. И, возможно, думая об оппонентах этой истины, Альфред Мюссе написал следующие замечательные строки:

Покоен ли твой сон, Вольтер?
Смеешься ль страшным смехом взирая на свои останки?..
Тебя не поняли – ведь ты родился слишком рано
Вот это время подошло бы тебе лучше -
Рождаются такие же как ты!
И жизни монолит что мощными руками ты
Без устали расшатывал
Обрушился на нас.

"Теософист", ноябрь 1879 г.

СТОИТ ЛИ АРГУМЕНТИРОВАТЬ ДАЛЬШЕ?

В статье "Заметки по ходу дела" в журнале "Свет", подписанной "М. А. Оксоном", сообщается:

> Пришедший номер "Теософиста" содержит важный манифест, окончательно определяющий и утверждающий позицию, занимаемую этим изданием. Суть его заключается, вкратце, в полном антагонизме спиритуализму. Спиритуалист верит в возможность связи развоплощенных духов с землей. Как бы не расходились наши мнения по разным вопросам, в этом кардинальном пункте нашей веры мы едины. Опыт нашей повседневной жизни убеждает нас в его истинности. Согласующиеся показания наиболее опытных среди нас говорят о том, что, присутствуют ли здесь или нет какие-либо иные посредники, но духи, которых мы знаем – это духи однажды живших на земле людей. На это теософы отвечают, что мы просто ошибаемся. Духи не вступают в связь с землей по одной простой причине – они не могут. Дальше уже аргументировать не стоит. Мы только можем идти своим путем. Что бы там ни было на Востоке, мы твердо уверены, что на Западе развоплощенные духи человечества и могут, и хотят поддерживать с нами связь. И никакие метафизические теории о том, чего не может быть, ни в коей мере не отменяют того, что есть".

Все эти "факты" – это просто серия спекуляций на основе весьма поверхностно усвоенной доктрины, выраженной в наших "Фрагментах оккультной истины". Они дают далеко не полное представление о том, чему учит доктрина, отрывки которой разъяснены в статье, довольно странно названной "манифестом". Мы сожалеем о необходимости вновь противоречить нашему уважаемому оппоненту, который, казалось, уже в отчаянии махнул на теософов рукой. Но если мы действительно примем его совет "не аргументировать дальше", тогда позиция, занятая нами, даст волю новой поросли неверных толкований. Невероятно трудно осветить вопрос о состоянии человека после смерти, о последующем развитии его души, духа и других основ, как бы их не называли, в такой маленькой статье. Сам по себе он охватывает огромное количество запутанных метафизических понятий, даже одно из которых могло бы потребовать для полного изучения и понимания нескольких томов комментариев и объяснений. И все же, даже столь поверхностно описывая наши идеи во "Фрагментах", которые, кстати, были лишь ответами на основные вопросы нашего уважаемого брата из Австралии, мы, тем не менее, не выразили ничего такого, что подтвердило бы слова "М. А. Оксона" о том, что наша доктрина "полностью противоречит спиритуализму". Если мы возьмемся это доказать, он сам увидит, что тут нет и половины того антагонизма, который ему представляется.

"Спиритуалисты верят в возможность связи развоплощенных духов с землей", – пишет автор, – "...и на это теософы говорят нам, что мы просто ошибаемся". В одном этом предложении, как ядро в скорлупе ореха, скрывается причина противоречия. Стоит "М. А. Оксону" лишь слегка преобразовать процитированное выше предложение, а именно, написать следующим образом: "духи, воплощенные на земле, могут вступать в контакт с духами развоплощенными", – и тогда никакого антагонизма и в помине не было бы. Что мы утверждаем и чего придерживаемся – так это того, что все так называемые "физические феномены", и "материализация" в особенности, производятся чем-то или кем-то, кому мы присваиваем имя "дух". Послушайте слова президента нашего бурханпурского отделения (Бабу Нобин Кришна Банерджи, президент Теософского общества "Адхи Бхаутик Бхаратру"):

> Мы, индусы (а вместе с нами и все европейские последователи восточной философии), стараемся одухотворить наше грубое материальное Я, в то время как американские и европейские спиритуалисты в своих комнатах для сеансов прилагают усилия к материализации духов.

Эти мудрые слова прекрасно показывают различные тенденции восточного и западного сознаний. Действительно, в то время как первые работают на очищение материи, другие все свое лучшее посвящают деградации духа. Потому-то мы и говорим, что в девяносто девяти случаях из ста, так называемая "материализация", будь она частичная или полная, если она истинная, производится тем, что мы называем "оболочками", "шелухой", и

в редких случаях, возможно, астральным телом живого медиума – но определенно никогда, по нашему мнению, самими "развоплощенными" духами.

Мы выражаем искреннее сожаление о расхождении наших мнений со "Светом", и в то же время, мы не можем удержаться от улыбки по поводу наивности некоторых других спиритуалистов-оппонентов. Так, например, редактор лондонского "Спиритуалиста" в передовице номера за 18 ноября, озаглавленной "Плетение спекуляций" называет отрывки оккультной доктрины, данные во "Фрагментах", "ненаучными", и укоряет автора (которому нет равных и даже близких в знании метафизики, в проницательности и логике среди англо-индийских писателей) в недостатке "научности метода" представления его фактов! И в то же время, редакторская статья информирует нас, что "факты" – это не "означает обязательно физические факты, ибо есть доказуемые истины вне сферы физики". Определенно. И именно на таких "фактах, основанных для нас на очевидности, которую мы "опробовали", мы утверждаем доказуемость выводов и окончательных заключений, к которым мы пришли. Мы проповедуем это только для тех, кто действительно хочет знать. Как никто слепы нежелающие видеть; и мы воздержимся от предложения наших доктрин тем, кого они оскорбляют (а среди них и некоторые спиритуалисты). Мы предоставляем наши факты тем многочисленным читателям, кто еще не отдал своего голоса той или иной теории. Пусть сами смотрят, слушают и судят; и некоторым из них наши теории вовсе не покажутся чистым "переплетением спекуляций", основанном на гипотезах и тупом сентиментализме веры (всеми этими эпитетами наши теории награждены лишь за то, что они обещают жизнь после смерти), но они увидят в них теории, взращенные логикой и строгой дедукцией из фактов, которые и составляют знание. Теперь, что же это за факты, что они показывают и чему они нас учат?

Первое и главное (исключения из него очень редки, а подтверждения мы видим очень часто) – вместо того, чтобы стать мудрее вследствие освобождения от физиологических ограничений и узости грубых материальных чувств, так называемые "развоплощенные духи" оказываются более тупыми, гораздо менее проницательными и во всех отношения худшими по сравнению с живущими людьми. Далее, мы имеем записи частых противоречий, абсурдных ошибок, невероятных вульгарностей и пошлостей, появлявшихся в интервью со смертными; на сеансах материализации их выражения однообразно вульгарно-пошлы, их вдохновенные речи или сообщения через медиумов таковы почти всегда. Добавив к этому тот неоспоримый факт, что их учения являются точным отражением особой веры, суждений и мыслей, используемых ими медиумов, мы уже получим достаточно доказательств, показывающих, что наша теория, утверждающая, что они не более, чем "шелуха", и ни в коей мере не развоплощенные духи, гораздо более логична и "научна", чем у спиритуалистов.[105] Говоря это, мы, конечно, не имеем в виду исключительные случаи, неоспориые примеры духовных личностей, по которым наше мнение совершенно совпадает с оценкой спиритуалистов. Но еще ни одна из тех "оболочек" не доказала, что это "она" спускается к медиуму, а не дух последнего поднимается для встречи со своим инструктором.

Таким образом, мы утверждаем, что "духи" на самом деле являются тем, чем их называют, не более, чем кокон покинувшей его бабочки. Изображение же ими различных личностей, которых они иногда представляют, происходит, в основном, благодаря случайным контактам "элементария" или "аидолона" (привлеченного медиумом и сильным желанием окружающих) с персональной "аурой" той или иной индивидуальности. Мысли последней, различные поступки и события из прошлой жизни, воспоминания о родных и близких вызываются из всесодержащих глубин астрального света и используются. Иногда это проходит довольно успешно, но очень часты и совершенные неудачи. Только в то время как о первом, как правило, пишется, о последних все время умалчивается; спиритический журнал не знакомит своих читателей с этими подробностями. Вот собственно и все, что мы хотели сказать о материализации и физических феноменах. Что же касается остального, то

[105] Нам не нужно далеко ходить за примерами, показывающими как "обильно", точнее скудно, используется "научный метод" "Спиритуалистом". Но вместо того, чтобы говорить о науке и ее методах, мы просто хотим заметить следующее. Хотя обе наши теории (теософов и спиритуалистов) наверняка воспринимаются людьми науки как "переплетение спекуляций" и метафизические ветряки, все же гипотезы спиритуалистов будут определенно названы большинством истинных ученых не просто ненаучными, но и совершенно нефилософскими, и вообще нелогичными.

тут мы едины во мнении со спиритуалистами. Есть, правда, и здесь у каждого свои особые понятия, но они мало отличаются, и касаются лишь формы, а не сути.

"Теософист", январь 1882 г.

СПИРИТУАЛИЗМ И ОККУЛЬТНАЯ ИСТИНА

В журнале "Спиритуалист" от 18 ноября разбирается статья, опубликованная в октябрьском номере "Теософиста" под заголовком "Фрагменты оккультной истины", но при этом сильно недооцениваются цели и, особенно, значимость статьи. Чтобы, однако, читателю было понятно последующее изложение, в начале мы приведем выдержки из статьи в "Спиритуалисте", которая называлась "Размышления вокруг да около".

Глубоко уважаемый автор лучшего учебника по химии на английском языке, покойный профессор У. Аллен Миллер на лекции в Королевском институте представил слушателям некоторые факты, однако намеренно не разъяснил предположительную гипотезу, возможно объясняющую эти факты, мотивируя это тем, что соблазнительные, но не доказанные гипотезы, однажды внедренные в умы людей, труднее всего искоренить; они зачастую преграждали путь к истине, способствовали развитию исследований в ложном направлении, так что лучше, если их вообще не будет в сознании молодых студентов-ученых.

Тот, кто занимается истинно творческими исследованиями, должен иметь определенные гипотезы при постановке каждого нового эксперимента. Эти эксперименты – вопросы, задаваемые природе, и обычно ее ответы равняют с землей все эти гипотезы, одну за другой, но постепенно подводят исследователя к истинному пути и раскрывают неизвестный дотоле закон, который после этого можно безопасно использовать на благо человечества.

От такого подхода в корне отличается метод исследования некоторых психологов. Им в голову также попадают соблазнительные и благовидные гипотезы, но вместо того, чтобы полагать развитие этих гипотез вредным до точной проверки их достоверности, они, напротив, считают это самым разумным, игнорируя необходимость фактов и доказательств; на основе этого возможно даже создание целой философской школы или религии, к которой они призывают присоединяться других людей, чтобы отстаивать новые догматы. Так, триумфально, под звуки фанфар, определенные люди навязывают миру недоказанные гипотезы вместо того, чтобы проверить их и, чаще всего, опровергнуть эти гипотезы еще в зародыше, как это должно делать настоящему ученому.[106]

Современные религиозные периодические издания переполнены статьями, содержащими лишь гипотезы, которые авторы выдают за истину и предлагают превозносить ее и бороться за нее. Редко можно встретить скромное суждение:

> Это может объяснить некоторые моменты, смущающие нас, но пока достоверность данной гипотезы не будет подтверждена фактами, будьте осторожны, чтобы не принимать ее за истину.

Под "фактами" мы вовсе не имеем в виду лишь вещественные факты, ибо существуют истины вне области материального, которые, однако, также могут быть продемонстрированы.

Вышеупомянутые мысли часто приходили нам в голову при чтении "Теософиста", и, в частности, после интересной редакторской статьи в последнем номере этого журнала, где приведено точное разделение природы человеческого тела и духа на семь пунктов ("Теософист", сс. 18, 19, октябрь 1881 г).

В статье нет и попытки привести какие-либо доказательства, и содержащиеся в ней утверждения могут иметь смысл лишь для тех, кто основывает свои мнения на не терпящих возражения голословных заявлениях других людей, но не на собственном опыте. Примечательно и то, что автор статьи не проявляет никаких признаков осознания того, что доказательства необходимы. Если бы для автора был приемлем научный подход, было бы необходимо предпослать каждому из семи пунктов определенные факты или истины,

---

[106] Не хотим быть жестокими, но где еще можно найти самые что ни на есть "недоказанные гипотезы", которые "настоящему ученому" следовало бы "опровергнуть в зародыше", как не в еженедельных выпусках "Спиритуалиста"!

показывая, как эти факты подтверждают указанные пункты. Это бы предотвратило разногласия.

Бесконечные размышления вокруг да около – это своеобразное умственное разложение, дающее мало пользы людям, которые начинают легко потакать подобным размышлениям и, как неоднократно случалось в Европе, строить на их основе фарисейское самосознание религиозного и философского превосходства над теми, кто основывает свои мнения на хорошо проверенных истинах. Если бы те, кто выдвигает все эти гипотезы, поняли свою ответственность и последовали примеру проф. Аллена Миллера, они освободили бы девять десятых своего времени и могли бы заняться полезным для людей трудом, сократились бы океаны расходуемых чернил и удалось бы сохранить и более полезно использовать умственную энергию. Сейчас же умы этих фантазеров можно сравнить с ветряными мельницами, постоянно работающими впустую[107].

Сейчас вокруг пустых умственных рассуждений слишком много и слишком мало людей, дающих практическое применение хорошим мыслям. Здесь, в Лондоне, в течение последнего года было очень много вопиющей несправедливости, которую можно было исправить, однако слишком мало людей трудилось над очищением окружающего их мира от печалей и грехов.

Мы не хотим обсуждать эти вопросы вместе со "Спиритуалистом" таким образом, чтобы соперничающие религиозные секты начали оспаривать свои преимущества. В поисках истины не может быть никакого сектантства; и хотя мы знаем, что спиритуалисты серьезно заблуждаются во многих наиболее важных заключениях, их, бесспорно, следует считать такими же искателями истины, как и нас. Все вместе они действительно заслуживают всех возможных почестей, ибо на основе своего опыта они смело шли к несенсационным выводам, больше заботясь о том, что представлялось им истиной, чем о мнении общества в целом. Мир смеялся над ними за то, что появляющиеся на сеансах видения они считали пришельцами иного мира, а их опыты приравнивали к мошенническим трюкам шарлатанов. Они же знали, что в большинстве случаев эти опыты вовсе не были мошенничеством, что такие обвинения – просто глупость, а материализующиеся "духи" могут быть чем угодно, но не подушками или ночными рубашками ассистентов медиумов (хотя было и такое). Поэтому они мужественно оставались верными своим убеждениям, и получили награду, которая более чем компенсировала глупый успех невежественных выскочек, – осознание контакта со сверхчеловеческим явлением и восторг истинного поиска. Подобный восторг первооткрывателей неизвестных морей несравним с торжеством священной значимости, которое должны были ощущать эти духовные искатели (достаточно развитые), когда в хрупкой лодочке медиумизма они отправлялись в океан неизведанного. И если они сознавали все опасности этого океана, можно лишь тепло приветствовать их мужество, равно как и равнодушие к насмешкам. Но еретики одного века, бывает, становятся ортодоксами следующего, а человеческая природа настолько склонна к повторению ошибок, что потомки мучеников могут превратиться в гонителей нового поколения. В эту же сторону склоняется ныне спиритуализм, и именно против этой тенденции мы и восстаем. Заключения спиритуалистов, пока еще неточные и незрелые, начинают обретать форму ортодоксальных догматов, а на основе многочисленных, но еще хаотичных и запутанных фактов, пытаются выстроить специфические доктрины, предсказывающие будущее, причем сами спиритуалисты зачастую столь же нетерпимо относятся к несогласным с чем-либо в этих доктринах, как ранее религиозные фанатики относились к спиритуалистам.

В действительности же спиритуалисты сделали то, в чем, пребывая в полном неведении относительно истинной природы оккультной науки, обвиняет нас сейчас "Спиритуалист", – они полностью отдались "рассуждениям вокруг да около". Смешно, что нам предъявляют подобное обвинение за "Фрагменты". Одной из главных целей этой статьи было убедить спиритуалистов не делать поспешных выводов, не кроить наскоро теории на основании опыта, полученного во время сеансов. Могут появляться различные сущности, будьте осторожны и правильно разберитесь в них. Можете увидеть видение, которое, как вы знаете, истинно (то есть не показное мошенничество шарлатана-медиума), и это видение

[107] Истинно так. Более тридцати лет фантазеры строят гипотезы о рациональном зерне "духа", и их мельницы денно и нощно работают, но все же до сих пор и смертные люди и помогающие им "духи" намолотили для мира лишь шелуху.

даже может быть внешне похоже на умершего друга, но не считайте, что этого достаточно, чтобы принять его за дух вашего умершего друга, не делайте выводов на основе таких обманчивых, иллюзорных фактов. Прислушайтесь сначала к мудрости древних философов относительно видений, и позвольте нам объяснить, почему мы отрицаем то, что кажется явным и естественным следствием фактов. Далее в статье мы продолжили объяснение известной нам теории истинных учеников философии древних. Мы повторяли доктрины, древние как пирамиды, но "Спиритуалист", не уделяя им ни малейшего внимания, кажется, действительно считает, что это наши гипотезы, придуманные и выдвинутые в одночасье, наподобие догадок Фигуера в "Дне после смерти" или Жюля Верна в "Путешествии вокруг Луны". Правда, мы не можем процитировать ни одного печатного издания древних философов и отправить читателя к определенной главе или стиху, но, бесспорно, все, истинно изучающие мистическую литературу, поймут, на каких учениях оккультных авторов и каким образом основано изложение, которое мы рискнули представить читателю. Да, оккультное учение отличается тем, что труднее всего подтверждать его утверждения "авторитетами", но от этого оно не становится "мыльным пузырем". Многократно объяснялось, что непрерывная последовательность передачи оккультных знаний среди посвященных адептов – отличительная особенность этого учения, притягивающая к нему тех, кто понимает, что значит посвящение и кто такие адепты. Начиная со Сведенборга, было много видящих, открыто признававших, что их знания других миров основаны на реальных наблюдениях, но этих людей не признавали, они были одиноки и могли быть подвержены иллюзиям одиночества. Каждый разумный человек интуитивно чувствует, и выражает это в нежелании полностью уверовать в убеждения подобных ясновидцев. Но, что касается истинно посвященных видящих, следует помнить, что речь идет о практически бесконечной плеяде людей, знавших о трудностях, с которыми они столкнутся, когда их духовное восприятие выйдет за пределы материального, и таким образом подготовленных постичь истинную реальность происходящего, людей, составляющих прекрасно организованную группу видящих, проверяющих заключения и открытия друг друга, и создающих на основе своего видения науку духа, столь же точную и достоверную, сколь точны и достоверны скромные достижения любой области естествознания (материальной науки). Эти посвященные обладают такими же глубокими духовными знаниями, как по-настоящему образованный профессор хорошего университета – литературными, превосходство обучения которого перед обучением самоучки очевидно. Рассуждения посвященного не могут быть вокруг да около, накопленная веками мудрость сама преподносит их к его ногам, он же лишь следует им, подтверждает и усваивает их.

Но, могут возразить, хотя мы и утверждаем, что наше изложение этой абсолютно достоверной оккультной науки больше, нежели простые заявления и гипотезы, это все же наши заявления, а для людей в целом это лишь гипотезы, и где же эта группа посвященных, непрерывно передающих свои знания. Относительно этого возражения нужно сделать два замечания. Во-первых, по данному предмету существует очень много книг, и как спиритуалисты говорят миру: "Если вы почитаете спиритуалистическую литературу, то поймете, насколько абсурдно продолжать отрицать или сомневаться в существовании духовных явлений", – так и мы говорим спиритуалистам: "Как только вы прочтете оккультную литературу, будет странно, если после этого вы будете сомневаться в непрерывности плеяды посвященных". Во-вторых, отметим, что можно сомневаться в самом существовании посвященных, и в то же время видеть в философии оккультизма, излагаемой теми, кто трудится в уверенности, что получили свои знания от компетентных наставников, столь неотъемлемые черты интеллектуального наследия, что странно, если эту философию не начнут уважать хотя бы как гипотезу. Мы не говорим, что "Фрагменты", опубликованные в октябрьском номере нашего журнала, представляют достаточно полную картину вещей, чтобы убедить кого-либо в подлинности изложенного материала, но даже в таком виде они не оскорбляют интуитивный критицизм, как это делает взаимоисключающая теория спиритуалистов. Постепенно, ибо в руднике, из которого почерпнуты "Фрагменты", много руды, вы увидите, что каждая новая идея, представляемая читателю, будет вполне соответствовать тому, что говорилось ранее, подтверждать ранее сказанное, и наоборот. Так, можно отметить, что даже некоторые заметки, опубликованные в декабрьском номере в ответ на вопросы о создании мира, помогают рассудку понять, каким образом элементарные

сущности, с одной стороны, и автоматически действующая кама-рупа медиума, с другой, приводят к появлению материализованных призраков, коих спиритуалисты принимают за духов умерших друзей. Иногда случается, что материализовавшийся дух оставляет после себя как напоминание о своем появлении небольшую часть своего духовного (?) убранства. Неужели спиритуалисты верят, что лоскуток муслина появляется из области чистого духа, откуда спускаются бесплотные души? Бесспорно, ни один философски образованный спиритуалист не поверит этому, но если он верит, что такое убранство создается из космической материи вселенной волей появляющегося духа (принимая до сих пор нашу теорию), разве не разумно тогда, что весь "материал" материализующегося пришельца тоже должен быть создан таким же образом? А в таком случае, если воля бесформенного духа может создать определенную форму, в которой зритель узнает умершего друга, то как еще это возможно, если не при помощи копирования неких источников, доступных духам; и, далее, разве не очевидно, что и любой другой дух может сделать то же самое? В действительности небольшое размышление об основах создания мира приведет к пониманию, что сходство материализующихся духов с какими-либо людьми абсолютно ничего не доказывает.

Факты спиритуалистического опыта подтверждают наши объяснения. Разве большинство спиритуалистов с большим опытом (кроме некоторых, как, например "М. А. Оксон", поставленных в другие условия и не домогающихся встреч с умершими друзьями) не деградируют рано или поздно до состояния полного интеллектуального истощения вследствие непродуктивного характера своих поисков? Как случилось, что все эти 20 лет, в течение которых спиритуалисты общались с умершими друзьями, их знания о жизни в следующем мире либо остались туманны, как беспорядочные фантазии кафедрального проповедника, либо, если и обрели немного точность, то все же гротесково материалистичны в своей так называемой духовности? Если духи действительно были бы тем, чем представляют их спиритуалисты, разве не очевидно, что они должны были прояснить эти знания; но если они являются тем, что утверждают они – а это на самом деле именно так – также очевидно, что все, что они могли сделать, – это как раз то, что они и сделали.

Но, в заключение, подчеркнем, что между спиритуалистами и нами не должно быть никакой враждебности (как, похоже, представляют некоторые спиритуалистические авторы) из-за того, что мы предлагаем им новые идеи, новые только в смысле их приложения к современным дискуссиям, но достаточно древние, если считать века с тех пор, как они появились на земле. Садовник не питает вражды к розам, подрезая кусты и не допуская роста больных побегов после прививки. Последователи оккультизма всегда должны относиться к спиритуалистам с симпатией, отсутствующей в вульгарном мире земного материализма и суеверий. Дайте им возможность выслушать вас, почувствовать в вас братьев-приверженцев истины, даже если истину находят в самых неожиданных местах. Они не могут быть столь рассеянными по отношению к своим же традициям, чтобы отказаться выслушать любое новое возражение из боязни пошатнуть веру, которую они находят удобной. Бесспорно, когда они изначально отказались плыть в общем потоке религиозной мысли и вышли из легкого сообщества респектабельных ортодоксов, они не исходили из соображений удобства. Неужели спиритуалист победит свое неверие только лишь с тем, чтобы оказаться в кандалах новой церкви, утонуть в своем втором детстве на новых скамьях, потерять способность к истинной вере и дальнейшему прогрессу? Разве не угрожающий знак, когда религиозная философия становится слишком удобной, предлагает ублажающее убежище нашим запятнанным душам в окружении гурий мусульманского элизиума, или очень уж домашней спиритуалистической "Страны вечного лета"? Когда мы предлагаем нашим друзьям и братьям-спиритуалистам трудом добытые фрагменты могущественного оккультного знания, у подножия труднодоступных вершин которого мы научились ценить их значение и достоинства, то несем не просто пустые фантазии, но здравые рассуждения. Неужели они спросят, почему мы не предлагаем превозносимое нами учение сразу целиком, чтобы ясно продемонстрировать его совершенную последовательность и связность? Вряд ли внимательный и глубокий человек, понимающий, какой должна быть совершенная философия вселенной, задаст этот вопрос. Это равносильно тому, как если бы от Колумба ожидали, что он привезет Америку в Испанию на своих кораблях. "Друзья, Америка не хочет

плыть", – мог бы ответить он. – "Но она там, за океаном, и если вы совершите такое же путешествие, как и я, и бури не погубят вас, возможно, и вы найдете ее".

"Теософист", февраль 1882 г.

ОТДЕЛ V
ТЕОСОФИЯ ПРОТИВ ДОГМАТИЗМА

Судьба новой истины такова:
в начале своего существования
она всегда кажется ересью.

Гёксли

ОТРИЦАТЕЛИ НАУКИ

Что касается того, что ты слышишь, как иные убеждают многих в том, что душа, после освобождения от тела, не испытывает страданий и не обладает сознанием, – я знаю, что ты слишком хорошо обучен доктринам, которые мы получили от наших предков, и священным оргиям Диониса, чтобы поверить им; ибо мистические символы хорошо известны нам, тем, кто принадлежит к "Братству".

Плутарх

С давних пор теософов в целом, и автора настоящей работы в особенности, серьезно обвиняли в неуважении к науке. Нас спрашивали о том, какое мы имеем право подвергать сомнению заключения наиболее выдающихся авторитетов, и отказывать в признании непогрешимости (что предполагает всеведение) наших современных ученых? Короче, как осмеливаемся мы "презрительно игнорировать" их наиболее бесспорные и "повсеместно принятые теории" и т. д. и т. п. Следует дать некоторое объяснение нашей скептической позиции.

Прежде всего, чтобы избежать естественного непонимания предыдущего параграфа, пусть читатель примет во внимание, что заголовок "Отрицатели науки" никоим образом не относится к теософам. Как раз наоборот. Под "наукой" мы подразумеваем ДРЕВНЮЮ МУДРОСТЬ, тогда как ее "Отрицатели" представляют собой современных материалистически настроенных ученых. Таким образом, мы снова имеем "высокую смелость", подобно Давиду, вступая в борьбу, со старомодной теософской "пращей" в качестве единственного оружия, против гигантского Голиафа, "снабженного кольчугой", весящей "пять тысяч сикелей меди". Пусть филистимляне отрицают факты и заменяют их "рабочими гипотезами"; мы отрицаем последние и защищаем факты, "оружие единой существующей ИСТИНЫ".

Искренность этого простого утверждения, конечно, должна разбудить всех спящих собак, и спустить всех паразитов современной науки для того, чтобы они кусали нас за наши издательские пятки. "Эти проклятые теософы!" – непременно раздастся крик. – "Сколько еще они будут отказываться от того, чтобы укротить себя; и сколько еще мы будем иметь дело с этой дьявольской конгрегацией?" Конечно, потребуется значительное время для того, чтобы нас опрокинуть, тем более, что один такой эксперимент уже был проделан. Кажется весьма естественным, что наше вероисповедание должно вызывать гнев у каждого подхалима механических и анималистических теорий Вселенной и Человека; количество таких подхалимов велико, хотя и не вызывает благоговейного трепета. В нашем цикле всеобщего отрицания ряды Дидимов усиливаются с каждым днем за счет новоиспеченных материалистов и так называемых "атеистов", избегающих церковного догматизма и полных реактивной энергии. Мы знаем численное превосходство наших врагов и оппонентов, и не

преуменьшаем его. Более того, в этом случае даже некоторые из наших лучших друзей могут спросить, как они уже делали это ранее: "Cui bono [кому это выгодно]? почему бы не оставить в покое нашу высокоуважаемую, имеющую прочные корни официальную Науку, с ее учеными и их низкопоклонниками?"

Далее будет показано, почему; и тогда наши друзья узнают, что у нас есть очень веские основания действовать так, как мы и действуем. У нас нет никаких причин ссориться с истинным человеком науки, искренним, не принадлежащим никакой группировке, непредубежденным и правдолюбивым ученым (каких, увы, меньшинство); он полностью заслуживает нашего уважения. Но тому, кто, будучи специалистом в физических науках, хотя бы и выдающимся, пытается навязать общественному мнению свои собственные материалистические взгляды по метафизическим и психологическим вопросам, в которых он не разбирается, нам есть что сказать. Мы не связаны какими-либо законами, божественными или человеческими, которые обязывали бы нас уважать мнения, которые в нашей школе считаются ошибочными, только потому, что они принадлежат так называемым авторитетам в материалистических или агностических кругах. Выбирая между истиной и фактом (в нашем понимании), с одной стороны, и рабочими гипотезами крупнейших из ныне живущих физиологов, хотя бы откликающихся на такие имена, как Гексли, Клод Бернар, ДюБуа Реймон и т. д., и т. п., – с другой, мы надеемся, что не будем колебаться ни на мгновение. Если, как однажды заявил м-р Гексли, душа, бессмертие и все духовные явления "находятся вне [его] философского исследования" ("Физические основы жизни"), то, поскольку он никогда не задавал себе таких вопросов, он не имеет никакого права предлагать свое мнение. Конечно, они находятся вне сферы материалистической физической науки, и, что еще более важно, по удачному выражению д-ра Поля Жибье, вне области ясного понимания большинства наших материалистических ученых. Они вольны верить в "автоматическое действие нервных центров" как первичных творцов мысли; в то, что явления воли – это только усложненная форма рефлекторных действий, и т. п., – но мы в такой же степени вольны отрицать их заявления. Они являются специалистами, и не более. Как это с восхищением описывает в своей последней работе автор "Спиритизма и факирства":

> Ряд людей, особенно просвещенных в некоторых отдельных областях науки, присваивают себе право произносить по своему желанию суждения относительно всего на свете, они готовы отвергать что-либо новое, что противоречит их взглядам, часто по той единственной причине, что если бы это было правильным, они не могли бы оставаться в неведении об этом! Со своей стороны, я часто встречал этот вид самодостаточности у людей, которых их знания и научные исследования должны бы были предохранить от такого прискорбного морального недостатка, если бы они не были специалистами в своей области. Это признак относительной неполноценности, считать кого-либо выше или ниже себя. На самом деле, количество умов, думающих таким образом, больше, чем обычно полагают. Так же, как существуют люди, полностью неспособные к изучению музыки, математики, и т. д., так же есть и те, для кого закрыты определенные области мысли. Некоторым из тех людей, которые, вероятно, различаются на... медиков или литераторов, замечательным образом не удается никакое занятие вне того, что я назову их "зоной видимости", аналогично тому, как рефлекторы проливают ночью свой свет в ярко освещенную зону, вне которой – глухая тьма и неопределенность. Каждый человек имеет свою собственную зону видимости, размеры и степень освещенности которой зависят от индивидуума.
>
> Имеются вещи, которые находятся вне способности к пониманию тех или иных интеллектов; они расположены вне их зоны видимости.[108]

Все это совершенно верно в отношении ученого и его невежественного поклонника. И именно таким ученым специалистам мы отказываем в праве сидеть на троне царя Соломона и судить всех тех, кто не будет смотреть и слышать с помощью их глаз и ушей. Мы говорим им: Мы не просим вас верить в то, во что верим мы, поскольку ваша "зона" ограничивает вас в пределах вашей специальности; но не вторгайтесь в "зоны" других людей. И если вы, тем не менее, будете делать это, если, после того как вы сами в минуты честной откровенности часто смеялись над своим невежеством; после неоднократного утверждения, словесного или в печати, о том, что вы, физики и материалисты, не знаете ничего о конечных возможностях, присущих материи, или что вы не сделали ни единого шага в направлении решения тайны

[108] "Анализ вещей" в "Трансцендентальной физиологии" Поля Жибье, стр. 33-34.

жизни и сознания, – вы все же упорствуете в своих учениях и утверждаете, что все проявления жизни и разума, и феномены высшей ментальности, являются просто свойствами той материи, в отношении которой вы признаете свое собственное полное невежество,[109] – тогда вы вряд ли избежите обвинения в том, что вы обманываете весь мир[110]. Слово "обман" используется здесь преднамеренно, в точном этимологическом значении словаря Вебстера, то есть "введение в заблуждение под видом честности" – в данном случае, научной. Конечно, нельзя ожидать от таких ученых джентльменов, что они не будут злоупотреблять своим влиянием и престижем в людских умах и учить их чему-либо, о чем они сами ничего не знают; что они воздержатся от проповеди ограниченности природы, когда ее наиболее важные проблемы были, и всегда будут неразрешимыми загадками для материалиста! Это не больше, чем просьба к таким учителям: быть, по крайней мере, порядочными.

Что же представляет собой в действительности человек познания? Не является ли истинным слугой науки (если последняя понимается как синоним истины) тот, кто кроме обладания значительной информацией обо всех вещах всегда готов узнавать больше, потому что он допускает, что существуют такие вещи, которые ему неизвестны? Такой ученый никогда не будет колебаться в том, чтобы отвергнуть свои теории, когда он нашел бы их – даже не вступающими в противоречие с фактами и истиной, а просто сомнительными. Ради истины он будет оставаться безразличным к мнению всего мира, и в частности к мнениям своих коллег, или же он не будет пытаться принести дух учения в жертву профаническим верованиям обывателей. Независимый от отдельных людей или группировок, бесстрашно вступающий в столкновение с библейской хронологией, теологическими догмами, или предвзятыми и беспочвенными теориями материалистической науки; действующий в своих исследованиях в полностью лишенной предубеждений системе разума, свободного от личной гордыни и суетности, – он будет исследовать истину ради ее самой, а не для того, чтобы понравиться той или иной фракции; он не будет подтасовывать факты для того, чтобы сделать их подходящими к его собственным гипотезам, или верованиям любой государственной религии или официальной науки. Таков идеал истинного ученого; и таков тот, кто при любых ошибках – даже Ньютон и Гумбольдт совершали случайные ошибки – будет торопиться публично признать свои заблуждения и исправить их, и не будет поступать так, как это сделал немецкий натуралист Геккель. То, что совершил он, заслуживает напоминания. Во всех последующих изданиях "Происхождения человека" он оставил неисправленным sozura (по словам Кватрофага: "неизвестного науке"); также, он относит prosimia к loris, которого он описывает как "не имеющего сумчатого кармана, но с плацентой" ("Происхождение человека", стр. 77), тогда как много лет назад анатомическими исследованиями "Альфонса Милна, Эдвардса и Грандидье было показано, что prosimioe Геккеля... не имеет плаценты" (Квантрофаг, "Человеческий род", стр. 110). Это то, что мы, теософы, откровенно называем нечестностью. Ибо он знает, что два существа, которые он помещает на четырнадцатом и восемнадцатом этапах своей генеалогии в "Происхождении человека", являются мифами, и нет никакой возможности для того, чтобы они являлись прямыми или косвенными предками человекообразных обезьян, не говоря уж о человеке; "их нельзя рассматривать даже как предков зоноплацентных млекопитающих", – считает Квантрофаг. И все же Геккель подсовывает их наивным людям и подхалимам дарвинизма только потому, как объясняет Квантрофаг, "что доказательства их существования вытекают из необходимости промежуточного типа"!! Мы не можем найти никакой разницы между набожным мошенничеством и обманом Евсевия, действующему "ради великой победы Бога", и нечестивым обманом Геккеля "ради торжества материи" и – людским бесчестьем. Они оба – фальсификаторы – и мы имеем право осуждать их обоих.

---

[109] "Строго говоря, верно, что химическое исследование может рассказать нам совсем немного или даже ничего в отношении структуры живой материи, и... это также совершенная правда, что мы НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ о структуре какого-либо тела, безразлично, какого именно" (профессор Гёксли).

[110] Придворный поэт материи, м-р Тиндаль, признает в своей работе относительно действия атомов: "Из-за избытка сложности и запутанности... наиболее высокоразвитый интеллект, наиболее совершенное и дисциплинированное воображение приходят в замешательство при размышлении о проблемах. Мы становимся немыми от изумления, которое не может успокоить никакой микроскоп, и которое подвергает сомнению не только силу нашего инструмента, но даже то, обладаем ли мы сами интеллектуальными элементами, которые дадут нам способность всегда бороться с конечными структурными энергиями природы". И все же они без колебания борются с духовными и психическими проблемами природы – такими как жизнь, разум и высшее сознание – и приписывают всех их материи.

То же самое относится и к другим областям науки. Специалист – будь то знаток греческого языка или санскрита, палеограф, археолог, любого рода ориенталист – это "авторитет" только в пределах своей специальности, так же, как электрик или физик – в своей. И кто же из них может быть признан непогрешимым в своих заключениях? Они делали, и все же упорно продолжают делать ошибки, каждая из их гипотез является лишь предположением, теорией лишь на время – и не больше. Кто бы поверил сегодня, при нашем увлечении Кохом, что всего несколько лет назад величайший авторитет среди патологов во Франции, покойный профессор Вульпиан, глава Медицинского факультета в Париже, отрицал само существование туберкулезного микроба? Когда, как говорит д-р Жибье, м-р Булей (его друг и ученик) представил в Академию наук работу о туберкулезной бацилле, Вульпиан сказал ему, что "эта бацилла не может существовать", ибо "если бы она существовала, то ее давно бы уже открыли, поскольку за ней охотились так много лет"![111]

Таким же образом каждый специалист любого рода отрицает доктрины теософии и ее учения; не потому, что он сам когда-либо пытался изучать или анализировать их, или понять, сколько правды может содержаться в древней священной науке, а просто потому, что не современная наука открыла какие-либо из этих истин; а также потому, что уходя от основной дороги в джунгли материалистических спекуляций, люди науки не могут вернуться назад, не разрушив целого здания, которое стоит за ними. Но хуже всего, что обычный критик и оппонент теософских доктрин не является ни ученым, ни даже специалистом. Он просто лакей ученых в целом; говорящий попугай и гримасничающая обезьяна того или другого "авторитета", использующий теории и заключения каких-либо хорошо известных писателей для того, чтобы разбить о них наши головы. Более того, он отождествляет себя с "богами", которым он служит или под чьим покровительством он находится. Он похож на зуава из личной гвардии Папы, который, поскольку он должен бить в барабан при каждом появлении и исчезновении "наместника святого Петра", заканчивает тем, что отождествляет себя с апостолом. То же самое и с самозваным лакеем современного Элохима науки. Он тщетно воображает, что является "одним из нас", имея на то не больше разумных оснований, чем зуав: он также бьет в большой барабан для каждого оксфордского или кембриджского преподавателя, чьи заключения и взгляды не согласуются с учениями Оккультной Доктрины древности.

Однако, посвящать этим хвастунам вслух или письменно хоть чуточку больше, чем это необходимо, значит тратить время зря. Оставим их в покое. Они не имеют даже своей собственной "зоны", но должны видеть вещи в свете интеллектуальных "зон" других людей.

Теперь о том, почему нашим тяжелым долгом является отрицание и опровержение научных взглядов столь многих людей, каждый из которых считается более или менее "выдающимся" в его специальной области науки. Два года назад автор пообещал в "Тайной Доктрине" (том 2, стр. 798) издать третий и даже четвертый тома этой работы. В этом третьем томе (ныне почти полностью готовом)[112] речь идет о древних мистериях Посвящения, делаются наброски – с эзотерической точки зрения – о наиболее знаменитых и исторически известных философах и иерофантах (каждый из которых рассматривается учеными как обманщик), начиная с древнейших времен и до христианской эры, и прослеживается связь учений всех этих мудрецов с одним и тем же источником всеобщего знания и науки – эзотерической доктриной, или Религией Мудрости. Нам не нужно и говорить о том, что утверждения и заключения эзотерических и легендарных материалов, использованных в этой книге, очень сильно отличаются и часто вступают в непримиримое противоречие с данными, которые предоставляют почти все английские и немецкие ориенталисты. Между ними существует молчаливое согласие – объемлющее даже и тех из них, кто лично враждебно относятся друг к другу – следовать определенному направлению в отношении датирования материала;[113] в отрицании какой-либо внутренней ценности

---

[111] "Анализ вещей, и т. д." д-ра П. Жибье, стр. 213-214.

[112] См. "Эзотерическое Учение", скомпонованное и изданное уже после смерти Е.П.Б. ее ближайшей сподвижницей и ученицей – Анни Безант. Прим. ред.

[113] Профессор А. Г. Сейс говорит в своем замечательном предисловии к "Трое" д-ра Шлимана: "Естественной склонностью ученого наших дней является стремление датировать факты скорее более поздним временем, чем более ранним, и относить какие-либо факты к наиболее позднему периоду, насколько это возможно". Это так, и они все время это делают. Такая же тенденция чувствуется и в отношении признания идей древних, так как это предполагает наличие у древних философов какого-либо знания, неизвестного

"адептов" какого-либо трансцендентального знания; в полном отрицании самого существования сиддхов, или сверхнормальных духовных сил в людях. В этом ориенталисты, и даже те из них, кто является материалистами, тесно смыкаются с духовенством и библейской хронологией. Нам не нужно останавливаться для того, чтобы проанализировать этот странный факт, но таково положение вещей. Главной задачей третьего тома "Тайной Доктрины" является доказать, посредством прослеживания и объяснения неясных мест в трудах древних индусов, греков, и других философов, достойных внимания, а также и во всех древних Писаниях, – существование непрерывного эзотерического аллегорического метода и символизма; показать, насколько это возможно, что при обладании ключами к толкованию, как этому учат Восточный индо-буддийский канон оккультизма, Упанишады, Пураны, Сутры, эпические поэмы Индии и Греции, египетская Книга мертвых, скандинавские Эдды, а также и еврейская Библия, и даже классические писания Посвященных (таких, как Платон, и многих других), – все они, от первых до последних, дают значения, совершенно отличные от буквального толкования их текстов. Это решительно отрицается некоторыми из выдающихся ученых современности. Они не получили ключей, следовательно – такие ключи вообще не существуют. Согласно Максу Мюллеру, никто из индийских пандитов никогда не слышал эзотерической доктрины ("Гупта-Видья", заметка на полях). В своих "Эдинбургских лекциях" этот профессор позволяет себе некоторые вольности по отношению к теософам и их толкованиям, как некоторые ученые шастрии – не говоря уж о посвященных браминах – поступают с самим этим ученым немецким филологом. С другой стороны, сэр Монье Вильямс пытается доказать, что Господь Гаутама Будда никогда не учил какой-либо эзотерической философии (!!), таким образом изобличая во лжи всю последующую историю, Архатов-Патриархов, которые обратили Китай и Тибет в буддизм, и обвиняя в мошенничестве многочисленные эзотерические школы в современном Китае и Тибете.[114] Или, согласно профессору Б. Джовитту, главе Баллиольского колледжа, нет никаких эзотерических элементов в "Диалогах" Платона, и даже в таком выдающемся оккультном труде, как "Тимей"[115].

Неоплатоники, такие как Аммоний Сакс, Плотин, Порфирий, и т. д., были невежественными и предубежденными мистиками, которые видели тайные значения там, где их никто не подразумевал, и кто, руководствуясь учением Платона, не имел идеи истинной науки. В понимании светил современной науки, наука (то есть знание) находилась в детском возрасте во времена Фалеса, Пифагора и даже Платона; величайшие суеверия и "пустая болтовня" царили во времена индийских риши. Панини, величайший в мире грамматик, согласно профессорам Веберу и Максу Мюллеру, был незнаком с искусством письма, и сходным образом все, жившие в Индии, от Ману до Будды, вплоть до третьего века до нашей эры. С другой стороны, профессор А. Г. Сейс, безусловно, крупный палеограф и ассириолог, всегда доброжелательно признающий наличие эзотерической школы и оккультного символизма среди жителей Аккадо-Вавилонии, тем не менее, утверждает, что ассириологи сегодня имеют все ключи, необходимые для интерпретации тайных глифических надписей седой древности. Мне кажется, что нам известен главный ключ, используемый им и его коллегами: отнесите каждого бога или героя, чей характер в той или иной мере сомнителен, к солнечному мифу, и вы откроете всю эту тайну; это более легкое предприятие, чем для "северного колдуна" испечь омлет в мужской шляпе. Наконец, что касается эзотерического символизма и мистерий, современные ориенталисты, по-видимому, забыли больше, чем когда-то знали посвященные жрецы времен Саргона (3750 лет до н. э., согласно д-ру Сейсу). Таково скромное утверждение лектора Гибберта в 1887 году.

Таким образом, поскольку личные заключения и утверждения вышеназванных ученых (и многих других) выступают против теософских учений, то, во всяком случае, в этом поколении, лавры победы последним не будут пожалованы большинством. Тем не менее, поскольку истина и факт на нашей стороне, нам нужно не отчаиваться, но просто ожидать своего часа. Время – это удивительный волшебник, непреодолимо уничтожающий все искусственно выращенные сорняки и паразиты, универсальное средство нахождения истины.

современным ученым. Самомнение и тщеславие!

[114] Если посмотреть "Китайский буддизм" Эдкина, то мы увидим, что этот миссионер, выдающийся ученый-китаевед, проживший в Китае долгие годы, говорит, хотя и с предубеждением, об эзотерических школах.

[115] См. предисловие к его переводу "Тимея".

Magna est veritas et prevalebit (Велика истина, и она восторжествует). Тем временем, теософы не могут себе позволить, чтобы их обвиняли в визионерстве, так как они не являются "обманщиками", и их долгом является оставаться верными цвету своего знамени, и защищать свои наиболее нерушимые убеждения. Они могут делать это лишь вступая в оппозицию к предвзятым гипотезам своих оппонентов, (а) с помощью диаметрально противоположных заключений их же коллег – других ученых, как выдающихся специалистов в той же самой области науки, что и они сами; и (б) выясняя истинное значение различных отрывков из древних писаний и классиков, искаженных этими партизанами. Но делая это, мы можем оказывать не большее уважение этим известным персонажам в современной науке, чем это делают они по отношению к богам "низших рас". Теософия, Божественная Мудрость или ИСТИНА является пристрастной не более, чем какое-либо племенное божество – "лицеприятной персоной". Мы защищаемся, и должны отстоять то, что мы знаем как безусловную истину: поэтому, вместо немногочисленных редакторских статей, мы намерены поместить серию специальных статей, опровергающих наших оппонентов, какими бы учеными они не были.

И сейчас становится очевидным, почему для нас невозможно "оставить в покое нашу в высшей степени уважаемую и имеющую твердую основу официальную науку".

Мы можем закончить несколькими прощальными словами, обращенными к нашим читателям. Сила принадлежит тому, кто знает; это очень старая аксиома: знание, или первая ступень к обретению силы, и в особенности постижение истины или умение отличать истинное от ложного, принадлежит только тем, для кого истина выше его собственных особенностей характера. Только те, кто освобождается от всех предрассудков, побеждает такие человеческие качества, как самомнение и эгоизм, кто готов принять любую и всякую истину, как только она становится для него бесспорной, – только они, говорю я, могут надеяться на обретение окончательного знания вещей. Бесполезно искать таких людей среди ученых гордецов нашего времени, и было бы безумием ожидать, что обезьяноподобная масса невежественных людей выступит против своих обожаемых идолов. Бесполезно также ожидать справедливости по отношению к теософской работе любого вида. Пусть какой-нибудь неизвестный м-р Маколей, или сэр У. Гамильтон, или Джон Стюарт Милль, будут сегодня напечатаны и изданы теософским издательством, и рецензенты, если они будут, сразу же провозгласят их безграмотными и неанглийскими, неясными и нелогичными. Большинство судит о работе в соответствии с предрассудками ее критиков, которые, в свою очередь, руководствуются популярностью или непопулярностью авторов, а вовсе не присущими этой работе достоинствами или недостатками. Очевидно поэтому, что вне теософских кругов тома "Тайной Доктрины", которые вскоре появятся, встретят еще более холодный прием у широкой публики, чем два первых тома. В наши дни, как это было неоднократно показано, никакое утверждение не может рассчитывать на справедливый суд, или даже на то, чтобы быть выслушанным до тех пор, пока его аргументы не будут соответствовать узаконенному и принятому способу исследования, остающемуся строго в рамках или официальной, материалистической науки, или эмоциональной, ортодоксальной теологии.

Наш век, читатель, представляет собой парадоксальную аномалию. Поистине, его можно назвать веком Януса, поскольку он одновременно и чрезвычайно материалистический, и в высшей степени набожный. Наша литература, наша современная мысль и так называемый прогресс, движутся по этим двум параллельным линиям, столь несовместимым друг с другом, и тем не менее столь популярным и в высшей степени "пристойным" и "респектабельным", каждая по-своему. Тот, кто предполагает провести третью линию, или даже маленькую черточку, для примирения этих двух линий, должен быть полностью готов к самому худшему. Его работа будет искажена критиками, которые, прочтя три строчки на первой странице, две – в середине книге, и заключительное предложение, объявят ее "неудобочитаемой"; над ней будут насмехаться подхалимы науки и церкви, она будет неправильно цитироваться их лакеями, тогда как средний читатель не поймет ее значения. Хорошим доказательством этого является абсурдные заблуждения культурных слоев общества относительно учений "религии Мудрости" (бодхизм), после исключительно ясных и представленных в научном виде ее элементарных доктрин автором "Эзотерического буддизма". Это может служить предостережением даже тем из нас, кто,

будучи закаленными в борьбе за наше Дело, длящейся почти целую жизнь, не робеют, работая своим пером, и не пугаются догматических заявлений научных "авторитетов". И все же они упорствуют в своем труде, хотя и прекрасно сознают, что ни материализм, ни доктринальный пиетизм, не дадут возможности для теософской философии быть беспристрастно выслушанной в наше время. До самого последнего времени, нашу доктрину систематически отрицали, нашим теориям отказывали в каком-либо месте, даже среди тех постоянно меняющихся научных однодневок, называемых "рабочими гипотезами". Для защитников "анималистической" теории наши космогенетические и антропогенетические учения являются, воистину, "сказками". "Как можем мы", – спрашивает один из поборников науки, – "принять глупости древних туземцев (?!), пусть даже им и учили в глубокой древности, если они во всем противоречат заключениям современной науки... Это все равно, как если бы нас просили заменить Дарвина – Джеком-Потрошителем!" Именно так; ибо тем, кто утратил всякую нравственную ответственность, кажется, очевидно, более удобным принимать теорию о своем происхождении от общего обезьяноподобного предка, и видеть брата в немом бесхвостом бабуине, чем признать отцовство питрисов, славных "сынов богов", или признать своим братом голодающего из трущоб, или цветного человека "низшей" расы. "Осадите назад!" – кричат в свою очередь святоши, – "вы, "эзотерические буддисты", никогда не сможете стать добропорядочными, посещающими церковь, христианами!"

Мы никоим образом не обеспокоены этой метаморфозой, особенно потому, что большинство благочестивых британцев уже стали по своей собственной воле и своему выбору "эзотерическими буддистами".

De gustibus non disputandum [о вкусах не спорят].

В дальнейшем мы постараемся исследовать то, насколько прав профессор Джовитт в своем предисловии к "Тимею", когда он говорит, что "фантазии неоплатоников не имеют ничего общего с толкованием Платона", и что "так называемый мистицизм Платона имеет чисто греческое происхождение и проистекает из его недостаточно совершенного знания", чтобы не сказать – невежества. Ученый руководитель Баллиольского колледжа отрицает, что Платон использовал в своих работах эзотерический символизм. Мы же, теософы, считаем, что это так, и должны попытаться дать наиболее обоснованные доказательства в пользу наших утверждений.

"Люцифер", апрель 1891 г.

ВОЗРАЖЕНИЯ ДОКТОРУ БЭРДУ

Поскольку д-р Бэрд (проявив истинное благородство, свойственное ученому мужу) отнесся с презрением к вызову, посланному ему вашим покорным слугой в "The Daily Graphic" от 13 октября, предпочитая поучать общественность вообще, чем "доверчивую дурочку" в частности, независимо от того, будь она из Черкессии или из Африки, я, пользуясь случаем, укажу на некоторые весьма пикантные подробности этого необычайно научного разоблачения, и пусть общественность сама разбирается, кому лучше подходит указанный выше эпитет.

Где-то около недели спиритуалисты Нью-Йорка, напичканные психологическими доктринами (?) трепетали, испытывая кощунственный страх, если так можно выразиться. По городу ползли зловещие слухи, что Г. Бэрд, доктор медицинских наук, Тиндаль Америки, придет и окончательно разоблачит духов Эдди – и спиритуалисты испугались за своих богов!

И вот настал день, которого все так боялись; мы открыли "The Daily Graphic" за 9 ноября с подобающим благоговением, потому что настоящая наука всегда была для нас авторитетом (хотя, может быть, мы до нее и не доросли) – вот почему мы отнеслись к разоблачительной статье д-ра Бэрда с тем же чувством, которое испытывает фанатик-христианин, открывая том Бюхнера. Мы внимательно прочитали статью несколько раз, напрасно пытаясь найти хоть частицу научного доказательства, которое позволило бы сомнению пустить свои ядовитые корни в сердцах спиритуалистов. Увы, ничего подобного мы не обнаружили – оказывается, мы все были в плену иллюзии, судя по утверждению доктора. Из-за нашей женской скромности мы подумали, что автор имеет право сомневаться

в медиумах и подкрепить свои сомнения научными доводами; мы не поверили своим чувствам и, таким образом, потратили весь день, пытаясь разобраться в критических замечаниях тех судей, которые, как мы полагаем, более сведущи, чем мы. В итоге мы пришли к следующим выводам:

"The Daily Graphic" проявила щедрость, предоставив д-ру Бэрду девять колонок на своих драгоценных страницах, чтобы доказать – что? Ну как же, вот что:

Первое, то, что он, д-р Бэрд, в соответствии со своими скромными утверждениями (смотри вторую и третью колонки) может играть только роли простачков (в Тартюфе Мольера ему, наверное, и не надо было бы репетировать), чем выступить в роли проф. Фарадея визави Читтенден Д. Д. Хоум.

Во-вторых, хотя ученый доктор "совсем заработался", (кстати, это дешевая реклама) он все же пошел к Эдди. Там, с Горацио Эдди он играл роль простачка, во славу науки и на благо людей, и был награжден в своих научных изысканиях, увидев, что "профессор невидимых тумаков" всего-навсего лишь "несчастная безвредная дурочка". Даже Галилей, имея прекрасную память, наверняка меньше ухмылялся, испытав удовольствие от открытия факта вращения земли вокруг солнца, чем д-р Бэрд, нашедший эту "бедную дурочку" номер один. Здесь нам остается предложить ученому доктору, что для этого не надо было идти к Читтендену.

Далее, доктор, видимо совсем забыв мудрый девиз non bis in idem [не используют дважды одно и то же], утверждает на протяжении всей своей статьи, что все прошлые, настоящие и будущие поколения пилигримов у Эдди являются толпами простаков, а отдельно каждый из них – "недоумок, доверчивый глупец"! Пожалуйста, докажите это, если сможете, д-р Бэрд. Но доказательство, вот какое, – так сказал д-р Бэрд, и эхо вторит ему в ответ: Глупец!

О, Мать-Природа, воистину чудесны твои деяния! Ты окрасила корову в черный цвет, а молоко в белый. Но видите, дело в том, что эти дурно воспитанные, невежественные братья Эдди позволили своим доверчивым гостям в качестве наказания проглотить весь этот дешевый корм д-ра Бэрда; и, может быть, одно это испортило ему настроение или сделало предвзятым? Нет, это ввело его в заблуждение – вот точное определение.

Ибо он заблуждается, если не сказать больше. Когда он с авторитетным видом заявляет, что комната, где проходят сеансы спиритуалистов такая темная, что невозможно узнать свою мать на расстоянии трех шагов, он говорит неправду. Когда он далее утверждает, что все, что он видел сквозь отверстие в одной из шалей и пространством между ними, было результатом движения руки Горацио, он рискует услышать опровержения от тысяч – тех, кто, хотя и безвольные, как он считает, но, во всяком случае, не слепые и не в сговоре с Эдди, и их простодушной честности можно доверять больше, чем д-ру Бэрду в его неудавшемся научном и таком нечестном свидетельстве. Д-р Бэрд также неправ в другом: он утверждает, что никому не разрешается приближаться к духам ближе, чем на 12 футов, не говоря уже о физическом контакте за исключением "двух невежественных простаков" сидящих по обе стороны платформы. Насколько я знаю, там сидели многие другие, кроме тех двух.

Д-р Бэрд прекрасно это знает, поскольку он сам там сидел. Теперь отчет доктора читают у братьев Эдди. В нем целая страница посвящена ужасной опасности, которая на мгновение нависла над одним из величайших светил Америки. Эта часть подтверждается самим д-ром Бэрдом, но затем он искажает остальное, как и всю статью. Д-р сознался, что его ударили гитарой и, что он инстинктивно "подскочил" от боли и разорвал круг. Теперь становится ясно, что ученый джентльмен забыл добавить зачатки "логики" к своему огромному запасу знаний. Он хвастается, что сумел скрыть от Горацио и других действительную цель своего прихода. За что же тогда Горацио дал ему тумака? Никогда доселе духи себя так грубо не вели. Но д-р Б. не верит в их существование и идет с этой мыслью к Горацио. Д-р забывает добавить, что на его голову посыпался целый град ударов и что бедный ученый, "бледный как смерть" превзошел на мгновение "быстроногого Ахиллеса" когда бросился бежать. Странно, что Горацио, все еще не подозревая его, оставил его стоять в двух футах от шали! Как это логично!

Теперь ясно, что эта забытая д-ром логика находилась в то время со старой матушкой Истиной и наш доктор не желал призвать к себе ни одну, ни другую. Я сама сидела на

верхней ступеньке платформы в течение 14 дней рядом с миссис Клевеленд. Каждый раз, когда "Хонто" была от меня на расстоянии в один дюйм, я вставала, чтобы видеть ее лучше. Я постоянно дотрагивалась до ее рук, как и другие касались духов и даже обнимала ее почти каждый вечер.

Следовательно, когда я прочитала нелепое утверждение д-ра Бэрда, что "много ума не требуется, чтобы научиться произносить несколько слов на разных языках и пробормотать их доверчивым спиритуалистам", я подумала, что для этой статьи д-ру Бэрду вообще не потребовалось напрягать свои мыслительные способности; напротив, автор статьи слепо верил в свою собственную правоту и был также уверен в том, что все его читатели "безвольные глупцы". Каждое слово в его утверждениях является если не явной ложью, то грязным намеком человека, пользующегося сомнительным правом представлять свидетельство одного более весомым, чем свидетельства тысяч других.

Д-р Бэрд утверждает: "Я доказал, что вся жизнь братьев Эдди сплошной обман, и детали не нуждаются в дальнейшем обсуждении". Автор этих строк забывает, что, увидев это опрометчивое утверждение, некоторые могут подумать что "подобное притягивает подобное". Он пошел к Читтендену с обманом в сердце и лживыми словами, и вот, судя о других по себе, он принимает каждого если не за глупца, то за фокусника. Делая такое безапелляционное заявление, доктор забывает одну маленькую деталь, а именно то, что он ничего не доказал.

Где его хваленые доказательства? Когда мы противоречим ему, утверждая, что комната для спиритического сеанса вовсе не такая темная, как он говорит, и что сами духи несколько раз обращались к присутствующим голосом миссис Итон с просьбой улучшить освещение, мы утверждаем только то, что можем доказать любым присяжным. Когда д-р Бэрд говорит, что В. Эдди выступает в роли всех духов, он только задает еще большую загадку, чем их материализация. Здесь он попадает в сети Калиостро; так как, если д-р Бэрд видел всего пять или шесть духов за всю жизнь, то другие и я в том числе видели более сотни за две недели, и почти все они были одеты по-разному. Кроме того, обвинение д-ра Бэрда подразумевает, что художник "The Daily Graphic", который нарисовал так много этих духов, хотя сам и не является "доверчивым спиритуалистом", но все же и он мошенник, поскольку рисовал в газете то, чего не видел, и, тем самым потворствовал распространению бессовестной лжи.

Когда ученый доктор объяснит нам, каким образом человек, на котором только рубашка и узкие брюки (до этого мы убедились, что в кабинете ничего не было) может скрыть на себе целый ворох одежды, включая женские халаты, чепчики, шляпы, строгие вечерние костюмы, галстуки и т.д., тогда ему будут доверять больше, чем сейчас. Только тогда его аргументы будут иметь вес, а сам он заслужит уважение общественности. Доктор Бэрд не первый из тех Эдипов, которые хотели поймать Сфинкса за хвост и раскрыть тайну. Нам известны многие "слабохарактерные глупцы", включая нас самих, которые сами так же заблуждались не одну ночь, но, в конце концов, все вынуждены были повторить слова великого Галилея Eppur, se muove[116] и принять истину.

Но д-р Бэрд не сдается. Предпочитая презрительное молчание разумным доказательствам, он отказывается дать ключ к этой тайне. Видите ли, "он посвятил жизнь научным исследованиям" и "его знания психологии и нейрофизиологии огромны", по его словам, и трюки спиритуалистов не представляют для него загадок, ибо он очень опытен в изобличении обмана еще большим обманом (смотри восьмую колонку). За какие-то пять минут этот ученый сделал больше для науки, чем все остальные вместе взятые за годы напряженного труда, и "если бы у него это не получилось, он чувствовал бы себя пристыженным" (смотри ту же колонку). Будучи чрезвычайно скромным, он отказывается от своей заслуги, хотя он и признает, что испытал у Эдди удивительное и непривычное для него "чувство холода и оцепенения". Уоллас, Крукс и Варли, один естествоиспытатель-антрополог, двое других – химик и физик, наверное, будут желчно ему завидовать в своей старой Англии. Только Америка может родить такие великие умы. Veni, vidi, vici [пришел, увидел, победил] – было девизом великого императора. Почему бы д-ру Бэрду не написать эти слова на своем гербе? К тому же он, как Цезари и Александры древности (будучи

[116] Eppur si muove – итал., слова Галилея: – А все-таки она вертится!

примитивным в своих манерах) с изящной легкостью оскорбляет людей, называя их "глупцами", когда сам не может найти веских доказательств.

Один мудрец, не чета д-ру Бэрду (разве что он и это будет оспаривать), сотни лет назад изрек, что дерево нужно судить по плодам. Спиритуализм, несмотря на отчаянные попытки более великих умов, чем д-р Бэрд, твердо стоял на своем более четверти века. Где же плоды древа науки д-ра Бэрда? Судя по статье, его древо нуждается в большом уходе, а что касается плодов, то они, как это явствует из той же статьи, еще не появились. Наверное, доктор боялся раздавить читателей своим интеллектом (но настоящий ученый никогда не выпячивает свои заслуги) и поэтому он скрывает от общественности все научные доказательства обмана, который он якобы раскрыл, кроме вышеупомянутого "чувства холода и оцепенения". Но как рука Горацио может оставаться холодной под теплой шалью в течение получаса независимо от времени года без льда, который бы он носил с собой или как ему удается сделать так, чтобы лед не таял – все это остается тайной, которую д-р Бэрд пока не раскрывает. Может быть, он посвятит нас в нее в своей новой книге, о которой он говорит в статье. Остается только надеяться, что книга будет более удачной.

Еще несколько слов чтобы раз и навсегда положить конец диспуту с д-ром Бэрдом. Все, что он говорит о лампе, спрятанной в коробке для шляп и соучастниках, существует только в его воображении, мы полагаем, просто ради того, чтобы спорить. В шестой колонке читаем: "если неправ в одном, то неправ во всем" и это справедливая рецензия на его собственную статью.

Я неохотно сообщаю о том, что я бы предпочла скрыть от д-ра Бэрда и ему подобных. Этот факт для меня слишком свят, чтобы позволить ему стать объектом газетных сплетен. Но все же необходимо немедленно решить этот вопрос и я, будучи спиритуалистом, считаю своим долгом отдать это свидетельство на суд общественности.

Последний раз, когда я была у Эдди, духи Джоржо Дикс и Мэйфлауер подарили мне серебряный орден и я его узнала по особой отметке сверху. Дух произнес: "Мы принесли тебе этот орден, потому что, мы думаем, ты будешь его ценить больше, чем что-либо. Ты узнаешь его – это орден славы, которым правительство наградило твоего отца в Русско-Турецкой кампании 1828 года. Нам помог твой дядя, он приходил к тебе сюда сегодня. Этот орден из могилы твоего отца в Ставрополе и ты узнаешь его по отметке, известной только тебе".

Эти слова прозвучали в присутствии сорока свидетелей. Полковник Олькотт может подтвердить этот факт и описать орден.

Сейчас он у меня и я знаю, что он принадлежал моему отцу. Более того, я узнала его по отколотой части – это произошло по моей вине много лет назад, и, чтобы развеять все сомнения относительно этого факта, у меня есть фотография отца (я никогда не брала ее к Эдди, и, следовательно, никто из присутствующих там ее не видел) на которой четко видно этот орден.

Вопрос д-ру Бэрду: откуда Эдди знали о том, что мой отец похоронен в Ставрополе; что его наградили этим орденом, и что у меня вообще был отец, который воевал в 1828 году?

Поскольку мы говорим о каждом только то, что он заслуживает, мы, от имени д-ра Бэрда заявляем, что он не хвастался большим, чем может сделать, советуя гостям Эдди взять у него несколько частных уроков о трюках медиумов. В этом ученый доктор специалист. Мы также готовы признать, что, заявляя о том, что "его статья только еще больше укрепит спиритуалистов в их убеждениях" (ему следовало бы добавить "и не убедит никого другого"), д-р Бэрд оказался большим медиумом-пророком, чем любой другой из его соотечественников!

Нью-Йорк, 10 ноября 1874 г.

ГЕКСЛИ И СЛЕЙД

Мистер Халлок и мистер Гёксли, которые подняли этот вопрос, напоминают мне двух ученых, смотрящих в телескоп на удаленное тело. Доктор правильно настроил телескоп и может неторопливо изучать объект, а естествоиспытатель, забыв снять крышку с объектива, не видит ничего, кроме своего изображения.

Хотя материалистам будет трудно ответить даже на слабую критику доктора, кажется, лекции мистера Гёксли в Нью-Йорке наводят на одну важную мысль, о которой д-р Халлок не говорил. Едва ли нужно напоминать вам, читавшим эти якобы иконоборческие лекции, что имею в виду "ложные утверждения" современной науки. После его блестящего появления перед публикой и всех ожиданий, скрытого опасения церкви и предвкушаемого триумфа материалистов, чему новому он научил нас или хотя бы намекнул? Ничему, абсолютно ничему. Если на мгновение забыть что он личность, перестать слышать его хорошо поставленный голос и не обращать внимания на его славу, то можно написать: Кредит Томасу Х. Гёксли – 1 000 фунтов стерлингов.

О нем можно сказать, как и о других учителях до него: неправда, он не сказал ничего нового, истины его уже известны.

Не вдаваясь в подробности, достаточно сказать, что материалистическая теория эволюции далеко не полностью доказана, а то, что мистер Гёксли не понимает – то есть двойную эволюцию – духа и материи – мы находим в виде разных легенд в самых древних частях Ригведы ("Айтарея Брахман"). Только эти темные индусы, кажется, немного улучшили современную науку, связав Первопричину с дальним звеном цепи эволюции.

В "Chaturltotri Mantra" (Пятая книга "Айтарея Брахман") богиня Eath (Iyam), которую называют Королевой Змей (Sapra), ибо она матерь всего движущегося (Sarpat), с момента начала времени не имела ни единого волоска на голове. Она представляла из себя голову, мягкую на ощупь, т.е. "желатиновую массу". Отсутствие волос было ей очень неприятно, и она позвала на помощь великого Vayu, властелина воздушных обителей; она просила его научить ее заклинаниям (заклинания или священные молитвы являются частью Вед), которые бы наделили ее волшебной силой создавать вещи. Он согласился, и как только она произнесла заклинания (мантры) в правильном ритме, у нее вдруг выросли волосы (растительность). Теперь она была твердой, ибо дыхание Властелина воздуха коснулось ее – шар остыл. Она стала разноцветной и разнородной и неожиданно обрела способность создавать из себя любые живые или неживые формы и превращать эти формы друг в друга.

Следовательно, точно так же [говорит священная книга] человек, обладающий этим знанием [заклинаний, или же мантр] получает способность обрести любую форму.

Едва ли следует говорить, что эту аллегорию можно понимать по-разному, а именно: древние индийцы, за много веков до Христианской эры, учили доктрине эволюции. Мартин Хауг, специалист по санскриту, утверждает, что Веды уже существовали с 2000 или с 2200 года до Р.Х.

Таким образом, теория эволюции не является чем-то новым, ее можно считать доказанной, а вот новые идеи, навязываемые общественности мистером Гёксли есть всего лишь непроверенные гипотезы, которые могут в любой момент рухнуть, если появится какой-либо противоречивый факт. Но мистер Гёксли, обращаясь к общественности, не признается в этом и говорит о своих теориях так же смело, как и о доказанных научных фактах, подтвержденными неопровержимыми законами природы. Несмотря на это мир, кажется, должен окружить почетом великого эволюциониста, только из-за того, что имя его стоит рядом с именем великого ученого.

Что же это, как не один из обманов лжеученых? Но Гёксли и его поклонники обвиняют верующих в эволюцию духа в лживых утверждениях, потому что, воистину, наши теории еще не нашли подтверждения. Те, кто верят в духов Слейда – "помешанные", а те, кто видит эмбрион человека в "желатиновой массе" Гёксли считаются прогрессивными умами своей эпохи. Слейда ведут в суд за то, что он взял пять долларов у Ланкестера, в то время как Гёксли победно удаляется с пятью тысячами американских долларов в кармане, которые он получил, сообщив нам чудесную весть о том, что Orohippus, четырехпалая лошадь Эоцена была прародительницей человека!

Но, строго говоря, чем отличается теоретик-материалист от спиритуалиста? И в какой степени эволюция человека – независимая от вмешательства божественного и духовного – лучше доказуема костью пальца ноги вымершей лошади, чем эволюция и выживание человеческого духа, утверждаемая по записям какой-либо невидимой силы или сил на разрушенной временем табличке? И вот опять бездушного Гёксли, усыпанного цветами, уносят, как мертвеца на похоронах – но он победитель и будет побеждать опять, стяжая

новую славу, а бедного медиума ведут к полицейскому судье как "бродягу и мошенника", хотя доказательства его вины были бы совсем неубедительны для непредвзятых присяжных.

Очень трудно опровергнуть утверждение, что психология очень спорная наука и современный физиолог едва ли осмелится ступить на эту зыбкую почву. Я очень сочувствую сбитому с толку студенту физического аспекта природы. Мы все хорошо понимаем, как неприятно должно быть ученому теоретику, стремящемуся сделать из хобби общеизвестную истину, постоянно сталкиваться со лживыми утверждениями своего беспощадного и неутомимого антагониста – психологии. Действительно грустно видеть, как взлелеянные материалистические теории становятся все более несостоятельными, пока они не начинают напоминать мумий, обмотанных в покрывала, сотканных им самим и расписанных фразами из его любимого набора софистики. В своей логике, которая убедительна только для них, эти сыны материи отвергают все свидетельства кроме собственных: божественную сущность Daimonion Сократа, духа Цезаря и Divinum Quidam Цицерона они приписывают эпилепсии, а также утверждают, что оракулы иудейского Bath-Kol страдали врожденной истерией!

А теперь предположим, что великий специалист по протоплазме доказал, что лошадь произошла от Orohippus (предполагаемый предок лошади), или же четырехпалой лошади эоцена, которая, пройдя через миоцен и плиоцен стала современной честной Equus[117], доказывает ли этим Гёксли, что человек тоже произошел от существа, у которого тоже был один палец на ноге? Отсутствие нужных конечностей еще не аргумент. Чтобы быть последовательным он должен доказать, что в то время, как его лошадь теряла с каждой геологической эпохой по пальцу, у человека появлялся дополнительный палец на ноге, и какой толк в теории Гёксли, пока нам не покажут ископаемые останки одно-, двух-, трех – и четырехпалого антропоида, предшественника современному Homo. Никто не сомневается, что все развивается из предшествующих видов. Но дело обстоит так: Гёксли заставляет нас гадать, эволюционировал ли человек от лошади или же древняя Equus произошла от примитивного вида человека!

Таким образом, используя этот аргумент в ситуации со Слейдом мы можем сказать, что независимо от того, являются ли духи древних обезьян авторами записей на его табличке, или же это бандиты и потомки Ланкестера, Слейд не более виновен в ложных утверждениях, чем эволюционист с пятью тысячами долларов. Гипотеза ученого или медиума не является ложным утверждением в отличие от необоснованной теории, особенно, когда за последнюю берут деньги.

Если же нас удовлетворят окостенелые останки эллинской или римской эпох, мы согласимся, что такая эволюция действительно имела место, но разве мы можем отрицать возможность эволюции духа? Есть две стороны вопроса, и это никто не будет оспаривать, кроме закоренелых ненавистников психологии. Можно утверждать, что даже если спиритуалисты и продемонстрировали бы голые факты, их концепция изложена не полностью, ибо там есть недостающие звенья. Но и у эволюционистов не все гладко. У них есть окаменелые останки, доказывающие, что предкам современной лошади Господь дал три и четыре пальца, "четвертый соответствовал мизинцу на нашей руке", и что Protohippus возликовал, когда у него начала развиваться рука; спиритуалисты же, в свою очередь, показывают нам полностью руки и даже тела в подтверждение своей теории о том, что мертвые живут и вновь приходят к нам. Я считаю, остеологи ни в чем не выигрывают у спиритуалистов. И те и другие следуют индуктивному или же чисто научному методу, от частного к общему; таким образом, богатое воображение Кювье, наткнувшегося на маленькую кость, делает из нее мамонта. Факты ученых не более убедительны, чем спиритуалистов, а поскольку первые строят теории на недавних фактах, то у спиритуалистов есть свидетельства многих поколений, появившихся задолго до прихода современной науки.

Нам говорят, что индуктивная гипотеза верна в том случае, если факты полностью ее подтверждают. Следовательно, если у Гёксли есть окончательное доказательство эволюции человека в генеалогической схеме развития лошади, спиритуалисты также могут утверждать, что существует доказательство эволюции духа из тела – в более или менее материализованных частях тела – их можно видеть в темных углах кабинета или даже при ярком свете, и этот феномен признавали и подтверждали бесчисленные поколения мудрецов любой страны. Что же касается мнимого превосходства современной науки над наукой

[117] Equus, лат. – лошадь

древней, то это превосходство утверждает первая. Это тоже гипотеза, и ее еще надо доказать убедительными фактами. Нужно только вспомнить лекцию Уэнделя Филипса "О забытых искусствах" и сразу появится недоверие к утверждениям современной науки.

Говоря о свидетельствах странно видеть, что разным людям, одинаково достойным доверия, верят по-разному. Вот что говорит отец протоплазмы:

> Невозможно, чтобы на чью-либо жизнь не оказывали влияние, в большей или меньшей степени, его взгляды на историю развития вещей. Сначала это непосредственные свидетели, затем это свидетельства записанные очевидцами.

Вот именно на таком свидетельстве, очень полно изложенном в Библии (мистер Гёксли его отвергает) и у многих других менее проблематичных авторах, чем Моисей, среди которых есть великие философы, маги и непрофессионалы, спиритуалисты имеют право основывать свои фундаментальные доктрины. Далее, рассуждая о разнице между доказательствами, некоторые из которых представляют меньшую ценность, так как они возникли по непонятным причинам, или же причины их возникновения не вписываются в логику и становятся несостоятельными при тщательном изучении, этот специалист по желатину замечает:

> Например, если я читаю в вашей истории Теннесси [Рамзи], что сотню лет назад эту страну населяли бродячие дикари, моя вера в это утверждение основана на убеждении, что мистер Рамзи руководствовался такими же мотивами, что и современные люди... что он сам, как и мы, не хотел делать ложных утверждений... Если вы прочитаете комментарии Цезаря, то где бы он не писал о битвах с Галлами, вы доверяете ему в какой-то степени. Вы принимаете его свидетельство думая, что Цезарь не стал бы делать ложные утверждения, разве что он сам в них верил.

Глубокая философия! бесценные мысли! перлы сжатой желатиновой истины! до прилепятся они надолго к американскому уму! Мистеру Гёксли следует посвятить остаток дней составлению букварей для слабоумных в Соединенных Штатах. Но зачем выбирать Цезаря в качестве примера тех античных авторов, кому можно верить? И если мы должны безоговорочно верить его сообщениям о сражениях, то зачем же сомневаться в его вере в авгуров, предсказателей и призраков? – ибо вместе со своей женой Кальпурнией он верил в них так же твердо, как современный спиритуалист верит в медиумов и феномены. Нам также кажется, что кроме Цезаря ни Цицерон, ни Геродот, ни Ливий, ни многие другие не "стали бы делать ложные утверждения", "разве что они сами в них верили".

Доктрина эволюции, как уже было показано, полностью излагалась в Ригведе, и я могу добавить, что эту же доктрину можно найти в наиболее древних книгах Гермеса. Это бросает большую тень сомнения на претензию на оригинальность, выдвинутую современными учеными, но что же нам думать, если мы вспомним, что о той самой лошади с пальцами, чьи следы так обрадовали мистера Гёксли, упоминали древние писатели (Геродот и Плиний, если не ошибаюсь), и она также была предметом оскорбительного смеха французских академиков? Пусть желающие проверить этот факт прочитают "Философию оккультной науки" написанной Салверти и переведенной Тоддом Томпсоном.

Когда-нибудь будут найдены окончательные доказательства надежности свидетельств древних писателей о психических феноменах. То, что сделал Нибур, немецкий материалист с "Историей" Ливия, из которой он изъял все до одного факты о сверхъестественных феноменах, единодушно решили делать все ученые с древними, средневековыми и современными источниками. Все, что касается физической стороны вещей, они принимают, а иногда и присваивают, но все, что поддерживает философию спиритуалистов, они отвергают как мистическое и противоречащее природе. В таких случаях доказательства и показания свидетелей в счет не принимаются. Они принимают тактику, противоположную стратегии Лорда Верулэма, который, рассуждая о чарах и свойствах амулетов, замечает:

> Их нельзя отвергать, ибо мы не знаем, насколько то, что считается предрассудком, зависит от естественных причин.

Мысль не станет по-настоящему свободной, а наука не сделает новых больших открытий, пока не будет признано существование духа и двойной эволюции. До тех пор к лживым теориям всегда будут благосклонны те, кто забыв о "Боге своих отцов", тщетно пытаются найти замену в атомных массах материи. И из всех печальных вещей в эту эпоху

"подделок" больше всего презрения заслуживает (хотя тщетность таких попыток нелепа) заговор некоторых ученых уничтожить дух своей однобокой теорией эволюции, а заодно и спиритуализм, приводя медиумов в суд по обвинению в "ложных утверждениях".

"Banner of Light", 28 октября 1876 г.

ПРАЛАЙЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Если наука права, то наша Солнечная система, а, следовательно, все то, что мы называем вселенной, оставляет всего лишь небольшую надежду и слабое утешение нашим потомкам. Господа Томпсон и Клаузиус одновременно пришли к окончательному выводу о том, что в будущем, причем не очень отдаленном, вселенная обречена на разрушение. Этой же теории придерживаются и некоторые другие астрономы, каждый в отдельности и все вместе описывающие постепенное остывание и заключительную гибель нашей планеты словами, похожими на те, какие использовали величайшие индусские и некоторые греческие мудрецы. Можно даже подумать, что перечитываешь Ману, Канада, Капилу и других. Далее приведем новые теории наших западных пандитов.

Все ощутимые массы, которые должны самостоятельно разделиться в процессе эволюции либо при первом появлении на земле из первичной материи, впоследствии сольются вновь в единое гигантское и безграничное небесное тело. Каждое видимое движение этой массы прекратится, останется лишь молекулярное, равномерно распределенное по всему массивному телу в виде тепла.

Так считают наши ученые. Канада, атомист, древнеиндусский мудрец, утверждает тоже самое. Вот его слова:

> Два атома при возникновении начинают возбуждаться до такого состояния, пока, наконец, не отделятся друг от друга, а затем объединятся, в результате чего возникнет новая субстанция, обладающая свойствами составивших ее частей.

Лохшмидт, австрийский профессор математики и астрономии, а также английский астроном Проктор, при рассмотрении той же темы пришли к отличной и новой точке зрения на причину предстоящего разрушения мира. Они указывают на постепенное охлаждение Солнца, которое должно в конце концов привести к его угасанию. Впоследствии все планеты по закону гравитации упадут на холодное безжизненное светило, объединившись в одно единое гигантское целое. "Если все это должно произойти", – утверждает немецкий ученый, – "то такой период начинается". В этом случае представляется невозможным, чтобы данное событие было окончательным и последним: в указанном состоянии ничто не может пребывать, сохраняя абсолютное равновесие. Солнце в продолжение необозримого времени, постепенно уплотняясь, поглотит в итоге лучистое тепло из мирового пространства и сосредоточит его вокруг себя.

Однако давайте обратимся по данному вопросу к профессору Тэю. По его мнению, неизбежную смерть принесет с собой общее охлаждение нашей планеты. Животная и растительная жизнь, которая еще будет существовать, переместится из северных и уже замерзших областей к экватору, а затем, наконец, навсегда исчезнет с лица земли, не оставив после себя никаких следов. Земля будет окутана непроницаемым холодом и тьмою. Непрерывное атмосферное движение превратится в недвижность и абсолютный покой; последние облака прольют на землю свои последние дожди; движение течений и рек, лишившихся своего двигателя и жизнедателя – Солнца – прекратится; а моря смерзнутся в единую глыбу. Планета наша не будет иметь другого света, кроме редкого мерцания метеоров, не прекративших появляться и сгорать в нашей атмосфере. Возможно, однако, что Солнце под влиянием катаклизма своей массы будет, тем не менее, в течение какого-то периода подавать признаки жизни, тепло и свет еще пребудут в нем; но последствия не замедлят сказаться; и Солнце, бессильное и умирающее, вновь потухнет, и на этот раз навсегда. Такое явление было обнаружено и действительно имеет место в ныне потухших созвездиях Короны и Лебедя, а также Змееносца на начальной стадии остывания. Та же судьба постигнет другие планеты, которые, между тем, повинуясь закону инерции, еще будут вращаться вокруг потухшего Солнца... Далее ученый профессор изображает последний год умирающей планеты теми же словами, что и индусский философ, описывающий Пралайю:

Холод и смерть идут с Северного полюса и распространяются по всей земле, десять десятых которой уже мертво. Жизнь, едва теплящаяся, сжимается в сердце своем, на экваторе, в нескольких оставшихся областях, еще обитаемых, в которых царит полное смешение языков и национальностей. К выжившим представителям рода людского вскоре примыкают крупнейшие особи животных, которых также пригнал сюда лютый мороз. Единая цель, единое стремление сводит вместе всю массу всех живых существ – борьба за жизнь. Группы животных без различия видов толпятся в одном стаде в надежде сохранить хоть частичку тепла в быстро стынущих телах; змеи больше не грозят своим жертвам своими ядовитыми зубами, а львы и тигры – своими острыми клыками; все они моля о жизни, ни о чем более, лишь о жизни – жизни до последней минуты! И вот приходит тот последний день. Бледные и умирающие лучи светила освещают мрачное видение застывших тел последних из рода человеческого, погибших от холода и недостатка воздуха на берегах также быстро студенеющего недвижного океана.

Выражения могут в чем-то отличаться от определений ученого профессора, – они взяты из заметок, написанных на другом языке, – однако, идея точно та же. Картина действительно мрачная, однако идеи, основанные на научных, математических выводах, не новы. Мы читаем у индусского автора дохристианской эпохи описание той же катастрофы, какое предоставляет нам Ману на языке, значительно превосходящем используемый здесь. Предлагаем широкому кругу читателей сравнить, а индусским читателям увидеть еще подтверждение Мудрости и Знания их предков, превзошедших современных исследователей почти во всем.

Странные шумы доносятся отовсюду... Это вестники Ночи Брахмы. Сумерки застилают горизонт и Солнце поворачивается вспять... Постепенно меркнет свет, тепло уходит, множатся мертвые области, воздух становится все более и более разреженным, источники воды высыхают, исчезают волны великих рек; океан оголяет песчаное дно, и растения погибают... Жизнь и движение теряют свою силу, планеты лишь едва движутся в пространстве и гаснут одна за другой... Сурья меркнет и потухает, материя разлагается, а Брахма поглощается обратно Дхианами, становится непроявленным, и, выполнив свою задачу, засыпает... Наступила Ночь Вселенной! (Вамадева)

"Теософист", октябрь 1880 г.

ГИПНОТИЗМ

Познания ученых о гипнотизме или самогипнозе в последнее время сильно расширились. Это видно из доклада д-ра Гришона на последнем заседании С.-Петербургского общества физиков, состоявшегося 18 ноября. Сам доклад очень интересен. До недавнего времени явления гипнотизма и ясновидения воспринимались авторитетнейшими учеными лишь как шарлатанство. Но за последнее время скептицизм величайших физиков значительно поубавился, один за другим они стали серьезнее относиться к этим феноменам, и прежде всего, конечно, это были те, кто не жалел труда и времени на эксперименты в этом направлении. Теперь уже многие убеждены, что в человеке действительно существует некая таинственная и необъяснимая способность, с помощью которой он может вводить себя в глубокую самоконцентрацию. Его тело становится жестким как статуя, сознание покидает его частично или даже абсолютно. У некоторых в таком состоянии духовные и умственные способности кажутся парализованными, и остается только механическая деятельность тела; у других же это может быть совершенно наоборот – их физические чувства замирают, а духовная и умственная деятельность в такие моменты может достигать небывалых высот.

Прошлым летом д-р Гришон с профессором Бергером провели серию экспериментов и наблюдений в госпитале для нервнобольных в Бреслау. Одним из первых обследованных ими пациентов была девочка лет двенадцати, ужасно страдавшая от ревматических болей. Профессор Бергер, прикладывая к кончику ее носа молоточек, используемый для прослушивания (аускультации) заставил ее сконцентрировать все свое внимание на точке соприкосновения. Прошло несколько минут, и, к его немалому изумлению, девочка стала совершенно твердой. Бронзовая статуя, и та не могла бы быть более жесткой и неподвижной. После этого д-р Гришон всевозможными экспериментами проверял – не розыгрыш ли это со стороны девочки. Зажженная свеча была внезапно поднесена к глазам, но зрачки не

сузились: глаза оставались открытыми и прозрачными как у мертвеца. Тогда он проткнул ее губу длинной иглой и двигал ею в разные стороны, но два присутствовавших доктора не заметили ни малейших признаков испытываемой боли, и, что самое странное, ни единой капли крови. Он звал ее по имени, но ответа не было. Но когда он начал разговаривать с ней, взяв ее за руку, она отвечала на все его вопросы, хотя и, вначале, с некоторым трудом, будто вынуждаемая непреодолимой силой.

Следующий эксперимент был еще более удивителен. Он был проведен над молодым солдатом, только что попавшим в госпиталь, который доказал реальность "того, что спиритуалисты называют медиумизмом", как сказано об этом в докладе. Этот эксперимент окончательно убедил докторов Гришона и Бергера в реальности этих "сомнительных" явлений. Солдат, немец, не знавший ни одного слова по-русски, находясь в трансе, разговаривал с доктором на этом языке, он произносил труднейшие слова идеально, без малейшего акцента.

Страдая от парализации обеих ног, во время гипнотического сна он владел ими совершенно свободно, ходил без малейшего напряжения и с абсолютной точностью повторял все движения и жесты, производимые д-ром Гришоном. Русские предложения он произносил довольно быстро, в то время как на своем языке он говорил медленно. Дело дошло даже до того, что он, под диктовку доктора, написал несколько слов на совершенно незнакомом ему языке, и самое интересное, что даже почерк носил русский характер.

Дебаты по этому докладу состоятся на следующем заседании Общества санкт-петербургских врачей. Как только официальные отчеты об этом диспуте будут готовы к опубликованию, мы сразу же ознакомим с ними наших читателей. Действительно интересно быть свидетелем того, как ученые подходят к признанию тех фактов, которые до недавнего времени совершенно отрицались.

Гипнотизм – это не что иное, как Тратана йогов, концентрация сознания на кончике носа или между бровей. Это давно было известно аскетам и использовалось ими для достижения состояния самадхи – временного отделения души от тела, полного ухода человека от рабства физического с его грубыми чувствами. Это практикуется и по сей день.

"Теософист", февраль 1881 г.

ОТДЕЛ VI
ОККУЛЬТНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Истина может порой быть
затемненной, но никогда не гаснет.

Тит Ливий

ТЕОРИЯ ЦИКЛОВ

В наше время вновь начала постепенно приобретать известность теория, впервые возникшая в самой старой из мировых религий, ведизме, воспринятая далее различными греческими философами, защищаемая впоследствии теософами средних веков, которая, однако, подверглась весьма примитивному отрицанию мудрых людей Запада, разделив эту участь со многим другим в этом мире сплошного отрицания. Еще раз, вопреки правилам, этим занимаются люди науки. Статистика событий самого разнообразного характера быстро накапливается и соотносится с серьезностью, которая требуется при исследовании важных научных вопросов. Статистика войн и периодов (или циклов) появления великих людей (по крайней мере, тех, которые считались таковыми своими современниками, независимо от более поздних мнений); статистика периодов развития и прогресса в крупных торговых центрах; взлеты и падения искусств и наук; катаклизмов, таких как землетрясения и эпидемии; периодов экстраординарного холода и тепла; циклов революций, возвышения и падения империй, и так далее, – все это подвергается, в свою очередь, скрупулезному математическому анализу. Наконец, неожиданное внимание привлекают даже оккультные значения цифр в личных именах, в названиях городов, в событиях и тому подобных вещах. С одной стороны, значительная часть образованных людей устремляется в атеизм и скептицизм, с другой стороны, мы находим очевидные признаки того, что усиливается приток мистицизма в науку. Это свидетельство неукротимой потребности человечества, связанной со стремлением человечества убедить себя в том, что над материей существует Высшая Сила, оккультный и таинственный закон, управляющий миром, который мы должны изучать и пристально наблюдать, пытаясь приспособиться к нему, вместо того, чтобы слепо его отрицать, разбивая свои головы о скалы судьбы. Многие мыслящие умы, изучая благоприятные и неблагоприятные периоды в жизни народов и великих империй, были глубоко поражены одной и той же особенностью их истории, а именно, неизбежным повторением сходных исторических событий, происходящих по очереди в каждой из них через равные промежутки времени. Такая аналогия обнаружена между событиями, которые по существу представляют собой одно и то же, хотя с внешней стороны они могут различаться теми или иными деталями. Таким образом, вера древних в своих астрологов, предсказателей и пророков могла бы быть проверена путем оценки результатов многих из их наиболее важных предсказаний, независимо от того, предполагали ли эти прогнозы наличие каких-то сверхъестественных свойств у них самих. Поскольку предсказатели и авгуры во времена древних цивилизаций занимали те же самые места, которые сейчас заняты нашими историками, астрономами и метеорологами, постольку тот факт, что первые предвидели падение какой-либо империи или поражение в какой-то битве, не более удивителен, чем предсказания, которые последние делают в отношении возвращения кометы, изменения температуры или, скажем, окончательного завоевания Афганистана. Поскольку и те, и другие были по необходимости проницательными наблюдателями, далекими от остальных людей, занятие некоторыми науками могло преследоваться тогда так же, как и сейчас. Таким образом, наука сегодняшнего дня уподобляется "древней" науке тысячелетней давности. Будучи свободным и открытым, научное исследование сейчас доступно всем, тогда как в те времена оно принадлежало лишь немногим. Древняя или современная наука, обе они могут быть названы точными; действительно, если астроном сегодняшнего дня проводит свои

наблюдения с помощью математических расчетов, то и древний астролог обосновывал свои прогнозы не менее проницательными и математически точными наблюдениями постоянно повторяющихся циклов. И поскольку секрет этой науки сейчас утрачен, дает ли это какие-либо основания говорить, что она никогда не существовала, или же считать, что поверив в нее, ты должен быть готовым принять "магическое", "чудесное" и тому подобные вещи? "Если, ввиду того значения, которого достигла современная наука, претензии на предвидение будущих событий должны рассматриваться либо как детская игра, либо как намеренный обман", – говорит автор "Нового времени", лучшей ежедневной газеты Санкт-Петербурга в области литературы и политики, – "то следует обратиться к науке, которая начала заниматься регистрацией событий в их связи с прошлым, выясняя, существует или нет повторение этих событий с определенной периодичностью; другими словами, повторяются ли эти события через один и тот же определенный промежуток времени у разных народов; а если эта периодичность действительно имеется, то обусловлена ли она слепым случаем, или зависит от тех же самых естественных законов, от которых более или менее зависят многие явления человеческой жизни". Безусловно, справедливо последнее. Автор имеет очень хорошее математическое доказательство этого в своевременном появлении таких работ, как рецензируемая книга д-ра Е. Засса, и некоторых других. В последнее время появилось несколько научных работ, рассматривающих этот мистический предмет; мы обратимся сейчас к некоторым из них и к приведенным в них расчетам, – и мы делаем это тем более охотно, поскольку в большинстве случаев они принадлежат людям выдающихся знаний. Поскольку в июньском номере "Теософиста" уже сообщалось о статье д-ра Бловица "О значении числа семь"[118] у разных наций и народов (научная статья, которая появилась недавно в немецком журнале "Die Gegenwart"), то сейчас мы суммируем в целом все мнения, высказанные в прессе относительно более проблематичной работы хорошо известного немецкого ученого Е. Засса, а также приведем и наши собственные соображения по этому поводу. Его работа только что появилась в "Прусском статистическом журнале"; она очень серьезно подтверждает древнюю теорию Циклов. Эти периоды, которые меняют направление повторяющихся событий, начинаются с бесконечно малых, например десятигодовых, чередований, и достигают циклов длительностью 250, 500, 700 и 1000 лет, – они совершают круговращение в самих себе и друг в друге. Все они содержатся внутри Махаюги, "Великого Века", или Цикла по исчислению Ману, который сам вращается между двумя вечностями – называемыми "Пралайя" или "Ночь Брахмы". Поскольку в объективном мире материи, или в системе следствий малые космические тела и планеты притягивают друг друга, и все вместе притягиваются к Солнцу, так и в мире субъективного, или в системе причин, эти бесконечные циклы располагаются между тем, что конечный интеллект обычного смертного рассматривает как вечность, и тем, что более глубокая (хотя все еще конечная) интуиция мудреца и философа видит как вечность внутри ВЕЧНОСТИ. "Как наверху, так и внизу", – гласит древняя герметическая максима. В качестве эксперимента в этом направлении, д-р Засс избрал статистическое исследование всех войн, возникновение которых было отмечено в истории, как предмет, который легче подвергнуть научной проверке, чем что-либо другое. Чтобы проиллюстрировать свой предмет самым простым и легче всего воспринимаемым способом, д-р Засс представляет периоды войны и периоды мира в виде малых и больших волн, пробегающих по пространству древнего мира. Эта идея не нова, ибо этот образ применялся для подобных иллюстраций многими древними и средневековыми мистиками, в словах или рисунках, – например, Генрихом Кунратом. Однако, он хорошо служит своей цели и снабжает нас необходимыми фактами. Прежде чем перейти к цикличности войн, автор приводит данные о возвышении и упадке великих мировых империй, отмечая ту роль, которую они играли во Всемирной истории. Он отмечает тот факт, что если мы разделим карту древнего мира на пять частей – Восточную, Центральную и Западную Азию, Восточную и Западную Европу, и Египет – тогда мы легко сможем увидеть, что огромная волна проходит над этими областями через каждые 250 лет, принося в каждую из них те же события, которые были принесены в предшествующий ее приход. Мы можем назвать эту волну "исторической волной" двухсотпятидесятилетнего цикла. Мы приглашаем читателя проследить за этим мистическим числом.

[118] см. том 1, стр. 345-3

Первая из этих волн возникла в Китае за 2000 лет до нашей эры, в "золотой век" этой империи, век философии, открытий и реформ. "В 1750 году монголы Центральной Азии образуют мощную империю. В 1500 году Египет поднимается из своего временного упадка и распространяет свое влияние на многие части Европы и Азии; около 1250 года историческая волна достигает Восточной Европы и пересекает ее, наполняя эти страны духом путешествия аргонавтов; она угасает в 1000 году до нашей эры вместе с осадой Трои".

Вторая историческая волна появляется примерно в то же время в Центральной Азии. "Скифы покидают свои степи и к 750 году до нашей эры наводняют прилежащие страны, направляясь к югу и западу; в Западной Азии примерно в 500 г. начинается эпоха расцвета древней Персии; и эта волна движется на восток Европы, где приблизительно в 250 г. Греция достигает наиболее высокого уровня своей культуры и цивилизации, и еще далее на запад, где в момент рождения Христа Римская империя оказывается в апогее своей силы и величия".

И в этот период мы наблюдаем подъем третьей исторической волны на Дальнем Востоке. После длительных революций Китай вновь образует могучую империю, и искусство, наука и коммерция снова достигают здесь процветания. Через 250 лет мы обнаруживаем гуннов, появляющихся из глубин Центральной Азии; в 500 году нашей эры формируется новое и могучее Персидское царство; в 750 году в Восточной Европе возникает Византийская империя; а в 1000 году в ее западной части появляется вторая римская власть, Империя Папства, которая быстро достигает исключительного богатства и великолепия.

В то же самое время с Востока приближается четвертая волна. Китай опять процветает; в 1250 году монгольская волна выплескивается из Центральной Азии и покрывает огромные пространства, включая территорию России. Около 1500 года в Западной Азии вырастает во всей своей мощи Оттоманская империя, которая завоевывает Балканский полуостров; но в то же время в Восточной Европе Россия сбрасывает татарское иго, и примерно в 1750 во время царствования императрицы Екатерины достигает неожиданного величия и покрывает себя славой. Волна неустанно движется дальше на Запад, и начиная с середины прошлого века, Европа переживает эпоху революций и реформ; как говорит автор, "если допустимо делать пророчества, то примерно в 2000 году Западная Европа окажется в одном из тех периодов культуры и прогресса, которые бывают в истории столь редко". Российская пресса, приняв к сведению этот намек, полагает, что "в это время Восточный вопрос будет окончательно разрешен, придут к концу все национальные разногласия европейских народов, и начало нового тысячелетия будет свидетелем уничтожения армий и союза между всеми европейскими империями". Признаки возрождения быстро возникают в Японии и Китае, как бы указывая на приближение новой исторической волны с крайнего Востока.

Если от цикла продолжительностью в два с половиной столетия мы спустимся к циклам, которые оставляют свой отпечаток каждое столетие, и, группируя вместе события древней истории, рассмотрим развитие и рост империй, то мы убедимся, что начиная с 700 года до нашей эры, волна продолжительностью 100 лет двигалась вперед, принося с собой процветание следующим народам – ассирийцам, мидийцам, вавилонянам, персам, грекам, македонцам, карфагенянам, римлянам и германцам.

Поразительная периодичность войн в Европе также была отмечена д-ром Зассом. Начиная с 1700 года нашей эры, через каждые десять лет отмечалась или война, или революция. Периоды усиления и ослабления военной истерии у европейских народов представляют собой волну, исключительно регулярную по своей периодичности и текущую непрестанно, как если бы она запускалась в соответствии с неким невидимым законом. Тот же мистический закон, по-видимому, приводит к совпадению этих явлений с астрономической волной или циклом, которые сопровождаются очень заметным появлением пятен на солнце. Периоды, когда европейские силы обнаруживали наиболее разрушительную энергию, отмечены циклом длительностью 50 лет. Было бы очень долгим и утомительным занятием перечисление всех их с самого начала истории. Поэтому мы можем ограничить наше исследование только циклом, начинающимся с 1712 года, когда все европейские нации воевали одновременно, – Северная, Турецкая войны, война за трон в Испании. Примерно в 1761 году – "Семилетняя война"; в 1810 году – войны Наполеона I. К 1861 году волна слегка отклонилась от регулярного курса, но, как бы для компенсации этого,

или возможно как отражение действия каких-то необычных сил, именно годы непосредственно предшествующие этому или следующие за ним оставили в истории воспоминания о наиболее яростных и кровавых войнах – Крымской войне (в этот первый период) и гражданской войне в Америке (во второй). Периодичность войн между Россией и Турцией кажется в высшей степени удивительной и представляет собой очень характерную волну. Вначале интервалы между циклами весьма постоянны и составляют тридцать лет – 1710, 1740, 1770 – затем эти интервалы уменьшаются, и мы имеем двадцатилетний цикл – 1790, 1810, 1829-1830; далее эти интервалы опять расширяются – 1853, 1878. Но, если мы определим полную длительность фазы роста этой волны, тогда в центре этого периода – от 1768 по 1812 годы – мы получим три войны продолжительностью семь лет каждая, а в начале и конце этого периода – двухлетние войны.

В конце концов, автор приходит к заключению, что в свете этих фактов совершенно невозможно отрицать наличие регулярных периодов в степени выраженности психических и физических сил у разных народов мира. Он доказывает, что в истории всех народов и империй Древнего Мира наиболее важными были циклы с тысячелетним и столетним периодами, а также с периодами меньшей длительности (50 и 10 лет), так как все они оставляли после себя более или менее яркие события в истории народа, приносимые с этими историческими волнами.

История Индии по сравнению с историей других стран является наиболее неясной. Однако, если бы ее великие события были последовательно описаны и ее анналы хорошо исследованы, то и здесь был бы обнаружен циклический закон, убеждающий каждого, что он действует в любой стране по отношению к таким явлениям, как войны, периоды голода, политические кризисы и т. п.

Во Франции один парижский метеоролог собирал статистические данные о наиболее холодных сезонах и обнаружил, что наиболее холодными зимами отличались те годы, в которых была цифра "9". Его данные таковы: в 859 году до нашей эры северная часть Адриатического моря замерзла и была покрыта льдом в течение трех месяцев. В 1179 г. земля была покрыта несколькими футами снега даже в зонах с очень умеренным климатом. В 1209 г. во Франции глубокий снег и сильнейший холод привели к такому бедственному положению с фуражом, что большая часть крупного рогатого скота здесь погибла. В 1249 г. Балтийское море около России, Норвегии и Швеции оставалось подо льдом в течение многих месяцев, и связь поддерживалась при помощи санного транспорта. В 1339 г. в Англии была такая ужасная зима, что масса народа погибла от холода и голода. В 1409 г. река Дунай замерзла на всем протяжении от ее истоков до места впадения в Черное море. В 1469 г. все виноградники и фруктовые сады погибли вследствие мороза. В 1609 г. во Франции, Швейцарии и северной Италии люди должны были перед едой оттаивать хлеб и другую провизию. В 1639 г. порт Марселя был на большом расстоянии покрыт льдом. В 1659 г. замерзли все реки в Италии. В 1699 г. во Франции и Италии была самая суровая и длинная зима из когда-либо отмеченных. Цены на пищевые товары выросли так сильно, что половина населения погибла от голода. В 1709 г. зима была не менее ужасной. Во Франции, Италии и Швейцарии почва промерзла в глубину на несколько футов, а море как на севере, так и на юге, было покрыто плотным слоем льда толщиной в несколько футов, причем не только у берега, а и в открытом пространстве длиной в несколько миль. Множество диких зверей, выгнанных холодом из глубины лесов, искали убежища в деревнях и даже городах; и мертвые птицы сотнями падали на землю. В 1729, 1749 и 1769 годах (цикл с 20-летним периодом) по всей Франции все реки и водоемы были скованы льдом в течение многих недель, и все фруктовые деревья погибли. В 1789 г. суровая зима вновь посетила Францию. В Париже термометр показывал 19 градусов ниже нуля. Но самая суровая зима пришлась на 1829 г. В течение 54 дней подряд все дороги во Франции были покрыты снегом толщиной в несколько футов, и все реки замерзли. В тот год голод и нищета достигли в этой стране своей высшей точки. В 1839 г. во Франции снова была исключительно тяжелая холодная зима. И в этом году (1879) зима снова предъявила свои статистические права и доказала, что цифра "9" действительно является фатальной. Мы хотели бы пригласить метеорологов из других стран последовать этому примеру и провести аналогичные исследования, потому что этот вопрос является и исключительно интересным, и одновременно весьма важным в познавательном отношении.

Очевидно, вышеизложенного достаточно, чтобы доказать, что идеи Пифагора о таинственном влиянии чисел, а также теории древних мировых религий и философий вовсе не являются плоскими и бессмысленными, как в этом хотели бы уверить мир некоторые чересчур свободомыслящие прогрессисты.

"Теософист", июль 1880 г.

ФОКУС ИЛИ МАГИЯ?

Мудрая поговорка гласит, что стремящийся доказать слишком много в итоге не докажет ничего. Проф. В. Б. Карпентер, член Королевского научного общества (и имеющий все прочие титулы на все буквы алфавита) являет именно такой пример в борьбе с лучшими, чем он людьми. Его атаки все больше захлестывает горечь и, пропорционально увеличению оскорблений, доводы его теряют силу и становятся менее убедительными. Но воистину, несмотря на это, он укоряет своих противников за отсутствие "спокойствия в полемике", хотя сам взрывается как нитроглицерин! Мчась на неприятеля со своими доказательствами, "неопровержимыми" только для него, он допускает множество ошибок. Именно одной из его ошибок я бы хотела воспользоваться, рассказав о некоторых случаях из своей жизни.

Я не преследую цель наносить удары по чьей-либо репутации. Господа Уоллас и Крукс вполне могут сами о себе позаботиться. Каждый в своей области способствовал прогрессу полезного знания и в большей степени, чем это сделал д-р Карпентер. Оба они были удостоены почестей за ценные и оригинальные исследования и открытия, в то время как их обвинителя часто упрекали за то, что он не лучше других, умеющих умело обобщить чужие идеи. Прочитав толковые ответы "обвиняемых" и разгромный обзор проф. Бьюкэнана все, за исключением его друзей, ненавидящих психические феномены увидели, что д-р Карпентер повержен и энергии в нем осталось столько же, сколько в куске металла.

В декабрьском приложении к "The Popular Science Monthly" я нашла на стр. 116 интересное признание, что бедный жонглер-индус может показать, такое, от чего у именитого профессора захватит дух! А вот спиритические феномены мисс Николь (миссис Гуппи) во внимание не принимаются. Вот что говорит доктор Карпентер:

> Знаменитый "фокус с деревом" знакомый многим, кто жил в Индии долгое время и описанный несколькими нашими известными гражданами и офицерами-учеными является самым большим чудом, о котором я когда-либо слышал. То, что дерево манго сначала почти мгновенно вырастает на шесть дюймов из клочка земли, к которому фокусник ни имел доступа, выходит из опрокинутой вверх дном корзины и за полчаса вырастает до шести футов из все более высоких корзин, гораздо эффективней, чем феномены мисс Николь.

Может быть и так. Во всяком случае, ничего подобного ни один член Королевского Научного общества не может продемонстрировать ни днем, ни в сумерках, будь он в Королевском Институте или еще где-либо. Разве подобное явление, засвидетельсвованное таким образом, и происходящее при обстоятельствах исключающих обман не будет изучаться учеными? Если нет, что же тогда достойно исследования? Однако посмотрите на лазейку, которую оставил для себя член Королевского научного общества. Профессор иронически замечает:

> Приписывает ли это мистер Уоллас какой-либо невидимой силе? Или, как весь мир [конечно, имеется в виду мир, который создала наука и который Карпентер приводит в движение] или жонглеры, показывающие трюк с деревом, он считает это ловким фокусом?

Предоставим ответы на эти вопросы мистеру Уолласу, если он только переживет эту молнию Юпитера, но я скажу, что индусы "фокусники" ответят категоричным "нет" на оба пункта. Жонглеры-индусы никогда не утверждают, что действуют посредством какой-либо "невидимой силы", а также не признают этот феномен "фокусом или ловким трюком". Они исходят из убеждения, что подобные фокусы возможны благодаря неким силам присущим любому человеку и силы эти могут быть одинаково использованы как для хороших, так и для плохих целей. Сама же я, скромно следуя за теми, чье мнение основано на точных психологических опытах и знании, считаю, что ни д-р Карпентер, ни ученые, защищающие

его, пусть даже их титулы не вмещаются на одной странице, не имеют ни малейшего представления об этих силах. Даже для того, чтобы поверхностно ознакомиться с ними, необходимо изменить научные и философские концепции. Вслед за Уолласом и Круксом они должны начать с азов спиритуализма, который д-р Карпентер презрительно называет "центром просвещения и прогресса". Они должны извлекать уроки не только из истинных, но и ложных феноменов, тех, которые главный авторитет (Карпентер), "верховный жрец новой религии" называет "Иллюзиями, Бессмыслицей и Фокусами". Пройдя через все это, как это должен сделать каждый разумный исследователь, они могут увидеть фрагменты истины. Полезно знать, что не представляют из себя данные феномены, чтобы понять их суть.

У д-ра Карпентера есть два ключа, которыми он якобы может открыть любую потайную дверь медиумов. Имя им "ожидание" и "предвзятость". Такие отмычки у большинства ученых. Но едва ли они помогут раскрыть тайну "фокуса с деревом", ибо ни его "известные граждане" ни "офицеры-ученые" не ожидали, что голый индус на странном клочке земли вырастит за какие-то полчаса из зерна манго дерево высотой в шесть футов, ведь они бы тоже отнеслись к этому предвзято. Это не может происходить благодаря "невидимой силе", это, наверное, "трюк". И сейчас Маскелайн и Кук, два ловких английских жонглера, находятся в центре внимания общественности благодаря своим разоблачениям спиритуализма. Ими восхищаются все ученые, а на процессе по делу Слейда они выступили как свидетели-эксперты со стороны прокурора. Они заодно с д-ром Карпентером. Что же он ни попросит их объяснить этот ловкий трюк с тем, чтобы господа Уоллас и Крукс покраснели от своей собственной тупости? Им известны все фокусы ученых; где еще наука может найти лучших союзников? Но мы должны настаивать на равных условиях. "Фокус с деревом" не должен демонстрироваться в помещении при искусственном свете, а исполнителю не нужен строгий вечерний костюм. Все должно происходить днем на клочке земли, к которой фокусники не имели доступа. Никакой техники, соучастников, белые галстуки и фраки необходимо будет снять, и англичанам придется предстать в незатейливых костюмах Адамы и Евы – это плотно облегающее тело пальто из собственной кожи, и единственным посторонним украшением будет dhoti, набедренная повязка шириной в семь дюймов. Так поступают индусы, и мы просим вас играть честно, поступая так же. Если им при этих условиях удастся превратить росток манго в дерево, пусть д-р Карпентер использует его в качестве дубинки и вышибет мозги первому попавшемуся "сумасшедшему спиритуалисту". Но до тех пор, пока они этого не сделают, Карпентеру лучше как можно меньше говорить о трюках индусов ради своей репутации ученого.

Нельзя отрицать тот факт, что в Индии, Китае и вообще на Востоке есть настоящие жонглеры показывающие фокусы. Также верно и то, что некоторые из этих фокусов и не снились западноевропейцам. Но фокусники эти ни факиры, ни те, кто демонстрирует чудо с деревом манго, как об этом пишет д-р Карпентер. Адепты, среди индусов и европейцев, тоже могут вырастить дерево, произведя манипуляции руками, но при совершенно других условиях. Скромно замыкая процессию "известных граждан" и "офицеров-ученых", я расскажу о том, что видела собственными глазами.

Находясь в Канпуре по пути в священный город Бенарес, у одной леди, моей попутчицы, украли все содержимое из небольшого сундучка. Драгоценности, платья и даже записная книжка, в которой она вела дневник в течении трех месяцев – все исчезло при таинственных обстоятельствах, причем замок был цел. После пропажи прошло несколько часов, может быть сутки и мы начали искать вещи на рассвете в близлежащих руинах, усеянных свидетельствами возмездия Нана Сахиба англичанам. Моя спутница сначала хотела обратиться к местной полиции, я же стремилась найти местного госсейна (так индусы называют святых, знающих обо всем происходящем), или, по крайней мере, jadugar, т.е. волшебника. Но западный образ мышления победил, и мы потратили целую неделю на бесполезные визиты в chabutara (полицейский участок) и интервью с kotwal (начальником). В отчаянии, моя спутница решила прибегнуть к последнему шансу, и мы отыскали госсейна. Жили мы в маленьком одноэтажном доме на окраине города, на правом берегу Ганга, и с веранды было видно всю реку, поскольку в той местности она была очень узкой.

Эксперимент проводился на веранде в присутствии семьи хозяина – португальца с Юга, моей подруги и двух недавно приехавших французов, которые открыто смеялись над

нашими предрассудками. Жара была невыносима, тем не менее, этот святой цвета кофе, настоящий ходячий скелет, потребовал, чтобы мы прекратили пользоваться pankah (веер, приводимый в движение шнуром). Он не объяснил, почему это надо делать, но причина в том, что движение воздуха мешает точным экспериментам с магнитным полем. Все мы слышали о "катающихся горшках", используемых в Индии для обнаружения кражи – обычный железный горшок, который волей мага-индуса катится к месту, где находятся украденные вещи. Госсейн поступил иначе. Прежде всего, он попросил какой-либо предмет, который был в сундучке дольше всех из неукраденных вещей – ему подали пару перчаток. Он сжал их своими тонкими ладонями, перевернул несколько раз, затем бросил на пол и начал медленно поворачиваться, стоя на месте. Руки и пальцы его были вытянуты, как будто он искал направление, где лежали вещи. Внезапно он резко остановился, медленно опустился на пол и замер, сидя "по-турецки". Руки его были по-прежнему вытянуты в одном направлении, и все это напоминало состояние каталепсии. Это продолжалось больше часа – для нас долгое ожидание в такую жару было настоящей пыткой. Неожиданно хозяин дома вскочил и подбежал к перилам, внимательно всматриваясь в сторону реки. Мы последовали его примеру. Откуда или как это появилось, мы не могли сказать, но там, над водой, близко от поверхности появился темный предмет, двигающийся в нашем направлении. Мы не могли его рассмотреть, но казалось, предмет вращался какой-то внутренней силой, вначале медленно, затем, по мере приближения, все быстрее и быстрее. Создавалось впечатление, что он находился на невидимой платформе и двигался строго по прямой. Предмет достиг берега и пропал из поля зрения, закрытый высокой растительностью. Вскоре он с какой-то пружинящей силой перелетел через низкую ограду сада и, скорее, влетел, чем вкатился на веранду, упав с тяжелым стуком под протянутые руки госсейна. Сильная судорога пробежала по телу старика, когда он глубоко вздохнул и полностью открыл глаза. Все были поражены, а французы уставились на сверток с выражением идиотского ужаса. Поднявшись, святой открыл просмоленный парусиновый мешок, в котором и нашли пропажу, все до последней вещи. Не сказав ни слова, и не ожидая благодарности, он низко нам поклонился по восточному обычаю и вышел прежде чем мы оправились от изумления. Нам пришлось догонять его бегом и заставить взять дюжину рупий, которые он положил в деревянную чашу.

Эта история может показаться удивительной и невероятной европейцам и американцам, никогда не бывавших в Индии. Но ведь д-р Карпентер говорит, что даже его "известные граждане" и "офицеры-ученые" (которые едва ли учуют своими аристократическими носами что-либо мистическое в Индии, равно как и он сам, находясь в Англии, не может увидеть ничего необычного, несмотря на свои телескопы, микроскопы и линзы с двукратным увеличением), наблюдали "фокус с деревом", который еще более чудесен. Если фокус с деревом это ловкий трюк, то рассказанное мной, должно быть, тоже. Может быть, джентльмен во фраке и с белым галстуком потрудится объяснить Королевскому обществу, как проделать эти фокусы?

"Религиозно-философский журнал", 22 декабря 1877 г.

АХКУНД ИЗ СВАТА
Основатель многих мистических обществ

Из многих замечательных людей этого века Гафур был одним из самых выдающихся. Если Восточная доктрина права, утверждая, что души, хорошие или плохие, которым не хватило времени, чтобы реализовать свои планы на земле, воплощаются вновь, причем жажда утолить свои страсти вовлекает их все больше и больше в поток своих привязанностей, тогда получается, что Гафур был реинкарнацией того Феличе Перетти, который известен в истории как Папа Сикст V.

В памяти потомков он остался коварной и одиозной фигурой. Оба они родились в семье бедняков, были невежественными крестьянскими мальчиками и начинали свою жизненную деятельность пастухами. Оба достигли вершины славы хитростью и стяжательством, насаждая вокруг суеверия.

Сикст V, автор мистических книг, практиковавший запрещенные науки, чтобы утолить жажду к власти и остаться безнаказанным, стал главным инквизитором.

Когда его выбрали Папой, он стал всех предавать анафеме, и королеву Англии Елизавету, и короля Наваррского и других великих людей.

Абдул Гафар, обладавший железной волей, был самоучкой и постиг многие науки благодаря общению с "мудрецами" из Кхуттука. Он был таким же сведущим в арабской и персидской литературе по алхимии и астрономии, как Сикст V в трудах Аристотеля, и так же, как и он, умел изготавливать месмеризованные талисманы и амулеты, содержавшие либо жизнь, либо смерть, в зависимости от того, кому они предназначались. Их психологическое влияние распространялось на миллионы приверженцев, которые их скорее боялись, чем любили.

Гафур был воином и честолюбивым предводителем фанатиков; он стал дервишем, а затем, с позволения сказать, папой; его благословения и проклятия сделали его таким же Господином эмиров и других мусульман, каким Сикст V был для католических монархов Европы.

Только основные этапы его карьеры известны христианскому миру. Как бы пристально за ним ни наблюдали, все же его личная жизнь, честолюбивые стремления к светской и религиозной власти, остались книгой за семью печатями. Лишь одно нам ясно – он был основателем и главой почти всех тайных обществ, достойных упоминания среди мусульман и духовным вождем всех остальных. Его явный антагонизм к ваххабитам был только маской; и нет сомнения, что рука убийцы, казнившая лорда Майо, умело направлялась стариком Абдулом. Дервиши, члены ордена Бикташи[119], все завывающие и пляшущие нищие, и другие мусульманские нищенствующие монахи признают его власть превыше власти Шейха-уль-Ислама над правоверными.

Вряд ли Константинополь или Тегеран – какими бы еретиками эти персы не были – осмелились бы когда-нибудь издать хоть один указ без ведома Абдула. Такой же фанатичный, как и Сикст, но еще более хитрый, он вместо того, чтобы давать прямые приказы уничтожить ваххабитов, гугенотов Ислама, посылал свои проклятья и указывал пальцем только на тех из них, кто стоял у него на пути, а с остальными же поддерживал, хотя и втайне, дружеские отношения.

Титулом Наср-эд-Дина (защитник веры) он одинаково награждал и Султана и Шаха, хотя один был суннитом, другой шиитом. Он подсластил жгучую религиозную нетерпимость Османской династии, добавив к старому титулу Наср-эд-Дин титулы Сайф-эд-Дин (ятаган веры) и эмир эль-Мумминья (правитель правоверных). Каждый эмир эль-Сурей, или глава паломников в Мекку, посылал и приносил сообщения от Абдула, а также получал от него совет и инструкции; Абдул выступал в роли таинственного оракула, для которого оставлялись деньги, подарки и другие подношения, равноценные тем, которые католические паломники подносили в Риме.

В 1847-48 гг. принц Мирза, дядя молодого шаха и экс-губернатор огромной провинции в Персии, появился в Тифлисе, надеясь найти защиту у князя Воронцова, наместника Кавказа. Стащив драгоценности и деньги из королевской казны, принц Мирза бежал от суда своего любящего племянника, который горел нетерпением выколоть ему глаза. Ходили слухи, что ему во сне три раза являлся великий дервиш Ахкунд, подстрекавший его взять все, что принадлежало молодому шаху и поделиться добычей с покровителями веры его главной жены (их он привез с собой в Тифлис двенадцать), уроженки Кабула. Тайна, хотя возможно, это было косвенное воздействие, которому он подверг бегуму из Бхопала во время восстания сипаев в 1857 г., была тайной только для англичан, которых старый интриган Абдул мог легко обвести вокруг пальца. Всю свою жизнь, следуя взглядам Макиавелли, внешне поддерживая дружеские отношения с англичанами, а втайне их проклиная, Абдул, почитаемый как новый пророк миллионами правоверных и еретиками мусульманами, стремился сохранить свое влияние над друзьями и врагами. Но все же старый "Учитель" имел одного врага, которого он очень боялся, потому что знал, что никакая хитрость никогда не поможет ему переманить его на свою сторону. Этим врагом были когда-то могущественные сикхи, бывшие полновластные правители Пенджаба и хозяева долины Пешавар. Низведенный со своего высокого положения, этот воинственный народ находится

[119] По сей день, никто не признает дервишей, членов ордена Бикташи, если они не предъявят некий медальон с печатью этого "высшего понтиффа" всех дервишей, независимо от того, принадлежат ли они к одной секте или к разным.

в подчинении у одного магараджи Путтиалы, который сам является лишь бессильным вассалом англичан. С самого начала на пути Ахкунда встали сикхи. Не успевал он почувствовать себя победителем, как между ним и воплощением его надежд неизменно возникал его заклятый враг. Если сикхи оставались верными англичанам в 1857 г., то не из-за сердечной преданности или политических убеждений, а скорее из-за открытой оппозиции к мусульманам, которым, они знали, тайно помогал Ахкунд.

Со времен великого Нанака, из касты кшатриев, основателя Сикхского Братства во второй половине пятнадцатого века, эти отважные и воинственные племена всегда были источником постоянного раздражения династии моголов, наводя ужас на индийских мусульман. Зародившись, если можно так выразиться, в религиозном братстве, целью которого было покончить с исламизмом, брахманизмом и другими измами, включая и позднейшее христианство, эта секта превратила чистый монотеизм в абстрактную идею вечно непознаваемого принципа и создала из нее доктрину "Всеобщего Братства".

Согласно их взглядам, мы все дети одного Отца-Матерь Принципа, у которого "нет ни формы, ни образа, ни цвета", и, следовательно, все мы должны быть братьями, независимо от расы или цвета кожи. Жреческий брахман, фанатично следующий мертвой букве писаний, стал в глазах сикхов таким же врагом Истины, как и мусульманин, предающийся чувственным наслаждениям со своими гуриями на небесах, как идолопоклонник буддист, монотонно читающий молитвы у своего колеса, или же, как римский католик, восхищающийся своей драгоценной Мадонной, чей цвет лица священники меняют по своему желанию с белого на коричневый и черный, подгоняя его под климатические условия и предрассудки. Позднее, Арджуна, сын Рамдаса, четвертый в роду Нанаков, объединив доктрины основателя братства и его сына составил священное писание, назвав его Адигарунт и снабдил его многочисленными отрывками из сорока пяти сутр джайнов. Хотя Адигарунт и заимствовала религиозные персонажи из Вед и Корана, предварительно тщательно их просеяв и объяснив их символизм, все же ее идеи относительно сложных метафизических концепций имеют скорее больше сходства с идеями школы гуру джайнов.

Понятия астрологии, или влияние звездных сфер на людей, были, очевидно, заимствованы от этой наиболее выдающейся школы древности. В этом можно легко убедиться, сравнив с Адигарунт комментарии Аваядева Сури, написанные им к оригинальным текстам сорока пяти сутр на языке магадхи или балабаша.

Старый гуру Джайн, который, как говорят, составил гороскоп Рунджит Сингха, в период расцвета его власти, предсказал падение королевства Лахор. Именно ученый Арджуна, возвратившийся в Амритсар, превратил секту сикхов в политико-религиозную общину и учредил в ней другую, и более эзотерическую, школу гуру, ученых и метафизиков, и стал ее единственным главой. Он умер в тюрьме, где его по приказу Аурангзеба подвергли пыткам в начале семнадцатого века. Его сын Говинда, знаменитый гуру (религиозный учитель), поклялся отомстить убийцам своего отца, и после некоторых превратностей судьбы, афганцы были окончательно изгнаны сикхами из Пенджаба в 1764 г.

Этот триумф еще больше возбудил в них ненависть и с этого момента вплоть до смерти Рунджит Сингха в 1839 г., мы видим их постоянно нападающими на мусульман. Маха Сингх, отец Рунджита, разделил всех сикхов на двенадцать мизалов или округов, каждый из которых имел своего собственного главу (сирдар) и чей тайный Государственный совет состоял из гуру. Среди них были знатоки духовной науки, и они могли бы, если бы захотели, показать такие же поразительные "чудеса" и божественные фокусы, как и старик-мусульманин Ахкунд. Он это знал прекрасно и по этой причине испытывал по отношению к ним больше страха, чем ненависти, помня свое поражение и поражение своего эмира от рук Рунджита Сингха.

Одним из наиболее драматичных моментов в жизни "Папы из Сиду" является следующий достоверный факт, который лет двадцать тому назад широко комментировался в той части Индии, где он жил. Однажды, в 1858 году, когда Ахкунд, сидя на корточках на ковре, раздавал амулеты, благословения и пророчества своей благочестивой конгрегации паломников, к нему незаметно, смешавшись с толпой, подошел высокий индус и неожиданно обратился со следующими словами: "Скажи мне, пророк, ты, который так хорошо предсказываешь другим, знаешь ли ты, какой будет твоя собственная судьба и судьба "защитника Веры", твоего султана из Стамбула через 20 лет?"

Старый Гафур, остолбеневший от удивления, уставился на своего вопрошателя, не издавая ни звука. Узнав в нем сикха, он, похоже, потерял дар речи, и вся толпа оцепенела.

"Если нет", – продолжал непрошеный гость, – "то я тебе скажу: пройдет двадцать лет и твой "Правитель Правоверных" падет от руки убийцы его собственного рода. Два старика, один Далай-лама христиан, другой – великий пророк мусульман ты сам – будут раздавлены колесом смерти в одно и то же время. Затем пробьет час падения двух врагов истины – христианства и Ислама. Первый, как более могущественный, переживет второй, но оба вскоре распадутся на отдельные секты, и будут истреблять друг друга. Видишь, твои последователи бессильны, и я мог бы убить тебя сейчас, но ты в руках Судьбы, а она знает свой час".

И оратор исчез прежде, чем можно было поднять руку. Этот случай достаточно убедительно доказывает, что сикхи могли бы убить Абдула Гафара в любой момент, если бы только этого пожелали. И возможно, что "Mayfair Gazette", которая, в июне 1877 года, пророчески заметила, что враждующие понтифы Рима и Свата могут умереть одновременно, услышала этот рассказ от одного "старого индуса". Пишущая эти строки услышала этот рассказ в Лахоре от своего знакомого.

"Эхо", Нью-Йорк, 1878 г.

ТОДДЫ

Эти строки – ответ корреспонденту газеты "Н. М.", высмеявшему мои взгляды о тоддах. Я хочу сказать, что все, о чем я рассказала в "Разоблаченной Изиде", было написано под впечатлением книги полковника Маршалла "Френолог среди тоддов", в которой, на мой взгляд, автор приходит к ошибочным выводам. Мне можно было бы отказать в здравом уме, если бы я, описывая Восточную психологию, ее феномены и тех, кто их производит, не предвидела все те отрицания и противоречия, с которыми выступил "Н. М.". Какое удовлетворение может получить искатель оккультных знаний, если, пренебрегая опасностями, лишениями и разного рода препятствиями, чтобы овладеть ими, он все же не будет располагать фактами, дабы поведать о них профану? Большинство критиков – простые путешественники или обычные наблюдатели, коих д-р Карпентер ласково называет "офицер-ученый" или просто "известный ученый", когда им, европейцам, не обладающим неким мистическим паспортом, запрещают входить в дом ортодоксального брахмана или в пагоду. Как же тогда мы, бедные теософы, должны трепетать пред презрительным взором этих современных Даниилов, когда даже умнейший из них не может объяснить простейшие "трюки" индусских фокусников, не говоря уже о феноменах факиров! Эти ученые мужи на все свидетельства спиритуалистов отвечают высокомерным презрением и отвергают, как личное оскорбление, приглашение присутствовать на спиритическом сеансе. Я не стала бы заострять внимания на тоддах, если бы не письмо "Late Madras C.S.", напечатанное в вашей газете за 15 число. Я чувствую себя обязанной ответить на него, так как его автор изображает меня лгуньей. Более того, он угрожает мне громовыми стрелами, которые некий другой офицер прячет в шкафах своей библиотеки.

Примечательно, как человек, который прибегает к использованию псевдонима, иногда забывает, что он джентльмен. Возможно, так принято в вашей цивилизованной Англии, где, как говорят, манеры и образование достигли утонченной изысканности, однако же, в несчастной варварской России, которую как раз сейчас добрая половина ваших соотечественников старается подмять под себя (если им это удастся), все обстоит совсем не так. В моей стране татарских казаков и калмыков оскорбляющий обычно не прячется за спинами других. Мне жаль, что я так долго распространяюсь об этом, но вы позволили своим корреспондентам, без всякого на то повода с моей стороны, всячески оскорблять меня, и я уверена, что, как человек чести, вы не откажете мне в привилегии ответить на эти оскорбления. "Late Madras, C.S.", так же, как и миссис Шауэрз, утверждает, что я никогда не была в Индии. Это напомнило мне о клеветнических слухах, распространявшихся в прошлом году по поводу "духов", говоривших через знаменитого бостонского медиума; тогда в эту клевету поверили многие.

Дело в том, что я не была тогда русской, и даже не говорила на этом языке, а была просто французской путешественницей.

Ну, довольно о непогрешимости добрых "ангелов". Конечно, я не намерена предъявлять никому из моих замаскированных клеветников, как в этом мире, так и в ином, мои паспорта, которые русское посольство выдавало мне несколько раз во время моего путешествия в Индию и обратно. Я также считаю выше своего достоинства показывать конверты с марками, полученными мною в различных частях Индии.

Такое обвинение вызывает у меня просто смех, поскольку без сомнения, моим словам можно также доверять, как и словам всех других. Я только скажу, что очень жаль, что английский офицер, который провел "пятнадцать лет в этой части Индии", знает о тоддах меньше, чем я, которая, как он утверждает, никогда в Индии не была.

Он называет "купол" пагоды Gopuram. А почему не крышу или что-нибудь еще? Gopuram – это священный пилон, ворота пирамидальной формы, через которые входят в пагоду; и все же я неоднократно слышала, как население Южной Индии саму пагоду называет Gopuram. Быть может, это просто не точное выражение, употребляемое простонародьем, но когда мы обращаемся к авторитету лучших индийских лексикографов, мы убеждаемся, что такое значение действительно существует. В "Hindustani – English Dictionary" Джона Шекспира (издание 1849 г., стр. 1727), слово Gopuram означает "храм идолопоклонников-индусов". Был ли "Late Madras C.S." или кто-либо из его друзей внутри этого храма, чтобы выяснить, кто или что скрывается там? Если нет, то тогда его выпад против меня является явно преждевременным. Жаль, что я задела чувства такого филологического пуриста, но я действительно не понимаю, почему, говоря о храмах тоддов – существуют они или нет – даже брахман гуру не может сказать, что у них есть свои Gopurams?

Может быть он, или кто-то из других блестящих знатоков санскрита и других Индийских языков, объяснит нам этимологию этого слова? Означает ли первый слог, Go или Gu, округлость этих "куполов", как мой критик называет их (хотя слово Go действительно означает что-то круглое) или этот слог относится к слову Gop, пастух, которое дало свое наименование индусской касте и было одним из имен Кришны, Go-pal, что означает пастух? Пусть эти критики внимательно прочтут работу полковника Маршалла и убедятся сами, можно ли сказать, что это племя пастухов (он так много раз его видел и так мало о нем узнал), которое поклоняется (экзотерически, конечно) священным коровам и буйволам, проводя свои дни в заботах о распределении "священной жидкости" – молока, и чье восхищение, как нам говорят миссионеры, своими буйволами настолько велико, что они называют их "Даром Божьим" – не имеет своих Gopurams, хотя последние представляют собой лишь огороженную площадку для скота, tirieri. Короче говоря, maund, куда наш френологический исследователь полз в одиночку в потемках, испытывая бесконечные муки, но так ничего и не увидел, так ничего и не нашел. И только потому, что он ничего не нашел, он делает вывод, что у них нет ни религии, ни представления о боге, ни предмета поклонения.

Приблизительно к такому же умному заключению может прийти и д-р Карпентер, если однажды вечером, пробравшись в комнату спиритических сеансов миссис Шауэрз, он обнаружит, что в комнате уже нет ни "ангелов", ни их гостей; он тут же поспешит оповестить весь мир, что среди спиритуалистов нет ни медиумов, ни феноменов.

Полковника Маршалла я нахожу гораздо менее догматичным, чем его поклонников. Такие осторожные фразы, как "я полагаю", "я не мог выяснить", "я думаю, что это правда" и тому подобное, доказывают его желание докопаться до истины, хотя едва ли свидетельствуют о том, что он ее нашел. В лучшем случае, все сводится к тому, что полковник Маршалл считает достоверным то, на что я смотрю совсем по-иному. Он доверяет своему другу миссионеру, я же верю своему другу брахману, который и рассказал мне то, о чем я написала. К тому же, я очень ясно выразилась в своей книге (см. "Изиду", том II):

> Как только их (тоддов) уединенность была осквернена лавиной цивилизации... тодды начали перебираться в другие места, такие же неизвестные и еще более недоступные, чем до этого Нильгирийские холмы.

Следовательно, тодды, о которых мне говорил мой друг брахман и которых видел капитан О'Грэйди, покойный менеджер "Madras Branch Bank" в Утакаманде, не были вырождающимися остатками племени, чьи френологические шишки измерял полковник Маршалл. И все же, несмотря на все то, что он о них написал, я должна признать, что сама

допустила много неточностей. Мои критики могут считать меня слишком легковерной, но это не дает повода обвинять меня во лжи ни покойным, ни живым правителям Мадраса. Ни капитан О'Грэйди, который родился в Мадрасе и какое-то время был расквартирован вместе со своей частью на Нильгирийских холмах, ни я сама не признали в существах, сфотографированных в книге полковника Маршалла, тоддов. У тех, кого мы видели, длинные темно-коричневые волосы и сами они намного светлее, чем бадаги или другие индусские племена; и ничем не напоминают тип, описанный полковником Маршаллом. "Н. М." пишет:

> У тоддов коричневая, цвета кофе, кожа, такая же, как и у многих других туземцев.

Но в "Cyclopaedia" Эпплтона (том XII, стр. 173) мы читаем:

> У этого народа светлый цвет лица, с ярко выраженными еврейскими чертами; многие считают, что они – одно из утерянных племен.

"Н. М." уверяет нас, что места, где живут тодды, не кишат ядовитыми змеями и тиграми, но та же "Cyclopaedia" замечает, что:

> горы кишат дикими животными, среди которых много слонов и тигров.

Но "Late Madras C.S." ("Late" – усопший? Ваш корреспондент бесплотный ангел?), достигает верха абсурдности, когда в конце с язвительной иронией говорит:

> Все хорошие духи, независимо от их степени, астральные или элементарные... стараются не допустить встречи (капитана Р. Ф. Бертона) с Изидой – тяжким может оказаться разоблачение!

Конечно, пока эта военная Немезида будет испытывать гостеприимство какой-либо американской газеты, где всем заправляют политики, он никогда не будет казаться грубее, чем этот Мадрасский Грэндисон. Даже сама идея, что после того, как в своих двух томах я вступила в противоречие с величайшими авторитетами Европы и Америки, начиная с Макса Мюллера и кончая позитивистами, высмеяв их, я должна прийти в ужас от капитана Бертона или целой гвардии капитанов на службе у ее величества, даже если бы у каждого из них на плече был автомат Армстронга, а в кармане митральеза – просто великолепна! Пусть они приберегут свои угрозы для моих соотечественников христиан.

Любой средний лжеученый (а чем меньше у него мозгов, тем проще), встав на позиции простолюдина, может растерзать "Изиду" на кусочки своим софизмом и якобы авторитетным анализом; но докажет ли это то, что он прав, а я нет? Пусть за меня ответят все рекорды медиальных феноменов, отвергнутых, сфальцифицированных, оклеветанных и высмеянных, а также рекорды медиумов, терроризируемых вот уже 30 лет. Я не из тех, кого можно легко заставить замолчать такими методами; в чем "Late Madras C.S" со временем убедится; и никогда он не увидит меня прячущейся за псевдонимом, если я захочу кого-то оскорбить.

У меня всегда было, есть и, я уверена, будет достаточно мужества высказывать свои убеждения, какими бы непопулярными и ошибочными они ни считались; и в Великобритании не хватит ливней, чтобы потушить тот жар, с каким я буду отстаивать свои убеждения.

Есть только единственное объяснение той бури, которая в течение четырех месяцев свирепствовала в "Спиритуалисте" над Олькоттом и мною, и оно прекрасно выражено французской пословицей: "Quand on veut tuer son chien, on dit qu'il est enrange".

Нью-Йорк, март 24 1878 г.

ПЕРСИДСКИЙ ЗОРОАСТРИЗМ И РУССКИЙ ВАНДАЛИЗМ

Немногие могут оценить истинную красоту, еще меньше тех, кто может оценить монументальные реликвии прошлого – живых свидетелей того, что даже в древнейшие эпохи человечество поклонялось Высшей Силе; и человек стремился запечатлеть абстрактные идеи в творениях, которым суждено было пережить века.

Вандалы – будь то славянские венды или какое-либо другое германское племя – всегда приходили с Севера. Недавний случай заставляет нас пожалеть о том, что Юстианин не разрушил все реликвии прошлого, так как выясняется, что и поныне живут на Севере

потомки этих страшных вандалов, разрушающих памятники старины – русские купцы, которые только что совершили акт непростительного вандализма. Русские газеты пишут, что московский миллионер Кокорев и его тифлисский напарник, армянский крез Мирзоев, оскверняют и разрушают старейшую святыню Зороастризма – "Аттеш-Гаг", что в Баку.

Очень мало иностранцев и возможно столь же мало русских знают что-либо об этой святыне огнепоклонников у Каспийского моря. В 20 верстах от небольшого городка Баку, в долине Апшерона, в Русской Грузии, среди выжженной, бесплодной Каспийской степи стоит – господи! стояло всего четыре месяца назад – странное сооружение, напоминающее что-то среднее между средневековым храмом и укрепленным замком. Когда и кто его построил, никому не известно. На участке площадью в одну квадратную милю, известном как "Огненное поле" стоит это сооружение; если копнуть эту песчаную землю на 2-3 дюйма и поднести к этому месту зажженную спичку, то из него как из фонтана брызнет вверх струя огня[120].

Guebre Temple, как это сооружение иногда называют, был вырезан из цельного куска скалы. Он представлял собой огромный квадрат, обнесенный зубчатыми стенами. Посередине, опираясь на массивные колонны, стояла высокая башня. Эти колонны своим основанием касались скальных пород, а наверху достигали вырезанных в стене амбразур, выходя наружу. Это были своего рода трубы, по которым горючий газ, скопившийся в центре материнской породы, бесперебойно подавался наверх. На протяжении веков башня была святыней огнепоклонников, ее символическое изображение – трезубец, названный tirsut.

С лицевой стороны ее внешней стены были высечены кельи, числом около двадцати, в которых жили поколения зороастрийских отшельников. Под руководством высшего Мобеда, здесь, в тиши, под сводами уединенных келий, они изучали Авесту, Вендидад и Яшну, особенно, кажется, последнюю, поскольку скалистые стены их келий испещрены многочисленными цитатами из священных гимнов. Под башней-алтарем висели три огромных колокола. Легенда рассказывает, что их чудом сотворил один святой скиталец в 10 веке, во время мусульманского преследования, чтобы своевременно оповещать верующих о приближающемся враге. Всего несколько недель назад над высокой башней-алтарем горел тот же огонь, который, как гласит предание, зажгли 30 веков назад.

У горизонтальных отверстий четырех полых колонн неугасимо горели четыре огня, бесперебойно поступавших из неисчерпаемого подземного резервуара. Из каждого зубца и амбразуры струился лучезарный свет, переливаясь многочисленными язычками пламени и даже большой балкон над главным входом был освещен гирляндой огненных звезд; светящиеся огоньки вспыхивали и в меньших и более узких отверстиях стен храма. Вот в таком удивительном окружении гебры-отшельники ежедневно отправляли свои молитвы, собираясь под открытым алтарем; каждое лицо благоговейно устремлено к заходящему солнцу, голоса молящихся сливаются в вечернем гимне прощания.

И так как светило – "Глаз Ахуры-Мазды" – уходило все дальше и дальше за горизонт, их голоса становились все тише и тише, пока, наконец, их пение не напоминало печальный и приглушенный шепот.

... Блеснул последний луч – и солнце скрылось; и поскольку ночь в этих местах наступает мгновенно, то уход этого божественного символа служил сигналом к общей иллюминации, сравниться с которой не могут даже величайшие фейерверки королевских торжеств.

Каждую ночь это Огненное Поле походило на одну горящую прерию...

До приблизительно 1840 г. Аттеш-Гаг был главным местом паломничества огнепоклонников Персии. Тысячи пилигримов посещали эту святыню; и ни один истинный гебр не мог умереть счастливым, пока он не совершит, хоть раз в жизни, паломничество к этому святому месту. Один путешественник, некий Кох, который приблизительно в это время посетил этот храм, нашел в нем всего пять зороастрийцев со своими учениками. В 1878 г. почти 14 месяцев назад, одна дама из Тифлиса, побывавшая в Аттеш-Гаг, сообщила мне в письме, что она обнаружила там только одного отшельника, который покидал свою келью единственно для того, чтобы приветствовать восход и заход солнца. И сейчас, по

[120] Видно, как голубоватое пламя поднимается из земли, но этот огонь не обжигает, "и если кто-то очутится в его середине, он не ощутит даже и тепла" – см. Персия Киннэра, стр. 35.

прошествии почти года, мы читаем в газетах, что г-дин Кокорев и Ко строят на Огненном Поле огромные сооружения по переработке нефти! Во всех кельях, наполовину разрушенных и невыразимо грязных, расположились рабочие фирмы, исключение составляет только одна, где живет бедный старый отшельник; алтарь, над которым горел священный огонь, сейчас завален строительным хламом и известковым раствором, а сам огонь уже горит совершенно для других целей. Благодаря стараниям русского священника, периодически посещавшего этот храм, колокола тоже сняли и повесили на веранде дома суперинтенданта; как всегда языческие реликвии используются – и даже оскверняются – религией, которая вытесняет прежние верования. И все выглядит как мерзость запустения... "Меня удивляет", пишет в Санкт-Петербургских ведомостях бакинский корреспондент, который первый прислал печальную новость, "что трезубцу, священному tirsut, все еще не нашли какого-либо достойного применения даже на кухне фирмы!.. Так ли уж нужно было миллионеру Кокореву осквернять зороастрийскую святыню, которая занимает такое малое место по сравнению с тем, какое этому господину выделили под его мануфактуры и лавки? И стоит ли такую великолепную реликвию античности приносить в жертву коммерческой жадности, которая, в конечном счете, не выиграет ни рубля от ее разрушения?".

По-видимому стоит, поскольку г-н Кокорев и Ко взяли этот участок земли в аренду у правительства, которое, похоже, абсолютно безразлично восприняло этот идиотский и никчемный акт вандализма. Прошло уже более двадцати лет после того, как я в последний раз посетила Аттеш-Гаг. В те дни, кроме небольшой группы отшельников, его посещало много паломников. И поскольку весьма вероятно, что спустя 10 лет о нем никто уже ничего не услышит, я хочу, более подробно, остановится на его истории. Наши персидские друзья, я уверена, заинтересуются несколькими легендами, которые я услышала в этом храме.

Кажется, подымается завеса над тайной происхождения Аттеш-Гаг. Исторических данных очень мало, к тому же все они противоречивы. За исключением некоторых армянских летописей, которые повествуют о том, что Аттеш-Гаг существовал еще до того, как Грузия узнала о христианстве от святой Нины в 3 веке[121], больше упоминаний о нем не содержится нигде, насколько я знаю.

На вершине горы, очень высокой, не было ничего, кроме голых камней, и родник не пробивался наверх. Но в ознаменование своей победы, святой вызвал к жизни родник на самом дне глубокого, и как уверяют, бездонного колодца, прорубленного в недрах горы, зияющая пасть которого находилась совсем рядом с алтарем божества Зеды, как раз посередине его храма. Именно в нее бросали тела детей, принесенных в жертву этому идолу. Но вскоре вода в чудодейственном роднике иссякла и в течение многих веков не появлялась. Но когда христианство утвердилось в Грузии, вода начала появляться снова и появляется до сих пор каждый год на седьмой день мая. Странно, но этот факт уже не имеет отношения только к легенде, он возбудил огромное любопытство даже среди ученых мужей, таких как знаменитый геолог, д-р Абих, который много лет прожил в Тифлисе. Тысячи пилигримов каждый год 7 мая устремляются к Зедадзене, чтобы лицезреть "чудо". С раннего утра слышно журчание воды на дне скалистого колодца и к полудню его пересушенные стены становятся влажными: кажется, что прозрачная, холодная и искристая вода выходит из всех пор скалы, она поднимается все выше и выше, и достигнув края колодца, внезапно прекращает свой подъем под радостные крики фанатичной толпы. Кажется, что эти крики, как внезапный залп артиллерии, сотрясают глубины горы и разносятся эхом на мили вокруг. Каждый спешит наполнить свой сосуд святой водой. В этот день у Зедадзене многие себе ломают шею и голову, но тот, кто остается живым и невредимым, уносит с собой прозрачно-кристальную жидкость. К вечеру вода начинает также таинственно исчезать, как и появилась, и к полуночи колодец опять становится совершенно сухим. Ни капли воды, ни

[121] Хотя святая Нина появилась в Грузии в третьем веке, грузины оставались идолопоклонниками вплоть до 5 века, когда тринадцать сирийских священников обратили их в христианство. Они пришли в Грузию под предводительством святого Антония и святого Джона Зедадзене, получившего это имя, якобы, потому, что он отправился на Кавказ с единственной целью – сразиться и покорить главного идола Зеду! Пока, как неопровержимое доказательство существования обоих, густые локоны черных волос святой Нины хранились (и до сих пор хранятся) как реликвия в христианском соборе Тифлиса – чудотворец Джон успел прославить свое имя еще больше. Легенда рассказывает, что Зеду, Ваалу Закавказья, приносили в жертву детей на вершине горы Зедадзене, в 18 верстах от Тифлиса. Именно здесь святой вызвал на бой идола или, скорее Сатану в образе каменной статуи, и чудесным образом победил его, т.е. сбросил наземь и растоптал его ногами. Но на этом не закончилась демонстрация его чудодейственных сил.

следа родника не могут отыскать геологи и инженеры, пытающиеся, склонившись над колодцем, разгадать этот "трюк". Целый год никто не посещает эту святыню, и нет даже сторожа, чтобы приглядывать за ней. Геологи объявили, что в этой горной породе родников нет и быть не может. Кто же разгадает эту тайну?

Предание гласит, насколько точно не мне судить, что задолго до Заратуштры, народ, которого мусульмане и христиане презрительно окрестили "гебрами" и который сам себя называет "бехединами" – последователи истинной веры – поклонялись Митре, Посреднику, как своему единственному и Высшему Божеству, который воплощал в себе всех хороших и плохих богов. К Митре, олицетворявшему в себе две сущности – Ормазда и Ахримана – народ испытывал страх, хотя он мог бы и не бояться его, а только любить и почитать как Ахура-Мазду, если бы Митра не обладал чертами Ахримана.

Однажды, когда Бог, переодетый пастухом, бродил по Земле, он пришел в Баку, тогда еще на мрачный, пустынный морской берег, и обнаружил там своего старого и ревностного поклонника ссорящегося с женой. В этой бесплодной местности дрова были редкостью, и жена, обладая небольшим запасом угля для приготовления пищи, отказывалась дать хоть немного этого угля мужу, чтобы разжечь огонь над алтарем.

То, что было в Боге от Ахримана, поднялось в нем и, ударив жадную старуху, он превратил ее в огромную скалу. Затем в нем проснулся Ахура-Мазда и он, чтобы утешить овдовевшего старика, пообещал ему, что больше никогда ни он, ни его потомки, не будут испытывать недостаток в топливе, потому что он снабдит его таким запасом угля, который будет неисчерпаем. Он снова ударил о скалу, затем о землю, и известковые почвы Каспийского берега наполнились лигроином.

В ознаменование счастливого события, этот старый ревностный слуга своего бога собрал всех юношей округи и начал долбить скалу – все, что осталось от его бывшей жены. Он выдолбил амбразуры в стенах, и алтарь, и четыре колонны, вырезав в них полости, чтобы газ мог свободно подниматься и выходить наружу. Бог Митра, увидев, что работа закончена, метнул молнию, которая зажгла огонь над алтарем, а также все огни в зубцах на стенах. Затем, чтобы огонь горел ярче, он призвал к себе четыре ветра и приказал им разнести огонь во все стороны. По сей день, Баку известен под своим первоначальным именем "Baadey-Ku-ba", что дословно означает место встречи ветров.

Другая легенда, которая является продолжением предыдущей, гласит: веками верующие в бога Митру молились в его храмах, пока Заратуштра, спустившись с небес в виде "Золотой Звезды", не принял человеческий облик и не начал проповедовать новую доктрину. Он славил Единого, но Тройственного Бога – Высшую Вечную, непостижимую сущность "Зервана-Акарна", который эманирует из себя "Первозданный Свет", а последний, в свою очередь, создает Ахура-Мазду. Однако, этот процесс требует, чтобы "Первозданный Единый" сначала поглотил весь свет, который исходит из огненного Митры и лишил бедного Бога его сияния. Утеряв свое право на безраздельное господство, Митра в отчаянии, подстрекаемый сущностью Ахримана, который в нем, уничтожает себя до поры до времени, предоставляя Ахриману одному бороться с Ормаздом. Отсюда преобладание двойственности в природе, но только до той поры, пока не возвратится Митра, который обещал своим преданным поклонникам в один прекрасный день вернуться. Только с тех пор на огнепоклонников стали сваливаться многочисленные беды.

Последней из этих бед стал приход в 7 веке в их страну мусульман, когда эти фанатики начали жесточайшие преследования бехединов. Вытесняемые отовсюду, гебры нашли приют только в провинции Керман и в городе Иезд. Затем последовали ереси. Многие из зороастрийцев отказывались от веры своих предков и становились мусульманами, другие, в своей неугасимой ненависти к новым правителям, присоединялись к жестоким и свирепым курдам, поклоняясь дьяволу, как когда-то огню. Это езиды. Вся религия этих странных сект, за исключением некоторых, которые совершают гораздо больше таинственных ритуалов, никому не раскрывая их секрет, состоит в следующем:

Как только встает солнце, они складывают крест-накрест большие пальцы и целуют этот символ, поднося его в благоговейном молчании к бровям. Затем они приветствуют солнце и возвращаются в свои жилища. Они верят во власть дьявола, боятся его и стараются всячески умилостивить "падшего ангела"; они очень сердятся, когда слышат, что мусульманин или христианин непочтительно о нем отзывается; они даже идут на убийства,

когда слышат такие непочтительные речи, но в последнее время народ стал более осторожным в своих высказываниях.

Кроме общины парсов в Бомбее, огнепоклонников можно встретить лишь еще в двух упомянутых выше местах и неподалеку от Баку. Статистика показывает, что несколько лет назад в Персии их насчитывалось 100 000 человек, хотя я сомневаюсь, что их религия сохранила такую же чистоту, как и религия гуджератских парсов, претерпев изменения, так же как, впрочем, и последняя, в результате ошибок и небрежности целых поколений необразованных мобедов. И все же, как и их бомбейские собратья, которых все путешественники, а также англо-индийцы считают наиболее умными, трудолюбивыми и благонравными из туземных племен, огнепоколонники из Кермана и Йезда пользуются большим уважением среди персов и русских, живущих в Баку. Долгие века преследований и грабежей сделали их грубыми и хитрыми, но всеобщая молва на их стороне и о них говорят как о добродетельных, высоконравственных и трудолюбивых людях. Курды говорят: "Верно, как слово гебра", даже не сознавая, какое самоосуждение это слово в себе хранит.

Я не могу закончить, не выразив своего удивления по поводу крайнего невежества, которое, похоже, преобладает в России даже среди журналистов относительно религии гебров. Один из них в статье, напечатанной в Санкт-Петербургских Ведомостях, упомянутой мною выше, пишет о гебрах как о секте индусских идолопоклонников, в чьих молитвах они постоянно обращаются к Брахме. Чтобы придать вес своей статье, он цитирует Александра Дюма (старшего), который в своей работе Путешествия по Кавказу говорит, что во время своего посещения Аттеш-Гаг, он обнаружил в одной из келей зороастрийского храма "двух индусских идолов"! Помня милосердное изречение: De mortuis nil nisi bonum, мы не можем удержаться от того, чтобы не напомнить нашему уважаемому корреспонденту, что ни один читатель романов блестящего французского писателя не должен забывать, что все разнообразие и неисчерпаемый запас исторических фактов он брал из глубин своего собственного сознания. Даже бессмертный барон Мюнхгаузен вряд ли может с ним сравниться. Сенсационный рассказ о его охоте на тигров в Мингрелии, где, со времен Ноя, не водилось ни одного тигра, до сих пор в памяти его читателей.

"Теософист", октябрь 1879 г.

ДРЕВНОСТЬ ВЕД

Каждый, кто проявляет интерес к археологическим исследованиям и религиям древности, а также к изучению оккультных сил в природе, должен быть вдвойне осторожным и предусмотрительным.

Сближение двух таких взаимоисключающих дисциплин, как точная наука и метафизика, может вызвать такое же возмущение в обществе, как и брошенный в воду калий. Наше стремление доказать, что некоторые из мудрейших мужей Запада были сбиты с толку мертвой буквой священных писаний и что они не в состоянии обнаружить скрытый дух в реликвиях прошлого, с самого начала ставит нас под удар критики. С теми лжеучеными, которые не обладают достаточной терпимостью и сдержанностью, чтобы позволить другим пересмотреть свои заключения, мы неизбежно будем входить в антагонизм.

Поэтому очень важно с самого начала четко определить нашу позицию к научным гипотезам, возможно недолговечным и признанным лишь в силу того, что лучшего не существует.

Многие исследования археологов и ориенталистов посвящены вопросу хронологии, особенно в том, что касается сравнительной теологии. До сих пор их утверждения об относительной древности величайших религий до-христианской эпохи, есть не более, чем правдоподобные гипотезы. Как далеко в прошлое уходит Ведический период, "невозможно сказать", признается проф. Макс Мюллер; тем не менее, он прослеживает его до "периода, предшествовавшего 1000 г. до Р. Х." и приводит нас к "1100 г. или 1200 г. до Р. Х. как к самому раннему времени, когда было закончено составление сборника ведических гимнов".

Также ни один из наших ведущих ученых не может похвастаться тем, что он разрешил этот спорный вопрос, особенно деликатный, когда речь идет о хронологии Генезиса.

К несчастью, на пути этих ученых встало христианство, прямая ветвь Иудаизма, и в большинстве случаев государственная религия их стран. Поэтому, едва ли найдется два ученых, согласных друг с другом; каждый устанавливает различные даты появления Вед и книг Моисея: не забывая при этом, при каждом удобном случае, высказать сомнение по поводу последних. Даже проф. Мюллер, этот светила из светил в филологических и хронологических вопросах, лет 20 тому назад осторожно заметил, что будет трудно установить, "являются ли Веды самыми древними из книг и нельзя ли некоторые отрывки из Старого Завета отнести ко времени появления старейших ведических гимнов или даже к еще более раннему периоду". "Теософист", таким образом, может или принять, или отвергнуть так называемую авторитетную хронологию науки. Заблуждаемся ли мы, признавая, что мы охотнее примем хронологию известного знатока Вед, Свами Даянанда Сарасвати, который всегда уверен в том, что говорит, знает четыре Веды наизусть, прекрасно знаком со всей санскритской литературой, не оглядывается, как Западные ориенталисты, на общественное мнение, не подтрунивает над суевериями большинства и не ищет выгоды в сокрытии фактов. Мы вполне сознаем, на какой риск мы идем, отказывая в лести нашим ученым мужам. Однако, с присущей еретикам безрассудностью, мы должны следовать своей дорогой, даже если, как Тарпея, мы будем погребены под грудой щитов и ученых цитат из этих "авторитетов". Мы далеки от того, чтобы принять абсурдную хронологию Береза или даже Синселлиуса, хотя, по правде говоря, они кажутся абсурдными лишь в свете наших собственных предрассудков. И все-таки должна существовать некая золотая середина между экстремистскими утверждениями брахманов и смехотворно небольшими периодами развития и расцвета этой гигантской литературы до-Махабхаратского периода, оспариваемыми нашими ориенталистами. Свами Даянанд Сарасвати утверждает: "Вот уже почти 5 000 лет как Веды перестали быть объектом изучения" и относит появление первых четырех Вед к далекой древности. Проф. Мюллер, приписывая составлению даже самых ранних из брахманов период от 1000 до 800 гг. до Р.Х., едва осмеливается, как мы уже видели, отнести составление Санхита, гимнов Ригведы, ранее 1200-1500 гг. до нашей эры!

Кому же верить, и кто из них двоих лучше информирован? Нельзя ли ликвидировать этот пробел в несколько тысячелетий, и неужели так трудно каждому из этих двух авторитетов предоставить науке дату, которую бы она сочла достаточно убедительной?

Как легко можно прийти к ложным заключениям путем современного метода индукции, так же легко можно прийти и к ложным посылкам, из которых потом делаются ложные выводы.

Несомненно, проф. Макс Мюллер имел достаточные причины, чтобы прийти к своим хронологическим заключениям.

Также как и Даянанд Сарасвати Пандит. Постепенное изменение, развитие и становление санскритского языка помогают опытному филологу в его исследованиях. То, что проф. Макс Мюллер мог впасть в заблуждение, мы поймем, рассмотрев довод Свами Даянанда. Наш уважаемый друг и учитель утверждает, что и г-н Мюллер, и д-р Уилсон в своих исследованиях и выводах руководствовались неточными и недостоверными комментариями Саяна Махидара и Увата, которые диаметрально отличаются от комментариев более раннего периода, использованными Свами Даянандом во время работы над своим великим трудом "Веда Бхашья". В самом начале публикации этого труда поднялся скандал из-за того, что комментарий Свами якобы имеет целью доказать несостоятельность Саяны и английских интерпретаторов. Пандит Даянанд справедливо замечает:

> В этом меня нельзя упрекнуть, если Саяна ошибся, и английские интерпретаторы выбрали его своим гидом, обман не должен долго длиться. Одна Истина может выстоять, ложь же будет уничтожена[122].

И поскольку, как он утверждает, "Веда Бхашья" целиком основана на старых комментариях до-Махабхаратского периода, к которым западные ученые не имеют никакого доступа, и которые нам кажутся наиболее убедительными, то мы без колебания должны последовать за ним, нежели чем за лучшими нашими европейскими ориенталистами.

Но, отложив в сторону такое prima facie доказательство, мы попросим проф. Макса Мюллера разгадать нам загадку. Предложенная самим проф. Мюллером, она не давала нам

[122] Ответ на возражения против "Веды Бхашья".

покоя в течение двадцати лет, и имеет такое же отношение к элементарной логике, как и к рассматриваемой нами хронологии. Эта идея, ясная и прямая как течение Роны, впадающей в Женевское озеро, проходит красной нитью через все его лекции, от первого тома "Chips" и до последней его лекции.

Мы постараемся объяснить. Все, кто так же как и мы, пристально следил за его лекциями, припомнят, что проф. Макс Мюллер приписывает все богатство мифов, символов и религиозных аллегорий в ведических гимнах, также как и в греческой мифологии, раннему поклонению человека природе. Цитируем его слова:

> В гимнах Вед человек предоставлен самому себе в разгадывании тайн этого мира...
>
> От темноты и сна его пробуждает луч солнца; и того, кого его глаза не видят, но кто дает ему скудную пищу для пропитания, он называет "своей жизнью", своим дыханием, своим всесильным Господином и Защитником". Он дает имена всем стихиям природы, и после того, как он назвал огонь "Агни", солнечный свет "Индра", бурю, гром и молнию "Маруты", а зарю "Ушас", все они, естественно, приняли человеческий облик и стали такими же, как и он, и даже более величественными.

Это описание психики примитивного человека, во времена, когда человечество находилось в младенческом состоянии и едва вышло из своей колыбели, очень точно.

Период, которому он приписывает эти инфантильные размышления, это Ведический период, и время, которое нас от него отделяет, как утверждается выше, насчитывает 3000 лет. Великий филолог, кажется, так взволнован идеей умственной слабости человечества во времена, когда наиболее почтенные Риши составляли гимны, что в своем "Introduction to the Science of Religion" (стр. 278), проф. говорит следующее:

> Вы все еще удивляетесь политеизму и мифологии? Зря, ведь они неизбежны. Они, если хотите, parler enfantin религии.
>
> У мира есть свой период детства, и когда он был ребенком, он и говорил, как ребенок. (nota bene, 3000 лет назад). Он все воспринимал как ребенок, и думал как ребенок... Это наша вина, если мы принимает язык детей за язык взрослых людей... Язык древности – это язык детства... Parler enfantin в религии еще не умер, как например, в религии Индии.

Прочитав эти слова, остановимся и задумаемся. В самом конце этого талантливого объяснения, мы сталкиваемся с огромной трудностью, о которой талантливый поборник древней веры, кажется, даже никогда не догадывался.

Каждому, кто знаком с работами и идеями этого исследователя Востока, может показаться верхом абсурдности подозревать его в том, что за основу своих исчислений он может принять библейскую хронологию, согласно которой человек на земле появился 6000 лет назад. И тем не менее, признание этой хронологии неизбежно, если мы вообще намерены признавать доводы проф. Мюллера, ибо здесь мы уже наталкиваемся на чисто арифметическую и математическую ошибку в составлении пропорции.

Никто не может отрицать, что процесс роста и развития человечества – ментального и физического – должно быть аналогично процессу роста и развития самого человека. Антрополог, если он захочет подняться выше простого изучения отношения человека к другим представителям животного царства, должен в некотором роде быть физиологом и анатомистом, поскольку его наука, также как и этнология, наука прогрессивная, которой могут заниматься только те, кто способен проследить в ретроспективе процессы постоянного раскрытия в человеке способностей и сил, отводя каждому из этих процессов определенный период времени. И тогда никто не будет считать, что череп, в котором сохранился зуб мудрости, принадлежит ребенку. Теперь, основываясь на данных геологии и недавних исследованиях, проф. Дрейпер говорит:

> Есть основания полагать, что под низшими пластами земли существование человека можно проследить вплоть до третичного периода. В ледниковом наносе в Шотландии, наряду с останками человека, можно встретить и останки окаменелого слона.

Сейчас наиболее точные расчеты показывают, что с начала последнего ледникового периода прошло 240 000 лет. Составив пропорцию между 240 000 годами (минимальный возраст, который мы можем приписать человеческой расе) и 24 годами жизни одного

человека, мы обнаружим, что 3000 лет назад, во времена составления ведических гимнов, человечеству исполнился бы как раз 21 год, год совершеннолетия, когда человек уже перестает использовать parler enfantin, или детский лепет.

Но, согласно взглядам лектора, человек 3000 лет назад, когда ему исполнился 21 год, был глупым и недоразвитым, хотя и многообещающим ребенком, а в 24 года стал умным, проницательным и образованным, с аналитическим и философским складом ума человека девятнадцатого века.

Или, другими словами, не упуская из виду наше уравнение, профессор мог бы с таким же успехом сказать, что человек, который в 12 часов дня был еще младенцем, в полночь стал уже взрослым, произнося мудрые речи вместо parler enfantin!

Знаменитый санскритолог и лектор по Сравнительной теологии обязан разрешить это противоречие. Или же Ригведы были составлены 3000 лет назад и, таким образом, не могут быть написаны на "языке детства" человеком, жившим в ледниковый период, поколение же, которое составляло их, должно было состоять из взрослых, вероятно, таких же сведущих в философии и науке своего времени, как мы в философии и науке нашего времени; или же нам придется отнести их к временам глубокой древности, когда ум человека был еще в младенческом состоянии. И в этом последнем случае проф. Максу Мюллеру придется взять назад предыдущую ремарку, выражающую сомнение:

> Нельзя ли некоторые отрывки из Старого Завета отнести к тем же временам, когда были написаны и древнейшие Веды, или даже к более раннему периоду.

"Теософист", октябрь 1879 г.

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

В разные времена появлялись в Европе люди, чьи редкие интеллектуальные способности, блестящая речь и таинственный образ жизни буквально ослепляли и поражали общество. Статья из "All the Year Round", цитируемая здесь, рассказывает как раз об одном из них – графе Сен-Жермене. В любопытной работе Харгрейва Дженнингса "Розенкрейцеры" описывается другой удивительный человек, некий сеньор Гуальди, чье имя в свое время не сходило с уст всего венецианского общества. Третий был историческим персонажем, известным как Алессандро Калиостро, чье имя, благодаря стараниям католических священников, состряпавших его биографию, стало ассоциироваться с дурной славой. Мы сейчас не намерены заниматься сравнением этих трех персонажей друг с другом или с обыкновенными людьми. Мы воспроизводим статью нашего лондонского современника совсем с другой целью.

Мы хотим показать, как можно очернить человека, не имея на то ни малейшего повода, если, конечно, не считать, что кто-то умнее тебя и более сведущ в тайнах природы, как вполне достаточное доказательство для того, чтобы пустить в ход перо клеветника и язык сплетника. Пусть читатель внимательно следит за тем, что происходит. Автор статьи в "All the Year Round" рассказывает:

> Как предполагают, знаменитый авантюрист [граф Сен-Жермен] родился в Венгрии, однако ранние годы его жизни окутаны тайной.
>
> Его персона, также как и титул, возбуждали в обществе огромное любопытство. Его возраст был для всех загадкой равно как и его родословная. Мы впервые встречаемся с ним в зените славы в Париже, сто с лишним лет назад. Перед изумленным Парижем предстал мужчина, вероятно средних лет, который вел роскошный образ жизни, ездил на званые обеды, на которых ничего не ел, но болтал без умолку, выказывая при этом блестящие знания по каждому обсуждаемому предмету. Тон его речи, возможно, был очень самоуверенным, это был тон человека, который прекрасно знал, о чем он говорит.
>
> Образованный, прекрасно владеющий всеми языками цивилизованного мира, блестящий музыкант и превосходный химик, он играл роль чародея и играл ее в совершенстве. Обладая необыкновенной самоуверенностью или законченной наглостью, он не только делал авторитетные заявления о настоящем, но и говорил без колебания о событиях двухсотлетней давности. Его анекдоты о былых временах отличались удивительной точностью. Он рассказывал о событиях, имевших место при дворе Франца I так, как будто он сам там присутствовал, описывая в точности, как выглядел король, имитируя его голос, манеры и речь. В той же манере он развлекал публику рассказами о

Луи XIV и потчевал их яркими описаниями мест и лиц. Едва упоминая о том, что он присутствовал при этих событиях, он, тем не менее, умудрялся, благодаря своей выразительной манере, создавать такое впечатление... В своем стремлении удивить, он добивался полного успеха. О нем ходили всякие небылицы. Говорили, что ему 300 лет, и что он продлил свою жизнь благодаря удивительному эликсиру. Париж сходил по нему с ума. Ему все время задавали вопросы о секрете его долго жительства, и он всегда давал удивительно находчивые ответы; отрицая, что он может сделать стариков молодыми, он скромно признавался, что знает, как остановить старение бренного тела. Диета, утверждал он, плюс его чудодейственный эликсир – вот подлинный секрет долгой жизни. Он решительно отказывался есть что-либо, кроме того, что было специально приготовлено для него – овсяная каша, крупяные блюда и белое мясо цыплят. По большим праздникам он выпивал немного вина, засиживался так долго, пока у него оставался хоть один преданный слушатель, и всегда принимал чрезвычайные меры предосторожности против простуды. Дамам он советовал особую косметику, чтобы сохранить свою красоту от увядания, с мужчинами же он делился своим методом преобразования металлов и учил их, как расплавить дюжину маленьких бриллиантов и сделать из них один большой. Его поразительные высказывания подкреплялись слухами о том, что он обладал несметным богатством и коллекцией алмазов редких размеров и красоты.

Время от времени это странное создание появлялось в различных европейских столицах под различными именами, такими как маркиз де Монтферрат, граф Белламор в Венеции; шевалье Шенинг в Пизе; шевалье Велдэн в Милане, граф Салтыков в Генуе, граф Тародь в Бад-Швальбахе и, наконец, как граф Сен-Жермен в Париже; но после постигшего его в Гааге несчастья, он уже больше не кажется таким уж богатым, как прежде, и временами производит впечатление человека, ищущего свое счастье. В Турне, его "интервьюирует" известный шевалье де Зайнгальт, пред которым Сен-Жермен предстает в армянской робе, с колпаком на голове; его длинная борода спускается до пояса, а в руках он держит жезл из слоновой кости – словом, полный наряд некроманта.

Сен-Жермен окружен многочисленными пузырьками и всецело поглощен процессом создания шляпок на основе химических реакций. Заметив, что Зайнгальт чувствует недомогание, граф предлагает ему бесплатное лекарство – свой эликсир, который, как оказалось, представлял собой не что иное, как эфир; Зайнгальт вежливо отказывается, произнося многочисленные отговорки. Это место действия двух авгуров. Поскольку Сен-Жермену отказано выступить в роли врача, он решает продемонстрировать свои способности алхимика, берет монету в 12 су у другого авгура, кладет ее на раскаленный уголь и раздувает пламя стеклодувной трубкой; монета расплавляется и охлаждается. "Вот, – говорит Сен-Жермен, – можете взять назад ваши деньги". "Но это же золото". "И чистейшее". Авгур номер два не верит в такое превращение и смотрит на все это действо как на трюк; тем не менее, он кладет монету в карман и, в конечном итоге, дарит ее знаменитому маршалу Киту, тогдашнему губернатору Нойхэтеля.

И снова, в поисках новых методов получения красителей и осуществления своих производственных планов, Сен-Жермен появляется в Санкт-Петербурге, Дрездене и Милане. Как-то он попал в беду и его арестовали в маленьком городке Пьемонте из-за опротестованного векселя; тогда он вытащил из кармана бриллианты на сто тысяч крон, расплатился на месте, обругал губернатора города как карманный вор и был отпущен на свободу с самыми уважительными извинениями.

Очень мало кто сомневается, что во время одного из своих пребываний в России он играл заметную роль в дворцовом перевороте, в результате которого на трон вступила Екатерина II. В подтверждение этого мнения барон Гляйхен ссылается на то необычайное внимание, которое граф Алексей Орлов уделил Сен-Жермену в Ливорно в 1770 г. и на фразу князя Григория Орлова, оброненную в разговоре с Маргрейв из Онспаха, когда он был в Нюрнберге.

И все же, кто же он? Сын португальского короля или португальского еврея? Рассказал ли он правду, уже, будучи стариком, своему покровителю и восторженному поклоннику, принцу Чарлзу из Хессе-Касселя? Из истории, которую Сен-Жермен рассказал своему другу, следует, что он был сыном принца Ракоци из Трансильвании, а его первая жена была из рода Текели. Когда он был еще инфантом, его под свое покровительство взял последний из Медичи, а когда он вырос и узнал, что его два брата, сыновья принцессы Хессе-Райнфельской из Ротенбурга, получили имена святого Чарлза и святой Элизабет, он решил взять себе имя их святого брата Сен-Жермена.

Что их этого было правдой? Одно только ясно, что он был protege последнего из Медичи. Принц Чарлз, который, по-видимому, сожалел о его смерти, произошедшей в 1783 году, очень искренне рассказывает нам, что граф заболел во время проведения экспериментов с красителями в Экренфорде и умер вскоре после этого, несмотря на обилие лекарств, приготовленных личным аптекарем принца. Фредерик Великий, который, несмотря на свой скептицизм, проявлял странный интерес к астрологии, выразился о нем так: "Это человек, который не умирает". Мирабо добавляет афористически: "Он был всегда беспечным малым; но, как и его предшественники, он не забыл, что надо умереть".

И сейчас мы спрашиваем, что же в статье предлагается в качестве доказательства, что Сен-Жермен был "авантюристом", что он стремился "играть роль чародея" или что он выманивал деньги у профанов. Здесь нет ни единого подтверждения, что он был кем-то другим, чем казался, а именно: обладателем огромных средств, которые помогали ему честно поддерживать свое положение в обществе. Он утверждал, что знает как плавить маленькие бриллианты, чтобы сделать из низ большие и как преобразовывать металлы и подкреплял свои утверждения несметными богатствами и коллекцией бриллиантов редких размеров и красоты. Разве "авантюристы" такие? Разве шарлатаны наслаждаются долгие годы доверием и восхищением умнейших государственных деятелей и знати Европы и даже на смертном одре не показывают ни единым жестом, что они этого не достойны? Некоторые энциклопедисты говорят (см. "New American Cyclopaedia", XIV. 266): "Предполагают, что он большую часть своей жизни был шпионом при дворах тех стран, где он жил". Но на каком основании строится данное предположение?

Было ли что-нибудь обнаружено среди бумаг секретных архивов хоть одного из этих дворов, говорящих в пользу этой версии? Ни единого слова, ни одного доказательства этой гнусной клеветы никогда не было найдено. Это просто злобная ложь. То, как обошлись западные писатели с этим великим человеком, этим учеником индийских и египетских иерофантов и знатоком тайной мудрости Востока, позор для всего человечества. Точно также этот глупый мир обращался с каждым, кто, как Сен-Жермен, после долгих лет уединения, посвященных изучению наук и постижению эзотерической мудрости, вновь посещал его, надеясь его сделать лучше, мудрее и счастливее.

Следует отметить и еще один момент. Вышеприведенный рассказ не дает нам никаких подробностей о последних часах жизни таинственного графа или его похоронах. Не будет ли абсурдом предположить, что если бы он действительно умер именно в то время и в том самом месте, о которых упоминается в рассказе, то его похоронили бы без помпы и пышной церемонии, без присмотра властей и регистрации смерти в полицейском участке, т.е. без всех тех почестей, которые подобают людям его ранга и знатности? Но где же эти сведения? Он исчез из поля зрения общественности более века назад, но мы не отыщем этих сведений ни в одном из мемуаров. Человек, который был у всех на виду, не мог исчезнуть бесследно, если он действительно умирал то тут, то там. Более того, в подтверждение этой мысли, у нас имеются доказательства, что он был жив еще спустя несколько лет после 1784 г. Говорят, что у него была тайная встреча с императрицей России в 1785 или 1786 г., и что он появился перед принцессой Ламбалльской, когда та стояла перед судьями, незадолго до того, как на нее опустилась плаха и ей отрубили голову, а также перед Мари-Жанной Дюбарри, фавориткой Луи XV, пока она ждала на эшафоте удара гильотины в Дни Террора в 1793 г. в Париже. Уважаемый член нашего Общества, проживающий в России, располагает несколькими документами о жизни графа Сен-Жермена и мы надеемся, что, в память об этом величайшем человеке современной эпохи, долгожданные, но отсутствующие звенья его жизни вскоре будут представлены миру на этих страницах.

"Теософист", май 1881 г.

ТЕРРА ИНКОГНИТА

I

Обозревает ли человек внушительные руины Мемфиса или Пальмиры, стоит ли у подножия великой пирамиды в Гизе, бродит ли по берегам Нила, размышляет ли среди

заброшенной цитадели таинственной Петры, какими бы туманными ни казались истоки этих остатков культуры доисторической эпохи, он все же понемногу находит достаточно твердую почву для догадок и предположений. Каким бы непроницаемым ни был занавес, скрывающий историю древних памятников, все же то здесь то там появляются просветы, сквозь которые можно увидеть свет. Известны потомки тех, кто воздвигал эти памятники, также, хотя и поверхностно, история наций, следы которых нас окружают. С памятниками древности Нового Света дело обстоит иначе. Там, вдоль побережья Перу, по всему Панамскому перешейку и Северной Америке, в каньонах Кордильер, в непроходимых ущельях Анд и, особенно, за долиной Мехико лежат заброшенные развалины сотен некогда могущественных городов, стертых из памяти людей и потерявших даже имя. Погребенные в густых лесах и недоступных долинах, иногда на глубине около 20 метров под землей, они так и остаются загадкой, сбивают нас с толку и хранят безмолвие более, чем сфинксы Египта. Мы абсолютно ничего не знаем об Америке до времени испанских завоеваний. Не сохранилось никаких, даже сравнительно недавних, летописей; среди местных племен нет традиций, восходящих к прошлому. Мы также ничего не знаем о народах, построивших эти циклопические сооружения, как не знаем ничего о вере, вдохновлявшей древних скульпторов, украсивших сотни километров стен, памятников, монолитов, алтарей таинственными иероглифами, изображениями животных и человека, неизвестной нам жизни и культуры, иногда настолько фантастичными и дикими, что невольно ассоциируются с горячечным фантасмагорическим сном, выкристаллизовавшимся в граните по мановению руки некоего мага с тем, чтобы всегда приводить в недоумение грядущие поколения. Вплоть до начала XIX века само существование этих древних памятников оставалось неизвестным. Мелочная, подозрительная ревность испанцев с самого начала встала как китайская стена между их американскими владениями и слишком любопытными путешественниками, а невежество и фанатизм завоевателей и их небрежное отношение ко всему кроме удовлетворения собственной ненасытной алчности – препятствовали научным исследованиям. Даже полные энтузиазма записки Кортеса, военачальников и священников его армии, а также Писарро, его разбойников и монахов о величии храмов, дворцов и городов Мексики и Перу долгое время оставались без внимания. Доктор Робертсон в своей "Истории Америки" даже сообщает, что жилища древних мексиканцев представляли собой "обычные хижины из глины, дерна и веток, похожие на жилища самых диких индейцев". И далее, ссылаясь на свидетельства некоторых испанцев, он пишет, что "во всей этой большой стране не было ни одного памятника или остатков сооружений, построенных до эпохи завоеваний".

И только великий Александр Гумбольт отстоял истину. В 1803 г. этот выдающийся ученый и путешественник открыл совершенно иной подход к археологическим изысканиям в Америке. К счастью, за этим последовали многие новые открытия. В то время Гумбольт описал только Митлу, или Долину Мертвых, Сочикалько и великий пирамидальный храм в Чолуле. Но за ним последовали Стефенс, Катервуд, Сквайер; а в Перу – Д'Орбиньи и доктор Шудди. С тех пор многие путешественники побывали в разных областях и подробно их описали. Но как много осталось не только не исследованным, но и неизвестным? Что касается доисторических строений, как в Перу, так и в Мексике, они стоят на одном уровне с памятниками Египта. Однако, в Перу таких огромных, циклопических сооружений больше, чем в Египте, а храм в Чолуле превосходит великую пирамиду Хеопса по ширине, а, возможно, и по высоте. Сооружения общественного назначения: стены, фортификационные укрепления, террасы, водопроводы, акведуки, мосты, храмы, захоронения, целые города и прекрасно вымощенные дороги протяженностью в сотни километров – почти сплошной сетью покрывают эту землю. На побережье они построены из обожженных на солнце кирпичей, в горах – из порфиритного известняка, гранита и силикатного песчаника. История ничего не знает о поколениях, построивших эти памятники, и даже традиции об этом молчат. В результате большинство каменных руин покрыто обильной растительностью. Целые леса выросли на месте разрушенных городов, а огромная часть памятников стоит в развалинах. Но даже по останкам можно судить о былом величии.

Испанские историки в высшей степени легкомысленно относят практически все руины ко времени инков. Трудно сделать большую ошибку. Иероглифы, иногда полностью покрывающие стены и монолиты, остаются мертвыми для современной науки. Но они были

также мертвы и для инков, хотя историю этого народа можно проследить до II века. Они не знали, как расшифровать эти надписи, приписывая их своим неизвестным предшественникам и тем самым, исключая существующее предположение о происхождении инков от первых цивилизаций этой земли. Вкратце история народа инков следующая.

Инка – на языке кечуа – титул вождя или императора, а также название правящей и самой аристократической династии или, скорее, касты этой земли. Они правили в течение неизвестного периода до испанского завоевания. Некоторые исследователи считают, что инки впервые появились в Перу в 1021 г. неизвестно откуда; другие, и это тоже предположение, – через 5 веков после библейского "потопа" (и в соответствии со скромными понятиями современной теологии). Второе предположение, несомненно, ближе к истине. Инки с их исключительными привилегиями: силой и "непогрешимостью" (безупречностью) предстают [географически] противоположным соответствием касты браминов в Индии. Так же как и последние, инки утверждали, что прямо происходят от Божества-Солнца (как и династия Сурьяванша в Индии). По общепринятой гипотезе, в какой-то период времени все население теперешнего Нового Света было разделено на независимые и дикие племена. В конце концов, Высшее Божество – Солнце – сжалилось над ними и для спасения людей от невежества послало на землю двух своих детей – научить людей. Это были Манко Капак и его сестра, и жена Мама Окльо Гуако – соответствующие египетским Осирису и Изиде, а также некоторым индуистским богам и полубогам и их женам. Манко Капак и Мама Окльо появились на прекрасном острове на озере Титикака – о котором мы еще вспомним – а затем отправились на север в Куско, позднее ставший столицей инков. Там они и начали распространять цивилизацию. Божественная пара собрала вместе все расы из разных уголков Перу и распределила между ними труд – Манко Капак учил мужчин сельскому хозяйству, архитектуре, искусству, а Мама Окльо учила женщин прясть, ткать, вышивать и вести хозяйство. Инки считали себя потомками этой небесной пары, и все же они ничего не знали о народе, построившем колоссальные, ныне разрушенные города, покрывающие всю их империю и простирающиеся далее от экватора к 37 градусам широты, включая западные склоны и всю горную цепь Анд с восточными спусками к рекам Амазонке и Ориноко. Прямые потомки Солнца, инки были верховными жрецами государственной религии, а также императорами и государственными деятелями страны. Как и брамины, они приписывали себе божественное превосходство над обычными смертными и так же как "дваждырожденные", основали исключительную и аристократическую касту – род инков. Каждого правящего инку почитали сыном Солнца, и он был верховным жрецом, оракулом, главнокомандующим и абсолютным монархом, осуществляя, таким образом, двойную роль Папы и Короля и предвосхищая мечты Римских пап. Его команды слепо исполнялись, его боялись и почитали как божество. Высшие офицеры не могли находиться в его присутствии обутыми (такой знак уважения вновь указывает на восточное происхождение), а обычай прокалывать уши юношам королевской крови и украшать их золотыми серьгами, "тем большими, чем выше становилось их звание, что, в конце концов, приводило к растяжению хрящей", вызывает в памяти скульптурные изображения Будды и некоторых индуистских божеств, многочисленные находки более поздних руин, не говоря уже о современных модниках Сиама, Бирмы и Южной Индии. И так же как в Индии во времена процветания браминов, получать образование и изучать религию имели право только юноши привилегированной касты инков. А когда умирал правящий инка (его "отзывали в дом отца"), вместе с ним во время погребальной церемонии умерщвляли многих его слуг и жен так же, как это записано в древних хрониках Раджастхана и вплоть до недавно запрещенного обряда Сати. Учитывая все это, археолог не может остаться удовлетворенным кратким замечанием некоторых историков: "В этой традиции прослеживается лишь одна версия истории цивилизации, общей для всех древних наций, и выдумки божественного родства, с помощью которой интриганы-правители и хитрые жрецы старались закрепить свое превосходство среди людей". Также мало объясняет и другой отрывок: "Манко Капак почти точная копия китайского Фо, индийского Будды, египетского Осириса, мексиканского Кецалькоатля и Вотана Центральной Америки".

Все это слишком очевидно. На самом деле, каким образом случилось, что такие противоположные земли, как Индия, Египет и Америка, сходны не только в общих религиозных, политических и социальных взглядах, но зачастую и в мельчайших деталях

повседневной жизни? Необходимо выяснить последовательность этих наций, объяснить, как эти народы в четырех концах света положили начало почти одинаковым архитектуре и искусствам, или действительно, как утверждают Платон и многие современные археологи, когда-то два Света были одним континентом и для путешествий корабли были не нужны?

По последним данным, только в Андах существует пять различных архитектурных стилей. Храм Солнца в Куско принадлежит последнему из этих стилей и является, пожалуй, единственным значительным сооружением (если верить современным путешественникам), которое точно можно отнести к периоду инков и царственное величие которого считается последним всплеском цивилизации, уходящей вглубь веков. Доктор Е. Р. Хит из Канзаса считает, что "задолго до Манко Капака в Андах жили народы, происхождение которых, вероятно, относится к тому же периоду, что и происхождение древних людей Западной Европы. Гигантская архитектура указывает на циклопичность, присущую основателям Вавилонского Храма и египетских пирамид. Греческие свитки, обнаруженные во многих областях, были заимствованы у египтян; обычаи захоронения и бальзамирования напоминают египетские".

Далее ученый путешественник пишет, что черепа из захоронений, по заключениям краниологов, представляют 3 различные расы: чинчи – населявшие западные области Перу от Анд до побережья Тихого океана, аймары – заселявшие горные долины Перу и Боливии на южном побережье озера Титикака, и хуанки – "заселявшие плато между горными цепями Анд к северу от озера Титикака до 9 градуса южной широты". Роковая ошибка для археологов – спутать строения эпохи инков в Перу и эпохи Монтесумы и его кациков в Мексике с памятниками аборигенов. В то время как Чолула, Ушмаль, Кауачи, Пачакамак, Чичен-Ица прекрасно сохранились и были завоеваны испанскими грабителями, уже тогда сотни памятников и городов были разрушены, а их происхождение так же было неизвестно завоеванным инкам и кацикам, как теперь нам. Несомненно, это остатки цивилизации неизвестных, вымерших народов. Странные формы голов и профили человеческих фигур на монолитах в Копане свидетельствуют о правильности этой гипотезы. Явное различие формы черепа индо-европейцев сначала приписывали тому, что матери механическим путем придавали особые очертания головам своих детей, что часто встречается среди других племен и народов. Но тот же автор пишет, что "находка мумии плода в возрасте 7-8 месяцев с такой же особой формой черепа заставила усомниться в верности такого предположения".

А кроме гипотезы имеются научные, безукоризненные доказательства существования много веков назад цивилизации в Перу. Если бы мы сразу, без предварительного обсуждения, назвали количество тысячелетий, прошедших с тех пор, у читателя перехватило бы дух. Поэтому начнем с фактов.

Перуанское гуано – это прекрасное удобрение, состоящее из помета морских птиц, смешанного с их разлагающимися останками, яйцами, останками тюленей и т.д., скапливалось на островах Тихого океана и на берегах Южной Америки. До конца ни гуано, ни процесс его образования не изучены. Впервые его открыл Гумбольдт в 1804 г. Описывая залежи гуано, покрывающие гранитные скалы островов Чинка и других островов слоем толщиной 15-20 м, он замечает, что за 300 лет после испанского завоевания к этому слою добавилось гуано лишь на несколько миллиметров. Сколько тысяч лет понадобилось для образования слоя толщиной почти 20 м, можно легко подсчитать. В связи с этим процитируем статью "Древние памятники Перу"[123]:

> «На островах Чинка на глубине 19 м были обнаружены каменные идолы и сосуды, а на глубине 10,1 и 10,7 м – деревянные идолы. Из-под слоя гуано на островах Гуаньяпе и Макаби к югу и северу от Трухильо, соответственно, самостоятельную оценку событий следует полностью приостанавливать. Устраняться от выводов может быть неприятно и утомительно, но так как мы все небезупречны, нужно быть осторожными».

Сомнительно, что за исключением нескольких наиболее грандиозных руин когда-либо была сделана попытка подробного изучения и объяснения всех так называемых американских памятников древности. Однако, такая работа абсолютно необходима, чтобы как можно ярче выявить сходство различных культур. Если когда-либо будут полностью раскрыты история религии, мифологии и, что более важно, происхождение, развитие и окончательное формирование человечества, следует больше верить археологическим

[123] Статья д-ра Хита в журнале "Kansas City Review of Science and Industry", nov., 1878.

исследованиям и находкам, чем гипотетическим дедукциям филологии. Следует начать с конкретных скульптурных или иллюстративных изображений древней мысли, более красноречивых в своей неподвижности, чем устные описания тех же мыслей. Последние, вследствие многократных интерпретаций, слишком подвержены искажениям, первые же могут представить более легкий и достоверный ключ. Археологическим обществам следовало бы составить целую энциклопедию остатков мирового наследия с подробным сопоставлением наиболее значимых описаний и догадок о местоположении каждого памятника. Какими бы фантастичными и дикими ни казались на первый взгляд разные гипотезы, каждая из них может в свое время оказаться полезной. Часто полезнее знать, чем не является данная вещь, чем то, чем она является, как истинно замечает Макс Мюллер.

Но подобное изложение не уместить в пределах нашей статьи. Однако, пользуясь отчетами государственных наблюдателей, заслуживающих доверия путешественников, ученых, а также нашим собственным скромным опытом, мы постараемся в будущих номерах дать общее представление о памятниках Древней Америки нашим индийским читателям, которые, возможно, никогда о них и не слышали. Мы пользуемся информацией, почерпнутой из надежных источников; обзор древних памятников Перу в основном базируется на вышеупомянутой и достойной уважения статье доктора Хита.

II

Очевидно, мы, теософы, не единственные иконоборцы в этом мире лжи и лицемерия. Мы не единственные, кто верит в циклы и вопреки библейской хронологии склоняется ко взглядам, тайно разделяемым многими, но публично высказываемым единицами. Мы, европейцы, только сейчас выходим из глубины нового цикла и прогрессируем ввысь, в то время как азиаты, особенно индийцы, – это задержавшиеся здесь представители наций, наполнявших мир в предыдущих, ныне отошедших циклах. Произошли ли арии от архаических жителей Америки, или наоборот – последние от архаических ариев – вопрос, на который не может ответить ни один человек. Но то, что в какие-то времена должна была существовать близкая связь между древними ариями, доисторическими жителями Америки (как бы они не назывались) и древними египтянами, – легче доказать, чем опровергнуть. И, возможно, раз такая связь существовала, это было, когда Атлантический океан еще не разделял два полушария, как сейчас.

В своей статье "Древние памятники Перу" доктор Хит из Канзас-Сити, rara avis [редкая птица] среди ученых мужей, бесстрашный исследователь, принимающий истину, где бы он ее ни нашел, и не боящийся высказывать ее прямо в лицо враждующим догматикам, – так подытожил свои впечатления от древних памятников этой страны:

> Трижды Анды погружались в воды океана на сотни метров и вновь медленно достигали своих нынешних высот. Жизни человека не хватит даже для того, чтобы подсчитать века, в течение которых это происходило. Побережье Перу поднялось на 25 м с тех пор, как по нему прошли отряды Писарро. Если предположить, что Анды поднимаются неизменно и безостановочно, то, чтобы достичь нынешней высоты, понадобилось бы 70 000 лет.

Кто может утверждать, что причудливая фантазия[124] Жюля Верна относительно погибшего континента Атлантиды не близка к истине? Кто может утверждать, что на месте Атлантического океана не существовал континент, густо населенный людьми, знавшими тонкости искусств и наук, и что эти люди, обнаружив, что их земля опускается под воду, не переселились – кто на запад, кто на восток, заселив, таким образом, два полушария? Это объяснило бы сходство археологических сооружений и рас, а также различия вследствие изменений и адаптации к различным климатам и странам. Так различаются лама и верблюд, принадлежащие к одному виду; деревья альгорраба и эспиналь; так индейцы племени ирокезов Северной Америки и древние арабы одинаково называли созвездие Большой

[124] Эту "фантазию" ясно выразил и защищал Платон в своем "Пире", ее же подхватил [Френсис] Бэкон в "Новой Атлантиде"

Медведицы; так разные нации, лишенные всяческого общения и знаний друг о друге, делят зодиак на 12 созвездий и одинаково их называют; а северные индийцы называют Гималаи Андами[125]. Стоит ли идти старой колеей и единственным "путем" заселения Западного полушария считать Берингов пролив? Нужно ли все еще считать, что Эдем географически находился на Востоке, а земли, столь же пригодные для человека и геологически столь же древние, для заселения должны были ждать бесцельных скитаний "потерянных колен Израилевых"?"

Куда бы мы ни отправились исследовать памятники древней Америки – в Северную, Южную или Центральную ее часть, – нас, прежде всего, поразит значительность этих остатков неизвестных рас и веков, а также необыкновенное сходство захоронений и построек с аналогичными строениями древней Индии и Египта и даже некоторых частей Европы. Кто видел хотя бы одно из этих захоронений – видел все. Кто стоял перед циклопическими сооружениями одного континента, довольно точно может представить сооружения других континентов. Только следует сказать, что о времени древних памятников Америки мы знаем еще меньше, чем даже о долине Нила, о которой почти ничего не знаем. Но кроме внешних форм символика американских памятников явно аналогична памятникам Египта, Индии и некоторых других мест. Как перед великой пирамидой Хеопса в Каире, так и перед великим погребальным холмом высотой свыше 30 метров в долине Кахокья рядом с городом Сент-Луисом (штат Миссури), размерами около 213 х 244 м у основания и занимающего площадь 32 000 м2 (объем погребального холма при этом около 560 000 м3) и перед погребальным холмом на берегах Браш Крик в штате Огайо, столь точно описанном Сквайром и Дейвисом, – непонятно, чем больше восхищаться: геометрической точностью, которую удивительным и таинственным строителям удалось сохранить в архитектурных формах этих памятников, или скрытой символикой, которую они, очевидно, пытались выразить. Курган-погребение в Огайо представляет собой змею длиной свыше 300 м. Она изящно извивается причудливыми кольцами, хвост закручен тройной спиралью. "Насыпь статуи достигает высоты 1,5 м и ширины 9 м в центральной точке тела змеи, сужаясь к хвосту". Шея змеи вытянута, рот раскрыт, в зубах она держит овальный предмет. По описанию очевидцев "овал образован насыпью высотой 1,2 м и имеет идеальную форму; его поперечный и продольный диаметры – 25 и 49 м соответственно".

Все вместе представляют вселенскую космологическую идею о змее с яйцом. Это легко понять. Но как этот великий символ мудрости герметиков попал в Северную Америку? Как случилось, что священные здания и постройки в Огайо и других местах, эти квадраты, круги, восьмиугольники и другие геометрические фигуры, в которых так легко узнаются основные идеи пифагорейских священных чисел, как будто скопированы из "Книги Чисел". Древность этих руин подтверждается полным незнанием их происхождения среди индейских племен, которые в остальных случаях сохранили все свои традиции, а также растущими на развалинах городов древними лесами. Осторожные американские археологи великодушно определяют их возраст равным 2000 лет. Но кто их строил и что потом произошло с этими людьми – мигрировали ли они, погибли при нашествии других народов, вследствие какой-либо страшной эпидемии или великого голода, – ответить на эти вопросы, по словам тех же археологов, "очевидно, свыше человеческих возможностей". Самые древние жители Мексики, сколь-нибудь известные истории (и то больше гипотетически), – тольтеки. Предполагается, что они пришли в Анауак с севера в 7 веке н. э. Им также приписывают создание в Центральной Америке, где они расселились в 11 веке, некоторых больших городов, руины которых до сих пор сохранились. В таком случае они же должны были вырезать иероглифические надписи, сохранившиеся на некоторых руинах. Почему же тогда рисуночная система письма, применявшаяся завоеванными испанцами народами Мексики, и которой обучались завоеватели и миссионеры, не дает ключа к расшифровке иероглифических надписей в Паленке и Копане, не говоря уже о Перу? И сами цивилизованные тольтеки – кто они были и откуда пришли? И кто такие ацтеки появившиеся вслед за тольтеками? Даже среди иероглифических систем Мексики были такие, изучение

[125] В "Разоблаченной Изиде" три года назад я писала: "Название Америки, может однажды оказаться тесно связано с названием Меру, священной горой в центре 7 континентов". Когда Америка была впервые открыта, оказалось, что некоторые местные племена называют ее Атлантой. В некоторых штатах Центральной Америки встречается название Америх, означающее, как и Меру, "великая гора". Происхождение американских индейцев Камас также неизвестно.

которых иностранцам стало невозможным. Это так называемые схемы законной астрологии, "приведенные, но не разъясненные при публикации коллекции лорда Кингсборо", за которыми закрепилось значение чисто образных и символических, "предназначенных лишь для жрецов и прорицателей и имеющих эзотерическое значение". Многие иероглифы на монолитах в Паленке и Копане имеют такой же характер. "Жрецы и прорицатели" были убиты католическими фанатиками, и тайна умерла вместе с ними.

Почти все погребения Северной Америки террасированы, наверх идут большие ступенчатые лестницы, здания иногда квадратные, часто шести – и восьмиугольные и усеченные, во всех отношениях схожи с теокаллями Мексики и ступами Индии. Как создание последних в Индии приписывается пяти Пандавам Лунной расы, так и создание циклопических памятников и монолитов на берегах озера Титикака и республике Боливия приписывается великанам, пяти изгнанным "из-за гор" братьям. Они поклонялись Луне как праотцу и жили до времени появления "Сыновей и дочерей Солнца". Вновь совершенно очевидна схожесть традиций ариев и жителей Южной Америки: вспомним Солнечную и Лунную расы Индии (Сурья Ванша и Чандра Ванша).

Это озеро Титикака, занимавшее центр одной из наиболее примечательных земных впадин, "достигает в длину почти 260 км, а в ширину – 80-130 км, из него вытекает река Десагуадеро, текущая через равнину Эль Десагуадеро на юго-восток и впадающая в другое озеро – Ауллага, которое находится на более низком уровне, вероятно, вследствие испарения или фильтрации воды, так как нет реки, вытекающей из него. Поверхность озера Титикака расположена на высоте 40 м над уровнем моря, оно является, таким образом, самым высокогорным водным резервуаром подобных размеров в мире".

Так как уровень воды в озере с течением времени сильно снижается, есть все основания предполагать, что некогда оно окружало возвышение, на котором сохранились развалины Тиауанако. Эти развалины, несомненно, древнейшие памятники эпохи, предшествовавшей периоду инков, подобно тому, как эпоха дравидов и других аборигенов предшествовала ариям в Индии. Хотя, по преданиям инков, великий законодатель и учитель перуанцев Манко Капак – этот Ману Южной Америки – распространял свои знания и влияние именно из этого центра, это еще не подтверждено фактами. Если это было местом происхождения расы аймаров, или "инка", как утверждают некоторые, почему же ни инки, ни аймары, до сих пор живущие на берегах озера, ни даже древние перуанцы совсем ничего не знают об истории этого места? Кроме смутного предания, повествующего о "великанах", построивших эти величественные строения в одну ночь, нет больше ничего. А у нас есть все основания сомневаться в том, что инки принадлежат к аймарской расе. Инки утверждают свое происхождение от Манко Капака, сына Солнца, а аймары считают этого законодателя своим учителем и основателем эры цивилизации. Но ни инки испанского периода, ни аймары не могли этого доказать. Язык аймаров сильно отличается от иничуа – языка инков; а, по доктору Хиту, аймары были единственной расой, отказавшейся изменить свой язык при завоевании потомками Солнца.

Развалины Тиауанако полностью доказывают свою древность. Некоторые построены по пирамидальному плану, как большинство американских захоронений, и занимают площадь в несколько гектаров, а монолитные дверные проемы, колонны и каменные идолы, украшенные изящной резьбой, "выполнены в стиле, совершенно отличном от всех других найденных в Америке произведений искусства". М. Д. Орбиньи с большим энтузиазмом говорит о развалинах:

> "Эти памятники представляют захоронение, поднятое на высоту свыше 30 м, окруженное колоннами; храмы от 200 до 400 м в длину, открывающиеся точно на восток и украшенные колоссальными круглыми колоннами; портики, высеченные из одной монолитной каменной глыбы и украшенные рельефами тонкой работы с символическим изображением Солнца и орла-кондора, его посланника; базальтовые статуи, украшенные барельефами, причем головы этих статуй – наполовину египетские; и, наконец, внутренние покои дворца со стенами из огромных, прекрасно обтесанных каменных блоков, иногда достигающих размеров 6,4 х 3,7 х 1,8 м. В храмах и дворцах колонны не наклонные, как у инков, но перпендикулярные; а по размерам и составу они в красоте и величии превосходят все, что было позже построено правителями Куско".

Как и многие другие исследователи, М. Д. Орбиньи считает, что эти строения были созданы расой, намного предшествовавшей инкам.

Среди остатков построек на озере Титикака четко различимы два архитектурных стиля. Так, постройки на острове Коати во всем схожи с постройками Тиауанако, также и огромные, утонченно вырезанные каменные блоки, некоторые из которых, по описаниям видевших их в 1846 г., "достигают почти метра в ширину, 0,6 м в длину и 1,8 м в толщину".

В то же время на некоторых островах озера Титикака есть памятники больших размеров "истинно перуанского стиля; скорее всего, храмы, разрушенные испанцами".

Известное святилище с изображением человека принадлежит к первому типу. Портал высотой 3 м и шириной 4 м с проемом 1,9 х 1 м вырезан из монолитного камня.

> "На восточном фасаде этого сооружения есть карниз, в центре которого помещено изображение человека странного вида. Голова его украшена, как короной, лучами, переплетающимися со змеями с гребнями. По обе стороны этой фигуры расположены три ряда квадратных плит с изображениями людей и других существ, явно символического характера..."

Если бы этот храм находился в Индии, его, бесспорно, отнесли бы к храмам, посвященным Шиве, но он находится в противоположном месте земного шара, где, насколько известно человеку, не ступала нога ни приверженцев Шивы, ни племени нагов. Однако, у мексиканских индейцев есть Наргал – главный колдун, почитатель змей. Руины стоят на возвышенности, которая, судя по следам воды вокруг, некогда могла быть островом на озере Титикака.

> "Уровень воды в озере сейчас на 41,2 м ниже, а линия берега сдвинулась на 19,3 км. Этот факт, наряду с другими, подтверждает, что описанные руины по древности превосходят все другие в Америке". ("New American Cyclopoedia", см. Teotihuacan).

Итак, все эти останки единогласно приписывают одному и тому же "неизвестному и таинственному народу, предшествовавшему перуанцам, как тулуатеки и тольтеки предшествовали ацтекам. Очевидно, это было место, где жила самая высокоразвитая и самая древняя цивилизация Южной Америки, которая оставила самые гигантские памятники своей мощи и мастерства..."

И все эти памятники либо драконические (храмы священной змеи), либо посвящены Солнцу.

Таковы же по характеру разрушенные пирамиды Теотиуакана и монолиты в Паленке и Копане. Первые находятся на расстоянии около 39 км от города Мехико в долине Отумла и считаются одними из самых древних в этой стране. Две основные посвящены соответственно Солнцу и Луне. Они построены из камня, квадратны по форме, имеют 4 уступа (яруса) и плоскую крышу. Большая, пирамида Солнца (67,4 м в высоту, сторона квадратного основания 207,3 м), занимает площадь 0,05 км^2, что почти равно площади, занимаемой пирамидой Хеопса. И все же пирамида в Чолуле выше пирамиды в Теотиуакане на 3,1 м (по Гумбольту), сторона квадрата при ее основании равна 426,7 м, а занимаемая площадь – 0,18 км2.

Интересно, что пишут ранние авторы – историки, видевшие некоторые из более поздних памятников во время первого завоевания. Храм в Мехико, например, по их словам, представлял собой огромной площади квадратную постройку, "окруженную стеной, сделанной из камня и извести, толщиной 2,5 м, с зубцами и украшенной многими каменными фигурами змей". Кортес пишет, что за этой стеной можно было легко разместить 500 домов. Земля внутри была вымощена отполированными камнями, столь гладкими, что "лошади испанцев все время скользили по ним", – пишет Бернал Диас. В связи с этим уместно вспомнить, что не испанцы завоевали мексиканцев, но их лошади. Так как в Америке до этого не видели лошадей, коренные жители, хотя и вели себя в высшей степени мужественно, "были настолько напуганы видом лошадей и ревом артиллерии", что приняли испанцев за божеств и посылали им человеческие жертвы. Суеверной паникой можно вполне объяснить тот факт, что горстка людей так легко смогла покорить неисчислимые тысячи воинов.

По Гомаре, четыре стены, опоясывающие храм, соответствовали странам света. В центре окруженной площади возвышался великий храм – огромная 8-ярусная пирамидальная

постройка, облицованная камнем и имевшая в основании квадрат со стороной 91 м, высота пирамиды 36,6 м, усеченная, с плоской ровной крышей, на которой располагались две башни, святилища божеств, которым был посвящен храм – Тецкатлипоки и Уитцилипочтли. Именно здесь приносили жертвы и поддерживали вечный огонь. Клавиджеро пишет, что кроме этой великой пирамиды было еще 40 подобных построек, посвященных различным божествам. Называемый Тецкакалли, Дом Блестящих Зеркал, был посвящен Тецкатлипоке, Богу Света, Душе Мира, Животворящему, Духовному Сыну.

Жилища жрецов, которых, по описанию Зарате, насчитывалось 8 000, были расположены вблизи храмов, а также семинарии и школы. В изобилии были пруды и фонтаны, рощи и сады, в которых выращивали цветы и ароматные травы для определенных священных ритуалов и для украшения алтарей; а внутренний двор был настолько велик, что "8-10 000 людей могло свободно танцевать на торжественных праздниках", пишет Солис. Торквемада оценивает количество таких храмов в Мексике равным 40 000, но Клавиджеро, говоря о великолепных теокалли (букв. Дома Бога) Мексики, приводит еще большую цифру.

Так похожи древние святилища Старого и Нового Света, что Гумбольт, не в состоянии сдержать удивление, восклицает: "Какие поразительные аналогии существуют между памятниками старых континентов и памятниками тольтеков, которые... построили эти колоссальные строения, усеченные многоярусные пирамиды, как храм... в Вавилоне! Где они взяли модель для своих построек?"

Великий естествоиспытатель мог бы также спросить, откуда мексиканцы, эти жалкие язычники, взяли все свои христианские добродетели. Прескот пишет, что законы ацтеков "выказывают глубочайшее уважение к великим принципам морали и такое ясное представление об этих принципах, какое можно найти только у очень высоко развитых наций".

Некоторые из этих принципов любопытны тем, что схожи с этикой Евангелия. "Кто с большим любопытством смотрит на женщину, прелюбодействует глазами. Живите в мире со всеми; сносите несчастья со смирением; Бог все видит, он отомстит за вас". Признавая только одну Высшую Силу Природы, они обращались к ней как к Божеству, "которым мы живем, вездесущему, знающему все мысли и дающему дары, без которого человек ничто, невидимому, бесплотному, чистому и совершенному, под крыльями его находим отдохновение и верную защиту".

Лорд Кингсборо пишет, что, давая имена детям, "они совершали церемонию, очень похожую на христианский обряд крещения: губы и грудь младенца опрыскивали водой и молили Бога смыть грех, полученный этим ребенком до образования мира, чтобы он мог родиться заново. Их законы были совершенны, на землях этих темных язычников царили справедливость, довольство и мир", когда разбойники и иезуиты Кортеса высадились в Табаско. Столетия убийств, грабежа, насильного обращения в христианство было достаточно, чтобы превратить этих стойких, безобидных и мудрых людей в тех, что видим теперь. Именно такую пользу принесло им догматическое христианство. И кто хоть раз побывал в Мексике, знает значение этих слов. Страна полна кровожадных фанатиков-христиан, воров, мошенников, пьяниц, дебоширов, убийц и самых больших в мире лжецов! Мир и слава вашему праху, о Кортес и Торквемада! Хоть в этом случае вам никогда не будет позволено хвалиться просвещением, которое ваше христианство принесло несчастным и некогда добродетельным язычникам!

III

Руины Центральной Америки не менее впечатляющи. Солидные, с очень массивными стенами, обычно они отличаются широкой лестницей, ведущей к главному входу. Если это сооружения в несколько этажей, то каждый последующий этаж меньше предыдущего, что придает им вид многоярусных пирамид. С внешней стороны каменные или оштукатуренные стены украшены тщательно вырезанными символическими изображениями; а внутренние помещения разделены на коридоры и темные залы со сводчатыми потолками. Крыша поддерживается горизонтальными рядами каменной кладки, заходящими один на другой и "образующими стрельчатые арки, похожие на арки ранних построек Старого света".

В некоторых залах в Паленке Стефенс обнаружил дощечки, покрытые рельефными изображениями и иероглифическими надписями очень тонкой работы. В Гондурасе, в Копане Катервуд и Стефенс раскопали в старом лесу целый город – храмы, дома, огромные, искусно вырезаные монолиты. Скульптура и общий стиль построек в Копане уникальны, ничего похожего или хотя бы напоминающего этот стиль нигде не обнаружено, разве что в Киригуа и на островах озера Никарагуа. Невозможно расшифровать таинственные иероглифические надписи на алтарях и монолитах. За исключением нескольких построек из необработанного камня "памятники Копана можно считать самыми древними из известных нам в Центральной Америке" (цит. по "New American Cyclopoedia"). Во времена испанского завоевания Копан уже был заброшенными развалинами, и лишь смутные предания напоминали о нем.

Не менее необычны остатки различных эпох в Перу. Руины Храма Солнца в Куско до сих пор впечатляют, несмотря на то, что здесь прошла опустошительная волна вандалов-испанцев. Если верить рассказам самих завоевателей, это был "сказочный замок". Основной храм, часовни и здания, обнесенные огромной круговой каменной стеной, стоят в самом центре города, и даже развалины этих сооружений вызывают заслуженное восхищение путешественников.

Акведуки вели внутрь священной ограды, за которой были сады и аллеи, украшенные кустарниками и цветами из золота и серебра, имитировавшими творения природы. В храме было 4000 жрецов. На расстоянии 300 м вокруг храма земля считалась священной, и никому не разрешалось ходить по ней в обуви. (La Vega).

Кроме этого большого храма в Куско было 300 меньших храмов. Следующим по красоте после Храма Солнца считался известный храм Пачакамака. Гумбольт пишет еще об одном большом храме Солнца: "У подножия Каннарского холма раньше возвышалось известное святилище Солнца, образованное вселенским символом этого светила, которое сама природа сотворила на поверхности огромной скалы". Роман пишет: "...храмы Перу строились на возвышениях или на вершинах холмов и обносились 3-4-мя круговыми земляными насыпями, одна внутри другой".

Другие останки, которые я видела сама, в особенности погребения, окружены двумя, тремя или четырьмя каменными оградами. Недалеко от города Кайамбе, на том самом месте, где Уммоа увидел древний перуанский храм, который позднее описал как "идеальную округлую форму, открытую наверху", сохранилось несколько подобных комплексов. Цитируем статью из газеты "Madras Times" за 1876 г., в которой господин Дж. Х. Риветт-Карнак приводит своих "Археологические заметки" с описанием некоторых любопытных погребений в окрестностях Бангалора:[126]

> Рядом с деревней отчетливо видны как минимум 100 кромлехов. Они окружены каменными оградами, некоторые из которых состоят из 3-4 концентрических кругов. Один примечательный кромлех окружен четырьмя большими каменными кладками, местные жители называют его "Пандавара Гуди" – Храм Пандавов. Считается, что здесь впервые сооружения подобного типа использовались в качестве храмов прошлой, возможно, мифической расой. Многие из этих сооружений окружены тройным кольцом каменной ограды, некоторые двойным и ишь несколько – одинарным.

На 35 градусе североамериканские индейцы Аризоны до сих пор окружают свои грубые алтари такими же каменными кругами, а их священный источник, обнаруженный майором топографической службы армии США Альфредом Р. Калхумом, членом Лондонского Геологического общества, окружен такой же символической каменной оградой, как в Стоунхендже и некоторых других местах.

Бесспорно, самое интересное и полное описание перуанских памятников древности принадлежит перу доктора Хита, о котором уже говорилось выше. В ограниченном объеме журнальной статьи он дает представление читателю об общей картине останков этих памятников и одновременно делает это искусно и живо, показывая величие этих останков. Не один спекулянт разбогател за несколько дней, осквернив и разграбив хуаки. Останки

---

[126] Полное название статьи "О древних наскальных изображениях в Кумаоне, Индия, схожих с изображениями на монолитах и скалах в Европе". Автор – Дж. Х. Риветт-Карнак, сотрудник Гражданского управления Бенгалии, кавалер ордена Индийской Империи 3-й степени, член Общества антикваров, член Королевской Академии Наук, член Лондонского Геологического общества и т.д.

бесчисленных поколений неизвестных рас, покоившиеся нетронутыми кто знает, сколько веков, брошено теперь кощунственными кладоискателями истлевать под тропическим солнцем. Заключения доктора Хита, иногда более неожиданные, чем его открытия, достойны воспроизведения. Сделаем это вкратце.

В перуанской долине Хекетепеке на широте 10.24 градусов, в 6,5 км к северу от порта Пакасмайо, протекает река Хекетепеке. Рядом, на ее южном берегу, расположена возвышающаяся платформа, "площадью 400 м^2, высотой 12,2 м, вся платформа сделана из адобов – обожженных на солнце кирпичей. Стена шириной 15,3 м соединяет ее с другой платформой", высотой 45,7 м, почти квадратной, сторона ее наверху равна 61 м, у основания – 153 м. Это вторая платформа разделена на квадратные секции-помещения (сторона внизу 3 м, наверху 1,8 м, высота 2,5 м). Все погребения подобного типа – возможно, храмы поклонения Солнцу или крепости – на северной стороне имеют наклонную поверхность для входа. Кладоискатели проникли на уровне середины уклона в описанную пирамиду и, говорят, нашли золотых и серебряных украшений на 150 000 долларов.

Здесь было похоронено много тысяч мужчин; помимо скелетов найдено большое количество украшений из золота, серебра, меди, коралловых бус и т.д.

На северном берегу реки расположены большие руины окруженного стенами города площадью 16,1 х 3,22 км... Если идти вдоль реки по направлению к горам, по всему пути встретите руины за руинами и хуаки (погребения) за хуаками.

В Толоне находятся развалины другого города. В 8 км вверх по реке "стоит одинокая гранитная глыба, ее диаметры 1,2 и 1,8 м, покрытая иероглифическими надписями; на расстоянии 22,5 км вершина горы, в месте, где сходятся два ущелья, на высоту 15 м покрыта такими же иероглифами – изображениями птиц, рыб, змей, кошек, обезьян, людей, солнца, луны и многими странными, теперь неразборчивыми фигурами. Скала, на которой они вырезаны, – силикатный песчаник, многие линии прорезаны на глубину до 32 мм. В одном большом камне – 3 отверстия глубиной 50-75 см, диаметр их у поверхности 15 см, в высшей точке – 5 см... В Анчи на реке Риак на поверхности перпендикулярной стены, возвышающейся на 61 м над речным руслом, вырезаны два иероглифа – неправильная буква "B" и правильная "d". В расщелине под иероглифами у реки было раскопано золота и серебра на сумму 25 000 долларов. Когда инки узнали, что их вождь убит, что они сделали с золотом, предназначенным для выкупа вождя? Говорят, что они его закопали... Что значат эти изображения в Йонане на дороге вблизи города инков?

Приведенные отрывки были опубликованы в ноябре 1878 года, а в октябре ... года в книге "Разоблаченная Изида" я приводила легенду, которую вследствие событий и обстоятельств слишком долгих, чтобы приводить их здесь, считаю полностью достоверной. Легенда эта рассказывает о тех же погребенных сокровищах, предназначавшихся для выкупа вождя инков. Тогда журнал более сатирический, чем вежливый, сравнивал мою рукопись с рассказами барона Мюнхаузена. Тайну мне поведал один перуанец. В Арике по пути из Лимы стоит огромная глыба, считающаяся, по преданию, местом погребения инков. Когда последние лучи заходящего солнца падают на поверхность камня, видны любопытные иероглифы. Это ориентиры, указывающие как найти великие сокровища, зарытые в подземных коридорах. Подробности приведены в "Изиде", и я не буду повторять их. В ходе исследовательских работ в последнее время найдено убедительное подтверждение этому, так что, возможно, теперь к легенде отнесутся с меньшим пренебрежением. В нескольких километрах за Йонаном, посреди горной цепи на высоте 214 м над уровнем реки найдены стены другого города. Далее, через 10 и 19 км – огромные стены и террасы; на расстоянии 125,5 км от побережья, "поднявшись извилистой тропой на высоту 2140 м и спустившись затем на 610 м", вы попадаете в Коксаммольку, – город, где доныне стоит здание, в котором предатель Писарро держал в плену несчастного вождя инков Атагуальпу. В 1532 г. инка "обещал заполнить это здание золотом в обмен на свою свободу"; он выполнил обещание, заполнив здание золотом на сумму 17 500 000 долларов, но этот испанский свинопас и достойный последователь священника Эрнандо де Лугеса, убил вождя несмотря на слово чести. На расстоянии 5 км от этого города "есть стена неизвестной конструкции, выстроенная с использованием цемента, который крепче самих камней... Внутри находится холм, окруженный стеной (высота 6 м), причем вершина холма почти полностью

искусственная. В 80 км к югу от Пакасмайу, между портами Уанчако и Трухильо, находятся руины Чан-Чана, столицы государства Чиму... Дорога из порта в город проходит мимо этих руин, по насыпи высотой 1,2 м от одних развалин к другим. Под насыпью есть туннель".

Независимо оттого, что представляют собой эти здания – укрепления, замки, дворцы или погребения (хуаки), – все известны под общим названием "хуаки". После многочасовой прогулки верхом по развалинам нельзя составить четкое представление, и ни один исследователь не может четко определить назначения всех зданий... На создание этих построек было затрачено много труда.

Чтобы дать представление о богатствах, найденных испанцами в Перу, приводим копию записей муниципального совета Трухильо, найденную доктором Хитом. Эти записи – из книги налогов Королевской казны за 1577 и 1578 гг. – описывают сокровища "Хуаки Толедо", найденные одним-единственным человеком.

1) В Трухильо, Перу, 22 июля 1577 г. Дон Грасиа Гитеррес де Толедо явился в Королевскую казну для передачи 1/5 найденных сокровищ. Он принес слиток золота в 19 карат, оцененный по весу в 2400 испанских долларов. Налог в пользу короля составил 708 долларов, учитывая 1,5% – стоимость определения пробы золота.

2) 12 декабря он же принес 5 слитков золота по 15 и 19 карат на 8918 долларов.

3) 7 января 1578 г. – большие слитки и пластины золота, всего 115 штук, 15-20 карат, 153 280 долларов.

4) 8 марта – 16 слитков золота, 14-21 карат, 21118 долларов.

5) 5 апреля – различные золотые украшения (пояса, изображения початков кукурузы и др.), 14 карат, 6272 долларов.

6) 20 апреля 3 небольших слитка золота, 20 карат, 4170 долларов.

7) 12 июля – 47 слитков золота, 14-21 карат, 77312 долларов.

8) В этот же день – золото, украшения в виде кукурузных початков, куски скульптурных изображений животных, 4704 доллара.

Сумма всех находок составляет 278 174 золотых испанских доллара (или унции), что равно 4 450 784 серебряным долларам (1 золотой доллар равен 16 серебряным). За вычетом королевского налога – 985 957,75 доллара – самому Толедо осталось 3 464 830,25 доллара! Даже после столь большой добычи время от времени находили золотые изображения различных животных, накидки, украшенные квадратными золотыми пластинами, а также одежды из перьев всех цветов. Согласно поверью, в Хуако Толедо было два клада, называвшихся большая рыба и малая рыба. Найдена только малая. Между Уачо и Супе, находящегося в 193 км к северу от Кальяо, у мыса Атауантри, есть два огромных погребения, напоминающих погребения в Кампане и Сан-Мигель в долине Уатика, описываемые далее. В 8 км от Патавилки (к югу, недалеко от Супе) есть место, называемое "Парамонга" – крепость. Здесь видны развалины огромной крепости, стены которой сделаны из смягченной, специально обработанной глины толщиной 1,8 м. Основное сооружение стояло на возвышенности, но стены опускались до подножия этой возвышенности, образуя настоящую укрепленную линию обложения. Для того чтобы подняться в крепость, нужно было пройти по извивающейся вокруг возвышенности тропе, похожей на лабиринт, с многочисленными углами и поворотами, которые могли служить внешними укреплениями при защите. В окрестностях находили много сокровищ, спрятанных, скорее всего, древними индейцами, так как нет сведений, что инки когда-либо заселяли эту часть Перу после завоевания ими страны.

Недалеко от Анкона, в окружности 10-13 км, "везде видны черепа, кости и целые скелеты, лежащие в песке... В Парамайо, в 23 км к северу" на берегу моря находится другое большое погребение. Вокруг лежат тысячи скелетов, разбросанных кладоискателями. Курган раскопан почти на километр... Погребение занимает поверхность холма от берега моря до высоты 245 м. ... Откуда пришли эти сотни и тысячи людей, похороненных в Анконе? Вновь и вновь этот вопрос встает перед археологами, но они могут лишь пожать плечами и повторить вслед за местными жителями – "Quien Sabe?" – кто знает?

Доктор Хатчинсон в газете "South Pacific Times" от 30 октября 1872 г. пишет: "Я пришел к выводу, что Чанкай – великий город мертвых или он был огромным склепом Перу; ибо куда ни пойдешь, на вершину горы, в долину или на берег моря, на каждом шагу встречаешь черепа и самые разнообразные кости".

В долине Уатика, представляющей как бы комплекс руин, – 17 погребений, "хуак", хотя, пишут, "они больше похожи на крепости или замки, чем на захоронения". Тройная стена окружает город, часто до 2,8 м толщиной и от 4,6 до 6,1 м высотой. К востоку от стен находится огромное захоронение Хуаки Пандо... и развалины больших крепостей, называемых местными жителями Хуака Колокола. Ла Кампана, Хуаки Пандо, состоящие из больших и маленьких погребений и простирающиеся на пространстве, площадь которого трудно определить без точных измерений, образуют колоссальный комплекс. Погребение Колокола достигает 33,5 м в высоту. В направлении к Кальяс находится удлиненное плато (254 м в длину и 88 м в ширину) с 8-ступенчатым наклонным уступом на вершине, причем каждая ступень на 1-2 м выше предыдущей (весь скат имеет размеры 254 м в длину и ширину, по расчетам профессора естественной истории из Мичигана Дж. Б. Стира.

Само плато у основания разделено надвое... каждое отделение представляет идеальный квадрат (43 х 44 м). Кроме этого, есть еще квадратное помещение 43 х 44 м. На вершине наблюдается такая же симметрия размеров, кратных 12, причем это относится ко всем руинам в долине. Случайность или расчеты? ... Погребение выстроено в форме усеченной пирамиды, ее объем 409 971 м3... "Крепость" представляет собой огромное сооружение (высота 25 м, сторона 137 м). На вершине видны очертания многих больших квадратных помещений, но они заполнены землей. Кто принес эту землю и как заполнял помещения? Заполнить землей эти помещения на вершине требует такого же огромного труда, как и построить само здание... В 3 км к югу находим аналогичное сооружение, но больше по размерам и с большим количеством помещений... Оно достигает почти 156 м в длину, 154 м в ширину и 30 м в высоту. Все эти руины были окружены стенами из кубических адобов (сторона 1-2 м). Объем "Хуака Колокола" – 566 184 м3, а "Хуаки Сан-Мигель" – 718 223 м3. Эти два сооружения с террасами, парапетами, бастионами, помещениями заполнены землей!

Рядом с "Мира Флорес" находится Очеран – самое большое погребение в долине Уатика (высота 29 м, ширина на вершине 50 м, общая длина 391 м). Снова число, кратное 12. Погребение обнесено стеной (длина 746 м, ширина 640 м, площадь внутри ограды таким образом 0,47 м2). Между Очарас и океаном от 15 до 20 аналогичных описанным руин.

Храм Солнца инков, как и Храм в Чолуле в долине Мехико, – громадная, пирамида в несколько уступов. Высота ее 60-90 м, она имеет форму полумесяца длиной свыше 800 м. Площадь вершины 40469 м2. Многие стены покрыты красной краской, такой же свежей и яркой теперь, как и столетия назад... В долине Канете, напротив островов Чинча Гуано, – руины, описанные Сквайром. На холме, известном под названием "Золотой Холм", находили медные и серебряные булавки, какими современные дамы закалывают шали, а также щипчики для придания формы бровям и удаления волос на лице и серебряные чаши.

Доктор Хит пишет:

> Побережье Перу простирается от Тумбеса до реки Лоа почти на 2000 км. На всем протяжении разбросаны тысячи руин (кроме упомянутых выше), почти на каждом холме и горной вершине или рядом можно найти памятник прошлых лет; в каждом ущелье от побережья до центрального плато – развалины стен, городов, крепостей, склепов и километры террас и водопроводов. На плато и на восточном склоне Анд до мест, где живут дикие индейцы и растут неизведанные, непроходимые леса, везде те же руины. В горах, однако, где в течение нескольких месяцев в году постоянно идут дождь или снег, сопровождаемые ужасными громом и молниями, руины несколько отличны. Эти массивные, колоссальные, циклопические сооружения, построенные из гранита, порфиритного известняка и силикатного песчаника, противостояли разрушительному действию времени, геологических трансформаций, землетрясений и кощунственным, опустошающим набегам врагов и кладоискателей. Каменная кладка этих стен, храмов, домов, башен, крепостей, гробниц нецементирована, камни удерживаются на месте за счет уклона стен от перпендикуляра и точности кладки. Все камни – многогранники (начиная с 6-гранников), причем каждый обработан так, чтобы точно соответствовать соседним, в швы и внешних и внутренних поверхностей не проходит даже лезвие небольшого перочинного ножа. Камни неодинаковы по форме и величине, их размеры бывают от 0,015 до 42 м3, и если среди многих миллионов камней удается найти взаимозаменяемые – это чистая случайность. На "Триумфальной улице" в Куско в стене древнего храма (дома) Дев Солнца есть очень большой камень, известный как "камень двенадцати углов", так как он соприкасается с соседними камнями двенадцатью гранями,

каждая под своим углом. Кроме этих 12 граней есть еще и внутренние, и никто не знает, сколько их скрыто в кладке. В центральной стене крепости в Куско есть камни высотой 4 м, длиной 4,6 м, толщиной 2,5 м, и все эти камни добывали в каменоломнях на расстоянии многих километров. Рядом с городом есть продолговатая и гладкая глыба (5,5 м по большой оси и 3,65 м по малой). На одной стороне глыбы вырезаны большие ниши, в которых помещается человек в полный рост; если при этом человек начнет раскачиваться, он приведет в движение глыбу. Похоже, что ниши были сделаны именно с этой целью. Одним из наиболее замечательных и больших каменных памятников является Ольянтайтамбо, руины которого расположены в 48 км к северу от Куско в узком ущелье на берегу реки Урубамба. Здесь, на вершине наклонной скалистой возвышенности стояла крепость. От крепости к долине внизу ведет каменная лестница. На вершине лестницы установлены в ряд 6 больших плит (высота 3,7 м, ширина 1,5 м, толщина ок. 1 м), между ними и сверху – небольшие каменные прокладки шириной ок. 1,8 м, очевидно, специальные рамы для плит... все – из обработанного камня. У подножия возвышенности, часть которой была сделана вручную, и у подножия лестницы начинается каменная стена (ширина 3 м, высота 3,7 м), уходящая на некоторое расстояние в долину. В ней много ниш, обращенных только на юг.

Руины на островах озера Титикака, где начинается история инков, описывались часто.

В Тиауанако, в нескольких километрах к югу от озера, есть камни в форме колонн, частично обработанные и расставленные вдоль одной линии на определенном расстоянии друг от друга. Они поднимаются на высоту 5,5-6 м. В одном ряду с ними установлен монолитный портал, ныне разрушенный (высота 3 м, ширина 4 м, размеры дверного проема 26 х 0,97 м). Вся поверхность над входом украшена резьбой. Камень с аналогичной резьбой, но меньших размеров, лежит рядом на земле. Оба камня – твердый порфирит, отличающийся от геологических пород этой местности, мы считаем, что камни были привезены из других районов.

В Чавин-де-Уантаре – городе провинции Чарп – также есть достойные внимания руины. Входом служит галерея (ширина 1,8 м, высота 2,8 м, длина ок. 4 м), покрытая частично обработанным песчаником. По обе стороны находятся помещения шириной 3,6 м, покрытые большими кусками песчаника толщиной 0,5 м и шириной 1,8-2,75 м. Стены комнат достигают толщины 1,8 м и имеют отверстия, очевидно, для вентиляции. В полу галереи – очень узкий вход в подземный коридор, ведущий под руслом реки на другой берег. Из этого коридора было извлечено много хуак... каменных сосудов для питья, медных и серебряных инструментов и скелет сидящего индейца. Большая часть этих руин располагалась над акведуками. Мост к замкам сделан из трех слоев обработанного гранита (длина 7,3 м, ширина 0,6 м, толщина 0,5 м). Некоторые камни покрыты иероглифами.

В Корралонесе, в 39 км от Арекипы, на больших гранитных поверхностях иероглифические надписи как будто нарисованы мелом. Здесь фигурки людей, лам, круги, параллелограммы, буквы, похожие на "R" и "O", и даже остатки астрономической системы.

В ... провинции ... есть сооружение с такими же надписями.

В Наске в долине Ика сохранилось несколько замечательных остатков акведуков (высота 1,2-1,5 м, ширина 1 м), очень прямых, с двойными стенами из необработанного камня, вымощенных сверху плитами.

В ... недалеко от ... недавно исследовались большие сооружения: стена из обработанного камня шириной 170 м, длиной 1120 м и высотой 546 м, нижняя часть которой – сплошная; другая стена длиной 183 м, шириной 153 м, высотой тоже 46 м расположена над первой. В обеих стенах есть ниши длиной около метра и шириной 0,5 м, глубина ниш 0,5 м. В них покоятся остатки древних людей, одни из которых обнажены, другие завернуты в куски хлопковой материи ярких цветов с прекрасной вышивкой...

За входом на вторую, расположенную выше стену есть еще 2 гробницы, похожие на небольшие печи высотой 1,8 м и диаметром 7,3 м. Пол этих гробниц вымощен плитами, на которых покоятся мертвые. С северной стороны на отвесном скалистом склоне горы воздвигнута кирпичная стена с маленькими окошками на расстоянии 183 м от подножия. Ни объяснить их назначение, ни подступиться к ним сейчас невозможно. Обнаруженная здесь утварь из золота и серебра, искренность и солидность этой гигантской постройки из обработанного камня, возможно указывают на ее создание в доинковскую эпоху... Если считать, что на 2000 – километровом побережье Перу 500 ущелий, в каждом из которых по 15 км террас в 50 ярусов (что предполагает лишь 8 км террас по 25 ярусов с каждой стороны ущелья), получим свыше 400 тыс. км

каменных стен высотой в среднем 1-1,2 м – достаточно, чтобы несколько раз опоясать землю. Как бы удивительным это ни показалось, я полностью уверен, что в действительности цифры примерно вдвое выше, так как протяженность ущелья обычно составляет от 50 до 160 км. В Сан-Матео, городе на реке Римак, где горы поднимаются на высоту 460-610 м над руслом реки, я насчитал 200 ярусов протяженностью не меньше 6,5 км, а многие – и свыше 9,5 км.

И далее доктор Хит уместно спрашивает:

Кто же были эти люди, способные прорезать гранит вглубь на 65 км; переносить блоки тяжелого порфирита огромных размеров на многие километры от каменоломен, через долины, опускающиеся на сотни метров, через горы и равнины, не оставившие и следа, как и где они это делали; люди, которые, как считают, не применяли дерева, а в качестве вьючных животных использовали только слабых лам; которые устанавливали эти огромные камни рядом с другими, такими же, с мозаической точностью, террасировали тысячи метров горных склонов; возводили холмы из адобов и огромные города; оставили глиняные, медные, серебряные и золотые изделия, вышивку, многие из которых не могут повторить современные мастера; люди, соперничавшие с библейскими богачами в богатствах, с Геркулесом – в силе и энергии, с муравьем и пчелой – в трудолюбии?"

Кальяо в 1746 г. был затоплен и полностью разрушен. Лима была разрушена в 1678 г., в 1746 г. оставалось лишь 20 домов из 3000, но древние города долин Уатика и Лурин еще сохранились в сравнительно хорошем состоянии. Сан Мигель де Пиро, основанный Писарро в 1531 г. был полностью разрушен в 1855 г., но древние руины поблизости мало пострадали. ... был снесен в 1898 г., но близлежащие руины остались неизменными. В инженерном искусстве, по крайней мере, наш век может поучиться у прошлых. Надеемся показать, что не только в инженерном.

Итак, мы показали, что относить все эти циклопические сооружения к эпохе инков – непоследовательно и представляется даже более ошибочным, чем распространенный обычай считать все скальные храмы Индии буддийскими. Как показывают многие авторитетные люди, в том числе и доктор Хит, история инков начинается только в 11 веке н. э., и периода с 11 в. до испанского завоевания недостаточно для создания бесчисленных грандиозных сооружений. Испанские историки также не упоминают об этих памятниках. И, конечно, не следует забывать, что языческие храмы были ненавистны ограниченным, набожным фанатикам римской католической церкви, и при любой возможности они либо переделывали эти храмы в христианские соборы, либо сравнивали их с землей. Кроме того, у инков не было письменности, а древние памятники прошедших эпох покрыты иероглифическими надписями.

Общепринято считать, что Храм Солнца в Куско был создан инками, но храм этот построен в самом позднем из пяти, различаемых в Андах стилей. Возможно, каждый стиль представляет определенный период развития цивилизации.

Иероглифы Перу и Центральной Америки, похоже, навсегда останутся мертвы. Инки, которые так же не понимали эти записи, как и современные криптографы, пользовались вместо письма системой "квипус" (букв. "узел"), наподобие древних нецивилизованных китайцев и мексиканцев. Для этого брался шнур длиной 1-2 м, составленный из нитей разного цвета, со шнура свисала разноцветная бахрома, причем каждый цвет обозначал определенный предмет, а узелки на нитях бахромы – цифры. Прескот пишет: "Таинственная наука "квипус" предоставляла перуанцам возможность общения друг с другом и с будущими поколениями..."

Однако, в каждой области был свой способ расшифровки подобных сложных записей, поэтому "квипус" могли разобрать лишь в том месте, где его сделали.

Из могил извлекали много прекрасно сохранившихся (по цвету и по фактуре) "квипусов", но губы, которые единственно могли произнести словесный ключ, сомкнулись навеки, а те, кто нашел их, не запомнили точного места, так что "записи", которые могли сказать так много из того, что мы хотим знать, останутся тайной до последнего дня, когда будет открыто все...", если вообще что-либо будет открыто. Но сейчас, когда наш мозг активно работает и ум остро воспринимает исключительные, наводящие на размышления факты, бесконечные открытия археологов, геологов, этнологов и ученых других наук равносильны подобному откровению. Становится все более очевидным, что так как человек

существовал на земле уже многие миллионы лет, единственной правдоподобной теорией для объяснения великих загадок человечества, подъемов и падений бессчетных наций и рас, их этнологических различий может служить лишь теория циклов. Этнологические различия, хоть и не столь явные, как разница между приятным, образованным европейцем и калифорнийским индейцем-копателем, питающимся кореньями, все же приводит в дрожь невежд, громко возмущающихся при мысли, что может быть сведена на нет иллюзорная "великая пропасть между человеком и дикой природой". Этих индейцев, как и многие другие дикие (хотя по отношению к упомянутым индейцам и более развитые) нации, явно вымирающие и уступающие место еще более развитым людям и расам, следует рассматривать так же, как вымирающие виды животных – не более. Кто может утверждать, что предки этих плоскоголовых дикарей, которые могли жить и процветать при самых высоких цивилизациях доледникового периода, в искусствах и науках намного отставали от нынешней цивилизации? При этом также нужно подумать и о том, что их науки и искусства могли развиваться в другом направлении. То, что человек жил в Америке 50 000 лет назад, сейчас научно доказано и является несомненным фактом. В своей лекции в Манчестере в июне прошлого года господин Х. А. Аллбутт – почетный член Королевского антропологического общества, говорил: "Недалеко от Нового Орлеана, в теперешней дельте, во время земельных работ была обнаружена целая серия пластов, почти полностью растительного происхождения. На глубине ок. 5 м от поверхности под четырьмя слоями погребенных лесов, расположенных один над другим, рабочие обнаружили уголь и скелет мужчины, по строению черепа – представителя расы аборигенных краснокожих индейцев. Доктор Даулер считает, что возраст этого скелета ок. 50 000 лет".

Неумолимые циклы времени привели к умственной и физической деградации потомков этого человека так же, как деградировал современный слон по сравнению со своим гордым и огромным предком, древним, доисторическим Sivatyerium, окаменелые останки которого все еще находят в Гималаях, или ящерица по сравнению с плезиозавром. Почему человек должен быть единственным видом, не изменяющимся со дня появления на этой планете? Представление о том, что каждое последующее поколение человечества прогрессирует по сравнению с предыдущим, еще не настолько укоренилось, чтобы в один прекрасный день не выяснилось, что, как и все теории, и эта имеет оборотную сторону – безостановочный прогресс, с одной стороны, и столь же неумолимый упадок, с другой, а именно: цикличность.

"Даже прогресс в области знаний и мощи, который многие считают характерной чертой человечества, зависит от исключительных личностей, появляющихся в определенных расах только при благоприятных обстоятельствах, и он вполне совместим с длительными периодами бездействия и даже упадка", – пишет современный ученый ("Journal of Science", февраль 1880 г., "The Alleged Distinction Between Man & Brute"). Подтверждение этому видим в современных перуанцах и мексиканцах – деградировавших потомках великой и могущественной расы древней Америки.

Какие перемены! Как должны были пасть инки, чтобы маленький отряд в 160 человек смог беспрепятственно проникнуть в их горные жилища, убить почитаемых правителей и тысячи воинов и унести с собой их богатства, и это в стране, где несколько воинов, вооруженных камнями, могли успешно противостоять целой армии! Кто узнает в нынешних индейцах иничуа и аймара их благородных предков?..

Так пишет доктор Хит, а его уверенность в том, что некогда Америка была соединена с Европой, Азией, Африкой и Австралией, так же тверда, как наша. Кроме интеллектуальных (умственных) и духовных циклов существуют также геологические и физические; небесные тела и планеты так же, как расы и нации, появляются с тем, чтобы расти, развиваться, приходить в упадок и умирать. Великие нации разделяются, дробятся на небольшие племена, которые забывают о своем былом единстве, постепенно доходят до примитивного состояния и исчезают, одно за другим, с лица земли. Также и великие континенты. Некогда Цейлон должен был быть частью Индостана. Так, очевидно, и Испания некогда соединялась с Африкой, на месте узкого Гибралтарского пролива была суша. На полуострове Гибралтар много огромных обезьян, какие водятся в больших количествах на противоположном побережье Африки, в то время как больше нигде в Испании обезьяны не встречаются. А пещеры Гибралтара полны огромных человеческих костей, принадлежащих людям древней,

доисторической расы. Тот же доктор Хит пишет о городе Итен на 10 градусе южной широты в Америке, жители которого, принадлежащие к неизвестному племени, говорят односложными словами. Привезенные китайские рабочие с первого дня понимали этот язык. У этого племени свои законы, традиции, одежда, они не поддерживают контактов с внешним миром. Никто не может сказать, откуда и когда они появились, было ли это до или после испанского завоевания. Для всех, кто случайно оказывается в их местах, они – живая тайна...

Имея на руках такие факты, способные озадачить точную науку и продемонстрировать наше полное невежество относительно нашего прошлого, считаем, что ни один человек на земле не вправе сказать своему соседу: "Вот границы, за которые ты заходить не смеешь!" – независимо от того, касается ли это геологии или этнологии, точных или абстрактных наук.

Воздавая благодарность доктору Хиту, достойная и интересная статья которого дала нам столько возможностей и фактов, не видим ничего лучшего, как привести здесь его заключительные размышления:

> Тринадцать тысяч лет назад Вега, звезда созвездия Лиры, была северной полярной звездой; как много изменений с тех пор произошло на нашей планете! Как много наций и рас рождается, достигает зенита и приходит в упадок; когда пройдет еще тринадцать тысяч лет, и Вега снова займет свое прежнее положение, завершив "Платонический, или Великий Год", не думаете ли вы, что те, кто займет наше место на земле, будут больше знать о нашей истории, чем мы – о тех, кто ушел? Истинно, можем сказать почти как в псалмах: "Великий Боже, Создатель и Управитель Вселенной, что такое человек, что Ты занимаешься им!"

"Аминь!" – таков должен быть ответ тех, кто еще верит в Бога, "Создателя и Управителя Вселенной".

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

Приложение 1
Ночные видения

ОКОЛДОВАННАЯ ЖИЗНЬ
Рассказ гусиного пера

ВВЕДЕНИЕ

Это было темной и холодной сентябрьской ночью 1884 года. Тяжелые сумерки опустились на улицы небольшого городка на берегу Рейна. Темнота могильным саваном покрыла тоскливое, ничем не примечательное фабричное местечко. Большинство обитателей городка уже давно отправились спать, чтобы дать отдых изнуренным дневным трудом членам. В большом доме было тихо, на пустынных улицах тоже царила тишина.

Я лежала на кровати, но, увы, не отдых, а болезнь приковала меня к постели, с которой я не вставала уже несколько дней. В доме было тихо, и можно было повторить вслед за Лонгфелло, что тишина казалась почти слышимой. Я отчетливо слышала гул крови, струившейся по моему больному телу с тем ровным пением, которое знакомо каждому, кто привык внимательно слушать тишину. Я прислушивалась до тех пор, пока в моем возбужденном воображении этот звук не усилился до рева воды в отдаленном ущелье или грохота мощного водопада... Затем внезапно звук изменился, и все усиливающееся "пение" слилось с другим; более приятным звуком. Это был тихий, поначалу почти неразличимый шепот. Он приближался и постепенно усиливался, раздаваясь почти у самого уха. Так раздается голос, доносящийся с другого берега голубого тихого озера, расположенного в одном из тех удивительно звонких ущелий, окруженных снежными вершинами гор. В этих ущельях воздух настолько чист, что слово, произнесенное в полумиле, раздается будто у самого вашего плеча. Да, это был голос человека, знать которого – значило почитать его. Этот голос чрезвычайно дорог и свят для меня из-за многочисленных и светлых мгновений, которые связывали нас. Этот голос я знала многие годы и всегда была рада его слышать, особенно в часы душевного или физического страдания, потому что он всегда приносил мне луч надежды и утешения.

– Будь мужественной, – тихо и нежно шептал он. – Вспомни о днях, проведенных нами в сладостном общении, вспомни о великих уроках природных истин, о многочисленных ошибках людей, пытающихся познать эти истины. Вспомни и прибавь к ним то, что узнаешь этой ночью в темном городе. Пусть же рассказ о странной жизни, который наверняка заинтересует тебя, поможет тебе в часы страданий... Итак, слушай внимательно. Смотри прямо перед собой!

За окном густой белесый туман извивался как гигантская тень огромного удава, медленно разворачивающего свои петли. Постепенно туман исчез, превратившись в яркий, мягкий, серебристый свет. Казалось, оконные стекла отражали тысячи лунных лучей и тропическое звездное небо. Свет этот шел с улицы, затем он переместился вглубь пустых комнат. Туман протянулся к моему дому через улицу, словно сказочный мост, соединяющий околдованные окна дома напротив с моим балконом, и не только с балконом, но и с кроватью, на которой я лежала. Я продолжала смотреть. Вдруг стены и окна напротив исчезли вместе с самим домом. Пространство за окном заняла одна небольшая комната в маленьком швейцарском домике. Это был кабинет, его стены заставлены книжными полками с множеством старинных фолиантов и современных книг. В центре – большой старинный стол, заваленный рукописями и письменными принадлежностями. За столом сидел угрюмый

и худой как скелет старик с таким бледным и изможденным лицом, что свет небольшой настольной лампы двумя яркими пятнами отражался на его широких скулах, как будто вырезанных из слоновой кости. В руке он держал гусиное перо.

Я приподнялась на локоть, чтобы получше разглядеть его, и тут же видение швейцарского домика, кабинета, стола, книг и писца замерцало и придвинулось ко мне. Оно приближалось все ближе и ближе до тех пор, пока не скользнуло бесшумно по призрачному облачному мосту через улицу и не вошло через открытые окна в мою комнату, остановившись прямо перед моей кроватью.

– Слушай, что он думает и сейчас будет писать, – успокаивающе сказал все тот же далекий и в тоже время такой близкий голос. – Сейчас ты услышишь рассказ, который поможет тебе скоротать долгие бессонные часы и забыть на время боль. Итак, слушай! – добавил он, воспользовавшись известной розенкрейцерской каббалистической формулой.

Я попробовала услышать то, о чем он мне говорил. Я сконцентрировала все свое внимание на одинокой фигуре работающего человека, сидящего прямо передо мной, но не видящего меня. Сначала скрип гусиного пера, которым старик писал, не напоминал мне ничего, кроме тихого, почти неслышного, журчания неизвестной природы. Затем постепенно мои уши стали различать едва слышимые слова, произносимые тихим, слабым и далеким голосом. Я подумала, что человек, сидящий передо мной, наклонился над своей рукописью и читает свой рассказ вслух и записывает его. Но очень скоро я поняла свою ошибку. Бросив взгляд на лицо старого писца, я тут же заметила, что губы его были сжаты и неподвижны, а голос, который я слышала, был слишком тонок и пронзителен для старика. При каждом слове, которое выводила на бумаге старая слабая рука, из-под пера выскакивала легкая яркая искорка, которая тут же превращалась в звук, или, по крайней мере, превращалась в звук в моем внутреннем восприятии. И в самом деле, я слышала тихий голос гусиного пера, хотя вполне возможно, что и писец, и перо находились в этот момент в сотнях миль от Германии. Такое иногда случается, особенно ночью, под чьей звездной сенью, как говорит Байрон:

Мы узнаем язык иного мира.

Как бы то ни было, слова, произнесенные гусиным пером, в течение многих дней жили в моей памяти. Я не испытывала никаких затруднений, когда села за стол, чтобы записать их, потому что они были словно выдавлены на астральных таблицах, возникавших прямо перед моим внутренним взором.

Таким образом, мне оставалось только переписать и передать их вам в том виде, в каком я сама получила их. Я не смогла узнать имени ночного незнакомца. Читателям может показаться, что вся эта история придумана или просто приснилась мне. Тем не менее, я надеюсь, что мой рассказ все же окажется достаточно интересным.

I
РАССКАЗ НЕЗНАКОМЦА

Я родился в маленьком горном селе. Это была горстка швейцарских домиков, прятавшихся в укромной солнечной долине между двух сбегающих по крутому склону ледников и с высоким пиком за ней. Вершину его покрывали вечные снега. Туда же я вернулся тридцать семь лет назад, искалеченный душой и телом, вернулся только для того, чтобы умереть, если только смерть возьмет меня. Но чистый бодрящий воздух родины распорядился иначе. Я все еще жив, хотя, может быть, сил у меня хватит лишь на то, чтобы поведать о событиях, которые до сих пор держал в глубокой тайне от всех, поведать ужасную историю, которую мне скорее хотелось бы скрыть, чем рассказать. Причина такого нежелания кроется в образовании, которое я получил в детстве и юности, а так же в последующих событиях, которые оболгали, обратив в ничто, все самое дорогое, что у меня было. Некоторые наверняка будут склонны увидеть в этих событиях высший промысел, я же, однако, не верю в провидение и все же не могу отнести случившееся к простой игре случая. По-моему, произошедшее представляет собой развитие следствий, вызванных вполне определенными, прямыми причинами, причем в основе всего лежит одна первичная и основная причина, которая и вызвала все последствия. Теперь я уже дряхлый старик, но физическая слабость не сказалась на моих умственных способностях. Я помню мельчайшие подробности того события, которое стало страшной причиной столь трагических

последствий. И это еще раз доказывает реальное существование того, кого мне бы очень хотелось считать порождением моей фантазии – о, если бы это только было возможно – порождением моей фантазии, мимолетным образом лихорадочного кошмарного сна! О, это ужасное, тихое, всепрощающее, святое и уважаемое Существо! Именно это сосредоточие всех добродетелей наполнило злобой и горечью всю мою жизнь. Это он вырвал меня из монотонной, но спокойной и надежной колеи повседневности и заставил меня поверить в жизнь после смерти, сделав мое чудовищное состояние еще более ужасным.

Чтобы прояснить ситуацию, мне придется прервать свои воспоминания и сказать несколько слов о себе. О, как бы я хотел уничтожить этого ненавистного себя!

Я родился в Швейцарии. Родители мои были французами, для которых вся мудрость мира была сосредоточена в литературной троице – Вольтер, Жан-Жак Руссо и Гольбах. Образование получил в Германии в университете. Я вырос последовательным материалистом и убежденным атеистом и не мог себе представить, что какое-либо существо стоит над или хотя бы вне видимой природы и отличается от нее. Поэтому я считал химерой все, что не поддается строжайшему анализу наших чувств. Я утверждал, что душа, даже если она имеется у человека, должна быть материальной. Согласно определению Оригена, латинское слово incorporeus – эпитет, которым он снабдил своего бога, обозначает субстанцию, более тонкую, чем та, из которой состоят физические тела и о которых мы, в лучшем случае, способны иметь лишь смутное представление. Разве то, о чем наши чувства не дают нам ясного представления, может стать видимым или проявлять себя как-либо в наших ощущениях?

В соответствии со своими взглядами я выслушивал с чувством величайшего презрения рассказы о зарождающемся спиритизме, а к одобрительным словам о нем некоторых священников относился с насмешкой, часто граничащей со злостью. И в самом деле, последнее чувство никогда не покидало меня.

Паскаль в восьмом акте своих "Размышлений" признает, что невозможно с полной определенностью утверждать о существовании Бога. Как и он, я всю жизнь прибывал в полной уверенности, что никакого экстракосмического существа нет. Я повторял вслед за великим мыслителем те памятные слова, в которых он говорит: "Я тщательно изучал, не оставил ли Бог, о котором говорит весь мир, каких-либо следов. Я искал их везде, но нигде ничего не нашел. Природа не может предложить мне ничего такого, что не вызывало бы сомнений и беспокойства". Также как и он, я не нашел ничего, что могло бы разрушить мои убеждения, часто даже более сильные, чем у него. Я никогда не верил и никогда не поверю в это верховное существо, но я уже больше не смеюсь над возможностями человека, о которых так широко говорят на востоке, над силами, которые настолько сильно развились в некоторых людях, что по существу сделали их богами. Вся моя искалеченная жизнь протестует против отрицания этих возможностей. Я верю в подобные явления и проклинаю их всегда и везде, что бы их не порождало.

После смерти моих родителей и неудачного судебного процесса о наследстве я потерял большую часть своего состояния и решил сам составить себе новое, не столько ради себя, сколько ради тех, кого любил больше всего на свете. Моя старшая сестра, которую я обожал и боготворил, вышла замуж за бедного человека. Я принял предложение богатой гамбургской компании и отправился в Японию в качестве одного из ее младших представителей.

В течение нескольких лет мои дела протекали успешно. Я вошел в доверие множества влиятельных японцев, чье покровительство позволяло мне путешествовать и заключать сделки в тех местах, куда, особенно в те дни, иностранцев не допускали. Так как я относился равнодушно ко всем религиям, меня заинтересовала философия буддизма, единственная религиозная система, которую, по моему мнению, можно действительно назвать философской. Поэтому в свободное время я посещал самые замечательные храмы Японии и самые значительные и любопытные из девяноста шести буддистских монастырей Киото. Шаг за шагом я осмотрел Дай-Боотзоо с его гигантским колоколом, Дзеонене, Энарино-Яссеро, Ки-Миссоо, Хигадзи-Хонг-Вонси и множество других знаменитых храмов.

Прошло несколько лет, и за все это время я не только не излечился от своего скептицизма, но даже и не подумывал о том, чтобы изменить свое мнение по этому вопросу. Я высмеивал претензии японских бонз и аскетов так же, как я высмеивал христианских

священников и европейских спиритуалистов. Я не верил в возможность приобретения неизвестных и никогда не изучавшихся людьми науки сил, поэтому я высмеивал подобные вещи. Особенно смехотворными казались мне слова суеверных и меланхоличных буддистов, которые учили избегать наслаждений, обуздывать страсти и делать себя одинаково нечувствительными и к счастью, и к страданиям для того, чтобы приобрести какие-то химерические силы.

Однажды, и этот трагический день навсегда останется в моей памяти, я познакомился с почтенным и ученым бонзой, японским жрецом по имени Тамоора Хидейери. Я встретил его у подножия золотой Куон-Он, и с того момента он стал моим самым лучшим и надежным другом. Несмотря на величайшее и искреннее уважение к нему, я никогда не упускал возможности посмеяться над его религиозными убеждениями и очень часто причинял ему боль своими насмешками. Но мой старый друг был мягким и добрым человеком, каким и должен быть буддист. Мои поспешные саркастические замечания никогда не возмущали его, и, даже если они были, по меньшей мере, двусмысленны с точки зрения приличий, его возражения обычно ограничивались фразой: "Подождите и вы увидите сами". Точно также он никогда не мог всерьез поверить в искренность моего отрицания реальности существования Бога или богов. Полное значение терминов "атеист" и "скептицизм" оставались за пределами понимания этого необычайно умного и наблюдательного во всем остальном человека. Как некоторые почтенные христиане, он не был способен понять, что разумный человек может предпочесть мудрые заключения философии и современной науки смехотворной вере в невидимый мир, наполненный богами, духами, джинами и демонами. "Человек – существо духовное", – настаивал он, – "которое возвращается на землю более чем один раз и между этими возвращениями его либо награждают, либо наказывают". Предположение о том, что человек – лишь куча организованной, сконструированной пыли или праха, было за пределами его понимания. Как и Иеремия Колье, он отказывался признать, что он сам не более, чем "ходячая машина, говорящая голова, в которой нет души", чьи "мысли подчиняются законам движения". Он говорил: "Если мои действия предписаны мне заранее, как вы утверждаете, у меня не может быть свободы или свободной воли, способной изменить направление своего действия, так же как и у воды, протекающей в той реке". Если бы это было так, славное учение кармы, учение о вознаграждении добродетели и воздаяние за грехи действительно было бы глупостью.

Таким образом, вся гиперметафизическая онтология моего друга основывалась на шаткой надстройке метемпсихозиса, на воображаемых справедливых законах воздаяния за грехи и других столь же бессмысленных мечтаниях.

– Мы не можем, – парадоксально заявил он однажды, – надеяться на жизнь после смерти и наслаждение полнотой сознания, если мы не построим для этого прочный и надежный фундамент духовности до нашей смерти... нет, не смейтесь, друг мой, ни во что не верящий, – умолял он меня, – лучше подумайте, поразмыслите над этим. Тот, кто никогда не учился жить в Духе в его сознательной жизни, полной ответственности, вряд ли может надеяться на то, что ему удастся насладиться жизнью после смерти, когда он, лишенный тела, останется целиком в состоянии Духа.

– Что вы имеете в виду под словами "жизнь в Духе"? – поинтересовался я.

– Это жизнь в духовной плоскости, то, что буддисты называют "Ташита Девалока"(Рай). Человек может создать себе счастливую жизнь между двух смертей постепенным переходом к духовной плоскости и ее возможностям, проявляющимся в его земной жизни только в его органическом теле и, как вы его называете, в животном мозгу...

– Какая бессмыслица! И как же человек может добиться этого?

– Созерцание и сильное желание соединиться со святыми божествами поможет человеку достичь этого.

– А если человек откажется от такого умственного занятия, под которым вы, по-моему, предполагаете созерцание кончика своего носа, что с ним будет после смерти его тела? – насмешливо спросил я его.

– С ним поступят в соответствии с господствующим состоянием его сознания, в котором существует множество градаций. В лучшем случае за смертью последует немедленное перевоплощение и рождение заново, в худшем – его ожидает состояние "авитчи" или душевных мук ада. Однако человеку не обязательно становиться аскетом для

того, чтобы слиться с духовной жизнью, которая продолжится после смерти. От него требуется только одно – постараться приблизиться к Духу.

– Каким образом? А если человек не верит в это? – снова спросил я его.

– Даже если не верит! Можно не верить, но сохранить в душе место для сомнений, сколь бы мало не было это место. И он может попытаться однажды, хотя бы на одно мгновение, приоткрыть дверь внутреннего храма, и этого будет достаточно.

– Мой почтенный господин, ваши рассуждения очень поэтичны и к тому же парадоксальны. Не могли бы вы еще немного рассказать мне об этих таинственных силах?

– Здесь нет никакой тайны, и я охотно объясню. Предположим на мгновение, что духовная плоскость или духовный уровень, о котором я говорил – это какой-то неизвестный храм, в котором вам еще не доводилось быть, и существование которого у вас есть основание отрицать. И вот, кто-то берет вас за руку и подводит к храму, а любопытство заставляет вас открыть его двери и заглянуть вовнутрь. Вот этим простым действием – тем, что вы заглянули на секунду – вы навсегда устанавливаете связь между вашим сознанием и этим храмом. Вы уже больше не можете отрицать его существование и не можете стереть из своей памяти то, что уже однажды входили в него. А далее, в соответствии с характером и разновидностью ваших трудов, и, разумеется в пределах, освященных границами храма, вы будете жить на этом уровне до тех пор, пока ваше сознание не отделится от своего жилища в вашем теле.

– Что вы хотите сказать? И что связывает после смерти мое сознание, если только таковое существует, с этим храмом?

– Оно во всем связано с этим храмом, – торжественно ответил старик. – Самосознание после смерти невозможно вне храма духа. Следовательно, в вашем сознании сохранится только то, что вы совершили на уровне духа. Все остальное окажется ложью и обманом зрения, оно обречено на гибель в Океане Майя.

Мысль о жизни вне моего собственного тела показалась мне забавной, я потребовал от своего друга, чтобы он рассказал мне об этом подробнее. Почтенный старик ошибся, думая, что меня увлек его рассказ и охотно согласился продолжить.

Тамоора Хидейери принадлежал к великому братству храма Дзионене, буддистского монастыря, который известен не только в Японии, но и по всему Тибету и Китаю. Никакой другой монастырь не почитается так высоко в Киото. Монахи этого братства принадлежат к секте Дзено-доо и считаются самыми учеными среди множества монашеских братств, славящихся своей эрудицией. Более того, они тесно сотрудничают с ямабуши (аскетами или отшельниками), которые следуют доктринам Лао-цзы. Так что нет ничего удивительного в том, что малейший намек на интерес с моей стороны вызвал у священника поток столь высокой метафизики. С ее помощью он надеялся излечить меня от неверия.

Здесь нет необходимости повторять длинную и сложную систему самого безнадежно запутанного и непостижимого из учений. Согласно его мировоззрению, нам необходимо тренировать себя для духовной жизни в мире ином так же, как можно тренироваться в гимнастике. Продолжая аналогию между храмом и "духовным уровнем" он попытался проиллюстрировать свою мысль. Сам он работал над собой в храме Духа две трети своей жизни и каждый день несколько часов посвящал созерцанию. Он знал, что после того, как он сбросит с себя свое смертное одеяние, то есть то, что он называет "обычной иллюзией", в своем духовном сознании он сможет снова и снова пережить чувство облагораживающей радости и божественного счастья, которые он уже испытал, пребывая в храме Духа, или которые должен был испытать там, только после смерти они будут в сотни раз сильнее. Он много работал над собой на духовном уровне, как он говорил, поэтому надеялся, что будущее справедливо заплатит ему за труды.

– Но, предположим, что, как и в том примере, о котором мы говорили, работающий только приоткрыл дверь храма и заглянул туда из простого любопытства. Он заглянул в святилище и никогда больше не переступал порога. Что тогда?

– Тогда, – ответил он, в вашем будущем самосознании останется только это краткое мгновение, мгновение открываемой двери и ничего более. Наша жизнь после смерти повторяет и производит только те впечатления и чувства, которые были у нас в мгновения духовной жизни. Таким образом, если вы, заглянув на мгновение в жилище духа, таили в своем сердце гнев, ревность или боль вместо смиренного почитания, тогда ваша будущая

духовная жизнь, по правде говоря, будет печальной. В ней нечего будет воспроизвести кроме того самого мгновения, когда вы открыли дверь в порыве гнева или просто дурного настроения.

– Каким образом это будет повторяться? – настойчиво спросил я его в сильном изумлении. – Что же, по-вашему, со мной случится перед тем, как мне снова придется воплотиться?

– В этом случае, – проговорил он медленно, взвешивая каждое слово, – вам придется, скорее всего, открывать и закрывать дверь храма снова и снова, и время, которое уйдет у вас на это закрывание и открывание двери, вам покажется вечностью.

Такое занятие после смерти показалось настолько забавно-гротескным и бессмысленным, что меня потряс совершенно непроизвольный сильнейший приступ смеха.

Мой почтенный друг был сильно напуган, увидев последствия своего урока метафизики. Очевидно, он не ожидал от меня такого буйного веселья. Однако он ничего не сказал, а со все усиливающимися добротой и жалостью, которые светились в его узких глазах, продолжал смотреть на меня.

– Прошу вас, простите мне этот смех, – извинился я, – но скажите, неужели вы со всей серьезностью заявляете мне, что то самое "духовное состояние", которое вы проповедуете, и в которое так твердо верите, заключается в том, что мы будем повторять некоторые вещи, которые делали в реальной жизни?

– Нет, нет, не повторять, но усиливать их повторение, заполняя промежутки между поступками и делами, совершенными нами на духовном уровне, единственно реальном уровне существования. Я всего лишь привел пример, и без сомнения для вас, как и для всякого человека, совершенно незнакомого с таинствами видения души, мой рассказ был не очень понятен. Я сам во всем виноват... Я просто хотел показать вам, что в духовном состоянии наше состояние освобождается от тела, и что это состояние есть плод каждого духовного поступка, совершенного в земной жизни, и, если такой поступок лишен духовности, мы не можем ожидать никаких других результатов, кроме повторения самого поступка, вот и все. Я молю богов о том, чтобы они избавили вас от таких бесплодных дел и помогли вам в конце концов увидеть определенные истины. – И затем, после обычной японской церемонии прощания этот прекрасный человек ушел.

Увы, увы, если бы я только знал тогда то, что знаю сейчас, мне бы и в голову не пришло смеяться. И как много я смог бы узнать!

Но чем сильнее становились мои привязанность и уважение к этому человеку, тем в меньшей степени я был способен смириться с диким учением о жизни после смерти и особенно с его словами о людях, которые обрели сверхъестественное могущество. Особое отвращение вызывало во мне его почтительное отношение к ямабуши, этим союзникам каждой буддистской секты в стране. По моим представлениям их претензии на чудодействие были ложью. Тогда, по крайней мере, я никак не мог примириться с тем, что каждый японец, которого я знал в Киото, даже мой собственный деловой партнер, а это был самый проницательный из всех, с кем мне приходилось сталкиваться на востоке, всегда упоминал этих последователей Лао-цзы с глазами, опущенными долу, почтительно сложив руки, каждый раз подтверждая то, что они обладают "великим" и "чудесным" даром. Да кто они в конце концов, эти великие волшебники с их смехотворными претензиями на "сверхмирные" знания?! Кто они такие, эти "святые нищие", которые, как я считал тогда, специально живут в расщелинах малонаселенных гор и на недоступных скалах, чтобы застраховать себя от случайных прохожих, которые смогут обнаружить их шарлатанство, наблюдая за ними в их собственном логове! Да это же просто наглые гадальщики, японские цыгане, которые продают амулеты и талисманы! Вот кто они такие. И с наибольшей яростью и самым твердым убеждением в своей правоте я спорил с теми, кто пытался убедить меня, что ямабуши живут загадочной жизнью, никогда не допуская непосвященных в свои тайны. Но иногда они все-таки принимают учеников, и, хотя быть учеником ямабуши очень трудно, такие люди есть, и поэтому у ямабуши есть живые свидетели, которые могут подтвердить величественную чистоту их жизни. В своих спорах я оскорблял и учителей, и учеников, называя их дураками, если не мошенниками, и доходил в своей ярости до того, что включал их в ряды членов Синто. Синтоизм или Син-Сын, вера в богов или в путь к богам – это вера в общение между божественными существами и людьми. Как религиозное течение синтоизм

напоминает поклонение духам природы, и с этой точки зрения, пожалуй, ничего не может быть глупее. Поместив всех членов общества Син-Сын среди дураков и мошенников других сект, я приобрел множество врагов. Это произошло потому, что Синто Кануси (духовные учителя) считаются наивысшим классом общества и сам Микадо стоит во главе их иерархии. В их секту входят самые культурные и образованные люди Японии. Эти кануси секты Синто не принадлежат к какой-то одной касте или классу. Кроме того, они не проходят никакого обряда посвящения, по крайней мере, известного тем, кто не принадлежит к этому обществу. Поскольку они никогда не требуют для себя особых привилегий и прав, а одеваются так же, как и все остальные непосвященные, очень часто для окружающих они остаются профессорами или студентами, изучающими различные оккультные или духовные науки, поэтому я очень часто встречался и разговаривал с ними, даже не подозревая о том, с кем имею дело.

II
ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Прошли годы. Со временем мой неистребимый скептицизм усиливался и становился яростнее день ото дня. Я уже говорил о своей старшей любимой сестре, моей единственной родственнице, оставшейся в живых. Она вышла замуж и недавно переехала жить в Нюрнберг. Я относился к ней скорее как к дочери, чем как к сестре: ее дети были так же дороги мне, как если бы они были моими собственными. Когда в течение нескольких дней мой отец потерял все свое состояние, а у матери не выдержало сердце, именно моя старшая сестра стала ангелом-хранителем нашей бедной семьи. Из любви ко мне, младшему брату, она делала все, чтобы оплатить мою учебу, отказываясь от личного счастья. Она пожертвовала собой ради близких людей, помогая отцу и мне, до бесконечности откладывала свою свадьбу. Как я любил и почитал ее! Время только усиливало мои семейные чувства. Те, кто считает, что атеист вообще не способен быть настоящим другом, любящим родственником или верным подданным, произносят сознательно или бессознательно величайшую клевету и ложь. Это огромная ошибка говорить, что материалист с годами ожесточается, что он не может любить так, как любит человек, верующий в Бога.

Правда, бывают и исключения, но, как правило, люди, о которых идет речь, больше самолюбивы, чем скептичны, или просто грубо чувственны. Но если человек добродушен по своей природе, и у него нет никаких мотивов, кроме любви к разуму и истине, и если такой человек становится атеистом, его семейные чувства, любовь к близким ему людям только усиливаются. Все его эмоции и страстные желания, которые у людей религиозных вдохновляются невидимым и недостижимым, вся его любовь, которая в противоположном случае была бы без всякой пользы отдана воображаемому небу и божеству, обитающему на этом небе, у атеиста концентрируется и удесятеряется, направляясь целиком на тех, кого он любит, и на человечество. В самом деле, только сердце атеиста

...может знать,
Таинственное тихое течение
Любви двух братьев...

Именно братская любовь заставила меня пожертвовать личными удобствами и благосостоянием, чтобы сделать сестру счастливой, чтобы принести радость той, которая стала мне ближе матери. Я был совсем мальчишкой, когда оставил свой дом в Гамбурге, и работал с отчаянной серьезностью человека, который преследует одну единственную благородную цель – избавить от страданий тех, кого любит. Я очень скоро завоевал доверие своих работодателей, и они предоставили мне высокий пост, на котором я пользовался их полным доверием. Моей первой настоящей радостью и наградой стало замужество моей сестры. Я был рад помочь им в борьбе за существование. Моя любовь к ним была такой чистой и бескорыстной, что, когда мне довелось увидеть ее детей, любовь эта, вместо того, чтобы ослабнуть, разделившись между столькими членами семьи, казалось, стала еще сильнее. Мои чувства к сестре, которые питались способностью к глубоким и теплым привязанностям в семейном кругу, были так велики, что мне и в голову никогда не

приходила мысль зажечь священное пламя любви перед каким-либо другим кумиром. Семья моей сестры была единственной церковью, которую я признавал, и единственным храмом, в котором я совершал обряды поклонения перед алтарем святой семейной любви и привязанности. По существу, с Европой меня связывала только ее семья из одиннадцати человек, включая мужа. За все эти годы, а точнее за девять лет, я дважды пересекал океан с единственной целью – увидеть и прижать к своему сердцу дорогих мне людей. Мне больше нечего было делать на Западе, и, исполнив эту приятную обязанность, я всякий раз возвращался в Японию, чтобы не покладая рук трудиться ради их счастья. Ради них я оставался холостяком, чтобы богатство, которое я смогу собрать, перешло к ним целиком.

Мы переписывались с сестрой настолько часто, насколько позволяла длительность путешествия на почтовом пароходе и нерегулярность сообщения с Японией. Вдруг письма из дома перестали приходить ко мне. Почти год я не получал никаких вестей. День ото дня я становился все беспокойнее, предчувствие величайшего несчастья постепенно овладело мной. Напрасно искал я в почте какую-нибудь весточку от родных, хотя бы в несколько слов. Все мои попытки как-то объяснить это молчание были бесполезны.

– Друг мой, – сказал мне однажды Тамоора Хидейери, единственный человек, которому я доверял свои печали. – Друг мой, попросите совета у святого ямабуши, это успокоит вас.

Разумеется, я отказался от его предложения со всей сдержанностью, на какую был способен. Но пароход приходил за пароходом, а новостей для меня не было. Я чувствовал, что мое отчаяние усиливается с каждым днем. В конце концов оно превратилось в непреодолимую страсть, в отвратительное, болезненное желание узнать – пусть даже самое худшее, как мне тогда казалось. Я долго боролся с отчаянием, но оно оказалось сильнее меня. Всего несколько месяцев назад я прекрасно владел собой, теперь же я стал рабом отвратительного страха. Как философ-фаталист, последователь Гольбаха, я всегда считал необходимость всего происходящего единственной причиной и основой философского счастья. Именно необходимость помогает обуздывать человеческую слабость. И вот теперь я, философ-фаталист, желал испробовать нечто такое, что сродни гаданию! Дело зашло так далеко, что я забыл первейший принцип своего философского учения – все в этом мире необходимо. Это единственный принцип, который должен утешать нас в печали и вдохновлять на благотворную покорность, на разумное подчинение законам слепой судьбы, против которых так часто бунтуют наши глупые чувства. Да, я забыл этот принцип, и меня охватило позорное суеверное желание, глупое и низкое желание узнать если не будущее, то по крайней мере то, что происходит на другой стороне земного шара. Мое поведение, характер и интересы совершенно изменились. И вот я, как слабонервная девчонка, однажды поймал себя на мысли, что пытаюсь, напрягая свой мозг до безумия, увидеть – говорят, что у некоторых это получается – то, что происходит за океаном и узнать, наконец, реальную причину этого долгого необъяснимого молчания!

Однажды вечером, на закате, мой старый друг, почтенный Тамоора появился на веранде моего низенького деревянного дома. Я не заходил к нему несколько дней, и он пришел узнать, как я себя чувствую. Я воспользовался возможностью еще раз посмеяться над тем, кого на самом деле очень любил и уважал. Довольно двусмысленным тоном, в котором я раскаялся до того, как успел произнести свой вопрос, я спросил, зачем ему понадобилось утруждать свои ноги и идти ко мне, когда он мог просто спросить о моем состоянии какого-нибудь ямабуши. Поначалу он, казалось, обиделся, но, внимательно посмотрев на мое расстроенное лицо, он мягко заметил, что может только еще раз предложить то, что он мне советовал уже раньше. Только один из ямабуши, этого святого монашеского ордена, может утешить меня в моем теперешнем состоянии.

Тогда мною овладело безумное желание бросить ему вызов, заставить его делом доказать свои слова. Я сказал ему, чтобы он привел кого-нибудь из этих так называемых волшебников, и пусть тот назовет мне имя человека, о котором я думаю, и расскажет, что этот человек делает в данный момент. Он тихо ответил, что мое желание легко удовлетворить. Всего в двух домах от моего дома ямабуши пришел навестить больного Синто, он может привести его ко мне, если только я пожелаю.

Я пожелал, и участь моя была решена.

Как мне найти слова, способные описать последовавшую сцену! Через двадцать минут передо мной стоял величественный старик, необычайно высокий для японца. Он был бледен и худ. Вместо ожидаемого раболепного смирения, я увидел в нем спокойное достоинство. Всякий, кто сознает свое нравственное превосходство с равнодушным презрением смотрит на ошибки других. Он не отвечал на мои насмешливые непочтительные вопросы, которые я лихорадочно задавал ему один за другим. Он молча смотрел на меня, как врач на бредящего пациента; когда его глаза остановились на мне, я почувствовал, или скорее увидел, как яркий и острый луч света, словно серебряная нить, вырвался из черных узких глаз, глубоко посаженных на его желтом лице. Этот луч или нить, казалось, проникли в самый мой мозг и сердце, как стрела, и начали извлекать оттуда мои мысли и чувства. Да, я видел и чувствовал это, и очень скоро это стало невыносимым.

Я не выдержал и с вызовом в голосе предложил рассказать мне, что он прочитал в моих мыслях. Он спокойно и правильно ответил на мой вопрос: меня беспокоила, чрезвычайно беспокоила судьба родственницы, ее мужа и детей. Он правильно описал мне их дом, как будто знал этот дом так же хорошо, как и я. Я бросил подозрительный взгляд на своего друга, бонзу, который мог заранее рассказать все это ямабуши. Однако я вспомнил, что Тамооре не было известно, как выглядит дом моей сестры, а японцы, как правило, правдивы и остаются друзьями до самой смерти. Мне стало стыдно за свое подозрение. Чтобы как-то загладить вину перед собственной совестью, я спросил у отшельника, не мог бы он рассказать мне, что сейчас происходит с моей любимой сестрой. "Иностранец, – ответил он мне, – не поверит ни чьим словам и никаким знаниям из чужих уст. Если ямабуши скажет мне, то впечатление от его слов рассеется через несколько часов и спрашивающий будет таким же несчастным, как и раньше. Есть только один выход: нужно сделать так, чтобы иностранец увидел все своими глазами и сам узнал истину. Готов ли спрашивающий к тому, что неизвестный ему ранее ямабуши приведет его в необходимое состояние?"

Я слышал в Европе о загипнотизированных сомнамбулах и других мошенниках, претендующих на дар ясновидения и, поскольку я в них не верил, я не имел ничего против самой процедуры гипноза. Несмотря на непрекращающуюся душевную боль, я не смог удержаться от улыбки при мысли об операции, которая мне предстояла и на которую я шел по своей охоте. Тем не менее, я с молчаливым поклоном выразил свое согласие.

III
ПСИХИЧЕСКАЯ МАГИЯ

Старый ямабуши не терял время даром. Он посмотрел на заходящее солнце и увидел, вероятно, что владыка Тен-Джио-Дай-Дзио (Дух, бросающий Лучи) благоприятствует надвигающейся церемонии, и быстро вынул из своей одежды небольшой узелок. В нем лежали лакированная шкатулка, кусочек зеленоватой бумаги, сделанной из коры тутового дерева и перо, которым он написал несколько предложений иероглифами. Эти иероглифы – Найдэн – использовались в специальном письменном языке для религиозных и этических целей. Закончив, он вынул из складок одежды маленькое круглое зеркальце, сделанное из стали удивительной чистоты и, поместив зеркало перед моими глазами, попросил посмотреть в него.

Я не только слышал об этих зеркалах, которые часто используются в храмах, но и часто видел их. Считается, что под управлением и по воле умелого жреца в них может появиться Дайдж-Джин, великий дух, который сообщает спрашивающим их судьбы. Поначалу я вообразил, что он намеревается вызвать такого духа, который ответит на мои вопросы, однако случилось нечто совсем иное.

Не без некоторого отвращения в душе, вызванного глубоким чувством глупости того занятия, которому предаюсь, я прикоснулся к этому зеркалу и внезапно испытал странное ощущение в предплечье руки, которой держал зеркало. На короткое мгновение я забыл о своей позиции презрительного наблюдателя и не мог с насмешкой относиться к происходящему. Неужели это страх овладел моим мозгом на мгновение парализуя его,

...тот страх, что сердце жжет
Желающее знать о том, что смерть несет.

Нет, я продолжал убеждать себя, что из этого эксперимента ничего не выйдет, что вообще ни один разумный человек не может поверить в такое. Что же это было? Какое-то странное ледяное существо проползло в моем сознании и вызвало в моей душе чувство невыразимого ужаса, как будто ядовитая змея впилась в мое сердце. Моя рука судорожно дернулась и я уронил зеркало – краснея от стыда, не могу добавить эпитет волшебное – и никак не мог заставить себя поднять его с кушетки. На какое-то мгновение во мне происходила ужасная борьба между неопределенными и совершенно для меня непонятными силами, между желанием заглянуть в глубины этого полированного зеркала и моей гордыней, которую, казалось, ничто не могло победить. В конце концов желание посмотреть возобладало, и мятеж гордыни был подавлен желанием бросить вызов ей же самой. На лакированном столике лежала книжка европейского романа, она была открыта. Мой взгляд случайно упал на ее страницы, и я прочел слова: "Покров, скрывающий от нас будущее, соткан любящей рукой". Этого было достаточно. Гордыня, до сих пор удерживавшая от унизительного суеверного эксперимента, теперь заставила меня бросить вызов судьбе. Я поднял зловеще сверкающий диск зеркала и приготовился заглянуть в него.

Пока я рассматривал зеркало, ямабуши сказал несколько слов Тамооре, и я тут же бросил на них украдкой подозрительный взгляд. Я снова ошибся.

– Святой человек желает, чтобы я задал вам вопрос и в то же время предупредил вас: если вы сами хотите увидеть свое будущее, вы увидите. Но вам придется подвергнуться очищению под угрозой наказания видеть свое будущее всегда, видеть все, что происходит на любом расстоянии и часто против вашей воли или желания. Итак, под угрозой такой кары вам придется вынести процедуру очищения, после того, как вы узнаете то, что вы хотите.

– В чем же состоит эта процедура и что мне придется пообещать, – вызывающим тоном спросил я.

– Вы должны это сделать ради себя самого. Вы должны пообещать ему подвергнуться обряду очищения, иначе всю оставшуюся жизнь ему придется нести ответственность перед своей совестью за то, что он превратил вас в безответственного провидца. Вы сделаете это, друг мой?

– У нас еще будет время подумать над этим, если я увижу что-нибудь, – с издевкой ответил я, добавив про себя – в чем я глубоко сомневаюсь.

– Ну, что же, друг мой, вас предупредили. Теперь вся ответственность за последствия ляжет на вас, – услышал я его торжественный ответ.

Я взглянул на часы и сделал нетерпеливый жест. Ямабуши заметил это и правильно понял его. Было ровно семь минут шестого.

– Определите точно в уме, что именно вы хотите увидеть и узнать, – сказал мне "колдун", подавая в руки зеркало и кусочек бумаги и объясняя, что мне с этим нужно делать.

Я выслушал его объяснения скорее с нетерпением, чем с благодарностью, и на какое-то мгновение сомнение снова овладело мной. Тем не менее, я ответил ему, устанавливая зеркало в нужном положении.

– Я хочу только одного: узнать причину или причины, по которым моя сестра внезапно перестала писать мне...

Произносил ли я эти слова в действительности при двух свидетелях или только подумал об этом? По сей день я не могу решить, как было дело. Теперь я наверняка помню только одно: пока я сидел и смотрел в зеркало, ямабуши пристально смотрел на меня. Продолжалось ли это полсекунды или три часа, я так до сих пор не могу определить. Я помню каждую мелочь вплоть до того момента, когда я взял в левую руку зеркало, а бумагу с написанными на ней мистическими иероглифами зажал между большим и указательным пальцами правой руки. В этот самый момент я вдруг потерял контакт с окружающими предметами. Переход от активного бодрствующего состояния в то состояние, которое никогда раньше не испытывал, я ни с чем не могу сравнить. Все произошло очень быстро. Хотя мои глаза вдруг потеряли из виду бонзу, ямабуши, мою собственную комнату, тем не менее я четко видел свою голову и часть спины, так как сидел перед зеркалом, наклонившись. Потом вдруг возникло сильное ощущение непроизвольного рывка вперед, отрыва от чего-то, от того места, где я сидел, я бы сказал, отрыва от своего тела. И тогда, хотя все мои чувства были полностью парализованы, мои глаза, или, по крайней мере, мне показалось, что это были мои глаза, увидели такое четкое и ясное изображение нового дома

моей сестры в Нюрнберге, какое они никогда не могли увидеть в действительности, поскольку я никогда не был у сестры в этом доме и был знаком с ним только по рисунку в письме. Кроме того, там были неизвестные мне детали пейзажа и обстановки. Одновременно мой мозг заполняло то, что очень походило на последние вспышки уходящего сознания – наверно, умирающие должны чувствовать себя так же. Последняя смутная мысль промелькнула у меня в голове. Мне казалось, что я выгляжу, наверное, очень смешным... Однако, это "чувство", поскольку это было скорее чувство, чем мысль, вскоре прервалось, как будто внезапно погасло. Его закрыл внутренний образ (я не могу назвать это иначе) меня самого или, по крайней мере, того, что я считал собой, точнее, своим телом, которое лежало с посеревшим лицом на кушетке, словно мертвое, не способное отозваться ни на какое проявление внешней жизни, но все еще уставившееся холодным остекленевшим взглядом трупа в зеркало. Наклонившись над моим телом, стоял высокий ямабуши, протянув свои иссохшие руки перед собой и разрезая ими воздух над моим бледным лицом. В это мгновение я почувствовал непреодолимую, смертельную ненависть к этому человеку. Когда мне показалось, что я уже готов был броситься на этого подлого шарлатана, мой труп, комната и все, что в ней было, задрожали и заблистали в красноватом мерцающем свете и быстро поплыли от "меня" прочь. Перед моим "зрением" промелькнуло еще несколько гротескных искаженных теней, и вот с последним угасающим всплеском ужаса, невероятным усилием пытаясь понять, кто же я теперь, я почувствовал, что на меня опускается огромный занавес темноты, который покрыл меня своим могильным саваном и последние мысли умерли во мне.

IV
УЖАСНЫЕ ВИДЕНИЯ

Как странно!.. Куда я попал?! Очевидно, я снова пришел в себя, так как вдруг ясно почувствовал, что быстро перемещаюсь вперед, испытывая удивительное ощущение, будто плыву без всякого усилия с моей стороны, плыву в полной темноте. Первой мне пришла в голову мысль о том, что я попал в длинный подземный поток воды, земли и душного воздуха и, хотя телесных ощущений, которые могли бы подтвердить присутствие вышеназванных субстанций, у меня не было, я попытался произнести несколько слов, повторить мою собственную последнюю фразу: "Я хочу только одного: узнать причину или причины, по которым сестра так неожиданно перестала писать мне", – но услышал я только последнее слово – "узнать", и даже это последнее слово донеслось до меня не из моего горла, а как бы догоняя меня будто мой голос раздавался со стороны, вне меня, рядом со мной, но не во мне, короче говоря, мои слова были произнесены моим голосом, но не моими губами...

Еще один быстрый невольный рывок, еще одно погружение в киммерийский мрак, неизвестной, по крайней мере для меня, стихии, и я увидел, что стою, действительно стою над землей. Земля тесно и плотно окружала меня со всех сторон: наверху и внизу, справа и слева, и в то же время земля не давила на меня и казалась нематериальной и прозрачной для моих органов чувств. На мгновение я осознал совершенную абсурдность, даже невозможность такого ощущения! Прошла секунда, и я увидел... С каким невыразимым ужасом вспоминаю я сейчас это! Тогда я чувствовал, понимал и запоминал события яснее, чем когда-либо. Они, казалось, не могли волновать меня. Я увидел у своих ног гроб. Это была простая, без претензий, домовина из досок, последняя обитель бедняка, в которой, несмотря на забитую крышку, я ясно увидел ужасный ухмыляющийся череп и скелет мужчины, изуродованный и разбитый во многих местах, будто его вынесли из какой-то тайной пыточной давно забытой инквизиции, где его подвергли истязаниям. – Кто бы это мог быть? – подумал я.

И в этот самый момент я услышал издалека тот же голос, мой собственный голос: – Причину или причины, по которым... – говорил он. Казалось, что эти слова последовали за тем самым предложением, которое я только что повторил, услышав одно слово – "узнать". Этот голос прозвучал очень близко, и в то же время невозможно было определить, с какого расстояния он доносится. Тогда мне и в голову не пришло, что мое долгое путешествие и последующие размышления и открытия произошли в одно мгновение. Все случилось в тот самый короткий промежуток, почти мгновенный, промежуток времени между первыми и

серединными словами моего вопроса, который я начал, хотя, может быть, и не успел произнести в своей комнате, и который я только сейчас кончал прерывистыми фразами, доносившимися до меня как верное эхо моих слов и моего голоса...

Отвратительные, изуродованные останки начали принимать форму и стали походить, увы, на слишком знакомого мне человека. Переломанные, разбитые части соединялись, снова обрастали плотью, и с некоторым удивлением, но не испытывая никаких чувств, я узнал в этих изуродованных останках мертвого мужа моей сестры, моего единственного зятя, которого я так любил. – Как могло случиться, что он умер такой ужасной смертью? – спросил я себя. В моем состоянии задать себе вопрос – значило немедленно ответить на него. Не успел я задать его, как передо мной начала разворачиваться панорама. Я увидел ретроспективную картину смерти бедного Карло, увидел ее со всей отвратительной ясностью и в ужасных подробностях, которые оставили меня совершенно равнодушным. Вот он, дорогой мне человек, полон жизни и радости. Он ожидает повышения в должности и соответственно зарплаты от своего шефа. И вот он берется осмотреть и испытать новую лесопилку, огромную паровую машину, которая только что прибыла из Америки. Он наклоняется внутрь механизма, чтобы рассмотреть его получше и затянуть какой-то винт, шестерни цепляются за одежду и затягивают его внутрь машины, его члены с треском ломаются, почти отрываясь от тела, прежде чем рабочие, незнакомые с новой машиной, успевают ее остановить. Вот его, вернее то, что осталось от него, мертвого, изуродованного, вынимают из машины. Это ужасная, неузнаваемая масса трепещущей плоти! Я следую за его останками, которые в тележке доставляют в больницу. Несущим его рабочим приказывают задержаться и известить родных о его гибели. Я следую за ними и вижу ничего не подозревающую семью, которая тихо ожидает его прихода. Я вижу свою дорогую любимую сестру. Я остался совершенно равнодушен, увидев ее. Единственное, что я чувствую, это острый интерес к тому, что сейчас должно произойти. Мое сердце, мои чувства, даже моя личность словно исчезли куда-то и то, что осталось, принадлежит кому-то другому.

И вот я вижу, как она без всякой подготовки узнает страшную весть. Я ясно понимаю, как на нее действует этот удар. Я все вижу, за всем слежу и все запоминаю до мельчайших подробностей, все ее чувства, и даже тот внутренний процесс, который происходит в ее мозгу. Когда труп подносят к дому для опознания, я слышу долгий мучительный вопль, слышу собственное имя, произнесенное тем же голосом, и тяжелый удар живого тела, упавшего на останки. Я с любопытством слежу за внезапным возбуждением и смятением, которое охватило ее мозг. Я смотрю как резко усиливаются червеобразные резкие движения трубчатых волокон, как мгновенно изменился цвет головных окончаний нервной системы, когда волокнистое нервное вещество из белого быстро стало красным, потом темно-красным с синеватым отливом. Я замечаю внезапную вспышку фосфорического света и его мгновенное угасание, за которым последовала полная темнота, где-то в области памяти, как пятно света, которое походило на человеческую фигуру, внезапно вытекло из ее затылка, расползлось и, теряя форму, рассыпалось и исчезло в окружающей темноте. Я говорю себе: "Это безумие, пожизненное, неизлечимое безумие, поскольку основа разума не временно парализована или погашена, а навсегда покинула головной мозг, выбитая оттуда огромной силой внезапного душевного удара... разрушена связь между животной и божественной сущностью..." И когда непривычный для меня термин – "божественная" – раздается у меня в мозгу, моя "мысль" смеется.

Вдруг я слышу, как далекий и в то же время близкий голос произносит рядом со мной слова, четко выделяя каждое из них: "Почему моя сестра так внезапно перестала писать". ... И прежде, чем два последних слова завершили фразу, я вижу цепь печальных обстоятельств, последовавших за катастрофой.

Я вижу свою сестру, теперь превратившуюся в беспомощного, ничего не понимающего идиота. Ее поместили в приют для душевнобольных при городской больнице. Семеро младших детей были приняты в приют для бедных. Двух старших я любил больше всех. Мальчика пятнадцати лет берет с собой в плавание капитан торгового судна, а его младшую сестру, на год его моложе, принимает в свой дом старая еврейка. Я вижу эти события во всех ужасных и волнующих подробностях, я запоминаю каждое из них в деталях, но ум мой остается совершенно холодным.

Заметьте, когда я употребляю такие выражения как "ужасный" и так далее, их следует понимать как последующую оценку увиденного. Во время описываемых событий я не испытывал ни боли, ни радости, мои чувства, казалось, были парализованы так же, как и мое ощущение внешнего мира. Только после "возвращения" я осознал непоправимость потери. Многое из того, что я так страстно отрицал тогда, теперь, благодаря собственному печальному опыту, я должен признать. Если бы мне сказали в то время, что человек может действовать, думать или чувствовать независимо от его мозга или органов чувств, скорее благодаря какой-то таинственной, по сей день непонятной силе, если бы кто-то сказал мне, что меня в уме могло перенести за тысячи миль от моего тела, чтобы я стал свидетелем не только настоящего, но и прошедшего и запомнил увиденное, поместив его в свою память – я бы, наверное, объявил этого человека сумасшедшим. Увы, теперь я уже не смог бы сделать этого, потому что теперь я сам стал тем самым "сумасшедшим". Десять, двадцать, сорок раз в течение всей этой несчастной жизни мне пришлось испытать и пережить такие моменты существования вне моего тела. Да будет проклят тот час, когда эта ужасная сила была пробуждена во мне! У меня даже нет последнего утешения: отнести эти события к душевной болезни. Когда сумасшедшие бредят и видят то, чего нет, они видят это в том мире, к которому они не принадлежат. Мои же видения всегда оказывались точными. Но вернемся к моему печальному рассказу...

Едва я увидел, как моя несчастная племянница попала в свой новый еврейский дом, я почувствовал толчок примерно такого же рода, как и тот, что отправил меня "вплавь сквозь недра земли". Я открыл глаза уже в своей комнате, и первое, на чем остановился мой взгляд, были часы. Стрелки на циферблате показывали семь с половиной минут шестого! Таким образом, я испытал все, что можно рассказать только за несколько часов, всего-навсего за полминуты.

Но это я понял позже. На какое-то мгновение я позабыл только что увиденное. Промежуток времени между взглядом на часы и тем движением, которым я взял зеркало из рук ямабуши, казалось, слилось в одно мгновение. Я уже собрался открыть рот и поторопить ямабуши, когда память полностью восстановилась в моем мозгу, вспыхнув, как разряд молнии. Издав вопль ужаса и отчаяния, я вдруг почувствовал себя так, словно весь мир обрушился на меня и вот-вот раздавит. Какое-то мгновение я не мог произнести ни слова, представляя собой картину человека, раздавленного и живущего в мире смерти и опустошения. Мое сердце сжалось от боли, моя судьба свершилась, и безнадежная тоска, казалось, простиралась передо мной до самого конца моей жизни.

V
ВОЗВРАЩЕНИЕ СОМНЕНИЙ

Затем последовала реакция на страдание, такая же отчаянная, как и сама печаль. Сомнение возникло в моем мозгу, яростное желание опровергнуть истинность только что увиденного. Меня охватило упрямое желание считать все это пустым бессмысленным сном, результатом нервного перенапряжения. Да, это было всего лишь лживое видение, глупый обман чувств, которые вызвали в моем воображении картины смерти и несчастий после долгих недель неопределенности и нервной депрессии.

– Как я мог увидеть человека за какие-то полминуты? – воскликнул я. – Чтобы все объяснить вполне достаточно теории сновидений и того, что она говорит о скорости, с которой происходят материальные изменения в нашем мозгу, точнее, о той скорости, с которой возбуждаются его полушария, поскольку наши мысли зависят от этих изменений. Только во сне временные и пространственные отношения могут так легко устанавливаться и уничтожаться. Ямабуши тут совершенно ни при чем. Что же касается моего крайне неприятного кошмара, то монах просто пожинает то, что было посеяно мною. Он воспользовался каким-то адским средством, известным его племени, и ухитрился сделать так, что я на несколько секунд потерял сознание и увидел сон, такой лживый и отвратительный. Прочь все мысли о том, что я увидел. Я им не верю. Через несколько дней в Европу отправится пароход... Я отправлюсь туда завтра же!

Я произнес этот отрывистый монолог вслух, не обращая внимания на моего уважаемого друга бонзу Тамоору и ямабуши. Последний стоял передо мной в той же позе, в

какой он подал мне в руки зеркало, и продолжал спокойно смотреть как бы сквозь меня. Молчание его было исполнено достоинства. Доброе лицо бонзы излучало сочувствие, когда он подошел ко мне, словно к больному ребенку, и ласково положив свою руку на мою, сказал мне со слезами на глазах: "Друг мой, вы не должны оставлять этот город до тех пор, пока полностью не очиститесь от контакта с низшими Дайдж-Джинами (духами), которых пришлось использовать для того, чтобы провести вашу неопытную душу в места, которые вы хотели увидеть. Итак, вход в ваше внутреннее существо должен быть закрыт, чтобы не было опасности их вторичного вторжения. Не теряйте же время и позвольте святому мастеру, стоящему перед вами, очистить вас немедленно".

В гневе всякий становится абсолютно глухим. "Сок разума" больше не мог погасить "пламя страсти". Я был не в состоянии прислушиваться к дружеским советам. Я не могу не вспоминать его лица с искренней любовью и, когда произношу его имя, у меня от волнения прерывается дыхание. Но в тот памятный час я чувствовал почти ненависть к этому доброму старику. Я не мог простить ему вмешательства в мои тогдашние дела, поэтому я ответил ему жестоким упреком. Я с гневом заявил, что не могу относиться к своему видению иначе, как к пустому, ничего не значащему, и считаю ямабуши ничем не лучше любого мошенника. – Я поеду завтра, даже если это будет стоить мне всего состояния, сказал я, побледнев от ярости и отчаяния.

– Вы будете сожалеть об этом всю свою жизнь, если уедете отсюда до того, как этот святой человек закроет входы в вашу душу, через которые могли бы проникнуть духи, следящие за людьми и готовые войти в открытые двери, – ответил он мне. – Дайдж-Джины овладеют вами.

Я оборвал его жестоким смешком и еще более грубо спросил его о гонораре, которого ожидал от меня ямабуши за проведенный эксперимент.

– Он не ожидает наград, – последовал ответ. – Орден, к которому он принадлежит, самый богатый. Его члены ни в чем не нуждаются, так как они стоят выше всех земных и корыстных страстей. Не оскорбляй же доброго человека, который пришел из простого сочувствия к твоему страданию и постарался избавить тебя от душевной боли.

Но я не стал прислушиваться к словам разума и мудрости. Дух мятежа и гордыни овладел мною и заставил отбросить всякое чувство дружбы и даже элементарного приличия. К счастью, когда я повернулся, чтобы выпроводить из своего дома лживого монаха, я обнаружил, что он уже ушел.

Я не видел, как он ушел, и отнес его тайный уход к страху разоблачения.

Каким же я был дураком, каким слепым самодовольным идиотом! Почему же я не смог признать силу ямабуши и увидеть, что покой всей моей жизни уходит вместе с ним? Но я действительно сделал эту ошибку, и даже подлый демон моего долгого страха за родных, демон неопределенности, теперь был побежден чувством свирепого скептицизма, самым глупым из всех чувств. Глухое болезненное неверие, упрямое нежелание верить в свидетельства моих собственных чувств и решительное желание считать мое видение всего лишь игрой утомленного воображения прочно овладели мной.

– Мой ум, – продолжал я спорить. – Что это? Должен ли я поверить вместе с другими суеверными и слабыми людьми, что этот продукт фосфора и серого вещества мозга действительно наивысшая часть моего существа; должен ли я поверить, что он может видеть и действовать независимо от моих органов чувств? Никогда! Так же, как я никогда не смогу поверить в "мудрость" планет астрологии или в "Дайдж-Джина" моего доверчивого и доброго друга-жреца. Как я могу признаться в том, будто верю, что Юпитер, Солнце, Сатурн и Меркурий – это действующие силы? И эти достойные силы управляют каждая своей сферой, и эти сферы заботятся о судьбах смертных? Разве могу я всерьез считать, что какие-то воздушные бестелесные образования могли руководить моей "душой" во время этого неприятного сновидения? Да я с отвращением смеюсь при одной только глупой мысли об этом. Я считаю это оскорбительным для моего интеллекта и для силы человеческого разума говорить о невидимых существах, о субъективных знаниях и тому подобных сумасшедших суевериях. Короче говоря, я попросил своего друга бонзу избавить меня от ненужных споров и тем самым сохранить нашу дружбу.

Вот так я безумно и страстно спорил с почтенным японцем, стараясь изо всех сил заставить его поверить в то, что внезапно сошел с ума. Но его поразительное терпение

оказалось более, чем равным моей глупой страсти. И он еще раз стал умолять меня ради будущего позволить провести над собой определенные и необходимые очистительные обряды.

– Никогда! Лучше жить в воздухе, разряженном почти до пустоты воздушным насосом здорового неверия, чем оставаться в тумане глупых суеверий, – возразил я ему, перефразируя слова Рихтера. – Я никогда не поверю, повторил я, – в этот сон, но поскольку я больше не могу выносить неопределенность в судьбе моей сестры и ее семьи, я вернусь в Европу первым же пароходом.

Это решение совсем расстроило моего старого знакомого. Его серьезнейшие мольбы не уезжать до тех пор, пока я снова не увижусь с ямабуши, остались без всякого внимания с моей стороны.

– Друг мой из чужой страны! – вскричал он, – я молю Бога о том, чтобы вам не пришлось раскаяться в своей поспешности и в своем неверии. Пусть же священное существо Кван-Он, богиня милосердия, защитит вас от Джинов, так как если вы отказываетесь от обряда очищения в руках святого ямабуши, он будет бессилен защитить вас от злых влияний, пробужденных вашим неверием и вызовом, брошенным вами истине. Но позвольте мне в час прощания просить, умолять вас выслушать старика, который желает вам добра и хочет предупредить об опасности, убедить вас в существовании вещей, о которых вы до сих пор ничего не знаете. Могу ли я говорить?

– Продолжайте и говорите все, что хотите сказать, – грубо согласился я. – Но позвольте предупредить вас в свою очередь, что ничего из того, что вы можете сказать сейчас, не сможет заставить меня поверить в ваши позорные суеверия, – добавил я с чувством жестокого удовольствия, которое доставило мне еще одно бессмысленное оскорбление.

Но этот прекрасный человек не обратил внимания на новые насмешки. Я никогда не забуду торжественной серьезности его прощальных слов и жалеющего, полного раскаяния выражения его лица, когда он понял, что все его просьбы бесполезны и его доброжелательное вмешательство только погубило меня.

– Прислушайтесь к моим словам, мой добрый господин, – начал он, – и узнайте, что если этот святой и почтенный человек, который открыл ваше "зрение души", чтобы избавить вас от переживаний, не завершит работу, ваша будущая жизнь вряд ли будет достойна называться жизнью. Ему нужно защитить вас от невольных видений такого же рода. Если вы не согласитесь на это по собственной воле, то останетесь во власти сил, которые будут держать и преследовать вас, доводя до безумия. Знайте, что "развитие дальнего видения" (ясновидение) доступно по собственной воле лишь тому, от кого у Матери Милосердия, великой Квон-Он нет тайн. Начинающие должны обращаться за помощью к воздушным силам (первоначальным духам), которые по природе своей бездушны и поэтому злобны. Знайте также, что Арихат (поражающий врага) подчинил эти существа себе, превратив их в своих слуг, и ему нечего бояться. Те же, кто над ними невластны, становятся их рабами. Нет, не смейтесь в своей великой гордыне и невежестве, но слушайте дальше. Во время видения и в то время, когда внутренние органы чувств видящего направлены на восприятие событий, которые его интересуют, Дайдж-Джин полностью овладевает им, если он, как и вы, неопытен, и в это время видящий перестает быть самим собой. Пока человек находится в этом состоянии, Дайдж-Джин, который направляет его внутренний взор, надолго делает его душу низкой и подлой, превращая его на этот промежуток времени в существо подобное ему самому. Лишаясь божественного света, человек становится бездушным. Пока он связан с Дайдж-Джином, он не будет знать человеческих чувств – ни жалости, ни страха, ни любви, ни милосердия.

– Подожди! – невольно воскликнул я, так как его слова ясно вызвали в моей памяти то равнодушие, с которым я смотрел на отчаяние сестры и внезапную потерю разума, которую она пережила во время моей галлюцинации. – Подождите... Ну нет, это было бы еще большим безумием для меня прислушиваться или искать какой-то смысл в вашей смехотворной истории! Но если вы знали, что это будет так опасно, почему вы посоветовали мне провести этот опыт? – добавил я насмешливо. – Опыт должен был продолжаться всего несколько секунд и не причинил бы вам никакого зла, если бы вы сдержали свое обещание и позволили провести обряд очищения, – последовал печальный и скромный

ответ. – Я желал вам добра, друг мой, сердце мое разрывалось при виде ваших страданий, которые усиливались с каждым днем. Этот опыт безвреден, если его проводит тот, кто знает, и становится опасным, когда последней предосторожностью пренебрегают. Тот самый Владыка Видений, который открыл вход вашей души, должен сам закрыть его, воспользовавшись особой печатью очищения, которая защищает от дальнейших, уже намеренных вторжений...

– Владыка Видений, вы только послушайте, – вскричал я, грубо обрывая его, – сказал бы лучше Владыка Обмана!

Его доброе старое лицо стало таким печальным, в нем была такая боль, что я понял, что зашел слишком далеко, но было поздно.

– В таком случае, прощайте! – сказал старый бонза, поднимаясь. И, совершив обычный церемониал вежливого прощания, Тамоора вышел из моего дома в молчании, исполненном достоинства.

VI
Я УЕЗЖАЮ, НО НЕ ОДИН

Несколько дней спустя я отплыл из Японии. Все это время я не видел моего почтенного друга бонзу. Очевидно, в тот последний, навеки памятный для меня вечер он был действительно серьезно обижен моим более чем непочтительным обхождением и оскорбительными замечаниями о человеке, которого он почитал. Мне было жаль его, но колесо страсти и гордыни непрерывно вращалось во мне и не позволяло хотя бы на мгновение почувствовать раскаяние. Что же это было, что заставляло меня так наслаждаться своим гневом? Как только я на какое-то мгновение забывал о предполагаемой обиде, которую нанес мне ямабуши, я тут же словно плеткой подхлестывал свой искусственный гнев. Ведь он совершил только то, что от него ожидали и то, на что я молчаливо согласился; более того, я сам лишил его возможности сделать для меня больше ради моей же собственной безопасности. Если бы я только поверил бонзе, человеку, которого считал совершенно честным и надежным. Может быть, это было сожаление о том, что моя гордость вынудила меня отказаться от предложенных предосторожностей, или страх раскаяния, который заставлял меня выкапывать и собирать в кучу в те долгие часы малейшие подробности предполагаемых оскорблений, которые были нанесены моей самоубийственной гордыне? Раскаяние, как правильно отметил один старый поэт, похоже на сердце, в котором они рождаются:

...когда в душе печаль и гордость,
Оно, как и анчар стрелой пронзенный,
Лишь кровью плачет.

Возможно, страх перед чем-то подобным стал причиной моего упрямства и, бросая мне вызов, позволил простить себе ничем не спровоцированные оскорбления, которыми я осыпал моего доброго и всепрощающего друга-жреца. Однако было уже поздно, и вернуть свои слова я уже не мог, поэтому мне пришлось удовлетвориться лишь тем, что я пообещал себе послать ему дружеское письмо, как только доберусь до дома. Глупцом, слепым глупцом, вдохновленным собственным наглым самодовольством, вот кем я был! Я был настолько уверен, что мое видение – результат какого-то трюка ямабуши, что уже злорадно предвкушал, с каким торжеством я напишу бонзе о том, что вполне справедливо отвечал на его печальные слова прощания улыбкой неверия, так как и моя сестра, и ее семья были здоровы и счастливы!

Я не провел в море и недели, как у меня появился повод вспомнить предупреждения жреца!

С того самого дня, когда я взглянул в волшебное зеркало, я обнаружил, что состояние моего организма резко изменилось, но поначалу я отнес все это на счет душевной депрессии, с которой я боролся в течение нескольких месяцев. Днем я часто обнаруживал, что вдруг теряю ощущение окружающих вещей и людей, как бы исчезаю. Мои ночи стали беспокойны. Сны подавляли меня, иногда они были ужасны. Я всегда был хорошим мореплавателем и морской болезни не испытывал, да и погода была хорошей, а океан был гладким, как пруд.

Несмотря на все это, я часто чувствовал странное головокружение, знакомые лица пассажиров приобретали в такие мгновения самый невероятный вид. Так например, молодой немец, с которым я был знаком и раньше, вдруг превратился на моих глазах в своего собственного отца, которого мы вместе с ним похоронили на маленьком кладбище европейской колонии три года назад. Мы стояли на палубе, говорили о покойном и о каком-то деле, которое он провел, когда мне вдруг показалось, что голову Макса Грюна покрыла какая-то странная пленка. Довольно плотный сероватый туман окружил его голову, он постепенно сгущался и оседал на здоровой коже его лица, превращая его голову в упрямую голову старика, которого я сам похоронил под шестью футами земли. В другой раз, когда капитан рассказывал о воре-малайце, которого он помогал поймать и посадить в тюрьму, я увидел рядом с ним желтое лицо какого-то негодяя, которое соответствовало описанию вора. Я никому не говорил о таких галлюцинациях. Поскольку они появлялись все чаще и чаще, меня это сильно обеспокоило, хотя я по-прежнему относил их к действию естественных причин, вроде тех, о которых я читал в книгах по медицине. Однажды ночью меня внезапно разбудил долгий и громкий вопль. Это был женский голос, жалобный и похожий на голос ребенка. В нем слышались ужас и бессильное отчаяние. Я вздрогнул и проснулся. Я увидел себя на суше в незнакомой комнате. Молодая девушка, почти ребенок, отчаянно боролась с сильным мужчиной средних лет, который неожиданно настиг ее в комнате, когда она спала. Я увидел, что за закрытой и запертой дверью стоит старая женщина, чье лицо, несмотря на злобное выражение, показалось мне знакомым. Я тут же вспомнил, кто это. Это было лицо той самой еврейки, которая взяла в свой дом племянницу во время видения в Киото. Она получила золото за участие в этом подлом преступлении и теперь выдерживала свою роль в этой сделке... Но кто же была жертва? О, невыразимый ужас! Несказанный ужас! Когда я вспомнил обо всем, вернувшись в нормальное состояние, я понял, что это была моя племянница, ребенок моей сестры.

Но так же, как и во время моего первого видения, я не чувствовал никакого отчаяния, никаких других чувств, которые заполняют сердце человека при виде несчастий тех, кого он любит. Меня возмутило только то, что сильный мужчина заставляет страдать слабого и беспомощного. Разумеется, я тут же бросился к ней на помощь и схватил это грубое и подлое животное за шею. Я вцепился в него, но мужчина не обращал на меня внимания и даже не чувствовал моих рук. Этот трус, видя, что девушка сопротивляется ему, поднял свою мощную руку с огромным кулаком и ударив по ее светлым кудрям словно тяжелым молотом, оглушил ее. Тогда, издав громкий вопль возмущения, который мог бы издать незнакомец при виде несчастья ребенка, а не вопль тигрицы, защищающей своего детеныша, я набросился на похотливого зверя и попытался удушить его. Только тогда я заметил, что сам я – призрак и борюсь тоже с призраком...

Мои громкие крики и проклятия разбудили весь пароход. Все решили, что у меня был кошмар. Я не пытался довериться кому-либо, но с того самого дня моя жизнь превратилась в длинную цепь душевных мук. Стоило мне только закрыть глаза, и я снова становился свидетелем какого-нибудь ужасного события, какого-нибудь несчастья, смерти или преступления, которые происходили в прошлом, настоящем и даже будущем, в чем я позже убедился сам. Казалось, будто какой-то насмешливый злобный дух решил заставить меня увидеть все звериное, злобное и безнадежное, что существует в этом несчастном мире. Ни одного светлого видения красоты или добродетели не нарушало тяжелый мрак в тех картинах страха и страдания, которые я, казалось, был обречен видеть. Сцены подлости и убийства, предательства и страсти постоянно возникали перед моим внутренним взором, и мне приходилось лицом к лицу сталкиваться с самыми низкими и грязными последствиями страстей человеческих, самыми ужасными результатами земных материальных желаний.

Предвидел ли бонза все эти отвратительные последствия, когда говорил о Дайдж-Джинах, для которых я оставил вход, открытую дверь в себя? Чепуха! Во мне, наверное, произошло какое-то необычное физиологическое изменение. Как только я окажусь в Нюрнберге и собственными глазами увижу, насколько лживы были мои страхи – я не смел думать о несчастье – все эти бессмысленные видения исчезнут так же быстро, как и появились. Одно то, что моя фантазия всегда представляет только картины несчастий, человеческих страстей в их худших материальных проявлениях, было для меня доказательством их нереальности. – Если, как вы говорите, человек состоит из одной

субстанции, из вещества, которое является объектом физических ощущений, и если сами способы получения этих ощущений есть только результат организации мозга, тогда мы естественным путем будем привлечены лишь к материальному, земному...

Тут мои размышления прервал знакомый голос бонзы. Он повторил аргумент, которым часто пользовался в спорах со мной.

– У людей есть две плоскости видения, – снова слышал я его слова, – плоскость неумирающей любви и духовных устремлений, которые проистекают из вечного источника света, и плоскость беспокойного, вечно меняющегося вещества, в котором купается блуждающий Дайдж-Джин.

VII
ВЕЧНОСТЬ В КОРОТКОМ СНОВИДЕНИИ

В те дни я вряд ли мог допустить хотя бы на мгновение глупой веры в существование каких-либо духов, добрых или злых. Но тогда я понял, хотя, может быть, еще и не поверил, что это означает. Я по-прежнему надеялся, что мое состояние окажется результатом какого-то физического расстройства или нервных галлюцинаций. Чтобы подкрепить свое неверие, я постарался восстановить в памяти все аргументы, которые выдвигались против подобных суеверий. Я вспомнил острый сарказм Вольтера, спокойные рассуждения Юма и до тошноты повторял про себя слова Руссо о том, что "суеверие – это нарушитель общественного порядка и с ним нельзя не бороться всеми силами". – Каким образом видения или, скорее, фантасмагории, – приводил я доводы, – то, что в состоянии бодрствования мы находим лживым, вообще оказывают на нас воздействие? Почему

Слова, где смысла нет,
Пугают тем, чего на свете нет?

Однажды старый капитан рассказывал нам о различных суевериях, которые бытуют среди моряков, и надутый английский миссионер заметил, что еще Филдинг объявил: "суеверия делают человека глупцом", после чего он на мгновение замялся и вдруг замолчал. Я не принимал участия в разговоре, но не успел почтенный миссионер произнести цитату, как я заметил в небольшом слабом сиянии мерцающего света, который я видел теперь почти постоянно над головой каждого пассажира, продолжение его мысли:

А скептицизм делает его сумасшедшим.

Я слышал и много читал о тех, кто объявляет себя ясновидящими и о том, что они часто видят мысли людей нарисованными в ауре, которая их окружает. Что бы слово "аура" ни значило для других, теперь я на собственном опыте убедился в истинности этих претензий и почувствовал совершенное отвращение! Я – ясновидящий! В моей жизни появилась еще одна ужасная вещь, еще один глупый и смешной дар развился во мне, который придется скрывать ото всех, поскольку я стыдился его, словно проказы. В этот самый момент моя ненависть к ямабуши и даже к моему почтенному другу бонзе стала непреодолимой. Первый, видимо, выполнил надо мной какие-то манипуляции, пока я лежал без сознания и коснулся какой-то неизвестной физиологической пружины в моем мозгу. Она соскочила со своего места и теперь пробудила во мне способность, которая в обычном состоянии остается скрытой в человеческом организме, а мой друг сам привел в дом этого несчастного!

Но гнев и проклятия были бесполезны и вряд ли могли что-либо изменить. Кроме того, мы были уже в европейских водах и до Гамбурга оставалось всего несколько дней пути. Там все мои волнения и страхи улягутся, и я к своему большому облегчению узнаю, что хотя ясновидение, как чтение мыслей человека, может быть, и существует, но познание событий на расстоянии, как это случилось в моем сновидении, невозможно для человека. Тем не менее, вопреки доводам разума, сердце мое переполняли страхи и самые черные предчувствия. Я понимал, что скоро свершится моя судьба. Я очень страдал, и душевное утомление возрастало с каждым днем.

В ночь перед нашим прибытием у меня был очередной сон. Я вообразил, что умер. Мое холодное и неподвижное тело лежало в последнем сне. Умирающее сознание, которое

до сих пор считало себя моим "я", поняло, что произошло, и готовилось через несколько секунд прекратить свое существование. Я всегда верил, что мозг сохраняет тепло дольше остальных органов человеческого тела, что он последний прекращает функционировать, и мысль, таким образом, живет на несколько секунд дольше человеческого тела. Поэтому я нисколько не был удивлен, увидев во сне, что мое тело уже перешло через ужасную реку и попало туда, "откуда ни один смертный еще не возвращался", а сознание все еще оставалось в каких-то серых сумерках, первых тенях Великой Тайны. Таким образом, моя МЫСЛЬ все еще покоившаяся в моих останках, которые быстро теряли крупицы жизни, с сильным и горячим любопытством ожидала своего распада, то есть своего уничтожения. "Я" спешил испытать свои последние ощущения, пока темный плащ вечного забвения не накрыл меня, пока у меня было время чувствовать и наслаждаться тем великим высшим торжеством, которое давало мне знание того, что мои убеждения, которым я оставался верен всю мою жизнь, были истинными, и что смерть – это полное и абсолютное прекращение сознательного существования. Вокруг меня с каждым мгновением становилось все темнее и темнее. Огромные серые тени проходили перед глазами. Сначала медленно, потом, убыстряясь, они замелькали вокруг меня с головокружительной скоростью. Целью движения, казалось, было всего лишь достижение темноты, и как только цель была достигнута, движение замедлилось. Темнота превратилась в глубокую черноту, движение полностью прекратилось. Мои чувства не воспринимали ничего, кроме этого бездонного черного пространства, темного, как смола. Оно казалось мне таким же безграничным и молчаливым, как безбрежный Океан Вечности, по которому Время, это порождение человеческого мозга, скользит, но никак не может его пересечь.

Катон определил сон как "образ наших надежд и страхов". В состоянии бодрствования я никогда не боялся смерти и теперь во сне я спокойно и равнодушно отнесся к мысли о своем скором конце. По правде говоря, эта мысль даже принесла мне облегчение, наверное, ее вызвали пережитые мною недавно страдания. Конец всего, всех сомнений, страхов о судьбе тех, кого я любил, мысли об их страданиях, конец всем беспокойствам был близок. Постоянная боль, которая непрерывно терзала мое сердце в течение долгих и утомительных месяцев, сейчас становилась невыносимой. И если, как считает Сенека, смерть – это всего лишь "прекращение того, чем мы были перед этим", то было бы лучше, если бы я умер. Мое тело мертво. Его сознание – это все, что от него остается. Еще несколько мгновений, и я последую за ним. Восприятие моего сознания станет все слабее, все расплывчатее и туманнее, пока желанное забвение не накроет меня полностью своим холодным саваном. Нежна волшебная рука смерти – этого великого утешителя мира. Глубок сон в ее неподатливых руках, его никогда не беспокоят сновидения. Да, действительно, смерть – желанный гость... Это спокойное, мирное убежище среди ревущих валов океана жизни, чьи крутые волны тщетно разбиваются о скалистые берега смерти. Счастлив тот одинокий барк, который входит в спокойные воды ее черного залива после долгого и жестокого шторма, после сердитых ударов внешней, чувствующей жизни. Теперь, на вечной якорной стоянке, ему больше не понадобятся ни паруса, ни руль. И мой барк наконец-то обретет покой. Так добро пожаловать, о Смерть, пусть даже за такую соблазнительную цену. Прощай, мое бедное тело. Хоть я и не пытался ни ублажать тебя, ни доставлять тебе наслаждения, и теперь с готовностью отдаю!..

С этим гимном, посвященным смерти, который я спел над распростертым телом, я наклонился над своими останками и с любопытством их рассмотрел. Я чувствовал, что окружающая темнота почти ощутимо давит меня, и я вообразил, что чувствую в ее прикосновении приближение желанного Освободителя. И все же, как странно! Если реальная, окончательная смерть происходит в нашем сознании, если после телесной смерти "я" и мое сознательное восприятие соединяются воедино, почему же мое восприятие не слабеет, почему функции моего мозга кажутся столь активными, как и всегда... Ведь я, по-существу, умер?.. И теперь обычное чувство беспокойства не уменьшается, не слабеет, нет, даже более того, оно кажется сильнее!.. Как долго приходится ждать прихода полного забвения!.. А, вот оно, мое тело!.. На одну или две секунды оно исчезло из моего поля зрения, а потом снова появилось... Какое оно белое и отвратительное! И все же... его мозг еще не совсем мертв, если "я", его сознание, еще действует, поскольку мы оба до сих пор

воображаем, что существуем, что живем и думаем, отделенные от своего создателя и его мыслящих клеток.

Вдруг я почувствовал сильное желание узнать, как долго может продолжаться процесс распада мозга, когда, наконец, последняя печать смерти ляжет на мозг и прекратит его деятельность. Я осмотрел свой мозг в черепной коробке через прозрачные для меня стенки черепа и даже прикоснулся к мозговому веществу. Как я это сделал? Собственными ли руками или нет, я не могу сказать. В этом сновидении на меня очень сильное впечатление произвело ощущение скользкого, чрезвычайно холодного вещества. К моему великому ужасу я обнаружил, что кровь полностью свернулась, и мозговые ткани настолько изменились, что в них вряд ли возможны какие-либо взаимодействия молекул, и теперь я уже не мог объяснить происходящее деятельностью мозга. И вот "я", или мое сознание, что одно и тоже, обнаружил себя самого совершенно независимым, отдельным от своего мозга, который больше не мог действовать... но у меня уже не было времени на размышления. В моих ощущениях произошло новое необычайное изменение, которое теперь поглотило все мое внимание... Что бы это значило?..

Вокруг меня простиралось прежнее черное непроницаемое пространство, но теперь прямо передо мной, все время прямо передо мной, куда бы я не поворачивался, оставались гигантские круглые часы, огромный диск которых зловеще сиял на черном эбоните непроницаемого пространства. Когда я посмотрел на этот огромный циферблат и на медленно качающийся взад и вперед маятник, каждое движение которого, казалось, делило вечность на отдельные куски, я увидел тонкие иглы стрелок, которые показывали семь минут шестого. – "Это время начала моей пытки в Киото!" – едва успел я подумать о совпадении, как вдруг, к моему невообразимому ужасу, я почувствовал, что снова начинается тот же самый процесс, который мне пришлось испытать в тот памятный и страшный день. Я плыл под землей, быстро пронзая ее черную массу, я снова увидел себя в могиле бедняка и узнал своего зятя в изуродованных останках. Я снова стал свидетелем его смерти, вошел в дом моей сестры, проследил за ее страданиями и увидел, как она сошла с ума. Я снова испытал все это и увидел все до мельчайших деталей, но, увы! Мои чувства больше не сковывало спокойное равнодушие, то самое равнодушие, которое в момент первого моего видения оставило меня бесчувственным свидетелем величайшего несчастья, как будто я был каменной статуей, у которой нет сердца. Теперь мои душевные муки стали неописуемы и почти невыносимы. Даже то привычное отчаяние и непрекращающееся беспокойство, которое я постоянно испытывал во время бодрствования, теперь в моем сновидении, когда передо мною снова и снова возникали увиденные события, показались мне легким облачком по сравнению со страшными свинцовыми тучами циклона. О, как я страдал среди этого роскошного пира адских мучений. Но теперь я уже не мог опереться на веру в то, что сознание человека умирает вместе с его телом, поскольку в этом видении я убедился в обратном. И это усилило страдания.

Я испытал относительное облегчение, снова оказавшись после последней сцены видения перед огромными белыми часами. Но это продолжалось недолго, длинная заостренная стрелка на колоссальном циферблате показывала семь с половиной минут шестого. Не успел я как следует осознать произошедшее, как стрелка медленно двинулась назад и точно остановилась на седьмой минуте и... О, моя проклятая судьба!.. Снова повторилась цепь мучительных видений! Я снова плыл под землей и видел, слышал и испытывал все мучения ада! Я прошел сквозь всю душевную боль, которая только может быть известна человеку или дьяволу. Я снова вернулся к тому же самому месту перед циферблатом, после, казалось, вечных страданий, но стрелки на нем за это время как и прежде продвинулись только на полминуты. Я смотрел с ужасом, как они опять двинулись назад и меня снова бросило в пространство, это продолжалось снова и снова, раз за разом так, что стало казаться мне непрерывной чередой ужасных страданий, у которых не было начала и не предвиделось конца...

Но хуже всего было то, что мое сознание, мое "я", очевидно, приобрело способность утраиваться, учетверяться, даже удесятеряться. Я жил, чувствовал и страдал одновременно в полдюжине разных мест, переживая различные события своей жизни, которые происходили в разное время и при самых различных обстоятельствах, хотя по-прежнему, главным оставался мой духовный опыт, полученный в Киото. Таким образом, как в знаменитой фуге

"Дон Джованни" высокие душераздирающие ноты арии Эльвиры звучат намного выше всех остальных, но они не мешают развитию мелодии менуэта, песням соблазна и песням хора, так я снова и снова проходил через мои горести, испытывая чувства невыразимой боли. Ужаснейшие сцены разворачивались перед моими глазами. Их повторение нисколько не притупляло боли и страданий, и даже в последних моментах и событиях, совершенно не связанных с первыми, эти чувства не становились слабее и я все переживал заново, ни одно из событий не заслоняло другое. Это было безумное страдание! Цепочки похожих на контрапункт душевных фантасмагорий были взяты из реальной жизни. И вот, так же, как и в видении в Киото, я в течение тех самых тридцати секунд осматривал изуродованные останки мужа сестры, с тем же равнодушием видел ужасное воздействие вести о смерти, и в то же время я испытывал адские муки при виде каждого события, как и тогда в Киото, когда сознание вернулось ко мне. Я слушал философские беседы бонзы, слышал каждое слово, которое он произносил и снова пытался злобно смеяться над ним. Я снова становился ребенком, потом юношей, я слышал сладостные голоса моей матери и сестры, которые упрекали меня, корили за проступки и учили долгу перед всеми людьми. Я снова спасал друга, который чуть было не утонул и смеялся над его старым отцом, когда он благодарил за то, что я спас душу его сына, которая была еще не готова предстать перед создателем.

– И вы говорите о двойном сознании! Вы, психофизиологи! – вскричал я в момент невыносимого душевного страдания, которое казалось одновременно и физическим, достигая такой силы, что могло бы убить дюжину живых людей, – вы говорите о физиологических и психологических экспериментах, вы, школяры, надутые и битком набитые гордыней и книжными знаниями! Сейчас я вам покажу вашу лживость... – И вот я снова читал труды великих профессоров и лекторов, разговаривал с ними, с теми людьми, которые привели меня к фатальному скептицизму. И хотя я оспаривал возможность отделения сознания от мозга, я плакал кровавыми слезами над предполагаемой судьбой моих племянников и племянниц. Но самое ужасное было то, что я знал, как может знать только освобожденное от тела сознание, что все то, что видел в Японии, и то, что я видел и слышал сейчас, было истинным в каждом мгновении и каждой подробности, что это была длинная цепочка отвратительных и ужасных, но все же реальных фактов.

Наверное, в сотый раз мой взгляд был прикован к стрелкам часов. Я успел потерять счет циклам постоянного перемещения в пространстве и возвращения к циферблату, и очень скоро пришел к заключению, что они, эти возвращения, никогда не прекратятся, что сознание все-таки невозможно разрушить, и что эти циклы, их бесконечное повторение будут моим наказанием в Вечности. Я начинал понимать на собственном опыте, как должен себя чувствовать осужденный за грехи. – Разве вечное проклятие математически возможно в непрерывно развивающейся вселенной? – Я все еще находил силы спорить. Да, в самом деле, в этот час все усиливающегося страдания мое сознание, синоним моего "я", все еще было в силах восставать против некоторых претензий теологии, отрицать ее утверждения, отрицать все, кроме самого СЕБЯ. Да, я больше не отрицал независимую природу моего сознания, поскольку убедился, что это так, но было ли оно вечно? О, непостижимая и страшная реальность! Если бы ты было вечным, кем бы ты было?! Тогда не было бы божества, не было Бога. Откуда ты пришло и когда появилось, если ты не было частью холодного тела, которое лежит теперь вот здесь, перед тобой, и куда ты привело меня, кто я теперь, и будут ли у нашей мысли и воображения конец? Каково твое настоящее время? О, бездонная, неизмеримая РЕАЛЬНОСТЬ! Непостижимая ТАЙНА! О, я не могу уничтожить тебя... "Видения души". Что тут говорит о Душе, чей это голос? Он утверждает теперь, что я во всем могу убедиться сам: у человека есть душа. Нет, я отрицаю это. Моя душа, моя живая душа и дух жизни покинули мое тело с его серым веществом мозга. Еще никто не смог доказать, что это мое "я", это сознание вечно. Перевоплощение, о котором так беспокоился бонза, может, в конце концов, быть реальностью. А почему бы и нет? Разве цветок не появляется каждый год заново из того же корня? Так же и это "я", отделившись от мозга и потеряв равновесие, продлило все эти видения перевоплощением...

Я снова оказываюсь перед неумолимым фатальным циферблатом, и вот, глядя на медленное движение его стрелок, я слышу голос бонзы, который доходит до меня из глубины белого циферблата. Он говорит: "Боюсь, что в этом случае вам придется только

открывать и закрывать дверь снова и снова, и как бы долго или коротко это ни продолжалось, вам это время покажется вечностью...".

Часы исчезли, темноту сменил свет, и голос моего старого друга утонул во множестве голосов, доносившихся с палубы. Я проснулся на своей койке в холодном поту. От страха у меня закружилась голова.

VIII
ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Мы прибыли в Гамбург, и я, повидавшись со своими партнерами по фирме, которые с трудом узнали меня, получил их согласие и добрые пожелания и отправился в Нюрнберг.

Полчаса спустя по прибытии последние сомнения в том, что мое видение было правильным, исчезли. Реальность оказалась хуже любых предположений, и с того момента я был обречен на самую одинокую и жалкую жизнь. Я убедился в том, что видел ужасную трагедию во всех ее душераздирающих подробностях. Я действительно видел, как мой зять погиб в колесах механизма, моя сестра, теперь сумасшедшая, быстро увядала, приближаясь к своему последнему часу, моя племянница, прекраснейший цветок природы, была опозорена и жила в обители греха, младшие дети умерли во время эпидемии в приюте, а мой единственный, оставшийся в живых племянник находился в море, и никто не знал, где он. Целый дом, большой дом, в котором царили мир и любовь, оказался развеянным по земле, и я остался один, единственный свидетель смерти, опустошения и позора. Эти вести переполнили мою душу отчаянием, силы оставили меня при виде такого страшного несчастья, катастрофы, которая предстала перед моими глазами. Удар оказался слишком сильным для моей подорванной нервной системы, и я потерял сознание. Последнее, что я услышал, были слова бургомистра: "Если бы вы сообщили городским властям о вашем местонахождении перед отъездом из Киото телеграммой и выразили намерение вернуться домой и взять на себя заботы о своих родственниках, мы бы поместили детей в другое место и, может быть, они были бы живы. Но никто не знал, что у детей остались состоятельные родственники. Они стали нищими, и с ними пришлось поступить соответствующим образом. Их практически никто не знал в Нюрнберге и при таком несчастном стечении обстоятельств трудно было ожидать чего-либо другого. Мне остается только выразить свои соболезнования".

Меня убивало сознание того, что я, во всяком случае, мог бы спасти свою любимую племянницу от ее незаслуженной судьбы, если бы послушался дружеского совета бонзы Тамооры и послал телеграмму в Нюрнберг властям за несколько недель до своего возвращения. Кроме того, я уже больше не мог сомневаться в ясновидении и яснослышании, которые я так долго отрицал. Все это просто поставило меня на колени. Я мог избежать презрения своих ближних, то есть людей, но не мог избавиться от укоров совести, упреков собственного страдающего сердца, пока оставался жив! Я проклинал свой упрямый скептицизм, отрицание реальных фактов и такое раннее однобокое образование. Я проклинал себя и весь мир... В течение нескольких дней мне удавалось держаться и не падать духом под страшной ношей, потому что у меня оставался долг перед умершими и перед живыми. Но когда мне удалось вызволить сестру из приюта и поместить в больницу под наблюдение лучших врачей так, чтобы ее собственная дочь могла позаботиться о ней в ее последние минуты, когда я надежно упрятал еврейку в тюрьму, заставив признаться в совершенном преступлении, силы внезапно оставили меня. Спустя всего неделю после прибытия я стал почти безумным маньяком, совершенно беспомощным перед нервной лихорадкой, охватившей меня. Несколько недель я находился между жизнью и смертью, и опыт лучших врачей оказался бесполезным перед страшной болезнью. Наконец мой организм одержал верх, и к моей безмерной печали врачи объявили, что я буду жить.

Я выслушал их с болью в сердце. Теперь я был обречен вести тяжелое безнадежное существование, постоянно раскаиваясь в содеянном. У меня не было надежды найти утешение на земле, а поскольку я по-прежнему верил лишь в кратковременное существование сознания после смерти, это неожиданное возвращение к жизни только усилило мое озлобление. Мои чувства не смягчились, поскольку в первые же дни после выздоровления ко мне снова вернулись нежданные гости, те самые видения, правильность и

реальность которых я уже больше не мог отрицать. Увы! Эти видения больше не были для моего скептического слепого сознания

Детьми досужего ума,
Пустой игрой воображенья...

Они были всегда верными фотографиями реальных бед и страданий моих близких, моих лучших друзей... Таким образом, оказалось, что я был обречен на беспомощность и муки прикованного Прометея, всякий раз, как только оставался один. В тихие ночные часы какая-то безжалостная железная рука вела меня к кровати моей сестры и заставляла наблюдать час за часом разрушение ее изможденного организма и принуждала быть свидетелем страданий, которых ее собственный мозг не сознавал. Еще одно обстоятельство оставляло в моем сердце незаживающую рану, которая приносила мне адские мучения. Мне приходилось видеть при свете дня по-детски невинное лицо моей юной племянницы, такой нежной, простой и искренней в ее падении. И одновременно мне приходилось видеть как ночью, во сне, вместе с воспоминаниями о позоре к ней приходит сознание того, что ее молодая жизнь навеки разбита. Ее сны для меня становились объективной реальностью так же, как это случилось на пароходе. Мне приходилось переживать снова и снова, ночь за ночью все то же ужасное отчаяние, поскольку теперь, когда я поверил в реальную возможность видеть на расстоянии, я пришел к заключению о том, что в наших телах, как в теле гусеницы, спрятана какая-то куколка, которая может в свою очередь содержать в себе бабочку, символ нашей души, и теперь я уже не мог оставаться равнодушным к тому, чему я стал свидетелем. Во мне действительно развилось нечто такое, что разбило ледяной кокон. По-видимому, мое теперешнее видение уже происходило в результате совпадений моей внутренней природы с Дайдж-Джином. Мои видения появлялись как следствия прямых личных психических действий, а злобные существа заботились только о том, чтобы я не увидел ничего приятного или возвышенного. Таким образом, теперь каждый приступ неосознанной боли в изможденном теле моей сестры, каждое ужасное воспоминание из беспокойных снов моей племянницы о преступлении, совершенном по отношению к ней, невинному ребенку, находили чуткий отклик в моем кровоточащем сердце. Глубокий источник сочувствия, любви и печали извергался из моего физического сердца, и теперь его шум отдавался громким эхом в пробужденной душе, отделившейся от тела. Мне приходилось пить чашу несчастий до самого дна. Я стал олицетворением горя. Мои ночи и дни превратились в пытку! О, как оплакивал я ошибку своей гордыни, как я был наказан за свое пренебрежение предложенным мне в Киото очищением, потому что теперь я поверил в действенность последнего. Дайдж-Джин действительно овладел мною. Злобный дух выпустил всех псов ада на свою жертву...

И вот настал ужасный конец. Бедная безумная мученица была опущена в темную и желанную могилу, оставив после себя своего первенца и юную дочь, которая скончалась от чахотки всего несколько месяцев спустя. Не прошло и года, как я остался совсем один в мире, поскольку мой единственный оставшийся в живых племянник выразил желание продолжить карьеру моряка.

А теперь до конца моей печальной истории осталось совсем немного. Я превратился в развалину, и преждевременно состарился, будто не тридцать, а шестьдесят зим пронеслось над моей головой. Непрекращающиеся видения постоянно держали меня на грани безумия. Вдруг у меня появилось отчаянное желание, превратившееся в решимость: я вернусь в Киото и найду этого ямабуши, паду к ногам этого святого человека и не оставлю его до тех пор, пока он не изгонит назад того Франкенштейна, которого он пробудил во мне, и с которым я в свое время не захотел расстаться, охваченный гордыней и неверием.

Три месяца спустя я снова очутился в своем доме в Японии и тут же отправился искать бонзу Тамоору Хидейери. Теперь я умолял его немедленно отправиться к ямабуши, к человеку, который стал безвинной причиной моих ежедневных пыток. Его ответ поставил последнюю печать на мою судьбу и удесятерил мое отчаяние – ямабуши оставил страну и отправился в неизвестные земли! Он ушел одним прекрасным утром в паломничество во внутренние земли Китая и, по обычаю, он будет отсутствовать минимум семь лет, если только смерть не сократит его путешествие!

В своем несчастии я обратился за помощью к другим ученым ямабуши и, хотя мой прекрасный старый друг знал, насколько бесполезно в моем случае искать действенной помощи у какого-нибудь другого "посвященного", он делал все возможное, чтобы помочь мне в моем горе. Но все было бесполезно, и проклятый червь, отравлявший мою жизнь, не мог был извлечен полностью. Я узнал от них, что ни один из этих ученых мужей не может обещать полного избавления из-под власти демонов ясновидения. Только тот, кто вызвал Дайдж-Джина, чтобы тот показал ему будущее или прошлое, мог полностью контролировать поведение злого духа. С добрым сочувствием, которое я теперь научился ценить, святые люди пригласили меня присоединиться к группе их учеников и узнать вместе с ними, что я могу сделать. "Только воля, только вера в ваши собственные душевные силы могут помочь вам теперь", – сказали они, – "потребуется несколько лет для того, чтобы исправить хотя бы часть содеянного. Дайдж-Джина легко изгнать в самом начале, если же его оставить один на один с человеком, он овладевает всем его существом, и тогда уже невозможно избавиться от злого духа, не убив при этом его жертву".

Убедившись, что иного пути для меня не остается, я с благодарностью согласился остаться среди учеников и старался изо всех сил верить в то, во что верили эти святые люди, и все же в душе мне это никогда не удавалось. Демон неверия и отрицания, казалось, пустил в моей душе еще более крепкие корни, чем Дайдж-Джин. Но я делал все, что мог, решив не упускать последнего шанса на спасение. Поэтому я решил без всяких задержек освободиться от мирских и коммерческих обязанностей, чтобы несколько лет прожить независимой жизнью. Я уладил все расчеты со своими гамбургскими партнерами и порвал связи с фирмой. Несмотря на значительные финансовые потери, вызванные столь скорой ликвидацией дел, я обнаружил, подведя итог, что я гораздо богаче, чем думал. Но богатство больше не привлекало меня, так как теперь мне не с кем было его делить, и не для кого было работать. Жизнь стала обузой. Я с равнодушием относился к своему будущему и был настолько равнодушен ко всему, что когда передавал состояние племяннику, не оставил бы себе даже маленькой суммы, если бы мой японский партнер не вмешался и не заставил меня сделать это. Теперь я, как и последователи Лао-цзы, признавал, что только знания дают человеку твердую и надежную опору, поскольку это единственное, что не может быть разрушено никаким ураганом. Богатство – слабое пристанище в дни печали, а самодовольство – самый опасный советчик. Поэтому я последовал совету своих друзей и отложил себе скромную сумму, обеспечивающую мне достаточный доход в течение всей моей жизни на тот случай, если я когда-нибудь оставлю своих новых друзей и учителей. Итак, уладив свои земные счеты и распорядившись своим имуществом в Киото, я присоединился к "владыкам дальнего видения", которые взяли меня в свои таинственные жилища. Я оставался с ними в течение нескольких лет, изучая в одиночестве их науки и ни с кем не встречаясь, кроме нескольких членов их религиозной общины.

С тех пор мне удалось познать многие тайны природы, и множество тайных фолиантов из библиотеки Джион-Ене были с жадностью прочитаны мной. Я обрел власть над несколькими невидимыми существами низшего порядка. Но я не мог раскрыть секрет власти над Дайдж-Джинами. Этим секретом владеет только ограниченное число самых высоких членов Лао-цзы, и большая часть ямабуши ничего не знает о том, как властвовать над этими опасными стихиями. Тот, кто сможет достичь такой власти над ними, должен будет полностью связать себя с ямабуши, стать членом этого ордена, принять их взгляды и верования и пройти высшую ступень инициации. Вполне естественно, что я не подходил в члены Братства. Тому было множество непреодолимых причин, одной из которых был мой неисправимый скептицизм. Таким образом, частично избавившись от своей беды и научившись изгонять непрошеные видения, я по-прежнему остался и остаюсь по сей день беспомощным перед их проявлениями время от времени.

Только удостоверившись в своей неспособности занять высокое положение независимовидящего члена ордена, я неохотно оставил дальнейшие попытки овладеть Дайдж-Джином. О святом человеке, который невинно стал первопричиной моего несчастья, никто ничего не слышал, бонза, время от времени посещавший меня в моем убежище, не мог или не хотел сообщить мне местонахождение ямабуши. Поэтому, когда мне пришлось оставить надежду на полное освобождение от моего трагического дара, я решил вернуться в Европу и поселиться в одиночестве. С этой целью я приобрел с помощью моих бывших

партнеров швейцарский домик, в котором родились моя несчастная сестра и я, и где я вырос. Именно этот дом я выбрал для своего будущего уединения.

Прощаясь со мной на борту парохода, который должен был отвезти меня на родину, добрый старый бонза пытался утешить меня. – Сын мой, – сказал он, – считайте, что все произошедшее с вами – ваша карма, справедливое возмездие. Ни один человек, который по собственной воле отдается во власть Дайдж-Джину, не может даже надеяться стать архатом (адептом) или ямабуши высокой души, если над ним немедленно не будет произведена процедура очищения. В лучшем случае, как это было с вами, можно научиться только противостоять врагу и отражать его нападения. Как шрам, оставленный ядовитым оружием, лед Дайдж-Джина не может сойти с души, пока она не очистится через перерождение. Поэтому не поддавайтесь отчаянию. Бодритесь, ваше горе привело вас к истинному знанию, заставило признать многие истины, которые вы в противном случае наверняка бы отвергли с презрением. И этого бесценного знания, приобретенного благодаря вашим собственным усилиям и страданиям, никакой Дайдж-Джин не может вас лишить. Прощайте же, и пусть Мать Милосердия, великая царица неба даст вам покой и защиту.

Мы расстались, и с тех пор я веду жизнь отшельника – живу в полном одиночестве и постоянно занимаюсь исследованиями. Хотя по-прежнему меня время от времени тревожат видения, я не сожалею о годах, проведенных под руководством ямабуши и искренне благодарен за знания, которые получил от них. И я всегда вспоминаю с искренней любовью и уважением жреца Тамоору Хидейери. Я регулярно переписывался с ним до самой его смерти и стал невольным свидетелем этого события и всех его тяжелых для меня подробностей в тот самый день и час, когда оно произошло за далекими морями – честь, за которую я не мог благодарить свою судьбу.

ПЕЩЕРА ДОЛГОГО ЭХА
Странная, но справедливая история[127]

В одной из далеких губерний Российской империи, в маленьком городке на краю Сибири, более тридцати лет тому назад произошла таинственная трагедия. Примерно в шести верстах от маленького городка П., знаменитого красотой дикой природы и богатством своих жителей, которыми были преимущественно владельцы шахт и железоделательных заводов, стояла дворянская усадьба. В ней жили ее владелец, богатый старый холостяк, и его брат-вдовец со своими двумя сыновьями и тремя дочерьми. Все знали, что господин Изверцов усыновил детей брата, а своего любимца, старшего племянника Николая, сделал единственным наследником всех своих многочисленных имений.

Время шло. Дядюшка старел, а племянник приближался к совершеннолетию. Дни и годы проходили в однообразном спокойствии, пока на до сих пор чистом горизонте семейной жизни не появилось маленькое облачко. К несчастью как-то раз одной из племянниц взбрело в голову научиться играть на цитре. Так как инструмент этот чисто тевтонского происхождения, а в округе учителей игры на нем не оказалось, добрый дядюшка решил выписать и инструмент, и учителя из Санкт-Петербурга. После долгих поисков удалось обнаружить только одного профессора музыки, который согласился отправиться в городок, расположенный так близко к Сибири. Это был старый немец-музыкант, который делил свою любовь поровну между инструментом и хорошенькой блондинкой-дочерью и ни за что не хотел расставаться ни с тем, ни с другой. Вот так и случилось, что одним прекрасным утром в усадьбе появился наш старый профессор. В одной руке он держал чехол с инструментом, другой поддерживал свою красавицу Мюнхен.

С того самого дня маленькое облачко стало быстро расти; каждый звук мелодичного инструмента пробуждал нежность в сердце старого холостяка. Говорят, что музыка – эхо любви, и работу, начатую цитрой, завершили голубые глаза Мюнхен. По истечении шести месяцев племянница превосходно играла на цитре, а дядюшка отчаянно влюбился.

---

[127] Эта история записана по рассказу ее непосредственного свидетеля, русского дворянина, очень набожного и совершенно надежного человека. Более того, некоторые факты, упоминающиеся в ней, были выписаны из документов полиции городка П. Свидетель происшествия приписывает все, что он видел, отчасти божественному вмешательству, отчасти козням дьявола. Примеч. автора.

Как-то утром он собрал вокруг себя приемных детей, нежно обнял каждого, пообещал никого не забыть в своем завещании и закончил тем, что объявил о своем твердом намерении жениться на голубоглазой Мюнхен. После этих слов он беззвучно зарыдал от счастья. Присутствующие тоже рыдали, но по другой причине. Они поняли, что их обманным путем лишили наследства. Порыдав немного, они скоро утешились и попытались порадоваться вместе со стариком, которого искренне любили. Но радовались не все. Николай был поражен в самое сердце красотой Мюнхен. Он считал, что его лишили разом и возлюбленной, и денег. Поэтому он не мог ни утешаться, ни радоваться со всеми, а исчез куда-то на целый день.

Господин Изверцов распорядился приготовить на следующий день свою дорожную карету, и все шепотом передавали новость, будто он собирается поехать в уездный город, который находился довольно далеко, чтобы изменить завещание. Хотя он был очень богат, у него не было управляющего имениями. Он сам вел свои дела и содержал учетные книги. В тот же вечер после ужина слышали, как он гневно отчитывал в своих комнатах слугу, прослужившего ему более тридцати лет. Этот слуга, Иван, был уроженцем Северной Азии, а точнее, Камчатки. Он вырос в семье хозяина и был воспитан в христианских правилах. Считалось, что он был очень привязан к хозяину. Через несколько дней, когда первое из трагических обстоятельств, о которых я собираюсь поведать, привело в усадьбу всю местную полицию, кто-то вспомнил, что в этот вечер Иван был пьян, а хозяин, с отвращением относившийся к этому злу, по-отечески выпорол его и выгнал из комнат. Когда Иван вылетел из дверей, кто-то слышал, как он бормотал под нос проклятья.

На огромной территории, принадлежавшей господину Изверцову, находилась прелюбопытнейшая пещера, которая пробуждала интерес у каждого, кому довелось посетить ее. Пещера эта существует по сей день, и каждый житель города П. хорошо знает ее. Сосновый лес, начинающийся в нескольких футах от ворот сада, карабкается по крутым склонам скалистых холмов. Грот, ведущий в пещеру, известную как Пещера Долгого Эха, расположен примерно в полумиле от усадьбы, и от дверей дома он кажется небольшой ямкой, выкопанной в склоне холма и почти скрытой густой растительностью. Тем не менее, он не полностью скрыт окружающим лесом, и с небольшой террасы у входа в дом можно увидеть каждого, кто входит в эту пещеру. Войдя в грот, исследователь обнаруживает в его задней стене узкую щель, пробравшись черед которую, он попадает в высокую пещеру, слабо освещенную через небольшие отверстия в куполообразной крыше, расположенные в пятидесяти футах от земли. Пещера эта огромна и может свободно вместить от двух до трех тысяч человек. Часть этой пещеры во времена господина Изверцова была выложена плоскими камнями и часто использовалась как большая зала и место для летних пикников. Представляя собой неправильный овал, пещера, постепенно сужаясь, образовывала широкий коридор, который на несколько миль уходил вглубь земли, то там, то сям открывая проходы в другие пещеры, такие же широкие и высокие, как бальная зала, но в отличие от нее, пройти по этим пещерам можно было только на лодке, так как они наполнены водой. Эти естественные резервуары считаются бездонными. На краю первой из этих пещер имеется небольшая площадка с несколькими старыми замшелыми скамейками, и именно с этого места можно услышать феноменальное эхо, давшее имя пещере, во всей его сверхъестественной мощи. Сначала эхо подхватывает слово шепотом или как бы вздохом, потом это слово подхватывается бесчисленным количеством насмешливых голосов, которые не ослабевают, как всякое порядочное эхо, а усиливаются, становясь все громче и громче с каждым повтором, до тех пор, пока слово не взрывается со страшным грохотом пистолетного выстрела и не исчезает, с жалобным воплем уносясь по коридору.

В тот самый день, о котором идет речь, господин Изверцов упоминал о своем намерении устроить танцы в пещере в день своей свадьбы, которая должна была состояться очень скоро. На следующее утро, перед тем, как отправиться в путь, он, по свидетельству семьи, пошел в грот со своим сибиряком-слугой. Полчаса спустя Иван вернулся в усадьбу за табакеркой, которую его хозяин забыл у себя в спальне. Взяв табакерку, слуга отправился в пещеру. А через час весь дом был взбудоражен его криком. Бледный и мокрый Иван носился по дому как сумасшедший и кричал, что господина Изверцова в пещере нет, что он куда-то пропал. Решив, что хозяин упал в озеро, он нырял в первой пещере, пытаясь найти его, и сам чуть было не утонул.

День прошел в тщетных поисках пропавшего. Полиция заполонила весь дом, и громче всех выражал свое отчаяние племянник Николай, который вернулся домой уже после того, как стало известно о таинственном исчезновении.

Тень подозрения упала на Ивана. Предыдущим вечером хозяин ударил его, и он, как было известно, поклялся отомстить. Он сопровождал хозяина в пещеру, а во время обыска в его комнате под матрацем нашли шкатулку с фамильными драгоценностями, которая обычно хранилась в спальне господина Изверцова. Крепостной тщетно призывал Господа в свидетели, утверждая, что хозяин сам доверил ему шкатулку перед тем, как они пошли в пещеру, что хозяин собирался сменить оправу драгоценностей и сделать свадебный подарок невесте. Слуга клялся, что он охотно отдал бы свою жизнь за жизнь хозяина. Однако на его слова никто не обращал внимание, его арестовали и бросили в тюрьму, обвинив в убийстве. Там он и остался, поскольку по русскому закону преступник не может – или, по крайней мере, в те дни не мог – быть приговорен к наказанию, пока сам не сознается в совершенном, независимо от того, насколько убедительны доказательства его вины.

После недели бесплодных поисков семья погрузилась в глубокий траур, и поскольку старое завещание осталось без изменений, вся собственность перешла в руки племянника. Учитель музыки с дочерью перенесли такой крутой поворот с чисто германской флегматичностью. Старик уже собрался уезжать, засунув под мышку цитру и взяв Мюнхен за руку, когда племянник остановил их и предложил себя в мужья красивой девушке вместо своего покойного дяди. Он получил согласие на такую замену и без лишнего шума молодые люди поженились.

Прошло десять лет, и вот мы снова видим наше счастливое семейство в начале 1859 года. Красавица Мюнхен потолстела и подурнела. Со дня исчезновения старого дядюшки Николай стал угрюмым и скрытным. Многих удивила такая перемена в его характере. Теперь он никогда не улыбался, казалось, что единственной целью его жизни стало найти убийцу дядюшки или, по крайней мере, заставить Ивана признаться в совершенном. Но последний по-прежнему настаивал на своей невиновности.

У молодой пары родился сын. И это был странный ребенок. Он был мал ростом, очень нежен и худ, часто болел и, казалось, будто его хрупкая жизнь висит на волоске. Когда лицо его было спокойно, он так походил на своего дядюшку, что члены семьи часто в ужасе отворачивались от него. На плечах маленького мальчика девяти лет отроду была голова с бледным, сморщенным лицом шестидесятилетнего старика. Никто не видел его смеющимся или играющим, но он очень часто сидел в высоком кресле, выпрямившись, с серьезным выражением на лице и сложив руки, точно так же, как это делал покойный господин Изверцов. В этой позе он мог часами сидеть в полудреме и неподвижности. Няни крестились тайком, когда подходили к его постели ночью, и никто из них не соглашался остаться с ним один на один в детской. Отношение к нему его отца было еще более странным. Казалось, он страстно любил сына и в то же время яростно ненавидел его. Он редко обнимал или ласкал ребенка, но очень часто, побледнев, мог часами смотреть, как сын тихо сидит в своем углу в позе старика.

Ребенок никогда не покидал усадьбы и лишь немногие в округе знали о его существовании.

Примерно в середине июля в город П. приехал с Севера высокий, стройный венгр-путешественник. Говорили, что на Севере он прожил несколько лет. Слухи о его эксцентричности, богатстве и о таинственных силах, которыми он владел, далеко опережали его. Путешественник поселился в маленьком городке в сопровождении шамана или южно-сибирского колдуна, на котором он, как говорили, проводил месмерические опыты. Он давал обеды и устраивал вечера, где всегда развлекал гостей своим шаманом, которым очень гордился. Однажды знаменитости городка П. совершили неожиданный набег во владения Николая Изверцова и попросили у него разрешения устроить в пещере вечер. Николай согласился с большой неохотой и только после долгих уговоров пообещал присоединиться к своим гостям.

Первая пещера и площадка перед озером сверкали в свете сотен мерцающих свечей и пылающих факелов, торчавших из трещин в скалах. Все вокруг было ярко освещено, и тени не могли укрыться даже в укромных, покрытых мхом уголках, в которые годами не

проникали солнечные лучи. Сталактиты у стен ярко искрились, и спящее эхо то и дело пробуждалось, подхватывая веселую смесь смеха и разговора. Шаман, как обычно, находился в трансе под неусыпным наблюдением своего друга и покровителя. Он сидел на корточках на выступающей части скалы, расположенной примерно посредине между входом в пещеру и озером. Его лимонно-желтое морщинистое лицо, плоский нос и редкая бородка делали его больше похожим на уродливый каменный идол, чем на человека. Многие из присутствующих толпились вокруг него и получали точные ответы на свои вопросы, когда венгр весело устраивал своему загипнотизированному "субъекту" перекрестный допрос.

Неожиданно одна из дам заметила, что именно в этой пещере десять лет назад совершенно непонятным образом исчез старый господин Изверцов. Иностранца это, казалось, заинтересовало, и он пожелал услышать подробности об обстоятельствах происшествия. В толпе нашли Николая и подвели его к внимательно слушавшим гостям. Он был хозяином и не счел возможным отказать им. Дрожащим голосом, побледнев, он рассказал печальную историю своего дядюшки. В глазах его блестели слезы. Все присутствующие были очень тронуты рассказом и стали шепотом обмениваться похвалами в адрес любящего племянника, который так чтит память своего дядюшки и благодетеля. Вдруг голос Николая оборвался, словно он внезапно стал задыхаться, глаза полезли из орбит, и он со сдавленным стоном отшатнулся назад. Глаза всех присутствующих с любопытством проследили за его наполненным ужасом взглядом и увидели, что он, не отрываясь, смотрит на маленькое увядшее личико, выглядывающее из-за спины венгра.

– Откуда ты взялся? Кто привел тебя сюда, дитя? – выдохнул Николай, бледный, как сама смерть.

– Я был в постели, папа, этот человек пришел ко мне и принес меня сюда на руках, – просто ответил мальчик, показывая на шамана, который сидел рядом с ним на скале и, не открывая глаз, продолжал качаться взад и вперед, как живой маятник.

– Очень странно, – заметил один из гостей, – этот человек не покидал своего места.

– О, Господи! Какое невероятное сходство! – пробормотал старый житель городка, который знал покойного.

– Ты лжешь, дитя! – яростно вскричал отец. – Иди спать. Здесь тебе не место.

– Подождите, подождите, – вмешался венгр, обнимая худенькие плечи мальчика. Его лицо приняло странное выражение. – Малыш видел двойника моего шамана, который часто покидает его тело и отправляется погулять. Он принял призрака за человека. Пусть он останется с нами на некоторое время.

Услышав эти странные слова, гости переглянулись в немом удивлении, и некоторые из них набожно перекрестились и сплюнули через левое плечо, наверно надеясь попасть на дьявола или на его козни.

– А кстати, – проронил венгр со странно твердой интонацией, обращаясь скорее ко всем присутствующим, чем к кому-либо в отдельности, – почему бы нам не попробовать с помощью моего шамана раскрыть тайну трагедии? Подозреваемый до сих пор находится в тюрьме? Что? Он до сих пор не признался? Это очень странно, поверьте мне. Но сейчас мы узнаем правду. Прошу тишины!

Затем он приблизился к Техукчене и начал сеанс, даже не спросив согласия хозяина пещеры. Последний как будто прирос к земле, окаменев от ужаса и потеряв дар речи. Предложение венгра встретило одобрение всех присутствующих, кроме хозяина, а глава местной полиции, полковник С. больше всех хотел бы узнать результат сеанса.

– Дамы и господа, – мягким голосом сказал гипнотизер. – Позвольте мне на этот раз начать сеанс несколько иначе, не так, как я это делаю обычно. Я воспользуюсь восточной магией. Она больше подходит к этому дикому месту и к тому же, как вы сами убедитесь, она гораздо эффективней нашего европейского гипноза.

Не дожидаясь ответа, он вытащил из чемоданчика, с которым никогда не расставался, маленький барабан и два флакона – один из них был полон какой-то жидкости, другой – пуст. Он побрызгал содержимым первого флакона на шамана, и тот задрожал и закивал головой еще сильнее. По воздуху распространился пряный аромат, и сама атмосфера пещеры, казалось, стала прозрачней. Затем, к ужасу присутствующих, он приблизился к тибетцу, и, вынув из кармана миниатюрный кинжал, вонзил острую сталь в предплечье шамана, и, когда пошла кровь, он наполнил пустой флакон. Заполнив его на половину, он

большим пальцем зажал рану и остановил кровь так же легко, как будто заткнул пробкой бутылку. Затем он побрызгал кровью на голову мальчика. После этого он повесил барабан себе на шею и, взяв в руки барабанные палочки из слоновой кости, покрытые магическими знаками и буквами, стал отбивать что-то вроде побудки, чтобы разбудить, по его словам, дух звуков.

Свидетели этих приготовлений, потрясенные и перепуганные неожиданностью происходящего, жадно окружили его и какие-то несколько мгновений в высокой пещере царила тишина. Николай по-прежнему стоял на месте, словно потеряв дар речи, лицо у него было бледное, как у покойника. Гипнотизер встал на площадке между озером и шаманом и начал медленно отбивать ритм. Первые звуки его были настолько глухи, что они тихо разносились по воздуху и даже эхо не могло подхватить их. Только шаман стал раскачиваться еще быстрее, а ребенок забеспокоился. Тогда барабанщик тихо запел медленную и торжественную песню.

Неизвестные слова потекли с губ певца, пламя свечей и факелов заколебалось и замерцало и постепенно стало мерцать и колебаться подчиняясь ритму песни. Из темных коридоров на противоположном берегу подземного озера подул холодный ветер, принеся с собой жалобное эхо. Затем какие-то туманные пары, которые словно потекли из скал пола и стен пещеры, собрались вокруг шамана и мальчика. Вокруг последнего возникла серебристая прозрачная аура. Однако, облако, окружавшее первого, стало багровым и зловещим. Приблизившись к краю выступа, маг забил в барабан еще громче и на этот раз эхо подхватило его с ужасающей силой. Барабанная дробь раскатами грома прокатилась под сводами пещеры, один вопль сменял другой, становясь все громче и громче, пока громоподобный рев не стал походить на хор голосов тысячи демонов, поднимающихся с бездонных глубин озера. И даже вода, которая была гладкой, как стекло, вдруг заволновалась, словно мощный порыв ветра пронесся над ее безмятежной поверхностью.

Послышалась другая песня, дробь барабана сменилась, и гора задрожала до самого основания от ударов грома, похожих на пушечные выстрелы, которые прокатывались по дальним темным коридорам. Тело шамана поднялось в воздух на два ярда и он, кивая и раскачиваясь, повис там, как привидение. Однако изменения, которые происходили с мальчиком, наполнили всех холодным ужасом. Все смотрели на него онемев. Серебряное облако, окружившее мальчика, тоже, казалось, поднимало его в воздух. Однако, в отличие от шамана, его ноги оставались на земле. Ребенок начал расти, будто секунды чудесным образом превратились в годы. Он стал высоким и крупным, старческие черты его лица постарели еще больше вместе с повзрослевшим и состарившимся телом. Прошло еще несколько секунд, от мальчика ничего не осталось, его полностью поглотил другой человек, и к ужасу тех, кто узнал его, этим другим оказался старый господин Изверцов. На виске его зияла огромная рана, из которой крупными каплями сочилась кровь.

Призрак направился к Николаю и остановился прямо перед ним. У того волосы стояли дыбом, и он, как безумец, смотрел на собственного сына, который превратился в дядюшку. Внезапно гробовую тишину нарушил голос венгра, который спросил, обращаясь к призраку:

– Именем великого Владыки, именем Того, в чьих руках вся власть, говори правду и только правду. Беспокойный дух, что погубило тебя, несчастный случай или подлое убийство?

Губы привидения зашевелились, но в ответ раздались скорбные крики эха: – Убийство! Убийство!! Убийство!!!

– Кто? Как? Когда? – спрашивал колдун. Призрак показал пальцем на Николая и, не сводя с него глаз и не опуская руки, начал медленно отступать к озеру. И с каждым его шагом молодой Изверцов, как будто подчиняясь непреодолимому влечению, двигался вслед за ним, пока призрак не дошел до озера. В следующее мгновение он уже скользил по его поверхности. Это была страшная, чудовищная сцена!

Когда виновный оказался в двух шагах от края водной бездны, по его телу пробежала сильная судорога. Он бросился на колени, и в отчаянии обхватил руками одну из старых скамеек и, не отрывая дикого взора от призрака, издал долгий, пронзительный вопль невыносимого страдания. Призрак остановился на поверхности озера и медленно поманил Николая за собой. Стоя на коленях, охваченный ужасом, несчастный кричал, и эхо пещеры громогласно повторяло его слова: – Нет... Нет, я не убивал тебя!

Затем послышался всплеск и посредине озера в темной воде очутился мальчик, который барахтался и тонул, а над ним все так же стояло суровое привидение и неподвижно смотрело на него.

– Папа, папа! Спаси меня... Я тону! – закричал жалобный тонкий голос, подхваченный громогласным настойчивым эхо.

– Мальчик мой! – вскричал Николай, как маньяк вскакивая на ноги. – О, спасите его!.. Да, я признаюсь. Я – убийца... Это я убил его!

Снова послышался всплеск, и призрака не стало. С криками ужаса все бросились к краю площадки, но тут же их ноги словно приросли к земле, они увидели, что какая-то беловатая масса обхватила убийцу и мальчика в водовороте посредине озера и теперь медленно опускалась с ними в бездонную глубину...

Следующим утром, проведя бессонную ночь, некоторые из присутствовавших в пещере, посетили дом, в котором остановился венгерский путешественник, но они обнаружили, что дом пуст и заперт. И путешественник, и шаман исчезли. Многие из старых обитателей городка П. помнят его, а глава местной полиции, полковник С., который умер всего несколько лет назад, был совершенно уверен в том, что благородным путешественником был сам дьявол. Всеобщий ужас усилился, когда узнали, что в ту самую ночь в имении Изверцова вспыхнул пожар, и оно сгорело дотла. Священник сослужил молебен на пожарище для изгнания злых духов, однако, до сих пор место, где стояла усадьба, считается проклятым. Комиссия из Петербурга расследовала все факты, связанные с происшествием, и приказала хранить молчание.

СВЕТЯЩИЙСЯ ЩИТ

Наша маленькая избранная компания представляла собой группу беззаботных путешественников. За неделю до этого мы приехали в Константинополь из Греции и с тех пор по четырнадцать часов каждый день ходили вверх и вниз по крутым склонам Перы, посещали базары, забирались на крыши минаретов и пробивались через полчища голодных собак, этих вековых повелителей улиц Стамбула. Кочевая жизнь заразительна, как говорят, и никакая цивилизованность не способна разрушить очарование неограниченной свободы после того, как вы ее вкусите. Цыгана нельзя заставить покинуть его шатер, и даже обычный бродяга находит особое наслаждение в своей тяжелой неустроенной жизни, наслаждение, которое мешает ему найти постоянное жилье и занятие. Поэтому во время пребывания в Стамбуле главной моей заботой было защитить моего любимца спаниэля Ральфа от этой инфекции и помешать ему присоединиться к бедуинам собачьего рода, которые, как тараканы, кишели на улицах. Ральф был хорошей собакой, он был моим постоянным спутником и другом. Я боялась потерять его и поэтому постоянно следила за ним. Однако первые три дня он вел себя как вполне приличный, образованный пес, все время верно следуя за мной по пятам. Во время каждой наглой атаки со стороны своих мусульманских собратьев, независимо от того, было ли это демонстрацией враждебности или предложением дружбы, он каждый раз только поджимал хвост и с видом достойного смирения прятался за меня или за кого-либо из нашей компании.

Так как Ральф с самого начала проявил отвращение к случайным знакомствам, у меня появилась уверенность, что он будет вести себя прилично, и уже к концу третьего дня, я совсем не так бдительно наблюдала за ним. Такая небрежность очень скоро, однако, была наказана, и мне пришлось пожалеть о своей доверчивости. В какой-то момент, когда я не смотрела на него, мой спаниэль услышал зов четвероногой Сирены, и последнее, что я увидела, это его пушистый хвост, когда он исчезал за углом кривого, узкого и грязного переулка.

Очень расстроившись, я провела весь остаток дня в тщетных поисках бессловесного спутника. Я предлагала и двадцать, и тридцать, и сорок франков в награду тому, кто найдет его. И вот порядка сорока бродячих мальтийцев устроили настоящую охоту за моим спаниэлем, и вечером у отеля нас осадил целый отряд этих бродяг, причем у каждого из них в руках была дворняжка невероятного происхождения, которую он изо всех сил старался выдать за моего потерянного друга. И чем категоричнее я отрицала это, тем торжественней

они клялись мне, что именно их пес и есть мой спутник, а один из бродяг даже встал на колени, вытащил из-за пазухи старый позеленевший образок с Мадонной и поклялся, что сама царица небесная указала ему на эту собаку. Шум усиливался, и стало ясно, что исчезновение моего спаниэля может стать причиной потасовки. В конце концов, владелец отеля послал за полицией и весь этот полк двуногих и четвероногих существ был изгнан силой. Я стала все больше убеждаться в том, что никогда не увижу свою собаку, слова портье гостиницы усилили мое горе. Этот человек, с внешностью благородного бандита, который, судя по всему, провел на галерах каких-то пять-шесть лет, со всей серьезностью уверял меня, что все мои усилия напрасны, так как спаниэль мой, без сомнения, уже мертв и съеден турецкими собаками, которые очень любят мясо своих более мирных и более упитанных английских собратьев.

Все это происходило на улице, прямо перед отелем, и я уже было собралась отказаться от поисков, по крайней мере, на ночь, и уйти в гостиницу, когда старая гречанка-фанариотка, которая слышала весь этот там-тарарам со своего крыльца неподалеку, подошла к моим безутешным друзьям и предложила одной из них, мисс Х., спросить дервишей о судьбе Ральфа.

– А что могут дервиши знать о моей собаке? – спросила я ее, не имея ни малейшего желания шутить, хотя предложение было явно смехотворным.

– Святые люди знают все, кирея (мадам), – ответила она немного таинственно. – На прошлой неделе у меня украли новую атласную мантилью, которую сын привез мне из Бруссы, а сейчас, как видите, она на мне.

– В самом деле? Тогда святые, помимо всего прочего, превратили вашу новую мантилью в старую, – сказал один из джентельменов, которые нас сопровождали, показывая на большую дырку на спине мантильи, зашитую большими неуклюжими стежками.

– А это и есть самое удивительное во всей истории, – тихо ответила ему фанариотка, нисколько не смущаясь. – Они показали мне в светящемся круге квартал, дом и даже комнату, в которой еврей, укравший мою мантилью, собирался распороть ее и разрезать на кусочки. У моего сына и у меня едва хватило времени добежать до Калинджикулосека и спасти мантилью. Мы застали еврея в тот самый момент, когда он разрезал мантилью со спины, и тут же узнали в нем того самого человека, которого дервиши показали нам в своей магической луне. Он признался в краже и теперь сидит в тюрьме.

Хотя никто из нас не имел ни малейшего представления, что она имела в виду под магической луной и сияющим кругом, все мы были совершенно ошеломлены ее рассказом о проницательности "святых людей". Ее манеры, однако, убедили нас, что ее рассказ не совсем выдумка. А поскольку она, во всяком случае, сумела как-то получить назад свою собственность, мы решили сами отправиться к дервишам следующим утром и узнать, не могут ли они и нам помочь.

Монотонные крики муэдзинов с вершин минаретов объявили о наступлении полдня, когда мы, спустившись с высот Перы к порту Галата с трудом протискивались через грязные толпы торгового квартала города. Не успели мы добраться до порта, как нас уже наполовину оглушили крики и непрерывные пронзительные вопли, вавилонское столпотворение языков. В этой части города бессмысленно ориентироваться по номерам домов или названиям улиц. Местонахождение нужного вам дома обычно определяется по близости к какому-либо более или менее заметному зданию, такому, как мечеть, баня или европейский магазин. В остальном же приходится полагаться на аллаха и его пророка.

Поэтому нам с огромным трудом удалось найти английский магазин корабельных принадлежностей, позади которого должно было находиться место, куда мы стремились попасть. Гид, взявшийся проводить нас от гостиницы, так же плохо знал дорогу туда, как и мы, но в конце концов маленький грек, одетый почти что в костюм нашего праотца Адама, согласился за небольшую медную монету отвести нас к танцующим дервишам.

Когда мы пришли, нас провели в просторный сумрачный зал, который походил на заброшенную конюшню. Зал был длинный и узкий, и пол его, как пол манежа, был покрыт толстым слоем песка. Единственным источником света были маленькие окна, расположенные довольно высоко от земли. Дервиши уже закончили свое утреннее представление и отдыхали от изнурительных трудов. Они выглядели совершенно измотанными, некоторые из них лежали у стен, другие сидели, сложив ноги и уставившись в

пустоту, занятые, как нам сказали, медитацией, созерцанием своего невидимого божества. Казалось, они потеряли всякую способность видеть и слышать, так как никто из них не реагировал на наши вопросы, пока из дальнего угла не появилась худая фигура человека в большом тюрбане, из-за которого он казался необычайно высоким. Сообщив нам, что он – их глава, этот гигант дал нам понять, что святые братья обычно получают повеление о дополнительных обрядах от самого аллаха, и поэтому их ни в коем случае нельзя беспокоить. Однако, когда переводчик объяснил ему цель нашего визита, которая касалась только его самого, поскольку он был единственным распорядителем "столпа прорицаний", он перестал возражать и протянул руку, требуя вознаграждения. Получив требуемое, он сказал, что знание будущего можно доверить только двум человекам одновременно. Потом он повернулся и повел за собой мисс Х. и меня.

Мы нырнули вслед за ним в какой-то полуподземный коридор. По нему мы прошли к основанию высокой приставной лестницы, которая вела в комнату под крышей. Мы забрались по лестнице вслед за своим провожатым и оказались в жалкой мансарде средней величины с голыми стенами без всякой мебели. Пол ее был покрыт густым слоем пыли, со стен обильно свисали лохмотья старой паутины. В углу комнаты что-то лежало. Поначалу я приняла этот предмет за кучу тряпья, однако куча тряпья скоро задвигалась, встала на ноги, вышла на середину комнаты и остановилась перед нами, оказавшись самым необычным существом, какое мне когда-либо приходилось видеть. Пол этого существа был явно женским, хотя решить был ли это ребенок или женщина было невозможно. Она была отвратительным карликом с огромной головой, плечами гренадера и соответствующей талией, однако это тело передвигалось на тоненьких, паучьих ножках, которые, казалось, физически были не в состоянии носить такую чудовищную тяжесть. На лице ее кривилась усмешка-сатира, щеки, лоб, подбородок ее были украшены надписями и знаками из Корана, написанными ярко-желтой краской. На лбу сиял кроваво-красный полумесяц, на голове была пыльная феска, а на ногах – широкие турецкие шаровары, тело с трудом скрывал белый муслин. Это существо скорее упало, чем уселось посреди комнаты, и, когда ее тело коснулось прогибающихся досок, поднялось целое облако пыли, и мы стали кашлять и чихать. Перед нами была знаменитая Татмос, известная также под именем Оракул Дамаска!

Не теряя времени на пустые разговоры, дервиш достал кусочек мела и провел вокруг сидящей девушки круг диаметром около шести футов, затем, вытащив из-за двери двенадцать небольших медных ламп, он наполнил их какой-то темной жидкостью из маленького флакона, который он достал из-за пазухи. После этого он расположил лампы симметрично вдоль магического круга. Потом он отщепил кусочек дерева от рамы полуразбитой двери, которая хранила следы множества подобных действий и, взяв большим и указательным пальцами щепу, он начал дуть на нее через правильные промежутки времени. Подув на нее немного, он начал шептал какие-то странные заклинания, потом снова дул и снова шептал заклинания до тех пор, пока вдруг без всякой видимой причины на щепе не появилась искра, и кусочек дерева загорелся, как сухая спичка. Затем дервиш зажег двенадцать ламп этим самовоспламенившимся огнем.

Все это время Татмос сидела совершенно неподвижно, не проявляя никакого интереса к окружающему. Она сняла со своих босых ног желтые тапки и, бросив их в угол комнаты, она показала нам свою гордость – по шестому пальцу на каждой скрюченной ноге. В этот момент дервиш вошел в магический круг, схватил карлицу за лодыжки и дернул ее, как будто поднимал куль с зерном. Он поднял ее за ноги головой вниз. Потом он отступил назад на один шаг и потряс ее, как обычно трясут мешок для того, чтобы улеглось его содержимое, причем делал он это легко и ритмично. Затем он начал раскачивать ее вправо и влево, как маятник, пока, набрав нужную скорость, он не отпустил одну ногу и, взявшись двумя руками за другую, мощным усилием начал раскручивать ее в воздухе как индийскую дубинку.

Моя спутница в тревоге отступила в дальний конец комнаты. Дервиш все крутил и крутил живую "булаву". Она оставалась абсолютно пассивной. Скорость движения все увеличивалась и увеличивалась, и скоро глаз уже не успевал проследить за движением тела. Это продолжалось, пожалуй, около двух или трех минут, пока жонглер постепенно не замедлил движение, и остановившись, наконец, не поставил девушку на колени посредине освещенного лампами круга. Таков восточный метод гипноза в том виде, в каком он практикуется дервишами.

Теперь карлица, казалось, была в глубоком трансе и полностью забыла обо всем окружающем. Челюсть ее отвисла, а голова опустилась на грудь, глаза остекленели и смотрели вперед. Ничего не видя, она стала еще более отвратительной, чем раньше. Тогда дервиш закрыл ставни единственного окна в комнате, и мы бы оказались в полной темноте, если бы в ставнях не было отверстия, через которое в комнату проникал яркий луч света, который падал на девушку. Дервиш поставил ее так, чтобы луч солнца падал ей на темя, а потом, жестом попросив нас соблюдать тишину, он сложил руки на груди, уставился на яркую точку, которую образовывал солнечный луч на голове девушки, и замер, словно каменный идол. Я не отрываясь смотрела на пятно света и думала о том, что случится дальше, и как этот странный обряд поможет мне найти Ральфа.

Постепенно яркое пятно стало как бы впитывать через острый луч яркий солнечный свет, падавший на дом снаружи. Яркое пятно накапливало этот свет и превращалось в ослепительную звезду, от которой, как из точки фокуса, в разные стороны исходили лучи.

Возник любопытный оптический эффект: комната, которая раньше освещалась солнечным лучом, стала темнеть, а звезда становилась все ярче и ярче и так до тех пор, пока ты не почувствовали, что находимся в полной темноте. Звезда замерцала, задрожала и повернулась, сначала медленно, как волчок, потом она завертелась все быстрее и быстрее, и с каждым оборотом ее размеры увеличивались до тех пор, пока она не превратилась в ослепительно яркий диск, за которым мы больше не могли разглядеть карлицу, которую, казалось, поглотил свет этого диска. Постепенно набрав чрезвычайно высокую скорость вращения, как и девушка в руках дервиша, диск начал вращаться медленнее и медленнее, пока его вращение не стало напоминать слабое колебание, похожее на игру лунного света на ночной ряби. Потом диск мигнул еще раз, испустил несколько последних вспышек и стал плотным и сияющим, как дорогой опал, остановившись в неподвижности. Теперь диск сиял луноподобным светом, мягким и серебристым, но он, этот свет, не освещал мансарду, а, казалось, только усиливал темноту в ней. Края круга не были туманны, напротив, они были очерчены четко, как края серебряного щита.

Теперь, когда все было готово, дервиш, не говоря ни слова и не отрывая глаз от диска, нашел в темноте мою руку и потянул меня к себе, показав на светящийся диск. Приглядевшись, мы увидели большие пятна, похожие на пятна на Луне, они постепенно превратились в фигуры людей, которые подобно рельефу в натуральном цвете, стали двигаться по поверхности щита. Они не были похожи ни на фотографию, ни на гравюру, еще меньше они походили на отражение в зеркале. Диск был похож на камею, и фигурки как бы вырастали на его поверхности, а затем получали движение и жизнь. К моему удивлению и страху моей подруги, мы вдруг узнали мост из Галаты в Стамбул через Золотой Рог, который соединял Старый и Новый город. По мосту туда и сюда спешили люди, пароходы и веселые турецкие лодки скользили по голубой глади Босфора, множество красивых зданий, вилл и дворцов отражались в воде, и всю картину освещало полуденное солнце. Вид этот проходил перед нашими глазами как панорама, но изображение было настолько ясным, что мы не могли понять, то ли мы сами движемся, то ли изображение движется перед нашими глазами. Перед нами бурлила жизнь, но ни единый звук не нарушал тяжелой тишины. Картина была беззвучна, как сон. Это было призрачное видение. Улица за улицей и квартал за кварталом проходили перед нашими глазами: вот перед нами базар с его узкими рядами маленьких лавочек под навесами, вот кофейня с серьезными, курящими кальяны турками, и, когда мы скользили мимо одной из кофеен, или она скользила мимо нас, один из курильщиков опрокинул кальян и кофе соседа, и нам доставил немалое удовольствие поток беззвучных ругательств. И так мы путешествовали по городу, пока не оказались перед большим дворцом, в котором я узнала дворец министра финансов. В канаве, позади дворца, неподалеку от мечети, в луже грязи лежал всклокоченный бедняга Ральф! Тяжело дыша и распластавшись на земле, он казался измученным и умирающим. А вокруг него собрались довольно жалкого вида дворняги, которые лежали на солнце, моргая, и ловили блох.

Я увидела то, что хотела, хотя не говорила дервишу ни слова о собаке, да и вообще пришла скорее из любопытства, не надеясь на успех. Мне не терпелось тут же пойти и получить Ральфа назад, но моя спутница попросила меня задержаться ненадолго, и я неохотно согласилась. Картина на диске исчезла, и мисс Х. заняла в свою очередь место рядом с дервишем.

– Я буду думать о НЕМ, – шепнула она мне на ухо тем горячим голосом, каким молодые леди обычно говорят о любимом человеке.

На диске появилась длинная полоса песчаного берега и голубое море с пляшущими барашками. По морю под ярким солнцем движется огромный пароход. Он идет вдоль пустынного берега, оставляя за собой молочно-белый след. На его палубе кипит жизнь: на носу что-то делают матросы, внизу из люка появился кок в снежнобелых колпаке и переднике, то там, то здесь проходят морские офицеры в форме, пассажиры толпятся на шканцах, либо сидя в складных креслах, флиртуют или читают, а молодой человек, которого мы обе узнаем, подходит к краю палубы и смотрит вдаль. Это ОН.

У мисс Х. прерывается дыхание, она краснеет и улыбается, а потом снова сосредоточивается. Изображение парохода исчезает, на какое-то мгновение магическая луна остается пустой, потом на ее сверкающей поверхности появляются новые пятна и мы видим, как из ее глубин появляется библиотека. Это большая библиотека с зелеными ковром и гардинами, по стенам всюду стоят книжные полки, а посредине в кресле за столом под висячей лампой сидит и пишет старый джентльмен. Его седые волосы зачесаны назад, лицо чисто выбрито, оно выражает доброжелательность.

Торопливым движением дервиш потребовал тишины. Свет на диске задрожал, но потом снова ровно засиял, и на какую-то секунду его поверхность оставалась пустой. И вот мы опять видим Константинополь, и теперь из жемчужных глубин щита появляется наш собственный номер в гостинице, бумаги и книги разложены на бюро, дорожная шляпа моей подруги лежит в углу, а ленты висят на зеркале. На кровати лежит то самое платье, которое она сменила перед тем, как отправиться со мной сюда. Каждая деталь точно указывала на место, в котором мы провели ночь, как будто кому-то было важно доказать, что то, что мы видели – реальность, а не нечто, вызванное нашим воображением. Как последнее доказательство, на туалетном столике лежали два письма, написанные разными почерками, моя спутница быстро узнала. Одно из них пришло от ее родственника. Он был очень дорог ей, и она давно, еще в Афинах, ждала от него вестей, но так и не дождалась. Картина исчезла, и мы увидели комнату ее брата. Сам он лежал в кресле, а слуга мыл ему голову, с которой, к нашему ужасу, текла кровь. Час назад мы оставили паренька в полном здравии и теперь, увидев такую картину, моя спутница испустила крик ужаса, схватила меня за руку и потащила к двери. Внизу, в длинной зале мы присоединились к нашему провожатому и к друзьям и поспешили обратно в гостиницу.

Молодой Х. упал с лестницы и довольно сильно рассек лоб, в нашей комнате на туалетном столике действительно лежали письма, которые прибыли в наше отсутствие. Оба нам переслали из Афин. Заказав экипаж, я немедленно поехала к министерству финансов и там вместе с провожатым я торопливо пошла к канаве, которую впервые в жизни увидела на сияющем диске. Там, посреди лужи, весь в грязи, всклокоченный, полумертвый от голода, но все еще живой, лежал мой красавец спаниэль Ральф, а вокруг него были те же самые моргающие дворняжки, которые равнодушно ловили зубами блох.

ИЗ СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ
Рождественская история

Ровно год назад, под Рождество, в загородном доме, а точнее сказать, старом родовом замке одного богатого финского землевладельца, собралось многолюдное общество. Все здесь было окрашено гостеприимством, унаследованным от наших предков, на всем лежала печать средневековых обычаев, связанных с преданиями и суевериями, финскими и русскими. Последние были завезены сюда с берегов Невы женщинами, владевшими в разное время замком.

В доме наряжали рождественские елки и готовились к гаданию. В этом старинном замке на стенах висели покрытые плесенью мрачные портреты знаменитых предков, дам и рыцарей, были здесь и пустынные башни с бастионами и готическими окнами, и таинственные коридоры, и темные бесконечные погреба, с легкостью превращавшиеся в потайные ходы и подземелья, в темницы, населенные беспокойными призраками героев местных легенд. Короче говоря, все в этом замке располагало к страшным романтическим

историям. Но увы! На сей раз они нам не понадобятся. В нашем рассказе эти добрые старые ужасы не будут играть той роли, которая им обычно отводится.

Главный его герой – ничем не примечательный человек. Назовем его Эрклером. Итак, доктор Эрклер, профессор медицины, немец по отцу и вполне русский по матери и по образованию, полученному в России, ничем особенным не выделялся, хотя был довольно крепкого телосложения. И тем не менее с ним случались весьма необычные вещи.

Как оказалось, Эрклер был заядлым путешественником. По собственной воле он сопровождал одного из самых известных исследователей в его кругосветных путешествиях. Не раз они смотрели смерти в лицо, мужественно перенося тропический зной и полярный холод. Но несмотря на это, доктор всегда с большим воодушевлением рассказывал о зимовках в Гренландии и на Новой земле, о пустынях Австралии, где они на завтрак ели кенгуру, а на обед – мясо эму, и о том, как они едва не погибли от жажды во время сорокачасового перехода по безводной пустыне.

"Да, – говорил он, – я испытал в жизни почти все, за исключением того, что вы назвали бы сверхъестественными явлениями. Правда, если не брать в расчет некий необыкновенный случай – я имею в виду встречу с одним человеком, о котором вам сейчас расскажу – и его... в самом деле довольно странные, я бы даже сказал, совершенно необъяснимые последствия..."

Все сразу потребовали от него объяснений, и доктор, вынужденный уступить уговорам, начал свой рассказ.

"В 1878 году обстоятельства вынудили нас встать на зимовку на северо-западном берегу Шпицбергена. В течение короткого северного лета мы пытались пробиться к полюсу, но, как это обычно бывает, попытки окончились неудачей из-за айсбергов, и нам пришлось отступить. Едва мы разбили лагерь, как спустилась полярная ночь, и наши корабли оказались в ледовом плену в заливе Массела. И мы поняли, что восемь долгих месяцев будем отрезаны от остального мира. Признаться, я поначалу этому ужаснулся. Снежный буран, за одну ночь разбросавший большую часть строительных материалов, предназначенных для зимних жилищ, и погубивший более сорока оленей из нашего стада, привел нас в уныние. Перспектива голодной смерти не способствовала хорошему настроению. С потерей оленей мы лишились жаркого – наилучшего средства от полярных морозов, ведь в таком климате организм человека нуждается в дополнительном тепле и хорошем питании. Однако мы смирились с нашими потерями и даже привыкли к здешней, на самом деле более питательной, пище – тюленьему мясу и жиру. Из оставшегося материала наши люди построили дом, разделенный на два отсека (один предназначался для трех профессоров и для меня, другой – для всех остальных), и несколько деревянных сараев, предназначенных для метеорологических, астрономических и магнитных исследований, и даже стойло для нескольких уцелевших оленей. И тогда бесконечной чередой потянулись однообразные полярные дни и ночи без рассвета, которые можно было различить друг от друга с большим трудом, только по темно-серым теням. Временами нас охватывала ужасная тоска. В сентябре мы собирались отправить домой два из трех наших кораблей, но преждевременно образовавшиеся вокруг них ледяные стены разрушили наши планы. Теперь, когда к нам присоединились экипажи судов, мы были вынуждены еще больше экономить наш скудный провиант, топливо и свет. Лампы использовались только для научных целей, в остальное время нам приходилось довольствоваться естественным освещением, создаваемым луной и северным сиянием.

...Как описать этот изумительный, ни с чем не сравнимый полярный свет! Все эти кольца, стрелы, гигантские зарева, сотканные из четко отграниченных друг от друга лучей самых ярких и разнообразных оттенков. Ноябрьские лунные ночи были пленительно прекрасны. Переливы лунного света на снегу и обледеневших скалах поражали воображение. Это были сказочные ночи!

И вот, в одну из таких ночей – а, может быть, и дней, ибо, насколько я помню, с конца ноября и почти до середины марта там совсем не было сумерек, позволяющих отделить день от ночи, – на фоне разноцветных лучей, окрашивающих снежные равнины в золотисто-розовые тона, мы вдруг заметили темное движущееся пятно. Оно увеличивалось в размерах и, казалось, дробилось по мере приближения к ним. Что это было: стадо или группа людей,

торопливо идущих по снежной пустыне! Но животные были там белого цвета, как и все вокруг. Что же это тогда? Люди?..

Мы не могли поверить своим глазам. Действительно, группа людей приближалась к месту нашей зимовки. Это были пятьдесят охотников на тюленей, которых возглавлял Матилисс, знаменитый мореплаватель из Норвегии. Как и мы, они также оказались в плену у айсбергов.

"Как вы узнали, что мы находимся здесь?" – спросили мы.

"Нас привел сюда старый Йохен", – ответили они, указывая на почтенного седовласого старца. По правде говоря, их проводнику следовало бы сидеть дома у очага, а не охотиться на тюленей вместе с более молодыми мужчинами в северных краях. И мы сказали им об этом и опять спросили, как же все-таки он узнал о нашем присутствии в этом царстве белых медведей. Матилисс и члены его команды улыбнулись в ответ и заверили нас, что старый Йохен знает обо всем. Они заметили, что мы, вероятно, впервые в заполярье, раз ничего не слышали о Йохене и продолжаем удивляться тому, что говорят о нем.

"...Вот уже почти сорок пять лет, – сказал предводитель охотников, – как я охочусь на тюленей в северных морях, и, насколько помню, он всегда был таким же, как и сейчас, седобородым стариком. И даже в те далекие времена, когда я, будучи маленьким мальчиком ходил в море со своим отцом, он рассказывал мне о старом Йохене то же самое и добавлял при этом, что и его отец и дед также знали с детства старого Йохена, который всегда был белым, как наши снега. И мы, охотники на тюленей, как и наши предки, до сих пор зовем его "седым ясновидцем".

"Неужели вы хотите убедить нас в том, что ему двести лет!" – рассмеялись мы. Некоторые из наших моряков, столпившихся вокруг этого седовласого чуда, засыпали его вопросами.

"Сколько же вам лет, дедушка?"

"Я и сам не знаю, сыночки. Я живу ровно столько, сколько определил мне Господь. Я никогда не считал свои годы".

"А как вы узнали, что мы зимуем именно в этом месте?"

"Дорогу мне указывал Бог. Как это получилось, я не знаю. Единственное, что мне было известно, это куда надо держать путь".

ОЖИВШАЯ СКРИПКА

I

В 1828 году в Париж со своим учеником приехал старый немец – учитель музыки – и поселился в одном из тихих предместий столицы. Старика звали Самуэль Клаус; имя ученика звучало более поэтично – Франц Стенио. Молодой человек, по слухам, был скрипачом с необыкновенным, почти сказочным талантом. Поскольку он был беден и не успел еще сделать себе имени в Европе, он провел несколько лет в столице Франции – центре переменчивой континентальной моды – в полной безвестности. Франц был родом из Штирии; ко времени описываемых здесь событий ему было двадцать с небольшим. Будучи философом и мечтателем по натуре, наделенным всеми мистическими странностями подлинного гения, он напоминал кого-то из героев фантастических сказок Гофмана. Юные годы Франца протекали в очень необычной, даже чудной обстановке. И об этом необходимо сказать несколько слов, чтобы читателю стала понятнее эта история.

Франц родился в тихом городке, затерявшемся среди Штирийских Альп, в семье набожных сельчан. Ребенка нянчили "гномы, которые присматривали за его колыбелькой"; он рос в странной атмосфере, наполненной рассказами о привидениях и вампирах, играющих такую важную роль в жизни каждого штирийца и словенца, обитающего на юге Австрии, и позднее получил образование в Германии, под сенью средневековых рейнских замков. С самого детства Франц прошел через все эмоциональные стадии увлечения так называемыми "сверхъестественными явлениями". Одно время он изучал "оккультные науки" вместе с восторженным последователем учения Парацельса и Кунрата. В алхимии для него почти не

осталось никаких секретов, а, познакомившись с венгерскими цыганами, он попробовал себя в "ритуальной магии" и в "колдовстве". Но больше всего на свете Франц любил музыку, а еще больше музыки – свою скрипку.

Когда ему исполнилось 22 года, он вдруг оставил практические занятия оккультизмом и с этого дня целиком посвятил себя искусству, хотя в глубине души был предан прекрасным греческим богам. Из уроков по античной литературе в памяти у него сохранилось все, что имело отношение к музам, особенно к Эвтерпе, алтарю которой он поклонялся, и Орфею, волшебную кифару которого он старался превзойти, играя на скрипке. Нимфы и сирены, очевидно, вследствие их двойного родства с музами через Каллиопу и Орфея, занимали воображение Франца гораздо больше, нежели вопросы этого подлунного мира. Все его мечты, подобно фимиаму, подхваченные волной неземной гармонии, которую он извлекал из своего инструмента, уносились в возвышенные и благородные сферы. Он грезил наяву и жил настоящей, хотя и заколдованной жизнью только в те часы, когда благодаря своему волшебному смычку в потоке звуков возносился к языческому Олимпу, к ногам Эвтерпы. Он был странным ребенком, ибо рос в атмосфере всевозможных историй о колдовстве и магии, затем превратился в еще более странного юношу, и наконец достиг зрелого возраста, при этом ничто свойственное юности не коснулось Франца. Ни одно прекрасное девичье лицо не привлекло к себе его взора, ни разу за все время одиноких занятий его мысли не обращались к тому, что лежало за пределами жизни знакомых ему цыган-мистиков. Довольствуясь своим собственным обществом, он провел так лучшие годы отрочества и юности, в качестве своего главного идола имея скрипку, а своими единственными слушателями – богов и богинь древней Эллады, пребывая в полном неведении относительно практической жизни. Все его существование было одним нескончаемым днем, наполненным грезами, музыкой и солнечным светом, и Франц никогда не испытывал никаких иных желаний.

Какими никчемными, но в то же время, какими чудесными были эти мечты! Какие яркие картины вспыхивали в его сознании! Стоило ли желать какой-то лучшей доли? Разве он не был тем, кем хотел быть, молниеносно превращаясь то в одного, то в другого героя, – то в Орфея, которому вся природа внимала, затаив дыхание, то в пастуха, игравшего на свирели наядам в тени платана у чистейшего источника Каллихоры? Разве не сбегались быстроногие нимфы на звуки волшебной флейты аркадского пастуха, которым был он? Сама богиня Любви и Красоты спускалась к нему со своего Олимпа, привлеченная его сладкозвучной скрипкой!.. Однако пришло время, когда он предпочел Афродите Сирингу – но не преследуемую Паном прекрасную нимфу, а уже превращенную милосердными богами в тростник, из которого обманутый бог пастухов сделал себе волшебную свирель. Когда он пытался передавать на своей скрипке пленительные звуки, раздававшиеся у него в голове, весь Парнас зачарованно умолкал или отзывался на его игру небесным хором. Однако теперь Франц страстно мечтал добиться признания не у богов, воспетых Гесиодом, а у самых придирчивых ценителей музыки из европейских столиц. Ведь человек всегда стремится к чему-то большему, и его тщеславие редко бывает удовлетворено. Он завидовал волшебной свирели и хотел бы ею обладать.

"О, если бы я мог завлечь нимфу в свою любимую скрипку! – часто восклицал он, пробуждаясь от своих снов наяву. – Если бы я мог хотя бы мысленно перепрыгнуть через пропасть Времени! Если бы мне удалось хотя бы на денек приобщиться к таинственному искусству богов, стать самому богом, приводя в восхищение человечество, проникнуть в тайну лиры Орфея или заключить сирену в свою собственную скрипку – на благо всем смертным и во славу себе!"

Слишком долго он грезил в обществе воображаемых богов, и теперь им овладели мечты о преходящей земной славе. Но в это время овдовевшая мать Франца неожиданно отозвала сына домой из одного немецкого университета, где он учился последние год или два. Это событие положило конец его планам, по крайней мере, на ближайшее будущее, ибо до сих пор он жил на те жалкие гроши, которые она ему посылала, а его средств было недостаточно для самостоятельной жизни вдали от родных мест.

Его возвращение имело неожиданное последствие. Вскоре после приезда нежно любимого сына мать Франца умерла; и добропорядочные жены города чуть ли не целый месяц упражняли свои бойкие языки, строя предположения относительно того, что же явилось истинной причиной ее смерти.

До приезда Франца фрау Стенио была крепкой, пышущей здоровьем женщиной средних лет. Набожная и религиозная, она никогда не забывала о молитвах и не пропустила ни одной утренней мессы за все время отсутствия сына. В первое воскресенье, после того как Франц вернулся домой – этого дня она ждала с нетерпением и не раз воображала, как ее сын преклонит колени подле нее в церковке на холме, – фрау Стенио окликнула его с нижних ступенек лестницы. Ее набожная мечта должна была вот-вот осуществиться, и она поджидала сына, бережно вытирая пыль с молитвенника, которым Франц пользовался в отрочестве. Но вместо Франца на зов матери откликнулась его скрипка, и ее звонкий голос смешался с надтреснутым перезвоном воскресных колоколов. Любящая мать была неприятно поражена, когда услышала, как эти боговдохновенные звуки заглушила какая-то странная и таинственная мелодия "Пляски ведьм", показавшаяся ей неземной и издевательской. Фрау Стенио и вовсе едва не лишилась чувств, услыхав решительный отказ нежно любимого сына пойти на церковную службу. Он никогда не ходил в церковь, холодно заметил Франц. Это пустая трата времени; а, кроме того, старый церковный орган действует ему на нервы. Ничто не заставит его подвергнуть себя пытке, слушая этот расстроенный инструмент. Франц был неумолим, и переубедить его не было никакой возможности. И чтобы положить конец ее мольбам и увещеваниям, он сыграл ей только что сочиненный им "Гимн солнцу".

С этого памятного воскресного утра фрау Стенио утратила душевный покой. Она поспешила в исповедальню, дабы излить свою печаль и найти утешение; но то, что она услышала от сурового священника, наполнило ее кроткую и бесхитростную душу смятением, едва ли не отчаянием. С этого момента ее не покидал страх и чувство глубокого ужаса. Тревога не давала ей уснуть по ночам, а дни она проводила в слезах и молитвах. Тревожась о спасении души своего любимого сына, о его загробной жизни, она принесла несколько поспешных обетов. Но поскольку ни обращение к Божьей матери на латыни, написанное по просьбе фрау Стенио ее духовным отцом, ни ее собственные мольбы на немецком языке, обращенные ко всем святым, которые, по ее убеждению, пребывали в раю, не принесли желаемого результата, она решила совершить несколько паломничеств к святой часовне, расположенной высоко в горах, она простудилась на ледниках Тироля, спустилась вниз и слегла в постель, с которой так и не поднялась. В каком-то смысле молитвы фрау Стенио все же оказались не совсем напрасными: бедная женщина получила теперь возможность, так сказать, на небесах лично обратиться к святым, которым она так верила, и взмолить их о прощении своего сына вероотступника, отвернувшегося от них и от церкви, глумившегося над монахами и таинством исповеди и не переносившего церковный орган.

Франц искренне оплакивал кончину матери, но, не догадываясь о том, что был косвенной причиной ее смерти, он не испытывал угрызений совести. Продав скромное домашнее имущество, с тощим кошельком и легким сердцем, он решил отправиться в странствия на год или два, прежде чем осесть где-то и заняться каким-нибудь делом.

В основе этого плана совершить путешествие лежало смутное желание увидеть большие города Европы и попытать счастья во Франции, но привычка к богемному образу жизни была в нем слишком сильна, чтобы сразу с ней расстаться. Свой скромный капитал он отдал банкиру, так сказать, на черный день, и отправился в пешее путешествие по Германии и Австрии. Игрой на скрипке он расплачивался за стол и ночлег на фермах и постоялых дворах, встречавшихся ему по пути, и все время проводил в зеленеющих полях или среди возвышенного безмолвия леса, наедине с природой и, как обычно, предаваясь грезам наяву. За три месяца этих приятных скитаний без определенной цели Франц ни на секунду не спустился с вершины Парнаса на грешную землю. Но, уподобясь алхимику, превращающему свинец в чистое золото, все, что попадалось ему на пути, он обращал в песни Гесиода или Анакреонта. По вечерам, когда он, расположившись на зеленой лужайке или в зале сельского трактира, зарабатывал себе на ужин и ночлег игрой на скрипке, все вокруг него преображалось. В его воображении сельские парни и девушки превращались в аркадских нимф и пастухов, а земляной пол – в прекрасный зеленый газон. Кружившиеся в размеренном вальсе с дикой грацией прирученных медведей неуклюжие пары становились жрецами и жрицами Терпсихоры. Пышнотелые розовощекие и голубоглазые дочери сельской Германии были для него Гесперидами, которые водили хоровод вокруг деревьев, согнувшихся под тяжестью золотых яблок. Но прекрасные мелодии аркадских полубогов,

которые играли на своих свирелях и были доступны лишь его волшебному слуху, не исчезали на рассвете. Едва спадала с его глаз пелена сна, как он отправлялся в очередное волшебное царство дневных грез. По дороге к какому-нибудь тенистому и величественному хвойному лесу он беспрестанно играл себе и всему, что его окружало: зеленому холму и горам, и покрытые мхом скалы подступали к нему поближе, чтобы как можно лучше его слышать, словно он был Орфеем. Франц играл веселому ручейку, торопливой реке, и они замедляли бег своих волн, завороженные звуками его скрипки. Даже длинноногий аист, который стоя на одной ноге, замер в задумчивости на соломенной крыше сельской мельницы, сосредоточенно решая для самого себя загадку своего слишком дорогого существования, посылал вслед ему протяжный и пронзительный крик: "О Стенио, ты сам Орфей!"

Это было время полного блаженства, ежедневных и почти ежечасных восторгов. Последние слова умирающей матери, шептавшей ему об ужасах вечного наказания, оставили его равнодушным, и ее предостережение вызвало в нем лишь образ Плутона. Он отчетливо увидел владыку подземного царства, который приветствовал его, как когда-то приветствовал мужа Эвридики. Чарующие звуки скрипки вновь остановили колесо Иксиона, облегчая страдания несчастного соблазнителя Юноны и уличая во лжи тех, кто требовал вечного наказания осужденным грешникам. Тантал забыл о терзавших его голоде и жажде – их утолила небесная мелодия Франца. Сизифов камень замер в неподвижности; и даже фурии улыбались ему, а восхищенный его игрой мрачный Плутон предпочел скрипку Стенио кифаре Орфея. Таким образом, серьезное отношение к мифам, особенно если оно подкреплено безрассудной и страстной любовью к музыке, кажется нам превосходным средством от страха, возникающего перед лицом богословских угроз. Вместе с Францем Эвтерпа могла одержать верх в любом состязании, даже вступив в схватку с самим властителем ада!

Но все когда-то кончается, и очень скоро Францу пришлось пробудиться от своих нескончаемых грез. Он добрался до университетского городка, где жил его старый учитель музыки Самуэль Клаус. Когда этот старомодный музыкант узнал, что его любимый ученик остался на белом свете один и почти без средств к существованию, он почувствовал, что давняя привязанность к юноше вновь возродилась в его душе с удвоенной силой. Он отдал Францу все тепло своего сердца и стал заботиться о нем, как о родном сыне.

Старый учитель напоминал одного из тех нелепых персонажей, что, кажется, сошли с какого-нибудь средневекового витража. К тому же, обладая странными повадками домового, Клаус отличался необыкновенно отзывчивым сердцем, таким же нежным, как у женщины, и готовностью к самопожертвованию первых христианских мучеников. Когда Франц вкратце изложил ему историю последних лет своей жизни, профессор взял его за руку и, отведя молодого человека к себе в кабинет, просто сказал: "Довольно скитаться, оставайся у меня. Стань знаменитым. Я стар, у меня нет детей, я заменю тебе отца. Будем жить вместе и забудем обо всем, кроме славы".

И Самуэль Клаус сразу же предложил Францу отправиться в Париж через несколько крупных городов Германии, где они будут давать концерты.

За несколько дней Клаус добился того, что Франц забыл свою скитальческую жизнь и связанную с ней артистическую независимость, ему удалось пробудить в нем дремавшее до сих пор честолюбие и жажду мировой славы. С тех пор как умерла его мать, он довольствовался лишь аплодисментами богов и богинь, населявших его воображение; теперь же он опять почувствовал страстное желание снискать восхищение у простых смертных. Под наблюдением умного и заботливого Клауса его замечательный талант крепнул с каждым днем и приобретал все большее очарование. Известность Франца росла, и с каждым новым концертом, который он давал в больших и малых городах, число его поклонников увеличивалось. Его честолюбивые мечты быстро претворялись в жизнь. Признанные гении различных музыкальных центров, оказывавшие ему покровительство, вскоре провозгласили Франца Стенио лучшим скрипачом современности, а публика во весь голос объявила, что он превзошел всех музыкантов, которых ей доводилось когда-либо слышать. Эти восторженные похвалы скоро вскружили голову и маэстро и его ученику.

Но Париж был более сдержанным в своих оценках. Париж сам создавал репутации, ничего не принимая на веру. Они прожили во Французской столице уже почти три года и все

еще с большими трудностями карабкались на артистическую Голгофу, как вдруг произошло событие, отнявшее у них даже самые скромные надежды. В Париж впервые должен был приехать Никколо Паганини, и Лютеция с нетерпением ожидала встречи с ним. И когда этот не имеющий себе равных музыкант прибыл, весь Париж тотчас упал к его ногам.

II

Известно, что, согласно суевериям, зародившимся в мрачную эпоху средневековья и дошедшим почти до середины XIX века, любой незаурядный талант, подобный тому, которым обладал Паганини, люди приписывали действию "сверхъестественных" сил. Всех великих музыкантов при их жизни обвиняли в сделке с дьяволом. Достаточно напомнить читателю несколько подобных историй.

Так, о великом скрипаче и композиторе XVII столетия Тартини говорили, что своими самыми вдохновенными творениями он обязан дьяволу, которому якобы продал душу. Конечно, подобное обвинение было вызвано тем волшебным впечатлением, которое он производил на своих слушателей. Благодаря виртуозной игре на скрипке за ним в Италии утвердился титул "мастера всех народов". "Соната Дьявола", называемая также "Сном Тартини", – и это может подтвердить всякий, кто ее слышал, – была самой таинственной изо всех когда-либо сочиненных на земле мелодий, поэтому превосходное произведение стало источником нескончаемых легенд. Они не были совсем беспочвенны, поскольку Тартини сам способствовал их распространению. Он признался, что записал музыку после того, как ему приснился сон, в котором сонату исполнил для него Сатана в результате заключенной с Его Инфернальным Величеством сделки. Даже некоторые знаменитые певцы, чьи необыкновенные голоса вызывали у слушателей восхищение и одновременно суеверный страх, не избежали подобных обвинений. Великолепный голос Пасты объясняли тем, что за три месяца до ее рождения мать оперной дивы, впав в состояние экстаза, вознеслась на небеса и услышала там пение ангелов. Одни говорили, что Малибран обязана своим голосом святой Цецилии, другие утверждали нечто иное – демон баюкал ее в колыбели, и этим будто бы объясняется дар певицы. Наконец, Паганини, обыкновенный итальянец и непревзойденный музыкант, который, подобно Джубалу Драйдена, игравшему на "гармонической раковине", вынуждал толпы людей поклоняться дивным звукам и высказывать догадки, что "вовсе и не бог вселился в его скрипку", так вот, Паганини тоже оставил после себя легенду.

Над почти сверхъестественным искусством величайшего скрипача, которому до сих пор не было равных, часто размышляли, но так и не смогли проникнуть в его тайну. Он производил на публику непостижимое, захватывающее впечатление. Говорят, что великий Россини, услышав впервые, как он играет, плакал, как сентиментальная немецкая девушка. Сестра великого Наполеона, принцесса Элиза де Лукка, на службе у которой состоял Паганини, являясь дирижером ее оркестра, долгое время не могла слушать его игру, ибо падала в обморок. У женщин он по своему желанию вызывал нервные припадки и истерику, стойких мужчин приводил в неистовство. Трусы превращались в героев, а храбрые солдаты становились похожими на слабонервных школьниц. Неудивительно, что вокруг имени таинственного генуэзца, этого нового Орфея Европы, многие годы ходили сотни самых невероятных легенд. Одна из них была особенно ужасна. Распространился слух, в который многие верили, хотя и не сознавались в этом, что струны его скрипки сделаны из человеческих кишок в соответствии со всеми правилами и требованиями черной магии. И хотя это кое-кому покажется преувеличением, тут нет ничего невероятного, и очень может быть, что именно эта легенда привела к необыкновенным событиям, о которых мы собираемся рассказать. Восточные колдуны часто используют человеческие органы; и это уже установленный факт, что некоторые бенгальские тантрики (чтецы "тантр", или "обращений к демону", описанные одним почтенным автором) используют трупы людей и их внутренние и внешние органы в магических целях. Как бы то ни было, теперь, когда магнетические и месмерические свойства гипноза признаются большинством врачей, можно гораздо определеннее, чем раньше, говорить о том, что необыкновенное воздействие, оказываемое игрой Паганини, вероятно, нельзя полностью объяснить его талантом и гениальностью. Изумление, смешанное с трепетом, с такой легкостью внушаемое им

публике, объяснялось как его внешностью, в которой, по свидетельствам его биографов, "было что-то роковое и демоническое", так и невыразимым очарованием, присущим его виртуозной технике. Последнее подтверждается его безупречной имитацией флажолета и исполнением протяжных великолепных мелодий на одной струне "соль". Многие музыканты безуспешно пытались воспроизвести эту технику, но Паганини и по сей день остается непревзойденным.

Из-за своей необыкновенной внешности – друзья музыканта именовали ее странной, а чересчур нервные жертвы его исполнительского искусства – дьявольской – опровергнуть нелепые слухи ему было очень нелегко. Современники Паганини были готовы поверить в них скорее, чем мы, живущие ныне. По всей Италии и даже в его родном городе люди шептались о том, что Паганини будто бы убил свою жену, а потом и любовницу, которых страстно любил и которых без колебаний принес в жертву дьявольскому честолюбию. Говорили, что, овладев секретами магии, он заточил души обеих женщин в свою скрипку знаменитую Кремону.

Близкие друзья прославленного Э. Т. А. Гофмана утверждали, что образ советника Креспеля из новеллы "Скрипка Кремоны" автору романа "Эликсир дьявола", "Мастера Мартина" и других очаровательных мистических историй навеяла легенда о Паганини. Те, кто читал новеллу, конечно, помнят историю о знаменитой скрипке: в нее вселилась душа и голос известной дивы, возлюбленной Креспеля, им убитой, а затем к ним добавился голос его любимой дочери Антонии. Очевидно, Гофман слышал игру Паганини, раз он использовал в своем произведении такую странную и на первый взгляд неправдоподобную историю. Однако поверить в нее заставляла необыкновенная легкость, с какой музыкант не только извлекал из своего инструмента какие-то совершенно потусторонние звуки, но и вполне человеческие голоса. Подобные эффекты могли привести публику в изумление, а наиболее впечатлительных повергнуть в состояние ужаса. Добавьте к этому еще и то, что определенный период в юности Паганини был окутан непроницаемой завесой тайны, поэтому самые нелепые вымыслы о нем надо будет признать отчасти не лишенными основания, и даже извинительными, особенно если речь идет о народе, предки которого имели своих борджиа и медичи в черной магии.

III

В ту далекую пору телеграфа еще не существовало, а газеты выходили ограниченными тиражами, поэтому слава распространялась не так быстро, как ныне.

Франц не сразу услышал о Паганини, но, когда это произошло, он поклялся, что если и не затмит блеск несравненного генуэзца, то, по крайней мере, окажется его достойным соперником. Одно из двух: или он станет самым знаменитым из живущих скрипачей, или разобьет инструмент и покончит с собой. Подобная решимость обрадовала старого Клауса, он довольно потирал руки, подпрыгивая на своей хромой ноге, словно увечный сатир, расточал ученику неуемные похвалы, льстил, убеждая себя, что делает это во имя святого и возвышенного искусства.

Три года назад, когда Франц впервые приехал в Париж, у него были все шансы на успех, но он потерпел неудачу. Музыкальные критики объявили его восходящей звездой, однако пришли к единодушному мнению, что ему понадобится еще несколько лет занятий, прежде чем он сумеет покорить публику. Поэтому после более чем двухлетней подготовки, не прекращавшихся ни на один день самозабвенных упражнений штирийский музыкант наконец почувствовал, что готов к первому серьезному выступлению в просторном зале Оперного театра, где должен был состояться публичный концерт перед самыми придирчивыми критиками Старого света. Но в этот ответственный момент в европейскую столицу прибыл Паганини, что создало препятствие на пути претворения надежд Франца, поэтому старый немец благоразумно отложил дебют своего ученика. Поначалу он подтрунивал над необузданными восторгами, хвалебными гимнами во славу генуэзского скрипача и над тем почти суеверным трепетом, с каким произносилось его имя. Но очень скоро образ Паганини превратился в раскаленное железо, которое жгло сердца обоих музыкантов, в пугающего призрака, неотступно преследовавшего Клауса. Прошло еще

несколько дней, и они стали вздрагивать при одном лишь упоминании имени их великого соперника, чей успех с каждым вечером становился все более беспримерным.

Первая серия концертов уже заканчивалась, но ни Клаус, ни Франц еще не получили возможность услышать Паганини и оценить его мастерство. Билеты стоили так дорого и такой крохотной была надежда на получение контрамарки у своего коллеги артиста, справедливо считавшегося на редкость скупым в денежных вопросах, что им, как и многим другим, пришлось ждать удачного случая. Но настал день, когда маэстро и его ученик почувствовали, что они больше не могут сдерживать свое нетерпение: они заложили часы и на вырученные деньги купили два самых дешевых билета.

Вряд ли кто сумел бы описать бурю восторга и восхищения, разразившегося в тот памятный, но роковой вечер! Публика неистовствовала: мужчины рыдали, женщины визжали и падали в обморок, а Клаус и Стенио своей бледностью напоминали призраков. Едва волшебный смычок Паганини коснулся струн, как Франц и Самуэль почувствовали, будто до них дотронулась ледяная рука смерти. Охваченные непреодолимым восторгом, который обернулся для них жестокой, нестерпимой душевной пыткой, они даже не решались посмотреть друг другу в глаза и за весь концерт не обмолвились ни единым словом.

В полночь, когда избранные представители музыкальных обществ и Парижской консерватории распрягли лошадей и сами с триумфом потащили карету великого артиста к его дому, оба немца вернулись в свое скромное жилище. На них было жалко смотреть. Мрачные и удрученные, они сидели на своих обычных местах у камина и хранили молчание.

"Самуэль! – воскликнул наконец Франц, бледный, как смерть. – Самуэль, нам остается теперь только умереть... Ты слышишь меня?.. Мы ничтожества! Мы были безумцами, когда полагали, что в этом мире кто-то может соперничать с ... ним!" Имя Паганини застряло у него в горле, и Франц обреченно рухнул в кресло.

Морщинистое лицо старого учителя вдруг побагровело. Его зеленые глазки засветились мерцающим светом, когда, наклонившись к ученику, он прошептал хриплым надтреснутым голосом: "Нет, нет! Ты ошибаешься, мой Франц! Я учил тебя, и ты овладел всеми тайнами великого искусства, которые простой смертный и вдобавок крещеный христианин может перенять у другого такого же простого смертного. Разве есть моя вина в том, что эти проклятые итальянцы прибегают к услугам Сатаны и дьявольским ухищрениям черной магии, чтобы безраздельно господствовать в искусстве?"

Франц взглянул на своего учителя. В его воспаленных глазах горел зловещий огонек, который недвусмысленно говорил ему, что для того, чтобы обрести подобное могущество, он тоже должен продать свое тело и душу дьяволу.

Однако Франц не проронил ни слова и, отведя взгляд от Клауса, задумчиво посмотрел на догорающие угли.

Сонмы давно забытых бессвязных грез, которые в дни юности казались Францу такими реальными, а потом были им отвергнуты и постепенно стерлись из памяти, теперь вновь наполнили его сознание так же ярко и живо, как и прежде. Воскресшие тени Иксиона, Сизифа и Тантала предстали перед его мысленным взором, гримасничая и вопрошая: "Что значит ад для тебя, человека в него не верящего? Но даже если ад действительно существует, то это ад, описанный древними греками, а не нынешними изуверами, то есть местность, населенная разумными тенями, для которых ты можешь стать вторым Орфеем".

Франц почувствовал, что вот-вот сойдет с ума, и, машинально повернув голову, он снова посмотрел прямо в глаза своему старому учителю, а затем отвел взгляд от его воспаленных очей.

То ли Самуэль понял, что творится в душе его ученика, то ли решил отвлечь его от мучительных размышлений, – это останется загадкой, как для читателя, так и для самого автора. Но какими бы ни были его намерения, немец произнес с притворным спокойствием: "Франц, мой дорогой мальчик, я говорю тебе, что мастерство этого проклятого итальянца лишено естественности, что дело здесь не в трудолюбии и одаренности. Не смотри на меня так дико, ибо то, о чем я говорю, на устах у миллионов людей. Выслушай меня и постарайся понять. Тебе известна странная история, которую рассказывают о знаменитом Тартини? Он умер в одну прекрасную ночь, ночь шабаша, задушенный своим демоном, который научил его тому, как заставить петь скрипку человеческим голосом, вложив в нее посредством заклинаний душу юной девы. Паганини сделал больше. Чтобы наделить свой инструмент

способностью издавать человеческие звуки, такие как рыдания, крики отчаяния, мольбы, стоны любви и ярости, словом научить скрипку передавать самые пронзительные оттенки человеческого голоса, Паганини убил не только свою женю и любовницу, но и своего друга, который относился к нему с такой нежностью, как никто другой на свете. Затем он сделал четыре струны для своей волшебной скрипки из кишок последней жертвы. В этом заключается секрет его завораживающего таланта, той всепоглощающей мелодии, того сочетания звуков, которыми тебе никогда не удастся овладеть, если только..."

Старик не закончил последней фразы, пораженный дьявольским взглядом ученика, и закрыл лицо руками. Франц тяжело дышал, и выражение его глаз напомнило Клаусу взгляд гиены. Он был смертельно бледен. Какое-то время он не мог говорить и только ловил ртом воздух. Наконец он едва слышно произнес: "Ты в этом уверен?" – "Конечно, я даже надеюсь тебе помочь". – "И... и ты действительно думаешь, что, только добыв струны из человеческих кишок, я смогу соперничать с Паганини?!" – спросил Франц после короткой паузы и опустил глаза. Старый немец открыл лицо и с каким-то странным выражением решимости на нем, тихо ответил: "Нам нужны не просто человеческие внутренности. Они должны принадлежать человеку, который любил вас по-настоящему – бескорыстной святой любовью. Тартини наделил свою скрипку душой девы. Но она умерла от безответной любви к нему. Коварный музыкант заранее приготовил сосуд, в который ему удалось поймать ее последний вздох, когда, умирая, она произнесла его дорогое имя; и Тартини затем передал ее дыхание своей скрипке. Историю о Паганини ты от меня уже слышал. Он, однако, заручился согласием своей жертвы, чтобы добыть человеческие кишки".

"О всесильный человеческий голос! – продолжал Самуэль после короткой паузы. – Что может сравниться с его красноречием, его пленительным обаянием? Ты думаешь, мой бедный мальчик, что мне не надо было посвящать тебя в эту великую последнюю тайну, но как быть, если тебя бросает прямо в объятия к тому... кого не следует поминать ночью?" – добавил Клаус, неожиданно возвращаясь к суевериям своей молодости.

Франц, не сказав ни слова, с ужасающим спокойствием поднялся, снял со стены свою скрипку, резким и сильным движением оборвал на ней струны и швырнул из в огонь.

Самуэль едва не вскрикнул от ужаса. Струны шипели на углях и, словно живые змеи, извивались и скручивались среди пылающих поленьев.

"Клянусь ведьмами Фессалии и колдовскими чарами Кирки! – воскликнул он, брызгая слюной, с горящими как угли глазами. – Клянусь адскими Фуриями и самим Плутоном, о Самуэль, мой учитель, что не притронусь к скрипке до тех пор, пока на ней не будут натянуты четыре человеческие струны! И пусть я буду проклят навеки, если нарушу эту клятву!" И он упал без чувств на пол с глухими рыданиями, которые, стихая, напоминали причитания возле тела усопшего. Старый Самуэль взял его на руки, словно ребенка, и отнес на постель, после чего поспешил за доктором.

IV

После той ужасной сцены Франц тяжело заболел, и заболел почти неизлечимо. Врач нашел у него воспаление мозга и сказал, что надо приготовиться к худшему. Девять долгих дней больной бредил; и Клаус, который ухаживал за ним, не отходя от его постели ни на минуту, заботясь о нем, как самая нежная мать, пришел в ужас от деяния своих рук. Впервые со времени их знакомства, благодаря тому, что его ученик впал в бредовое состояние, он смог проникнуть в самые темные уголки этой странной, суеверной, холодной и в то же время страстной натуры. И Клаус был потрясен тем, что ему открылось. Он увидел Франца таким, каким тот был на самом деле, а не тем, кем казался посторонним людям. Музыка была смыслом его существования, а похвалы – воздухом, которым он дышал, и без которого жизнь становилась для него тяжким бременем. Лишь струны скрипки были для Стенио источником энергии, но для того, чтобы поддерживать огонь жизни, ему были нужны аплодисменты людей и даже богов. Клаус с изумлением обнаружил искреннюю, артистическую, земную душу, но божественное начало в ней напрочь отсутствовало. У этого питомца муз, наделенного богатым воображением и каким-то рассудочным поэтическим даром, не было, однако, сердца. Вслушиваясь в этот исступленный бред, в то, что возникало в больной фантазии Франца, Клаус чувствовал себя так, будто впервые за всю свою долгую

жизнь исследовал удивительную неизвестную страну – человеческую природу, но не в нашем мире, а на какой-то еще незавершенной планете. И увидев все это, Клаус содрогнулся. Не раз он задавался вопросом: а не окажет ли он услугу "своему мальчику", если позволит ему умереть, прежде, чем Франц придет в чувства?

Но он слишком сильно любил своего ученика, чтобы долго вынашивать подобную мысль. Франц околдовал его истинно артистическую натуру, и теперь Клаус чувствовал, что их жизни неотделимы одна от другой. Старик никогда не испытывал ничего подобного, поэтому он решил спасти Франца даже ценой своей долгой и, как ему казалось, впустую прожитой жизни.

На седьмой день болезни наступил ужасный кризис. Целые сутки больной не смыкал глаз и не замолкал ни на минуту, находясь в состоянии бреда. Он подробно описывал каждое из своих необыкновенных видений. Фантастические, призрачные тени нескончаемой и неторопливой процессией выплывали из полумрака его тесной комнаты, и Франц окликал каждую из них по имени, словно здоровался со своими старыми знакомыми. Себя же он называл Прометеем, ему казалось, что он прикован к скале четырьмя оковами, сделанными из человеческих кишок. У подножия кавказских гор бежали черные воды Стикса... Они покинули Аркадию и теперь пытались окружить семью кольцами скалу, на которой он мучился...

"Хочешь ли ты узнать, как называется Прометеева скала, старик? – прокричал он в ухо своему приемному отцу. – Тогда слушай... имя ей... Самуэль Клаус..." – "Да, да, – печально бормотал немец. – Это я погубил Франца, пытаясь принести ему утешение. Рассказы о колдовстве Паганини слишком сильно поразили его воображение. О, бедный мой мальчик!" – "Ха! Ха! Ха! – больной разразился громким резким смехом. – Ах! Что ты говоришь, бедный старик?.. Да, да, ты не отличаешься большой стойкостью. Ты выглядел счастливым, только когда играл на прекрасной Кремоне!.."

Клаус вздрогнул, но ничего не сказал. Он только наклонился к бредившему молодому человеку и, поцеловав его в лоб с нежностью любящей матери, на некоторое время покинул комнату больного, чтобы привести в порядок свои мысли. Когда он вернулся, бред больного перешел в другую стадию: Франц пытался подражать звучанию скрипки.

А к вечеру этого дня больному стали мерещиться призраки. Он видел духов огня, которые хватались за его скрипку. Их костлявые руки с пылающими когтями, выросшими из каждого пальца, подзывали старого Самуэля... Они обступали учителя, собираясь растерзать его... "единственного человека на свете, который любит меня бескорыстной возвышенной любовью... чьи кишки могут принести хоть какую-то пользу!" – продолжал бормотать Франц с горящим взором и демоническим хохотом.

На другое утро жар, однако, спал, и к концу девятого дня Стенио поднялся с постели, ничего не помня о своей болезни и не подозревая, что позволил Клаусу прочесть свои самые сокровенные мысли. Да и мог ли он знать, что ему пришло в голову принести в жертву своему честолюбию старого учителя? Вряд ли. Единственным непосредственным результатом его роковой болезни стало то, что, поскольку из-за принесенной клятвы его артистический дар не находил себе выхода, в нем проснулась другая страсть, которая могла дать пищу его тщеславию и необузданной фантазии. Он с головой ушел в изучение оккультных наук, алхимии и магии. Занимаясь магией, молодой мечтатель пытался заглушить тоску по своей, как он полагал, навсегда утраченной скрипке...

Проходили недели и месяцы, однако, ни учитель, ни его ученик больше не заговаривали о Паганини. Глубокая печаль овладела Францем. Оба они лишь изредка обменивались друг с другом несколькими словами. Скрипка висела на своем обычном месте – молчаливая, без струн, покрытая толстым слоем пыли. Словно рядом с ними находилось чье-то бездыханное тело.

Молодой человек помрачнел и стал язвительным, он избегал даже упоминаний о музыке. Однажды, когда его старый учитель после долгих колебаний извлек свою скрипку из запыленного футляра и приготовился что-нибудь сыграть, Франца передернуло, но он промолчал. Однако, едва раздались первые звуки, как в его глазах загорелся сумасшедший огонек, и Франц бросился вон из дома. Он долго бродил по городским улицам и не возвращался. Тогда Самуэль в свою очередь отшвырнул скрипку и уединился к себе в комнату, откуда не выходил до самого утра.

Как-то вечером, когда Франц сидел особенно бледный и угрюмый, старый учитель вдруг вскочил со своего места и, подпрыгивая как сорока, приблизился к ученику, запечатлел у него на лбу нежный поцелуй и взвизгнул каким-то неестественно тонким голосом: "Не пора ли положить всему этому конец?.."

Тогда Франц, выходя из своего обычного летаргического состояния, отозвался на его слова каким-то задумчивым тоном, будто произнес это во сне: "Да, с этим пора кончать", после чего они разошлись по своим комнатам и легли спать.

Наутро, когда Франц проснулся, его удивило, что он не видит старого учителя, который обычно приветствовал его, сидя на своем месте. Но за последние несколько месяцев молодой человек сильно изменился и поэтому не придал вначале особого значения его отсутствию. Он оделся и вошел в соседнюю комнату, маленькую гостиную, в которой они ели и которая разделяла их спальни. С тех пор как угли в камине потухли прошлой ночью, огонь никто не разжег, и было видно, что хлопотливые руки старого учителя, обычно занимавшегося домашними делами, нигде не оставили своих следов. Весьма этим озадаченный, но не встревоженный, Франц занял свое привычное место сбоку от остывшего камина и погрузился в бесплодные мечты. Когда он потянулся в кресле, заложив обе руки за голову – это была его любимая поза, – молодой человек смахнул что-то с полки позади себя, и на пол с грохотом обрушился какой-то предмет.

Это был футляр, в котором лежала старая скрипка Клауса. От удара он раскрылся, и скрипка, выпав из футляра, подкатилась к ногам Франца. Струны, задев о медную решетку камина, издали протяжный, печальный и заунывный звук, напоминающий стон безутешной души. Казалось, он наполнил всю комнату и проник в самое сердце молодого человека. Звон лопнувшей скрипичной струны произвел на него магическое действие.

"Самуэль! – закричал Стенио, и неведомый ужас вдруг овладел всем его существом. – Самуэль! Что случилось?.. Мой добрый, мой дорогой старый учитель!" И Франц устремился в его каморку и с размаху распахнул дверь. Никто не откликнулся, там было тихо. Молодой человек отпрянул назад, напуганный собственным голосом – таким неузнаваемым и хриплым он ему показался в ту минуту. Франц не дождался ответа. Стояла мертвая тишина, тот особенный покой, который обычно, если говорить о звуках, указывает на смерть. Когда рядом с вами находится покойник или когда вас окружает зловещее спокойствие склепа, подобная тишина обретает таинственную силу, которая наполняет чувствительную душу невыразимым ужасом. В комнате Клауса было темно, и Франц поспешил распахнуть ставни.

Самуэль лежал в своей постели холодный, окоченевший, безжизненный. Увидев труп того, кто так беззаветно его любил, заменив ему отца, Франц пережил чрезвычайно сильное потрясение. Однако честолюбие артиста-фанатика взяло верх над простым человеческим отчаянием, и очень быстро притупило душевную боль. На столе, неподалеку от кровати, где покоился мертвый Клаус, на видном месте лежало письмо, на котором было выведено имя Франца. Дрожащей рукой скрипач вскрыл конверт и прочитал следующее:

"Мой нежно любимый сын Франц! Когда ты будешь читать это письмо, я уже принесу величайшую жертву, на которую твой лучший и единственный друг решился ради твоей славы. Перед тобой лежит бренное тело того, кто любил тебя больше всего на свете. От твоего старого учителя осталась лишь кучка холодного органического вещества. Надеюсь, мне не надо говорить, как тебе следует с ним поступить. Не бойся глупых предрассудков. Я пожертвовал своим телом во имя твоей будущей славы. И ты отплатишь мне самой черной неблагодарностью, если эта жертва окажется напрасной. Когда ты заменишь струны на своей скрипке, и в них будет часть моего существа, под твоим смычком скрипка обретет силу колдуна и запоет волшебным голосом инструмента Паганини. В ней будет звучать мой голос, мои вздохи и стоны, моя приветственная песня, мое безграничное и скорбное сострадание, моя любовь к тебе. А теперь, мой Франц, не бойся никого. Взяв свой инструмент, неотступно следуй за тем, кто наполнил нашу жизнь горечью и отчаянием!.. Выступай всюду, где доселе царил он, не зная себе равных, и смело бросай ему вызов. О Франц! Только тогда ты услышишь, с какой магической силой твоя скрипка будет исторгать глубокие звуки беззаветной любви. Быть может, в прощальном прикосновении к ее струнам ты вспомнишь, что они заключают в себе частицу праха твоего старого учителя, который обнимает и благословляет тебя в последний раз.

Самуэль".

Горючие слезы потекли из очей Франца, но они тут же высохли. В порыве страстной надежды и гордости будущего артиста-чародея, уставившись в мертвенно бледное лицо покойника, его глаза загорелись каким-то дьявольским блеском. Мы не в силах описать того, что последовало вслед за соблюдением юридических формальностей. Поскольку старый учитель предусмотрительно оставил еще одно письмо, адресованное властям, в протоколе записали: "самоубийство по непонятным причинам", после чего следователь и полицейские удалились, оставив осиротевшего наследника наедине с бренным телом, в котором еще недавно горел огонь жизни.

Прошло около двух недель с этого дня, прежде чем со скрипки смахнули пыль и натянули на ней четыре новые струны. Франц боялся даже взглянуть на них. Он попробовал что-то сыграть, но смычок задрожал, словно кинжал в руке у новоиспеченного разбойника. И тогда он решил не прикасаться к скрипке до тех пор, пока ему не представится случай вступить в состязание с Паганини и, может быть, даже его превзойти.

Тем временем знаменитый скрипач, покинув Париж, давал концерты в Бельгии, в одном старом фламандском городе.

V

Однажды вечером, когда Паганини сидел в ресторане гостиницы, где он остановился, окруженный толпой своих почитателей, молодой человек с пристальным взглядом вручил ему визитную карточку, на которой карандашом было написано несколько слов.

Устремив на незваного гостя свой взор, выдержать который могли немногие, он встретился с таким же спокойным и решительным взглядом, как и его собственный, и, едва заметно кивнув, сухо произнес: "Как вам угодно, сэр. Назначьте вечер, я к вашим услугам".

На другое утро горожане с удивлением увидели, что на каждом углу расклеены объявления такого содержания:

"Вечером такого-то числа в помещении такого-то театра перед публикой впервые выступит Франц Стенио, который приехал специально для того, чтобы бросить вызов всемирно известному Паганини и провести с ним дуэль на скрипках. Он намерен посостязаться с великим "виртуозом" в исполнении самого сложного из его сочинений. Франц Стенио сыграет "Каприз-фантазию" Паганини, имеющую также другое название – "Ведьмы". Великий музыкант принял вызов.

Афиши произвели на всех поистине магическое впечатление, Паганини, который среди своих громких триумфов никогда не упускал из виду материальных выгод, удвоил входную плату, однако, несмотря на это, театр не мог вместить всех, кому удалось достать билеты на этот незабываемый концерт.

Наконец наступил день концерта; "дуэль" была у всех на устах. Накануне Франц Стенио провел бессонную ночь, прохаживаясь взад и вперед по комнате, словно тигр в клетке, но под утро рухнул на кровать в полном изнеможении. Постепенно он погрузился в какое-то тяжелое забытье. Очнулся он, когда за окном забрезжил хмурый зимний рассвет, но, увидев, что еще слишком рано, Франц снова задремал. На этот раз ему приснился сон, настолько яркий и правдоподобный, что Франц, пораженный его жутким реализмом, пришел к выводу, что это было скорее видение, нежели сон.

Он оставил скрипку на столе рядом с кроватью. Инструмент был заперт в футляре, ключ от которого он всегда носил с собой. С тех пор как Франц натянул на скрипке эти ужасные струны, он ни разу на нее не взглянул. И согласно своему решению, после той первой попытки он так и не коснулся смычком человеческих струн и с тех пор упражнялся на другом инструменте. Но теперь, во сне, он увидел себя смотрящим на закрытый футляр. Что-то в нем привлекло к себе внимание Франца, и он понял, что не в силах отвести от футляра взгляда. Вдруг крышка стала медленно подниматься, и в образовавшейся щели Франц разглядел два светящихся зеленых глаза, очень ему знакомых, они глядели на него нежно, почти умоляюще. Затем раздался тонкий, хриплый голос, который словно исходил от этих призрачных глаз. То были глаза и голос Самуэля Клауса. И Стенио услышал: "Франц, любимый мой мальчик... Франц, мне никак не удается освободиться от ... них!" И "они" жалобно зазвенели в футляре. Франц потерял дар речи, охваченный ужасом. Кровь застыла в

его жилах, и волосы зашевелились у него на голове. "Это всего лишь сон, нелепый сон!" – успокаивал он себя.

"Я как мог пытался, мой милый Францхен... Я пытался отделиться от этих проклятых струн, да так, чтобы не оборвать их ..." Знакомый хриплый голос взмолился: "Помоги мне!" И опять из футляра донесся звон, еще более протяжный и скорбный; он расходился от стола во всех направлениях, повинуясь какой-то внутренней энергии, и напоминал живое существо; однако с каждым натяжением струны звуки становились все более резкими и отрывистыми. Стенио не в первый раз слышал эти звуки, которые часто доносились до него после того, как он использовал внутренности старого учителя в своих честолюбивых целях. Но всякий раз ощущение леденящего ужаса не позволяло ему доискиваться до причин, их вызывавших, и он старался убедить себя в том, что это были всего лишь галлюцинации.

Но сейчас трудно было отмахнуться от этого явления, происходившего то ли во сне, то ли наяву, да это было и не так уж важно, поскольку галлюцинация – если речь все же шла о ней – была гораздо более реальной и яркой, чем действительность. Франц хотел что-то сказать, подойти поближе, но, как это часто бывает в кошмарных снах, не мог ни выдавить из себя хотя бы слово, ни пошевелить пальцем.

Удары и толчки становились все сильнее, и, наконец, что-то внутри футляра разорвалось с оглушительным звуком. Видение скрипки Страдивари, лишившейся своих волшебных струн, вспыхнуло перед его глазами, и Франца бросило в холодный пот. Он предпринял нечеловеческие усилия, чтобы освободиться от сковавшего его ужасного видения. И когда невидимый дух умоляюще прошептал: "О, помоги мне освободиться от...", Франц одним прыжком подскочил к футляру, словно разъяренный тигр, защищающий свою добычу, и судорожным усилием рассеял чары. "Оставь скрипку в покое, старый демон!" – закричал он хриплым дрожащим голосом.

С яростью захлопнув приподнявшуюся крышку и придавив ее левой рукой, он схватил со стола кусочек канифоли и начертил на обтянутой кожей поверхности шестиконечную звезду – знак, которым царь Соломон загонял злых духов обратно в их темницы.

Из футляра донесся вопль, подобный вою волчицы, оплакивающей своих малышей. "Ты неблагодарен, о, как ты неблагодарен, мой Франц! – простонал рыдающий голос духа. – Но я прощаю... ибо по-прежнему люблю тебя. Ты больше не сможешь держать меня здесь... мальчик. Смотри же!" И тут футляр и стол окутал серый туман; поднимаясь вверх, он поначалу принимал какие-то неясные очертания. Затем облако стало разрастаться, и Франц почувствовал, как его обвивают холодные влажные кольца, такие же скользкие, как тело змеи. Он вскрикнул и... проснулся; но оказалось, что Франц лежит не на постели, а возле стола, как это ему приснилось, и отчаянно сжимает обеими руками футляр скрипки. "Впрочем, это был сон..." – пробормотал он, еще ощущая страх, но уже освободившись от тяжести на сердце.

С большим трудом взяв себя в руки, он отпер футляр, чтобы осмотреть скрипку. Она была в прекрасном состоянии и только покрылась слоем пыли. Франц вдруг почувствовал себя, как никогда прежде, хладнокровным и решительным. Вытерев пыль с инструмента, он тщательно натер смычок канифолью, подтянул и настроил струны. Он даже попробовал сыграть начало "Ведьм", сначала робко, а потом все более уверенно и смело водя смычком по струнам.

Звучание этой громкой одинокой мелодии – вызывающей, словно звук военной трубы завоевателя, нежной и величавой, напоминающей игру ангела на его золотой арфе, – вызвало в душе Франца трепет. Ему открылись возможности, о которых он доселе не подозревал: смычок, порхавший по струнам, извлекал мелодию, поражавшую богатством интонаций, которые музыкант никогда раньше не слышал. Начиная с непрерывного легато, смычок пел ему о солнечной надежде и красоте, о прекрасных лунных ночах, когда каждая былинка, все живое и неживое окутывает нежная благоухающая тишина. Через несколько мгновений это был уже поток музыки, красота которой была способна "облегчить страдания" и даже укротить безжалостных злых духов, присутствие коих весьма отчетливо ощущалось в этом скромном гостиничном номере. И вдруг торжественная песнь легато, вопреки всем законам гармонии, затрепетав, переросла в арпеджио и завершилась резким стаккато, похожим на смех гиены. То же ощущение сковывающего ужаса вновь овладело Францем, и он отбросил

смычок в сторону. Музыкант услышал знакомый хохот, вынести который ему уже было не под силу. Одевшись, он осторожно положил заколдованную скрипку в футляр, запер его и вышел в гостиную, решив спокойно дождаться предстоящего испытания.

VI

Роковой час схватки наступил. Стенио стоял на своем месте спокойный, уверенный, едва ли не с улыбкой на лице. Театр был набит до отказа, зрители теснились даже в проходах. Весть о необычном состязании достигла каждого квартала, до которого ее смогли донести почтальоны, и деньги потоком посыпались в бездонные карманы Паганини, причем в таком количестве, которое могло удовлетворить даже его ненасытную и корыстолюбивую душу. Было условлено, что первым начнет Паганини. Когда он вышел на подмостки, толстые стены театра вздрогнули до самого основания от бури аплодисментов. Он целиком исполнил свое знаменитое сочинение "Ведьмы", вызвав овацию. Восторженные крики публики не умолкали так долго, что Франц уже начал думать, что его черед никогда не настанет. Когда же, наконец, Паганини под гром аплодисментов обезумевших от восторга зрителей направился за кулисы; посмотрев на Стенио, настраивающего свою Скрипку, он был поражен невозмутимым спокойствием и уверенным видом неизвестного немецкого музыканта. Когда Франц приблизился к рампе, его встретило ледяное молчание. Но он нисколько не был смущен этим обстоятельством. Франц был очень бледен, но на его тонких побелевших губах застыла язвительная улыбка, которая была ответом безмолвному недоброжелательству публики. Он был уверен в своей победе.

При первых звуках прелюдии "Ведьм" по залу прокатилась волна удивления. Это была манера Паганини, но и нечто большее. Многие зрители – а их было большинство – сочли, что никогда, даже в минуты наивысшего вдохновения, итальянский музыкант не исполнял свое сатанинское сочинение с такой необыкновенной дьявольской силой. Под гибкими сильными пальцами Стенио струны трепетали, точно внутренности выпотрошенной жертвы под скальпелем вивисекциониста. Они издавали мелодичный стон, напоминающий стон умирающего ребенка. Взгляд огромных синих глаз музыканта, устремленный на резонатор скрипки, казалось, вызывал самого Орфея из ада, а не звуки, которые должны были зарождаться в глубинах скрипки. Можно было подумать, что звуки обретают зримые очертания, превращаясь в существа, вызванные к жизни могущественным волшебником, и кружатся вокруг него, подобно сонму фантастических инфернальных видений, в дикой козлиной пляске. В темной пустующей глубине сцены за спиной исполнителя разворачивалась непередаваемая словами фантасмагория. Неземные трепещущие звуки, казалось, создавали картины бесстыдных оргий и чувственных гимнов, которым предаются ведьмы на шабаше... Публикой овладела коллективная галлюцинация. Ловя ртом воздух, покрытые холодным потом и мертвенно-бледные, зрители застыли в неподвижности, не в силах пошевелиться, чтобы рассеять чары музыки. Все они предавались тайным и расслабляющим удовольствиям магометанского рая, которыми наслаждается в своем расстроенном воображении мусульманин, потребляющий опиум, и в то же время ощущали жалкий страх, знакомый человеку, борющемуся с приступом белой горячки... Одни дамы визжали, другие падали в обморок, а крепкие на вид мужчины скрежетали зубами в состоянии полной беспомощности... Однако затем настало время финала. Непрекращающийся гром аплодисментов отсрочил его исполнение, затянув короткую паузу почти на четверть часа. Крики "браво" были неистовыми, едва ли не истерическими. Наконец, когда Стенио, чья улыбка была столь же сардонической, сколь и триумфальной, в последний раз низко поклонившись публике, поднял смычок, чтобы приступить к знаменитому финалу, взгляд его упал на Паганини, который с невозмутимым видом сидел в директорской ложе и был безучастен к неистовым овациям. Взор маленьких и проницательных черных глаз генуэзского музыканта был прикован к скрипке Страдивари, которую Франц держал в руках, в остальном же Паганини выглядел спокойным и

равнодушным. На какое-то мгновение лицо соперника встревожило Стенио, но к нему тут же вернулось самообладание, и, взмахнув смычком, он сыграл первую ноту.

Восторг зрителей достиг своей кульминации, теперь уже они действительно все видели и слышали. Голоса ведьм раздавались в зале, но их перекрывал один голос -

Нестройный, как бы неземной:
В нем лай собак и волка вой,
Совы полночной скорбный крик,
Шипенье змей и тигра рык,
И ветра стон во тьме лесов,
И гром средь рваных облаков,
И грохот волн, что бьются в брег,-
Все в нем слилось...

Волшебный смычок извлекал последние трепетные звуки, требующие необыкновенного мастерства и передающие стремительный полет ведьм, которые спешат скрыться, прежде чем вспыхнет рассвет, после своих ночных сатурналий. Но вдруг на сцене произошло нечто странное. Без всякого перехода мелодия резко изменилась. Звуки смешались, стали несогласованными, бессвязными... А потом из резонатора скрипки вдруг послышался писклявый и резкий, как у ярмарочного Петрушки, взвизгивающий старческий голос: "Франц, мальчик мой, ты доволен?.. Не правда ли, я сдержал свое обещание, а?" Колдовские чары рассеялись. И хотя нельзя было понять, что же все-таки происходит, те, кто услышал голос и интонации Петрушки, как по волшебству, освободились от оцепенения, в котором до сих пор пребывали. Теперь изо всех уголков просторного театра доносились взрывы хохота, издевательские реплики, наполовину рассерженные, наполовину раздраженные. Музыканты оркестра, чьи лица еще сохраняли бледность после пережитого непонятного волнения, теперь тряслись от смеха. Все зрители до единого поднялись со своих мест, пытаясь разрешить эту загадку. Однако они чувствовали слишком большое отвращение к произошедшему и слишком были расположены к смеху, что бы оставаться и дальше в этом зале. Вдруг море движущихся голов в партере и яме для оркестра опять застыло в неподвижности, точно пораженное молнией. То, что все увидели, было ужасно: красивое, хотя и безумное лицо молодого музыканта внезапно постарело, и его стройная прямая фигура сгорбилась, словно под бременем лет; но это было ничто в сравнении с тем, что удалось разглядеть наиболее впечатлительным натурам. Фигуру Франца Стенио теперь полностью заволокла похожая на облако полупрозрачная дымка, которая змеилась и все теснее обступала его, как бы готовясь окончательно поглотить музыканта. В этом зловещем высоком столбе дыма кое-кто распознал четко обозначившуюся нелепую фигуру ухмыляющегося, отвратительного на вид старика с распоротым животом, из которого вывалились кишки, тянувшиеся к скрипке. И тогда в этой туманной зыбкой пелене показался скрипач, яростно водивший смычком по человеческим струнам. Своим перекошенным лицом он напоминал одержимых бесом, какими их изображали в средневековых соборах.

Неописуемая паника охватила зрителей и, в последний раз рассеяв чары, которые опять сковали людей, они, как сумасшедшие, ринулись к выходу. Это было похоже на прорвавшуюся плотину. Людской поток издавал нечленораздельные звуки, ревел, взвизгивал, протяжно и жалобно стонал. И в этой безумной какофонии оглушительно, точно кто-то стрелял из пистолета, одна за другой лопнули струны заколдованной скрипки.

Когда зал покинули последние зрители, перепуганный директор бросился на сцену в поисках незадачливого музыканта. Мертвый и уже окоченевший, он лежал за рампой, скорчившись в неестественной позе. Его шею обвили "кишечные струны", а сама скрипка разлетелась на мелкие кусочки...

Когда стало известно, что так называемый соперник Никколо Паганини не оставил ни гроша, генуэзец, вопреки своей вошедшей в поговорку скупости, оплатил его гостиничный счет и на свои деньги похоронил несчастного Франца Стенио.

Однако за это он попросил отдать ему обломки скрипки Страдивари, на память о том необыкновенном событии.

Приложение 2

МОИ КНИГИ

Некоторое время тому назад один теософ, м-р R***, путешествовал поездом с американским господином, который поделился с ним изумлением от своего посещения наших лондонских центров. Он рассказал, как просил мадам Блаватскую посоветовать ему лучшие теософские работы и заявил ей о своем намерении достать "Разоблаченную Изиду", на что, к его удивлению, она ответила: "Не читайте ее, это все вздор".

Насколько я помню, я не говорила "вздор"; но, по сути, я сказала вот что: "Оставьте ее, "Изида" не понравится вам. Изо всех книг под моим именем именно эта худшая и наиболее неудачная в литературном смысле". С той же искренностью я могла бы добавить, что в "Изиде", тщательно проанализированной со строгой литературной и критической точки зрения, открывается множество опечаток и неверных цитат; что она содержит бесполезные повторы, крайне раздражающие отступления от темы, а для случайного читателя, незнакомого с различными аспектами метафизических идей и символов, столь же много явных противоречий; что значительной части материала не должно было быть там вовсе; и также, что там были некоторые очень серьезные ошибки из-за многочисленных изменений в основном при чтении корректуры, и в частности из-за исправления слов. И наконец, что работа по причинам, которые сейчас будут разъяснены, не имеет в себе системы; как заметил один мой друг, она выглядит, по сути, как некая масса независимых параграфов, не имеющих между собой связи, хорошо перетряхнутая в корзине для бумаг, затем вынутая наугад и – опубликованная.

Таково и теперь мое искреннее мнение. Когда я впервые после публикации 1877 года перечитала в Индии в 1881 году всю работу от начала до конца, ко мне пришло полное осознание этой печальной истины. С тех пор и до настоящего времени я всегда говорила то, что я думала о книге, и когда бы ни предоставлялась возможность, я высказывала свое откровенное мнение об "Изиде". Делалось это к ужасу тех, кто предупреждал меня о том, что я ухудшаю ее продажу. Но так как в писании моей главной целью была не слава и не выгода, но нечто гораздо более высокое, я не обращала внимания на такие предупреждения. Этот неудачный "шедевр", эта "монументальная работа", как называют книгу некоторые обозреватели, с ее ужасными превращениями одного слова в другое, полностью менявшими смысл[128], с ее опечатками и неверными цитатами свыше десяти лет доставляет мне больше волнений и хлопот, нежели что-либо еще за всю мою долгую жизнь, в которой всегда было больше шипов, чем роз.

Но, несмотря на эти огромные упущения, я утверждаю, что "Разоблаченная Изида" содержит массу новой и до настоящего времени неизвестной информации по оккультным вопросам. То, что это так, доказывается тем, что всеми, кто достаточно умен, чтобы выделить ключевое, не обратив внимания на второстепенное, отдать предпочтение идее, а не форме, не придавая значения ее досадным недостаткам, работа была полностью оценена. Приписывая себе – и как я покажу, за других – все внешние огрехи, чисто литературные дефекты работы, я без страха стать тщеславной отстаиваю ее идеи и учения, ибо как я всегда заявляла, ни идеи, ни учения не являются моими; и утверждаю, что они представляют огромную ценность для мистиков и тех, кто изучает теософию. Также верно, что когда "Изида" была впервые опубликована, многие лучшие американские газеты расточали ей похвалы – вплоть до преувеличения, как явствует из цитат ниже:

---

[128] Например, слово "планета" вместо оригинально написанного "цикл", исправленное чьей-то неизвестной рукой (том 1, стр.347, 2-ой абзац); это "исправление" так представляет учение Будды, будто нет перерождений на планете (!!), в то время как на стр. 346 утверждается обратное и говорится, что Господь Будда учит, как "избежать" реинкарнации; также использование слова "планета" вместо слова "план", "Монады" вместо "Манаса"; смысл целых идей приносится в жертву грамматической форме, он меняется из-за подстановки неправильных слов и неверной пунктуации и т.д., и т.д., и т.д.

"Это монументальная работа... обо всем, имеющем отношение к магии, таинствам, колдовству, религии, спиритуализму, которая незаменима для энциклопедии". – North American Review.

"Следует признать, что это замечательная женщина, читавшая больше, видевшая больше и думавшая больше, чем большинство ученых мужей. Ее работа изобилует цитатами с дюжины различных языков не для пустого хвастовства эрудицией, а для подтверждения собственных взглядов... ее страницы украшены сносками, опирающимися, как и ее источники, на мудрейших писателей прошлого. Для большого числа читателей эта замечательная работа представляет огромный интерес... она требует к себе серьезного внимания мыслителей и заслуживает аналитического чтения". – Boston Evening Transcript.

"Эрудиция ошеломляет. Множество ссылок и цитат из самых неизвестных и непонятных авторов на всех языках чередуются с упоминаниями писателей высочайшей репутации, о которых не скажешь, что их коснулись поверхностно". – N. Y. Independent.

"Крайне читабельное и захватывающее эссе о первостепенной важности возвращения герметической философии в мир, который слепо полагает, что он ее перерос". – N. Y. World.

"Лучшая книга сезона". – Com. Advertiser.

"Для читателей, которые никогда не были знакомы с литературой по мистицизму и алхимии, эта книга предоставит материал для захватывающего изучения – источник любопытной информации". – Evening Post.

"Они свидетельствуют о большой и разнообразной исследовательской работе автора и содержат огромное количество интересных рассказов. Тот, кто любит чудеса, не найдет недостатка в них в этой книге". – New York Sun.

"Удивительная книга, как по теме, так и по подходу. Некоторое соображение может быть высказано о редкости и объемности ее содержания – ведь один комментарий составляет пятьдесят страниц – и мы не преувеличим, если скажем, что такой комментарий фактов никем еще раньше не предпринимался... Но книга любопытна тем, что она содержит в себе уникальный материал, и без сомнения ее с радостью примут библиотеки... Она, разумеется, будет интересна всем, кто увлекается историей, теологией и тайнами древнего мира". – Daily Graphic.

"Настоящая работа есть результат необычайного образования, и подкрепляет ее репутацию адепта тайных наук, в мистическом знании достигшего ранга иерофанта". – New York Tribune.

"Всякий, кто прочитает эту книгу внимательно, узнает все о необыкновенном и мистическом, исключая, возможно, только тайные символы. "Изида" будет дополнением к "Анакалипсису". Кто любит читать Годфри Хиггинса, тот получит удовольствие и от мадам Блаватской. Между их работами огромное сходство. Обе много говорят обо всем апокриптическом и апокалиптическом. Легко предсказать спрос на эту книгу. Необыкновенное своеобразие, смелость, многосторонность, удивительное разнообразие тем, охватываемых ею, делает эту работу одной из лучших книг столетия". – New York Herald.

Первыми врагами, которые ополчились на мою книгу, были спиритуалисты, чьи фундаментальные теории, будто духи умерших общаются в propria persona, я отвергаю. За последние пятнадцать лет – со времени первой публикации – на меня изливался непрерывный поток отвратительных обвинений. Любая клевета – от безнравственности и теории "русского шпиона" до вероломной деятельности, того, что я хронический мошенник и олицетворенная ложь, пропойца, агент Папы, купленный для того, чтобы разгромить спиритуализм, и воплощение Сатаны. Всяческое злословие, которое только можно было предположить, обрушивалось на мою личную и общественную жизнь. Ни то, что ни одно из этих обвинений не было подтверждено; ни то, что с первого января до тридцать первого декабря, год за годом, я жила, как в стеклянном доме, окруженная друзьями и недругами, – ничто не могло удержать эти злые, ядовитые и совершенно бессовестные языки. Моими вечно бодрствующими оппонентами в разное время заявлялось: 1) что "Разоблаченная Изида" это просто пересказ Элифаса Леви и некоторых старых алхимиков; 2) что она

написана мной под диктовку злых сил и духов умерших иезуитов (sic); и, наконец, 3) что оба моих тома составлены из рукописей (ранее неизвестных), оставленных после себя Бароном де Пальмом – знаменитым за свою кремацию и двойные похороны, и которые я нашла в его сундуке[129].

С другой стороны, мои друзья, сколь добрые столь же и неосмотрительные, немного подчеркнуто говорили о связи моей работы с моим Восточным Учителем и другими оккультистами, что действительно являлось правдой; это было подхвачено врагами и раздуто до неприличной лжи. Заявлялось, что вся "Изида" от корки до корки и слово в слово была продиктована мне невидимыми адептами. И так как недостатки моей книги были слишком очевидными, последствия всей этой пустой и злонамеренной болтовни были таковыми, что мои враги и критики заключили – столь проворно, как они это умели, – либо этих невидимых инспираторов не существует, и они лишь часть моего "обмана", либо им не хватает таланта даже среднего писателя.

За чужие высказывания никто ныне не вправе считать меня ответственной, я отвечаю лишь за то, что я утверждала вслух или в публикации за своей подписью. Итак, я заявляю следующее: что, исключая прямое цитирование и многие отмеченные выше и упомянутые опечатки, ошибки и неверное цитирование, а также общую верстку "Разоблаченной Изиды", автором которых я не являюсь, (а) каждая крупица знания, изложенная в этой или позднейших работах, исходит из учений наших Восточных Наставников; и (б) что многие отрывки в этих трудах были написаны под их диктовку. Я не утверждаю этим чего-то сверхъестественного, так как такая диктовка не представляет из себя чуда. Любой трезвомыслящий человек, знающий сегодня о многообразных возможностях гипнотизма (принятых и исследованных нынешней наукой) и о феномене передачи мысли, легко признает, что если гипнотизируемый субъект простой невменяемый медиум, слышит невысказанную мысль своего гипнотизера, который может таким образом передавать первому свою мысль, – чтобы быть способным даже повторять слова, ментально вычитываемые гипнотизером из книги, – то тогда мое заявление не содержит ничего невозможного. Для мысли не существует пространства и расстояния; и если два человека находятся в прекрасной взаимной психо-магнетической связи, и из этих двух один – великий адепт оккультных знаний, то передача мысли и диктовка целых страниц на расстоянии в десять тысяч миль становится столь же легкой и понятной, как и передача двух слов в комнате.

До сих пор я воздерживалась – кроме очень редких случаев – от реакции на любую критику моих работ и даже оставляла без опровержения прямую клевету и ложь, так как по отношению к "Изиде" я находила почти всякий род критики законным, а что касается "клеветы и лжи", то мое презрение к клеветникам было слишком велико, чтобы замечать их. Особым был случай с хулой, пришедшей из Америки. Все это исходило из одного и того же источника, хорошо известного всем теософам, – человека, наиболее неутомимо нападавшего на меня лично последние двенадцать лет[130], хотя этого создания я никогда не видела и не встречала. Не собираюсь я отвечать ему и сегодня. Но так как ныне "Изида" подвергается нападению уже, по крайней мере, в десятый раз, настало время, чтобы мои недоумевающие друзья и все те, кто симпатизирует теософии, узнали всю правду – и ничего кроме правды. Не то, чтобы я даже перед ними хотела просить извинения или "оправдываться". Я собираюсь просто предоставить факты, неопровержимые и не противоречащие друг другу, излагая своеобразные, хорошо известные многим, но теперь почти забытые обстоятельства написания моей первой английской работы. Я дам их по порядку.

---

[129]После этого австрийского дворянина, который проживал в Нью-Йорке в полной нищете, и которому полковник Олькотт предоставил кров и пищу, ухаживая за ним в последние недели его жизни, не осталось ничего, кроме счетов. Единственной собственностью барона был старый чемодан, в котором его "душеприказчик" нашел оббитого бронзового купидона, несколько иностранных орденов (проданные как золотые и алмазные подделки из фальшивых драгоценностей и клея) и несколько рубашек полковника Олькотта, которые экс-дипломат позаимствовал без разрешения.

[130] Я не стану называть его имени. Есть имена, которые несут в себе моральную нечистоту и не могут появиться в любом приличном журнале или публикации. Его слова и дела исходят из cloaca maxima материальной вселенной и должны вернуться туда, не касаясь меня.

(1)Когда я приехала в Америку в 1873 году, я не говорила по-английски – в детстве я училась разговорному – более тридцати лет. Я понимала, что я читаю, но едва могла говорить на языке.

(2)Я никогда не получала образования ни в каких колледжах, и всему, что я знала, я научилась сама; я никогда не претендовала на ученость современных исследователей; тогда я с трудом читала какие бы то ни было европейские научные работы и мало знала о западной философии и науке. То немногое, что я изучила и узнала из этого, внушило мне отвращение своим материализмом, своей ограниченностью, узким банальным духом догматизма и своей атмосферой превосходства над философией и наукой древности.

(3)До 1874 г. я не написала ни слова по-английски и не опубликовала ни одной работы ни на каком языке. Следовательно,

(4)Я не имела ни малейшего представления о литературных законах. Искусство написания книг, их подготовка к печати и публикации, чтение и правка гранок являлись для меня неведомыми секретами.

(5)Когда я начала писать то, что позже вылилось в "Разоблаченную Изиду", у меня было не больше представления, что получится из этого, чем у тщеславного невежды. У меня не было плана; я не знала, будет ли это книгой, эссе, памфлетом или статьей. Я знала только, что я должна написать ее, и все. Я начала работу еще до того, как близко познакомилась с полковником Олькоттом, и за несколько месяцев до образования Теософского общества.

Итак, как поймет каждый, условия для создания английской теософской и научной работы были вполне многообещающими. Тем не менее, мне удалось написать на четыре таких тома, как "Изида", прежде чем представить свою работу полковнику Олькотту. Разумеется, он сказал, что все – за исключением продиктованных страниц – следует исправить. С тех пор мы принялись за наши литературные труды и работали вместе каждый вечер. В некоторых страницах он правил английский, и их я переписывала; те, которые не поддавались никакой беспощадной корректуре, он обычно надиктовывал прямо с текста, англизируя словесно мои практически неразборчивые рукописи. Именно ему я обязана английским в "Изиде". Он же предложил разделить работу на две части, первый том посвятить НАУКЕ, а второй – ТЕОЛОГИИ. Для этого нужно было пересмотреть весь предмет и многие его части; необходимо было исключить повторения и улучшить литературные связи между элементами. Когда работа была готова, мы показали ее профессору Александру Уайлдеру, известному ученому и платонисту Нью-Йорка, который, прочитав труд, рекомендовал его для публикации м-ру Бартону. Вслед за полковником Олькоттом профессор Уайлдер оказал мне неоценимую помощь. Именно он составил превосходный комментарий, исправил греческие, латинские и еврейские слова, предложил цитаты и написал большую часть введения "Перед Завесой". То, что это не было указано в книге, вина не моя, но твердое желание д-ра Уайлдера, чтобы его имя не фигурировало нигде, кроме сносок. Я никогда не делала тайны из этого, и об этом знал любой из моих многочисленных знакомых в Нью-Йорке. Итак, подготовленная, книга пошла в печать.

С этого момента и начались настоящие трудности. Я не имела ни малейшего представления о правке гранок. Заниматься этим полковнику Олькотту не позволяло время; поэтому я с самого начала все перепутала. Счет в шестьсот долларов за правку и переделку пришел, когда мы еще не закончили и трех частей, и мне пришлось бросить корректуру. Под давлением издателя полковник Олькотт делал все от него зависящее, но у него не было другого времени, кроме вечеров, д-р Уайлдер находился далеко в Джерси-Сити, в результате, гранки и страницы "Изиды" прошли через множество энергичных, но неаккуратных рук, и в конце концов были отданы на милость издательского корректора. Стоит ли удивляться после этого, что в напечатанных томах "Вайвасвата" (Ману) превратилась в "Вишмавитру", что тридцать шесть страниц комментария были непоправимо потеряны, а кавычки поставлены без всякого смысла (даже в некоторых моих собственных предложениях!) и пропущены во многих отрывках, цитированных из других авторов?

На вопрос, почему эти фатальные ошибки не были исправлены в последующем издании, мой ответ будет прост: гранки были стереотипными; и несмотря на все мое желание что-то изменить, я ничего не могла сделать, так как гранки являлись собственностью

издателя; у меня не было денег оплачивать расходы, а фирму, в конце концов, устраивало оставить все как есть, ибо работа, – ждущая уже своего седьмого или восьмого издания – несмотря на ее явные недостатки, все еще пользуется спросом.

И сегодня – и возможно вследствие всего этого – возводится новое обвинение: в тотальном плагиате вводной части "Перед Завесой"!

Хорошо, если я совершила плагиат, то я не почувствую ни малейших колебаний, чтобы признать и "заимствования". Но, напротив, у меня нет никакого желания признавать "параллельные места", так как у меня их не было; пусть даже "передача мыслей", как метко замечает "Pail Mall Gazette", и в моде и в почете. С тех пор, как американская пресса подняла вой против Лонгфелло, который, заимствовав из какого-то (тогда неизвестного) немецкого перевода финского эпоса Калевалы, опубликовав ее как собственную величественную поэму "Песнь о Гайавате" и забыл указать ее источник, континентальная печать неоднократно высказывала и другие подобного рода обвинения. Нынешний год особенно богат на такие "передачи мысли". Здесь и Мэр Лондона, повторяющий слово в слово старую забытую проповедь м-ра Спургсона и клянущийся, что никогда не читал и не слышал о ней. Революционер Роберт Брадло пишет книгу, и "Pail Mall Gazette" тут же опровергает ее как буквальную копию чьей-то чужой работы. У м-ра Гарри де Виндта, путешественника по Востоку, в его только что вышедшей в лондонской книге "Путешествие в Индию через Персию и Пакистан" F.R.G.S. в придачу находит параллельные страницы со "Страной Пакистан" А. В. Хьюга, идентичные verbatim et literatim. Миссис Парр отрицает в "British Weekly", что ее роман "Сэлли" сознательно или бессознательно заимствован из "Сэлли" мисс Уилкинс, и утверждает, что она не читала вышеупомянутой книги и не слышала имени ее автора и т.д. Наконец, всякий, кто читал "Жизнь Иисуса" Ренана, найдет, что автор по предвидению совершил плагиат некоторых описательных эпизодов из плавных стихов "Света Мира". Также даже сэр Эдвин Арнольд, многообразному и признанному таланту которого не требуется чужого воображения, забыл поблагодарить французских академиков за свои картины горы Табор и Галилеи в прозе, которые он так элегантно переложил на стихи в своей последней поэме. Впрочем, в этой фазе нашей цивилизации и fin de siecle, можно почитать за счастье войти в такую замечательную и многочисленную компанию как – плагиатор. Просто я не могу претендовать на такую привилегию, ибо, как я уже сказала, – изо всей вводной части "Перед Завесой" я заявляю как о своих только, об определенных отрывках из глоссария, прилагаемого к ней, в разделе платонизма, который ныне преподносится как "бесстыдный плагиат", написанный профессором А. Уайлдером.

Этого джентльмена, ныне живущего в Нью-Йорке или недалеко от него, могут спросить, истинно мое утверждение или нет. Он слишком благороден и учен, чтобы чего-то бояться и поэтому отрицать. Он настаивал на том, чтобы к введению присоединить своего рода глоссарий, объясняющий греческие и санскритские названия и слова, которыми изобилует работа, а также помог в этом. Я попросила его написать краткую статью о платоновских философах, которую он любезно предоставил. Таким образом, со стр. 11 по стр. 22 текст его, за исключением некоторых вставок, прерывающих рассказ о платоновских философах до того, чтобы показать идентичность их идей с идеями Индуистских Священных книг. Сегодня, кто знающий д-ра А. Уайлдера лично либо его имя, кто отдает себе полный отчет в огромной эрудиции этого выдающегося платониста, редактора многочисленных научных трудов[131], станет столь безрассуден, чтобы обвинять его в "плагиате" чужих работ! В сносках я даю названия нескольких платоноведческих и других работ под его редакцией. Обвинения оказываются просто абсурдными!

Дело в том, что д-р Уайлдер, должно быть, либо забывал поставить кавычки перед и после отрывков, выписываемых им в свою статью у разных авторов, либо из-за своего очень

---

[131] А. Уайлдер, М. Д., редактор "Культа Змия и Шивы" Гайда Кларка и К. Станиланд Вэйка; "Древнего искусства и мифологии" Ричарда Рэйна Найта, к которому редактор написал Вступление, перевел на английский Замечания и добавил новый и полный Комментарий; "Древнего культа символов" Годдера М. Вестроппа и К. Станиланд Вэйк, со вступлением, дополнительными замечаниями и приложением редактора; и наконец, "Элевсианских и вакхических мистерий"; "Диссертация" Томаса Тэйлора, переводчика Платона, Плотина, Порфирия, Ямвлиха, Прокла, Аристотеля и др., с введением, замечаниями, изменениями и глоссарием, под редакцией Александра Уайлдера М. Д.; а также автор различных ученых работ, памфлетов и статей, которые мы не имеем места указать здесь. Он также редактор "Olde Academy", ежеквартального нью-йоркского журнала, и переводчик "Мистерий".

неразборчивого почерка забывал отмечать их с достаточной тщательностью. Невозможно по прошествии почти пятнадцати лет вспомнить и проверить все факты. До сегодняшнего дня мне представлялось, что это исследование платоников было его собственным, и более ничьим. Но ныне враги выискали отрывки без кавычек и объявили д-ра Уайлдера, пожалуй, еще крикливее, чем автора "Разоблаченной Изиды", плагиатором и мошенником. Возможно, найдут и большее, коли эта моя работа неисчерпаема по части неверного цитирования, опечаток и ошибок, за которые я не могу признать себя "виновной" в общепринятом смысле. Однако, пусть клеветники злословят и далее, только и в следующие пятнадцать лет, как и в прошедшие, они увидят, что, что бы они ни делали, они не в силах ни сокрушить теософии, ни причинить мне вреда. У меня нет авторского тщеславия; и годы несправедливых гонений и оскорблений сделали меня совершенно равнодушной к тому, что публика может подумать обо мне лично.

Но ввиду вышеизложенных фактов, а также учитывая, что:

а) Язык в "Изиде" не мой, но (за исключением той части работы, которая, как я заявляю, была продиктована) может быть назван только какой-то разновидностью перевода моих данных и идей на английский;

б) Это написано не для широкой публики (что, однако, имеет для меня второстепенное значение), но для узкого круга теософов и членов Теософского общества, которым "Изида" и посвящена;

в) Несмотря на то, что я с тех пор изучила английский язык в достаточном объеме, прежде чем сотрудничать с двумя журналами ("Теософист" и "Люцифер"), в настоящее время я никогда не пишу статью, передовицу или даже просто короткую заметку без того, чтобы не подвергнуть свой английский язык окончательной проверке и исправлению.

Учитывая все это и многое другое, я ныне спрашиваю всех справедливых мужчин и женщин, заслуженно ли, и даже законно ли, критиковать, как работу урожденного американца или англичанина, мои труды – и прежде всего "Изиду"! То, что я утверждаю в них от своего имени, есть плод моего изучения и исследования области, до настоящего времени остававшейся незнакомой науке и почти неизвестной в европейском мире. Лавры и похвалы за английскую грамматику, за цитаты из научных работ, пригодившихся мне, чтобы отрывки из них использовать для сравнения или для опровержения старой науки и, наконец, за общую структуру томов, я с радостью уступаю всем, кто помогал мне. Даже в случае с "Тайной Доктриной" около полудюжины теософов работали над редактированием, помогая организовать материал, исправить несовершенный английский и подготовить книгу к печати. Но ни один из них, с первого до последнего, никогда не станет претендовать на фундаментальную доктрину, философские заключения и учения. Ничего этого я не изобрела, а только провозгласила, как была научена; или, цитируя в "Тайной Доктрине" Монтеня (Vol.1, p.46): "Я составил лишь букет из отборных (восточных) цветов и не привнес ничего от себя, кроме ниточки, связывающей их".

Сможет ли хоть кто-то из моих помощников сказать, что я не заплатила полной цены за ниточку?

27 апреля 1891 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ

Мы, нижеподписавшиеся члены Теософского общества (и члены внутренней группы Эзотерической секции), ручаясь своей честью и репутацией, настоящим заявляем:

Что мы подвергли всесторонней проверке все обвинения и нападки, предпринятые когда-либо против личности и bona fides Е. П. Блаватской, и, в подавляющем большинстве, нашли их совершенно не соответствующими действительности, а в некоторых случаях и сильнейшим искажением простых фактов.

Более того, учитывая все те обвинения в плагиате, отсутствии системы и ошибках, – которые выдвигаются ныне и которые могут быть выдвинуты в будущем в отношении ее

литературной работы, – для блага всех членов Теософского общества и для ознакомления остальных мы делаем следующее заявление:

По причине несовершенного знания Е. П. Блаватской английского языка и литературных приемов, ее работы постоянно исправлялись, переписывались и переделывались в рукописи, а их гранки, исправленные ближайшими "друзьями", были верны только до какой-то степени (некоторые из "друзей" иногда снабжали их ссылками, цитатами и советами). В результате, в них вкралось множество ошибок, пропусков, неточностей и т.д.

Однако, эти работы были опубликованы исключительно с намерением привлечь внимание Западного мира к определенным идеям, без всяких претензий с ее стороны на ученость или литературную завершённость. Для этого ей (часто без возможности проверки) пришлось привести множество цитат и ссылок, о подлинности и основательной изученности которых она никогда не утверждала.

В течение долгого и близкого знакомства с Е. П. Блаватской мы постоянно видели, что она работает не для себя, а на благо и просвещение Теософского общества и остальных, и первой откажется использовать в корыстных целях то, что другие могут считать ее "учением". Хотя из дальнейшего руководства мы знаем как факт, что Е. П. Блаватская – обладатель еще более глубокого "знания", чем даже то, которое она смогла изложить в своих опубликованных работах.

Из всех этих соображений логически следует, что никакие обвинения не могут даже поколебать наше доверие к личности и bona fides Е. П. Блаватской как учителя. Поэтому в будущем мы не намерены терять время на бесполезные опровержения или отрываться от нашей работы из-за всякого рода нападок, и готовы только повторить наше настоящее заявление.

Тем не менее, в случае необходимости мы оставляем за собой право обратиться к закону.

Джордж Мид;
В. Р. Олд;
Лаура М. Купер;
Эмилия Кислингбори;
Е. Т. Стерди;
Х. А. В. Корин;
Констанция Вахтмейстер;
Алиса Лейтон Кливер;
Клаудиа Ф. Райт;
Арчибальд Кетли;
Изабель Купер-Окли;
Анни Безант.

Приложение 3

Фонд памяти Елены Петровны Блаватской

В 1891 году все Секции Теософского общества приняли следующие решения:

1. Самой достойной и прочной памятью о жизни и работе Е. П. Б. будут такие труды и публикации, которые способствовали бы тесной связи между жизнью и мыслью Востока и Запада, чему Е. П. Б. посвятила свою жизнь.

2. Фонд Памяти Е. П. Б. будет организован с этой целью, и все те, кто чувствует благодарность и восхищение Е. П. Б. за её труды, влючая членов Т.О. и других лиц, искренне приглашаются помочь осуществлению этой цели в зависимости от своих возможностей.

3. Президент Теософского общества, вместе с Генеральными Секретарями всех секций этого Общества являются Комитетом Управления Фонда.

4. Президенты Лож каждой Секции организуют комитет для сбора и передачи необходимых средств Генеральному Секретарю своей Секции для поддержания Фонда.